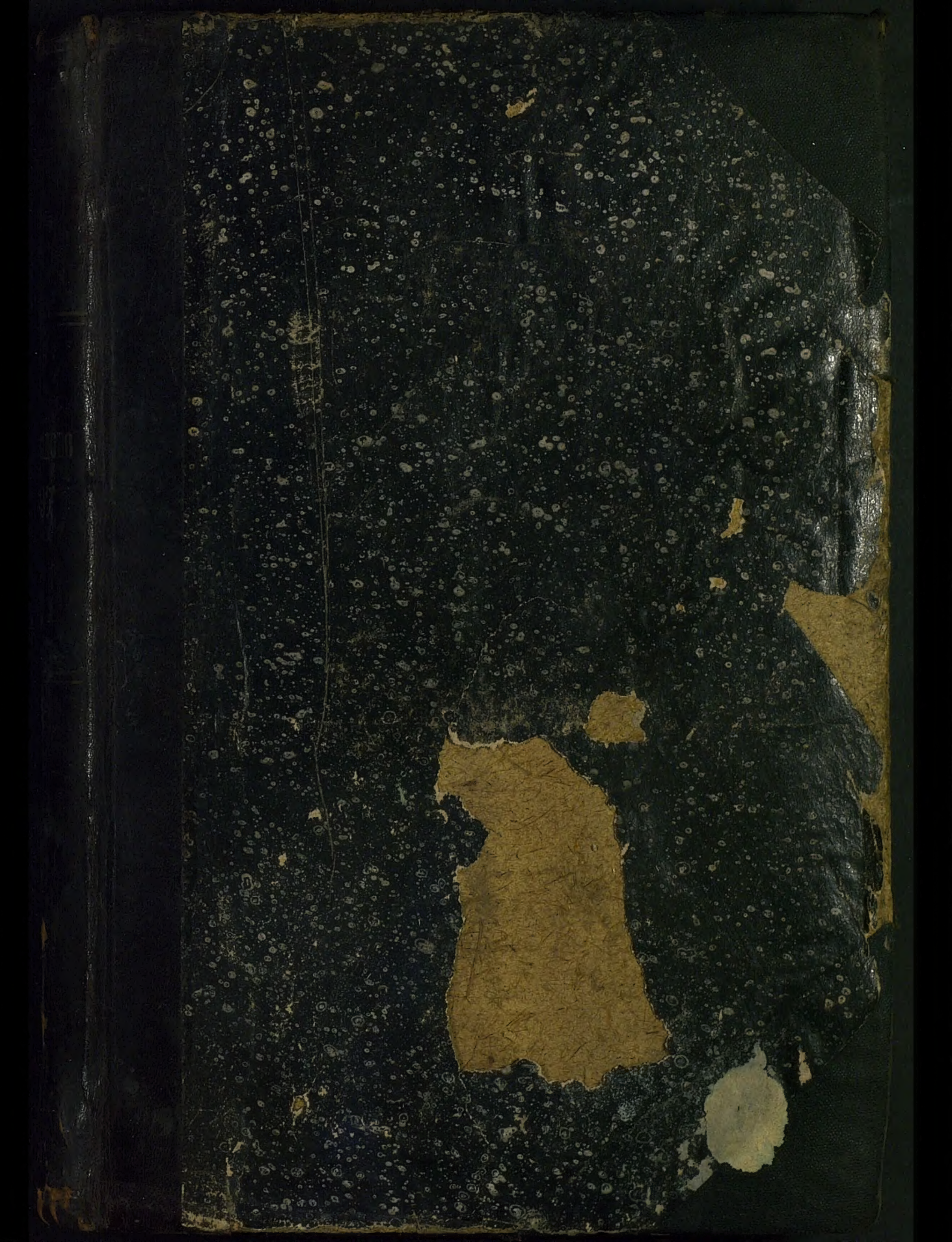

Новое Слово

журналъ

научно литературный
и
политическій

ГОДЪ II. КН. 8.

Май 1897.

В. Зейтель. Гр.

1897 г.—Май. № 8.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ГОРАХЪ. Эскизъ. В. Сѣрошевскаго. . . . . 1— 24
2. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. (Продолженіе). К. Т—на. . . . . 25— 60
3. ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА. Романъ. V—X. В. Свѣтлова. . . . 61— 94
4. ПРИНЦИПЪ ЭВОЛЮЦІИ. Эдмона Перье. (Переводъ съ французскаго). . . . . 95—102
5. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка) . . . . . 103—118
6. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXXV—XXXIX. К. Ельцовой. 119—153
7. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ И ОТНОШЕНІЙ ВЪ ГЕРМАНІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. (Продолженіе). С. Т. Р. . . . . 154—167
8. ИЗБАВЛЕНІЕ. Набросокъ. Маріана. . . . . 168—180
9. *** Стихотворенія. Мих. Г. . . . . 181—182
10. ЗАКОНЪ ПРИЧИННОСТИ И СВОБОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ. С. Булгакова. . . . . 183—199
11. ЕЩЕ О СВОБОДѢ И НЕОБХОДИМОСТИ. П. Струве. . . 200—208
12. ЯКОВЪ ПОСЛѢДНІЙ. Романъ изъ быта австрійскихъ крестьянъ. П. К. Розеггера. (Пер. съ нѣмецкаго). . . . . 209—240

13. РАЗВИВАЕТСЯ ЛИ КАПИТАЛИЗМЪ ВЪ РУССКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ? И. Гурвича. . . . . 1— 20
14. Н. И. НАУМОВЪ. Н. К. . . . . 21— 41
15. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. III. «Мужики» г. Чехова. Novus. . . 42— 51
16. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика.** В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и разсказы. II. **Публицистика.** В. С. Драгомірецкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. III. **Исторія и исторія культуры.** Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона.—I. Гонеггеръ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ нѣмецкаго М. Чепинской. IV. **Географія.** Викторъ Бартеневъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. (Очеркъ Обдорскаго края). V. **Политиче-**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЯ ИЗДАНІЯ О. Н. ПОПОВОЙ:

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Изданіе будетъ выходить серіями, по одной въ годъ, заключающими каждая 10 книжекъ по 8—12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати.

Цѣна каждой серіи 3 р., съ пересылкой—4 р. 50 к.*).

Продается въ конторѣ изданій. (Спб., Невскій пр., 54 «библіотека Черкесова») и въ книжн. маг. «Трудъ». (Москва, Тверская ул., д. Спиридонова).

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

№ 3.

ЧЕМБЕРСЪ, ДЖОРЖЪ.

ПОВѢСТЬ О ЗВѢЗДАХЪ.

Переводъ съ англійскаго **А. НИКОЛАЕВА.**

20 рисунковъ и 2 карты звѣзднаго неба. Спб. 1897. Цѣна (въ отдѣльной продажѣ) 40 коп. Учащимся 20% уступки.

№№ 4 и 5.

КАРЫШЕВЪ, Н.

Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ.

Спб. 1897 г. Ц. (въ отдѣльной продажѣ) 1 р. 20 к. Учащимися 20% уступки.

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ

„ВО МРАКѢ НОЧИ И ВО ЛЬДАХЪ“

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ НОРВЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КОРАБЛѢ «ФРАМЪ».

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслева, подъ редакціей Н. Березина. Изданіе будетъ выходить выпусками (до 15-ти), которые составятъ около 45 листовъ текста, съ приложеніемъ 2-хъ кортъ и около 200 рисунковъ. Подписная цѣна на все изданіе **3 р. безъ пересылки**; съ пересылкой **4 р. 50 к.** *). При перес. наложеннымъ платежемъ почта взимаетъ 10 к. за каждый нал. платежъ.

Вып. I—IV вышли изъ печати.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 52 библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб. Спасская, 15, редакція журнала «НОВОЕ СЛОВО») и Москва, книжный магазинъ «Трудъ», Тверская д. Спиридонова.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Складъ изданій у Н. П. Карбасникова (СПБ., Варшава, Москва).

---

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ Н. А. Собраніе сочиненій. Изд. 5-е, въ 4 том. съ портр. автора и біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ. Цѣна (безъ пересылки) 7 р.

Шелгуновъ, Н. Собраніе сочиненій. Изд. 2-е, дополн., въ 2-хъ т. Цѣна 3 р.

Шелгуновъ, Н. Очерки русской жизни. Спе. 1896 г. Цѣна 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. III. Іоаннъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Цѣна 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895 г. Цѣна 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. — Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. М. Морскіе силуэты. Спб. 1896 г. Цѣна 1 р.

Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Наумовъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2 т. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Бунинъ, Ив. „На край свѣта“ и др. разсказы. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Дарвинъ, Ч. Собраніе сочиненій. Общедоступн. изд. въ 2-хъ т. Полные переводы, провѣрен. по послѣдн. англ. изд. Съ рисунками. Ц. 4 р. 50 к. Т. I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Темирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова. — Происхожденіе видовъ. Нов. перев. проф. К. Тимирязева.—Т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ, перев. академ. А. О. Ковалевскаго.

Тэйлоръ, Эдуардъ Б. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. 2-е изд., испр. и доп. по 3-му англ. изд., (1891), подъ редакц. Д. А. Ковалевскаго, въ 2-хъ т. Спб. 1896—97 г. Ц. 4 р.

Реклю, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г. Вып. I (распроданъ, печатается 2-ое изданіе). Земля какъ планета.—Горы и равнины. Ц. 90 к.—Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к.—Вып. III. Подземныя силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы). Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к. Каждый выпускъ снабженъ многочисл. рис. и геогр. картами.

Реклю. Э. Земля и Люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія. Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ 76 рис., съ прилож. очерка государственнаго устройства и библіограф. указан. Спб. 1896 г. Цѣна 1 р. Вып. II-й. Бельгія и Голландія. Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ приложеніемъ очерка госуд. устройства обоихъ государствъ и статистич. свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, состав. Д. Протопоповымъ, и библіограф. указателемъ. 67 рисунковъ и 8 чертежей. 1897. Ц. 1 р.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Ли, Іонасъ. Ніобея. Романъ. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Для юношества:

Гольмсъ, Ф. М. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Пер. съ англійскаго, съ приложеніемъ историч. очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, пароходства и сооруженія мостовъ и туннелей въ Россіи, составленнаго П. Красновымъ. 77 рисунковъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

Гемфри Уордъ. Давидъ Гривъ. Разсказъ о томъ, какъ человѣкъ нашелъ дорогу къ жизни. Сокр. пер. съ англ. А. Каррикъ съ 10-ю оригинальными рисунками въ текстѣ. Спб. 1897. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Для дѣтей:

100 разсказовъ изъ жизни животныхъ. (Для младшаго возраста). Перев. съ англ. З. Журавской. 53 рис. Спб. 1897 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Гекторъ Мало. Безъ семьи. Сокр. пер. съ франц. М. Круковскаго. Съ 27 рисунками. Спб. 1897. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Народная библіотека.

Бунинъ, И. На край свѣта.—Кастрюкъ. Разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Исповѣдь. Разсказъ. 1897 г. Ц. 5 коп.

Рубакинъ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей, или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода. Учен. Ком. М-ва Нар. Пр. рекомендована для уч. мл. возр. библ. сред. учеб. зав., для уч. библ. гор. нач. школъ и для безпл. нар. читаленъ. Съ 34 рис. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы Съ рисунками. Изд. 3-е. Печ. безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, допущ. въ учен. библ. нар. учил. М—мъ Нар. Просв. Со многими рисунками. Спб. 1896. Ц. 18 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Пер. А. В. Каменскаго. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. под. ред. и съ предисл. К. К. Арсеньева. Изд. 3-е, печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Буассье, Гастонъ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. настроенія временъ цезарей. Пер. Е. В. Дегенъ. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Ингрэмъ. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Пер. З. Журавской. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 г.—**Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. (Т. I). Англійская литература (1660 — 1770). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Киддъ, Б. Соціальная эволюція. Перев. съ англ. съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бэрдъ, Ч. Исторія реформаціи XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. А. Звягинцева, подъ редакц. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Чаннингъ, Эдуардъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. (1765—1865 гг.). Съ приложеніями, 2 портр. и 3-мя картами. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** изъ конторы журнала «Новое Слово» (Спб., Спасская ул., д. № 15) и изъ конторы изданій (Спб., Невскій, 54, Библ. Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

ИЗДАНІЯ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. 1897. Стр. 218. Цѣна 2 р.

Э. Магаймъ. Профессіональные рабочіе союзы. Переводъ Н. В. Водовозова, съ примѣчаніями и предисловіемъ переводчика. 1895. Стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Пер. съ англ. А. Санина. 1896. Стр. 339. Ц. 1 р. 25 к.

И. Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. Пер. съ англ. А. Санина. 1896. Стр. 200. Ц. 1 р. 25 к.

Земледѣліе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatsvissenschaften. 1896. Стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.

Промышленность. Статьи оттуда же. 1896. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Статьи оттуда же. 1897. Стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи оттуда же. 1897 Стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Эшли. Экономическая исторія Англіи.
Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра.
К. Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства.

Выписывающіе изданія М. И. ВОДОВОЗОВОЙ изъ конторы журн. «Новое Слово» (Спб. Спасская, 15), за пересылку не платятъ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНІЕ".

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНІЕ
и его
ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

М. Шиппеля.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ
Петра Струве.
Цѣна 50 к.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 8.

3113

Пров. 50

МАЙ

1897.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1897 г.—Май. № 8.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ГОРАХЪ. Эскизъ. В. Сѣрошевскаго. . . . . 1— 24
2. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. (Продолженіе). К. Т—на. . . . . 25— 60
3. ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА. Романъ. V—X. В. Свѣтлова. . . . 61— 94
4. ПРИНЦИПЪ ЭВОЛЮЦІИ. Эдмона Перье. (Переводъ съ французскаго). . . . . 95—102
5. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка) . . . . . 103—118
6. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXXV—XXXIX. К. Ельцовой. 119—153
7. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ И ОТНОШЕНІЙ ВЪ ГЕРМАНІИ ВЪ XIX ВѢКѢ. (Продолженіе). С. Т. Р. . . . . 154—167
8. ИЗБАВЛЕНІЕ. Набросокъ. Маріана. . . . . 168—180
9. *** Стихотворенія. Мих. Г. . . . . 181—182
10. ЗАКОНЪ ПРИЧИННОСТИ И СВОБОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ. С. Булгакова. . . . . 183—199
11. ЕЩЕ О СВОБОДѢ И НЕОБХОДИМОСТИ. П. Струве. . . 200—208
12. ЯКОВЪ ПОСЛѢДНІЙ. Романъ изъ быта австрійскихъ крестьянъ. П. К. Розеггера. (Пер. съ нѣмецкаго). . . . . 209—240

13. РАЗВИВАЕТСЯ ЛИ КАПИТАЛИЗМЪ ВЪ РУССКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ? И. Гурвича. . . . . 1— 20
14. Н. И. НАУМОВЪ. Н. К. . . . . 21— 41
15. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. III. «Мужики» г. Чехова. Novus. . . 42— 51
16. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика.** В. Быстренинъ. Житейскія были. Очерки и разсказы. II. **Публицистика.** В. С. Драгомірецкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. III. **Исторія и исторія культуры.** Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона.—I. Гонеггеръ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ нѣмецкаго М. Чепинской. IV. **Географія.** Викторъ Бартеневъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. (Очеркъ Обдорскаго края). V. **Политиче-**

ская экономія. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Изслѣдованіе магистра государственнаго права Н. Бржескаго. — А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. VI. **Естествознаніе и медицина.** Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатріи. Перев. А. Черемшанскій.—П. Флексигъ. Мозгъ и душа. Перев. Н. Березина.—P. Flechsig. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Перев. С. Штейнгауза. — Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Состав. проф. А. М. Маршаль. Пер. проф. Н. Зографъ. . . . . 52— 75

17. КЪ ВОПРОСУ О ДВИЖЕНІИ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Л. Р. . . . . 76— 82

18. ГРАМОТНОСТЬ ВЪ СВЯЗИ СЪ ДИФФЕРЕНЦІАЦІЕЙ ДЕРЕВНИ. С—каго . . . . . 83— 90

19. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

1. ТВЕРЬ. (Земскія дѣла). **С. Ан. Ч—аго.** . . . . . 91—114
2. ИЗЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. (Введеніе въ губерніяхъ края земскихъ учрежденій; изъ дѣятельности Кіевскаго общества грамотности). **С. Б.** . . . . . 115—120

20. ИЗЪ ЖИЗНИ ПРОВИНЦІИ.

Журналъ «Хозяинъ» о русскомъ обществѣ.—Вопли и проекты г. Ярмонкина.—Призывы русскихъ аграріевъ къ объединенію.—Исчезновеніе патріархальнаго строя.—Становой-законодатель.—Оригинальный ревизоръ риго-орловской жел. дор. и желѣзно-дорожные порядки.—Просвѣтительныя учрежденія и «неблагопріятныя условія» мѣстной жизни.—Штатсъ-народникъ г. Гофштеттеръ. **В. Богучарскаго.** . . . . . 121—138

21. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Греко-турецкая война. — Австро-русское сближеніе. — Историческая справка объ отношеніяхъ Греціи и Австріи къ Россіи. — Разложеніе Австро-Венгріи.—Національный вопросъ.—Императоръ и соціалдемократы.—Нѣмецкіе культуртрегеры въ Африкѣ.—Пожаръ на улицѣ Гужона.—Покушеніе на жизнь короля Гумберта. — Колоніальныя войны Испаніи.—Первое примѣненіе маузеровскихъ ружей въ Испаніи. **В. П.** 139—161

22. ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

1. ИЗЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. 162—170
I. Перемѣна администраціи. **И. Г.** . . . . . 170—179
2. ИЗЪ АВСТРІИ. I. Еще о выборахъ въ Галиціи. **Л. Василевскаго.** . . . . . 179—206
II. Избирательная борьба въ Вѣнѣ. **П. Т.** . . . . . 207—229

23. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Высочайшій рескриптъ на имя статсъ-секретаря Дурново. Дворянскій вопросъ и его экономическая почва. Перспективы «рѣшительныхъ и всеобъемлющихъ реформъ». Дореформенное дворянское управленіе. Культъ «принципа понужденія». — Биметаллистическая агитація. Докладъ г. Бутми и пренія по нему.—Предложеніе г. Стаховича, какъ одинъ изъ симптомовъ перемѣны настроенія въ первенствующемъ сословіи.—Изъ литературы вопроса о хлѣбныхъ цѣнахъ.—Новый законъ о печати. — Отмѣна паспортнаго сбора. Въ какой мѣрѣ уничтожаетъ она фискальное значеніе паспортной системы? **П. Б.** . . . .

24. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ апрѣлѣ.

25. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этой книжкѣ разсылается отдѣльное объявленіе отъ склада С. З. Орлова, въ г. Бузулукѣ.

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Эскизъ.

На перекресткѣ главной станичной улицы и переулка, у кабака, стояла рослая вороная лошадь, запряженная въ телѣгу. На дрогахъ сидѣлъ бокомъ широкоплечій мужчина съ ружьемъ за спиною, а другимъ на колѣняхъ; на облучкѣ придерживалъ возжи подростокъ въ синей блузѣ и бѣлой мингрельской шляпѣ. Оба они выжидающе глядѣли на двери кабака, у которыхъ гудѣла и толкалась пестрая толпа. Первый день двухдневнаго праздника былъ на исходѣ. Собаки, свиньи, ребятишки блуждали въ нерѣшительности по пыльной залитой солнцемъ улицѣ. У воротъ домовъ да въ тѣни развѣсистаго орѣха на станичной площади степенно разговаривали кучки стариковъ; вдоль изгородей на землѣ и на бревнахъ усѣлись рядышкомъ казачки въ яркихъ нарядахъ, шептались, смѣялись и щелкали сѣмечки. Солнце порядочно припекало. Длинныя, прозрачныя тѣни ложились въ перемежку съ его свѣтомъ вдали—отъ горъ, вблизи—отъ бѣлыхъ домиковъ, отъ деревьевъ, отъ темныхъ плетней, изъ-за которыхъ нависали мѣстами въ улицу блѣдные осенніе цвѣты и вѣтки кустовъ.

Оборванецъ, бредшій неувѣренной поступью по проулку, остановился передъ телѣгой, разставилъ циркулемъ ноги и поправилъ сдвиную на затылокъ городскую фуражку.

— Съ хутора будете?.. Практиканъ будете?—сталъ онъ допрашивать, не вынимая рукъ изъ кармановъ.

— Ну, ну... Оставь, иди своей дорогой!—строго оборвалъ его мальчикъ-возница.

— Что жъ... дорога?! Дорога равноправная... Хотите, поѣзжайте!.. Практиканъ будешь?—повторилъ онъ и приблизился еще на шагъ.

Близъ сидящія казачки перестали шептаться и повернули къ нимъ головы, люди у кабака сдѣлали то же, а дѣти, что есть мочи, бѣжали въ припрыжку и налету окликались:

— Ей, ей!.. Ѳедька-чиновникъ разговариваетъ! Видѣли: картузъ снялъ!!

Пьяный дѣйствительно снялъ картузъ.

— Божьи люди... что-о-о?! А я вамъ въ настоящее время... именемъ закона... по-ве-лѣ-ва-ю, про-тя-ги-ва-ю руку!.. Да, господинъ практи-канъ!.. Им-ме-немъ закона!

Онъ протянулъ руку и подвинулся еще на шагъ; охотникъ все продолжалъ улыбаться, но руки не принималъ.

— Чего присталъ, Ѳедька? Говорю тебѣ, убирайся!—крикнулъ вспыльчиво мальчикъ и подобралъ вожжи.—Гей!.. Сторонись!..

Въ то же время изъ кабака выскочилъ красивый стройный юноша въ сѣрой австрійской курткѣ и черной пуховой шляпѣ; онъ несъ въ рукахъ цѣлую груду завернутыхъ въ бумагу покупокъ.

— Коля... Коля... Ивановичъ! Практиканъ меня обижаетъ!.. Молчитъ!..—жаловался Ѳедька, удерживая бѣгущаго за рукавъ.

Коля Ивановичъ поспѣшно передалъ ношу, принялъ ружье и на ходу вскочилъ въ телѣгу.

— Вотъ смѣшной! — сказалъ практиканъ, кивая въ сторону Ѳедьки, въ котораго съ визгомъ и хохотомъ дѣти стали бросать камешками и яичной скорлупой. — А васъ, милостивый государь, въ свою очередь спрошу именемъ закона, какъ вы рѣшились купить такую гадость?

Онъ торжественно поднялъ на воздухъ связку колбасы, покрытой бѣлымъ налетомъ.

— Кабатчикъ увѣряетъ, что она годится. Мы ее поджаримъ, а если вы сейчасъ хотите закусить, то здѣсь есть хлѣбъ и сыръ.

— Мы её поджаримъ! Хорошо сказано, а только раньше мы посмотримъ, будетъ ли что жарить?

Онъ вынулъ ножъ изъ чехла у пояса и разрѣзалъ валикъ колбасы.

— Недурно! Пахнетъ заманчиво! Если сорвать кожицу, совсѣмъ даже будетъ сносно. Вынимайте хлѣбъ!

Они принялись закусывать, между тѣмъ, какъ телѣга плавно катилась по гладкой, убитой дорогѣ, вьющейся желтою лентой по долинѣ среди высокихъ „шихановъ“ до вершинъ, покрытыхъ зеленымъ лѣсомъ.

— Что же ты, Саша, не берешь? — обратился къ мальчику-возницѣ Коля.

— Я сытъ!—отнѣкивался тотъ.—У васъ мало! Вамъ не хватитъ. Заночуете вѣрно въ горахъ, въ Дарбегъ вамъ до заката не попасть.

— Ну, это еще бабушка надвое ворожила! Скверный обычай разсуждать, кому что нужнѣе: бери колбасу и ѣшь, Воронка погоняй, а тамъ посмотримъ! Мы должны къ закату быть на Дар-

бегѣ, иначе пропали козы! Правда, Коля!?—сказалъ практикантъ, опираясь ладонью о колѣно товарища.

— Такъ его, увальня, и погонишь?—ворчалъ мальчикъ, помахивая кнутомъ. Ну, пшелъ! Напрасно мы ждали Григорья. Мы бы давно были на мѣстѣ!

— Это правда: попуталъ насъ Григорій; не попадемъ къ вечернему ходу козъ!—согласился Коля.

— Еще посмотримъ! А не попадемъ—не велика бѣда: попадемъ къ утреннему!—ободрялъ ихъ практикантъ.

— А вотъ и Дарбегъ!

И онъ указалъ пальцемъ на группу высокихъ, бирюзовыхъ горъ, вдругъ появившуюся въ концѣ ущелья у поворота дороги. Острыя ихъ вершины свѣтились въ лучахъ солнца, какъ зубцы драгоцѣнной короны, а сѣть „щелей“ и „расщелковъ“ на склонахъ до того была сиза, нѣжна и воздушна, что, казалось, не тѣни тамъ ложатся отъ утесовъ, а само небо просвѣчиваетъ сквозь камень. Съ двухъ сторонъ, точно столбы исполинскихъ воротъ, вздымались темные, крутые бока ближайшихъ горъ. Густой, вихрастый коверъ лѣса, заполнявшаго дно долины, соединялъ ихъ въ одну темную раму-подкову, и въ этой оправѣ далекія блѣдныя горы представлялись особенно очаровательно. Желтая нить бѣгущей къ нимъ дороги терялась въ зеленой чащѣ.

Вскорѣ у поворота дороги горы сомкнулись и опять пошли съ обѣихъ сторонъ однообразно изумрудные „шиханы“ [1]), обобранныя табачныя поля, крошечныя пашни и безконечные лѣса и лѣса. Нѣсколько разъ они переѣхали въ бродъ горный потокъ, затѣмъ выбрались на новое, не отстроенное еще, шоссе и покатили мимо жалкихъ рабочихъ шалашей, пустующихъ по случаю праздника.

— Погоняй, Саша! Погоняй!.. Ей, Воронъ! Старайся!..

Саша усердно хлесталъ лошадь по жирнымъ бокамъ, но та только отмахивалась хвостомъ, ничуть не мѣняя своей умѣренной трусцы. Когда они подъѣхали къ черному мосту, переброшенному черезъ ревущій потокъ, уже сильно стемнѣло. Вверху надъ горами, правда, еще сіяла все та же мягкая лазурь, и лучи солнца золотили мѣстами болѣе высокія верхушки, но долины и овраги полны были тѣней, и лѣса быстро чернѣли и сливались въ сумеркахъ.

У моста пути ихъ раздѣлялись. Мальчикъ съ телѣгой отпра-

---

[1]) Горные кряжи.

вился дальше по шоссе, а охотники свернули за ручей по узенькой тропинкѣ въ боковую долину.

Ночь быстро наступала; въ лѣсной просѣкѣ по которой вилась дорожка, было темно, какъ въ погребу, и льяны да колючки, не замѣченныя путниками, то и дѣло цѣплялись за ихъ платье. За черной стѣной лѣса съ обѣихъ сторонъ по временамъ шумѣли какіе-то звѣри или птицы, вспугнутыя ихъ голосами, да однообразно ревѣлъ потокъ. Въ просѣкахъ они шли быстро, увѣренные, что чаща не позволитъ имъ свернуть въ сторону и сбиться съ пути. Другое дѣло на лужайкахъ, гдѣ тропинка терялась въ густой травѣ или въ руслѣ рѣчки, гдѣ чуть замѣтный на камняхъ слѣдъ ея совершенно скрадывали сумерки. Тутъ имъ иногда приходилось долго кружиться, пока они натыкались на начало слѣдующей просѣки.

— До сихъ поръ мы не заблудились!—сказалъ Коля, который въ качествѣ старожила шелъ впереди. — Вотъ кубъ камней, о которомъ намъ говорили, а вотъ и черкесскія могилки! Онъ указалъ на рощицу съ пирамиднымъ тополемъ посерединѣ, сплошь перевитую туземной виноградной лозой.

Тропинка все время шла низомъ, постоянно перебрасываясь то на тотъ, то на другой берегъ ручья. Какъ ни торопились они, а ночь двигалась быстрѣе ихъ, и, когда они поднялись на откосъ и вышли на большую пологую плѣшь, тамъ уже было почти такъ же темно, какъ въ лѣсу. Тропинка совершенно исчезла въ густомъ коврѣ спутанной травы. Они въ нерѣшительности остановились на опушкѣ, гдѣ росли гигантскіе лопушники.

— Луна! — сказалъ спокойно Коля, указывая на блѣдную, чуть замѣтную тѣнь, повторявшую на землѣ ихъ движенія.

— Да луна, но очень ея мало!—отвѣтилъ ему товарищъ.— Знаешь, Коля, мы лучше подождемъ немножко. Закури ты папиросу!

Они усѣлись на обломкѣ скалы и вскорѣ въ темнотѣ блеснула красная точка зажженной папиросы. Луны дѣйствительно было мало, она не взошла еще надъ вершинами, и сіяніе ея проникало въ долину, какъ легкая дымка, отраженное и разсѣянное по воздуху. Но сіяніе быстро крѣпчало; на огромныхъ листьяхъ лопушника вскорѣ засверкала роса, и грань далекаго утеса зажглась и заблестѣла, какъ груда серебра. Затихшіе на закатѣ лѣса опять загудѣли, затюрлюкала горная сова, и похожее на трубные звуки блеяніе покатилось въ отголоскахъ отъ скалы къ скалѣ.

— Тише... козы! — прошепталъ Коля, схватывая ружье. — Знаешь, Павелъ, не пойти ли намъ туда? Все равно, не попадемъ сегодня къ Петру.

— Ну, нѣтъ!—съ нетерпѣніемъ перебилъ его Павелъ.—Какая здѣсь охота: ночь, незнакомая мѣстность... Да и мнѣ хотѣлось бы попрощаться съ... Петромъ, со всѣми!—поправился онъ.

Коля всталъ, и они двинулись въ путь. Тропинка миновала плѣшь и пошла матерымъ лѣсомъ все выше и выше. Луна опять исчезла, закрытая сводомъ вѣтвей; только изрѣдка маленькіе кружочки ея свѣта или цѣлый его узоръ, пробившись внизъ, серебрили дорожку. Эти блестки лишь рѣзче оттѣняли кромѣшную тьму. Силуэтъ идущаго впереди Коли ежеминутно таялъ и исчезалъ отъ глазъ Павла.

— Ты гдѣ? Подожди!

— Я здѣсь!

И оба въ тотъ же мигъ натыкались въ смущеніи другъ на друга.

Наконецъ тропинка повернула и вышла изъ лѣса на край пропасти, полной луннаго сіянія. Луна все еще не взошла надъ горами, и свѣтъ, наполнявшій пропасть, былъ причудливый, боковой свѣтъ. Известковые утесы противоположной стѣны ущелья сверкали въ его лучахъ, какъ раскаленный мѣлъ. Зеленоватая дымка ихъ отблеска клубилась внизу, рѣяла надъ пропастью въ видѣ тонкой свѣтовой пыли. Хотя тропинка шла по карнизу неосвѣщеннаго склона и къ тому же была затѣнена опушкою лѣса, но и на ней стало много свѣтлѣе. Она подступала все ближе къ краю обрыва. Барьеръ лѣса, отдѣляющій ее отъ пропасти, замѣтно рѣдѣлъ и вскорѣ остались только одинокія деревья, повиснувшія надъ сіяющей бездной, да бахрома низкихъ кустовъ и травъ.

— Боже мой! Какъ близко?!—невольно вскричалъ Павелъ.

— Не гляди... не гляди! Торопись! Такія мѣста быстро проходить нужно!..

И они шли быстро, хотя ноги ихъ ступали наугадъ. Мракъ все еще былъ здѣсь настолько силенъ, что глазъ не различалъ полотна тропинки. А между тѣмъ достаточно было споткнуться, достаточно было одного неловкаго шага! Павелъ испытывалъ мучительное душевное напряженіе. Онъ не глядѣлъ въ пропасть, но онъ чувствовалъ ее постоянно около себя, зіяющую, спокойную и таинственную. На днѣ ея далеко и глухо рокоталъ потокъ. Ноги невольно уносили Павла подальше отъ обрыва, но съ боку

онъ натыкался на кручу, на острые, валкіе камни, на колючіе кусты и вновь возвращался къ пропасти. Подъ конецъ ему стало казаться, что идетъ онъ не по тропинкѣ, а по качающемуся канату, и онъ смутно замѣтилъ, что нѣсколько разъ запесъ ногу не надъ землею, а надъ кустами, изъ-подъ которыхъ предательски сверкнули щели яснаго свѣта. Онъ чуть не вскрикнулъ, но ему было стыдно Коли, который неустанно шелъ впереди все также бодрый и веселый.

— Скоро конецъ! Ловко прошли!.. Такихъ мѣстъ будетъ, говорятъ, нѣсколько!—крикнулъ ему тотъ поощрительно.

Они обогнули пропасть. Тропинка опять нырнула въ лѣсъ и вышла къ тому бѣлому утесу, который свѣтилъ имъ въ дорогѣ.

— Гдѣ же теперь?—спросилъ Павелъ.—Гдѣ тропинка!?

— Да вотъ!

Коля разсмѣялся и указалъ на легкую, какъ мгла, тѣнь тропинки, круто спускающейся вдоль залитой свѣтомъ скалы.

— Свѣтло!.. Вотъ удача-то!

— „Тиха украинская ночь!..“ запѣлъ въ полголоса Павелъ. Къ нему, въ виду неизбѣжной опасности, вернулась прежняя беззаботность. Все равно—пройти необходимо! Такъ зачѣмъ думать о томъ, что можетъ случиться!? Мурлыкая пѣсенку, онъ весело спускался, стараясь подражать Колѣ, котораго ноги въ мягкихъ кавказскихъ чувякахъ увѣренно и проворно мелькали по неровнымъ выступамъ. Самъ Павелъ, недавній гость въ горахъ, двигался значительно неуклюже. Камни и земля часто обсыпались подъ нимъ въ пропасть, но онъ не испытывалъ больше страха. Наоборотъ, чарующая прелесть этой необычной прогулки все больше опьяняла его. Онъ чувствовалъ, что теперь готовъ прошататься такъ хотя бы всю ночь.

Они спустились на самое дно ущелья. Водопадъ ревѣлъ уже не подъ ними, а гдѣ-то сбоку, за скалами. Луна взошла высоко и глядѣла то прямо въ ложбину, то исчезала у ея поворотовъ за крутыми утесами. Охотники прошли по камнямъ бѣснующійся потокъ и... совершенно растерялись: на томъ берегу не нашлось ни малѣйшихъ указаній, куда идти дальше! Впереди высокая, крутая, закрытая собственной тѣнью гора, а у ея подошвы бѣлесая, широкая полоса щебня и гальки. Они остановились въ раздумьи. Павелъ пересталъ напѣвать.

— Мнѣ кажется, здѣсь! — нерѣшительно сказалъ Коля, направляясь прямо на гору. — Она, она! — радостно воскликнулъ онъ.

Не подлежало сомнѣнію, что они на тропѣ. Они даже не ощупали ее руками; подошвы ихъ ногъ отъ ходьбы во мракѣ до того стали чутки къ впечатлѣніямъ дороги и бездорожія, что даже сквозь кожу обуви не ошибались въ своихъ показаніяхъ. Путники были увѣрены, что идутъ по торной тропѣ, но была ли она человѣческая или звѣриная, а главное, была ли она искомая тропинка,—они сомнѣвались и сомнѣвались тѣмъ больше, чѣмъ выше поднимались по ней. Чуть замѣтной, блѣдной нитью она вилась среди горнаго мусора, колючекъ и травъ. Наконецъ, уткнулась въ корявые, неровные уступы темной каменной породы.

— Стопъ!

Коля присѣлъ на корточки и зажегъ спичку. Изъ темноты всплыли на мгновеніе обросшія мохомъ камни и среди нихъ кисти засохшей травы. Онъ зажегъ вторую спичку и потянулся съ ней въ сторону.

— Вотъ она здѣсь! Мы взяли вправо!

Они сейчасъ же свернули въ противоположную сторону и, цѣпляясь руками за карнизы, поползли вверхъ.

— Никогда я не повѣрю, чтобы здѣсь шла дорога, да еще конная!—ворчалъ Павелъ.

— О, ты не знаешь, какіе у нихъ чудные кони!—восторженно возражалъ Коля.—Тутъ, вѣрно, то трудное мѣсто, о которомъ намъ говорили. Оно скоро кончится, а за нимъ лѣсъ, и мы дома!

Они проползли уже больше двадцати саженей, а лѣсу все не было видно, и надъ ними являлись все новыя очертанія зазубренныхъ скалъ...

— Мы огибаемъ гору... каменную плѣшь горы!.. Стой, стой!.. ни шагу!..—возбужденно вскричалъ Коля, вскакивая на ноги и съ протянутой впередъ рукой. Огромная глыба зашевелилась впереди его и исчезла, оставляя вмѣсто себя глубокую выемку. Оглушительный грохотъ паденія, плескъ и протяжный рокотъ катящихся мелкихъ камней на тысячу ладовъ повторило горное эхо.

— Вотъ такъ фунтъ!.. Что же ты говорилъ, что здѣсь дорога?

— Да увѣряю тебя—была! Я чувствовалъ ее подъ рукою. Можетъ быть, здѣсь... спускъ!

— Какой спускъ?!

Павелъ легъ на животъ и осторожно подползъ къ краю обрыва. Они буквально висѣли надъ пропастью на страшной высотѣ. Утесъ былъ у основанія подмытъ, осыпался; внизу въ его обвалахъ бушевала вода; мягкій лунный свѣтъ освѣщалъ причудливо ложбину, проникая въ нее сквозь невидимыя щели.

— Нѣтъ! Только сумасшедшіе станутъ блуждать ночью безпутно по такимъ мѣстамъ!

— Поищемъ направо!

— Тамъ отвѣсно! Какой дьяволъ станетъ вести дорогу вопреки здравому смыслу? Я думаю, и черкесы люди. Сойдемъ внизъ, дорога навѣрно идетъ русломъ рѣчки!

Такъ и сдѣлали, спустились и пошли по узкой щели среди высокихъ скалъ, гдѣ весело гудѣлъ все тотъ же потокъ. Наконецъ щель стала мѣстами до того тѣсна, что потокъ выполнялъ все ея дно. Грохотъ водопада доносился все явственнѣе, вода мчалась все быстрѣе. Идти по узенькимъ приступочкамъ береговъ становилось затруднительно. Наконецъ исчезли и приступочки, и пришлось прыгать по камнямъ, влажнымъ отъ брызгъ расшибающихся о нихъ волнъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Очевидно, дорога не шла по дну ущелья. Путешественники вернулись назадъ.

— Намъ нельзя далеко уходить отъ тропинки. Лучше заночуемъ, а по утру прослѣдимъ ее снова или вернемся, если окончательно заблудились!—совѣтовалъ Коля. Павелъ схватилъ его за руку.

— Тсс!.. Слышишь?

Оба они быстро повернулись къ тому берегу, гдѣ съ кручи, поросшей кустарникомъ, кто-то, слышно было, крадучись спускался къ нимъ. Вѣтки шуршали подъ его ногами, мелкіе камни катились по угору и взлетали, прыгая на каменную отмель дна.

— Медвѣдь!.. Я стрѣляю первый, ты за мной! — шепнулъ Павелъ. Онъ осторожно шагнулъ впередъ на сосѣдній камень и взвелъ курокъ. Какъ ни бережно онъ это дѣлалъ, но рѣзкое щелканіе стали пробилось сквозь глухой шумъ потока. Звѣрь, который былъ уже на краю рощи, остановился и, минуту спустя, такъ же осторожно сталъ обратно подыматься въ гору.

— Что же ты не на шумокъ стрѣлялъ!?. — сердито зашепталъ Коля.

— Для этого я не достаточно окавказился. Такъ можно убить корову или человѣка!

— Человѣка?.. Здѣсь?!.

Они готовы были поссориться и молча шли нѣкоторое время рядомъ.

— Плюнь, плюнь, плюнь, будетъ тебѣ легче!..—пропѣлъ, наконецъ, Павелъ.—Завтра, Коля, все поправимъ, только ты не сердись! Козъ, конечно, мы прозѣвали, но попросимъ Петра, и онъ сводитъ насъ на медвѣдя. Помню, кто-то разсказывалъ, что вблизи нихъ живетъ въ пещерѣ цѣлая медвѣжая семья!..

Недалеко отъ мѣста встрѣчи съ медвѣдемъ находился тотъ утесъ, на которомъ они искали тропинку. Они рѣшили заночевать подъ нимъ. Какъ разъ подъ кручей, въ небольшое гнѣздо камней намыло слой песку и мелкой гальки. Это оказалось здѣсь единственнымъ, пожалуй, мѣстомъ, гдѣ можно было прилечь, не рискуя повредить себѣ члены. Кусты ивы окружали его, другіе склонялись надъ нимъ съ утеса, какъ кровля. Охотники собрали немного валежнику, гнилушекъ, сушнику и развели на скорую руку маленькій костеръ. Сразу стало веселѣе, и имъ захотѣлось развести большой огонь. Они сложили ружья и отправились на поиски дровъ. Коля взобрался на скалу, откуда вскорѣ послышался веселый его голосъ.

— Павелъ, Павелъ! Иди сюда! Я нашелъ здѣсь цѣлыя копи!

Затѣмъ раздался трескъ, и съ горы покатились огромныя бревна.

— Видишь, я говорилъ тебѣ, что здѣсь лѣсъ недалеко! — укорялъ Николай Павла.

— Да, онъ, конечно, гдѣ-то существуетъ!—насмѣшливо отвѣтилъ тотъ. Они дружно принялись за работу, и вскорѣ грохотъ катящихся внизъ пней и кокоръ заглушилъ шумъ водопада. Когда все это, сложенное въ кучу, разгорѣлось яркимъ пламенемъ, ущеліе приняло истинно феерическій видъ. По изсѣченнымъ, зубчатымъ утесамъ запрыгали багровыя тѣни; длинные языки ихъ по временамъ достигали самыхъ верхушекъ, гдѣ свѣшивались черезъ край деревья и кусты, кажущіеся отъ высоты пучками травы. Они то вспыхивали, то исчезали на темномъ фонѣ неба, усыпаннаго звѣздами. Охотники неподвижно сидѣли у костра, и тонкіе ихъ силуэты вмѣстѣ съ заревомъ огня отражались въ черной водѣ мимо бѣгущаго потока.

— Какъ въ оперѣ!—сказалъ Павелъ.

— Лучше, чѣмъ въ оперѣ... Много лучше!

Разскажите вы ей, цвѣты мои...

запѣлъ Коля, срывая вѣтку, но тотчасъ умолкъ и пугливо взглянулъ на товарища.

— А медвѣдь-то нашъ: умираетъ теперь со страха!—разсмѣялся Павелъ, указывая на лопающіеся съ грохотомъ отъ жары камни:—Бѣжитъ безъ оглядки, прижавши уши, а если останется живъ, то прійдетъ завтра или послѣ завтра сюда и будетъ поскать на золу и прыгать въ ужасѣ передъ ея вспышками... Ужасно забавно!

— Ты видѣлъ? Какъ много испыталъ ты, Павелъ! Ты счастливчикъ!.. Ты...

— Ну, нѣтъ! Извѣстно, что счастливчикъ ты...

— Я? Сижу въ этой колоніи... Почему же я?

— Потому что... ты... курчавый! —съ разстановкой отвѣтилъ Павелъ.

Коля съ удивленіемъ поднялъ на него свои большіе сѣрые глаза.

— Курчавый!.. Ахъ, понимаю,—это сегодня сказала мама. Какой ты милый, Павелъ! Знаешь что? на будущій годъ осенью послѣ окончанія работъ непремѣнно уйдемъ въ горы... недѣли на три уйдемъ. Котелокъ, пороху, пледъ—и двинемъ... Вотъ будетъ славно!..

— Черезъ годъ?.. Кто знаетъ, гдѣ буду я?!.—задумчиво отвѣтилъ Павелъ. Онъ загрустилъ, и оба они, долго молча, сидѣли у огня.

— Не тужи, товарищъ!—мягко сказалъ наконецъ Коля, опирая руку на его колѣно:—Вѣдь, если тамъ будетъ тебѣ худо, ты вернешься къ намъ—мы всегда будемъ тебѣ рады!

Павелъ положилъ свою руку на его пальцы и пожалъ ихъ, но не отвѣтилъ.

Передъ сномъ они закусили хлѣбомъ и саломъ, напились воды съ ручья и, закутавшись съ головой въ пледъ, легли на подстилку изъ свѣжихъ вѣтвей.

Еще звѣзды мерцали на небѣ, когда Павелъ проснулся и присѣлъ на постели. Отъ утесовъ вѣяло холодомъ, огонь потухъ, пледъ отволгъ, крупныя капли росы сочились съ нависшихъ надъ ними вѣтокъ горной ивы. Все было прикрыто пепельной дымкой тумана и разсвѣта.

— Эй, вставай! Пора въ дорогу!—окликнулъ Павелъ товарища.

— Раньше, чѣмъ заря коснулась самыхъ высокихъ верхушекъ, охотники, съ ружьями за спиной, уже взбирались на ближайшую къ нимъ вершину. Они вчера ошиблись: дорога, оказалось, дѣйствительно шла по тому уродливому, черному горбу, съ котораго они чуть не свалились; только она сворачивала въ сторону и взбиралась по еще болѣе крутому уклону, пользуясь выступами плитняка, какъ ступенями.

— И все-таки они ѣздили здѣсь верхомъ и возили добычу!—торжествующе сказалъ Николай.

Вслѣдъ затѣмъ охотники вошли въ сѣрый осиновый лѣсъ, съ сѣроватой попорченной холодами листвой. Тутъ они наткнулись на свѣжій медвѣжій пометъ.

— Вотъ гдѣ онъ вчера бѣжалъ!—сказалъ Коля.—Пойдемъ за нимъ, что ли?

Павелъ отрицательно закачалъ головой. Пусть онъ оставитъ эти затѣи! Имъ необходимо прежде всего попасть на Дарбегъ.

Дальше тропинка опять пошла краемъ утесовъ. Но Павелъ больше не испытывалъ страха. Наоборотъ, онъ чувствовалъ себя необыкновенно бодрымъ, возбужденнымъ, почти пьянымъ отъ холоднаго утренняго воздуха и прелести этого утра на высотахъ, гдѣ даль такъ прозрачна и краски такъ свѣжи, что кажется будто каждый предметъ въ отдѣльности обмывали ночью въ росѣ хозяева горъ. Оба охотника наперерывъ, ухватившись за вѣтви деревьевъ, глядѣли внизъ, гдѣ по исполинскимъ, каменнымъ ступенямъ, въ узкихъ, глубокихъ „щеляхъ“ лились водопады. Чаще вода проносилась бурнымъ жемчужнымъ потокомъ, рѣже—образовывала небольшіе, прозрачные бассейны, гдѣ изумрудъ влаги и бѣлизна скалъ сочетались въ чудесныхъ полутонахъ. Тамъ обыкновенно было тихо. Въ глубинѣ однообразно звенѣла тонкая колонна падающей воды, рѣзко выдѣляющаяся серебристымъ своимъ перезвономъ на фонѣ шума выше и ниже льющихся каскадовъ.

Дальше, по пологимъ гладкимъ плитамъ безвучно бѣжали ручьи. На поверхности водоемовъ тоже ни морщинки, ни малѣйшаго признака работы и усилія. Вода совершенно спокойно перегибала свой излишекъ черезъ край бассейна и сбрасывала его внизъ, гдѣ онъ шумѣлъ и бурлилъ уже въ волю. Въ зеркальную поверхность бассейновъ глядѣли буки, дубы, орѣшникъ; нависающіе по краямъ высокихъ утесовъ блѣдно-розовыя скалы отражались въ нихъ до мельчайшей черты. Въ прозрачномъ зеленоватомъ воздухѣ, полномъ влаги и прянаго запаха увядающихъ растеній, тамъ и сямъ робко скользили лучи солнца.

— Вотъ гдѣ купались у древнихъ нимфы и дріады,—замѣтилъ Павелъ.

— Все это хорошо, но такъ мы не скоро попадемъ въ Дарбегъ и прозѣваемъ медвѣдя, какъ прозѣвали козъ!—съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Коля.

Они прилежно пошли впередъ и остановились еще разъ только, когда на одномъ изъ уваловъ передъ ними разступились горы и вдали засинѣло море. Оттуда остался еще одинъ трудный переходъ по крутому травянистому подъему, гдѣ ноги постоянно скользили, а солнце палило немилосердно. Затѣмъ они вошли въ высокоствольную дубовую рощу и сняли шляпы съ пылавшихъ головъ. Крошечный ручеекъ журчалъ у тропинки, но онъ былъ настолько малъ и мутенъ, что напиться было невозможно. Коля сталъ отыскивать гдѣ-либо маленькую цистерну съ отстоявшейся водой. Онъ низко наклонился съ этой цѣлью, но сейчасъ же отпрянулъ назадъ.

— Полюбуйтесь!

На кочкѣ у воды, среди примятой травы, свернувшись кольцомъ, лежала змѣя. Очевидно, она провела здѣсь ночь, спина ея покрыта была росинками, нѣсколько былинокъ покоилось на плоской ея головкѣ, которую она теперь сердито подняла и съ шипѣніемъ направила къ нимъ. Ударомъ приклада Коля сбилъ ее прочь и жадно прильнулъ къ ключу. Павелъ брезгливо отвернулся; онъ притворился, что осматриваетъ умирающую въ судорогахъ змѣю, и ждалъ товарища, не рѣшаясь идти къ дому, крыша котораго виднѣлась изъ-за кустовъ. Кругомъ замѣтны были слабые признаки культуры: сквозь орѣшникъ во многихъ мѣстахъ протоптаны были дорожки, бьющій изъ-подъ громаднаго камня ключъ падалъ въ длинныя корыта водопоя, грубо продолбленныя въ нетесанныхъ дубовыхъ колодахъ. У этихъ обросшихъ мхомъ корытъ охотники увидѣли молодую дѣвушку, ловящую въ ведро переливающуюся черезъ край воду. Солнце ярко освѣщало ея стройную фигуру въ бѣлой вышитой малорусской рубашкѣ, темной юбкѣ и кавказскихъ „чувякахъ“ на босую ногу. Зелень орѣшника окружала ее прелестной рамкой. Вскорѣ она поставила ведро на землю, рядомъ съ другимъ уже полнымъ, поправила на плечахъ коромысло, подхватила крючьями посуду и выпрямилась. Въ тотъ же мигъ два желтыхъ пса съ лаемъ пронеслись мимо нея прямо въ рощу. Дѣвушка съ удивленіемъ направила туда большіе каріе глаза. Изъ-за куста вышелъ Коля.

— Какими судьбами?.. Такъ рано?! Ты одинъ...—радостно вскричала она, но тутъ же смѣхъ исчезъ съ ея лица.

— А... и вы!.. Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ!—добавила она много суше, поставила ведра и, незамѣтно обдернувши подоткнутую юбку, подала имъ руку.

— Мы ночевали...—началъ Коля.

— Развѣ вы вчера ушли? Значитъ виноградъ собранъ? Что же... что слышно на хуторѣ?.. Занятія въ школѣ начались?.. Что дѣти?.. Вѣдь ты, говорятъ, будешь въ этомъ году съ ними заниматься? А что, семейные перешли уже въ новый домъ? Какъ болѣзнь Васи? Какъ все у васъ?.. Какъ ты?.. Какъ ужасно давно я тебя не видѣла?.. Ты загорѣлъ, возмужалъ... Да разсказывай же, противный мальчикъ!

— За мной дѣло не станетъ, да ты не даешь!

Они гуськомъ шли по тропинкѣ. Приходъ охотниковъ уже былъ замѣченъ у дома, и двое мужчинъ, сидѣвшихъ тамъ на корточкахъ, около плуга, встали. Одинъ высокій, широкоплечій брюнетъ, въ выцвѣтшемъ казенномъ мундирѣ, державъ въ рукахъ блестящій лемехъ, другой стройный, бѣлокурый юноша, въ домашнемъ ка-

зачьемъ бешметѣ, помахивалъ безпечно въ воздухѣ маленькимъ молоточкомъ.

— Какими судьбами?!

— Такъ... поохотиться! Павелъ передъ отъѣздомъ захотѣлъ посмотрѣть ваше гнѣздо...

— Орлиное гнѣздо!—усмѣхнулся бѣлокурый юноша.

— Мы пришли щелями... напрямки. Мы бы вчера еще были, да сбились на утесѣ и заночевали. Ночевка — божественна, а только... безъ завтрака!

— Милости просимъ! Чай какъ разъ готовъ. Марья Львовна, у васъ что ли чай пить будемъ? Вѣдь у васъ, по уговору... нашъ салонъ!—спросилъ брюнетъ и бросилъ лемехъ на землю.

„Орлиное гнѣздо“ состояло изъ двухъ небольшихъ двускатыхъ шалашей, сбитыхъ изъ досокъ на скорую руку, покрытыхъ соломой и дерномъ. Сбоку изъ крыши одного торчала труба маленькой желѣзной печурки, крошечная дверь на ржавыхъ шалнерахъ прикрывала входъ. Это и былъ салонъ. Другой шалашъ лишенъ былъ и трубы, и дверей. Передъ ними на дворѣ помѣщался большой очагъ, полный золы, а дальше битая лежачая печь для хлѣба.

Марья Львовна поставила ведра и поспѣшно, раньше гостей, вошла въ свою хату. Немного спустя вошли за ней и другіе. На дворѣ остался только Коля, котораго за локоть придержалъ бѣлокурый юноша.

— Ружье... новое?!

— Да! Недавно получилъ...

Юноши углубились въ осмотръ Колиной двустволки. Маруся собирала между тѣмъ къ завтраку, прополоскала посуду и нарѣзала хлѣбъ. Павелъ внимательно разглядывалъ внутренность шалаша. Онъ не былъ избалованъ жизнью въ колоніи, но здѣсь неприхотливость переходила обычныя границы. Было темно, сыро, пахло землею, прѣлымъ сѣномъ и человѣческимъ потомъ. Сквозь большія щели стѣнъ весело проскальзывало солнце, а въ дождь вѣрно лила вода, въ вѣтеръ немилосердно дуло. И все это близко постели, скромно застланной на узенькой скамейкѣ. Передъ постелью столъ, сколоченный изъ грубыхъ досокъ, на столбахъ, врытыхъ въ землю. Въ углу земледѣльческіе инструменты, мѣшки съ мукою, куча дикихъ яблоковъ и грушъ. Единственное украшеніе — крошечное зеркальце надъ кроватью, полка съ нѣсколькими книгами, букетъ прелестныхъ цвѣтовъ у изголовья да сама хозяйка. Хозяйка дѣйствительно была хороша, особенно теперь, когда глаза ея стали черными отъ волненія, смуглыя щеки

разрумянились и красивая грудь часто и высоко подымалась. Она ловко разлила чай въ стаканы и кружки.

— Зови ихъ, Петро!—обратилась она къ брюнету, кивая въ сторону дверей. До сихъ поръ она не сказала ни слова Павлу, не посмотрѣла даже на него, хотя не могла не замѣтить его частыхъ внимательныхъ взглядовъ. Петро окликнулъ молодежь. За чаемъ разговоръ сталъ общимъ.

— Мы вѣдь разсчитываемъ на васъ. Вы насъ должны повести на охоту!—доказывалъ Коля.

— Ну, это еще вилами на водѣ писано. Мы какъ разъ собрались сегодня пахать. Вѣтерокъ, прохладно, да и боимся, что земля засохнетъ! Дождей можетъ и не быть скоро...

— Въ кои вѣки разъ собрались къ вамъ! Не отказывайте! Къ тому же праздникъ сегодня.

— Праздниковъ еще не заслужили!—угрюмо вставилъ Петръ.

— А безъ васъ не выйдетъ у насъ охота... Право, не отказывайте! Столько дороги напрасно сдѣлали... Павелъ уѣзжаетъ!..

— Конечно, сведите ихъ!—вступилась Маруся.

— Развѣ свести?..

Петръ все раздумывалъ, потирая носъ пальцемъ; бѣлокурый Степа ждалъ, лѣниво опустивъ руки. Ему все равно, онъ—какъ всѣ: пахать—такъ пахать, охотиться—такъ охотиться!

— Тогда вотъ что сдѣлаемъ,—живо заговорилъ Петръ:—пойдемъ сейчасъ и посмотримъ, есть ли у старыхъ водопадовъ свѣжіе жираньи [1]) слѣды. Недавно были, я видѣлъ. Если есть, то вернемся домой, пообѣдаемъ, я налажу на завтра плугъ, приготовлю все, а вечеромъ сядемъ на лазахъ. Хорошо? Теперь всѣ пойдемъ, высмотримъ, условимся, гдѣ кто сядетъ, чтобы вечеромъ тихо, безъ разговоровъ. Жираны чутки невѣроятно. Подъ вечеръ они приближаются къ ущелью, и легко спугнуть ихъ. У нихъ къ водопою одинъ только и есть ходъ, на которомъ мы сядемъ. Если слѣдовъ нѣтъ, то пойдемъ на медвѣдя, но охота на жирановъ много интереснѣе. Какъ тамъ красиво! Какъ граціозно бѣгутъ они по крутизнамъ—жаль стрѣлять! Ну, что, согласны?

Всѣ, конечно, пришли въ восторгъ, принялись сейчасъ же осматривать ружья и патроны. Степа и Коля затѣяли пробную стрѣльбу пулями въ цѣль и надѣлали столько шума, напустили столько дыму, что встревожили навѣрно всю дичь въ околодкѣ. Маруся суетилась у очага. Павелъ все время перелистывалъ книги въ шалашѣ дѣвушки.

---

[1]) Жиранъ—горный олень.

— Торопитесь приходить, скоро обѣдъ готовъ!—закричала она имъ вслѣдъ, когда они гуськомъ потянулись, наконецъ, въ лѣсъ.

Охотники прошли немного торной колесной дорогой, а залѣмъ свернули прямо въ глухой, темный боръ. Чинары, буки, дубы и грабы, осина, тополь и липа—исполинской толщины и роста—соединяли вверху вѣтви своихъ коронъ въ непроницаемый сводъ. Внизу росъ густой, невысокій подлѣсокъ: орѣшникъ, горная ольха и другіе кусты. Отовсюду била зелень, и этой зеленью и запахомъ растеній насыщенъ былъ сумрачный воздухъ бора. Лучи солнца, снопами прорывающіеся внизъ, бросали кой-гдѣ на рыжіе пни и взбитую листву кустарника иззелена-золотистыя пятна. Среди ненарушимаго спокойствія лѣса одни эти пятна дрожали и колыхались, повторяя движенія качающихся отъ вѣтра верхушекъ. Подобный лѣсъ покрывалъ всю гору, весь крутой уклонъ ея, по которому спускались внизъ охотники.

— Здѣсь будетъ трудновато! Зато много ближе. Въ горахъ привучаешься къ рѣшительности. Не правда ли?—обратился съ улыбкой Петръ къ идущему за нимъ Павлу.

— Какіе у него красивые глаза и какая славная улыбка?!—невольно подумалъ тотъ: — Хорошо еще, что нѣтъ колючекъ и ліянъ!—отвѣтилъ онъ вслухъ.

— Да, этого нѣтъ! Держитесь за вѣтки... крѣпко держитесь! Здѣсь скользко, здѣсь—глина!

Уклонъ перешелъ въ страшную крутизну. Въ лѣсу просвѣтлѣло. Верхушки внизу растущихъ деревьевъ уже не закрывали горизонта. они часто были въ уровень съ лицами идущихъ, и поверхъ нихъ виднѣлись далекіе утесы. Охотники скользили и перебѣгали отъ пня къ пню, рискуя каждую минуту упасть и покатиться въ невѣдомыя, скрытыя кустами стремнины.

— Чѣмъ только держатся подобные великаны на такой стѣнѣ?—удивлялся громко Павелъ, прислоняясь на мгновеніе къ пню огромнаго чинара, ровному и сѣрому, какъ колонна вывѣтрившагося мрамора. Петръ нелюбовно взглянулъ на дерево.

— Вы держитесь за орѣшникъ... какъ я!—училъ онъ Павла,—и не отпускайте, пока не достанете слѣдующаго куста!

Всѣ послѣдовали этому совѣту, ружья повѣсили за спину и спускались другъ за другомъ по страшной кручѣ, какъ по лѣстницѣ, отъ куста къ кусту. Наконецъ, забѣлѣли подъ ними утесы, еще нѣсколько шаговъ, прыжокъ—и всѣ очутились на днѣ узкой известковой щели, гдѣ необыкновенно гулко загудѣли вдругъ ихъ возбужденные голоса, застучали приклады о каменное дно.

— Тише!.. Тутъ—кабаны! Ну, и охотники!..

Масса орѣховъ, жолудей, кизилю и другихъ незнакомыхъ Павлу плодовъ валялась на камняхъ. Обронившіе ихъ вѣтви свѣшивались въ щель съ вершинъ утесовъ. Невидимый ручей журчалъ, звенѣлъ и капалъ гдѣ-то подъ ногами среди горнаго мусора, подъ сѣрымъ плитнякомъ, въ черныхъ трещинахъ, откуда выростали жидкія каёмочки травъ и блѣдные цвѣты. Въ большей части дно щели представляло гладкій, точно мощеный, паркетъ, и даже древесные завалы встрѣчались рѣдко.

— Весною тутъ такая идетъ работа... — весело объяснялъ Петръ.—Пѣны, шуму, движенія—полная щель!

По узкому, затѣненному коридору этой щели они выбрались въ слѣдующую болѣе широкую, освѣщенную солнцемъ. Павелъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она представляетъ рядъ такихъ же величественныхъ уступовъ, какъ тѣ, по которымъ катились у дороги на Дарбегъ водопады. И здѣсь по обрывамъ сочилась вода, но осталось ея совсѣмъ мало.

— Куда же мы пойдемъ?

— Туда! — отвѣтилъ невозмутимо Степа, кивая вверхъ головою.

Павелъ улыбнулся; его занимало, какъ это они полѣзутъ вверхъ по отвѣснымъ мшистымъ камнямъ, но онъ стѣснялся разспрашивать. А случилось это значительно проще, чѣмъ онъ думалъ: охотники полѣзли прямо на кручу, цѣпляясь за карнизы; свисали на рукахъ надъ пропастями, карабкались по шаткимъ уступамъ или перебѣгали вдоль скалъ, какъ козы. Движеніе, сознаніе побѣжденной опасности, чудный воздухъ, упоительный ароматъ лѣса и горныхъ травъ, нѣжные звуки струящейся воды, чарующія сочетанія красокъ—опьяняли ихъ, глаза ихъ горѣли, на щекахъ разлился здоровый яркій румянецъ. Казалось, единственная забота каждаго—не испортить охоты. Они двигались осторожно все время тщательно оберегая отъ ударовъ и бренчанія ружья, перекладывая ихъ съ груди на спину или на бокъ, смотря по надобности. Временами они несли ихъ по долгу прямо въ рукахъ. Между тѣмъ руки нужны были имъ на пути здѣсь не менѣе, чѣмъ ноги. Наконецъ, вслѣдъ за Петромъ, всѣ исчезли въ глубокой, продольной трещинѣ, по которой падала внизъ струя воды. Только такъ возможно было спуститься отсюда на нижнюю террасу. Ея уступъ наклонно обвалился снизу, а кругомъ подымались совершенно отвѣсныя, гладкія скалы. Охотники двигались въ темномъ отверстіи, какъ рудокопы въ шахтѣ, упираясь спиною и колѣнями въ

скользкія стѣнки. Рядомъ съ ними лилась вода, холодные ея брызги обдавали имъ лица и руки, малѣйшее неправильное движеніе одного могло всѣхъ ихъ сбросить внизъ, тѣмъ не менѣе, они подшучивали и не прочь были пошумѣть, если бы не таинственный шопотъ Петра:

— Тише!.. Тише!..

Наконецъ, ихъ вожатый спрыгнулъ на дно, гдѣ свѣтилось солнце, и исчезъ за скалою.

— Идите, идите!..

Охотникъ стоялъ, наклонившись надъ крошечнымъ бассейномъ, гдѣ желтѣла полоска песку и глины.

— Видите: былъ утромъ!

Остальные тоже нагнулись и благоговѣйно принялись разсматривать узкій, стройный отпечатокъ козьей ноги.

— Коза?

— Нѣтъ—жиранъ.

— Вотъ, откуда они сходятъ... по этому ереку! [1]).

Петръ указалъ на дикое ущелье, подъ угломъ сбѣгавшее къ ложбинѣ водопадовъ.

— Пойдемъ—осмотримъ мѣстность! Только, чу!—не шумѣть!

„Ерекъ“ немного дальше образовалъ небольшое уширеніе съ отвѣсными стѣнами. Въ одной изъ нихъ на высотѣ пяти-шести саженъ виднѣлся провалъ. Впереди него нависалъ, какъ балконъ, бѣлый, плоскій шершавый утесъ; дальше, въ пролетѣ, рисовались складки еще болѣе высокихъ и мрачныхъ скалъ.

— Ахъ, если бъ *онъ* такъ сейчасъ вотъ здѣсь появился, что за выстрѣлъ!—прошепталъ восторженно Коля.

— Они здѣсь и проходятъ. Я какъ разъ въ этихъ воротахъ убилъ одного.

— Неужели *они* прыгаютъ оттуда.

— Нѣтъ! Вотъ ихъ дорога и мы пойдемъ по ней!

Петръ указалъ на тропочку, въ сравненіи съ которой черкесская тропа казалась шоссейной дорогой. Но труднѣе всего оказалось на пути обогнуть уголъ скалы въ самомъ проходѣ. Онъ выдавался впередъ и приходилось, разставивъ руки, прильнуть грудью и лицомъ къ камню и двигаться бокомъ, отыскивая ощупью ногами продолженіе карниза. Всего—нѣсколько аршинъ, но всякій съ нѣкоторой тревогой продѣлывалъ этотъ искусъ.

— Вотъ онъ... Кавказъ! — раздумывалъ Павелъ.—А въ до-

---

[1]) Ерекъ—маленькая боковая долина, «расщелокъ».

линахъ можно вѣкъ прожить и не узнаешь его! Какъ только ночью мы пройдемъ здѣсь?

Затѣмъ щель расширялась и представляла такой же колодезь, только его стѣны не такъ круто вздымались и образовали ихъ не скалы, а каменистая осыпь. Выходъ запирала толстая складка заскочившихъ другъ за друга горъ. Кругомъ громоздились въ безпорядкѣ скалистые обвалы, груды камней—сѣрыхъ, красныхъ, черныхъ и только высоко вверху узенькая кайма зеленаго лѣса, а надъ нею кусокъ сіяющей лазури.

— Здѣсь и сядемъ. Можно будетъ все стадо пропустить внутрь и не выпустить ни одной штуки. Къ водопою они сбѣгаютъ справа, помните—справа! А теперь—домой. Какъ разъ — пообѣдаемъ и пора назадъ.

Дома они не нашли въ шалашѣ Маруси и, пользуясь ея отсутствіемъ, сняли и развѣсили свои отволгшія куртки и блузы; затѣмъ залѣзли въ мужской шалашъ и расположились на кроватяхъ. Одинъ Павелъ остался у очага. Огонь чуть тлѣлъ; покрытые жестью горшки тихонько булькали, на пескѣ вблизи виднѣлись многочисленные слѣды босой женской ноги, на золѣ—слѣды легкой руки. Изъ дубовой рощи несся трескъ и голоса. Павелъ всталъ и побрелъ туда. Онъ догадался, что Маруся гонитъ коровъ. Она замѣтила его приближеніе и поторопилась выйти на полянку. Павелъ остановился въ нерѣшительности. Разбѣжавшееся при его появленіи стадо тоже остановилось и повернуло къ нему удивленныя морды. Жеребенокъ, слѣдовавшій, какъ собака, за дѣвушкой, немедля подошелъ къ нему и принялся обнюхивать карманы. Павелъ машинально гладилъ и трепалъ его по шеѣ, не спуская глазъ съ Маруси, проходившей мимо съ вѣткой въ рукахъ.

— Марья Львовна... Вы не... хотите... даже поговорить на прощанье?!.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я васъ слушаю...—отвѣтила она, минуя его.

Онъ пошелъ за ней.

— Вы давно вернулись?—заговорила она ласково, но торопливо.— Какіе слѣды нашли? Жираньи? Или пойдете на медвѣдя? Какъ понравились вамъ утесы? Правда, хороши! А я вѣдь до сихъ поръ ихъ не видѣла. Все некогда. Столько дѣла. Скоро домъ примутся строить, придутъ плотники, увеличится стряпня, а я одна... Нужно сушить фрукты на зиму, собирать орѣхи... Куда

ни глянешь, все ждетъ рукъ, рукъ... Какъ вездѣ, гдѣ зарождается что-нибудь новое...

— Марья Львовна... я скоро уѣзжаю.

— Да, я слышала! Позовите товарищей обѣдать.

Павелъ пристально взглянулъ на нее и отбросилъ прочь листокъ, который держалъ въ рукахъ. Охотники гурьбой высыпали изъ шалаша, поправляя платье и приглаживая кто руками, а кто гребешкомъ всклокоченные волосы. Обѣдали на дворѣ подъ развѣсистымъ дубомъ. Ячменная каша съ саломъ показалась имъ божественной. Чаю выпили—море. Общій разговоръ не состоялся. Только Маруся съ Колей разговорились о мелочахъ хуторской жизни. Затѣмъ Маруся повела юношу въ свой шалашъ показать что-то. Степа присоединился къ нимъ. Петръ былъ погруженъ въ обычную задумчивость; Павелъ разсѣянно блуждалъ взглядомъ по окрестностямъ.

— Что заставило васъ поселиться здѣсь?—спросилъ неожиданно Павелъ.

— Меня? Какъ вамъ сказать?!. Вы помните разсказъ Успенскаго „Больная совѣсть“... такъ вотъ, пожалуй... это!..

— Вы, говорятъ, кончили технологическій институтъ, затѣмъ служили гдѣ-то... въ волостныхъ писаряхъ, что ли?!

— Служилъ... Все не то!.. Дѣлаешь... гмъ... не нужное! Крошку добра и груду зла. Хандра, тоска... дѣться некуда... И все не то...

Онъ оборвалъ и тоскливо глянулъ въ пространство. Павелъ вспомнилъ, что тамъ Петръ сильно и, казалось, неизлѣчимо пьянствовалъ.

— А теперь вы не хандрите?

— Нѣтъ!—онъ улыбнулся и чуть покраснѣлъ. Павелъ опять замѣтилъ въ его лицѣ привлекательную смѣсь простодушія и спокойной, самодовлѣющей печали. На томъ у нихъ и прекратился разговоръ. Вернулись юноши и стали торопить къ сборамъ.

— Лучше посидѣть лишній часокъ на мѣстѣ, чѣмъ спугнуть оленей?..

— Ну, да! ну, да!

Прошли охотники прежнюю дорогу не съ такимъ уже рвеніемъ и задоромъ, какъ въ первый разъ, но также удачно и къ закату солнца достигли послѣдней котловины. Сейчасъ же стали тихонько карабкаться по крутизнѣ, чтобы занять посты. Павелъ занялъ правую первую складку уклона, гдѣ низкорослыя деревца и кустарникъ образовали удобную ширму. Онъ примостился у послѣдней

корявой и мохнатой сосенки, впившейся, точно когтями, уродливыми корнями въ край утеса. Отсюда все было видно и стрѣлять было удобно. Охотникъ усѣлся на пень дерева надъ пропастью. Остальные взобрались выше и поочереди исчезли за камнями.

Солнце спряталось за утесъ, сумерки покрыли дно ложбины фіолетовымъ налетомъ, краски тускнѣли и терялись. Ярко горѣлъ только еще край противоположнаго закату обрыва. Въ ущеліи царила мертвенная тишина и спокойствіе, но вверху слышно было, какъ крѣпчалъ вѣтеръ, видно было, какъ тамъ гнутся и шатаются подъ ударами вѣтра деревья. Желтые листья то въ одиночку, то тучами то и дѣло пролетали и кружились среди горъ въ темнѣющемъ воздухѣ. Павелъ сорвалъ лиловый колокольчикъ, выраставшій тутъ же изъ разсѣлины, и задумчиво поднесъ его къ губамъ. Въ его душѣ тоже совершалось нѣчто подобное: умирало прошлое и дрожала подавленная буря! Нѣтъ, онъ не уйдетъ такъ! Онъ еще разъ увидитъ ея лицо взволнованное и робкое, коснется ея рукъ, услышитъ голосъ, полный внутренней борьбы... Онъ скажетъ, онъ повторитъ ей все... Теперь пойти удобнѣе всего. Никто не замѣтитъ, и она не ждетъ его. Нужно только сойти осторожно, чтобы не сбросить по дорогѣ ни малѣйшаго камня!

Онъ поднялся и послушалъ: лѣсъ шумѣлъ все громче, и сверху летѣли уже не листья, а обломки скалъ. Сердце его вдругъ зажглось и забилось учащенно и сильно. Онъ неслышно скользнулъ внизъ и по дну долины поползъ отъ утеса къ утесу.

Жутко становилось не разъ одному на трудныхъ переходахъ, покрытыхъ мракомъ. Раза, два онъ запутался въ щеляхъ. Разъ камень выскользнулъ изъ-подъ его ногъ, и онъ повисъ, навалившись на край обрыва, и долго тщетно шарилъ руками по гладкимъ плитамъ, отыскивая, за что ухватиться. Тогда на мгновеніе холодъ пробѣжалъ по его спинѣ, какъ будто громадная черная птица забила крыльями надъ нимъ, и быстро замелькали передъ нимъ пестрыя картины: залитые солнцемъ виноградники хутора, фигуры колонистовъ и эта дѣвушка, получившая такую власть надъ нимъ... Но все окончилось благополучно, и онъ мгновенно забылъ про опасность, озабоченный исключительно возможностью заблудиться въ высокоствольномъ лѣсу. Когда онъ по ущельямъ подошелъ, наконецъ, къ тому мѣсту, гдѣ заломленный кустъ обозначалъ подъемъ, сердце его екнуло. Тьма, кромѣшная тьма! Хоть бы вѣтерокъ подулъ: можно бы по его направленію опредѣлять линію пути! Онъ прислушался. Слышно было, какъ вверху клокотала въ вѣтвяхъ буря, но внизу не шевельнулась ни былинка.

Войдя подъ колоннаду лѣса, онъ сразу — будто потерялъ глаза. Онъ ловилъ вѣтви кустовъ протянутыми впередъ руками, но онѣ постоянно хлестали его, задѣвали, путали, являясь какъ разъ не съ той стороны, гдѣ онъ ихъ ждалъ. Изрѣдка только въ этой безусловной тьмѣ вспыхивали зеленоватые огоньки. Вначалѣ онъ принялъ ихъ за зрачки хищниковъ и схватилъ ружье, готовый дорого продать жизнь, такъ нужную ему теперь, но огоньки оказались свѣтляками и тухли при его появленіи. Потъ градомъ лился съ него, избитыя ноги устали, когда вдругъ издали донесся къ нему знакомый звукъ. Онъ прислушался и чуть не вскричалъ отъ радости—собаки. Но лай затихъ—и онъ—не увѣренный, не шакалки ли это—не двигаясь, ждалъ повторенія. Нѣтъ!.. Характерное, отрывистое и частое тявканіе безъ воя—такъ не лаютъ шакалки! Значитъ, онъ правильно шелъ! Еще немного, и онъ очутился на просѣкѣ колесной дороги. Огонекъ усадьбы мелькнулъ совсѣмъ близко, и собаки зло и дружно набросились на него. Онъ окликнулъ ихъ, успокоилъ и осторожно подошелъ къ шалашу. Сквозь щель незамкнутыхъ дверей увидѣлъ столъ съ букетомъ, керосиновую лампу и дальше, въ тѣни, фигуру дѣвушки съ книгой въ рукахъ на кровати. Она не читала, книга корешкомъ вверхъ лежала у ней на груди, а глаза неподвижно смотрѣли въ темноту. Она очнулась на скрипъ дверей, подняла голову и присѣла.

— Кто тамъ? Вы!.. вы!?.

— Да, это я, Маруся. Вы избѣгали меня... Я, правда, обѣщалъ, но я... не могъ... Я вѣдь скоро уѣду... Дня черезъ два...

Она молчала; онъ присѣлъ на низенькомъ стульчикѣ противъ нея.

— Они скоро придутъ, Маруся, а мнѣ такъ много нужно сказать вамъ... Мнѣ необходимо наговориться на всю жизнь... Вѣдь это уже не повторится, да?!.

— Зачѣмъ вы уѣзжаете изъ хутора? Вѣдь я ушла оттуда, чтобы не мѣшать вамъ...

— Не совсѣмъ такъ! Мы говорили уже съ тобою: мнѣ душно у васъ, а безъ тебя—еще душнѣе!

Онъ положилъ ладони на столъ, прилегъ на нихъ щекою и жадно глядѣлъ на нее мягкимъ, лучистымъ взглядомъ. Она избѣгала смотрѣть въ его сторону, и все больше и больше волновалась.

— У васъ хорошо, любовно, просто... Какая-то особая прелестная атмосфера... Можно быть вполнѣ самимъ собою, но... чего-

то не хватаетъ, чего-то нѣтъ... Гложетъ тоска! Вначалѣ, когда я не зналъ, что такое физическій трудъ, и думалъ, что будетъ мнѣ трудно, что это дастъ спокойствіе... меня занимало. Теперь опять... мутитъ въ душѣ! Не могу отрѣшиться отъ сознанія, что есть другіе... цѣлые милліоны другихъ... Совершенствованіе... вѣчное совершенствованіе! Что толку въ немъ? Чувствовать себя чистымъ, хорошимъ и знать, что ты капля въ морѣ глупыхъ, грязныхъ, злыхъ и преступныхъ... Нѣтъ!.. Это равно безсилію. Лучше я буду дѣлить съ ними и радость, и горе, и борьбу ихъ, и ихъ пороки...

— Пороки!?

— Ну, да! Мнѣ вѣрно опять придется и душой кривить, и обманывать, и прилаживаться, и жить на чужой счетъ... Вы вѣдь каждый фунтъ хлѣба взвѣсили... и вы правы! Но что значитъ моя крошка въ общей вакханаліи? А ты вѣришь, Маруся, что я не буду жить только для себя! Было у меня... личное, это ты! Маруся, умоляю тебя,—скажи мнѣ, повтори, что ты... никого еще не любишь!..

Дѣвушка встряхнула головой.

— А... Петръ?

— Что?.. ревность?!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только такъ... Будь счастлива? Мнѣ все равно. Какъ я хотѣлъ, какъ страстно хотѣлъ узнать передъ концомъ сильную страсть, и вотъ она пришла... не на радость! Мнѣ казалось, что я былъ бы еще тверже... Вѣдь я узналъ бы въ жизни все лучшее... Судьбѣ было не угодно... Я чувствую себя минутами, какъ тяжело раненый...

— Вотъ видишь,—перервала его Маруся:—насколько мы разные люди. По моему, все личное не укрѣпляетъ, а наоборотъ... Чѣмъ меньше мы во власти нашихъ чувствъ, тѣмъ больше можемъ внѣ... Ты не можешь жить безъ нихъ, а я не могу жить *тамъ*... Тебя не смущаетъ мірская сутолока, ты вѣришь, что ты тамъ что-то можешь, а я не вѣрю и чувствую себя такой маленькой, безпомощной... Все, что дѣлаю, кажется мнѣ лишнимъ, безполезнымъ, все это, я увѣрена, сдѣлаютъ лучше и скорѣе другіе... И за все платить приходится такими уступками!.. Здѣсь каждый поступокъ можетъ быть чистъ, это зависитъ отъ желанія, отъ усилія, и польза его очевидна... Все просто, ясно... Нѣтъ! вернуться туда и опять лицемѣрить, блуждать въ нерѣшительности, въ туманѣ... Отнимать у другихъ жизнь, здоровье, и все въ ожиданіи будущихъ благъ...

— Вѣдь и ты вѣришь въ побѣду лучшаго...

— Не этимъ путемъ... не твоимъ! Слушай, Павелъ, если бъ я вернулась... я бы изныла... Я трезво смотрю на вещи: я бы измѣнилась, ты разлюбилъ бы меня, и любовь моя стала бы тебѣ въ тягость... Я не могу... Ты другой... въ тебѣ...

Она умолкла и приподнялась.

— Маруся, милая, скажи разъ еще... послѣдній разъ... скажи, что... ты...

Онъ опустился на колѣни и робко потянулся къ ней.

— Какіе вы всѣ... безжалостные! — прошептала дѣвушка, подавляя рыданія.

— Нѣтъ, нѣтъ!—въ ужасѣ воскликнула она, почувствовавши его руки на своемъ платьѣ, и она быстро отодвинулась на противуположный конецъ стола. Онъ опять положилъ голову на руки. Оба долго молчали. Съ шумомъ вѣтра издали принеслись къ нимъ смѣшанные голоса, собаки яростно залаяли.

— Они!.. Увидятъ васъ!

— Пусть! Все равно... всѣ знаютъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ... зачѣмъ же... Зачѣмъ... мучить!?

Онъ послушно всталъ, захватилъ ружье и ѣадами направился въ лѣсъ. Маруся потушила лампу.

Охотники приближались, громко разговаривая.

— Возможно, что онъ прозябъ и, не желая портить охоты, ушелъ безъ дальнихъ разговоровъ. Это въ его духѣ!

— А что, если найдемъ его дома? Ну, и буду же ругать его!

— Наврядъ ли! Смотрите: у Маруси темно и у насъ нѣтъ свѣта!

— Можетъ, спитъ!

— А если нѣтъ, не знаю, что будетъ... Мнѣ страшно! Никогда я такъ не пугался, какъ увидѣвши пустой утесъ...

— Ау!.. Го-го-го!..—пронеслось въ темнотѣ.

Всѣ повернулись къ лѣсу.

— Слышали!.. Сюда! Сю-да!.. Павелъ!

Нѣкоторые хотѣли броситься ему навстрѣчу.

— Зачѣмъ? Собьете только его!.. остановилъ ихъ Петръ. — Кричите, стоя на мѣстѣ!..

— Ау! Па-велъ! Сю-да!

Въ скоромъ времени затрещалъ у дороги хмеречь, и темная широкоплечая фигура вышла къ нимъ.

— Что ты надѣлалъ! Бить тебя нужно!!.

— Зачѣмъ ушелъ? Что случилось?!

— Ты вѣрно заблудился, но ты цѣлъ?. Ты... съ тобою... ничего не случилось?—спрашивалъ Коля, нѣжно касаясь его плеча.

— Зачѣмъ шумъ? Крови не было, трупа внизу не нашли... Могли догадаться, что я ушелъ!..

Павелъ сталъ небрежно разсказывать свои приключенія: какъ онъ блуждалъ по щелямъ, какъ камень у него выскользнулъ изъ-подъ ногъ, какъ онъ хотѣлъ стрѣлять свѣтляковъ...

— Ты мало потерялъ! Даже веселѣе!..—сказалъ Коля.—Жираны-то вѣдь не пришли... Непогода! Петръ говоритъ, что въ вѣтеръ они ложатся.

Охотники веселой, говорливой толпой подошли къ усадьбѣ и направились въ свой шалашъ. Немного спустя Маруся позвала ихъ ужинать. Петра поразила ея необыкновенная блѣдность. Онъ задвинулся въ уголъ и глядѣлъ оттуда изподлобья. Павелъ хмуро молчалъ. Подъ конецъ Коля, разсказывавшій съ увлеченіемъ впечатлѣнія охоты, замѣтилъ, что слушаетъ его только сонный Степа.

— Идемъ... что ли?—обратился онъ къ Павлу.

— Конечно, идемъ.

— Куда вы пойдете въ такой вѣтеръ... ночью? Все равно домой попадете не раньше утра!—пробовалъ удержать ихъ Степа.

— Ну, да. Утромъ, къ разсвѣту... Затѣмъ позавтракаемъ и на работу!..

— Иначе нельзя! Въ прошлый понедѣльникъ тоже замѣшкались на охотѣ, только съ полудня пошли на нарядъ... Сегодня опять... Нѣтъ, нельзя! Все это отзывается на другихъ... доказывалъ Коля.

Павелъ молча приводилъ въ порядокъ свою обувь и платье. Осмотрѣли ружья, подтянулись и двинулись въ путь. Дарбегцы проводили ихъ на край дубовой рощи, къ тому обвалу, гдѣ открывался видъ на море и спящіе теперь въ лунномъ сіяніи „шиханы“.

— Прощайте! Прощай, Коля! Прощайте, Павелъ Михайловичъ! Кланяйтесь хуторянамъ!—кричали имъ въ догонку.

— Коля! Коля!.. Ради Бога, будьте осторожны... не свалитесь какъ-нибудь въ пропасть!—просила Маруся.

— Хорошо!.. хорошо!.. Рады стараться!

Оставшіеся долго смотрѣли, какъ охотники спускались внизъ, какъ по острымъ скаламъ прыгали вслѣдъ за ними ихъ черныя тѣни.

Между тѣмъ свирѣпый „нордъ-остъ“ гнулъ въ дугу дубовый боръ и сбрасывалъ въ покрытыя луннымъ свѣтомъ ущелья горсти завядшихъ листьевъ, сучья и обломки камней.

В. Сѣрошевскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РОМАНТИЗМА.

Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.

(Продолженіе).

Третій ошибочный выводъ Сисмонди изъ перенятой имъ неправильной теоріи Ад. Смита есть ученіе о кризисахъ. Изъ воззрѣнія Сисмонди, что накопленіе (ростъ производства вообще) опредѣляется потребленіемъ, и изъ невѣрнаго объясненія реализаціи всего общественнаго продукта (сводимаго къ долѣ рабочихъ и долѣ капиталистовъ въ доходѣ) вытекло естественно и неизбѣжно то ученіе, что кризисы объясняются несоотвѣтствіемъ между производствомъ и потребленіемъ. Этой теоріи и держался цѣликомъ Сисмонди. Ее перенялъ и Родбертусъ, придавъ ей слегка измѣненную формулировку: онъ объяснялъ кризисы тѣмъ, что при ростѣ производства доля рабочихъ въ продуктѣ уменьшается, при чемъ весь общественный продуктъ онъ такъ же неправильно, какъ и А. Смитъ, дѣлилъ на заработную плату и ренту (по его терминологіи,—сверхстоимость, т.-е. прибыль и поземельная рента вмѣстѣ). Научный анализъ накопленія въ капиталистическомъ обществѣ [1]) и реализаціи продукта подорвалъ всѣ основанія этой теоріи, указавъ также, что именно въ эпохи, предшествующія кризисамъ, потребленіе рабочихъ повышается, что недостаточное потребленіе (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самыхъ различныхъ хозяйственныхъ режимахъ, а кризисы составляютъ отличительный признакъ только одного режима—капиталистическаго. Эта теорія объясняетъ кризисы другимъ противорѣчіемъ, именно противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства (обобществленнаго капитализмомъ) и частнымъ, индивидуальнымъ способомъ присвоенія. Глубокое различіе этихъ теорій, казалось бы, ясно самособой, но мы должны остановиться подробнѣе на немъ, ибо именно русскіе послѣдователи Сисмонди стараются *стереть* это различіе и спутать дѣло. Двѣ теоріи кризисовъ, о которыхъ мы говоримъ, даютъ имъ совершенно различныя объясненія. Первая теорія объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ рабочаго класса.

---

[1]) Въ связи съ ученіемъ о томъ, что весь продуктъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ состоитъ изъ двухъ частей, находится у А. Смита и послѣдующихъ экономистовъ ошибочное пониманіе «накопленія единичнаго капитала». Именно, они учили, что накопляемая часть прибыли цѣликомъ расходуется на заработную плату, тогда какъ на дѣлѣ она расходуется: 1) на постоянный капиталъ и 2) заработную плату. Сисмонди повторяетъ и эту ошибку классиковъ.

вторая—противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія. Первая, слѣд., видитъ корень явленія *внѣ* производства (отсюда у Сисмонди, напр., общія нападки на классиковъ, что они игнорируютъ потребленіе, занимаясь только производствомъ); вторая — именно въ условіяхъ производства. Говоря кратче, первая объясняетъ кризисы недостаточнымъ потребленіемъ (Unterkonsamtion), вторая — безпорядочностью производства. Итакъ, объ теоріи, объясняя кризисы *противорѣчіемъ* въ самомъ строѣ хозяйства, совершенно расходятся въ указаніи этого противорѣчія. Но спрашивается: отрицаетъ ли вторая теорія фактъ противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ, фактъ недостаточнаго потребленія? *Разумѣется, нѣтъ.* Она вполнѣ признаетъ этотъ фактъ, но отводитъ ему надлежащее, подчиненное мѣсто, какъ факту, относящемуся лишь къ одному подраздѣленію всего капиталистическаго производства. Она учитъ, что этотъ фактъ не можетъ объяснить кризисовъ, вызываемыхъ другимъ, болѣе глубокимъ, основнымъ противорѣчіемъ современной хозяйственной системы, именно противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія. Поэтому, что сказать о тѣхъ людяхъ, которые, придерживаясь въ сущности первой теоріи, прикрываются ссылками на то, какъ представители второй констатируютъ противорѣчіе между производствомъ и требованіемъ? Очевидно, эти люди *не вдумались* въ основу различія двухъ теорій и не поняли, какъ слѣдуетъ, второй теоріи. Къ числу этихъ людей принадлежитъ, напр., г. Н. —онъ (не говоря уже о В. В.). На принадлежность ихъ къ послѣдователямъ Сисмонди было уже указано въ нашей литературѣ г. Туганъ-Барановскимъ («Пром. кризисы», с. 477, съ странной оговоркой относительно г. Н. —она: «повидимому»). Но г. Н. —онъ, толкуя о «сокращеніи внутренняго рынка» и о «пониженіи народной потребительной способности» (центральные пункты его воззрѣній), ссылается тѣмъ не менѣе на представителей второй теоріи, *констатирующихъ* фактъ противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ, фактъ недостаточнаго потребленія. Понятно, что такія ссылки показываютъ только характерную вообще для этого автора способность приводить неумѣстныя цитаты, и ничего болѣе. Напр., всѣ читатели, знакомые съ его «Очерками», помнятъ, конечно, его «цитату» о томъ, что «рабочіе, какъ покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имѣетъ стремленіе ограничить ихъ минимумомъ цѣны, какъ продавцовъ собственнаго товара—рабочей силы» («Очерки» с. 178), помнятъ также, что г. Н. —онъ хочетъ выводить отсюда и «сокращеніе внутренняго рынка» (ib., с. 203 и др.) и кризисы (с. 298 и др.). Но, приводя эту цитату (ничего не доказывающую, какъ мы разъяснили), нашъ авторъ сверхъ того *опускаетъ конецъ* той выноски, изъ которой взята его цитата. Эта цитата представляла изъ себя *замѣтку, вставленную въ рукопись* II-го отдѣла

II-го тома «Капитала». Замѣтка эта была вставлена, «чтобы впослѣдствіи развить ее обстоятельнѣе», и издатель рукописи отнесъ ее въ примѣчаніе. *Послѣ приведенныхъ словъ въ этой замѣткѣ говорится: «Однако все это относится только къ слѣдующему отдѣлу»* [1]), — т.-е. къ третьему отдѣлу. А что это за третій отдѣлъ? Это именно тотъ отдѣлъ, который содержитъ критику теоріи А. Смита о двухъ частяхъ всего общественнаго продукта (вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ отзывомъ Сисмонди) и анализъ «воспроизводства и обращенія всего общественнаго капитала», т.-е. реализаціи продукта. Итакъ, въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, повторяющихъ Сисмонди, нашъ авторъ цитируетъ замѣтку, относящуюся «только къ отдѣлу», опровергающему Сисмонди: «только къ отдѣлу», въ которомъ показано, что капиталисты *могутъ* реализовать сверхстоимость, и что внесеніе внѣшней торговли въ анализъ реализаціи есть нелѣпость...

Другая попытка стереть различіе двухъ теорій и защитить старый романтическій хламъ ссылкой на новѣйшія ученія, содержится въ статьѣ Эфруси. Приведя теорію кризисовъ Сисмонди, Эфруси указываетъ на ея невѣрность («Р. Б.» № 7, с. 162). Указанія его крайне неотчетливы и противорѣчивы. Съ одной стороны, онъ повторяетъ доводы противоположной теоріи, говоря, что предметами непосредственнаго потребленія не исчерпывается національный спросъ. Съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что объясненіе кризисовъ Сисмонди «указываетъ лишь на одно изъ многихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ распредѣленіе національнаго производства соотвѣтственно спросу населенія и его покупательной способности». Читателя приглашаютъ, слѣдовательно, думать, что объясненіе кризисовъ заключается именно въ «распредѣленіи» и что ошибка Сисмонди ограничивается неполнымъ указаніемъ причинъ, затрудняющихъ это распредѣленіе! Но главное не въ этомъ... «Сисмонди,—говоритъ Эфруси,—не остановился на вышеприведенномъ объясненіи. Уже въ 1-омъ изданіи «Nouv. Princ.» мы находимъ глубоко поучительную главу, озаглавленную «De la connaissance du marché». Въ этой главѣ Сисмонди раскрываетъ намъ основныя причины нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ [это замѣтьте!] съ такой ясностью, какую мы въ этомъ вопросѣ встрѣчаемъ лишь у немногихъ экономистовъ». (ib.). И приведя цитаты о томъ, что фабрикантъ не можетъ знать рынка, Эфруси говоритъ: «Почти то же самое говоритъ Энгельсъ» (с. 163)—слѣдуетъ цитата о томъ, что фабрикантъ не можетъ знать спроса. Приведя затѣмъ еще цитаты о «другихъ препятствіяхъ для установленія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ» (с. 164), Эфруси увѣряетъ, что «въ нихъ дается то самое объясненіе кризисовъ, которое все болѣе и болѣе становится господствующимъ»! Даже болѣе: Эфруси находитъ, что «мы въ вопросѣ о причинахъ народно-хозяйственныхъ кри-

[1]) Das Kapital, II Band, с. 304. Рус. пер., с. 232. Курсивъ нашъ.

зисовъ можемъ съ полнымъ правомъ смотрѣть на Сисмонди, какъ на родоначальника тѣхъ взглядовъ, которые позднѣе развиваются болѣе послѣдовательно и болѣе ясно» (с. 168).

Но всѣмъ этимъ Эфруси обнаруживаетъ полное непониманіе дѣла! Что такое кризисы?—Перепроизводство, производство товаровъ, которые не могутъ быть реализированы, не могутъ найти спроса. Если товары не могутъ найти спроса,—значитъ, фабрикантъ, производя ихъ, не зналъ спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условіе возможности кризисовъ значитъ дать объясненіе кризисамъ? Неужели Эфруси не понималъ разницы между указаніемъ возможности и объясненіемъ необходимости явленія? Сисмонди говоритъ: кризисы возможны, ибо фабрикантъ не знаетъ спроса; они необходимы, ибо въ капиталистическомъ производствѣ не можетъ быть равновѣсія производства съ потребленіемъ (т.-е. не можетъ быть реализированъ продуктъ). Энгельсъ говоритъ: кризисы возможны, ибо фабрикантъ не знаетъ спроса; они необходимы совсѣмъ не потому, чтобы вообще не могъ быть реализованъ продуктъ. Это невѣрно: продуктъ можетъ быть реализованъ. Кризисы необходимы потому, что коллективный характеръ производства приходитъ въ противорѣчіе съ индивидуальнымъ характеромъ присвоенія. И вотъ находится экономистъ, который увѣряетъ, что Энгельсъ говоритъ «почти то же самое»; что Сисмонди даетъ «то же самое объясненіе кризисовъ»! «Меня удивляетъ поэтому, — пишетъ Эфруси:—что г. Туганъ-Барановскій... упустилъ изъ виду самое важное и цѣнное въ ученіи Сисмонди» (с. 168). Но г. Туганъ-Барановскій ничего не упустилъ изъ виду. Напротивъ, онъ съ полной точностью указалъ то основное противорѣчіе, къ которому сводитъ дѣло новая теорія (с. 455 и др.), и выяснилъ значеніе Сисмонди, который раньше указалъ на противорѣчіе, проявляющееся въ кризисахъ, но не сумѣлъ дать вѣрнаго объясненія ему (с. 457: Сисмонди до Энгельса указывалъ на то, что кризисы вытекаютъ изъ современной организаціи хозяйства; с. 491: Сисмонди излагалъ условія возможности кризисовъ, но «не всякая возможность осуществляется на дѣлѣ»). А Эфруси совершенно въ этомъ не разобрался и, сваливъ все въ одну кучу, «удивляется», что у него выходитъ путаница! «Мы, правда,— говоритъ экономистъ «Русск. Бог.», — у Сисмонди не находимъ тѣхъ выраженій, которыя теперь получили всеобщее право гражданства, въ родѣ «анархіи производства», «отсутствія планомѣрности (Planlosigkeit) производства», но сущность, скрывающаяся подъ этими выраженіями, отмѣчена у него вполнѣ ясно» (с. 168). Съ какой легкостью романтикъ новѣйшій реставрируетъ романтика былыхъ дней! Вопросъ сводится къ различію въ словахъ! На дѣлѣ вопросъ сводится къ тому, что Эфруси не понимаетъ тѣхъ словъ, которыя повторяетъ. «Анархія производства», «отсутствіе планомѣрности производства»—о чемъ говорятъ эти выраженія? О противорѣчіи между общественнымъ харак-

теромъ производства и индивидуальнымъ характеромъ присвоенія. И мы спрашиваемъ всякаго, знакомаго съ разбираемой экономической литературой: признавалъ ли это противорѣчіе Сисмонди или Родбертусъ? Выводили ли они кризисы изъ этого противорѣчія? Нѣтъ, не выводили и не могли выводить, ибо *ни одинъ изъ нихъ совершенно не понималъ этого противорѣчія.* Самая идея о томъ, что критику капитализма нельзя основывать на фразахъ о всеобщемъ благополучіи [1]) или о неправильности «обращенія, предоставленнаго самому себѣ», а необходимо основывать на характерѣ эволюціи производственныхъ отношеній,—была имъ абсолютно чужда.

Мы вполнѣ понимаемъ, почему наши россійскіе романтики употребляютъ всѣ усилія, чтобы стереть различіе между двумя указанными теоріями кризисовъ. Это потому, что съ указанными теоріями самымъ непосредственнымъ, самымъ тѣснымъ образомъ связаны принципіально различныя отношенія къ капитализму. Въ самомъ дѣлѣ, если мы объясняемъ кризисы невозможностью реализовать продукты противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ, то мы тѣмъ самымъ приходимъ къ отрицанію дѣйствительности, пригодности того пути, по которому идетъ капитализмъ, объявляемъ его путемъ «ложнымъ» и обращаемся къ поискамъ «иныхъ путей». Выводя кризисы изъ этого противорѣчія, мы должны думать, что чѣмъ дальше развивается оно, *тѣмъ труднѣе* выходъ изъ противорѣчія. И мы видѣли, какъ Сисмонди съ величайшей наивностью высказалъ именно это мнѣніе, говоря, что если капиталъ накопляется медленно, то это еще можно снести; но если быстро, то это становится невыносимо.—Наоборотъ, если мы объясняемъ кризисы противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ характеромъ присвоенія, мы тѣмъ самымъ признаемъ дѣйствительность и прогрессивность капиталистическаго пути и отвергаемъ поиски «иныхъ путей», какъ вздорный романтизмъ. Мы тѣмъ самымъ признаемъ, что чѣмъ дальше развивается это противорѣчіе, *тѣмъ легче* выходъ изъ него, и что выходъ заключается именно въ развитіи даннаго строя.

Какъ видитъ читатель, и тутъ мы встрѣчаемъ различіе «точекъ зрѣнія»...

Вполнѣ естественно, что наши романтики ищутъ теоретическихъ подтвержденій своимъ воззрѣніямъ. Вполнѣ естественно, что эти поиски приводятъ ихъ къ старому хламу, давнымъ давно выброшенному западной Европой. Вполнѣ естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этотъ хламъ, то прямо прикрашивая романтиковъ западной Европы, то провозя романтизмъ подъ флагомъ неумѣстныхъ и извращенныхъ цитатъ. Но они жестоко заблуждаются, если думаютъ, что подобная контрабанда будетъ оставаться нераскрытой.

Заканчивая этимъ изложеніе *основной* теоретической доктрины Сис-

[1]) Cf. Sismondi, l. c. I, 8.

монди и главнѣйшихъ теоретическихъ выводовъ, сдѣланныхъ имъ изъ нея, мы должны сдѣлать маленькое добавленіе, относящееся опять къ Эфруси. Въ другой своей статьѣ о Сисмонди (продолженіе первой) онъ говоритъ: «Еще болѣе интереснымъ (сравнительно съ ученіемъ о доходѣ съ капитала) являются воззрѣнія Сисмонди на различные виды доходовъ» («Р. Б.» № 8, с. 42). Сисмонди, дескать, такъ же, какъ и Родбертусъ, дѣлитъ національный доходъ на двѣ части: «одна поступаетъ владѣльцамъ земли и орудій производства, другая—представителямъ труда» (ib.). Слѣдуютъ цитаты, въ которыхъ Сисмонди говоритъ о такомъ дѣленіи не только національнаго дохода, но и всего продукта: «Годовое производство, или результатъ всѣхъ работъ, совершенныхъ народомъ въ теченіе года, также состоитъ изъ двухъ частей», и т. д. (N. Princ. I, 105, цит. въ «Р. Б.» № 8, с. 43). «Процитированныя мѣста,—заключаетъ нашъ экономистъ,—ясно доказываютъ, что Сисмонди вполнѣ усвоилъ (!) ту самую классификацію народнаго дохода, которая играетъ у новѣйшихъ экономистовъ такую важную роль, именно дѣленіе народнаго дохода на доходъ, основанный на трудѣ, и на безтрудовой доходъ—arbeitsloses Einkommen. Хотя, вообще говоря, взгляды Сисмонди по вопросу о доходѣ не всегда ясны и опредѣленны, но въ нихъ все-таки проглядываетъ сознаніе различія, существующаго между частно-хозяйственнымъ и народно-хозяйственнымъ доходомъ» (с. 43).

Процитированное мѣсто,—скажемъ мы на это,—ясно доказываетъ, что Эфруси вполнѣ усвоилъ мудрость нѣмецкихъ учебниковъ, но, не смотря на это (а, можетъ быть, именно благодаря этому), совершенно проглядѣлъ теоретическую трудность вопроса о національномъ доходѣ въ отличіе отъ индивидуальнаго. Эфруси выражается очень неосторожно. Мы видѣли, что въ первой половинѣ своей статьи онъ называлъ «новѣйшими экономистами» теоретиковъ одной опредѣленной школы. Читатель вправѣ будетъ подумать, что и на этотъ разъ рѣчь идетъ о нихъ же. На самомъ же дѣлѣ авторъ разумѣетъ тутъ нѣчто совершенно иное. Въ качествѣ новѣйшихъ экономистовъ фигурируютъ теперь уже нѣмецкіе катедерсоціалисты. Защита Сисмонди состоитъ въ томъ, что авторъ сближаетъ его теорію съ ихъ ученіемъ. Въ чемъ же состоитъ ученіе этихъ «новѣйшихъ» авторитетовъ Эфруси?—Въ томъ, что національный доходъ дѣлится на двѣ части.

Да вѣдь это ученіе Ад. Смита, а вовсе не «новѣйшихъ» экономистовъ! Раздѣляя доходъ на заработную плату, прибыль и ренту (кн. I, гл. VI «Богатства народовъ»; кн. II, гл. II), А. Смитъ противополагалъ два послѣдніе первому, именно какъ безтрудовой доходъ, называя оба ихъ вычетомъ изъ труда (кн. I, гл. VIII) и оспаривая мнѣніе, что прибыль есть та же заработная плата за особаго рода трудъ (кн. I, гл. VI). И Сисмонди, и Родбертусъ, и «новѣйшіе» авторы нѣмецкихъ учебниковъ просто повторяютъ это ученіе Смита. Различіе между ними только то, что

А. Смитъ сознавалъ, что ему не вполнѣ удается выдѣлить національный доходъ изъ національнаго продукта; сознавая, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе, выкидываетъ изъ послѣдняго постоянный капиталъ (по современной терминологіи), который имъ включался однако въ единичный продуктъ. «Новѣйшіе» же экономисты, повторяя ошибку А. Смита, облекали его ученіе только въ болѣе напыщенную форму («классификація національнаго дохода») и утрачивали сознаніе того противорѣчія, передъ которымъ остановился А. Смитъ. Это—пріемы, быть можетъ, ученые, но вовсе не научные.

Продолжаемъ обзоръ теоретическихъ воззрѣній Сисмонди. Всѣ главныя его воззрѣнія—тѣ, которыя характеризуютъ его въ отличіе отъ всѣхъ другихъ экономистовъ, мы уже разсмотрѣли. Дальнѣйшія либо не играютъ столь важной роли въ общемъ его ученіи, либо составляютъ выводъ изъ предыдущихъ.

Отмѣтимъ, что Сисмонди точно такъ же, какъ и Родбертусъ, не раздѣлялъ теоріи ренты Рикардо. Не выдвигая своей собственной теоріи, онъ старался поколебать ученіе Рикардо соображеніями болѣе чѣмъ слабыми. Онъ выступаетъ здѣсь чистымъ идеологомъ мелкаго крестьянина; онъ не столько опровергаетъ Рикардо, сколько отвергаетъ вообще перенесеніе на земледѣліе категорій товарнаго хозяйства и капитализма. Въ обоихъ отношеніяхъ его точка зрѣнія въ высшей степени характерна для романтика. Гл. XIII-я 3-ей книги [1]) посвящена «теоріи г. Рикардо о рентѣ съ земель». Заявивъ сразу о полномъ противорѣчіи доктрины Рикардо его собственной теоріи, Сисмонди приводитъ такія возраженія: общій уровень прибыли (на которомъ построена теорія Рикардо) никогда не устанавливается, свободнаго перемѣщенія капитала въ земледѣліи нѣтъ. Въ земледѣліи надо разсматривать внутреннюю цѣнность продукта (la valure intrinséque), не зависящую отъ колебаній рынка и представляющую владѣльцу «чистый продуктъ» (product net), «трудъ природы» (I, 306). «Трудъ природы есть сила, источникъ чистаго продукта земли, разсматриваемаго въ его внутренней стоимости» (intrinsequement) (I, 316). «Мы разсматривали ренту

[1]) Характерна уже и самая система изложенія: 3-я книга трактуетъ о «богатствѣ территоріальномъ» (richesse territoriale), земельномъ, т.-е. о земледѣліи. Слѣдующая 4-я книга «о богатствѣ торговомъ» (de la richesse commerciale)—о промышленности и торговлѣ. Какъ будто бы земельный продуктъ и самая земля не становились тоже товаромъ при господствѣ капитализма! Поэтому между двумя этими книгами не оказывается и соотвѣтствія. Промышленность трактуется только въ ея капиталистической формѣ, современной Сисмонди. Земледѣліе же описывается въ видѣ разношерстнаго перечня всяческихъ системъ эксплуатаціи земли: эксплуатація патріархальная, рабская, половническая, барщинная, оброчная, фермерская, эмфитевтическая (сдача въ вѣчно-наслѣдственную аренду). Въ результатѣ полная путаница: авторъ не даетъ ни исторіи земледѣлія, ибо всѣ эти «системы» между собой не связаны, ни анализа земледѣлія въ капиталистическомъ хозяйствѣ, хотя это послѣднее—настоящій предметъ его сочиненія и хотя о промышленности онъ говоритъ только въ ея капиталистической формѣ.

(le fermage), или вѣрнѣе, чистый продуктъ, какъ происходящій непосредственно изъ земли въ пользу собственника; онъ не отнимаетъ никакой доли ни у фермера, ни у потребителя» (I, 312). И это повтореніе старыхъ физіократическихъ предразсудковъ заключается еще моралью: «Вообще въ политической экономіи слѣдуетъ беречься (se dépier) абсолютныхъ предположеній, точно такъ же, какъ и абстракцій» (I, 312)! Въ такой «теоріи» нечего даже и разбирать, ибо одного маленькаго примѣчанія Рикардо противъ «труда природы» болѣе чѣмъ достаточно [1]). Это просто отказъ отъ анализа и гигантскій шагъ назадъ сравнительно съ Рикардо. Съ полной наглядностью сказывается и тутъ романтизмъ Сисмонди, который спѣшитъ осудить данный процессъ, боясь прикоснуться къ нему анализомъ. Замѣтьте, что онъ вѣдь не отрицаетъ того факта, что земледѣліе развивается въ Англіи капиталистически, что крестьяне замѣняются фермерами и поденщиками, что на континентѣ дѣла развиваются въ томъ же направленіи. Онъ просто отворачивается отъ этихъ фактовъ (которые онъ обязанъ былъ разсмотрѣть, разсуждая о капиталистическомъ хозяйствѣ), предпочитая сентиментальные разговоры о предпочтительности системы патріархальной эксплуатаціи земли. Точь въ точь такъ же поступаютъ и наши народники: никто изъ нихъ и не пытался отрицать того факта, что товарное хозяйство проникаетъ въ земледѣліе, что оно не можетъ не производить радикальнаго измѣненія въ общественномъ характерѣ земледѣлія,—но въ то же время никто, разсуждая о капиталистическомъ хозяйствѣ, не ставитъ вопроса о ростѣ торговаго земледѣлія, предпочитая отдѣлываться сентенціями о «народномъ производствѣ». Такъ какъ здѣсь мы ограничиваемся пока разборомъ теоретической экономіи Сисмонди, то болѣе подробное ознакомленіе съ этой «патріархальной эксплуатаціей откладываемъ до дальнѣйшаго».

Другимъ теоретическимъ пунктомъ, около котораго вращается изложеніе Сисмонди, является ученіе о населеніи. Отмѣтимъ отношеніе Сисмонди къ теоріи Мальтуса и къ излишнему населенію, создаваемому капитализмомъ.

Эфруси увѣряетъ, что Сисмонди согласенъ съ Мальтусомъ лишь въ томъ, что населеніе можетъ размножаться съ чрезвычайной быстротой, служа источникомъ чрезвычайныхъ страданій. Въ дальнѣйшемъ они являются полнѣйшими антиподами: Сисмонди ставитъ весь вопросъ

---

[1]) *Рикардо.* Сочиненія, пер. Зибера, стр. 35: «Развѣ природа ничего не дѣлаетъ для человѣка въ мануфактурной промышленности? Развѣ силы вѣтра и воды, приводящія въ дѣйствіе паши машины и оказывающія пособіе мореплаванію, не имѣютъ никакого значенія? Давленіе атмосферы и упругость пара, посредствомъ которыхъ мы приводимъ въ движеніе самыя удивительныя машины,—развѣ это не дары природы? Не говоря о дѣйствіи теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и объ участіи воздуха въ процессахъ окрашиванія и броженія, нѣтъ ни одной отрасли мануфактуры, въ которой бы природа не оказывала помощи человѣку, и притомъ помощи даровой и щедрой».

о населеніи на соціально-историческую почву». («Р. Б.» № 7, с. 148). И въ этой формулировкѣ Эфруси совершенно затушевываетъ характерную точку зрѣнія Сисмонди (именно мелко-буржуазную) и его романтизмъ.

Что значитъ «ставить вопросъ о населеніи на соціально-историческую почву»? Это значитъ изслѣдовать законъ народонаселенія каждой исторической системы хозяйства отдѣльно и изучать его связь и соотношеніе съ данной системой. Какую систему изучалъ Сисмонди? Капиталистическую. Итакъ, сотрудникъ «Русск. Богатства» полагаетъ, что Сисмонди изучалъ капиталистическій законъ народонаселенія. Въ этомъ утвержденіи есть доля истины, но только *доля*. А такъ какъ Эфруси и не думаетъ разбирать, чего недоставало Сисмонди въ его разсужденіяхъ о народонаселеніи, и такъ какъ Эфруси утверждаетъ, что «Сисмонди является здѣсь предшественникомъ самыхъ выдающихся новѣйшихъ экономистовъ» [1]) (с. 148),—то въ результатѣ получается совершенно такое же подкрашиваніе мелко-буржуазнаго романтика, какое мы видѣли по вопросу о кризисахъ и о національномъ доходѣ. Въ чемъ состояло сходство ученія Сисмонди съ новой теоріей по этимъ вопросамъ? Въ томъ, что Сисмонди указалъ на противорѣчія, свойственныя капиталистическому накопленію. Это сходство Эфруси отмѣтилъ. Въ чемъ состояло различіе Сисмонди отъ новой теоріи? Въ томъ, во-1-хъ, что онъ ни на іоту не двинулъ впередъ научнаго анализа этихъ противорѣчій и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалъ даже шагъ назадъ сравнительно съ классиками, — во-2-хъ, въ томъ, что онъ прикрывалъ свою неспособность къ анализу (отчасти свое нежеланіе производить анализъ) мелкобуржуазной моралью о необходимости соображать національный доходъ съ расходомъ, производство съ потребленіемъ и т. п. Этого различія Эфруси ни по одному изъ указанныхъ пунктовъ *не отмѣтилъ* и тѣмъ совершенно неправильно представилъ настоящее значеніе Сисмонди и его отношеніе къ новѣйшей теоріи. Совершенно то же самое видимъ мы и по данному вопросу. Сходство Сисмонди съ новѣйшей теоріей и здѣсь ограничивается *указаніемъ на противорѣчіе*. Различіе и здѣсь состоитъ въ отсутствіи научнаго анализа и въ мелко-буржуазной морали вмѣсто такого анализа. Поясникъ это.

Развитіе капиталистической машинной индустріи съ конца прошлаго вѣка повело за собой образованіе излишняго населенія, и предъ политической экономіей встала задача объяснить это явленіе. Мальтусъ пытался, какъ извѣстно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхожденіе его изъ извѣст-

[1]) Оговариваемся впрочемъ, что мы не можемъ навѣрное знать, кто фигурируетъ тутъ у Эфруси въ качествѣ «самаго выдающагося новѣйшаго экономиста», представитель ли извѣстной, безусловно чуждой романтизму школы, или авторъ самаго толстаго хандбуха?

наго исторически-опредѣленнаго строя общественнаго хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемыя этимъ фактомъ противорѣчія. Сисмонди указалъ на эти противорѣчія и на вытѣсненіе населенія машинами. Въ этомъ указаніи его неоспоримая заслуга, ибо въ ту эпоху, когда онъ писалъ, такое указаніе было новостью. Но посмотримъ, какъ онъ отнесся къ этому факту.

Въ 7-ой книгѣ («О населеніи») 7-ая глава спеціально говоритъ «о населеніи, сдѣлавшемся излишнимъ вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ». Сисмонди констатируетъ, что «машины вытѣсняютъ людей» (p. 315, II, V), и сейчасъ же ставитъ вопросъ, есть ли изобрѣтеніе машинъ выгода для націи, или несчастье? Понятно, что «рѣшеніе» этого вопроса для всѣхъ странъ и временъ вообще, а не для капиталистической страны состоитъ въ безсодержательнѣйшей банальности: выгода — тогда, когда «спросъ на потребленіе превышаетъ средства производства въ рукахъ населенія» (les moyens de produire de la population) (II, 317), и бѣдствіе—«когда производство вполнѣ достаточно для потребленія». Другими словами: констатированіе противорѣчія служитъ у Сисмонди лишь поводомъ для разсужденій о какомъ-то абстрактномъ обществѣ, въ которомъ уже нѣтъ никакихъ противорѣчій и къ которому примѣнима мораль расчетливаго крестьянина! Сисмонди и не пытается анализировать это противорѣчіе, разобрать, какъ оно складывается, къ чему ведетъ и т. д. въ данномъ капиталистическомъ обществѣ. Нѣтъ, онъ пользуется этимъ противорѣчіемъ, лишь какъ матеріаломъ для своего нравственнаго негодованія противъ такого противорѣчія. Все дальнѣйшее содержаніе главы не даетъ абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сѣтованіями, жалобами и невинными пожеланіями. Вытѣсняемые рабочіе были потребителями... сокращается внутренній рынокъ... что касается внѣшняго, то міръ уже достаточно снабженъ... умѣренное довольство крестьянъ лучше гарантировало бы сбытъ... нѣтъ болѣе поразительнаго, ужасающаго примѣра, какъ Англія, которой слѣдуютъ государства континента—вотъ какія сентенціи даетъ Сисмонди, вмѣсто анализа явленія! Его отношеніе къ предмету точь въ точь таково, какъ и отношенія нашихъ народниковъ. Народники тоже ограничиваются однимъ констатированіемъ факта избыточности населенія, и утилизируютъ этотъ фактъ лишь для сѣтованій и жалобъ на капитализмъ (ср. Н. —онъ, В. В. и т. под.). Какъ Сисмонди не пытается даже анализировать, въ какомъ отношеніи къ требованіямъ капиталистическаго производства находится это излишнее населеніе, — такъ и народники никогда и не ставили себѣ подобнаго вопроса.

Полная неправильность подобнаго пріема была выяснена научнымъ анализомъ этого противорѣчія. Этотъ анализъ установилъ, что избыточное населеніе, представляя изъ себя несомнѣнно противорѣчіе (рядомъ съ избыточнымъ производствомъ и избыточнымъ потребленіемъ)

и будучи необходимымъ результатомъ капиталистическаго накопленія, является въ то же время *необходимой составной частью* капиталистическаго механизма [1]). Чѣмъ дальше развивается крупная индустрія, тѣмъ большимъ колебаніямъ подвергается спросъ на рабочихъ въ зависимости отъ кризисовъ или періодовъ процвѣтанія во всемъ національномъ производствѣ или въ каждой отдѣльной отрасли его. Эти колебанія—законъ капиталистическаго производства, которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточнаго населенія (т.-е. превышающаго *средній* спросъ капитализма на рабочихъ), готоваго въ каждый данный моментъ доставить рабочія руки для любой отрасли промышленности или для любого предпріятія. Анализъ показалъ, что избыточное населеніе образуется во всѣхъ отрасляхъ промышленности, куда только проникаетъ капитализмъ—и въ земледѣліи точно такъ же, какъ въ промышленности,—и что избыточное населеніе существуетъ въ разныхъ формахъ. Главныхъ формъ три [2]): 1) *Перенаселеніе текучее.* Къ нему принадлежатъ незанятые рабочіе въ промышленности. Съ развитіемъ промышленности необходимо растетъ и число ихъ. 2) *Перенаселеніе скрытое.* Къ нему принадлежитъ сельское населеніе, теряющее свое хозяйство съ развитіемъ капитализма и не находящее неземледѣльческихъ занятій. Это населеніе всегда готово доставить рабочія руки для любыхъ предпріятій. 3) *Перенаселеніе застойное.* Оно занято «въ высшей степени неправильно» при условіяхъ, стоящихъ ниже обычнаго уровня. Сюда относятся главнымъ образомъ работающіе дома на фабрикантовъ и на магазины, какъ сельскіе жители, такъ и городскіе. Совокупность всѣхъ этихъ слоевъ населенія и составляетъ *относительно избыточное населеніе*, или *резервную армію.* Послѣдній терминъ отчетливо показываетъ, о какомъ населеніи идетъ рѣчь.

---

[1]) Впервые, насколько извѣстно, эта точка зрѣнія на избыточное населеніе была высказана въ «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845). Описавши обычный промышленный циклъ англійской промышленности, авторъ говоритъ:

«Отсюда ясно, что англійская промышленность должна имѣть, во всякое время за исключеніемъ краткихъ періодовъ высшаго процвѣтанія, незанятую резервную армію рабочихъ,—для того, чтобы имѣть возможность производить массы товаровъ, требуемыхъ рынкомъ въ наиболѣе оживленные мѣсяцы. Эта резервная армія расширяется или суживается, смотря по состоянію рынка, дающаго занятіе большей или меньшей части ея членовъ. И если въ моментъ наибольшаго оживленія рынка земледѣльческіе округа и отрасли промышленности, наименѣе затронутыя общимъ процвѣтаніемъ, даютъ временно мануфактурамъ извѣстное количество рабочихъ, то таковыхъ небольшое меньшинство, и они принадлежатъ точно также къ резервной арміи, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что именно быстрое процвѣтаніе требовалось для того, чтобы вскрыть ихъ принадлежность къ этой арміи».

Въ послѣднихъ словахъ важно отмѣтить отнесеніе къ резервной арміи части *земледѣльческаго* населенія, временно обращающагося къ промышленности. Это именно то, что позднѣйшая теорія назвала *скрытой* формой избыточнаго населенія.

[2]) Ср. *Зибера.* Давидъ Рикардо и т. д., с. 552—3. Спб. 1885.

*

Это—рабочіе, которые необходимы капитализму для *возможнаго* расширенія предпріятій, но которые никогда не могутъ быть заняты постоянно.

Такимъ образомъ и по данному вопросу теорія пришла къ выводу, который діаметрально противоположенъ выводу романтиковъ. Для послѣднихъ избыточное населеніе означаетъ невозможность капитализма или «ошибочность» его. На самомъ же дѣлѣ—какъ разъ наоборотъ: избыточное населеніе, являясь необходимымъ дополненіемъ избыточнаго производства, составляетъ необходимую принадлежность капиталистическаго хозяйства, *безъ которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться.* Эфруси и тутъ совершенно неправильно представилъ дѣло, умолчавъ объ этомъ положеніи новѣйшей теоріи.

Простого сопоставленія двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія достаточно для сужденія о томъ, къ какой изъ нихъ примыкаютъ наши народники. Вышеизложенная глава изъ Сисмонди могла бы съ полнѣйшимъ правомъ фигурировать въ «Очеркахъ нашего пореф. общ. хозяйства» г. Н. —она.

Констатируя образованіе избыточнаго населенія въ пореформенной Россіи, народники никогда не ставили вопроса о потребностяхъ капитализма въ резервной арміи рабочихъ. Могли ли бы быть построены желѣзныя дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное населеніе? Извѣстно вѣдь, что спросъ на такого рода трудъ сильно колеблется по годамъ. Могла ли развиться промышленность безъ этого условія? (Въ періоды горячки она требуетъ массы строительныхъ рабочихъ для вновь воздвигаемыхъ фабрикъ, зданій, складовъ и т. п. и всякаго рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть такъ называемыхъ отхожихъ неземледѣльческихъ промысловъ). Могло ли безъ этого условія создаться капиталистическое земледѣліе нашихъ окраинъ, требующее сотенъ тысячъ и милліоновъ поденщиковъ, при чемъ колебанія спроса на этотъ трудъ, какъ извѣстно, непомѣрно велики? Могло ли бы имѣть мѣсто безъ образованія избыточнаго населенія феноменально быстрое сведеніе лѣсовъ предпринимателями-лѣсопромышленниками на нужды фабрикъ? (лѣсныя работы принадлежатъ тоже къ числу наихудше оплачиваемыхъ и наихудше обставленныхъ, какъ и другія формы труда сельскихъ жителей на предпринимателей). Могла ли безъ этого условія развиться система раздачи работы на дома въ городахъ и деревняхъ купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явленіе въ т. наз. кустарныхъ промыслахъ? Во всѣхъ этихъ отрасляхъ труда (развившихся главнымъ образомъ послѣ реформы) колебанія спроса на наемный трудъ крайне велики. А вѣдь размѣръ колебаній такого спроса опредѣляетъ размѣръ избыточнаго населенія, *требуемаго* капитализмомъ. Экономисты-народники нигдѣ не показали, чтобы имъ былъ извѣстенъ этотъ законъ. Мы не намѣрены, конечно, входить здѣсь въ

разборъ этихъ вопросовъ по существу [1]). Это не входитъ въ нашу задачу. Предметъ нашей статьи—западно - европейскій романтизмъ и его отношеніе къ русскому народничеству. И въ данномъ случаѣ отношеніе это оказывается такимъ же, какъ во всѣхъ предыдущихъ: по вопросу объ избыточномъ населеніи народники стоятъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія романтизма, которая діаметрально противоположна точкѣ зрѣнія новѣйшей теоріи. Капитализмъ не занимаетъ освобождаемыхъ рабочихъ,—говорятъ они. Значитъ, онъ невозможенъ, «ошибоченъ» и т. под. Вовсе еще это не «значитъ». Противорѣчіе не есть невозможность. (Widerspruch не то, что Widersinn). Капиталистическое накопленіе, это настоящее производство ради производства, есть тоже противорѣчіе. Но это не мѣшаетъ ему существовать и быть закономъ опредѣленной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всѣхъ другихъ противорѣчіяхъ капитализма. Приведенное народническое разсужденіе «значитъ» только, что въ россійскую интеллигенцію глубоко въѣлся порокъ отговариваться отъ всѣхъ этихъ противорѣчій фразами.

Итакъ, Сисмонди не далъ абсолютно ничего для *теоретическаго анализа* перенаселенія. Но какъ же онъ смотрѣлъ на него? Его взглядъ складывается изъ оригинальнаго сочетанія мелкобуржуазныхъ симпатій и мальтузіанства. «Великій порокъ современной соціальной организаціи,—говоритъ Сисмонди,—тотъ, что бѣдный не можетъ никогда знать, на какой спросъ труда онъ можетъ разсчитывать» (II, 261), и Сисмонди вздыхаетъ о тѣхъ временахъ, когда «деревенскій сапожникъ» и мелкій крестьянинъ точно знали свои доходы. «Чѣмъ болѣе бѣднякъ лишенъ всякой собственности, тѣмъ болѣе подвергается онъ опасности ошибиться насчетъ своего дохода и содѣйствовать созданію такого населенія (contribuer à accroître une population...), которое, не будучи въ соотвѣтствіи со спросомъ на трудъ, не найдетъ средствъ къ жизни» (I, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазіи мало того, что онъ желалъ бы задержать все общественное развитіе, ради сохраненія патріархальныхъ отношеній полудикаго населенія. Онъ готовъ предписывать какое угодно калѣченіе человѣческой природы, лишь бы оно служило сохраненію мелкой буржуазіи. Вотъ еще нѣсколько выписокъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія насчетъ этого послѣдняго пункта:

Еженедѣльная расплата на фабрикѣ съ полунищими рабочими пріучила его не смотрѣть на будущее дальше слѣдующей субботы: «въ немъ притупили такимъ образомъ нравственныя качества и чувство симпатіи» (II, 266), состоящія, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ «супружескомъ благоразуміи»!..—«его семья будетъ становиться тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе она въ тягость обществу; и нація будетъ

[1]) Поэтому мы не касаемся здѣсь того весьма оригинальнаго обстоятельства, что основаніемъ *не считать* всѣхъ этихъ очень многочисленныхъ рабочихъ служитъ для народниковъ-экономистовъ отсутствіе регистраціи ихъ.

страдать (gémira) подъ гнетомъ населенія, не приведеннаго въ соотвѣтствіе (disproportionnée) съ средствами его содержанія» (II, 267). Сохраненіе мелкой собственности во что бы то ни стало—вотъ лозунгъ Сисмонди—хотя бы даже цѣной пониженія жизненнаго уровня и извращенія человѣческой природы! И Сисмонди, поговоривши, съ видомъ государственнаго человѣка, о томъ, когда «желателенъ» ростъ населенія, посвящаетъ особую главу нападкамъ на религію за то, что она не осуждала «неблагоразумныхъ» браковъ. Разъ только затронутъ его идолъ—мелкій буржуа, Сисмонди является болѣе мальтузіанцемъ, чѣмъ самъ Мальтусъ. «Дѣти, рождающіяся лишь для нищеты,—поучаетъ Сисмонди религію,—рождаются также только для порока... Невѣжество въ вопросахъ соціальнаго строя заставило ихъ (представителей религіи) вычеркнуть цѣломудріе изъ числа добродѣтелей, свойственныхъ браку, и было одной изъ тѣхъ постоянно дѣйствующихъ причинъ, которыя разрушаютъ соотвѣтствіе, естественно устанавливающееся между населеніемъ и его средствами существованія» (II, 294). «Религіозная мораль должна учить людей, что, возобновивъ семью, они не менѣе обязаны жить цѣломудренно со своими женами, чѣмъ холостяки съ женщинами, имъ не принадлежащими» (II, 298). И Сисмонди, претендующій вообще не только на званіе теоретика-экономиста, но и на званіе мудраго администратора, тутъ же подсчитываетъ, что для «возобновленія семьи» требуется «въ общемъ и среднемъ три рожденія», и даетъ совѣтъ правительству «не обманывать людей надеждой на независимое положеніе, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учрежденіе (cet etablissemet illusoire) оставитъ ихъ на произволъ страданій, нищеты и смертности» (II, 299). «Когда соціальная организація не отдѣляла класса трудящагося отъ класса, владѣющаго какой-нибудь собственностью, одного общественнаго мнѣнія было достаточно для предотвращенія бича (le fléau) нищенства. Для земледѣльца—продажа наслѣдія его отцовъ, для ремесленника—растрата его маленькаго капитала всегда заключаютъ въ себѣ нѣчто постыдное... Но въ современномъ строѣ Европы... люди, осужденные не имѣть никогда никакой собственности, не могутъ чувствовать никакого стыда передъ обращеніемъ къ нищенству» (II, 306—307). Трудно рельефнѣе выразить тупость и черствость мелкаго собственника! Изъ теоретика Сисмонди превращается здѣсь въ практическаго совѣтчика, проповѣдующаго ту мораль, которой, какъ извѣстно, съ такимъ успѣхомъ слѣдуетъ французскій крестьянинъ. Это не только Мальтусъ, но вдобавокъ Мальтусъ, выкроенный нарочито по мѣркѣ мелкаго буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гнѣвныя выходки Прудона, доказывавшаго, что мальтузіанство есть проповѣдь супружеской практики... нѣкотораго противоестественнаго порока [1]).

[1]) См. приложеніе къ русскому переводу «Опыта о народонаселеніи» Мальтуса. (Пер. Бибикова. Спб. 1866). Отрывокъ изъ сочиненія Прудона «О справедливости».

Въ связи съ вопросомъ объ избыточномъ населеніи стоитъ вопросъ о значеніи *машинъ* вобще.

Эфруси усердно толкуетъ о «блестящихъ замѣчаніяхъ» Сисмонди насчетъ машинъ, о томъ, что «считать его противникомъ техническихъ усовершенствованій несправедливо», (№ 7 с. 155), что «Сисмонди не былъ врагомъ машинъ и изобрѣтеній« (с. 156). «Сисмонди неоднократно подчеркивалъ ту мысль, что не машины и изобрѣтенія сами по себѣ вредны для рабочаго класса, а они дѣлаются таковыми лишь благодаря условіямъ современнаго хозяйства, при которомъ возрастаніе производительности труда не ведетъ ни къ увеличенію потребленія рабочаго класса, ни къ сокращенію рабочаго времени» (с. 155).

Всѣ эти указанія вполнѣ справедливы. И опять-таки *такая* оцѣнка Сисмонди замѣчательно рельефно показываетъ, какъ народникъ абсолютно не сумѣлъ **понять** *романтика*, понять свойственную романтизму *точку зрѣнія* на капитализмъ и ея радикальное отличіе отъ точки зрѣнія научной теоріи. Народникъ и не могъ этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указанія Сисмонди на противорѣчивый характеръ капиталистическаго употребленія машинъ были крупнымъ прогрессомъ въ 1820-хъ годахъ, то въ настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ея мелко-буржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

Въ этомъ отношеніи [т.-е. въ вопросѣ о различіи ученія Сисмонди отъ новѣшей теоріи] [1]) Эфруси твердо остается при своемъ. Онъ не умѣетъ даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видѣлъ противорѣчіе, онъ этимъ и удовлетворяется, какъ будто бы исторія не показывала самые разнородные пріемы и способы критиковать противорѣчія капитализма. Говоря, что Сисмонди считалъ вредными машины не сами по себѣ, а вслѣдствіе ихъ дѣйствія при данномъ соціальномъ строѣ, Эфруси и не замѣчаетъ, какая примитивная, поверхностно-сентиментальная точка зрѣнія сказывается уже въ одномъ этомъ разсужденіи. Сисмонди дѣйствительно разсуждалъ: вредны машины или не вредны? и «рѣшалъ» вопросъ сентенціей: машины полезны лишь тогда, когда производство сообразуется съ потребленіемъ (Ср. цитаты въ «Р. Б.» № 7, с. 156). Послѣ всего изложеннаго выше намъ нѣтъ надобности доказывать здѣсь, что подобное «рѣшеніе» есть не что иное, какъ подстановка мелко-буржуазной утопіи на мѣсто научнаго анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить въ томъ, что онъ не произвелъ такого анализа. Историческія заслуги судятся не потому, чего *не дали* историческіе дѣятели сравнительно съ современными требованіями, а потому, что они дали новаго сравнительно съ своими предшественниками.

---

[1]) А мы видѣли уже неоднократно, что Эфруси *вездѣ* старался проводить это сравненіе Сисмонди съ современной теоріей.

Но мы судимъ здѣсь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сентиментальной точкѣ зрѣнія, а объ экономистѣ «Р. Б-ва», который до сихъ поръ не понимаетъ отличія такой точки зрѣнія отъ новѣйшей. Онъ не понимаетъ, что для характеристики этого отличія слѣдовало поставить вопросъ не о томъ, былъ ли Сисмонди врагомъ машинъ или нѣтъ? а о томъ, понималъ ли Сисмонди значеніе машинъ въ капиталистическомъ строѣ? понималъ ли онъ роль машинъ *въ этомъ строѣ*, какъ *фактора прогресса*? И тогда экономистъ «Р. Б-ва» могъ бы замѣтить, что съ своей *мелко-буржуазной*, *утопической* точки зрѣнія Сисмонди и *не могъ поставить* такого вопроса, и что въ постановкѣ и разрѣшеніи его и состоитъ отличіе новой теоріи. Тогда Эфруси могъ бы понять, что, замѣняя вопросъ объ исторической роли машинъ въ данномъ капиталистическомъ обществѣ — вопросомъ объ условіяхъ «выгодности» и «пользы» машинъ вообще, Сисмонди естественно приходилъ къ ученію объ «опасности» капитализма и капиталистическаго употребленія машинъ, взывалъ о необходимости «задержать», «умѣрить», «регламентировать» ростъ капитализма, и становился въ силу этого *реакціонеромъ*. Непониманіе исторической роли машинъ, какъ фактора прогресса, и составляетъ одну изъ причинъ, по которой новѣйшая теорія признала ученіе Сисмонди *реакціоннымъ*.

Мы не будемъ здѣсь, разумѣется, излагать новѣйшее ученіе о машинномъ производствѣ. Отсылаемъ читателя хоть къ вышеназванному изслѣдованію Н. Зибера, гл. X: «Машины и крупная промышленность» и особенно глава XI: «Разборъ теоріи машиннаго производства» [1]). Отмѣтимъ только въ самыхъ краткихъ чертахъ ея суть. Она сводится къ двумъ пунктамъ: во-1-хъ, къ историческому анализу, установившему мѣсто машиннаго производства въ ряду другихъ стадій развитія капитализма и отношеніе машинной индустріи къ этимъ предшествующимъ стадіемъ (капиталистической простой кооперації и капиталистической мануфактурѣ); во-2-хъ, къ анализу роли машинъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ и особенно къ анализу того преобразованія всѣхъ условій жизни населенія, которое производитъ машинная индустрія. По первому пункту теорія установила, что машинная индустрія есть только одна стадія (именно высшая) капиталистическаго производства, и показала ея возникновеніе изъ мануфактуры. По второму пункту, теорія установила, что машинная индустрія является гигантскимъ прогрессомъ въ капиталистическомъ обществѣ не только потому, что она въ громадной степени повышаетъ производи-

[1]) «Сказать по правдѣ,—говоритъ Зиберъ въ началѣ этой главы:—излагаемое ученіе о машинахъ и о крупной индустріи представляетъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ мыслей и оригинальныхъ изслѣдованій, что если бы кто вздумалъ взвѣсить относительныя достоинства этого ученія вполнѣ, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не цѣлую книгу» (с. 473).

тельныя силы и обобществляетъ трудъ во всемъ обществѣ [1]), но также потому, что она разрушаетъ мануфактурное раздѣленіе труда, дѣлаетъ необходимостью переходъ рабочихъ отъ однихъ занятій къ другимъ, разрушаетъ окончательно отсталыя патріархальныя отношенія, въ особенности въ деревнѣ [2]), даетъ сильнѣйшій толчокъ прогрессивному движенію общества какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе концентраціи индустріальнаго населенія. Прогрессъ этотъ сопровождается, какъ и всѣ другіе прогрессы капитализма, также и «прогрессомъ» противорѣчій, т.-е. обостреніемъ и расширеніемъ ихъ.

Читатель спроситъ, можетъ быть, какой же интересъ имѣетъ разборъ взглядовъ Сисмонди по такому общеизвѣстному вопросу и такое суммарное указаніе на новую теорію, съ которой всѣ «знакомы», съ которой всѣ «согласны»?

А вотъ, чтобы посмотрѣть на это «согласіе», мы и возьмемъ теперь наиболѣе виднаго народническаго экономиста, г. Н. —она, претендующаго на строгое примѣненіе новѣйшей теоріи. Въ своихъ «Очеркахъ», какъ извѣстно, г. Н. —онъ одной изъ своихъ спеціальныхъ задачъ поставилъ изученіе капитализаціи русской текстильной индустріи, которая характеризуется какъ разъ наибольшимъ приложеніемъ машинъ.

Спрашивается, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ г. Н. —онъ въ этомъ вопросѣ, на точкѣ зрѣнія Сисмонди (съ которымъ, какъ мы видѣли, онъ раздѣляетъ точку зрѣнія на весьма многія стороны капитализма) или на точкѣ зрѣнія новѣйшеи теоріи? Является ли онъ по такому важному вопросу романтикомъ или... реалистомъ?

Мы видѣли, что первымъ отличіемъ новѣйшей теоріи является историческій анализъ возникновенія машинной индустріи изъ капиталистической мануфактуры. Поставилъ ли г. Н. —онъ вопросъ о возникновеніи русской машинной индустріи? Нѣтъ. Онъ далъ, правда, указаніе, что ей предшествовала работа на дому на капиталиста и ручная «фабрика» [3]), но вопроса объ отношеніи машинной индустріи къ предшествующей стадіи не только не разъяснилъ, но даже не «замѣтилъ», что *фабрикой* по научной терминологіи нельзя было назвать

---

[1]) Сравнивая «сочетаніе труда» въ общинѣ и въ капиталистическомъ обществѣ съ машинной индустріей, Зиберъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ: «Между «слагаемымъ» общины и «слагаемымъ» общества съ машинной продукціей существуетъ приблизительно такое же различіе, какъ напр., между *единицей* 10 и *единицей* 100». (с. 495).

[2]) Зиберъ, н. с., с. 467.

[3]) Стр. 108. Цитата изъ Сб. ст. св. по Моск. г., т. VII, в. III, с. 32 (статистики излагаютъ, здѣсь Корсака «О формахъ промышленности»): «Самая организація промысла съ 1822 года совершенно измѣняется, вмѣсто самостоятельныхъ кустарныхъ производителей крестьяне становятся лишь исполнителями нѣкоторыхъ операцій крупнаго фабричнаго производства, они ограничиваются лишь полученіемъ задѣльной платы».

предшествующую стадію (ручное производство на дому или въ мастерской капиталиста), которая должна быть несомнѣнно характеризована, какъ *капиталистическая мануфактура* [1]).

Пусть не думаетъ читатель, что это «пробѣлъ» неважный. Напротивъ, онъ имѣетъ громадную важность. Во 1-хъ, г. Н. —онъ отождествляетъ такимъ образомъ *капитализмъ* съ *машинной индустріей*. Это—грубая ошибка. Значеніе научной теоріи въ томъ и состоитъ, что она выяснила настоящее мѣсто машинной индустріи, какъ *одной стадіи* капитализма. Если бы г. Н. —онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія *этой теоріи*, могъ ли бы онъ изображать ростъ и побѣду *машинной индустріи «борьбой двухъ хозяйственныхъ формъ»*: какой-то неизвѣстной «формы, основанной на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства» [2]), и «капитализма» (стр, 2, 3, 66, 198 и др.), тогда какъ на дѣлѣ мы видимъ *борьбу машинной индустріи* съ *капиталистической мануфактурой*? Объ этой *борьбѣ* г. Н. —онъ не сказалъ ни слова, хотя именно въ текстильной индустріи, имъ спеціально взятой для изученія (стр. 79), по указанію, имъ же приведенному, происходила именно такая смѣна *двухъ формъ капитализма*, извращенная г. Н. —ономъ въ смѣну «народнаго производства» «капитализмомъ». Не очевидно ли, что въ сущности его нимало не интересовалъ вопросъ о *дѣйствительномъ* развитіи машинной индустріи и что подъ «народнымъ производствомъ» прячется утопія совершенно во вкусѣ Сисмонди? Во-2-хъ, если бы г. Н.—онъ поставилъ вопросъ объ историческомъ развитіи русской машинной индустріи, могъ ли бы онъ говорить о «насажденіи капитализма» (331, 283, 323 и др. стр.), основываясь на фактахъ правительственной поддержки и помощи—фактахъ, которые имѣли мѣсто и въ Европѣ? Спрашивается, подражаетъ ли онъ Сисмонди, который вѣдь совершенно такъ же говорилъ о «насажденіи»,—или представителю новѣйшей теоріи, изучавшему смѣну мануфактуры машинной индустріей? Въ 3-хъ, если бы г. Н. —онъ поставилъ вопросъ объ историческомъ развитіи формъ капитализма въ Россіи (въ текстильной промышленности), могъ ли бы онъ игнорировать существованіе капиталистической мануфактуры въ русскихъ «кустарныхъ промыслахъ»? [3]) А если бы онъ *дѣйствительно* слѣдовалъ теоріи и попытался прикос-

---

[1]) Зиберъ вполнѣ справедливо указывалъ на непригодность обычной терминологіи (фабрика, заводъ и т. п.) для научныхъ изслѣдованій и на необходимость выдѣлять машинную индустрію отъ капиталистической мануфактуры: стр. 474.

[2]) Н. —онъ, с. 322. Отличается ли это хоть на іоту отъ идеализаціи патріархальнаго крестьянскаго хозяйства у Сисмонди?

[3]) Мы предполагаемъ здѣсь, что нѣтъ нужды доказывать этотъ общеизвѣстный фактъ. Стоитъ вспомнить павловскій слесарный промыселъ, богородскій кожевенный, кимрскій сапожный, шапочный района Молвитина, гармонный и самоварный тульскіе, красносельскій и рыбнослободскій ювелирный, семеновскій ложкарный, роговой въ «Устьянщинѣ», валяльный въ семеновск. у. Нижег. г. и т. д. Мы

нуться научнымъ анализомъ хоть къ маленькому уголку этого тоже «народнаго производства», — что сталось бы съ его столь суздальски намалеванной картиной русскаго общественнаго хозяйства, изображающей какое-то туманное «народное производство» и оторванный отъ него «капитализмъ», охватывающій лишь «горсть» рабочихъ (с. 326 и др.)?

Резюмируемъ: по первому пункту, составляющему отличіе новѣйшей теоріи машинной индустріи отъ романтической, г. Н. —онъ *ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ послѣдователемъ первой*, ибо онъ не понимаетъ даже необходимости поставить вопросъ о возникновеніи машинной индустріи, какъ *особой стадіи капитализма*, и замалчиваетъ существованіе капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинамъ стадіи капитализма. Вмѣсто историческаго анализа онъ подсовываетъ утопію «народнаго производства».

Второй пунктъ касается ученія новѣйшей теоріи о преобразованіи общественныхъ отношеній машинной индустріей. Г. Н. —онъ и не пытался разобрать этотъ вопросъ. Онъ много сѣтовалъ на капитализмъ, оплакивалъ фабрику (точь въ точь какъ оплакивалъ ее Сисмонди), но онъ не сдѣлалъ даже попытки изучить то преобразованіе общественныхъ условій, которое совершила фабрика [1]). Для этого потребовалось бы вѣдь именно сравненіе машинной индустріи съ *предшествующими стадіями*, которыя у г. Н. —она отсутствуютъ. Точно также точка зрѣнія новѣйшей теоріи на машины, какъ на факторъ прогресса *даннаго капиталистическаго общества*, — ему совершенно чужда. Опять-таки онъ даже и не поставилъ вопроса объ этомъ [2]), да *и не могъ поставить*, ибо этотъ вопросъ является лишь результатомъ историческаго изученія смѣны *одной формы капитализма* другою, а у г. Н. —она «капитализмъ» tout court смѣняетъ... «народное производство».

Если бы мы *на основаніи «изслѣдованія» г. Н.—она о капитализаціи текстильной индустріи въ Россіи* задали вопросъ: какъ смотритъ г. Н. —онъ на машины?—то мы не могли бы получить другого отвѣта, кромѣ того, съ которымъ знакомы уже по Сисмонди. Г. Н. —онъ признаетъ, что машины повышаютъ производительность труда (еще бы этого не признавать!),—какъ и Сисмонди это признавалъ. Г. Н. —онъ говоритъ, что вредны не машины, а капиталистическое употребленіе ихъ,—какъ и Сисмонди это говорилъ. Г. Н. —онъ полагаетъ, что «мы» упустили изъ виду, вводя машины, что производство должно соотвѣтствовать «народной потребительной способности», — какъ и Сисмонди это полагалъ.

цитируемъ на память: если взять любое изслѣдованіе кустарной промышленности, можно удлинить списокъ до безконечности.

[1]) Мы просимъ не забывать, что научное значеніе этого термина не то, что обыденное. Наука ограничиваетъ его примѣненіе только крупной машинной индустріей.

[2]) Какъ поставилъ его, напр., А. Волгинъ, назв. соч.

И только. Больше г. Н. —онъ ничего не полагаетъ. О тѣхъ вопросахъ, которые поставила и разрѣшила новѣйшая теорія, г. Н. —онъ и знать не хочетъ, ибо онъ даже не попытался разсмотрѣть ни исторической смѣны разныхъ формъ капиталистическаго производства въ Россіи (хотя бы на взятомъ примѣрѣ текстильной индустріи), ни роли машинъ, какъ фактора прогресса въ *данномъ* капиталистическомъ строѣ.

Итакъ, и по вопросу о машинахъ—этому крупнѣйшему вопросу теоретической экономіи—г. Н. —онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Сисмонди. Г. Н. —онъ *разсуждаетъ совершенно какъ романтикъ*, что̀ нисколько не мѣшаетъ ему, разумѣется, цитировать и цитировать.

Это относится не къ одному примѣру текстильной индустріи, а ко всѣмъ разсужденіямъ г-на Н. —она. Вспомните хоть вышеприведенный примѣръ мукомольнаго производства. Указаніе на введеніе машинъ служитъ г. Н. —ону только поводомъ къ сентиментальнымъ сѣтованіямъ о томъ, что это повышеніе производительности труда не соотвѣтствуетъ «народной потребительной способности». Тѣхъ преобразованій въ общественномъ строѣ, которыя вноситъ вообще машинная индустрія, (и которыя она внесла дѣйствительно въ Россіи), онъ и не думаетъ разобрать. Вопросъ о томъ, были ли эти машины прогрессомъ въ данномъ капиталистическомъ обществѣ, ему совершенно не понятенъ.

А сказанное о г. Н. —онѣ *a fortiori* относится къ остальнымъ экономистамъ-народникамъ: народничество въ вопросѣ о машинахъ до сихъ поръ стоитъ на точкѣ зрѣнія мелко-буржуазнаго романтизма, замѣняя экономическій анализъ сентиментальными пожеланіями.

Послѣдній теоретическій вопросъ, интересующій насъ въ системѣ воззрѣній Сисмонди,—вопросъ о протекціонизмѣ. Въ «Nouveaux Principes» удѣлено этому вопросу не мало мѣста, но онъ разбирается тамъ больше съ практической стороны—по поводу движенія противъ хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Этотъ послѣдній вопросъ мы разберемъ ниже, ибо онъ включаетъ въ себѣ еще другіе болѣе широкіе вопросы. Здѣсь же насъ интересуетъ пока лишь *точка зрѣнія* Сисмонди на протекціонизмъ. Интересъ этого вопроса заключается не въ какомъ-нибудь еще новомъ экономическомъ понятіи Сисмонди, не вошедшемъ въ предыдущее изложеніе, а въ пониманіи имъ связи между «экономикой» и «надстройкой». Эфруси увѣряетъ читателей «Р. Б-ва», что Сисмонди—«одинъ изъ первыхъ и самыхъ талантливыхъ предшественниковъ современной исторической школы», что онъ возстаетъ «противъ изолированія экономическихъ явленій отъ всѣхъ другихъ спеціальныхъ факторовъ». «Въ трудахъ Сисмонди проводится тотъ взглядъ, что хозяйственныя явленія не должны быть изолируемы отъ другихъ соціальныхъ факторовъ, что они должны изучаться въ связи съ фактами соціально-политическаго характера». («Р. Б.» № 8, 38—39). Вотъ мы

и посмотримъ на взятомъ примѣрѣ, какъ понималъ Сисмонди связь хозяйственныхъ явленій съ соціально-политическими.

«Запрещенія ввоза,—говоритъ Сисмонди въ главѣ «о таможняхъ» (l. IV, ch. XI),—такъ же неразумны и такъ же гибельны, какъ и запрещенія вывоза: они изобрѣтены для того, чтобы подарить націи мануфактуру, которой она еще не имѣла; и нельзя отрицать, что для начинающей индустріи они равняются самой сильной поощрительной преміи. Эта мануфактура производитъ, можетъ быть, едва сотую часть всего потребляемаго націей количества товаровъ даннаго рода; сто покупателей должны будутъ соперничать другъ съ другомъ, чтобы получить товаръ отъ единственнаго продавца, а девяносто девять, которымъ онъ откажетъ, будутъ вынуждены пробавляться контрабандными товарами. Въ этомъ случаѣ потеря для націи будетъ равна 100, а выгода—равна 1. Какія бы выгоды ни давала націи эта новая мануфактура,—нѣтъ сомнѣнія, что ихъ слишкомъ мало, чтобы оправдать столь большія жертвы. Всегда можно бы было найти менѣе расточительныя средства для того, чтобы вызвать къ дѣятельности такую мануфактуру» (I, 440—441).

Вотъ какъ просто разрѣшаетъ этотъ вопросъ Сисмонди: протекціонизмъ «неразуменъ», ибо «нація» отъ него теряетъ!

О какой «націи» говоритъ нашъ экономистъ? Съ какими хозяйственными отношеніями онъ сопоставляетъ данный соціально-политическій фактъ? Онъ не беретъ никакихъ опредѣленныхъ отношеній, онъ разсуждаетъ *вообще*, о націи, какой она *должна бы быть по его представленіямъ о должномъ*. А эти представленія о должномъ, какъ мы знаемъ, построены на исключеніи капитализма и на господствѣ мелкаго самостоятельнаго производства.

Но вѣдь это же совершенная нелѣпость—сопоставлять соціально-политическій факторъ, относящійся къ данному хозяйственному строю и только къ нему, съ какимъ-то воображаемымъ строемъ. Протекціонизмъ есть «соціально-политическій факторъ» капитализма, а Сисмонди сопоставляетъ его не съ капитализмомъ, а съ какой-то націей *вообще* (или съ націей мелкихъ самостоятельныхъ производителей). Онъ могъ бы, пожалуй, сопоставить протекціонизмъ хоть съ индійской общиной, и получить еще болѣе наглядную «неразумность» и «губительность», но эта «неразумность» относилась бы точно также къ его сопоставленію, а не къ протекціонизму. Сисмонди приводитъ дѣтскій расчетецъ, чтобы доказать, что покровительство выгодно очень немногимъ на счетъ массы. Но это нечего и доказывать, ибо это явствуетъ уже изъ самаго понятія протекціонизма (все равно, будетъ ли это прямая ли выдача преміи или устраненіе иностранныхъ конкурентовъ). Что протекціонизмъ выражаетъ собой общественное противорѣчіе, это—безспорно. Но развѣ въ хозяйственной жизни того строя, который создалъ протекціонизмъ, нѣтъ противорѣчій? Напротивъ, она вся полна

противорѣчій, и Сисмонди самъ отмѣчалъ эти противорѣчія во всемъ своемъ изложеніи. Вмѣсто того, чтобы *вывести* это противорѣчіе изъ тѣхъ противорѣчій хозяйственнаго строя, которыя онъ самъ же констатировалъ, Сисмонди *игнорируетъ* экономическія противорѣчія, превращая свое разсужденіе въ совершенно безсодержательное «невинное пожеланіе». Вмѣсто того, чтобы сопоставить это учрежденіе, служащее, по его словамъ, выгодѣ небольшой группы, съ положеніемъ этой группы во всемъ хозяйствѣ страны и съ интересами этой группы, онъ сопоставляетъ его съ абстрактнымъ положеніемъ объ «общемъ благѣ». Мы видимъ, слѣдовательно, что въ противоположность утвержденію Эфруси, Сисмонди именно *изолируетъ* хозяйственныя явленія отъ остальныхъ (разсматривая протекціонизмъ внѣ связи съ хозяйственнымъ строемъ) и совершенно *не понимаетъ связи* между экономическими и соціально-политическими фактами. Приведенная нами тирада содержитъ *все*, что онъ можетъ дать, какъ теоретикъ, по вопросу о протекціонизмѣ: остальное—лишь пересказъ этого. «Сомнительно, чтобы правительства вполнѣ понимали, какой цѣной они покупаютъ эту выгоду (развитіе мануфактуръ) и тѣ странныя жертвы, какія они налагаютъ на потребителей» (I, 442—443). «Правительства Европы желали насиловать природу» (faire violence à la nature). Какую природу? Не природу ли капитализма «насилуетъ» протекціонизмъ? «Націю принудили такъ сказать (en quelque sorte) къ ложной дѣятельности» (I, 448). «Нѣкоторыя правительства дошли до того, что платятъ своимъ купцамъ, чтобы дать имъ возможность продавать дешевле; чѣмъ болѣе странна эта жертва, чѣмъ болѣе она противорѣчитъ самымъ простымъ расчетамъ, тѣмъ болѣе приписываютъ ее высшей политикѣ... Правительства платятъ своимъ купцамъ на счетъ своихъ подданныхъ» (I, 422), и т. п., и т. п. Вотъ какими разсужденіями угощаетъ насъ Сисмонди! Въ другихъ мѣстахъ онъ, дѣлая какъ бы выводъ изъ этихъ разсужденій, называетъ капитализмъ «искусственнымъ» и «насажденнымъ» (I, 379 opulence factice), «тепличнымъ» (II, 456) и т. п. Начавши съ подстановки невинныхъ пожеланій на мѣсто анализа данныхъ противорѣчій, онъ приходитъ къ прямому извращенію дѣйствительности въ угоду этихъ пожеланій. Выходитъ, что капиталистическая промышленность, которую такъ усердно «поддерживаютъ», слаба, безпочвенна и т. п., не играетъ преобладающей роли въ хозяйствѣ страны, что эта преобладающая роль принадлежитъ, *слѣдовательно*, мелкому производству, и т. д. Тотъ несомнѣнный и неоспоримый фактъ, что протекціонизмъ созданъ лишь опредѣленнымъ хозяйственнымъ строемъ и опредѣленными противорѣчіями этого строя, что онъ выражаетъ реальные интересы реальнаго класса, играющаго *преобладающую* роль въ народномъ хозяйствѣ,—превращенъ въ ничто, даже въ свою противоположность посредствомъ нѣсколькихъ чувствительныхъ

фразъ! Вотъ еще образчикъ (по поводу протекціонизма земледѣльческаго,—I, 265, глава о хлѣбныхъ законахъ):

«Англичане представляютъ намъ свои крупныя фермы единственнымъ средствомъ улучшить агрикультуру, то-есть доставить себѣ большее изобиліе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ по болѣе дешевой цѣнѣ,—а на самомъ дѣлѣ они, какъ разъ наоборотъ, производятъ ихъ дороже»...

Замѣчательно характеренъ этотъ отрывокъ, такъ рельефно показывающій тѣ пріемы романтическихъ разсужденій, которые усвоены цѣликомъ русскими народниками! Фактъ развитія фермерства и техническаго прогресса, связаннаго съ нимъ, изображается въ видѣ преднамѣренно введенной системы: англичане (т.-е. англійскіе экономисты) представляютъ эту систему усовершенствованія агрикультуры единственнымъ средствомъ. Сисмонди хочетъ сказать, что «могли бы быть» и другія средства поднять ее, помимо фермерства, т.-е. опять-таки «могли бы быть» въ какомъ-нибудь абстрактномъ обществѣ, а не въ томъ реальномъ обществѣ опредѣленнаго историческаго періода, «обществѣ», основанномъ на товарномъ хозяйствѣ, о которомъ говорятъ англійскіе экономисты и о которомъ долженъ бы былъ говорить и Сисмонди. «Улучшеніе агрикультуры, *то-есть* доставленіе себѣ (націи?) большаго обилія продуктовъ». Вовсе не «то-есть». Улучшеніе агрикультуры и улучшеніе условій питанія массы вовсе не одно и то же; несовпаденіе того и другого не только возможно, но и необходимо въ томъ строѣ хозяйства, отъ котораго Сисмонди съ такимъ усердіемъ хочетъ отговориться. Напр., увеличеніе посѣвовъ картофеля можетъ означать повышеніе производительности труда въ земледѣліи (введеніе корнеплодовъ) и увеличеніе сверхстоимости — наряду съ ухудшеніемъ питанія рабочихъ. Это все та же манера народника... то, бишь, романтика—отговариваться фразами отъ противорѣчій дѣйствительной жизни.

«На самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Сисмонди,—эти фермеры, столь богатые, столь интеллигентные, столь поддерживаемые (secondés) всякимъ прогрессомъ наукъ, у которыхъ упряжка такъ красива, изгороди такъ прочны, поля такъ чисто вычищены отъ сорныхъ травъ,—не могутъ выдержать конкуренціи жалкаго польскаго крестьянина, невѣжественнаго, забитаго рабствомъ, ищущаго утѣшенія лишь въ пьянствѣ, агрикультура котораго находится еще въ дѣтскомъ состояніи искусства. Хлѣбъ, собранный въ центрѣ Польши, заплативъ фрахтъ за много сотъ льё и по рѣкамъ, и по сушѣ, и по морю, заплативъ ввозныя пошлины въ 30 и 40% своей стоимости,—все-таки дешевле хлѣба самыхъ богатыхъ графствъ Англіи» (I, 265). «Англійскихъ экономистовъ смущаетъ этотъ контрастъ». Они ссылаются на подати и т. п. Но дѣло не въ этомъ. «Самая система эксплуатаціи дурна, основана на опасномъ базисѣ... Эту систему недавно всѣ писатели выставляли предметомъ, достойнымъ нашего восхищенія, но мы должны, наоборотъ, хоро-

шенько ознакомиться съ ней, чтобы остеречься подражать ей» (I, 266).

Не правда ли, какъ безконечно наивенъ этотъ романтикъ, выставляющій англійскій капитализмъ (фермерство) неправильной системой экономистовъ, воображающій, что «смущеніе» экономистовъ, закрывающихъ глаза на противорѣчія фермерства, есть достаточный аргументъ *противъ* фермеровъ? Какъ поверхностно его пониманіе, ищущее объясненія хозяйственнымъ процессамъ не въ интересахъ различныхъ группъ, а въ заблужденіяхъ экономистовъ, писателей, правительствъ! Добрый Сисмонди хочетъ усовѣстить и устыдить англійскихъ фермеровъ, а съ ними и континентальныхъ, чтобы они не «подражали» такимъ «дурнымъ» системамъ!

Не забывайте, впрочемъ, что это писано 70 лѣтъ тому назадъ, что Сисмонди наблюдалъ первые шаги этихъ совершенно еще новыхъ тогда явленій. *Его* наивность еще извинительна, ибо и экономисты-классики (его современники) съ неменьшей наивностью считали эти новыя явленія продуктомъ вѣчныхъ и естественныхъ свойствъ человѣческой природы. Но мы спрашиваемъ, прибавили ли наши народники хоть одно оригинальное словечко къ аргументамъ Сисмонди въ своихъ «возраженіяхъ» противъ развивающагося капитализма въ Россіи?

Итакъ, разсужденія Сисмонди о протекціонизмѣ показываютъ, что ему совершенно чужда историческая точка зрѣнія. Напротивъ, онъ разсуждаетъ такъ же, какъ и философы и экономисты XVIII-го вѣка, совершенно абстрактно, отличаясь отъ нихъ лишь тѣмъ, что нормальнымъ и естественнымъ объявляетъ не буржуазное общество, а общество мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Поэтому онъ совершенно не понимаетъ связи протекціонизма съ опредѣленнымъ хозяйственнымъ строемъ и отдѣлывается отъ этого противорѣчія въ соціально-политической области такими же чувствительными фразами о «ложности», «опасности», ошибочности, неразумности и т. п., какими онъ отдѣлывался и отъ противорѣчій въ жизни хозяйственной. Поэтому онъ крайне поверхностно изображаетъ дѣло, представляя вопросъ о протекціонизмѣ и фритредерствѣ вопросомъ о «ложномъ» и «правильномъ» пути (т.-е., по его терминологіи, вопросомъ о капитализмѣ или о некапиталистическомъ пути).

Новѣйшая теорія вполнѣ раскрыла эти заблужденія, показавъ связь протекціонизма съ опредѣленнымъ историческимъ строемъ общественнаго хозяйства, съ интересами главенствующаго въ этомъ строѣ класса, встрѣчающими поддержку правительствъ. Она показала, что вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли есть вопросъ *между* предпринимателями [иногда между предпринимателями разныхъ странъ, иногда между различными фракціями предпринимателей данной страны][1]).

[1]) Тѣмъ не менѣе, какъ всякій вопросъ общественной жизни, онъ требуетъ опредѣленнаго практическаго отношенія къ себѣ со стороны непредпринимателей. Такіе вопросы, какъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ, о золотой или сере-

Сравнивая съ этими двумя точками зрѣнія на протекціонизмъ отношеніе къ нему экономистовъ-народниковъ, мы видимъ, что они цѣликомъ стоятъ и въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія романтиковъ, сопоставляя протекціонизмъ не съ капиталистической, а съ какой-то абстрактной страной, съ «потребителями» tout court, объявляя его «ошибочной» и «неразумной» поддержкой «тепличнаго» капитализма и т. д. Въ вопросѣ, напр., о безпошлинномъ ввозѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ, вызывающемъ конфликтъ индустріальныхъ и сельскохозяйственныхъ предпринимателей, народники, *разумѣется*, горой стоятъ за сельскихъ... предпринимателей. Мы не хотимъ сказать, чтобы они были неправы. Но это — вопросъ факта, вопросъ даннаго историческаго момента, вопросъ о томъ, какая фракція предпринимателей выражаетъ болѣе общіе интересы развитія капитализма. Если народники и правы, то, конечно, уже не потому, что наложеніе пошлинъ означаетъ «искусственную» «поддержку капитализма», а сложеніе ихъ— поддержку «исконнаго» народнаго промысла, а просто потому, что развитіе земледѣльческаго капитализма (нуждающагося въ машинахъ), ускоряя вымираніе средневѣковыхъ отношеній въ деревнѣ и созданіе внутренняго рынка для индустріи, означаетъ болѣе широкое, болѣе свободное и болѣе быстрое развитіе капитализма вообще.

Мы предвидимъ одно возраженіе по поводу этого причисленія народниковъ къ романтикамъ по данному вопросу. Скажутъ, пожалуй, что тутъ необходимо выдѣлить г. Н. —она, который вѣдь прямо говоритъ, что вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ есть вопросъ капиталистическій, и говоритъ это не разъ, который даже «цитируетъ»... Да, да, г. Н. —онъ даже цитируетъ! Но если намъ приведутъ это мѣсто его «Очерковъ», то мы приведемъ *другія мѣста*, гдѣ онъ объявляетъ поддержку капитализма «насажденіемъ» (и притомъ въ «Итогахъ и выводахъ»! стр. 331, 323, также 283), объясняетъ поощреніе капита-

---

бряной валютѣ, о свободѣ промышленности или монополіи синдикатовъ, суть, во 1-хъ, вопросы развитія опредѣленной хозяйственной системы. Представители «чистаго» труда весьма существенно заинтересованы въ томъ или другомъ направленіи этого развитія. Во 2-хъ, эти вопросы прямо затрогиваютъ текущіе жизненные интересы трудящагося населенія или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ его группъ. На всѣ эти вопросы должны быть выработаны—съ точки зрѣнія интересовъ освобожденнаго отъ средствъ производства труда—вполнѣ опредѣленные практическіе отвѣты. Цитируемый нашимъ сотрудникомъ авторъ и его послѣдователи никогда не уклонялись отъ такихъ отвѣтовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что самые вопросы суть вопросы «капиталистическіе». Въ капиталистическомъ обществѣ всѣ вопросы неизбѣжно являются капиталистическими, но это нисколько не устраняетъ необходимости вполнѣ недвусмысленнаго практическаго отношенія къ нимъ. Уклоненіе отъ такого отношенія было бы жалкимъ бѣгствомъ отъ дѣйствительности. Мы считали необходимымъ сдѣлать это замѣчаніе въ виду того злоупотребленія, которому столь часто подвергается ссылка на «капиталистическій» характеръ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ современной общественной жизни. Нашъ сотрудникъ, конечно, не при чемъ въ этомъ злоупотребленіи. *Ред.*

лизма «гибельнымъ заблужденіемъ», тѣмъ, что «мы упустили изъ виду». «мы забыли», «насъ омрачили» и т. п. (стр. 298. Сравните Сисмонди!). Какимъ образомъ совмѣстить это съ утвержденіемъ, что поддержка капитализма (вывозными преміями) есть «одно изъ множества противорѣчій, которыми кишитъ наша хозяйственная жизнь [1]); оно, какъ и всѣ остальныя, обязано существованіемъ формѣ, принимаемой всѣмъ производствомъ» (стр. 286)? Замѣтьте: *всѣмъ производствомъ!* Мы спрашиваемъ любого безпристрастнаго человѣка, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ этотъ писатель, объясняющій поддержку «*формы, принимаемой всѣмъ производствомъ*»,—«заблужденіемъ»? На точкѣ зрѣнія Сисмонди или научной теоріи? «Цитаты» г-на Н. —она и здѣсь (какъ и въ вышеразобранныхъ вопросахъ) оказываются сторонними, неуклюжими вставками, ничуть не выражающими дѣйствительнаго убѣжденія о примѣнимости этихъ «цитатъ» къ русской дѣйствительности. «Цитаты» г-на Н. —она—это вывѣска новѣйшей теоріи, вводящая лишь въ заблужденіе читателей. Это—неловко надѣтый костюмъ «реалиста», за которымъ прячется чистокровный романтикъ [2]).

Мы ознакомились теперь со всѣми главнѣйшими положеніями Сисмонди, относящимися къ области теоретической экономіи. Подводя итоги, мы видимъ, что Сисмонди остается вездѣ безусловно вѣренъ себѣ, что его точка зрѣнія неизмѣнна. По всѣмъ пунктамъ онъ отличается отъ классиковъ тѣмъ, что указываетъ противорѣчія капитализма. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, ни по одному пункту онъ не можетъ (да и не хочетъ) провести дальше анализъ классиковъ и потому ограничивается сентиментальной критикой капитализма съ точки зрѣнія мелкаго буржуа. Такая замѣна научнаго анализа сентиментальными жалобами и сѣтованіями обусловливаетъ у насъ чрезвычайную поверхность пониманія. Новѣйшая теорія, воспринявъ указанія на противорѣчія капитализма, распространила и на нихъ научный анализъ и пришла по всѣмъ пунктамъ къ выводамъ, которые кореннымъ образомъ расходятся съ выводами Сисмонди и потому приводятъ къ діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія на капитализмъ.

Въ «Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи» (Zur Kritik». Рус. пер. М. 1896 г.) общее значеніе Сисмонди въ исторіи науки охарактеризовано такъ:

---

[1]) Точно такъ же, какъ «Очерки» «кишатъ» воззваніями къ «намъ», восклицаніями: «мы» и т. п. фразами, игнорирующими эти противорѣчія.

[2]) Мы подозрѣваемъ, не считаетъ ли г. Н. —онъ эти «цитаты» талисманомъ, защищающимъ его отъ всякой критики? Иначе трудно объяснить себѣ то обстоятельство, что г. Н. —онъ, зная отъ гг. Струве и Туганъ-Барановскаго о сопоставленіи его ученія съ доктриной Сисмонди, «цитировалъ» въ одной изъ статей своихъ въ *Р. Б—вѣ* отзывъ представителя новой теоріи, относящаго Сисмонди къ мелко-буржуазнымъ реакціонерамъ и утопистамъ. Должно быть, онъ глубоко увѣренъ, что подобной «цитатой» онъ «опровергъ» сопоставленіе своей собственной особы съ Сисмонди.

«Сисмонди уже освободился отъ представленія Буагильбера, что «трудъ, составляющій источникъ мѣновой цѣнности, искажается деньгами, но онъ нападаетъ на крупный промышленный капиталъ точно такъ же, какъ Буагильберъ—на деньги» (с. 36).

Авторъ хочетъ сказать: какъ Буагильберъ поверхностно смотрѣлъ на товарный обмѣнъ, какъ на естественный строй, возставая противъ денегъ, въ которыхъ онъ видѣлъ «чуждый элементъ» (с. 30 ibid), такъ и Сисмонди смотрѣлъ на мелкое производство, какъ на естественный строй, возставая противъ крупнаго капитала, въ которомъ онъ видѣлъ тоже чуждый элементъ. Буагильберъ не понималъ неразрывной и естественной связи денегъ съ товарнымъ обмѣномъ, не понималъ, что противополагаетъ, какъ чуждые элементы, двѣ формы «буржуазнаго труда» (ibid., 30—31). Сисмонди не понималъ неразрывной и естественной связи крупнаго капитала съ мелкимъ самостоятельнымъ производствомъ, не понималъ, что это—двѣ формы товарнаго хозяйства. Буагильберъ, «возставая противъ буржуазнаго труда въ одной его формѣ», «впадая въ утопію, возводитъ его въ апоѳеозъ въ другой» (ibid). Сисмонди, возставалъ противъ крупнаго капитала, т.-е. противъ товарнаго хозяйства въ одной формѣ, именно наиболѣе развитой, впадая въ утопію, возводилъ въ апоѳеозъ мелкаго производителя (особенно крестьянство), т.-е. товарное хозяйство въ другой, только зачаточной формѣ.

«Если политическая экономія,—продолжаетъ авторъ «Критики»,—въ видѣ Рикардо безпощадно выводитъ свое послѣднее заключеніе и этимъ завершается, то Сисмонди дополняетъ этотъ результатъ, представляя на себѣ самомъ ея сомнѣнія» (с. 36).

Такимъ образомъ авторъ «Критики» сводитъ значеніе Сисмонди къ тому, что онъ *выдвинулъ вопросъ* о противорѣчіяхъ капитализма и такимъ образомъ поставилъ задачу дальнѣйшему анализу. Всѣ самостоятельныя воззрѣнія Сисмонди, который хотѣлъ также *отвѣтить* на этотъ вопросъ, признаются цитируемымъ авторомъ ненаучными, поверхностными и отражающими его реакціонную мелко-буржуазную точку зрѣнія (см. вышеприведенные отзывы и одинъ отзывъ ниже, въ связи съ «цитатой» Эфруси).

Сравнивая доктрину Сисмонди съ народничествомъ, мы видимъ по всѣмъ почти пунктамъ (за исключеніемъ отрицанія теоріи ренты Рикардо и мальтузіанскихъ наставленій крестьянамъ) поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выраженій. Экономисты-народники стоятъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія Сисмонди. Мы еще болѣе убѣдимся въ этомъ ниже, когда перейдетъ отъ теоріи къ воззрѣніямъ Сисмонди на практическіе вопросы.

Что касается, наконецъ, до Эфруси, то онъ ни по одному пункту не далъ правильной оцѣнки Сисмонди. Указывая на подчеркиваніе противорѣчій капитализма и осужденіе ихъ у Сисмонди, Эфруси совер-

шенно не понялъ ни рѣзкаго отличія его теоріи отъ теоріи научнаго матеріализма, ни діаметральной противоположности романтической и научной точки зрѣнія на капитализмъ. Симпатіи народника къ романтику, трогательное единодушіе ихъ помѣшало автору статей въ «Русск. Богат.» правильно охарактеризовать этого классическаго представителя романтизма въ экономической наукѣ.

Мы привели сейчасъ отзывъ о Сисмонди, что «онъ въ себѣ самомъ представлялъ сомнѣнія» классической экономіи.

Но Сисмонди и не думалъ ограничиваться такой ролью (которая даетъ ему почетное мѣсто среди экономистовъ). Онъ, какъ мы видѣли, пытался разрѣшать сомнѣнія и пытался крайне неудачно. Мало того, онъ обвинялъ классиковъ и ихъ науку не за то, что она остановилась передъ анализомъ противорѣчій, а за то, что она будто бы слѣдовала невѣрнымъ пріемамъ. «Старая наука не учитъ насъ ни понимать, ни предупреждать» новыя бѣдствія (I, XV), говоритъ Сисмонди въ предисловіи ко 2-му изданію своей книги, объясняя этотъ фактъ не тѣмъ, что анализъ этой науки неполонъ и непослѣдователенъ, а тѣмъ, что она, будто бы «ударилась въ абстракціи» (I, 55: новые ученики А. Смита въ Англіи бросились (se sont jetés) въ абстракціи, забывая о человѣкѣ»),—и «идетъ по ложному пути» (II, 448). Въ чемъ же состоятъ обвиненія Сисмонди противъ классиковъ, позволяющія ему сдѣлать такой выводъ?

«Экономисты, наиболѣе знаменитые, слишкомъ мало обращали вниманія на потребленіе и на сбытъ» (I, 124).

Это обвиненіе повторялось со временъ Сисмонди безчисленное множество разъ. Считали нужнымъ выдѣлять «потребленіе» отъ «производства», какъ особый отдѣлъ науки; говорили, что производство зависитъ отъ естественныхъ законовъ, тогда какъ потребленіе опредѣляется распредѣленіемъ, зависящимъ отъ воли людей, и т. п., и т. п. Какъ извѣстно, наши народники держатся тѣхъ же идей, выдѣляя на первое мѣсто распредѣленіе [1]).

---

[1]) Само собою разумѣется, что Эфруси также не преминулъ выхвалять и за это Сисмонди. «Въ ученіи Сисмонди важны,—читаемъ мы въ *Р. Б.* № 8, с. 56,—не столько отдѣльныя, спеціальныя мѣры, предлагавшіяся имъ, сколько общій духъ, которымъ проникнута вся его система. Вопреки классической школѣ, онъ выдвигаетъ съ особенной силой интересы распредѣленія, а не интересы производства». Вопреки своимъ повторнымъ «ссылкамъ» на «новѣйшихъ» экономистовъ, Эфруси абсолютно не понялъ ихъ ученія и продолжаетъ возиться съ сентиментальнымъ вздоромъ, характеризующимъ примитивную критику капитализма. Нашъ народникъ и здѣсь хочетъ спастись тѣмъ, что сопоставляетъ Сисмонди съ «многими видными представителями исторической школы»; оказывается, что «Сисмонди ушелъ дальше» (с. 56 ibid.), и Эфруси совершенно этимъ удовлетворяется! «Ушелъ дальше» нѣмецкихъ профессоровъ—чего же вамъ еще надо? Подобно всѣмъ народникамъ, Эфруси старается перенести центръ тяжести на то, что Сисмонди критиковалъ капитализмъ. О томъ, что критика капитализма бываетъ разная, что критиковать

Какой же смыслъ въ этомъ обвиненіи? Оно основано лишь на крайне ненаучномъ пониманіи самаго предмета политической экономіи. Ея предметъ вовсе не «производство матерьяльныхъ цѣнностей», какъ часто говорятъ (это—предметъ технологіи), а—общественныя отношенія людей по производству. Только понимая «производство» въ первомъ смыслѣ, и можно выдѣлять отъ него особо «распредѣленіе», и тогда въ «отдѣлѣ» о производствѣ, вмѣсто категорій исторически опредѣленныхъ формъ общественнаго хозяйства, фигурируютъ категоріи, относящіяся къ процессу труда вообще; обыкновенно такія безсодержательныя банальности служатъ лишь потомъ къ затушевыванію историческихъ и соціальныхъ условій. (Примѣръ—хоть понятіе о капиталѣ). Если же мы послѣдовательно будемъ смотрѣть на «производство», какъ на общественныя отношенія по производству, то и «распредѣленіе» и «потребленіе» потеряютъ всякое самостоятельное значеніе. Разъ выяснены отношенія по производству,—*тѣмъ самымъ* выяснилась и доля въ продуктѣ, приходящаяся отдѣльнымъ классамъ, а, слѣдовательно, «распредѣленіе», и «потребленіе». И наоборотъ, при невыясненности производственныхъ отношеній (напр., при непониманіи процесса производства всего общественнаго капитала въ его цѣломъ) всякія разсужденія о потребленіи и распредѣленіи превращаются въ банальности или невинныя романтическія пожеланія. Сисмонди—родоначальникъ подобныхъ толковъ. Родбертусъ тоже много говорилъ о «распредѣленіи національнаго продукта», «новѣйшіе» авторитеты Эфруси созидали даже особыя «школы», однимъ изъ принциповъ которыхъ было особое вниманіе къ распредѣленію [1]). И всѣ эти теоретики «распредѣленія» и «потребленія» не сумѣли разрѣшить даже основного вопроса объ отличіи общественнаго капитала отъ общественнаго дохода, всѣ продолжали путаться въ противорѣчіяхъ, передъ которыми остановился А. Смитъ [2]).—Проблемму удалось рѣшить лишь экономисту, никогда не выдѣлявшему особо распредѣленія, протестовавшему самымъ энергичнымъ образомъ противъ «вульгарныхъ» разсужденій о

капитализмъ можно и съ сентиментальной, и съ научной точки зрѣнія,—экономистъ «*Р. Б—ва*», видимо, не имѣетъ понятія.

[1]) Весьма справедливо Ингремъ сближаетъ Сисмонди съ «катедеръ-соціалистами» (с. 212 «Исторіи пол. эк.». М. 1891), заявляя наивно: «Мы уже (!!) примкнули къ воззрѣнію Сисмонди на государство, какъ на такую силу, которая должна заботиться... о распространеніи благъ общественнаго соединенія и новѣйшаго прогресса, по возможности, на всѣ классы общества» (215). Какой глубиной отличаются эти «воззрѣнія» Сисмонди, мы уже видѣли на примѣрѣ протекціонизма.

[2]) См., напр., статью «Доходъ» *Р. Мейера* въ Handw. der St. (рус. пер. въ сборникѣ «Промышленность»), излагающую всю безпомощную путаницу въ разсужденіяхъ «новѣйшихъ» нѣмецкихъ профессоровъ объ этомъ предметѣ. Оригинально, что Р. Мейеръ, опираясь прямо на Ад. Смита и приводя въ указаніи литературы ссылку на *тѣ самыя главы* II-го тома «Капитала», въ которыхъ содержится полное опроверженіе Смита, не упоминаетъ объ этомъ въ текстѣ.

«распредѣленіи» (Ср. *П. Струве.* Кр. замѣтки, с. 129, эпиграфъ къ IV гл.). Мало того. Самое разрѣшеніе проблемы состояло въ анализѣ *воспроизводства* общественнаго капитала. Ни о потребленіи, ни о распредѣленіи авторъ и не ставилъ особаго вопроса; но и то, и другое выяснилось вполнѣ само собой послѣ того, какъ доведенъ былъ до конца анализъ *производства.*

«Научный анализъ капиталистическаго способа производства доказываетъ, что... условія распредѣленія по сущности своей тождественны съ условіями производства составляютъ оборотную сторону этихъ послѣднихъ, такъ что и тѣ и другія носятъ одинаково тотъ же самый исторически преходящій характеръ». «Заработная плата предполагаетъ наемный трудъ. прибыль—капиталъ. Эти опредѣленныя формы распредѣленія предполагаютъ, слѣд., опредѣленныя общественныя черты (Charaktere) условій производства и опредѣленныя общественныя отношенія агентовъ производства. Опредѣленное отношеніе распредѣленія есть, слѣдовательно, лишь выраженіе исторически-опредѣленнаго отношенія производства»... «Каждая форма распредѣленія исчезаетъ вмѣстѣ съ опредѣленной формой производства, которой она соотвѣтствуетъ и изъ которой проистекаетъ.

«То воззрѣніе, которое разсматриваетъ исторически лишь отношенія распредѣленія, но не отношенія производства, съ одной стороны, есть лишь воззрѣніе зарождающейся, еще робкой (непослѣдовательной, befangnen) критики буржуазной экономіи. Съ другой же стороны, оно основано на смѣшеніи и отожествленіи общественнаго процесса производства съ простымъ процессомъ труда, который долженъ совершать и искуственно изолированный человѣкъ безъ всякой общественной помощи. Поскольку процессъ труда есть лишь процессъ между человѣкомъ и природой,—его простые элементы остаются одинаковыми для всѣхъ общественныхъ формъ развитія. Но каждая опредѣленная историческая форма этого процесса развиваетъ далѣе матерьяльныя основанія и общественныя формы его». («Капиталъ», т. III, 2, стр. 415, 410, 420 нѣмецк. ориг.).

Не болѣе посчастливилось Сисмонди и въ другого рода нападкахъ на классиковъ, занимающихъ еще больше мѣста въ его «Nouveaux Principes». «Новые ученики А. Смита въ Англіи бросились въ абстракціи, забывая о человѣкѣ»... (I, 55). Для Рикардо «богатство—все, а люди—ничто» (II, 331). «Они (экономисты, защищающіе свободу торговли) часто приносятъ людей и реальные интересы въ жертву абстрактной теоріи» (II, 457), и т. п.

Какъ стары эти нападки, и въ то же время какъ онѣ новы! Я имѣю въ виду обновленіе ихъ народниками, поднявшими такой шумъ по поводу открытаго признанія капиталистическаго развитія Россіи за настоящее, дѣйствительное и неизбѣжное развитіе ея. Не то же ли самое повторяли они на разные лады, крича объ «аналогіи власти денегъ»,

о «соціалбуржуазности» и т. п.? И къ нимъ *еще въ гораздо большей степени*, чѣмъ къ Сисмонди, приложимо замѣчаніе, сдѣланное по адресу сентиментальной критики капитализма вообще: Man schreie nicht zu sehr über den Zynismus! Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen! Не кричите очень о цинизмѣ! цинизмъ заключается не въ словахъ, описывающихъ дѣйствительность, а въ самой дѣйствительности!

«Еще въ гораздо большей степени»,—говоримъ мы. Это—потому, что романтики западно-европейскіе не имѣли передъ собой научнаго анализа противорѣчій капитализма, что они впервые указывали на эти противорѣчія, что они громили («жалкими словами», впрочемъ) людей, не видѣвшихъ этихъ противорѣчій.

Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тотъ съ безпощадной откровенностью дѣлалъ всѣ выводы изъ наблюденія и изученія буржуазнаго общества: онъ формулировалъ открыто и существованіе производства ради производства, и превращеніе рабочей силы въ товаръ, на который смотрятъ такъ же, какъ на всякій другой товаръ,—и то, что для «общества» важенъ только чистый доходъ, т.-е. только величина прибыли [1]). Но Рикардо говорилъ совершенную правду: *на дѣлѣ все обстоитъ именно такъ*. Если эта истина казалась Сисмонди «низкой истиной», то онъ долженъ бы былъ искать причинъ этой низости совсѣмъ не въ теоріи Рикардо и нападать совсѣмъ не на «абстракціи»; его восклицанія по адресу Рикардо относятся цѣликомъ къ области «насъ возвышающаго обмана».

Ну, а наши современные романтики? Думаютъ ли они отрицать дѣйствительность «власти денегъ»? Думаютъ ли они отрицать, что эта власть всемогуща не только среди промышленнаго населенія, но и среди земледѣльческаго, въ какой угодно «общинной», въ какой угодно глухой деревушкѣ? Думаютъ ли они отрицать необходимую связь этого

[1]) Эфруси, напр., съ важнымъ видомъ повторяетъ сентиментальныя фразы Сисмонди о томъ, что увеличеніе чистаго дохода предпринимателя не есть выигрышъ для народнаго хозяйства, и т. п., упрекая его лишь въ томъ, что онъ «сознавалъ» это «еще не вполнѣ ясно» (с. 43, № 8).

Не угодно ли сравнить съ этимъ результаты научнаго анализа капитализма:

Валовой доходъ (Roheinkommen) общества состоитъ изъ заработной платы+прибыль+рента. Чистый доходъ (Reineinkommen) это—сверхстоимость.

«Если разсматривать доходъ всего общества, то національный доходъ состоитъ изъ заработной платы плюсъ прибыль плюсъ рента, т. е. изъ валового дохода. Однако, такое воззрѣніе является лишь абстракціей въ томъ отношеніи, что все общество, на основѣ капиталистическаго производства, становится на капиталистическую точку зрѣнія и считаетъ чистымъ доходомъ лишь доходъ, состоящій изъ прибыли и ренты» (III, 2, 375—6).

Такимъ образомъ авторъ вполнѣ примыкаетъ къ Рикардо и его опредѣленію «чистаго дохода» «общества»,—къ тому самому опредѣленію, которое вызвало «знаменитое возраженіе» Сисмонди (*Р. Б.*, № 8, с. 44): «Какъ? Богатство—все, а люди—ничто?» (II, 331). Въ современномъ обществѣ—конечно, да.

факта съ товарнымъ хозяйствомъ? Они и не пытались подвергать это сомнѣнію. Они просто стараются не говорить объ этомъ. Они боятся назвать вещи ихъ настоящимъ именемъ.

И мы вполнѣ понимаемъ ихъ боязнь: открытое признаніе дѣйствительности отняло бы всякую почву у сентиментальной (народнической) критики капитализма. Неудивительно, что они такъ страстно бросаются въ бой, не успѣвъ даже вычистить заржавленное оружіе романтизма. Неудивительно, что они не разбираютъ средствъ и хотятъ враждебность къ *сентиментальной* критикѣ выставить враждебностью къ критикѣ вообще. Вѣдь они борются за свое право на существованіе.

Сисмонди пытался даже возвести свою сентиментальную критику въ *особый методъ соціальной науки*. Мы уже видѣли, что онъ попрекалъ Рикардо не тѣмъ, что его объективной анализъ остановился передъ противорѣчіями капитализма (этотъ упрекъ былъ бы основателенъ), а именно тѣмъ, что это—анализъ *объективный*. Сисмонди говорилъ, что Рикардо «забываетъ о человѣкѣ». Въ предисловіи ко второму изданію «Nouveaux Principes» встрѣчаемъ такую тираду:

«Я считаю необходимымъ протестовать противъ обычныхъ, столь часто легкомысленныхъ, столь часто важныхъ пріемовъ сужденія о сочиненіи, касающемся соціальныхъ наукъ. Проблемма, подлежащая ихъ разрѣшенію, несравненно сложнѣе, чѣмъ всѣ проблеммы наукъ естественныхъ; въ то же время эта проблемма обращается къ сердцу точно такъ же, какъ къ разуму» (I, XVI). Какъ знакомы русскому читателю эти идеи о противоположности естественныхъ и соціальныхъ наукъ, объ обращеніи послѣднихъ «къ сердцу»! [1]). Сисмонди высказываетъ здѣсь тѣ самыя мысли, которымъ предстояло черезъ нѣсколько десятилѣтій быть «вновь открытыми» на дальнемъ востокѣ Европы «русской школой соціологовъ» и фигурировать въ качествѣ особаго «субъективнаго метода въ соціологіи»... Сисмонди апеллируетъ,

[1]) «Политическая экономія наука не простого расчета (n'est pas une science de calcol), а наука моральная... Она ведетъ къ цѣли лишь тогда, когда приняты во вниманіе чувства, потребности и страсти людей» (I, 313). Эти чувствительныя фразы, въ которыхъ Сисмонди точно такъ же, какъ русскіе соціологи субъективной школы въ своихъ совершенно аналогичныхъ восклицаніяхъ, видитъ новыя понятія о соціальной наукѣ, показываютъ на самомъ дѣлѣ, въ какомъ еще дѣтски-примитивномъ состояніи находилась критика буржуазіи. Развѣ научный анализъ противорѣчій, оставаясь строго объективнымъ «расчетомъ», не даетъ именно твердой основы для пониманія «чувствъ, потребностей и страстей» и протомъ страстей не «людей» вообще,—этой абстракціи, которую и романтикъ, и народникъ наполняетъ специфически мелко-буржуазнымъ содержаніемъ,—а людей опредѣленныхъ классовъ? Но дѣло въ томъ, что Сисмонди *не могъ теоретически опровергнуть* экономистовъ и потому ограничивался сентиментальными фразами. «Утопическій дилетантизмъ вынужденъ дѣлать теоретическія уступки всякому болѣе или менѣе ученому защитнику буржуазнаго порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознаніе своего безсилія, утопистъ утѣшаетъ себя, упрекая своихъ противниковъ въ объективности: положимъ, дескать, вы ученѣе меня, но зато я добрѣе» (*Бельтовъ*, с. 43).

разумѣется,—какъ и наши отечественные соціологи, — «къ сердцу такъ же, какъ къ разуму» [1]). Но мы видѣли уже, какъ по всѣмъ важнѣйшимъ проблемамъ «сердце» мелкаго буржуа торжествовало надъ «разумомъ» теоретика-экономиста.

«Разумомъ» Сисмонди мы уже достаточно занимались. Посмотримъ теперь поближе на его «сердце». Попытаемся собрать воедино всѣ указанія на его *точку зрѣнія* (которую мы изучали до сихъ поръ лишь какъ элементъ, соприкасающійся съ теоретическими вопросами), на его *отношеніе* къ капитализму, на его общественныя симпатіи, на его пониманіе «соціально-политическихъ» задачъ той эпохи, которой онъ былъ участникомъ.

Отличительной чертой той эпохи, когда писалъ Сисмонди, было быстрое развитіе *обмѣна* (денежнаго хозяйства—по современной терминологіи), особенно рѣзко сказавшееся послѣ уничтоженія остатковъ феодализма французской революціей. Сисмонди, не обинуясь, осуждалъ это развитіе и усиленіе обмѣна, нападалъ на «роковую конкуренцію», призывая «правительство защищать населеніе отъ послѣдствій конкуренціи» (ch. VIII, l. VII) и т. п. «Быстрые обмѣны портятъ добрые нравы народа. Постоянныя заботы о выгодной продажѣ не обходятся безъ покушеній запрашивать и обманывать, и чѣмъ труднѣе существовать тому, кто живетъ постоянными обмѣнами, тѣмъ болѣе подвергается онъ искушенію пустить въ ходъ обмѣнъ» (I, 169). Вотъ какая наивность требовалась для того, чтобы нападать на денежное хозяйство такъ, какъ нападаютъ наши народники! «...Богатство коммерческое есть лишь второе по важности въ экономическомъ строѣ; и богатство территоріальное (territoriale—земельное), дающее средства существованія, должно возрастать первымъ. Весь этотъ многочисленный классъ, живущій торговлей, долженъ получать часть продуктовъ земли лишь тогда, когда эти продукты существуютъ; онъ (этотъ классъ) долженъ возрастать лишь постольку, поскольку возрастаютъ также и эти продукты» (I, 322—323). Ушелъ ли хоть на шагъ впередъ отъ этого патріархальнаго романтика г. Н. —онъ, изливающій на цѣлыхъ страницахъ жалобы на то, что ростъ торговли и промышленности обгоняетъ развитіе земледѣлія? Эти жалобы романтика и народника свидѣтельствуютъ лишь о совершенномъ *непониманіи* капиталистическаго хозяйства. *Можетъ ли существовать* такой капитализмъ, при которомъ бы развитіе торговли и промышленности *не* обгоняло земледѣлія? Вѣдь ростъ капитализма есть ростъ товарнаго хозяйства, *то-есть* общественнаго раздѣленія труда, *отрывающаго* отъ земледѣлія одинъ за другимъ видъ обработки сырья, первоначально связанный съ добываніемъ сырья, обработкой и потребленіемъ его въ *одно* натуральное хозяйство. По-

[1]) Точно «проблемы», вытекающія изъ естественныхъ наукъ, не обращаются тоже «къ сердцу»?!

этому *вездѣ и всегда* капитализмъ означаетъ *болѣе быстрое* развитіе торговли и промышленности сравнительно съ земледѣліемъ, *болѣе быстрый* ростъ торгово-промышленнаго населенія, *бо́льшій* вѣсъ и значеніе торговли и промышленности въ общемъ строѣ общественнаго хозяйства [1]). Иначе *не можетъ быть*. И г. Н. —онъ, повторяя подобныя жалобы, доказываетъ этимъ еще и еще разъ, что онъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ не пошелъ дальше поверхностнаго, сентиментальнаго романтизма. «Этотъ неразумный духъ предпринимательства (esprit d'entreprise), этотъ излишекъ всякаго рода торговли, который вызываетъ такую массу банкротствъ въ Америкѣ, обязанъ своимъ существованіемъ, безъ всякаго сомнѣнія, увеличенію числа банковъ и той легкости, съ которой обманчивый кредитъ становится на мѣсто реальнаго имущества» (fortune réelle) (II, 111), и т. д., и т. д. безъ конца. Во имя чего же нападалъ Сисмонди на денежное хозяйство (и капитализмъ)? Что онъ противопоставляетъ ему? Мелкое самостоятельное производство, натуральное хозяйство крестьянъ въ деревнѣ, ремесло—въ городѣ. Вотъ какъ говоритъ онъ о первомъ въ главѣ «О патріархальномъ сельскомъ хозяйствѣ» (ch. III, l. III, De l'exploitation patriarchale—о патріархальной эксплуатаціи земли. Книга 3-я трактуетъ о «территоріальномъ», или земельномъ богатствѣ):

«Первые собственники земли сами были пахарями, они исполняли всѣ полевыя работы трудомъ своихъ дѣтей и своихъ слугъ. Ни одна соціальная организація [2]) не гарантируетъ большаго участія и большихъ добродѣтелей наиболѣе многочисленному классу націи, большаго довольства (opulence) всѣмъ, большей прочности общественному порядку... Въ странахъ, гдѣ земледѣлецъ есть собственникъ (où le fermier est le propriétaire) и гдѣ продукты принадлежатъ цѣликомъ (sans partage) тѣмъ самымъ людямъ, которые произвели всѣ работы, т.-е. въ странахъ, сельское хозяйство которыхъ мы называемъ патріархальнымъ,—мы видимъ на каждомъ шагу слѣды любви земледѣльца къ дому, въ которомъ онъ живетъ, къ землѣ, за которой онъ ухажи-

---

[1]) Всегда и вездѣ при капиталистическомъ развитіи земледѣліе остается *позади* торговли и промышленности, всегда оно подчинено имъ и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднѣе *втягивается* ими на стезю капиталистическаго *производства*.

[2]) Замѣтьте, что Сисмонди—точь въ точь, какъ наши народники,—превращаетъ сразу самостоятельное хозяйство крестьянъ въ «соціальную организацію». Явная передержка. Что же связываетъ вмѣстѣ этихъ крестьянъ разныхъ мѣстностей? Именно раздѣленіе общественнаго труда и товарное хозяйство, замѣнившее связи феодальныя. Сразу сказывается возведеніе въ утопію одного члена въ строѣ товарнаго хозяйства и непониманіе остальныхъ членовъ. Сравните у г. Н. —она, с. 322: «Форма промышленности, основанная на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства». О томъ, что это владѣніе крестьянствомъ орудіями производства является—и исторически, и логически—*исходнымъ пунктомъ* именно *капиталистическаго* производства, г. Н. —онъ и не подозрѣваетъ!

ваетъ... Самый трудъ для него удовольствіе... Въ счастливыхъ странахъ, гдѣ земледѣліе—патріархальное, изучается особая природа каждаго поля, и эти познанія переходятъ отъ отца къ сыну... Крупное фермерское хозяйство, руководимое болѣе богатыми людьми, поднимется, можетъ быть, выше предразсудковъ и рутины. Но познанія (l'intilligence, т.-е. познанія въ сельскомъ хозяйствѣ) не дойдутъ до того, кто самъ работаетъ, и будутъ примѣнены хуже... Патріархальное хозяйство улучшаетъ нравы и характеръ этой столь многочисленной части націи, на которой лежатъ всѣ земледѣльческія работы. Собственность создаетъ привычки порядка и бережливости, постоянное довольство уничтожаетъ вкусъ къ обжорству (gourmandise) и къ лакомству... Вступая въ обмѣнъ почти съ одной только природой, онъ (земледѣлецъ) имѣетъ меньше, чѣмъ всякій другой промышленный рабочій, поводовъ не довѣрять людямъ и пускать въ ходъ противъ нихъ оружіе недобросовѣстности» (I, 165—170). «Первые фермеры были простыми пахарями; они своими руками исполняли большую часть земледѣльческихъ работъ; они соразмѣряли свои предпріятія съ силами своихъ семей... Они не переставали быть крестьянами: сами ходятъ за сохой (tiennent eux-mêmes les cornes de leur charrue); сами ухаживаютъ за скотомъ и въ полѣ, и въ конюшнѣ; живутъ на чистомъ воздухѣ, привыкая къ постоянному труду и къ скромной пищѣ, которые создаютъ крѣпкихъ гражданъ и бравыхъ солдатъ [1]). Они почти никогда не употребляютъ, для совмѣстныхъ работъ, поденныхъ рабочихъ, а только слугъ (des domestiques), выбранныхъ всегда среди своихъ равныхъ, съ которыми обходятся какъ съ равными, ѣдятъ за однимъ столомъ, пьютъ то же вино, одѣваются въ то же платье. Такимъ образомъ земледѣльцы съ своими слугами составляютъ одинъ классъ крестьянъ, одушевленныхъ тѣми же чувствами, раздѣляющихъ тѣ же удовольствія, подвергающихся тѣмъ же вліяніямъ, связанныхъ съ отечествомъ такими же узами» (I, 221).

Вотъ вамъ и пресловутое «народное производство»! И пусть не говорятъ, что у Сисмонди нѣтъ пониманія необходимости соединить производителей: онъ говоритъ прямо (см. ниже), что «онъ точно такъ же (какъ и Фурье, Овэнъ, Томпсонъ, Муиронъ) желаетъ ассоціаціи» (II, 365). Пусть не говорятъ, что онъ стоитъ именно за *собственность*: напротивъ, центръ тяжести у него мелкое хозяйство (ср. II, 355), а не мелкая собственность. Понятно, что эта идеализація мелкаго крестьянскаго хозяйства принимаетъ отличный видъ при другихъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ. Но и романтизмъ, и народничество возводятъ въ апоѳеозъ именно мелкое крестьянское хозяйство—это не подлежитъ сомнѣнію.

---

[1]) Сравните, читатель, съ этими сладенькими разсказами бабушки того «передового» публициста конца XIX вѣка, котораго цитируетъ г. Струве въ своихъ «Кр. Замѣткахъ», с. 17.

Точно также идеализируетъ Сисмонди и примитивное ремесло, и цехи. «Деревенскій сапожникъ, который въ то же время и купецъ, и фабрикантъ, и работникъ, не сдѣлаетъ ни одной пары сапоговъ, не получивъ заказа» (II, 262), тогда какъ капиталистическая мануфактура, не зная спроса, можетъ потерпѣть крахъ. «Несомнѣнно, и съ теоретической и съ фактической стороны, что учрежденіе цеховъ (corps de métier) препятствовало и должно было препятствовать образованію избыточнаго населенія. Точно также несомнѣнно, что такое населеніе существуетъ въ настоящее время, и что оно есть необходимый результатъ современнаго строя» (I, 431). Подобныхъ выписокъ можно было бы привести очень много, но мы откладываемъ разборъ практическихъ рецептовъ Сисмонди до дальнѣйшаго. Здѣсь же ограничимся приведеннымъ, чтобы вникнуть въ точку зрѣнія Сисмонди. Приведенныя разсужденія можно резюмировать такъ: 1) денежное хозяйство осуждается за то, что оно разрушаетъ обезпеченное положеніе мелкихъ производителей и ихъ взаимное сближеніе (въ формѣ ли близости ремесленника къ потребителю или земледѣльца къ равнымъ ему земледѣльцамъ); 2) мелкое производство превозносится за то, что обезпечиваетъ самостоятельность производителя и устраняетъ противорѣчія капитализма.

Отмѣтимъ, что эти обѣ идеи составляютъ существенное достояніе народничества [1]) и попытаемся вникнуть въ ихъ содержаніе.

К. Т—нъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Г. Н. —онъ и по данному вопросу наговорилъ такую кучу противорѣчій, что изъ нея можно выбрать *какія угодно* положенія, ничѣмъ между собой не связанныя. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію идеализація крестьянскаго хозяйства посредствомъ туманнаго термина: «народное производство». Туманъ—особенно удобная атмосфера для всякихъ переряживаній.

ВЪ ВРАТАХЪ ЭДЕМА.

Романъ.

V.

Молодой человѣкъ, въ длинномъ бѣломъ халатѣ сидѣлъ у окна отдѣльной комнаты и печально смотрѣлъ на дворъ, покрывшійся цѣлымъ слоемъ бѣлаго, теперь уже нетаявшаго снѣга. Мутное утро было печально, какъ печально его теперешнее состояніе. Въ эти нѣсколько дней „одиночнаго заключенія въ лѣчебницѣ“ онъ пережилъ много, такъ много, какъ никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ началъ жить сознательной жизнью, и до самаго того „инцидента“, который привелъ его къ барьеру и, вслѣдъ за тѣмъ, въ эту отдѣльную комнату лѣчебницы.

Профессоръ не сталъ ему дѣлать операціи, потому что въ его раздробленной рукѣ что-то было неладное и надо было выждать нѣкоторое время, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу. Его рану изслѣдовали зондомъ, и онъ никогда не забудетъ этой мучительной, одурляющей боли. Онъ крѣпко стиснулъ зубы, такъ что одинъ изъ коренныхъ зубовъ сломался. Потомъ онъ началъ стонать, потомъ стонъ перешелъ въ крикъ.

Послѣ зондированья раны, когда онъ успокоился немного, профессоръ шутилъ съ нимъ: „А еще—офицеръ! Гусаръ на саблю опираясь!.. Что? Развѣ такъ больно? А ежели на войнѣ?“

Потомъ его оставили одного въ его комнатѣ. Комната была уютная, чистенькая, свѣжая, вся убранная зеленью. Кормили его превосходно—къ завтраку давали два блюда, къ обѣду—четыре, при чемъ подавали рябчиковъ, зелень и даже сливочный кремъ. Но потомъ у него началась лихорадка, и его посадили на діету. Ѣсть ему не хотѣлось, спать тоже, потому что въ первое время онъ много спалъ, читать не было привычки, да и интересныхъ книгъ не было. Въ первое время одиночество и тишина производили на него мертвящее впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ попалъ въ какую-то глухую обитель, что онъ окончательно отрѣзанъ отъ свѣта, что жизнь въ обществѣ съ балами, театрами и выѣздами навсегда кончена, что онъ погребенъ заживо. И потомъ эта вѣч-

ная падающая съ неба занавѣсь снѣга, эти тяжелыя тучи, этотъ пасмурный видъ двора дѣйствовали на его сознаніе страннымъ образомъ: мысль его пробуждалась и начинала работать усиленно, въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ работала до сихъ поръ. Все прошлое, все то, чѣмъ онъ такъ еще недавно жилъ, что наполняло его существованіе и казалось такъ необходимымъ и важнымъ—все это ушло въ какую-то туманную даль, поразительно уменьшилось въ масштабѣ, сдѣлалось до-нельзя незначительнымъ, почти смѣшнымъ. Времени тогда было столько, что онъ не зналъ куда его дѣвать—не смотря на службу, на обширное знакомство, на постоянную бѣготню по знакомымъ, оно тянулось убійственно медленно, и онъ часто ощущалъ вѣяніе невыносимой скуки и пустоты жизни. Но онъ зналъ, что жизнь всюду такова и всѣ живутъ такъ. Тогда онъ не подозрѣвалъ о томъ, что въ этомъ большомъ городѣ есть такія мѣста, какъ эта тихая обитель, такіе оазисы человѣческаго горя. И здѣсь, не смотря на то, что времени было еще больше, что онъ оставался цѣлыми днями одинъ, что мечтать и раздумывать можно было въ волю, онъ уже не ощущалъ прежней мучительной, удручающей скуки, и день проходилъ незамѣтно, безшумно, безслѣдно, какъ блѣдный призракъ, появившійся на экранѣ и растаявшій на немъ.

Рука его сильно болѣла, и эта боль появлялась приступами, неожиданно, сразу и причиняла ему острыя физическія страданія. Онъ былъ радъ этимъ физическимъ страданіямъ, потому что они отрывали его отъ страданій гораздо болѣе тяжкихъ—душевныхъ. Въ минуты этой острой физической боли онъ уже не могъ сосредоточенно и мучительно думать, и вся его мысль устремлялась къ тому мѣсту раненой руки, которое мучительно болѣло. Потомъ боль утихала такъ же внезапно, какъ появлялась, и оставалось ощущеніе ожога, какъ будто ему облили руку крутымъ кипяткомъ. Тогда возобновлялась лихорадка, которую онъ не замѣчалъ во время приступа боли, и вмѣстѣ съ лихорадкой нарождались новыя мысли, новыя думы. Это состояніе было такъ ново для него, что оно его забавляло. Какъ странно! Отчего прежде никогда ему не приходили на умъ такія странныя мысли? Отчего онъ никогда прежде не задумывался надъ тѣмъ, что есть на свѣтѣ люди страдающіе, люди несчастные, люди обездоленные? Конечно, онъ зналъ, что они существуютъ, но почему же никогда прежде онъ не думалъ о нихъ? Почему „женщина“ представлялась ему не иначе, какъ въ шикарно сшитомъ у французской портнихи платьѣ, надушенная модными, одуряющими духами, затянутая въ корсетъ,

причесанная съ какими-то причудами и говорящая по-французски разныя остроумныя или банальныя вещи? Конечно, существовали на свѣтѣ и другія женщины—горничныя, камеристки, приказчицы, но кто же на нихъ обращаетъ вниманіе? Для него существовало лишь два разряда женщинъ: женщины, которыхъ полагается уважать—мать, сестра, тетки и прочія родственницы; женщины, уважать которыхъ не полагается—шансонетныя француженки и имъ подобныя. Пожалуй, былъ еще и третій разрядъ—свѣтскіе барыни и барышни, которыхъ можно любить и не уважать, или уважать, но не любить. Впрочемъ, между вторымъ и послѣднимъ разрядомъ онъ смутно видѣлъ разницу и не всегда умѣлъ проводить грань. Одна изъ послѣдняго разряда и привела его къ „барьеру“. Какъ это было глупо и пошло! Онъ дрался за нее. Зачѣмъ? Кому и что онъ хотѣлъ доказать? Она съ нимъ кокетничала, она его „изводила“, мучила, терзала. Но она такъ же кокетничала и съ другими. Онъ ее ревновалъ. Все шло такъ, какъ всегда и у всѣхъ шло и какъ это полагалось. Она была богата и почти самостоятельна, потому что родителей не имѣла и жила у бабушки, старой княгини, выжившей изъ ума. Состояніе и независимость дѣлали ее завидной невѣстой. Ему она казалась оригинальной и даже экцентричной—что способно вскружить голову каждому современному молодому человѣку, изнывающему среди скучной и пошлой канители дня. Она каталась на конькахъ, на велосипедѣ, верхомъ; спортъ былъ ея увлеченіемъ; врядъ ли она когда-либо знала другое какое-нибудь увлеченіе. Весной она охотно ѣздила на острова—показывать свои парижскіе туалеты; лѣтомъ она ѣздила за границу, въ сопровожденіи своей „миссъ“, которая играла при ней роль ширмы; зимой она ѣздила въ театры, въ гости, въ концерты. Раза два она обѣдала съ нимъ у Фелисьена и у Эрнеста. Она очень любила эти „escapades“, и тогда глазки ея горѣли и сердце билось, какъ будто она совершала отважный подвигъ, и ей доставляло огромное удовольствіе сознаніе, что „она ничего не боится“. Про нее ходили разные слухи, и за одинъ изъ нихъ онъ дрался. Теперь, въ тиши этой комнаты, оставленный съ глазу на глазъ съ своей совѣстью, онъ въ сотый разъ себя спрашивалъ: любитъ ли онъ ее? И сердце его молчало, и его чувство ничего не говорило ему.

Въ немъ совершался какой-то безмолвный процессъ. Эта тишина лѣчебницы, казалось, наполнила его душу и вмѣстѣ съ нею, въ нее вошло что-то новое, что-то поразительное, что-то до сихъ поръ имъ невѣдомое. Въ этой тишинѣ шевелились какія-то

ощущенія, безформенныя и туманныя, приходившія и уходившія, которыя никакъ не могли осѣсть въ ней и кристаллизоваться. Онъ ловилъ ихъ, задерживалъ, но ни умъ его, не привыкшій разсуждать, ни сердце его, не научившееся чувствовать, не могли удержать ихъ. Время шло, и эти мысли и ощущенія стали приходить чаще и оставаться около него дольше. Но они были именно около, а не внутри его, и онъ смотрѣлъ на нихъ сбоку, какъ бы ожидая, когда же они войдутъ внутрь его и завладѣютъ имъ окончательно. Порою ему казалось, что ему недостаетъ ментора, какого-нибудь умнаго и сердечнаго человѣка, который бы сумѣлъ ему объяснить то, что̀ съ нимъ происходитъ, и помогъ бы ему воспріять эти новыя мысли и ощущенія. Теперь же онъ относился къ нимъ недоумѣвающе и, пожалуй, недовѣрчиво.

Одного впечатлѣнія онъ не могъ забыть.

Это именно случилось, когда, изнывая отъ жгучей боли, появившейся въ раненой рукѣ, онъ въ первый разъ увидѣлъ сестру милосердія. Она вошла своей медленной походкой, безшумно, неслышно, появившись, какъ тѣнь. Стояли сумерки пасмурнаго вечера, и ему показалось, что призракъ посѣтилъ его. Это была сестра Берестовская. Она была въ темно-коричневомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ и пелеринкой на груди. Она смотрѣла на него спокойно и ласково, говорила съ нимъ просто.

— Не лучше ли вамъ лечь въ постель?—спросила она его.—У васъ, очевидно, лихорадка. Я вамъ все приготовлю, и вы ляжете, не правда ли? Завтра вамъ сдѣлаютъ ванну... О, не бойтесь—руки мы трогать не будемъ и разбинтовывать не станемъ. Это дѣло профессора. А сегодня—отдохните.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ:—зачѣмъ вамъ самимъ безпокоится? Можно позвонить прислугу.

Это ее, кажется, удивило, потому что брови ея чуть-чуть поднялись. Потомъ она очень мило улыбнулась.

— Прислугу?—протянула она.—У насъ нѣтъ прислуги, кромѣ двухъ служащихъ мужчинъ, но тѣ только переносятъ слабыхъ больныхъ въ операціонную и готовятъ ванны въ мужскомъ отдѣленіи. Да вы не безпокойтесь, я все вамъ сдѣлаю не хуже прислуги.

— Но какъ же...—началъ было онъ, но, видя какъ она ловко и проворно принялась за дѣло, сконфузившись, замолчалъ.

Его поразилъ голосъ сестры—что-то мягкое и симпатичное въ немъ трогало его прямо за сердце. Что это за женщина? Какого она званія, какого общества, какъ сюда попала? Онъ пред-

ставлялъ себѣ сестеръ милосердія въ видѣ грубыхъ крестьянокъ въ козловыхъ туфляхъ и тиковыхъ передникахъ, съ жесткими, грубыми руками, жирными волосами и рѣзкимъ голосомъ. Откуда у него взялось такое представленіе? Онъ сталъ вспоминать. Въ деревнѣ у отца онъ видѣлъ такую, прибывшую туда изъ ихъ захолустнаго городишка, въ которомъ былъ какой-то земскій лѣчебный пунктъ. Но эта сестра ни въ чемъ рѣшительно не походила на ту. Эту хоть въ гостиную къ его матери. Какія манеры, какая походка! „У васъ, „очевидно“, лихорадка“. Какъ выражается!

Онъ заговорилъ съ ней еще. Она отвѣчала ему все такъ же просто, ясно, какъ равная съ равнымъ.

„Une personne tout à fait distinguée“ мелькнула у него мысль. И вдругъ такая особа дѣлаетъ ему постель, приноситъ въ комнату разныя вещи и нисколько не конфузится, не жеманится, не строитъ изъ себя жертвы. Все это его ужасно поразило, и онъ долго не могъ прійти въ себя. Его даже волновало это присутствіе женщины въ его комнатѣ, участіе ея къ его удобствамъ. Онъ не привыкъ принимать этихъ услугъ отъ женщинъ, потому что ему служилъ денщикъ. Ему стало не по себѣ. Ночь онъ спалъ неспокойно: его одолѣвали сны и кошмары. Ему приснилось, что его „Лили“,—та, изъ-за которой онъ лежитъ теперь въ этой комнатѣ, похожей на уютную спальню,—терзаемая раскаяньемъ и угрызеніемъ совѣсти, сорвала съ себя свои парижскія платья и облачила свое худое, утомленное свѣтской жизнью тѣло въ скромный и изящный костюмъ „сестры“. Потомъ онъ увидѣлъ залъ въ два свѣта, ярко освѣщенный электрическими лампочками. Оркестръ, скрытый за декоративными растеніями въ глубинѣ зала, на эстрадѣ исполняетъ вальсъ изъ „Спящей красавицы“; а по залу ходятъ его знакомыя дамы и барышни въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Это костюмированный балъ княгини Тамбовской. Среди гостей Лили въ „костюмѣ“ сестры милосердія. „Такъ это маскарадъ!“ думаетъ онъ и видитъ, какъ Коко Прѣсняковъ—его противникъ на дуэли—подходитъ къ ней, въ костюмѣ маркиза старой Франціи и начинаетъ „молоть глупости“. Она хохочетъ, и ея блѣдныя, но красивой формы губы раскрываются и обнаруживаютъ рядъ мелкихъ и острыхъ, какъ у бѣлки, зубовъ. „C'est chic, mais tout à fait chic, ce costume là!“ тянетъ Коко, вставляя въ глазъ глупый монокль, совершенно не идущій къ его костюму маркиза. „Mais quelle drole d'idée! Vous

êtes charmante, et chic, et gentile, et souple, et mignone... Скажите", переходя на русскій языкъ и невѣроятно растягивая слова, мелетъ онъ: „что это у васъ на груди? Это красный крестъ? Можно къ нему приложиться?" И онъ готовъ сдѣлать это здѣсь, на балу, на виду у всѣхъ. Онъ уже нагибалъ голову и... больной просыпается. Онъ весь горитъ, рука ноетъ немилосердно. Что это? Сонъ, кошмаръ, дѣйствительность? Онъ испуганно открываетъ глаза. Надъ нимъ склонилось чье-то лицо съ такими спокойными, „тихими", умиротворяющими глазами. И онъ видитъ на груди этого видѣнья широкій красный крестъ.

— Вамъ нехорошо?—спрашиваетъ его тотъ же голосъ, который очаровалъ его вечеромъ:—Вы стонали, и я зашла узнать, что съ вами?

— Нѣтъ, ничего, благодарю васъ. Мнѣ снился сонъ.

Она улыбнулась, помогла ему выпить кислаго морсу и исчезла, какъ тѣнь.

Онъ задремалъ. Кто это былъ? Та ли сестра, которая дѣлала ему постель, или другая, или наряженная для маскарада Лили? Въ его воспаленномъ мозгу смѣшивались страннымъ образомъ черты лица этой сестры и Лили. То ему казалось, что вѣчно вызывающее, насмѣшливо-дерзкое выраженіе лица Лили вдругъ смягчилось и получило отпечатокъ святости, совершенно несвойственный ей, то—что черты лица сестры вдругъ неожиданно измѣнились, и въ нихъ заиграло что-то дерзкое, то „provocateur", что было всегда неотъемлемой принадлежностью Лили. Мысли его путались, и къ утру онъ заснулъ.

Проснулся онъ поздно. Первое, что ему пришло на умъ — былъ его сонъ. И незамѣтно для себя самого онъ пришелъ къ убѣжденію, что сестра, ухаживавшая за нимъ вечеромъ наканунѣ, была „исключеніемъ". Она навѣрное изъ очень хорошей семьи, превосходно воспитана и образована и только силою случайныхъ обстоятельствъ попала въ столь неподходящую обстановку и облачилась въ этотъ скромный костюмъ. Ему вспомнились разные эпизоды изъ прочитанныхъ французскихъ романовъ: у аристократки маркизы появляется незаконная дочь отъ безумно любимаго ею человѣка, за котораго родители не выдали ее замужъ только потому, что онъ былъ „un jeune homme pauvre", а у маркиза, ея теперешняго мужа, были замки въ Нормандіи, титулъ и деньги. Маркизъ убиваетъ „le jeune homme pauvre", маркизу ссылаетъ въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ нормандскихъ замковъ, незаконную дочь воспитываетъ совершенно такъ, какъ вос-

питываютъ законныхъ дочерей въ Sacré Coeur, и потомъ, въ отместку матери ея, отдаетъ ее въ „soeur de charitée". Мать въ отчаяніи убиваетъ себя при помощи угара отъ жаровни съ углемъ — совершенно по буржуазному; маркизъ отправляется въ Монте-Карло и выигрываетъ колоссальную сумму денегъ. Совѣсть его мучаетъ. Онъ давно всѣмъ „простилъ". Тѣни жены и „jeune homme pauvr'a" терзаютъ его по ночамъ и кричатъ ему: „expiez votre crime!" или что-то въ этомъ родѣ. И онъ ѣдетъ въ монастырь или лѣчебницу, видитъ красавицу „сестру", и, растрогавшись, говоритъ ей: «дочь моя, прійди въ мои объятья!" Все кончается благополучно. Онъ даетъ ей приданое изъ монте-карловскаго куша и выдаетъ ее замужъ за тайно любимаго ею доктора заведенія. „Твои дѣти, ma fille chérie", говоритъ онъ ей въ день свадьбы, „будутъ моими любимыми внуками и наслѣдниками моихъ замковъ въ Нормандіи". Этимъ кончался романъ или, можетъ быть, нѣсколько романовъ, изъ которыхъ онъ взялъ два-три разрозненныхъ эпизода и нелѣпо слилъ ихъ вмѣстѣ. И ему почему-то казалось, что сестра Берестовская героиня подобнаго романа и очевидное исключеніе изъ правила. Конечно, другія сестры общины походятъ на ту грубую крестьянскую сестру „земскаго лѣчебнаго пункта", которую онъ видѣлъ въ деревнѣ отца.

Мысль, что сестра Берестовская аристократическаго происхожденія загипнотизировала его мозгъ. Ему хотѣлось скорѣе разгадать „тайну", и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ея появленія. „Говоритъ ли она по-французски?" думалось ему, и съ упорствомъ лихорадочнаго больного ему неудержимо захотѣлось узнать это. „Что, если я заговорю съ ней?"

Дверь тихо отворилась, и послышались легкіе, быстрые шаги. Онъ лежалъ лицомъ къ окну и не могъ перевернуться къ двери, больная рука мѣшала ему. „Спрошу, спрошу", гвоздила его мысль, и онъ, наконецъ, рѣшился.

— Vous parlez français, mademoiselle?—скорѣе утвердительно спросилъ онъ.

— Oui, monsieur!—услышалъ онъ отвѣтъ, и вздрогнулъ. Это былъ другой голосъ. Въ этомъ ему послышались особыя нотки, какъ бы вздрагивавшія, какъ бы сдерживаемыя, какъ бы покоренныя. Что-то подобное онъ наблюдалъ въ голосѣ своей Лили, когда она готовилась совершить какую-нибудь „espiéglerie". Онъ повернулся сильнымъ и быстрымъ движеніемъ, забывъ о своей больной рукѣ. Неистовый крикъ огласилъ комнату, и онъ бѣлѣе полотна упалъ на подушки. Холодный потъ выступилъ на его

лбу, и въ глазахъ пошли зеленые круги. Кажется, ему сдѣлалось дурно отъ этой нечеловѣческой боли.

— Боже мой, что съ вами?—быстро подошла къ нему сестра.

VI.

Это была Катишь Фремонъ.

Онъ понемногу оправился и пришелъ въ себя. „Когда же мнѣ сдѣлаютъ операцію?“ подумалъ онъ: „проклятая рана, какъ болитъ!“ Сестра Фремонъ стояла надъ нимъ и смотрѣла на него своими голубовато-сѣрыми глазами, не зная, что предпринять. Боль въ рукѣ больного утихала, и онъ получилъ возможность теперь заговорить.

— Чего вы такъ испугались?—спросила его молодая дѣвушка по-русски.

Онъ улыбнулся, и его искаженное отъ боли лицо приняло пріятное выраженіе.

— Простите, mademoiselle, я испугалъ васъ.

Въ свою очередь она засмѣялась.

— Pardon, monsieur,—копируя его и шаловливо присѣдая отвѣтила она:—насъ нельзя называть mademoiselle... Если бы „госпожа наша начальница“ услыхала...

— А какъ же надо называть васъ?

— Сестра, tout court.

— Tout court,—повторилъ онъ про себя, вслушиваясь въ ея молодой голосъ, въ которомъ совершенно не было той кротости и забитости, каковыя слышались въ голосѣ ея предшественницы. „Эта ужъ совсѣмъ свѣтская барышня“, подумалъ онъ про себя, „да это не община сестеръ милосердія, а просто на просто институтъ благородныхъ дѣвицъ. Онѣ всѣ—дочери маркизы.

Его это забавляло и веселило.

— Видите ли, сестра, я ожидалъ увидѣть ту... сестру, которая была здѣсь вчера вечеромъ. И вдругъ слышу совсѣмъ другой голосъ.

— Лучше или хуже?—сошкольничала Фремонъ.

— Ça dépend...—неопредѣленно вывернулся онъ и почувствовалъ себя въ салонѣ. Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, во всѣ глаза. Это — сестра милосердія? Allons donc! Это какая-то мистификація!—Такъ вотъ,—продолжалъ онъ:—я и повернулся, совершенно забывъ о своей рукѣ... Теперь ничего, проходитъ...

— Другой разъ не удивляйтесь... Мы вѣдь чередуемся; у насъ дежурства, какъ у васъ въ полку. Если вы долго здѣсь про-

будете—чего я отъ всей души вамъ не желаю—вы увидите всѣхъ насъ. Насъ много.

— И всѣ такія же...—онъ замялся: ему хотѣлось сказать „хорошенькія“, но въ эту минуту взоръ его упалъ на красный крестъ, нашитый на лифѣ, и ему сдѣлалось стыдно говорить такимъ языкомъ.

— Какія?—спросила она, и глаза ея сощурились.

— Такія, такія... enfin, такія ловкія, услужливыя, добрыя. Фремонъ хитро улыбнулась.

— Добрыя.... и... только?—вызывающе спросила она.

— И... и изящныя,—докончилъ офицеръ.

— Mercі. Есть разныя. Однако, я съ вами заболталась, а я пришла по дѣлу.

„Ну, ужъ, эта-то бѣлоручка—blanchette,—перевелъ онъ себѣ по-французски,—навѣрное не станетъ дѣлать постели...“ Но Фремонъ, мгновенно измѣнивъ выраженіе лица, на которомъ вдругъ появилась серьезность, подошла къ нему съ термометромъ, отстегнула воротъ его рубашки и ловко поставила градусникъ.

— Прошу держать его какъ слѣдуетъ и лежать смирно. Черезъ двадцать минутъ я зайду.

И она, слегка наклонивъ граціознымъ движеніемъ голову, скрылась за дверью.

„Да это не лѣчебница, а магометовъ рай,—подумалъ больной:—и какія славныя здѣсь гуріи“. Изумленіе его не проходило. „Онѣ ничѣмъ по внѣшности не отличаются отъ нашихъ vierges,—продолжалъ онъ размышлять,—и если бы ихъ встрѣтить въ салонѣ, въ другомъ костюмѣ, право онѣ умѣли бы держать себя не хуже нашихъ. Только *эти* дѣлаютъ дѣло, помогаютъ больнымъ, а наши—слоновъ гоняютъ“. Это было его любимое выраженіе, заимствованное имъ отъ полкового командира, который называлъ такъ офицеровъ, отлынивавшихъ, подъ разными благовидными предлогами, отъ службы. И въ первый, кажется, разъ въ жизни, ему пришлось измѣнить свое мнѣніе о „женщинѣ“. Оказывается, женщина тоже можетъ быть на что-нибудь полезна, кромѣ флирта и безцѣльной салонной causerie. Конечно, онъ слыхалъ и о женщинахъ-докторахъ, и о фельдшерицахъ, и о телеграфисткахъ, и о конторщицахъ, и о массажисткахъ, но, по устарѣлому взгляду, перешедшему къ нему по наслѣдству и который ему ни разу не пришло въ голову провѣрить, онъ ихъ почти не считалъ женщинами, а какими-то безполыми существами, непохожими на мужчинъ, но и утратившими образъ и подобіе женщинъ. Но по-

лезную и трудящуюся женщину въ привлекательномъ, изящномъ видѣ онъ не могъ себѣ представить.

Какое-то доброе, почти нѣжное чувство, еще никогда имъ неиспытанное закрадывалось въ его душу. Онъ не хотѣлъ пускать его туда. Онъ чувствовалъ, что, разъ закравшись туда, оно пуститъ корни, разрастется, перевернетъ все его міросозерцаніе, смутитъ всю элементарную ясность его свѣтской души. Онъ уже ощущалъ въ себѣ это „второе зрѣніе"; ему казалось, что до сихъ поръ онъ былъ слѣпъ или смотрѣлъ на міръ черезъ какое-то стекло, затемнявшее отъ него истину. Теперь онъ сталъ прозрѣвать. Этотъ процессъ начался тотчасъ послѣ „инцидента съ Лили", продолжался два дня до дуэли, во время дуэли онъ все развивался, а здѣсь, въ этой тихой обители съ ея „неземными созданіями", угрожалъ превратиться въ опустошительный ураганъ. Лихорадка ли въ томъ виновата, одиночество ли или что другое— онъ не зналъ. Прежде онъ никогда не болѣлъ, никогда не оставался одинъ, никогда такъ подолгу не размышлялъ, и размышленія его никогда не приводили къ такимъ страннымъ и неожиданнымъ результатамъ.

Сестра Фремонъ вошла въ сопровожденіи старшей сестры Ниманъ-Гольде. На лицѣ бойкой дѣвушки теперь лежало выраженіе святости и покорности.

„Этакая mamselle Nitouche",—подумалъ онъ про себя, вглядываясь въ стройную, хрупкую фигуру сестры. Она подошла къ нему, опустивъ глаза, опушенные длинными, темными рѣсницами, взяла термометръ и взглянула на него, поднеся къ окну. Темные брови ея сдвинулись, но ни однимъ движеніемъ мускула на лицѣ она не выдала своего изумленія. Старшая сестра подошла къ ней; Фремонъ тихо сообщила ей количество градусовъ, которое Ниманъ-Гольде записала на бумажку. У больного температура была повышена до 39 градусовъ съ десятыми.

— Сколько?—спросилъ онъ.

— Пустое,—отвѣтила успокоительно бабушка и уклонилась отъ отвѣта.

Вдвоемъ онѣ подняли его съ кровати и помогли перейти на кресло. Бабушка ушла съ бумажкой, испещренной отмѣтками температуръ больныхъ, чтобы передать этотъ бюллетень дежурной сестрѣ, для внесенія въ толстую книгу. Въ этой книгѣ отмѣчался ходъ болѣзни каждаго и по этимъ отмѣткамъ ассистентъ профессора, „безмолвный сфинксъ" Павелъ Александровичъ составлялъ

исторію болѣзни и „кривыя“ каждаго пацієнта. Книга держалась въ большомъ секретѣ отъ больныхъ.

Офицеръ съ изумленіемъ наблюдалъ за сестрой Фремонъ, оставшейся съ нимъ съ глазу на глазъ.

Она быстро стала прибирать его постель. Онъ смотрѣлъ на ея тоненькія, точно выточенныя руки, на ея худенькія пальцы съ искусно отточенными розоватыми миндалевидными ноготками. „И она стелетъ постель, какъ самая обыкновенная горничная— эта дѣвушка съ осиной тальей и отъ которой пахнетъ духами, кажется даже той же „ambre royal“, которой душилась и Лили!“

VII.

— Будте любезны, сестра,—сказалъ онъ ей,—выдвинуть ящикъ столика.

Она исполнила его просьбу.

— Ой, сколько духовъ!—воскликнула она.

— Вы, кажется, ихъ очень любите,—сказалъ больной:—не будете ли вы такъ добры принять отъ меня баночку? Выберите себѣ по вкусу.

Она покраснѣла и, смутившись, начала рыться въ столикѣ.

— Mercі,—сказала она: —намъ вѣдь запрещаютъ душиться.

— Запрещаютъ душиться? Отчего же?

— Говорятъ это безпокоитъ больныхъ... дамъ.

Она не хотѣла брать, но онъ настоялъ и такъ убѣдительно упрашивалъ ее, что она, наконецъ, согласилась. Она обнаружила удивительное знакомство съ духами и, болтая и смѣясь, не переставала приводить въ порядокъ комнату. Потомъ она помогла ему добраться до постели, поддерживая его подъ здоровую руку.

— По духамъ, какъ и по книгамъ, можно узнавать человѣка,—сказала она.

— Какимъ образомъ?

— Скажите, чѣмъ вы душитесь, и я скажу—кто вы.

— Вотъ какъ! Я больше всего люблю „violettes de Parme“.

Она разсмѣялась и задорно взглянула на него.

— Это не можетъ быть.

— Почему?—удивился онъ.

— Это духи невинности. Это не мужскіе духи и даже не дамскіе. Это духи для очень молодой дѣвушки. Но если вы ихъ любите—это доказываетъ чистоту вашей души. Запахъ фіалокъ напоминаетъ лѣсъ, раннюю весну, пѣніе птичекъ, однимъ словомъ,

природу. Только очень юный и очень чистый душою человѣкъ любитъ искренно природу.

— А вы ее не любите развѣ?—спросилъ онъ.

— Я бы ее любила, должно быть, если бы знала. Но я ее совсѣмъ не знаю. Я всю свою жизнь провела въ комнатахъ. И вотъ почему я люблю крѣпкіе духи, пряные ароматы.

— Ambre?—захотѣлось ему провѣрить свое впечатлѣніе.

— Да... ambre,—улыбаясь сказала она:— Она имѣетъ смолистый запахъ восточныхъ куреній. Не правда ли, вамъ сейчасъ представляется душный, наполненный ароматами залъ гарема, сцены его жизни, прекрасныя одалиски? Кто любитъ ambre, у того сильно развито воображеніе, мечтательность...

— Какія познанія!—удивился онъ:—и какъ она хорошо говоритъ,—прибавилъ онъ про себя.— Скажите, пожалуйста,—началъ онъ:—и простите мое любопытство. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, откуда вы знаете такъ хорошо французскій языкъ? Я думаю, вы одна говорите на немъ.

— О, нѣтъ. Но у насъ очень немногія говорятъ по-французски. Я—другое дѣло. Я—француженка.

Она засмѣялась, вспомнивъ данное ей прозвище.

— Вотъ какъ!—удивился онъ.

— Да. Вамъ хочется знать мою біографію? — сказала она, видя, съ какимъ любопытствомъ онъ на нее смотритъ.—Извольте. Я дочь портнихи. Моя покойная мать имѣла мастерскую. Мой отецъ былъ русскій, богатый баринъ... который поддерживалъ мою мать... пока былъ живъ. Съ его смертью дѣла мамы разстроились. Мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ, когда, бѣгая за грошевыми заказами, она простудилась и умерла. Она меня хорошо воспитывала. Я отлично читала по-французски и по-русски. Нашлись добрые люди, которые рекомендовали меня генеральшѣ, занимавшей весь бель-этажъ нашего дома. Она меня осмотрѣла, я ей понравилась.

— Еще бы!—не удержался офицеръ.

Сестра чуть покраснѣла, улыбнулась и, поблагодаривъ его наклоненіемъ головы, продолжала:

— Я поступила къ ней въ чтицы. Цѣлыми днями я читала. Глаза у меня болѣли, горло сохло, но я должна была читать. Старая дама вообще видѣла плохо, а сама читать не могла совершенно. Ей очень нравилось мое чтеніе и въ особенности мой французскій выговоръ. Пока я у нея жила, я почти не пользовалась воздухомъ и не выходила изъ ея высокихъ темныхъ ком-

натъ. Говорили, что она хочетъ меня усыновить... или какъ это называется? Я не знаю. Но ее разбилъ параличъ, она вскорѣ умерла, и одна добродѣтельная дама, знакомая съ „госпожей нашей начальницей“—Ольгой Васильевной, опредѣлила меня сюда.

— Вамъ очень тяжело было?

— Какъ вамъ сказать? Я какъ-то отупѣла, одеревенѣла. Мнѣ было все равно. На первой операціи мнѣ сдѣлалось дурно, но меня заставили быть на слѣдующей, и это прошло быстро. Иногда я очень осуждаю моего отца, котораго почти не знала, за то, что онъ, сумѣвъ произвести меня на свѣтъ, не сумѣлъ обезпечить моего существованія. Я знаю, онъ очень былъ богатъ, и все его состояніе перешло къ двумъ сыновьямъ—они живутъ въ Петербургѣ. Но мнѣ ничего не надо. Я уже привыкла къ нашей полумонашеской жизни и не разсчитываю покинуть общину. Большинство сестеръ меня любитъ, какъ и я ихъ, и только Ольга Васильевна преслѣдуетъ меня за духи и за завивку чолки. Je m'en fiche pas mal!.. Однако, вы очень утомились, да и мнѣ пора. Et sur ce—au revoir...

Она граціозно поклонилась и вышла изъ комнаты.

Только теперь онъ почувствовалъ, какъ ему плохо. Глаза его были точно налиты кипяткомъ, голова была въ огнѣ, на вискахъ бились артеріи, все тѣло ныло, а воспаленное мѣсто на больной рукѣ сильно болѣло.

Онъ попробовалъ уснуть; вѣки его тяжело опустились, но тотчасъ же онъ почувствовалъ, какъ его охватываетъ кошмаръ. Бѣлокурая сестра, съ ея голубыми глазами и длинными темными рѣсницами, играла главную роль въ его видѣніяхъ. За нею ухаживалъ „безмолвный сфинксъ“, толстый ассистентъ профессора, и это обстоятельство очень его волновало. Онъ видѣлъ, какъ отворялась дверь его комнаты и въ нее входило что-то маленькое, толстенькое, кругленькое и безшумно, невидимымъ способомъ приближалось къ кровати. По дорогѣ это что-то росло и превращалось въ длинную, худую, почти тощую фигуру, и онъ узналъ въ ней черты Ольги Васильевны, которую видѣлъ мелькомъ, при поступленіи въ лѣчебницу. Она ему грозила пальцемъ и смотрѣла на него такъ упорно, что онъ отворачивался отъ нея. Такъ точно смотрѣла на него въ дѣтствѣ его мать, когда онъ начиналъ шалить. Онъ до сихъ поръ не забылъ этого равнодушно-строгаго, холодно-остраго взгляда, который нагонялъ невыносимый холодъ на его дѣтскую душу. Да, это именно тотъ самый взглядъ! И, можетъ быть, даже это не Ольга Васильевна смотритъ

на него, а его мать, пришедшая навѣстить его. „Зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?“ шепталъ онъ, и вдругъ всѣ стѣны, вся комната, изъ каждаго угла, зашептала: „зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?“ И онъ задрожалъ. Ему казалось, что вся комната наполнилась какими-то невидимыми существами, таинственными и опасными, которые смотрѣли на него безплотными очами и шептали ему эти почему-то страшныя слова. Шопоты росли, сливались въ одинъ общій потокъ, который производилъ шумъ въ ушахъ и походилъ на каскадъ, срывавшійся съ высокой скалы. „Ахъ, это не шопотъ“, думалось ему: „это явленіе природы. Природу надо любить, какъ фіалки... Нѣтъ, она сказала, что кто любитъ фіалки, тотъ любитъ природу...“

Потомъ, чтобы избавиться отъ душившаго его кошмара, онъ сильно рванулся на постели и застоналъ отъ невыносимой боли. Что-то задрожало около его кровати, что-то зазвенѣло и покатилось. Отворилась дверь, онъ съ усиліемъ поднялъ вѣки и увидѣлъ передъ собой бѣлокурую дѣвушку съ ангельскими чертами лица. Она наклонилась надъ нимъ, и ему показалось, что лучи ея глазъ успокаиваютъ его.

— Да у него бредъ!—проговорила сестра Фремонъ и побѣжала за Павломъ Александровичемъ.

Павелъ Александровичъ пришелъ, постоялъ около его кровати, помычалъ, не сказалъ ни слова и ушелъ, загодочно улыбаясь. Скоро тотъ же „бѣлокурый ангелъ въ снѣжныхъ ризахъ и съ краснымъ крестомъ“ принесъ ему какой-то порошекъ и кислое питье. Онъ успокоился и уснулъ.

VIII.

И такъ потянулись дни—долгіе дни одиночества; такъ проходили ночи, ночи безъ сна, ночи кошмаровъ. И тѣмъ не менѣе больной чувствовалъ себя хорошо, если не физически, то нравственно. Въ его комнатѣ много перебывало сестеръ, и онъ теперь каждую зналъ въ лицо и по имени; со всѣми онъ говорилъ, и при помощи этихъ разговоровъ ему удалось уяснить себѣ многое изъ ихъ непонятной для него жизни. Онъ уже зналъ и біографіи многихъ. Ниманъ-Гольде, „бабушка“, была вдовою какого-то иностранца шкипера, давнымъ давно погибшаго при какомъ-то трагическомъ случаѣ, близъ Кронштадта. Память о немъ до сихъ поръ живетъ въ ней, и она не можетъ говорить о немъ безъ волненія. Оставшись одна, бездѣтною, она отдала свою жизнь на пользу ближняго и поступила въ морской госпиталь; въ ухажи-

ваніи за больными она почерпала бодрость духа и, провожая страждущее человѣчество къ порогу смерти, находила мужество жить. Во многихъ больницахъ, лѣчебницахъ и госпиталяхъ перебывала она, совершенно обрусѣла, свыклась съ своей профессіей и полюбила ее, найдя въ своей трудовой жизни удовлетвореніе личному счастью. Она не переставала любить своего покойнаго мужа, вѣрнѣе, память о немъ, и эта любовь, любовь на всю жизнь, придавали много прелести ея и безъ того мягкому, нѣжному характеру.

Сестра Бакланова, пѣвунья, рѣзвушка и хохотушка, была дочерью начальника незначительной станціи Передрягино; ея мать умерла, когда ей еще не было восьми лѣтъ; суровый и раздраженный службой на линіи, отецъ воспитывалъ ее въ строгомъ режимѣ; но чѣмъ строже былъ этотъ режимъ, тѣмъ „шкодливѣе“ становилась дѣвушка; когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, она затѣяла „романъ“ съ мелкимъ станціоннымъ телеграфистомъ. Это была удивительная желѣзнодорожно-телеграфная идиллія, съ лунными ночами, съ прогулками до семафора и обратно, съ посѣщеніями телеграфной комнаты и съ дешифрированьемъ приходившихъ телеграммъ. Отецъ изловилъ ихъ во время одной изъ такихъ поэтическихъ прогулокъ и распорядился по своему. Досталось телеграфисту, досталось и ей. Ей онъ сказалъ: „я очень занятъ службой, и мнѣ некогда слѣдить за тобой; а потому я рѣшилъ тебя поселить въ Петербургѣ. Тамъ для тебя найдется пріютъ“. Онъ взялъ отпускъ, отвезъ ее въ столицу; но такъ какъ отпускъ былъ кратковременный и раздумывать долго было нечего, то онъ взялъ то, что первое подвернулось подъ руку: она сдѣлалась „сестрой“. Скоро уже семь лѣтъ, какъ она въ общинѣ, и, конечно, семь лѣтъ—долгій срокъ даже для такой пылкой любви, которою она любила телеграфиста. Любовь прошла, телеграфистъ былъ забытъ, и молодая, полная силъ, веселья и здоровья дѣвушка, послѣ перваго приступа отчаянія и горя, скоро примирилась съ своимъ новымъ положеніемъ. Обстановка лѣчебницы, царившія въ ней страданія и горе удивительно не гармонировали съ ея пышущей здоровьемъ фигурой. Крѣпкая, румяная, полная, она носилась по коридорамъ съ вѣчною пѣсенкой на устахъ, какъ бы ища случая придраться къ чему-нибудь, чтобы можно было похохотать. Казалось, одинъ видъ ея вселялъ надежду и оживлялъ жажду жизни въ больныхъ. Эта веселость была однимъ изъ прирожденныхъ элементовъ ея духовнаго организма. Кажется, даже строгая и педантичная Ольга Васильевна, присмотрѣвшись

къ ней, рѣшила, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и лишить дѣвушку этой врожденной жизнерадостности было бы то же самое, что лишить рыбу воды, а птицу—воздуха. Сердце у сестры Баклановой было доброе; при видѣ тяжкихъ страданій у нея навертывались на глазахъ слезы, но даже тогда, когда она поддавалась этой слабости, чувствовалось, что здоровая натура скоро одержитъ верхъ, и она станетъ опять беззаботной и жизнерадостной.

Сестра Рузанова была некрасива и безлична. Она создана была сидѣлкой и очень напоминала офицеру ту женщину въ тиковомъ платьѣ, которую онъ встрѣчалъ въ отцовской деревнѣ. Лицо у нея было мѣщанское, невыразительное, безстрастное; глаза узенькіе, безцвѣтные, маленькіе. Но и въ нихъ иногда можно было замѣтить искорку добра и жалости. Съ сестрами она ладила, но вырывавшіяся у нея порою наставительныя слова отдаляли ихъ отъ нея. Она была очень несловоохотливая, и біографіи ея такъ и не узналъ больной. Кажется ея мужъ былъ сапожникъ, горькій пьяница, колотившій ее и пропивавшій деньги, которыя она зарабатывала шитьемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывала сестра Бакланова. Жизнь ея была адомъ, пока кто-то не надоумилъ ее укрыться въ эту тихую обитель, которая и стала для нея раемъ, послѣ ужасной замужней жизни.

Сестра Черникова была еще совсѣмъ дѣвочкой даже и теперь; поступила же она въ общину съ куклой; она—круглая сиротка; родителей не помнитъ. Профессоръ ее называетъ „дѣточкой“, и ей такъ идетъ это названіе! На хорошенькомъ и печальномъ личикѣ ея давно залегла черточка недѣтскаго горя, недѣтской серьезности. Кажется, она изъ пріютскихъ дѣтей; чистенькая, розовенькая—настоящій вербный херувимчикъ.

Кромѣ сестеръ Васильевой, Берестовской, Фремонъ и Петренко, онъ познакомился еще съ тремя: Урковичъ, которая завѣдывала аптекой и имѣла выдержанныя, хорошія манеры, Рубцовой, доброй, шутливой, но серьезной дѣвушкой съ простонароднымъ лицомъ, и Цертель, къ которой профессоръ примѣнилъ ничего не говорящій эпитетъ „славная“. Ихъ біографіи онъ такъ и не узналъ. Всѣ три были очень заняты и, очевидно, не любили болтать. Была еще одна сестра, баронесса съ нѣмецкой фамиліей, но на другой день его поступленія она уже ушла, пробывъ въ общинѣ около года, разстроивъ себѣ до послѣдней степени нервы и здоровье и не будучи въ силахъ нести дальше добровольно взятый на себя подвигъ. Онъ ее видѣлъ мелькомъ, въ то

время, когда она укладывала одного больного для перевязки и снимала дрожащими руками корпію съ его раны. Она прошла въ его воображеніи, какъ блѣдная тѣнь, и исчезла. Никто въ общинѣ не зналъ ея исторіи.

Нѣсколько разъ въ его комнату заходила и Ольга Васильевна. Ему всегда дѣлалось холодно въ ея присутствіи. Въ ней много было начальническаго, сухого, педантскаго и мало женственнаго. „Добродѣтельна, какъ древняя римлянка“, острилъ надъ ней профессоръ, но въ самомъ тонѣ его голоса слышалось серьезное и глубокое къ ней уваженіе. Сестры ея боялись и любили. Боялись ея строгости и любили за то, что она была ихъ настоящимъ „ангеломъ-хранителемъ“. Каждая изъ нихъ знала, что въ серьезную, рѣшительную или трудную минуту жизни она всегда найдетъ у Ольги Васильевны непзмѣнно серьезный совѣтъ, основательную помощь. Кромѣ того, трудно было бы не видѣть, что она посвятила всю свою жизнь безраздѣльно и безъ колебаній больнымъ и сестрамъ. И если между сестрами царилъ духъ сознанія своего долга, духъ самоотверженія и преданности дѣлу, то этому онѣ всецѣло были обязаны ей, ея желѣзной волѣ, ея мелочному педантизму, недопускавшему ни малѣйшаго отклоненія въ сторону. Она неусыпно, денно и нощно слѣдила за ними, за ихъ здоровьемъ, за режимомъ ихъ жизни, и, можетъ быть, лишь благодаря ей, у всѣхъ у нихъ такой бодрый, такой веселый видъ, не смотря на всю ихъ тяжелую и отвѣтственную службу, на всѣ тѣ ужасныя страданія, которыя онѣ видятъ.

Ежедневно заходилъ и профессоръ и все еще не приступалъ къ операціи. Профессоръ шутилъ съ нимъ и съ сестрами, по своему обыкновенію балагурилъ, приводилъ всѣхъ въ веселое настроеніе и быстро исчезалъ, обѣщавъ операцію „на завтра“. Очевидно, шелъ въ больной рукѣ какой-то процессъ, и надо было его переждать.

Здѣсь онъ увидѣлъ жизнь, жизнь какъ она есть, и понялъ, что жизнью называется не одно блистаніе на парадахъ и не одна свѣтская болтовня въ гостиныхъ. Есть и другая жизнь, гдѣ одни люди тихо и скромно дѣлаютъ свое дѣло, другіе молча и покорно страдаютъ, гдѣ женщина играетъ огромную роль—не львицы и игрушки для мужчинъ, а роль дѣятельной подвижницы, безъ которой плохо пришлось бы мужчинѣ.

Какъ это было ново для него, и какая неожиданная струя свѣжаго воздуха ворвалась въ его затхлую, вялую душу!

Въ долгіе часы одинокаго досуга онъ не переставалъ преда-

ваться размышленіямъ. Это его самого чрезвычайно удивляло. Прежде никогда не бывало съ нимъ этого. Міръ сестеръ—своего рода Америка, которую онъ неожиданно и случайно открылъ—давалъ ему богатый матеріалъ. Отъ нихъ, отъ этихъ „геніевъ добра“, онъ переходилъ къ другимъ женщинамъ, къ тѣмъ „геніямъ зла“, которые окружали его всю жизнь. Невольно напрашивались сравненія, и эти сравненія оказывались не въ пользу женщинъ его круга. Напримѣръ, Лили. У Лили и Катишь Фремонъ много общаго. И въ той, и въ другой много женскаго тщеславія, любованія своей красотой, кокетства. И та, и другая знаютъ себѣ цѣну и не прочь подурачить мужчину. И та, и другая занимаются собой. Но вотъ и все сходство. Зато какая огромная разница! Лили живетъ въ свѣтѣ, никого, кромѣ себя, не желаетъ знать и никого въ грошъ не ставитъ. Живетъ она въ свое удовольствіе, руководимая единственнымъ принципомъ—собственнымъ эгоизмомъ. Ея „я“—центръ, къ которому все должно стремиться и изъ котораго все исходитъ. Какое дѣло, что люди, окружающіе ее, страдаютъ—лишь бы она не страдала, лишь бы ей хорошо было. А тамъ—„хоть трава не рости“! Если бы знаменитая фраза „après nous le déluge“ не была уже произнесена, то ее, конечно, изобрѣла бы Лили. А Фремонъ? При всѣхъ ея чисто женскихъ порывахъ, она—подвижница. Положимъ, не по призванію и не по доброй волѣ пришла она сюда, и, быть можетъ, дорогою цѣною достается ей добродѣтель. Но—какое дѣло! Тѣмъ болѣе заслуги для нея, если она умѣетъ ежечасно, ежеминутно покорять свою натуру, зовущую ее на иной путь, и идти по тому пути, который предписываетъ ей долгъ. Человѣкъ, который чувствуетъ призваніе къ подвигу, только удовлетворяетъ свое призваніе, а всякое удовлетвореніе есть удовольствіе. Другое дѣло человѣкъ, принуждающій себя къ подвигу: ему больше чести, чѣмъ первому, потому что ничто не доставляетъ ему столько страданія, какъ ломка своей личности. И страданіе выше удовольствія, потому что оно единственное средство для пробужденія духа. „Да что это я?“ вдругъ пришло ему на умъ: „неужто философствую? Я, кажется, начинаю повторять фразы родителя“... И онъ каждый разъ приходилъ въ искреннее изумленіе.

Теперь все чаще и чаще въ его мысляхъ появлялся отецъ, тотъ отецъ, котораго они съ юныхъ лѣтъ сознательной жизни привыкли высмѣивать, тотъ чудакъ, до сихъ поръ непонятый ими, который давнымъ давно сбросилъ съ себя одежды внѣшней цивилизаціи, оброс волосами и бородой, роздалъ все, что могъ, крестья-

намъ, поселился навсегда въ деревнѣ и говорилъ такія простыя, такія смѣшныя—по мнѣнію его жены и дѣтей—слова. И чѣмъ слова эти были проще, тѣмъ они менѣе и менѣе понимали другъ друга. „Человѣку надо ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ", говорилъ онъ, „и вести созерцательную жизнь. Меньше, елико возможно, думать о себѣ и всѣ думы сосредоточить на ближнемъ". За эти, столь необычныя слова его прозвали маніакомъ, и семья разошлась съ нимъ духовно. Онъ жилъ въ деревнѣ и годами не пріѣзжалъ въ Петербургъ. Когда его сына Мишеля ранили на дуэли, ему дали знать телеграммой. Мишель протестовалъ. Онъ не хотѣлъ видѣть отца, потому что... стыдился его. Да, онъ стыдился его засаленнаго пиджака съ оборванными пуговицами, его истертыхъ на колѣнкахъ брюкъ съ бахрамою внизу, его необыкновенной выгорѣвшей шапочки на кудлатой головѣ, давно уже не видавшей ножницъ, и его лохматой, некультурной бороды. Это былъ какой-то „дикій человѣкъ изъ костромскихъ лѣсовъ", какъ его называла мать Мишеля. И Мишель избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ. И вдругъ, въ глубинѣ своей души онъ ощущаетъ теперь какое-то давно забытое теплое чувство къ этому странному чудаку, и ему хочется его видѣть... И ему воспоминаются его „дикія выходки" и „нелѣпыя рѣчи". Родового имѣнія онъ не могъ отдать крестьянамъ, но зато доходы съ него онъ тратилъ широкой рукой, раздавая деньги направо и налѣво всѣмъ, кто только обращался къ нему за ними, а таковыхъ было много. Хорошо, что его сумѣли ограничить, а то они пошли бы по міру. Хорошо и то, что мать Мишеля сама была богата и распоряжалась своимъ состояніемъ самостоятельно. А то „старый идеалистъ" давно разорилъ бы ихъ. Иногда, получивъ деньги изъ банка, онъ носилъ ихъ тысячами въ боковыхъ карманахъ засаленнаго пиджака, давалъ просящимъ при всѣхъ изъ толстой пачки и, когда ему въ обмѣнъ настоятельно совали векселъ, онъ благодарилъ и бормоталъ, что все-таки „это лучше денегъ — цѣнность та же, а мѣста занимаетъ меньше". Онъ комкалъ векселъ и засовывалъ его въ карманы брюкъ, гдѣ у него хранились веревочки, корочки хлѣба, спички, хотя онъ не курилъ, и многое множество столь же странныхъ предметовъ. „Деньги — вещь совершенно неестественная", говорилъ онъ: „каждый долженъ начинать жизнь безъ гроша и самъ добывать свое пропитаніе. Какое несчастье, что мои дѣти получатъ наслѣдство! Они будутъ негодяями. Если ты въ состояніи заработать пропитанія больше, чѣмъ тебѣ нужно, тотчасъ распредѣляй излишекъ между своими ближними". Комнаты тоже стѣсняли его.

„Комнаты съ ихъ современнымъ убранствомъ вещь нелѣпая. Человѣку нуженъ кислородъ воздуха, а не ковровая пыль и духота комнатъ“. Поэтому цѣлые дни онъ проводилъ на воздухѣ, въ садахъ и лѣсахъ, ночевалъ, живя въ Петербургѣ, на садовыхъ скамейкахъ, имѣлъ не мало непріятностей съ блюстителями порядка и съ домашними. Зиму и лѣто онъ купался, не смотря ни на какой холодъ. Это закалило его, и онъ не зналъ простуды. Весь Петербургъ зналъ этого чудака-аристократа, этого „современнаго Діогена, лишеннаго бочки“, но бывали случаи, что его принимали за оборванца-бродягу и подавали деньги. Онъ бралъ ихъ и, въ свою очередь, раздавалъ нищимъ. Однако поѣсть онъ любилъ и находилъ это очень естественнымъ. „Всякое животное любитъ ѣсть, и безъ пищи не проживешь“. Онъ былъ человѣкомъ очень образованнымъ, кончилъ блестяще университетъ, увлекался литературой, самъ писалъ и печатался. Но потомъ все это бросилъ. „Не добро человѣку быть едину“, говаривалъ онъ, и вотъ почему женился. Но женитьба его была неудачна. Жена рѣшительно и весьма скоро послѣ его „освобожденія отъ узъ ложной цивилизаціи“ возненавидѣла его, не понимала его „туманныхъ теорій“, отдалилась отъ него и отдалила отъ него дѣтей. „У меня не будетъ эпигоновъ“, заявлялъ онъ. У него спрашивали, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ. „Какъ что? Эпигоны—„послѣ рожденные“, то-есть люди, которые продолжаютъ взгляды предыдущаго поколѣнія“... „Мои дѣти будутъ сыты на деньги, которыя получатъ въ наслѣдство, а люди, сытые на чужой счетъ, не способны понимать людское горе... Я зналъ богатаго человѣка, который, когда у него жаждущій бѣдняга попросилъ „освѣжиться“, попросту отворилъ окно“. Въ первое время жена часто укоряла его, что онъ забылъ свое положеніе, свое происхожденіе. Онъ просто отвѣчалъ ей: „я слишкомъ человѣчески гордъ, чтобы быть тщеславнымъ“, и умолкалъ. Она пожимала плечами, кривила ротъ и шептала уходя: „безнадежный идіотъ“. „Что такое твоя жизнь?“ пробовала она вразумить его, „право, это какое-то прозябаніе, пошлое и глупое, и я на твоемъ мѣстѣ прямо застрѣлилась бы“. Онъ ухмылялся и съ стоическимъ равнодушіемъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ? Кто ищетъ смерти? Ее ищутъ тогда, когда нужно избавиться отъ мученій совѣсти. Если совѣсть чиста, тогда просто ждутъ ея прихода“.

Вотъ эти всѣ слова чудака отца вспоминалъ теперь раненый офицеръ, и они смущали его душевный покой. Прежде онъ ихъ называлъ „идіотскими“, теперь онъ не могъ произнести этого слова. Что-то происходило въ его душѣ, что мѣшало ему дать столь ка-

тегорическое опредѣленіе отцовскимъ словамъ. „Ужъ не сдѣлаюсь ли и я такимъ же чудакомъ?“ со страхомъ думалъ онъ, и ему приходило на умъ нѣчто давно читанное имъ о „наслѣдственномъ помѣшательствѣ“.

IX.

Профессоръ не даромъ гордится перевязочнымъ заломъ. Это была обширная комната, выходившая въ садъ, полъ которой былъ выложенъ цементными плитами желтовато-сѣраго и бирюзоваго цвѣта. Вмѣстѣ со стѣнами, выкрашенными свѣтло-голубой стеклянной мастикой и такимъ же потолкомъ, залъ пріобрѣталъ уютный видъ, и въ немъ было свѣтло и почти весело. Въ воздухѣ этой комнаты не слышалось ни малѣйшаго лѣкарственнаго запаха, потому что воздухъ втягивался въ помѣщеніе черезъ ватные фильтры въ стѣнахъ и вата фильтровъ замѣнялась свѣжей при малѣйшемъ загрязненіи. Въ печи стояли огромные котлы, дававшіе, при помощи нагрѣванія паромъ, кипящую воду, которая необходима при разныхъ случаяхъ. Воздухъ въ эти котлы также проходилъ черезъ обезвреженную вату. Вся мебель операціоннаго зала была выкрашена въ бѣлую масляную краску и имѣла чрезвычайно элегантный видъ. Во всѣхъ уголкахъ находились краны съ водой для смыванія малѣйшихъ пятнышекъ, усмотрѣнныхъ на томъ или другомъ предметѣ операторомъ. Тутъ же находились и печи для сжиганія въ нихъ остатковъ перевязочныхъ бинтовъ, повязокъ, ваты и корпіи.

Операціонная комната была больше перевязочной, тоже выходила въ садъ и была устроена въ видѣ павильона—три стѣны ея и потолокъ были стеклянные. Мягкій, ровный свѣтъ царилъ въ ней. Въ полутемномъ помѣщеніи, примыкавшемъ непосредственно къ операціонному залу, находился „прогрѣватель“ перевязочнаго матеріала. Самый воздухъ зала обезпыливался посредствомъ проведенной въ залъ прямо изъ котловъ паровой трубы, по которой текъ паръ подъ давленіемъ свыше 60-ти атмосферъ. Паръ этотъ съ шумомъ врывался въ павильонъ, наполнялъ его густымъ бѣлымъ облакомъ, и въ это время въ залѣ ничего не было видно. Паръ осѣдалъ на полъ и стѣнки, увлекая изъ воздуха всю пыль; потомъ ручьи его стекали въ аппаратъ Шамбо, устроенный во дворѣ. Этотъ прогрѣватель былъ изобрѣтеніемъ самого профессора, долго трудившагося надъ мыслью объ асептикѣ павильона, которая дѣлала бы совершенно излишнею антисептику, то есть упо-

требленіе мѣстныхъ обеззараживающихъ средствъ въ родѣ карболки, сулемы и другихъ ядовъ. При помощи этого же пара, въ никелевой ваннѣ проваривались и инструменты, всѣ эти безчисленные ножи, пилки, пинцеты, ножницы, зонды, иглы, словомъ, весь излюбленный арсеналъ сестры Рузановой.

Въ комнату офицера вошли два служителя и поздоровались съ нимъ.

Одинъ изъ нихъ, съ какимъ-то, какъ показалось больному, торжествомъ въ голосѣ, произнесъ:

— Пожалуйте на операцію.

Больной почувствовалъ, что какая-то точно электрическая искра прошла по его тѣлу съ ногъ до головы. Это было малодушно, но онъ вздрогнулъ, и зеленые круги пошли у него въ глазахъ. Дрожь эта отозвалась въ его больной рукѣ, которая заныла.

— Какъ, сейчасъ?—пролепеталъ онъ, не зная, что дѣлать.

— Сію минуту-съ, профессоръ ожидаютъ.

Отъ слабости онъ не могъ идти самъ. Одинъ изъ служителей поддерживалъ его за здоровую руку, другой, взявъ подушку съ кровати, ушелъ приготовлять носилки.

— Какъ?—вскрикнулъ Мишель: — назадъ меня понесутъ на носилкахъ?

— Такъ точно, вѣдь вы будете въ безчувствіи.

Холодный потъ выступилъ на лбу больного. Ему показалось, что приговоренный къ казни и идущій къ мѣсту ея исполненія, между двумя стражами, не испытываетъ большого волненія. Сердце его учащенно и болѣзненно билось, и ему казалось, что вотъ-вотъ ему сдѣлается дурно. Только мужское самолюбіе еще поддерживало его, но онъ ясно слышалъ біеніе сердца.

Они вышли въ столовую, прошли коридоръ, боскетъ съ фонтаномъ и цвѣтами, перевязочную комнату. Оттуда вышла сестра, и онъ успѣлъ замѣтить на высокой „дыбѣ“ распростертаго человѣка, полуобнаженнаго и полузавернутаго во все бѣлое, которому въ этой небесно-голубой комнатѣ дѣлали перевязку. По дорогѣ имъ попадались сестры. Онѣ ему безмолвно кивали головой, но лица ихъ были теперь серьезны и какъ будто блѣдны. Мимо него пронесли на носилкахъ нѣчто странное, высокое, подъ бѣлой пеленой. Это была оперированная больная; подъ складками бѣлой простыни можно было угадать очертанія головы, рукъ, сложенныхъ на груди и вытянутыхъ вдоль носилокъ ногъ. Ей только что вскрыли полость живота, отрѣзали участокъ печени, пора-

женной эхинококами, и вновь зашили продѣланную рану. Изъ-подъ бѣлой простыни раздавались жалобные, душу раздиравшіе стоны.

Больной содрогнулся. Вотъ, вотъ уже близка минута, когда и ему начнутъ дѣлать операцію, хотя и не такую тяжелую, но все же, кто знаетъ, чѣмъ она кончится. Онъ почувствовалъ слабость, и ноги его подогнулись. Его поддержали. Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ профессора въ его ужасномъ нарядѣ. На немъ былъ длинный бѣлый балахонъ; мускулистыя руки его были обнажены по локоть, на груди балахона онъ замѣтилъ кровавое пятно и нѣсколько брызгъ, запятнавшихъ балахонъ почти до низу. Профессоръ не успѣлъ еще вымыть рукъ, пальцы которыхъ были въ крови, и онъ, странно растопыривъ ихъ, чтобы не запачкать папиросы жадно затягивался дымомъ. Еще бы! Операція продолжалась около полутора часа!

— А-а!—вскрикнулъ префессоръ, увидѣвъ его:—гусаръ на саблю опираясь! Ну, что, какъ дѣла? Эге-ге! Да вы что-то не тово! Что? Ахъ, срамъ какой! А еще воинъ...

Мишель попробовалъ улыбнуться.

— Очень больно будетъ, Петръ Петровичъ?—слабо спросилъ онъ.

— И ничуть! Больно? Откуда вы взяли? Мы вамъ дадимъ понюхать... Что? Безъ нюханья нельзя. Съ вами придется полчаса, а то и больше повозиться. Почистить придется... Вонъ я эхинококъ-то какъ порѣзалъ! И не чихнула даже...

— А какъ стонала, когда несли...

— Ну, не грѣхъ вѣдь и постонать послѣ такой чистки...

Онъ быстро докурилъ папиросу, надѣлъ на голову бѣлый круглый колпачокъ съ краснымъ крестомъ посерединѣ, на самомъ лбу, и пошелъ въ павильонъ.

За нимъ вошелъ Мишель.

Въ павильонѣ было жарко—такъ ему показалось. Около лѣвой стѣны стоялъ рядъ сестеръ, одѣтыхъ во все бѣлое. Мелькомъ, почти безсознательно взглянулъ онъ на нихъ, и ему показалось, что онъ узналъ милое личико сестры Фремонъ. Но оно было строго, какъ будто блѣдно, чуть нахмурено.

Около высокаго бѣлаго стола стояла сестра Рузанова, рядомъ со столикомъ пониже и поменьше, на которомъ въ плоской стеклянной тарелкѣ покоились страшные инструменты. Профессоръ, подойдя къ ней, сказалъ что-то вполголоса ей, и она принялась перебирать орудія пытки, ранжировать ихъ, сортировать.

„Это для меня“, мелькнуло у больного въ сознаніи.

Неподалеку отъ сестры Рузановой стоялъ ассистентъ, въ такомъ же бѣломъ костюмѣ и колпакѣ, какъ профессоръ. Въ этомъ одѣяніи онъ казался еще болѣе загадочнымъ и походилъ на какого-то халдейскаго жреца. Широкое лицо его ухмылялось все тою же загадочной улыбкой.

— Снимите съ него халатъ и рубашку,—сказалъ профессоръ, кивнувъ на больного, и двѣ сестры приступили къ нему.

Онъ почувствовалъ, какъ смутное чувство стыда овладѣло имъ: „какъ, при ней я покажусь въ такомъ видѣ!“ промелькнуло у него въ сознаніи, и тотчасъ же удивился, почему ему стыдно именно ее, сестру Фремонъ, а не всѣхъ ихъ, стоявшихъ тутъ же. Мелькомъ взоръ его упалъ на сестру Фремонъ. Она стояла въ ряду своихъ подругъ, все такая же серьезная, чуть поблѣднѣвшая, съ своими темными, сдвинутыми красивыми бровями. Только глаза ея были прикрыты опущенными вѣками, и она не смотрѣла на него. Онъ въ душѣ поблагодарилъ ее за эту тонкую деликатность.

Чтобы развлечься и не думать объ операціи, онъ сталъ разсматривать комнату, и обиліе свѣта, наполнявшаго ее черезъ стеклянные стѣны, не смотря на всю мягкость его, показалось ему отвратительнымъ. Какъ будто за этими стеклами разстилалось обширное, безконечное поле, покрытое бѣлой пеленой снѣга, и въ этой безконечности и въ этомъ цвѣтѣ было что-то удручающее, безнадежное. Онъ зналъ, что операціонная выходила въ садъ, но назойливое представленіе о полѣ не покидало его, тѣмъ болѣе, что деревьевъ, за нижними матовыми стеклами не было видно.

Его уложили на высокій столъ, пристроили при помощи какого-то штатива его больную руку поудобнѣе; ассистентъ все также молча приложилъ ухо къ его обнаженной груди, пощупалъ пульсъ, таинственно улыбнулся и кивнулъ головой сестрѣ, стоявшей около. Тогда сестра Берестовская приступила къ нему, спросивъ у него вполголоса:

— Какъ васъ зовутъ?

— Михаилъ Степановичъ,—отвѣтилъ онъ и почувствовалъ, какъ голосъ его дрогнулъ.

— Когда я васъ буду будить, я громко буду звать васъ по имени... Вы услышите... У васъ нѣтъ вставныхъ зубовъ?—утвердительно спросила она.

Онъ отрицательно покачалъ головой, слабо улыбнувшись. Берестовская замѣтила эту улыбку.

— При хлороформированіи это нужно знать, чтобы удалить вставные зубы,—пояснила она.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что задыхается. Какая-то бѣлая маска закрыла ему носъ и ротъ, и что-то ужасное, тяжелое овладѣло его дыханіемъ. Онъ хотѣлъ отвернуться, чтобы вдохнуть струю свѣжаго воздуха, онъ поднялъ здоровую руку, чтобы сорвать отвратительную маску, но услышалъ слова профессора.

— Держите ему руку.

Онъ хотѣлъ крикнуть и не могъ. А потокъ чего-то сладкаго, одуряющаго врывался въ его дыханіе и мутилъ его сознаніе. Онъ слышалъ, какъ капля по каплѣ падаетъ откуда-то прямо на маску, и каждая капля распространяетъ вокругъ мучительный, сладкій запахъ. Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы крикнуть, молить о пощадѣ, отказаться отъ операціи—вѣдь это было его право? Но онъ самъ, въ смутномъ сознаніи понялъ, что изъ его груди вырвался только слабый вздохъ.

— А-ахъ!—вздохнулъ онъ, и врядъ ли, кромѣ него, кто-нибудь это слышалъ. Потомъ черная занавѣсь безъ начала и конца, невѣдомо откуда опустилась передъ нимъ, какъ-то сразу, съ быстротою молніи или еще скорѣе, что-то блеснуло и исчезло, а вслѣдъ за тѣмъ наступило небытіе—полное, абсолютное.

— Михаилъ Степанычъ! Михаилъ Степанычъ!—послышалось ему издалека, какъ будто говорили за три-четыре комнаты, и онъ страннымъ образомъ слышалъ эти глухіе звуки. — Проснитесь... Михаилъ Степанычъ, проснитесь!..

— Скоро ли?—пробормоталъ онъ.

— Все кончено. Проснитесь.

Онъ открылъ глаза, вѣки его отяжелѣли, и это стоило ему усилій. Прямо надъ собою онъ увидѣлъ очки профессора, который смотрѣлъ на него.

— Какъ... кончено?—бормоталъ онъ.

— Операція кончена. Почистили-таки мы васъ.

Онъ улыбнулся и тотчасъ заснулъ.

Его принудили проснуться. Его подняли, положили на носилки, накрыли бѣлой простыней. Пока его несли, онъ спалъ. Проснулся онъ уже на кровати, въ своей комнатѣ, боли въ рукѣ не почувствовалъ и пріятно изумился. Боль была, но новая, пріятная, не ноющая, а боль, которая чувствуется при разрѣзѣ—острая, но терпимая.

Около него сидѣла сестра Фремонъ.

Онъ хотѣлъ „подтянуться“, поговорить съ ней, сказать ей что-нибудь ласковое и не могъ. За часъ сна онъ отдалъ бы, кажется, полжизни. Сонъ неудержимо овладѣвалъ имъ. Ему было неудобно

лежать—у него вынули изъ-подъ головы подушку. Онъ имѣлъ силы попросить ее.

— Нельзя, Михаилъ Степанычъ, надо бы лежать совсѣмъ безъ подушекъ.

— Отчего?—заплетающимся языкомъ и слабымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Тошнить будетъ.

— Дайте пить... пить...

— О, этого, голубчикъ, совсѣмъ нельзя послѣ хлороформа — сдѣлается жесточайшій приступъ рвоты.

— Но я хочу пить... Пить и спать.

— Ни того, ни другого. Я должна сидѣть съ вами, чтобы мѣшать вамъ спать.

— Какое мученье... какое муч...

Онъ не договорилъ и вновь погрузился въ дремоту. Оперированная рука его какъ-то странно вся дрожала, и въ пальцахъ бѣгали мурашки, какъ это бываетъ, когда рука затечетъ или ее отлежать.

Сестра его разбудила. Онъ опять улыбнулся, не открывая глазъ. Катишь старалась занимать его разговоромъ.

— Вы знаете, — говорила она: — при короткихъ операціяхъ Петръ Петровичъ примѣняетъ бромистый этилъ, а потомъ хлороформъ. При бромистомъ этилѣ больной сразу засыпаетъ, почти мгновенно его ударяетъ какъ обухомъ по головѣ... И нѣтъ бурнаго періода бреда, какъ при хлороформѣ. Вамъ тоже дали этилу.

— Неправда... я долго мучился...

Она засмѣялась.

— Что вы! Это вамъ показалось. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ вы уже потеряли сознаніе.

— Пить, ради Бога пить!—стоналъ онъ.

— Нельзя, милый... потерпите.

— Не могу! Ахъ, лучше умереть.

Дверь отворилась. Вошелъ профессоръ и Ольга Васильевна. Они подошли къ кровати.

— Что? Вотъ все и отлично,—говорилъ Петръ Петровичъ, уже одѣтый въ генеральскомъ сюртукѣ и съ орденомъ на шеѣ.

— Пить хочу.

— Вамъ дадутъ пить часа черезъ два,—сказала Ольга Васильевна.

— Какъ долго! капризно заявилъ онъ.

— Что дѣлать!

Профессоръ торопился. Къ двумъ часамъ ему надо поспѣть на другой конецъ города, и онъ торопливо простился со всѣми. Ольга Васильевна вышла за нимъ.

Михаилъ Степановичъ остался опять съ Фремонъ.

Мучительно долго текло время. Наконецъ, она ему подложила вторую подушку и черезъ нѣкоторое время принесла ему полстакана жидкаго чаю съ лимономъ. Чай былъ холодный, и онъ выпилъ его залпомъ.

Предсказаніе ея сбылось. Его начало тошнить, и тошнота разыгралась въ настоящую морскую болѣзнь.

Еще черезъ часъ она ему позволила заснуть.

Тяжелый сонъ опустился на него и всею тяжестью придавилъ его. Казалось, со всѣхъ сторонъ надвигалась на него мрачная, безпросвѣтная ночь и закрадывалась во всѣ поры его тѣла, во всѣ уголки полубодрствовавшаго сознанія. И онъ радовался этому приходу ночи. Въ груди его что-то сосало, голова все еще кружилась, и отвратительный запахъ хлороформа чувствовался въ носу и сладкій вкусъ его ощущался во рту.

— Спокойно ночи,—сказала ему Фремонъ.

Въ полузабытьи онъ протянулъ ей руку, отыскалъ ея руку и безсознательно ее поцѣловалъ.

Она вздрогнула. На лицѣ ея вдругъ явилось то же выраженіе серьезности, какое было у нея, когда она стояла въ операціонной.

Тихо ступая, она вышла изъ комнаты и притворила за собою дверь.

X.

На другое утро Михаилъ Степановичъ проснулся рано. Его разбудилъ унылый звонъ, раздававшійся съ колокольни сосѣдней церкви. Звонъ этотъ, черезъ двойныя рамы окна, доносился глухо, но тѣмъ не менѣе все-таки былъ слышенъ. Шла четвертая недѣля великаго поста, и заунывный великопостный звонъ производилъ на больного странное впечатлѣніе. Прежде онъ не замѣчалъ его или, въ лучшемъ случаѣ, когда замѣчалъ, то злился. Постомъ онъ вообще не зналъ, куда дѣвать себя. Теперь этотъ звонъ проливалъ въ его душу какой-то покой, умиротворялъ ее, и ему хотѣлось не то плакать, не то молиться. Ни того, ни другого онъ не умѣлъ, и ему оттого еще больнѣе дѣлалось на душѣ. И что съ нимъ вообще творится? Неужели первая серьезная болѣзнь можетъ такъ измѣнить человѣка? Или нервы его до такой ужъ степени расшатаны?

Сегодня былъ вторникъ—пріемный день въ лѣчебницѣ. Больше недѣли прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ ихъ камердинеръ Ѳедоръ привезъ его сюда. Еще никто изъ домашнихъ къ нему не являлся. Ѳедоръ заходилъ каждый день, по порученію его матери, справляться о его здоровьѣ, но сама мать не удостоила ни разу своимъ посѣщеніемъ. Въ первый вторникъ Ѳедоръ только доложилъ, что „барыня приказали кланяться и освѣдомиться о здоровьѣ. Сами прибыть не могутъ, но будутъ въ слѣдующій пріемный день". Тогда онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія—онъ всегда чувствовалъ нѣкоторую холодность къ матери, какъ и она къ нему. Росъ онъ одинъ, не зная материнскихъ ласкъ, подъ ферулой боннъ, нянекъ и гувернантокъ разныхъ національностей. Утромъ и вечеромъ мать запечатлѣвала на его дѣтскомъ лобикѣ „прохладный поцѣлуй", какъ онъ называлъ его, будучи уже кадетомъ. Онъ аккуратно цѣловалъ ея руку и произносилъ обычныя: „bonjour, maman, bonsoir, maman",—тѣмъ дѣло и ограничивалось. Они, дѣти, обѣдали у себя въ дѣтской и допускались въ гостиную лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, съ особаго соизволенія, чтобы быть показанными тѣмъ гостямъ, которые изъявляли желаніе взглянуть на нихъ. Когда они выросли, мать научила ихъ не уважать отца и вмѣстѣ съ ними вышучивала его. Когда они еще болѣе выросли, а мать постарѣла, она стала жаловаться, что дѣти далеки отъ нея и что ея мечта имѣть „дѣтей-друзей"—рушилась. Кажется, это было просто façon de parler, потому что она и не нуждалась въ ихъ дружбѣ. И вотъ изъ Мишеля вышелъ офицеръ, а изъ дочери Елены—замужняя дама, весьма любившая развлеченія и легкія интриги за спиною добродушнаго и недалекаго мужа.

Но почему же теперь, въ это пасмурное великопостное утро послѣ операціи ему сдѣлалось такъ горько отъ равнодушія матери? Почему теперь, когда онъ чувствовалъ себя такъ хорошо физически, когда рука его перестала болѣть и порою лишь слышался еще во рту вкусъ хлороформа, когда все улыбалось ему,—сердце его все-таки сосало? „Бросили, какъ собаку", проносилось у него въ головѣ, „и никто не заѣдетъ узнать, живъ я или умеръ". Ну, Елена,—та занята своими офицерами, а maman?

Около шести часовъ вошла сестра Фремонъ съ термометромъ и, улыбаясь ему, сказала:

— Сегодня лучше, неправда ли? Я не успѣла зайти утромъ. Посмотримъ, сколько градусовъ.

Но она не успѣла поставить ему термометра: дверь отворилась, и на порогѣ показалась изящно и богато одѣтая дама.

— Enfin te voilà..—сказалъ Михаилъ Степановичъ, холодно пожимая здоровой рукой протянутую ему руку въ новой перчаткѣ.

— У васъ строгости, другъ Мишель; я опоздала, и меня не хотѣли пустить. Швейцаръ ходилъ докладывать начальницѣ; она милостиво разрѣшила.

Дама засмѣялась.

Въ комнатѣ стояли густые сумерки. Лампъ еще не зажигали.

Дама обернулась, замѣтила фигуру дѣвушки съ термометромъ въ рукахъ и, подойдя въ сыну, сказала:

— Voyons, fait donc sortir la femme de chambre.

— Maman!—горячо сказалъ онъ:—это сестра милосердія, mademoiselle Фремонъ. И она отлично говоритъ по-французски,—добавилъ онъ сухо.

Посѣтительница высоко подняла брови и недоумѣвающе, нѣсколько по театральному оглядѣла обоихъ.

— Ça ne change rien... неопредѣленно сказала она:—Voyons, ma petite, laissez-nous,—обратилась она къ сестрѣ.

— Не прежде,—отвѣтила сестра Фремонъ, и Михаилъ Степанычъ услышалъ въ ея голосѣ дрожащія, нервныя ноты:—чѣмъ поставлю градусникъ Михаилу Степановичу.

И она приступила къ дѣлу. Дама ничего не отвѣтила, пожала плечами и сѣла на стулъ.

Сестра Фремонъ вышла.

— Quel ton!—фыркнула дама:—Ah ça, Michel c'est donc comme ça? Pauvre Lilie! засмѣялась она.—Lachée!

— Maman!—сказалъ онъ, останавливая ее голосомъ.—При чемъ тутъ—Лили? Я не понимаю вашихъ намековъ...

— Ты отлично ихъ долженъ понимать. Эта дѣвочка называетъ тебя „Михаломъ Степановичемъ", и тонъ ея непозволителенъ. Я буду жаловаться начальницѣ.

— Вы этого не сдѣлаете,—сказалъ онъ такъ твердо, что она съ изумленіемъ прислушалась къ его голосу.

— А-а,—протянула она.—Такъ далеко зашло?

Онъ досадливо повелъ плечомъ и ничего не отвѣтилъ.

Сестра Васильева внесла лампу. Она почтительно поклонилась посѣтительницѣ, поставила лампу на столъ и, зорко оглядѣвъ обоихъ—вышла.

При свѣтѣ лампы Михаилъ Степановичъ всматривался въ лицо матери. Оно было все такъ же красиво, какъ всегда, не смотря на ея почтенные уже года. Она была затянута въ корсетъ, слегка, очень тонко, припудрена, и въ углахъ вѣкъ очень

искусной рукой были сдѣланы обычныя двѣ „стрѣлки“. Это увеличивало глаза и придавало имъ издали особое выраженіе, которое онъ затруднялся опредѣлить. Широкая юбка „cloche“ и рукава съ широкими же, падавшими внизъ буфами дѣлали ея немолодую фигуру граціозной и эффектной. Въ волосахъ не было ни одной серебряной нити, и сынъ никогда не могъ узнать, искусно ли она ихъ краситъ, или они таковы въ дѣйствительности. Выраженіе надменности и холодности застыло на ея красивомъ и моложавомъ лицѣ.

— Какая я безпамятная!—начала она.—Какъ же твое здоровье?

„Рано же догадалась,“—съ горечью подумалъ онъ.

— Mercі, теперь хорошо,—сказалъ онъ.

— Ну, а послѣ операціи будетъ еще лучше, надѣюсь.

— Не надѣйся. Операція уже была.

— Vraі?!—удивилась она.—Tant mieux! Поздравляю тебя. И ты ничего не сказалъ? Она нагнулась, и онъ ощутилъ на своемъ лбу такъ знакомый ему „прохладный поцѣлуй“.—Какъ у васъ здѣсь душно!—продолжала она, очевидно, тяготясь визитомъ.—И чѣмъ-то пахнетъ, не то духами, не то лѣкарствомъ. A propos,—вдругъ вспомнила она,—l'exilé—такъ называли они между собой главу ихъ семьи—нездоровъ и отвѣтилъ телеграммой, что будетъ надняхъ. Очень это мнѣ не нравится, что онъ пріѣдетъ къ намъ, но, конечно, такой случай...—Она помолчала. Было очевидно, что матеріалъ изсякалъ, и она затруднялась.— Твоя сестра просила поцѣловать тебя. Она соберется надняхъ.

— Она очень занята?—иронически сказалъ онъ.

— Тебя испортили здѣшнія дѣвочки, — протянула она: — у тебя тонъ сталъ невозможный.

Оба замолчали. Ни у матери, ни у сына нечего было сказать другъ другу.

Она, наконецъ, встала и, простившись съ нимъ, ушла.

— Если что нужно будетъ, ты передашь съ Ѳедоромъ...— проговорила она въ дверяхъ.

Онъ молча кивнулъ головой.

Вошла Фремонъ, чтобы взять градусникъ.

Онъ виновато взглянулъ на нее, протянулъ ей здоровую руку и проговорилъ:

— Не сердитесь, сестрица... Вы не сердитесь? Ахъ, мнѣ такъ это непріятно.

— Полноте, Михаилъ Степановичъ, не безпокойтесь. Вы ду-

маете, мы не привыкли къ такому обращенію? Наши больныя дамы еще хуже обращаются съ нами. Вотъ хоть бы генеральша... Сколько она мнѣ непріятностей сдѣлала! Спасибо Петру Петровичу—пристроилъ къ ней сестру Петренко.

— Не можетъ же она находиться безотлучно при ней? — сказалъ онъ смутно озабоченный, какъ бы не пришлось опять сестрѣ Фремонъ испытать придирки генеральши.

— Конечно, вечеромъ она уходитъ наверхъ,—отвѣтила Фремонъ, — и днемъ отлучается завтракать и обѣдать. Но большую часть дня проводитъ съ ней... Обѣ—ханжи!—засмѣялась она:— и утѣшаются чтеніемъ библіи или вообще чего-то божественнаго. Сестра Петренко читаетъ ей своимъ замогильнымъ голосомъ, какъ привыкла въ церкви читать апостола, а та закатываетъ глаза къ небу, то-есть къ потолку... Да и всѣ больныя дамы пренесносныя. Слѣдовало бы, чтобы за ними ухаживали мужчины, а за мужчинами—мы. Одна балетная—славная. Она со всѣми нами— „подруга“. Такъ что́ вы думаете? Генеральша и на нее злится: помилуйте, она генеральша, и вдругъ въ обществѣ... съ танцовщицей! Quel horreur!.. Ну, и лежала бы у себя дома. Однако, надо идти въ церковь—вѣдь мы говѣемъ на этой недѣлѣ.

Онъ смотрѣлъ на ея изящную, точно выточенную фигурку, и ему вспомнились слова матери.

— Вы зайдете послѣ вечерни?—спросилъ онъ, и въ его голосѣ почувствовалась просьба.

Она чуть замѣтно улыбнулась.

— Можетъ быть.

Онъ остался одинъ.

„Неужели мать права?—думалъ онъ.—Неужели эта дѣвушка что-нибудь для него значитъ? Не можетъ быть! Но въ такомъ случаѣ, что же означало чувство къ Лили? Чувство? Это слишкомъ громкое слово. И онъ принимался за анализъ этого чувства. Его никогда не существовало. Въ то время, когда онъ говорилъ Лили всякія „сладкія глупости“, сердце его оставалось спокойно; оно оставалось спокойнымъ и тогда, когда „ломучка“ Лили „выкручивалась“ и „кочевряжилась“ передъ другими мужчинами, флиртировала съ ними, дѣлала имъ „огромные глаза“ —все это дѣйствовало на него, но не на сердце, а на болѣзненное, изнуренное мужское самолюбіе. Когда онъ стоялъ подъ дуломъ пистолета и рисковалъ изъ-за нея жизнью, меньше всего онъ думалъ о Лили. Все время, такимъ образомъ, въ теченіе этой глупой исторіи, его сердце оставалось свободнымъ.

Это открытіе, показавшееся ему теперь довольно неожидан-

нымъ, его обрадовало. И его мысли переходили къ „Катѣ“, какъ онъ про себя называлъ ее теперь. Отчего же его сердце сжималось, когда Катю обижали? Отчего онъ такъ волнуется, когда слышитъ ея шаги и видитъ ея воздушную фигурку передъ собою? Отчего онъ не замѣчаетъ времени, когда она съ нимъ, и, напротивъ, оно мучительно долго тянется, когда ея нѣтъ? Отчего, вотъ теперь онъ съ трепетомъ прислушивается къ глухому церковному пѣнію, долетающему до него изъ длиннаго коридора лѣчебницы, и ждетъ не дождется конца вечерни? Да... отчего? Странно, что все это онъ испытывалъ и раньше, въ началѣ недѣли, послѣ первыхъ же нѣсколькихъ встрѣчъ и разговоровъ съ Катей. Но онъ какъ-то не замѣчалъ этого, не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Нужно же было, чтобы его мать, эта холодная эгоистка, первая ему открыла глаза.

Онъ тревожно двинулся на кровати. Около него на столикѣ лежалъ французскій романъ, въ желтенькой оберткѣ, и онъ его съ трудомъ досталъ здоровой рукой. Думы, посѣтившія его, показались ему страшными, и ему хотѣлось забыться. Онъ принялся за чтеніе. Онъ читалъ страницу за страницей; слова и фразы, строки и буквы мелькали передъ его глазами, и онъ, чтобы понять смыслъ прочитаннаго, повторялъ нѣкоторые періоды по нѣсколько разъ. „Quoi de plus insensé et de plus vain“,—цитировалъ авторъ романа, по какому-то случаю, „Imitation de Jésus“:—„que de s'affliger de choses futures qui n'arriveront peut-être jamais...“ Авторъ описывалъ героиню привлекательными красками, и Михаилу Степановичу представилась Катя, какъ бы написанная прозрачными акварельными красками, тонкимъ, изящнымъ художникомъ. И опять образъ ея заполонилъ его воображеніе. Онъ старался не думать о ней, но ея розовое личико съ блѣдно-золотистыми, тонкими, какъ нити паутины, волосами, съ ея глубокими голубыми глазами и темными бровями упорно являлось передъ нимъ. „Ну, хорошо,—досадливо подумалъ онъ,—если дать всему этому волю, что же дальше будетъ?“ И глаза его опять, въ третій разъ остановились на фразѣ изъ „Imitation“. Онъ вновь перечелъ ее, понялъ и задумался. „Какъ это вѣрно! Можетъ быть, этому „будущему“ никогда не сбыться. Стоитъ ли думать и мучиться?...“ Онъ продолжалъ чтеніе. И вдругъ въ его сознаніи отчетливо, явственно пронеслись слова: „Ah ça, Michel! C'est donc comme ça?.. Такъ далеко зашло?“ Онъ вздрогнулъ. Ему показалось, что онъ слышалъ ихъ, что мать была около и произносила ихъ. Тогда онъ поморщился, теперь вновь повторилъ ихъ. И въ

этихъ незначительныхъ, пошлыхъ словахъ было для него цѣлое откровеніе. „Oui, c'est comme ça!“ — неожиданно признался онъ себѣ.—„Но это невѣроятно, это невозможно, это слишкомъ, слишкомъ скоро“, пробовалъ онъ себя разувѣрить.

Въ коридорѣ послышались шаги. Расходились изъ церкви. Сердце его забилось.

Михаилъ Степановичъ отложилъ романъ и сталъ тревожно прислушиваться. „Придетъ или не придетъ?“ думалъ онъ.

Дверь скрипнула, и въ темномъ отверстіи ея показалась фигурка сестры Фремонъ.

— Вотъ и я!—весело сказала она,—„госпожа наша начальница“ ушла къ себѣ, и я выбрала минутку, чтобы забѣжать къ вамъ. Сегодня ночью дежурная—„птичка пѣвчая“, завтра я иду въ городъ, и мы не увидимся. Я зашла проститься и пожелать вамъ выздоровленія.

Она говорила торопливо, какъ бы спѣша поскорѣе все сказать.

Его непріятно рѣзнули по уху слова: „мы не увидимся“. Какъ цѣлый день не видѣть ее! онъ такъ привыкъ къ ней.

— Ну, такъ тогда присядьте, куда же вы торопитесь?—сказалъ онъ.

— Нельзя. Сестра Васильева, очевидно, шпіонитъ за мной и находитъ, что я „безъ надобности“ часто захожу къ вамъ. А бабушка тоже начинаетъ смотрѣть подозрительно...

Она засмѣялась.

— Онѣ всѣ боятся, чтобы я не влюбилась въ васъ...

Михаилъ Степановичъ улыбнулся.

— Гдѣ же! Въ калѣку! — проговорилъ онъ и почувствовалъ, какъ краска приливаетъ къ его щекамъ. И вдругъ ему неудержимо захотѣлось спросить ее, любила ли она.

Она отвѣтила, смѣясь:

— Конечно. У той барыни, у которой я была чтицей, былъ знакомый старичокъ. Я тогда была молода, и я въ него влюбилась. То-есть вѣрнѣе въ его лысину. Она блистала, какъ паркетъ, и въ ней отражались окна, какъ въ зеркалѣ.

— Вы все шутите,—уныло сказалъ онъ.

Дверь снова отворила, и въ щелку продвинулась голова сестры Васильевой.

— Сестра, васъ всюду ищетъ бабушка, съ кислой гримасой проговорила „подвижница“.—Она никакъ не могла догадаться—гдѣ вы. Простите, что помѣшала.

— Вы теперь можете сообщить ей—гдѣ я. Сейчасъ иду.

Васильева исчезла. Катя кивнула головой на дверь и, нагнувшись къ больному, проговорила:

— Quand je vous disais!..

Онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ ея горячее дыханіе — такъ близко она наклонилась къ нему, и струя тонкаго запаха духовъ обвѣяла его. Въ вискахъ у него застучало, и сердце забилось. Онъ свободной рукой быстро схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней своими сухими, жаркими губами. Она опять съ изумленіемъ, внимательно посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, но руки не отняла, а, какъ ему показалось, крѣпче прижала ее къ его губамъ.

— Какая тоска будетъ завтра!—прошепталъ онъ.

Она засмѣялась.

— Я попрошу „Периколу“ развлечь васъ.

И она убѣжала.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИНЦИПЪ ЭВОЛЮЦІИ.

Сообщеніе, сдѣланное во французской академіи наукъ членомъ ея, проф. **Эдмономъ Перье.**

(Переводъ съ французскаго).

Въ августѣ 1894 года лордъ Салисбюри, первый министръ Британской имперіи и канцлеръ Оксфордскаго университета, предсѣдательствовалъ на конгрессѣ британской ассоціаціи поощренія наукъ. Въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи конгресса, онъ счелъ долгомъ выступить противъ ученія о превращеніи видовъ, оспариваемомъ еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, но уже давно съ полнымъ единодушіемъ принятомъ біологами, достаточно молодыми, чтобы не считать себя обязанными защищать противъ ученія Дарвина идеи, унаслѣдованныя отъ предшествующаго поколѣнія. Такъ какъ вопросъ казался рѣшеннымъ, то ни одинъ ученый въ Англіи не счелъ тогда нужнымъ отвѣчать на то, что можно было принять за вспышку свѣтскаго человѣка, прогуливающагося въ научныхъ областяхъ [1]). Но, вслѣдствіе высокаго положенія лорда Салисбюри, рѣчь произвела больше шума, чѣмъ можно было предполагать. Она была переведена на французскій языкъ, представлена парижской академіи наукъ и вернулась въ Лондонъ въ сопровожденіи хвалебныхъ комментаріевъ, перешедшихъ, въ свою очередь, въ англійскую печать.

При этихъ обстоятельствахъ выдающійся англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ рѣшился еще лишній разъ взять на себя защиту идей, которыя въ настоящее время являются основой объяснительной біологіи, единственной, которая имѣетъ право именоваться научной, потому что сущность науки заключается въ объясненіи явленій. Отвѣтъ Гер-

---

[1]) Гексли сидѣлъ рядомъ съ ораторомъ; когда лордъ Салисбюри кончилъ свою рѣчь, знаменитый естествоиспытатель попросилъ слова и со всею возвышенностью своихъ взглядовъ, такъ свойственной его уму, заступился за права науки; онъ напомнилъ происхожденіе ученія эволюціи и его долгую усиленную борьбу съ препятствіями и, наконецъ, его блестящій тріумфъ; онъ напомнилъ новыя идеи, которыя это ученіе, рожденное изъ зоологическихъ, ботаническихъ и геологическихъ наблюденій, ввело въ цѣлую систему наукъ; онъ напомнилъ услуги, которыя оно оказало общей философіи. Но эта блестящая реплика не была опубликована. Черезъ часъ послѣ этого интереснаго спора, хотя и очень горячаго, но лишеннаго всякихъ колкостей, Гексли и лордъ Салисбюри очень дружески встрѣтились въ обществѣ богослововъ въ салонѣ настоятеля церкви «Всѣхъ Святыхъ».

берта Спенсера лорду Салисбюри содержитъ вкратцѣ нѣсколько аргументовъ, на которые не лишнее обратить вниманіе. Прежде всего философъ разъясняетъ путаницу, которая видимо установилась въ умѣ министра между самымъ фактомъ эволюціи — доказываемымъ помимо объясненія—и однимъ изъ возможныхъ его объясненій, которое и составляетъ *дарвинизмъ*, или естественный подборъ. Необходимо поставить отдѣльно другъ отъ друга:

1) реальность эволюціи,

2) значеніе естественнаго подбора для объясненія эволюціи.

Съ другой стороны, если и можно критиковать теорію Дарвина, если даже и удастся выставить доводы, достаточно вѣскіе, чтобы разрушить всю его систему, то все же еще останется не тронутымъ великій тезисъ органической эволюціи.

I.

Одно изъ главныхъ возраженій, которое дѣлаютъ эволюціонистамъ сторонники постоянства видовъ, заключается въ томъ, что никто не могъ доказать еще превращенія одного вида въ другой съ тѣхъ поръ, какъ наблюденія надъ животными и растеніями производятся научно. Такое возраженіе легко можно повернуть противъ высказывающихъ его: никто, въ дѣйствительности, не констатировалъ внезапнаго происхожденія новаго вида; поэтому, разсуждая такимъ образомъ, слѣдовало бы отринуть и ихъ ученіе. Итакъ, нѣтъ другой альтернативы: нужно выбирать.

Здѣсь Гербертъ Спенсеръ вспоминаетъ безчисленную массу фактовъ, которые ученіе эволюціи связало въ непрерывную цѣпь и которые говорятъ не въ пользу ученія постоянства видовъ уже по одному тому, что это ученіе безсильно дать имъ какое-либо объясненіе. Эти факты можно сгруппировать въ пять главныхъ рубрикъ:

1) Ряды ископаемыхъ существъ примыкаютъ къ рядамъ существъ живущихъ, даютъ до мельчайшей детали объясненіе современнымъ формамъ и позволяютъ ихъ расположить въ видѣ генеалогическаго дерева, вѣтви котораго сходятся къ общему стволу. Такимъ образомъ находится связь между птицами и пресмыкающимися, которыя въ свою очередь приближаются къ земноводнымъ, стоящимъ въ сосѣдствѣ съ рыбами; выясняется также, что извѣстные пахидермы, явившіеся въ началѣ третичнаго періода съ четырьмя пальцами и теряя послѣдовательно три изъ нихъ, реализировали типъ однокопытныхъ.

2) Въ каждой области земного шара формы животныхъ и растеній, живущихъ въ настоящій періодъ, тѣсно связаны съ формами, ископаемыми изъ предыдущаго періода: Австралія, которая до своего открытія была почти исключительно населена сумчатыми млекопитающими, въ своихъ геологическихъ слояхъ содержитъ млекопитающихъ исключительно сумчатыхъ.

3) Роды, семейства, порядки, классы, даже отдѣлы нашихъ классификацій не являются дѣленіями, отграниченными одинъ отъ другого, какъ это должно было бы быть, если бы виды были независимы другъ отъ друга; напротивъ, между этими дѣленіями замѣчаются всѣ возможные переходы.

4) Зародышъ животнаго, стоящаго на одной изъ высшихъ ступеней какого-нибудь зоологическаго ряда, послѣдовательно проходитъ формы, аналогичныя низшимъ стадіями этого ряда, прежде чѣмъ облечься въ форму взрослаго индивидуума.

5) Животныя очень часто обладаютъ органами безполезными, уменьшенныхъ размѣровъ, органами *зачаточными*, лишенными того значенія, которое они должны были имѣть прежде.

Въ то время, какъ ученіе эволюціи можетъ опираться на величественнее зданіе изъ пяти порядковъ фактовъ, противоположная ему доктрина, уже безсильная въ объясненіи ихъ неоспоримой связи между собой, не можетъ найти ни одного факта въ свою пользу и успокоивается на простомъ отрицаніи. Итакъ, выборъ перваго ученія навязывается самъ собой, если оставаться на строго научной почвѣ.

II.

Слѣдуетъ спросить теперь, можетъ ли ученіе *естественнаго подбора*, хотя отчасти способствовать объясненію великаго факта эволюціи?

Безъ сомнѣнія, вся исторія разведенія растеній и животныхъ свидѣтельствуетъ въ пользу могущества искусственнаго подбора въ укрѣпленіи наслѣдственностью свойствъ, случайно встрѣтившихся у извѣстныхъ индивидуумовъ; именно искусственнымъ подборомъ образовались расы домашнихъ животныхъ, но этотъ искусственный подборъ требуетъ интеллигентнаго руководительства въ строго опредѣленномъ направленіи. Но кто же направитъ естественный подборъ, и какимъ путемъ можетъ онъ произойти? Лордъ Салисбюри не находитъ отвѣта на этотъ вопросъ; это зависитъ,—замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ,—просто отъ ошибочной идеи, внушаемой уму словомъ «подборъ». На дѣлѣ естественный подборъ, какимъ бы образомъ онъ ни совершался, имѣетъ вполнѣ осязательный результатъ: при данныхъ условіяхъ существованія, это *переживаніе существъ, наилучше приспособленныхъ* къ этимъ условіямъ, или, говоря короче, *переживаніе наиболѣе способныхъ*. Чтобы сдѣлать очевидной реальность этого предположенія, достаточно, какъ чрезвычайно остроумно замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ, констатировать нелѣпость противоположнаго предположенія, которое можно бы выразить такъ: *изъ животныхъ и растеній пережили другихъ и сохраняются до сихъ поръ наименѣе способные извлечь для себя пользу изъ условій, въ которыхъ они должны жить.*

Здѣсь мы очевидно имѣемъ для переживанія наиболѣе способныхъ,

другими словами, для *естественнаго подбора*, настоящее доказательство приведеніемъ къ абсурду.

Послѣ этого знаменитому автору «Основъ біологіи» нетрудно было нѣсколькими хорошо выбранными примѣрами показать, какъ это переживаніе наиболѣе способныхъ помогаетъ при посредствѣ наслѣдственности установленію наиболѣе полезныхъ разновидностей, какъ оно играетъ роль интеллекта, который направляетъ дѣйствія искусственнаго подбора.

Остается отвѣтить еще только на одно возраженіе, построенное на времени, необходимомъ видамъ для эволюціи. При массѣ случайностей, препятствующихъ движенію естественнаго подбора въ данномъ направленіи, необходимы были бы—утверждаетъ лордъ Салисбюри—сотни милліоновъ лѣтъ для того, чтобы медуза (одно изъ самыхъ низшихъ по своей организаціи существъ) сдѣлалась бы человѣкомъ! Между тѣмъ, исчисленія лорда Кельвина указываютъ, что продолжительность жизни на земной поверхности не превышаетъ ста милліоновъ лѣтъ. Вызоветъ, быть можетъ, удивленіе—отвѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ—внесеніе медузы въ генеалогическое дерево человѣка, о чемъ, безъ сомнѣнія, не заботился ни одинъ біологъ; удивленіе это можетъ быть тѣмъ сильнѣе, что медуза отнюдь не необходима для аргументаціи знаменитаго канцлера Оксфордскаго университета, и что эта аргументація была бы еще сильнѣе, если бы выдающійся государственный человѣкъ взялъ за точку отправленія элементъ анатомическій — первичную клѣтку, которая была общимъ родоначальникомъ всѣхъ живыхъ существъ. Но и въ настоящую эпоху всякій человѣческій организмъ беретъ начало изъ одной клѣтки и заканчиваетъ свою эволюцію въ 9 мѣсяцевъ, точнѣе въ 280 дней, или въ 408,300 минутъ.

Если мы будемъ разсматривать каждую изъ этихъ минутъ, какъ законченную фазу эволюціи человѣческаго зародыша, то дѣлается вполнѣ очевиднымъ, что въ продолженіе этого періода зародышъ не подвергается никакому измѣненію, которое можно было бы услѣдить съ помощью наиболѣе тонкихъ средствъ наблюденія. Примемъ, не возражая (а возразить, кстати сказать, было бы легко), сто милліоновъ лѣтъ, въ которыя лордъ Салисбюри замыкаетъ всю продолжительность органической эволюціи. Такъ какъ эволюція непрерывна, то эти сто милліоновъ лѣтъ представляютъ время, которое съ различными колебаніями необходимо было человѣческому организму, чтобы достигнуть современнаго состоянія. Каждая изъ 408,300 фазъ, на которыя мы раздѣлили эмбріологическую эволюцію человѣка, соотвѣтствуетъ не одной минутѣ, а 250 годамъ.

Другими словами, по гипотезѣ лорда Салисбюри на каждый изъ организмовъ-прародителей человѣка приходится по 250 лѣтъ для измѣненія неуловимой величины, измѣненія, происходящаго въ настоящее время въ зародышѣ въ теченіе одной минуты. Ясно, что это значительно больше, чѣмъ необходимо для осуществленія перехода отъ

простой клѣтки до человѣка. Если при этомъ принять во вниманіе, что у формъ, стоящихъ ниже млекопитающихъ, и даже у большинства этихъ послѣднихъ для достиженія зрѣлаго состоянія требуется менѣе года, то можно, конечно, разсматривать каждый годъ соотвѣтствующимъ одному поколѣнію: въ своемъ восходящемъ движеніи къ человѣку отъ изолированныхъ первоначальныхъ клѣтокъ палеонтологическая эволюція располагаетъ такимъ образомъ 250 поколѣніями для того, чтобы въ организмѣ произошло измѣненіе столь же незначительное, какъ въ зародышѣ въ теченіе одной минуты. Представимъ, что изъ этого числа—240 поколѣній не производятъ никакого измѣненія въ желательномъ смыслѣ или даже производятъ въ смыслѣ обратномъ; остаются все же еще 10 поколѣній, что болѣе чѣмъ достаточно для осуществленія эволюціи. Числовое возраженіе лорда Салисбюри падаетъ, слѣдовательно, при сколько-нибудь внимательномъ изслѣдованіи фактовъ. Точно такъ же исчезли и всѣ остальныя возраженія, и можно сказать, что первый министръ Британской имперіи оставляетъ совершенно истронутымъ не только ученіе эволюціи, но и все зданіе, построенное Дарвиномъ. Цифры, какъ и факты, непроклонно высказываются противъ гипотезы неизмѣнности видовъ.

III.

Аргументація Герберта Спенсера въ томъ видѣ, какъ мы ее сейчасъ резюмировали, очевидно заслуживаетъ вниманія, и намъ казалось интереснымъ представить ее академіи наукъ, ничего не измѣняя въ доводахъ, выбранныхъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ. Но намъ простятъ, вѣроятно, если мы здѣсь прибавимъ къ нимъ нѣсколько замѣчаній. Отвѣтъ Герберта Спенсера лорду Салисбюри отмѣчаетъ перемѣну позиціи эволюціонистовъ по отношенію къ сторонникамъ противоположнаго взгляда,—перемѣну, на которую чрезвычайно важно указать, и можно только удивляться, что она произошла такъ поздно. До сихъ поръ, сторонники неизмѣнности видовъ выставляли себя защитниками позитивной науки противъ того, что они называли трансформическимъ романомъ. Они и «приглашали» ученыхъ, которые записывались въ свиту Ламарка, Жоффруа Сентъ-Илера, Уэллеса и Дарвина, доказать подлинное превращеніе вида и, не подозрѣвая громадной силы, угрожавшей ихъ послѣднимъ позиціямъ, гордились отсутствіемъ всякаго отвѣта на свои «вызовы». На это вызывающее поведеніе трансформисты отвѣчали слишкомъ приниженно.

По примѣру Ламарка, они извинялись за ту свободу, съ которой они измѣняли господствующія идеи. Но это какъ разъ обратное тому, что должно бы происходить, если бы споръ оставался на почвѣ чистой науки, если бы никакое соображеніе, чуждое простому констатированію фактовъ не примѣшивалось къ дебатамъ.

Здѣсь сказалось еще могущество словъ: вся временная сила сто-

ронниковъ неизмѣнности видовъ происходила отъ частаго употребленія ихъ учениками слова твореніе. Это слово предполагало вмѣшательство первичной непостижимой причины, оно превосходно сочеталось съ одной стороны съ религіознымъ языкомъ, съ другой съ спокойнымъ скептитизмомъ, который резюмируется въ пресловутомъ *Ignorabimus*! Дюбуа-Реймона. Но что скрываетъ въ себѣ слово твореніе съ точки зрѣнія чисто научной, съ точки зрѣнія фактовъ? Оно выражаетъ внезапное появленіе живыхъ существъ подъ вліяніемъ причинъ, не поддающихся опредѣленію, высшихъ, независимыхъ, дѣйствующихъ внезапно.

Эти внезапныя появленія живыхъ существъ безъ вмѣшательства родителей, ихъ производящихъ, имѣютъ свое названіе въ научномъ языкѣ: они составляютъ *самопроизвольныя зарожденія.* Для человѣка науки, предоставляющаго теологамъ и философамъ изученіе первой причины, занимающагося исключительно вторыми причинами, слова твореніе и самопроизвольное зарожденіе—синонимы. Никто въ настоящее время не осмѣлился бы утверждать, что онъ вѣритъ въ самопроизвольныя зарожденія, и должно удивляться, что естествоиспытатели, особенно усердно собиравшіе результаты великихъ изысканій Пастера, были въ то же время наиболѣе непреклонными противниками эволюціоннаго ученія.

Какимъ образомъ люди, не признававшіе самопроизвольнаго зарожденія инфузоріи, могли безъ замѣшательства признать возможность самопроизвольнаго зарожденія кита или слона?

IV.

Съ другой стороны, если держаться метода строго научнаго или, если хотите, простого констатированія фактовъ, то неточно было бы говорить, что эволюція доказана въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ всѣ великія теоріи астрономіи и физическихъ наукъ; она, быть можетъ, имѣетъ передъ ними въ этомъ отношеніи даже преимущество. Дѣйствительно, само дѣленіе геологическихъ временъ на періоды покоится вѣдь на фактѣ полнаго возобновленія фауны и флоры. То, что въ теченіе каждаго изъ этихъ періодовъ одни виды появились, другіе исчезли — тоже общеизвѣстный фактъ. Родство существъ, которыя намъ извѣстны лишь по ископаемымъ остаткамъ, съ существами, живущими понынѣ, настолько очевидно, что не встрѣчается затрудненій при ихъ классифицированіи. Ни одно изъ нихъ не носитъ слѣда внезапнаго появленія; у всѣхъ у нихъ организація вполнѣ аналогична современнымъ существамъ, и ничто не дозволяетъ думать, чтобы при ихъ образованіи играли роль какія-нибудь иныя средства. Съ другой стороны, мы знаемъ въ настоящее время только одинъ способъ образованія живыхъ существъ: *воспроизведеніе.* «Только жизнь порождаетъ жизнь». Если это такъ—а принимать обратное, значитъ, признавать самопро-

извольное зарожденіе, значитъ прямо идти противъ фактовъ, установленныхъ научно,—если это такъ, то живыя взрослыя существа могутъ быть только потомками формъ *отъ нихъ отличныхъ*, жившихъ въ предыдущіе періоды. Этимъ самымъ устанавливается истинность ученія эволюціи. Это ученіе и только оно одно—опирается исключительно на факты безъ посредства гипотезъ, чуждыхъ наукѣ; только оно одно научно; эволюціонисты имѣютъ право требовать у своихъ противниковъ доказательствъ положеній, провозглашаемыхъ послѣдними, а не наоборотъ. Прятаться за наше предполагаемое незнаніе и выступать противъ насъ съ возможностями, противъ которыхъ протестуетъ точное знаніе, все это слѣдуетъ назвать *увертkой*. И только къ этому сводится вся аргументація противниковъ трансформизма.

V.

Остается еще коснуться тѣхъ объясненій, которыя пытались давать эволюціи. Здѣсь слѣдуетъ прежде указать на одно недоразумѣніе: теорію Дарвина считаютъ объясненіемъ эволюціи. Между тѣмъ въ дарвинизмѣ, сведенномъ къ его основному положенію—*переживанію болѣе способныхъ*, нѣтъ, собственно говоря, никакого объясненія эволюціи, а просто попытка разъяснить одинъ изъ великихъ біологическихъ фактовъ: разграниченіе видовъ между собою, разграниченіе, позволяющее имъ существовать рядомъ другъ съ другомъ, никогда не смѣшиваясь, и потому именно Дарвинъ озаглавилъ свою книгу просто «*происхожденіе видовъ*». Но эволюція все же могла бы происходить, если бы и не было различныхъ видовъ. Бѣлая человѣческая раса усовершенствовалось, не отдѣляясь специфически отъ другихъ расъ.

Эволюція, какова бы ни была ея причина, каковы бы ни были ея пути, связана съ приспособленіемъ къ средѣ: одно не можетъ существовать безъ другого. Разъединеніе этихъ двухъ понятій фатально ведетъ къ нелѣпому предположенію, съ такимъ остроуміемъ выясненному Гербертомъ Спенсеромъ. Но эволюція и присобленіе связаны между собою еще нѣсколько болѣе тѣсно, чего умышленно не указалъ великій англійскій философъ.

И наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ Ламарка точно такъ же, какъ *непрерывность зародышевой плазмы* Вейссмана, одинаково приводятъ къ приспособленію. И только съ момента проникновенія въ самый механизмъ его, т.-е. опредѣленія причинъ тѣхъ уклоненій въ сторону, которыя выбираются естественными силами, какъ долженствующія существовать далѣе, и точнаго указанія процесса, который реализируетъ постепенное усложненіе строенія организмовъ,—только съ момента объясненій въ настоящемъ значеніи этого слова начинаются разногласія, и мы попадаемъ въ хаосъ. Опытъ Браунъ-Секара надъ наслѣдственностью эпилепсіи у морскихъ свинокъ, у которыхъ былъ поврежденъ поясничный нервъ; доказательство, приведенное Шарреномъ и Глеемъ,

что извѣстные токсины могутъ дѣйствовать на воспроизводительные элементы, —все это кажется окончательно перетянуло вѣсы въ пользу Ламарка противъ Вейссмана; превосходныя работы Земпера относительно непосредственнаго дѣйствія среды на моллюсковъ, Штандфусса объ искусственномъ воспроизведеніи разновидности бабочекъ, данныя о разновидностяхъ альпійскихъ растеній и многихъ другихъ познакомили насъ съ непредусмотрѣнными до тѣхъ поръ причинами разновидностей. Я самъ въ своей книгѣ «Les colonies animales» («Животныя колоніи») показалъ, какъ при посредствѣ *ассоціаціи*, *дифференціаціи* анатомическихъ элементовъ, ихъ возрастающей *солидарности* и ихъ различныхъ способовъ *группировки*, осуществляются различныя формы животнаго организма; я старался объяснить, какъ все болѣе и болѣе сложные организмы создаются комбинированіемъ и слитіемъ въ различныхъ степеняхъ организмовъ болѣе простыхъ. Разъ животный организмъ началъ функціонировать, это функціонированіе уже само по себѣ является могущественной причиной измѣненій.

Но настоящія объясненія, т.-е. нахожденіе непосредственныхъ причинъ эволюціи, только еще начинаютъ научно опредѣляться; тѣмъ не менѣе, то, что уже сдѣлано до настоящей минуты, достаточно для утвержденія, что есть возможность опредѣлить эти причины положительно, и біологи могутъ работать, слѣдуя путемъ, открытымъ Ламаркомъ, не тревожась нѣсколькими протестами, все болѣе и болѣе рѣдкими даже среди богослововъ, они могутъ быть увѣрены, что куда бы ни привелъ ихъ этотъ путь, совершенное ими дѣло будетъ во всякомъ случаѣ полезно.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина.

(Ихъ переписка).

4-е.

Какая холодная мысль станетъ между тобой и папенькой? Да, голосъ сильный, святой и мой голосъ скажутъ тебѣ: «онъ твой отецъ, онъ много для тебя сдѣлалъ»; — но какой же голосъ скажетъ: «онъ единственное препятствіе твоему счастію». — Ужели между нами, между мною и тобою, есть кто, кромѣ Бога? Ежели мы встрѣтимъ препятствіе въ папенькѣ, Богъ намъ препятствуетъ. И можетъ ли *любовь* родить *мысль холодную*, между кѣмъ-же? Между отцомъ и сыномъ.... О! нѣтъ, Александръ, пусть вѣкъ у тебя будетъ отецъ, пусть вѣкъ ты будешь ему сыномъ, пусть въ *родныхъ* ты найдешь родныхъ!...

6-е.

Да, я выросла, стала мужественнѣе, и любовь обороняетъ меня отъ всѣхъ нападеній и ударовъ; Самъ Господь утѣшаетъ меня въ разлукѣ съ тобою, мой ангелъ, я чувствую неизъяснимое наслажденіе выносить невыносимое изъ покорности воли Его.... Ты понимаешь меня, Александръ, ты душа моя, одно съ душою Наташи, твоей душою; другіе не поймутъ, скажутъ—невѣроятно, невозможно; да, для нихъ это и невозможно, ибо любовь къ землѣ не можетъ быть вмѣстѣ съ любовью къ Богу, а любовь къ тебѣ, къ Нему—одна! и потому я люблю тебя любовью, которой ничего нѣтъ выше, отдала бъ жизнь за одинъ взглядъ твой, люблю нашу разлуку, люблю наши страданія.... страдай, Александръ!

Ночь.

Со всѣмъ этимъ бываютъ мгновенья,—хотя очень рѣдко, но бываютъ,—меня вдругъ обдаетъ холодомъ, будто невѣдомая сила увлечетъ меня въ преисподнюю, но тотчасъ, въ ту же минуту улетаю въ рай. Самый ангелъ не устоялъ бы на моемъ мѣстѣ; представь себѣ дурную погоду, страшную стужу, вѣтеръ, дождь, пасмурное какое-то безъ выраженія небо, прегадкую, маленькую комнату. изъ которой кажется сейчасъ вынесли покойника, три старухи, заснувшія за картами и пробуждающіяся для одной глупости, для блиновъ или для нелѣпаго слова... и тутъ-то, съ ними-то провесть нѣсколько часовъ,

дней, мѣсяцевъ.... я ничего не вижу, не замѣчаю, но не знаю, что заставляетъ иногда меня взглянуть на *это*, кровь леденѣетъ, мнѣ кажется, я скоро задохнусь.... но, обернувшись туда, на сѣверо-востокъ, на отверзтые врата неба, на твои отверзтыя объятія — душа уже согрѣта и летитъ, летитъ и обнята небомъ, обнята тобою!..

8-е.

Я совсѣмъ было забыла о женихахъ, будто ничего и не было, да папенька напомнилъ; онъ пишетъ къ К. въ послѣднемъ письмѣ, что ежели я *заслужу* своимъ поведеніемъ — онъ дастъ мнѣ при замужествѣ десять тысячъ и вмѣстѣ съ этимъ предлагаетъ *кого-то*. Но, повидимому, меня съ тѣхъ поръ, какъ взяли—поили, кормили, одѣвали и учили только на словахъ, *такъ* и замужъ отдадутъ; ну, пусть же ихъ говорятъ!

Грустно мнѣ, ни о Emilie, ни о Сашѣ вѣсти нѣту, гдѣ онѣ, что? Не знаю болѣе мѣсяца. Кто бъ не сказалъ, глядя на меня теперь: «несчастная, со всѣмъ разлучена!» И всякій бы ошибся, — все со мною! По цѣлымъ часамъ друзья мои сидятъ вокругъ меня, и бесѣда наша пламенна, краснорѣчива, хотя и тиха.... но всѣхъ ближе ты со мною, ангелъ мой, всѣхъ чаще, дольше; онѣ передъ тобою, какъ звѣздочки передъ солнцемъ.

9-е.

Когда ты видишь меня во снѣ, проснувшись, неправда ли, хочешь сыскать меня, взять за руку и разсказать, что видѣлъ во снѣ, и чего-то ждешь и оглядываешься на подушку, не остался ли на ней тотъ образъ!... Такъ бы и я сжала твою руку, глядя въ твои очи, разсказала сонъ мой; о Александръ, о мой ангелъ, о моя жизнь! Порадуйся со мною, перекрестись со мною—я видѣла тебя во снѣ! Будто садъ, деревья прелестныя, какихъ не видала наяву, аллея, и тамъ ходили мы съ тобою, мы мало говорили, почти ничего, ты смотрѣлъ на меня, я на тебя.... зачѣмъ же проснулась я?...

Ты писалъ о смерти,—не боюсь я смерти, но когда вижу покойника, сердце полно болѣе нежели грустью, какое-то неопредѣленное, тяжелое, мрачное чувство обнимаетъ его, и тогда мнѣ страшно, что я такъ далеко отъ тебя, страшны холодныя объятія смерти; но когда не вижу ни гроба, ни могилы, покинула бъ землю, кажется, тогда бъ была ближе съ тобою.

Ночь.

Ты хочешь взглянуть на Востокъ, Индію, Египетъ — поѣдемъ, только послѣ Италіи, покажи мнѣ сперва страну поэзіи, любви, молитвы; я люблю природу, понимаю ее, преклоняюсь предъ величіемъ ея въ малости, покажи мнѣ ее — красавицу, съ морями, горами, вѣчно цвѣтущую, природу, поющую гимны, исполненную молитвы и любви, сходную съ нашею душою! О, мой Александръ! Третій годъ истекаетъ... 1834—іюля 20, третій годъ безпрерывной надежды и разувѣренья! Дай руку твою, поддержи голову мою, утверди сердце, укрѣпи. Другъ мой!.....

10-е.

Какъ было я ждала завтрашняго дня, сегодня хотѣла послать въ Москву, а вмѣсто того отложила еще до будущаго воскресенья. Твое послѣднее письмо отъ 9 іюня,—вотъ ужъ мѣсяцъ нѣтъ извѣстія.... Это ужасно. Иногда жизнь мнѣ кажется тяжелымъ сномъ, но это только, какъ долго нѣтъ отъ тебя, и тогда..... о тогда!! Какъ малъ человѣкъ, все ему надо матерьяльныя доказательства! Да, иногда я не смѣю сказать: твоя Наташа.

14-е іюля.

Жалуюсь тебѣ на себя; всѣ эти дни овладѣла мною тоска; три недѣли отъ тебя не получаю, даже выговорить тяжело, не только перенесть, а потомъ.... о, Александръ, повѣй на меня, ангелъ мой, вдохни силы, твердости,—иногда ихъ во мнѣ мало, очень мало. Нѣтъ, не лучше мнѣ нынѣшнее лѣто здѣсь; — я вовсе не хотѣла тебѣ писать этого—не могу! Давно обнимаетъ насъ вмѣстѣ радость и горе, пусть обниметъ вмѣстѣ рай или адъ!...

Вообразить себѣ нельзя, что это такое, хуже тюрьмы и цѣпей, тамъ свободно вздыхаютъ, молятся, я не могу глазъ поднять на небо. Повторяю, всѣ истязанія—мнѣ ничто, а ежеминутно, безпрерывно видѣть столько глупостей, гнусностей, ежеминутно и безпрерывно!... Мнѣ становится страшно съ ними, а, право, иногда *они* хуже самихъ себя! Я выхожу отъ нихъ больная, усталая, кажется, чуть жива; — портретъ бы твой, письмо бы твое—нельзя! уйти бы въ садъ, въ лѣсъ хоть, въ поле, въ мое любимое поле — я и пойду, но это шагъ за шагомъ, за *ними*, и тогда похоже ли это на отдыхъ? Нѣтъ, скорѣе на переходъ колодниковъ изъ тюрьмы въ тюрьму. Но я не совсѣмъ изнемогла, о нѣтъ! Будь въ десять разъ хуже (ежели можетъ быть хуже), душа не истощится; приготовясь къ пенямъ, къ моралямъ, упрекамъ, брани, я урвусь отъ нихъ, сбѣгу внизъ къ рѣчкѣ, сяду на послѣднюю ступеньку, чтобъ меня изъ дома не видали, отолью изъ сердца тяжелую горесть въ крупныхъ, горячихъ слезахъ, сложу у подножія престола *Его* съ груди камень, скажу громко—о ты вѣрно слышишь! Скажу: Александръ, и будто все перемѣнится кругомъ меня, во мнѣ; опустя глаза, долго я созерцаю тебя, забывъ землю и небо, потомъ медленно, съ благоговѣньемъ произношу: мой Александръ!... И новый міръ предо мною, новая жизнь во мнѣ, новая душа, о отецъ мой, мой жизнедавче!... Я бы провела тутъ нѣсколько сутокъ, не сходя съ мѣста, не поднимая глазъ, вотъ какъ та роза, третій день она стоитъ наклонившись и, кажется, молитвой вѣетъ отъ нея, но нѣтъ, вырываютъ, ведутъ въ тюрьму, къ *нимъ*..... прощай, мой ангелъ, надежда моя.

16-е.

Вчера меня послали гулять съ Макаш. Не взирая ни на что, я ушла отъ нея далеко, чтобъ не видать ее, не слыхать шелеста ша-

говъ ея, спряталась за дерево и долго стояла тутъ. Направо—солнце, влѣво—церковь, прямо—яхонтъ неба и изумрудъ полей; но не долго я ими любовалась, не долго чувствовала ароматный воздухъ вечера и прохладный вѣтерокъ, все исчезло!.. Александръ, я снова выросла; мнѣ необходимъ *взоръ на небо*; слетая на родину, я сношу съ собой оттуда надежду, силу, терпѣнье, сношу образъ ея, и онъ въ душѣ до тѣхъ поръ, пока снова не обрушится на меня земля со своими камнями и насѣкомыми. Чаще эти часы, чаще возвращеніе на родину, и меня пылинка не коснется. О, другъ, придетъ это *тогда*, и оно все будетъ *взоръ на небо, возвращеніе на родину*! Жду твоихъ писемъ, я получу ихъ наканунѣ *20-го*, наканунѣ того дня... но прощай же, руку!

Твоя Наташа.

Я надѣюсь на скорое свиданье съ Emilie; въ газетахъ читала, что тѣ, у кого она живетъ, ѣдутъ за границу, такъ она, вѣрно, не замедлитъ пріѣхать въ Москву, а оттуда какъ-нибудь ко мнѣ; эта мысль меня утѣшаетъ.

18-е.

Ѣдутъ. Еще тебѣ поцѣлуй, моя душа. Полинѣ, Эрну, Витбергу поклонъ отъ души.

3-е іюля 1837.

Ты въ деревнѣ, ангелъ мой, я сталъ немного спокойнѣе. Живите же дружно, ты и природа, вы обѣ такъ изящны, такъ хороши. Милая сестра, другъ мой! Ты отдохнешь эти два мѣсяца отъ гадостей ихъ, зачѣмъ не можешь склонить утомленную голову на мою грудь, отдыхать на ней. О Наташа, какъ бы я берегъ тебя, вѣтеръ бы не смѣлъ дунуть на тебя! Мнѣ, знаешь ли, что иногда приходитъ въ голову, ты слишкомъ небесна для земли, что въ то время, какъ я раскрою объятія, ты исчезнешь; это сходно съ твоей мыслью о смерти, съ твоей ненавистью къ тѣлу,—хорошо, ежели и я тогда умру, а разлука ужасна; но ты будешь оттуда свѣтить на меня, ты восторгъ пошлешь въ мою душу отъ подножія престола Его. Но какъ же я буду жить безъ моей души; я теперь считаю свою душу однимъ матерьяльнымъ выраженіемъ твоей души. Боже, Боже, какъ ты свѣтла, не ярко, не ослѣпительно, это бы подавляло—да ты теперь ужъ не человѣкъ. Я ничего хуже не могу себѣ представить, какъ тебя *моей женою* въ ихъ смыслѣ. Я въ тебя перенесъ все святое, все изящное, отъ тебя я жду одушевленія, твоя рука поведетъ меня землею, поведетъ на небо, и вдругъ *ты моя жена*. Будто высокое таинство бракосочетанія только для тѣла, тѣлу не нужно таинства, бракосочетаніемъ исполнится воля Бога, душа твоя и моя сольются въ *одну* душу, не твою и не мою, подъ благословеніемъ его. Приходи же благодатное время гармоніи и блаженства, не все же бороться! Люди, не отнимайте отъ меня ангела, подареннаго мнѣ Богомъ.

4-е іюля.

Ежели будетъ какая-либо возможность, я тотчасъ пришлю тебѣ J. Maestri; эта статья несравненно выше всего, писаннаго мною,—это живое воспоминаніе, горячій кусокъ сердца. Совсѣмъ чужіе люди были увлечены до слезъ—вотъ моя награда; но какая награда ждетъ, когда ты будешь ее читать. Не смотря на заклятіе, повѣсть опять бродитъ въ головѣ. Попробую. Я самъ чувствую, что перо мое стало слезнѣе, фантазія свободнѣе—рядъ страданій, рядъ опытовъ образовалъ его. Путешествіе должно служить мнѣ послѣднимъ окончательнымъ развитіемъ. Теорія все-таки мертва, своими глазами надобно видѣть, своей рукою дотрогиваться. И мы будемъ вмѣстѣ. Я буду смотрѣть на людей, ты на природу. Я буду слушать стонъ, ты—гимнъ. Это будетъ—клянусь, будетъ. Вѣдь много лѣтъ еще передъ нами.

6-е іюля.

Тьма странныхъ мыслей занимала меня весь день. Сначала думалъ я вотъ о чемъ: любовь есть единственно возможный путь къ возстановленію человѣка, именно, какъ ты нѣсколько разъ выражалась, два человѣка потерянные, другъ въ другѣ любовью составляютъ ангела, т.-е. выражаютъ во всей чистотѣ перваго человѣка, возвращаются къ тому единству, которое уничтожаетъ бореніе. Двойство—всегда бореніе. Богъ—единъ. Эгоизмъ тянетъ человѣка въ пропасть, надобно его уничтожить, тутъ два средства. Знаешь ли, кто только не эгоистъ? *Тотъ*, который смиренно лежитъ во прахѣ передъ иконой Спасителя съ полной вѣрою, *тотъ*, кто сладостный и грустный взоръ остановитъ на дѣвѣ съ чистой любовью. Тутъ погибаетъ это гордое, всепожирающее я. Итакъ христіанство и любовь, вотъ два дара, оставленные Богомъ падшему человѣку. За этой свѣтлой мыслью, мыслью вѣры и любви, слѣдовалъ рядъ мрачныхъ, холодныхъ, но я разскажу и ихъ. Что будетъ со мною, думалъ я, и холодъ бѣжалъ по членамъ, ежели черезъ много лѣтъ я скажу: «любовь—прелестная мечта юношества; но она не переходитъ, какъ и всѣ мечты, въ совершеннолѣтіе», и я утрачу любовь и вѣру. Тогда я извѣдаю все, что извѣдалъ падшій ангелъ. Или еще хуже, тогда и совѣсть не будетъ угрызать, тогда я сдѣлаюсь животнымъ. О, Наташа, какъ мрачна эта мысль, дьяволъ вдунулъ ее середь имени Христа и твоего.

Но я взглянулъ на твою душу и утѣшился. Нѣтъ, исчезай мысль ада, твоя душа тамъ нераздѣльна съ любовью, тамъ любовь, что нельзя ее себѣ представить безъ любви ко мнѣ. Тутъ мысль еще горчѣе явилась мнѣ. Зачѣмъ я свою душу могъ представить тамъ, зачѣмъ же я не могу подняться до того высокаго гармоническаго бытія, до котораго поднялась ты? Зачѣмъ я человѣкъ, когда ты ангелъ? Твое присутствіе мнѣ необходимо, ты отогнала бы однимъ взглядомъ, дыханіемъ эти нелѣпости, а я ими мучился весь день. Тебѣ, тебѣ назначено меня спасти и отъ моихъ страстей, и отъ моихъ черныхъ думъ, въ твоей

душѣ онѣ и возникнуть не могутъ, она такъ чиста, такъ чиста, а моя... что была бы она, ежели-бъ ее не просвѣтила любовь къ тебѣ, вѣчная битва высокаго порыва и низкаго влеченія и кто побѣдилъ бы? Вѣрно не высокое, потому Господь, жалѣя меня, и послалъ тебя. Дай же прижать твою руку къ устамъ, къ груди!!

Я беру уроки въ нѣмецкомъ языкѣ у сосланнаго сюда доктора богословія Бетгера, чрезвычайно ученаго человѣка; хочу писать по-нѣмецки, какъ по-русски. Кстати, я спрашиваю Егор. Ив., имѣетъ ли онъ возможность доставить тебѣ тетради и книги тайно отъ нихъ, тогда я пришлю свои статьи, нѣмецкій лексиконъ и стихи Шиллера.

7-е іюля 1837 г.

Сейчасъ получилъ твои письма отъ 11 изъ Москвы, и отъ 26 изъ Загорья. Я ждалъ ихъ и не ошибся, минутное мрачное направленіе прошло по душѣ твоей, какъ тучи по небу — и вотъ это небо опять ясно, опять свѣтитъ мнѣ и вливаетъ силы. Да, надобно сознаться: въ нашихъ страданіяхъ больше блаженства, нежели горести. Душа какъ-то обширно развертывается и гордо съ пренебреженіемъ смотритъ на усиліе людей ее обидѣть. Бываютъ минуты, обида палитъ, жжетъ, но не оставляетъ черты, «какъ желѣзо, пройдя по брильянту, царапаетъ самого себя» (J. Maestri). Разлука, тюрьма, гоненіе—это все не въ самомъ дѣлѣ несчастіе или только несчастіе въ понятіи людей, у которыхъ счастье значитъ много денегъ, хорошій обѣдъ. Мы можемъ стоять выше, должны! Даже бѣдность, самый ужасный бичъ изъ всѣхъ *наружныхъ*—я не назову рѣшительно несчастьемъ. Но вотъ несчастіе—пятно на душѣ, угрызенье совѣсти. Ты никогда не узнаешь что такое. Видала ли ты, ну, хоть вора, котораго уличаютъ— его положенье, хотя онъ и вывернется; но посмотри на глаза, посмотри на лицо. А кто крадетъ цѣлковый, похожъ ли тотъ на крадущаго душу, на крадущаго будущее спокойствіе? *Это несчастіе.* Пусть раскаянье сколько-нибудь утѣшаетъ, да каково вынести. Другое я никогда не испыталъ и, Богъ милостивъ, кажется, не испытаю. Это—мало-по-малу загрубѣть, предаться толпѣ, забыть все высокое, жить долго въ этомъ снѣ, потомъ проснуться и увидѣть, что ужъ воротиться некогда, что практическая жизнь кругомъ бросила тенеты и что надобно дотащиться по этому болоту до могилы—это должно быть безъ мѣры ужасно. Изъ всего этого только то видно, какъ богато надѣлилъ Господь душу человѣческую: высшее блаженство и высшее несчастіе не внѣ его, а въ немъ, и слѣдственно отъ него зависитъ, умѣй только понять это и твердо дѣйствуй, понявши. А тутъ-то и бѣда. Ты, молитвой воспитанная, далекая отъ людей, одаренная небесной кротостью и добротою, пришедшая прямо изъ дѣтства въ объятія любви пламенной и чистой, какъ утренняя звѣзда, и ведущей тебя, какъ утренняя звѣзда,—тебѣ легко идти тѣмъ путемъ. А кому, какъ мнѣ, она, звѣзда, явилась послѣ ночи, проведенной въ бурной оргіи, явилась

и спряталась за тучу,—тому нужна вода священнаго Гангеса, чтобъ омыть пятна прежде, нежели ступить на священную землю индусовъ.

Надежда на возвращенье сильнѣе и сильнѣе, кажется, не сѣверное сіяніе, а заря. Но гдѣ же Геснеръ, твоя любимая звѣзда, ее еще нѣтъ, гдѣ же эта Венера золотая. Знаешь ли, что древніе греки называли твою любимую звѣзду утромъ Геснеромъ—надеждой, а вечеромъ Венерой—любовью; вотъ народъ, который былъ поэтъ и художникъ, какъ никогда не было народа больше музыкальной Италіи.

Ежели буду въ Москвѣ, то непремѣнно буду въ твои именины въ Загорьѣ, а въ самомъ дѣлѣ, по строжайшей математической теоріи вѣроятностей, я не долго останусь въ Вяткѣ. Прощай, милая, прелестная подруга. Прощай, цѣлую тебя, твои уста, твои руки. Прощай.

Я пишу теперь письмо изъ Вятки—это карикатура. Слѣдственно не по твоей части. Давно собирался я сдѣлать важную поправку, ты всегда меня воображаешь съ сигарой, а я уже больше года не курю сигаръ, а курю турецкій табакъ. Прошу поправить и вмѣсто маленькой сигары вообразить длинный, черешневый чубукъ. Прощай же!

10-е іюля 1837 г.

Вотъ что еще мнѣ въ голову пришло, ангелъ мой; ежели тебя будутъ мучить слишкомъ женихомъ и ежели онъ сколько-нибудь благородный человѣкъ, что̀ предположить въ военномъ и богатомъ можно, пиши къ нему письмо—разумѣется, въ крайности—скажи ему прямо, что ты любима, что ты любишь, проси его не мучить тебя, проси молчать.

Ежели я буду въ Москвѣ, такъ заботиться ни о чемъ, это мое дѣло. Я самъ явлюсь къ нему и той силой, которая есть у меня въ характерѣ, заставлю его отказаться.

Ежели и новыя надежды такъ же обманутъ, то это будетъ чудо, самымъ холоднымъ образомъ разсматривая всѣ вѣроятности въ мою пользу. Вниманіе Наслѣдника, его свиты, Жуковскаго съ одной стороны, желаніе графа Бенкендорфа помочь, стараніе здѣшняго жандармскаго штабъ-офицера и *три года*—вотъ на чемъ опираюсь я. Но не думай, что я теперь, какъ прежде, безотчетно отдавался мечтѣ о скоромъ возвращеніи, нѣтъ, я отталкиваю эту мысль, чтобъ не пришлось опять со слезою вырвать ее изъ сердца. Я имѣю вѣсти изъ Петербурга отъ 25 іюня—ежели онѣ вполнѣ справедливы, то каждый почтовый день я могу ждать Высочайшаго повелѣнія, и жду съ трепетомъ. При одной мысли—можетъ надняхъ я буду собираться въ путь, сердце бьется, руки дрожатъ и потъ выступаетъ на лицѣ. Все это возвращеніе, вся дальнѣйшая жизнь мнѣ ничего не представляетъ, какъ черты моего ангела. Нѣтъ, прочь отъ меня все, одна любовь, одна любовь! О, Наташа, мы будемъ счастливы, больше нежели счастливы. Всѣ эти временныя гадости исчезнутъ, и одинъ лучъ свѣта проникнетъ нашу душу, нашу жизнь!

14-е іюля.

Я прибавилъ въ мою статью «Мысль и Откровеніе» сонъ и въ немъ въ идеалъ религіи перенесъ твои черты, даже твое имя, ты сдѣлалась тамъ нераздѣльна съ каждой мечтой моей, съ каждой мыслію, — свѣтлая, ангельская душа. Ты вспоминала, какъ я въ саду сидѣлъ съ Огаревымъ, я вспомнилъ какъ еще въ томъ домѣ, гдѣ жила княжна Анна Борисов., ты меня много разъ водила въ садъ, кормила смородиной; ты была тогда ребенокъ—прелестный ребенокъ; потомъ вспомнилъ тебя у насъ въ саду, ты стояла на маленькой террасѣ изъ моей комнаты, а я и Пименовъ внизу—помнишь—тогда ты уже перестала быть ребенкомъ, тогда не доставало только этой пламенной любви, чтобъ посвятить тебя въ дѣвы. Я не могу отдѣлить воспоминанія всѣхъ свѣтлыхъ праздниковъ отъ тебя. Помнишь ли, я былъ еще гораздо моложе, на Святой я пріѣхалъ къ вамъ, хотѣлъ было христосоваться съ тобою, и какой-то стыдъ остановилъ меня — я вспыхнулъ въ лицѣ, подходя къ тебѣ, и не смѣлъ поцѣловать.

Страшно говорить, а, кажется, мое возвращеніе не подвержено никакому сомнѣнію, опять тотъ святой трепетъ захватываетъ душу. Я увижу *ее*, ту сильную, пересоздавшую меня, ту высокую, о которой три года мечталъ я. Наташа, я буду блѣденъ при нашемъ свиданіи, я всегда блѣднѣю, получая письма отъ тебя; когда увижу, о Господи, и буду жать ея руку и прижму ее къ груди моей, къ груди, которая такъ сильно рвалась къ тебѣ. Здѣсь радость освобожденія будетъ отравлена, я спрячу душу свою какъ можно дальше и, уже переѣхавъ за границу Вятской губ., сброшу съ себя все земное и передамъ чистому, святому восторгу, сдѣлаюсь юношей тѣмъ, которымъ былъ 9 апрѣля. Мед. должна меня забыть, никогда луча надежды на будущее я не подавалъ ей, въ этомъ я чистъ. И любовь ея—какая непомѣрная разница съ нашей любовью, это—любовь женщины, женщины, которая была замужемъ за старикомъ, которая ненавидѣла мужа. Любовь матерьяльная, въ ней есть поэзія; но выше женщины не только какъ ты, но какъ Полина, она не можетъ надѣяться. Сверхъ того знаешь ли ты, что одна капля сала портитъ цѣлый сосудъ воды, сальное пятно исключаетъ всякую чистоту, всякую святость любви, а гдѣ тутъ была чистота? Ей хотѣлось имѣть молодого чичисбея, и не меня завлекла, а сама завлеклась. Жаль мнѣ ее: пять лѣтъ жизни, годъ разлуки съ тобою, все отдамъ для ея спокойствія, ибо я виноватъ, я увлекся самолюбіемъ, я, видѣвши сначала, что она можетъ пасть, не поддержалъ, а столкнулъ ее. Я не могу видѣть ее безъ угрызенія совѣсти, каждая слеза ея дешевле стоитъ ей, нежели мнѣ. Она именно черное начало моей жизни. Вотъ каковы необузданные поступки. Зато Полина—что это за милое, исполненное поэзіи существо, какъ дѣтская простота въ ней соединена съ огненной душою! У насъ нѣтъ другого разговора, какъ о тебѣ, мнѣ надобенъ человѣкъ, съ кото-

рымъ я могу говорить о тебѣ, и она понимаетъ. Скоро выйдетъ она замужъ, желаю имъ счастья; и она, и Скворцовъ достойны его!

Когда я поѣду, сдѣлаю себѣ маленькую тетрадку и буду записывать всѣ чувства, всѣ думы при приближеніи къ тебѣ; пріѣхавши, пришлю ее, какъ послѣднее письмо изъ дали. Впрочемъ, Наташа, мы и въ Москвѣ будемъ переписываться, вѣдь намъ нельзя будетъ часто видѣться, да и при свиданіи нельзя много говорить, будемъ писать. Прощай, моя восточная звѣздочка Геснеръ, Афродита. Прощай.

Твой Александръ.

16 іюля 1837 г.

Онъ взялъ чашу и сказалъ: это дѣлайте въ мое воспоминаніе! Безпредѣльная любовь его къ ученикамъ чувствовала, какую сладость для души имѣетъ воспоминаніе минутъ душевнаго увлеченія, самой грусти. Можетъ, воспоминанія утраченнаго блага—горьки, я не испыталъ этого, мое благо—твоя любовь, такъ неотъемлемо моя, такъ что я не могу ее отдѣлить, даже для примѣра, отъ своей жизни. А что же я могъ потерять, кромѣ ея. Да, сладостны и священны минуты, подаренныя покойнику—прошедшему, образы знакомые выходятъ изъ могилы и, какъ духи, лишенные своей вещественности, плаваютъ, летаютъ середи этой тверди. Вторая половина іюля привела меня къ этимъ мыслямъ, вотъ третій разъ приближается 20 іюля, и уже за нѣсколько дней душа живетъ подъ вліяніемъ памяти. Что *важнаго* было въ этой прогулкѣ по кладбищу? По *ихнему* ничего, да у нихъ важно только представленіе къ чину. А эта прогулка—свѣтлая полоса въ рамѣ черной, въ рамѣ кладбища. Я не зналъ тогда, что за чувство меня связывало съ тобою, но симпатія наша была безпредѣльна, мы другъ на друга не могли насмотрѣться, какъ бы предчувствуя три черные года разлуки; я, лишенный тогда друга, обратился весь къ тебѣ, я провожалъ карету, въ которой ты уѣхала, взорами любви братской, той же любви, какъ встрѣтилъ тебя 9 апрѣля. Прости мнѣ, что я разсказываю третій разъ одно и то же; мнѣ такъ хорошо при этихъ воспоминаніяхъ. Вотъ эта ночь—въ самомъ дѣлѣ ужасная, когда меня взяли. Душа, утомленная горестью, очищенная прогулкой съ тобою, требовала отдыха; я спалъ мервымъ сномъ. Вдругъ меня будятъ—бѣлый султанъ, шпоры, холодныя слова, я такъ оставленъ, такъ одинокъ, а тутъ слезы старика, отвыкнувшаго обнаруживать свои чувства, а тутъ слезы матери, почти лишенной чувствъ. Я состарѣлся въ эту минуту. На другой день усталый, избитый, измученный, я спалъ цѣлый день въ заключеніи и, когда проснулся, ты, ангелъ, первая явилась святой утѣшительницей—я написалъ записку поздравительную княгинѣ, для того чтобъ хоть поклонъ послать тебѣ. Потомъ ты промелькнула мимо моихъ оконъ; о Господи, какъ сильно билось у меня сердце, когда за каменной оградой, скованной стѣнами, я смотрѣлъ на тебя! О, я любилъ тебя уже страстно, все еще не давая себѣ отчета.

А тутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ я, какъ ты была въ обморокѣ, когда услышала печальную вѣсть — тогда я понялъ всю силу твоей любви, тогда я понялъ, что я для тебя все, слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ.—О, въ эту минуту какъ пламенно я прижалъ бы тебя къ груди, какъ я поблагодарилъ бы за этотъ обморокъ!—Потомъ для тебя писалъ легенду; видишь ли, какъ вездѣ ты, какъ всѣ воспоминанія примыкаютъ къ тебѣ! А твои записки туда, въ которыхъ не было слова люблю, но была любовь, и злая судьба ни одной не дозволила сохранить. Я радовался твоему обмороку—ты обручила имъ жизнь свою и мою. Но все еще такъ чисто, такъ безтѣлесно было мое чувство, но все еще не нашелъ любви больше братской, и не черезъ нѣсколько ли мѣсяцевъ я могъ отдать себѣ отчетъ въ 9 апрѣлѣ. Надобно, чтобъ между торжественной минутой нашей жизни протѣснилось сколько-нибудь холоднаго времени, чтобъ дать себѣ отчетъ, чтобъ осмѣлиться его потребовать. Помнишь, Сазоновъ былъ 9 апрѣля у меня; когда ты уѣхала, онъ мнѣ сказалъ: «Ta cousine, Alexandre, est belle, comme un ange, et comme elle t'aime!»

Я спряталъ лицо въ подушку—но не плакалъ: я больше былъ радостенъ, нежели грустенъ. Сверхъ всѣхъ правъ, за одно это замѣчаніе Саз. мнѣ другъ на всю жизнь. Часто, часто обращаю я взоръ на мою скверную комнату въ Крутицѣ. Священна она для меня, какъ бы желалъ я быть тамъ, я цѣловалъ бы полъ, стѣны, жандарма и то окно, въ которое я смотрѣлъ, когда ты ѣхала по Пречистенкѣ: все это родное, близкое. О, Наташа!

Вчера пришло мнѣ въ голову: ежели бъ государь дозволилъ мнѣ жить, гдѣ хочу, не въѣзжая въ столицы, я бы пріѣхалъ въ Загорье. И, можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ были бы мы вмѣстѣ. А послѣ—послѣ можно бы умереть, даже не видавши Италіи. Въ сторону всѣ прочія, прежнія мечты подъ клеймомъ самолюбія и эгоизма. Ты мнѣ нужна—больше ничего не нужно. Скажи, чѣмъ ты хочешь меня—и я тѣмъ сдѣлаюсь; хочешь ли славы, я пріобрѣту ее и брошу къ ногамъ твоимъ, хочешь ли, чтобъ весь родъ человѣческій не зналъ, что я существую, чтобъ мое существованіе все было для одной тебя. Возьми его, оно твое, и все будетъ мало, чтобъ вознаградить блаженство, которое ты дала мнѣ. Но тебѣ и не нужно вознагражденія. Ты любима! Да, ты можешь сказать, что ты любима! Свѣтлая минута теперь въ душѣ моей, ахъ, лишь бы слѣдомъ за ней не шла туча, лишь бы воспоминанія святыя не довели до воспоминаній проклятыхъ. Прощай, Natalie. Прощай, сестра!

Спустя полчаса.

Ангелъ мой! Долго сидѣлъ я теперь надъ этимъ мѣстомъ, и душа была съ тобою, слеза скатилась съ глазъ, и я сложилъ руки и, поднявъ къ небу глаза, молился, и благодарилъ Бога за тебя; о, какъ много Онъ мнѣ далъ! Не смѣю уже ни о чемъ болѣе его просить. Что

ты, ангелъ, теперь дѣлаешь, для меня была святая минута 16 іюля въ 11 часовъ.

21-е іюля.

Другъ мой! Какъ грозно вспоминалъ я нынче ту ужасную ночь, когда меня взяли. Съ вечера началась гроза, а въ два часа ужаснѣйшій градъ съ шумомъ, трескомъ и свистомъ выбилъ у меня всѣ стекла. Какъ величественна разъяренная природа! Молнія безпрерывно раздирала мракъ, громъ грохоталъ, и градъ въ грѣцкій орѣхъ билъ, какъ камень, пущенный сильной рукой. Опасно было стоять въ комнатѣ, стекла и градинки сыпались. Такова была въ 1834 году душа моя, и, признаюсь, я радовался нынче на эту бурю, какой впрочемъ и въ жизнь мою не видывалъ. Весь городъ точно послѣ штурма. А ты, ангелъ, какъ провела эту ночь? Думала обо мнѣ, и я былъ съ тобою. Русское повѣрье объ Ильинѣ днѣ сбылось.

А сегодня опять свѣтло и тихо. Природа, какъ мощный человѣкъ, сердится, но не извиняется ни передъ кѣмъ,—ей дѣла нѣтъ до человѣческихъ отношеній. Нынче, три года тому назадъ, ты узнала страшную вѣсть. А несчастіе ли это постигло тогда меня? Не знаю. Я выросъ, я лучше понялъ себя и тебя, я узналъ людей, я юношей удалился изъ дому и совершеннолѣтнимъ возвращусь въ него. Ты знаешь, ангелъ, сколько сходнаго въ нашихъ страданіяхъ. Въ 1835 году ты писала мнѣ сюда, что въ этотъ день узнала ты, что такое несчастіе; съ тѣхъ поръ ты могла убѣдиться, что и въ этомъ несчастіи есть блаженство святое,—тогда воспоминаніе было слишкомъ близко. Ежели Провидѣнію угодно будетъ отдать въ скоромъ времени меня тебѣ, ежели въ самомъ дѣлѣ къ осени я поѣду въ Москву, то, какъ ты думаешь, не заѣхать ли мнѣ въ Загорье прежде Москвы. Для этого потребно, чтобъ оно было не болѣе 5 верстъ отъ тракта (иначе пап. разсердится, и начну съ непріятности), а кажется, по той же дорогѣ; въ какую заставу вы ѣздите, не въ Рогожскую ли? Но я боюсь за тебя и потому я прислалъ бы передового мужика съ запиской, а послѣ, покуда закладывать на станціи будутъ коляску, явился бы верхомъ на крестьянской лощади. Напиши, какъ думаешь? А можетъ, это и скоро. Но лучше не очень полагаться. Прощай.

Душа моя, прощай. Прощай. Александръ.

Полина скоро вѣроятно будетъ m-me Scworzow. Слава Богу, она будетъ оцѣнена мужемъ.

Загорье. 1837. Іюля 20-е.

Вотъ и этотъ день насталъ, черезъ нѣсколько часовъ минетъ три года! Александръ, черезъ нѣсколько часовъ минетъ *три года разлуки съ тобою*!.. и ты говоришь теперь: «Наташа, три года разлуки съ тобой...» Въ памяти являются картина за картиной послѣднихъ часовъ съ тобою, за этимъ 9 мѣсяцевъ—ночь, одна темная, безотрадная, беззвѣздная ночь, въ которую не видно, что́ небо, что́ земля; да, такъ

черное горе обнимало тогда мою душу, что я не чувствовала земли и забывала небо. Вдругъ девятое апрѣля, что еще сказать о немъ? Послѣ 16 лѣтъ сна, послѣ 9 мѣс. смерти—полная жизнь!! едва открыла глаза—увидѣла гробъ, едва начала жить—невыносимая горесть задернула точно и то неясное небо, тутъ вдругъ Богъ и ты!.. Разлука? Но вѣдь ты говорилъ: «*тамъ* награда, *тамъ* вѣчность, *тамъ* Богъ!» будто мы раздѣлены съ небомъ, и надобно умереть, чтобъ быть *тамъ*, тогда какъ все это *тамъ—здѣсь*, въ насъ самихъ! такъ и я, говоря тебѣ: «когда увижу тебя»—уже съ тобою, въ тебѣ и ты во мнѣ! Со всѣмъ этимъ я не знаю, что было бы со мною *сегодня*... но вчера отъ тебя *три* письма! О, мой Александръ! не умѣю, не могу тебѣ ничего сказать болѣе, и что же у меня болѣе?.. Едва успѣла я прочесть *всѣ* письма, началась всенощная, хотя домашняя служба рѣдко бываетъ похожа на молитву, но и это *напряженіе молиться* такъ было кстати. Потомъ ночь, и я все читала и читала твои письма (всю бы жизнь я могла только читать твои письма!); погасивъ свѣчу, при свѣтѣ лампады смотрѣла на твои письма, долго смотрѣла и заснула съ ними. Теперь и ты уже всталъ; можетъ, пишешь ко мнѣ, о мой Александръ!..

22-е.

Два дня прошли скучно, томительно, *посторонніе*—и довольно, чтобъ я утомилась послѣ нѣсколькихъ минутъ уединенія—блаженства! И какъ не устать, глядя безпрерывно на толпу дѣтей, которыя безъ цѣли, даже безъ удовольствія, шумятъ, кричатъ, ломаютъ и маранотъ все, что близко ихъ, наконецъ бросаются пескомъ, засыпаютъ имъ себѣ и другъ другу глаза—вотъ что для меня эти совершенно посторонніе. Жду не менѣе скуки и сегодня. Да, хорошо бы еще, если бъ только глядѣть на этихъ *дѣтей*, а когда заставляютъ быть въ серединѣ ихъ, дѣлать, что и они?.. это ужасъ!

Ахъ, если бъ была возможность запереться мнѣ хоть въ какомъ-нибудь чуланѣ и цѣлый день, и цѣлую ночь читать твои письма и писать тебѣ! Ангелъ мой, Александръ, ты въ мои именины?.. нѣтъ, нѣтъ, не надѣюсь, что такъ скоро, только мѣсяцъ остается... какъ забьется у меня всегда сердце при этой мысли; ежели она явится среди разговора, я замолчу и выйду, не могу скрыть волненья и восторга, которое озаритъ мое лицо, даже въ голосѣ выражается.

Вечеръ.

Еще миновался тяжкій день, вечеръ его выкупилъ,—я читала твое письмо къ К., и тамъ повторяешь о надеждѣ. Неужели, неужели, ангелъ мой?!.

23-е.

Не могу теперь съ полнымъ, съ совершеннымъ удовольствіемъ писать къ тебѣ; мысль—разскажу сама—подавляетъ его. Со вчерашняго вечера не могу придти въ себя: невыразимое чувство, Александръ,—какъ будто черезъ мѣсяцъ я вознесусь туда, къ Богу Отцу; все ка-

жется такъ мало, такъ ничтожно... вся земля съ пылинку. О, Александръ! какъ полно сердце, какъ волнуется грудь, душа свѣтла! Просто я не могу ничего дѣлать, даже писать; прощай, какъ ни страшно теперь это слово, раздиравшее прежде душу. Ангелъ мой, я тебя увижу! Неужели въ самомъ дѣлѣ увижу тебя? О, страшно, я такъ мала, такъ ничтожна, какъ мнѣ предстать предъ тобою? Такъ близко къ солнцу я сгорю, я превращусь въ прахъ, въ тьму. О пусть, пусть, лучше погаснуть предъ тобою, нежели свѣтить безъ тебя...

Другъ мой, ангелъ, Александръ! Нѣтъ, ничего у меня нѣтъ болѣе въ душѣ, въ мысляхъ, ничего не льется съ пера — я увижу тебя скоро!!!..

Вечеръ.

Что тебѣ, другъ, показалось такъ страшно, что я потеряла *вѣру въ наше соединеніе*? Развѣ мы можемъ быть еще тѣснѣе, ближе? Нѣтъ, слѣдственно мы соединены, а мнѣ казалось невозможнымъ согласіе папеньки; казалось, что я еще долго проживу у К., теперь опять все перемѣнилось, не могу ничего придумывать мрачнаго и почти увѣрена, что съ пріѣздомъ твоимъ перемѣнится все. Да и должно быть такъ, я не буду въ состояніи скрывать тогда. Ахъ, какая мысль! Если бъ будущее лѣто... но что Тебѣ невозможно, Всемогущій! Ну, право, Александръ, нѣтъ въ свѣтѣ счастливѣе меня, нѣту, нѣту... если бъ душу мою раздѣлить на нѣсколько милліоновъ людей, и тогда бъ каждый изъ нихъ былъ невыразимо счастливъ, а я... да... что же говорить, зачѣмъ? Это все еще земля, все человѣческое въ насъ, намъ не нужно говорить...

24-е.

Что за мысль, ангелъ мой, посѣтила твою душу, вотъ страшная, вотъ о какая мысль!.. я невольно вздрагиваю, вспоминая о ней. *Тебѣ потерять вѣру и любовь*! Никакъ не могу я представить этого живо, а и то отъ ужаса ломитъ грудь. «Ты не переживешь любовь», сказалъ мнѣ голосъ съ неба.—«Ты не переживешь любовь», говорю я тебѣ. Прежде я могла вообразить, какъ бы ты пересталъ меня любить, какъ бы я тайно, невидимая тобою, была всегда близко тебя, какъ бы изъ праха, изъ бездны горестей и страданій я возсылала чистую, пламенную молитву о тебѣ къ Богу; потомъ, перемѣнившись отъ лѣтъ, отъ изнуренія, увѣрившись, что воспоминаніе обо мнѣ совершенно умерло,— пошла бы служить тебѣ, и, наконецъ, не могши долго перенести такого блаженства, въ восторгѣ умерла у ногъ твоихъ. Теперь не могу вообразить этого; знаю, ты разлюбить не можешь, вѣрю этому, какъ тому, что есть Богъ. О, избави, Господи, чтобъ подобная мысль явилась тебѣ опять когда-нибудь!

Не переживемъ любовь! Не переживемъ любовь! Нѣтъ, вмѣстѣ, рука съ рукой, душа съ душой станемъ предъ *Нимъ*, вмѣстѣ пойдемъ одесную и ошую! Вотъ до *какой* степени ты возвысилъ мою душу (или, ужели это земная гордость?), я не могу себя представить съ тобою

тамъ на сторонѣ грѣшниковъ. И можно ли?.. О! нѣтъ, нѣтъ, мой Александръ! Только грудь Бога будетъ изголовьемъ той, которая склонится на твою грудь! Только Его объятья примутъ ее изъ твоихъ! Когда такое блаженство теперь, когда теперь столько святости, а тогда?.. Посмотри на небо, сколько обѣщаетъ оно тебѣ... вѣрь же, ангелъ моій, душа моя не бѣднѣе, о, любви въ ней болѣе, нежели лазури въ небѣ!..

25-е.

Александръ, менѣе ли отражается небо въ морѣ бурномъ, волнующемся, пѣнящемся, нежели въ чистомъ, тихомъ ручейкѣ? Море сильно, могуще, оно со дна своего вздымаетъ песокъ и сокровища къ небесамъ и выбрасываетъ ихъ на берегъ, а сколько носитъ оно на волнахъ!.. я воображаю его ночью... каждая волна, вырвавшись изъ груди его, отражаетъ луну, звѣзды, въ каждой волнѣ цѣлый міръ, а сколько волнъ на морѣ, во сколько разъ умножается въ немъ небо!.. а бѣдный ручеекъ—онъ тихо, скромно, катитъ свои струйки, отражаетъ малую часть неба, не имѣетъ силы и одной песчинки выбросить на берегъ... а песокъ и земля въ немъ есть, какъ и въ морѣ. Ты похожъ на это море, я—на ручеекъ, и ежели я ангелъ, менѣе ли ты?..

Вечеръ.

Ровно мѣсяцъ остается до именинъ моихъ; послѣ трехъ лѣтъ разлуки это немного; итакъ черезъ мѣсяцъ, черезъ мѣсяцъ я съ тобою! Ахъ, если бъ послѣ взора на тебя, я бъ не увидѣла здѣшнихъ мѣстъ, здѣшнихъ людей! Впрочемъ, пусть тогда все будетъ, что Богу угодно, тогда на землѣ мнѣ нечего *болѣе* ждать. Но пріѣдешь ли? Какъ тѣсно въ груди, какъ тяжело дышать... еще цѣлый мѣсяцъ... нѣтъ это слишкомъ много... сейчасъ, сію минуту! Знаешь, душа моя, когда я съ тобою бываю такъ близко, такъ долго, долго... опомнясь, оглянусь—тебя нѣтъ со мною—какъ сдѣлается мнѣ страшно, боюсь глядѣть болѣе, боюсь говорить, сдѣлать малѣйшее движенье, будто неожиданно меня бросили въ мрачное, сырое подземелье. О Александръ! О Александръ!..

Ты говоришь о монастырѣ,—да, ничего бы не могло быть лучше предъ твоимъ пріѣздомъ для меня, какъ бы удалиться на нѣсколько времени *вовсе* отъ *міра*, но это невозможно, меня изъ тщеславія не пустятъ. А къ Аннѣ Ал. и къ Ал. Ал. ни за что на свѣтѣ! Нѣтъ, нѣтъ, довольно и отсюда мнѣ видно людей, да и мнѣ кажется, будто отсюда ближе до тебя. Пусть они продолжаютъ свои глупости, что намъ до того? *Онъ* сочеталъ души, а чтобъ *они* воспрепятствовали идти рука съ рукой!

Слава Богу, что Мед. теперь покойнѣе, врага ея нѣтъ, но есть ли друзья у нея? Что будетъ она, ея дѣти? Мы не должны забывать это семейство.

26-е.

Что было бы со мною, ангелъ мой, если бъ я была съ тобою тамъ,

на высокой горѣ, гдѣ ты встрѣтилъ восходъ солнца? Нѣтъ, я не могу представить себѣ будущаго, оно для меня такъ же непостижимо, какъ вѣчность, какъ Онъ. Теперь жизнь моя, не знаю, на что похожа, всякій, не зная души моей, проведя здѣсь хоть день, сказалъ бы, что это нѣчто въ родѣ ребенка, который цѣлый день перебираетъ игрушки, лоскутки и бродитъ безъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть глупѣе, даже не похоже на деревенскую жизнь, какія-то все нелѣпыя препятствія даже гулять. Все пройдетъ; все пройдетъ...

Ежели ты пріѣдешь скоро, то ужъ зачѣмъ же затруднять Ег. Ив. тетрадями и книгами, хотя я съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду твоихъ статей. Привези самъ, самъ и прочти ихъ твоей Наташѣ. Когда я теперь, далеко отъ тебя, среди чужихъ, угнетенная, связанная, забываю землю и весь міръ *съ тобою*, что же будетъ *тогда, тогда?* Какъ я отгадала, Emilie ужъ въ Москвѣ, и мнѣ кажется, я увижу ее здѣсь.

27-е.

Есть оказія—еще тебѣ словечко, еще поцѣлуй, мой ангелъ, мой Александръ, и прощай! Твоя Наташа. Близко, близко августъ.

25-е іюля 1837.

Прошлое письмо мое отъ 21 іюля, другъ мой Наташа, было все наполнено восторгомъ воспоминанія. Нынче опять душа вяла, утомлена. Фу, какъ гадко, несносно цѣдится это время разлуки и заточенія въ дальнемъ краю. Ждешь, ждешь... И придетъ лучъ надежды, играетъ, свѣтится и исчезнетъ, а между тѣмъ легкомысліе души хватается за него съ такою нѣжностью. Наташа, я долженъ быть скоро возвращенъ, потому что мнѣ разлука съ тобой дѣлается нестерпимой, мучительной болью; потому что здѣшняя жизнь мнѣ опротивѣла... Теперь опять не занимаюсь, гадко дотронуться до чего-нибудь, все это такъ мелко, школьно, неудовлетворительно. А любовь—она удовлетворяетъ всему, она наполняетъ всю душу; но для этого мнѣ надобно видѣть тебя, жать твою руку, пить свѣтъ твоихъ глазъ, воздухъ твоего дыханья. Уѣду за городъ сегодня на цѣлый день. Тамъ, подъ чистымъ небомъ, помечтаю о тебѣ, ангелъ! Какъ бы не сбылось твое пророчество, что все это одни комплименты, очень пріятные для уха и очень безполезные для дѣла.

Ты писала какъ-то мѣсяца два тому назадъ, что это недостатокъ характера—иногда быть высокой, самоотверженной, иногда грустить, унывать. Но человѣку не дано столько силы, чтобы всегда становиться бодро и смѣло противъ обстоятельствъ и всегда быть выше ихъ. Это невозможно. Самая пламенная вѣра допускала иногда звукъ отчаянной печали и нѣмой боли. Это однообразіе проклятое, глупое, вседневное, иногда застаетъ душу въ расплохъ, и душа скорбитъ, понимая какое блаженство для нея открыто на землѣ еще, и какъ обстоятельства холодной рукой отталкиваютъ его.

27 іюля.

Я началъ новую статейку, не знаю, выйдетъ ли толкъ, а основа не дурна. Я ужъ говорилъ какъ-то, что нѣтъ статей, болѣе исполненныхъ жизни и которыя бы было пріятнѣе писать, какъ воспоминанія. Облекая эти воспоминанія во что угодно, въ повѣсть или другую форму, всегда они для самого себя имѣютъ особый запахъ, пріятный для души. Половина лицъ въ лучшихъ поэмахъ образовалась такъ, сверхъ того лицо существующее имѣетъ какую-то непреложную реальность, свой рѣзкій характеръ потому самому, что оно существуетъ. Да и для чего-же душа будетъ терять впечатлѣнія, коимъ она подверглась въ жизни, ежели только эти впечатлѣнія достойны не быть потраченными. Повѣсть лучшая форма, но это не мой родъ; доселѣ повѣсти плохо выходятъ у меня; но разсказъ, простой разсказъ—это дѣло мое, я легко переношу свой пламенный языкъ на бумагу, и такъ я намѣренъ разсказать мое знакомство съ Полиною, она утѣшала меня въ горькія минуты, я съ ней сблизился во имя Наташи,—стало, она достойна имѣть страницу моего пера. Да сверхъ того въ ней есть поэзія, и въ нашей дружбѣ есть поэзія, а жизнь скоро приметъ другое направленіе, надобно статьею отвердить прежнюю. И такъ, какъ древніе народы воображали за хрустальнымъ голубымъ небомъ, которое они видѣли, другое небо, гораздо лучшее, огненное, чертогъ Бога, —такъ и у меня, за всѣми воспоминаніями, вдали виднѣются черты божественныя, черты ангела—твои черты. Ихъ я боюсь ловить на бумагу, боюсь, какъ святотатства, какъ Іудеи боялись произносить святое имя Іеговы. Да, онѣ же такъ нераздѣльны съ моей душою, со всей моей жизнью, что я самъ лучшая, полная статья о тебѣ.

28-е іюля.

Продолжая о новой статьѣ, я скажу, что всѣ улыбнутся мысли описать такую незначительную встрѣчу. Но, благодаря тому высокому направленію, которое дала твоя любовь моей душѣ, я всякое чувство ставлю гораздо выше мысли и ума, всякую симпатію считаю достойной труда, памяти и вниманія. Да, я въ мысли своей обрисовалъ себѣ полную человѣческую жизнь, состоящую изъ совокупности всѣхъ сильныхъ и великихъ влеченій, и буду слѣдить ее вездѣ и, гдѣ найду, тамъ остановлюсь и склоню голову.

Пришли письма и посылки; но отъ тебя ужъ давно ничего, это грустно и больно; маменька пишетъ, что никакихъ оказій не бываетъ, что и мои письма лежатъ долго, покуда отошлются. Мое прошлое письмо 21 іюля вѣроятно сильно потрясло тебя,—эти святыя, высокія воспоминанія! Пора, Наташа, пора намъ соединиться; какъ тяжело жить половиной существованія. Посмотри, сколько ранъ надобно тебѣ залѣчить на этой больной душѣ, сколько пыли стереть, сколько отдыха дать.

Часто думаю, мечтаю и, какъ усталый долгимъ путемъ, склоню голову на руку, и какая-то ужасная пустота наполняетъ ее, и я желалъ бы, впасть въ долгій, летаргическій сонъ и проснуться отъ твоего поцѣлуя и прильнуть къ твоимъ устамъ и умереть потомъ. Прощай... бьется сердце сильно, сильно. Прощай. Твой, твой Александръ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ.

Романъ.

XXXV.

Торжицкій чувствовалъ себя совершенно не въ силахъ вернуться въ комнату, которую только что оставили они. Онъ остановился и провожалъ глазами пролетку, увозившую Зину. Что-то совсѣмъ незнакомое и страшное поднималось въ немъ; онъ чувствовалъ это, и, чтобъ не прислушиваться къ тому, что въ немъ происходило, быстро повернулъ и зашагалъ въ другую сторону.

— Что это такое со мной?—задыхаясь отъ частаго біенія сердца, думалъ онъ и тотчасъ говорилъ себѣ:—ничего, это пройдетъ, но главное не оставаться одному...

Онъ дошелъ до большого ресторана, подлѣ котораго стояли „лихачи“ извозчики, знавшіе его въ лицо и называвшіе „ваше сіятельство“, и приказалъ какъ можно скорѣе везти себя на дачу княгини Пронской. Тамъ, онъ зналъ, было сегодня сборище, на которое его приглашали въ томъ случаѣ, если бы онъ остался еще на одинъ день въ Москвѣ. Позднее появленіе его могло показаться страннымъ, но онъ уже рѣшилъ, что отговорится головною болью и что ему должны повѣрить.

„Ахъ, все вздоръ... — слегка дрожа отъ усталости и выкуривая папиросу за папиросой, всю дорогу думалъ онъ:—всѣ онѣ плачутъ, чтобы потомъ отравить съ успѣхомъ жизнь... Вотъ только бы ихъ застать. Главное теперь, не быть одному“.

Однако ему не судьба была успокоиться эту ночь.

Худой и нескладный, но съ превосходной „побѣжкой“ рысакъ, весь взмыленный, домчалъ его до мѣста очень скоро. Въ блѣдномъ свѣтѣ начинавшагося утра онъ увидѣлъ тихую, съ закрытыми окнами дачу княгини Пронской, палисадникъ, покрытыя росой георгины съ бѣлыми палками. Огонь всюду былъ потушенъ, только въ полуоткрытую дверь одной изъ террасъ виднѣлся свѣтъ, и промелькнула фигура лакея, проносившаго тарелки.

— Графъ, это вы?—окликнулъ его откуда-то сверху знакомый голосъ.

Онъ поднялъ голову.

Княгиня Пронская въ бѣломъ батистовомъ халатѣ и съ потушенной свѣчкой въ рукахъ стояла на порогѣ двери, выходившей на маленькій верхній балконъ. Глаза ея щурились отъ усталости, и лицо, въ неопредѣленно-блѣдномъ освѣщеніи, было желтовато-блѣдно.

— Всѣ уѣхали, княгиня?—снимая шляпу, спросилъ онъ.

— Да. А вы ко мнѣ въ гости?

Она засмѣялась, подошла къ низенькимъ перильцамъ балкона и смотрѣла внизъ.

— У меня была вся компанія,—не слушая его объясненій относительно головной боли, говорила она.—Женихъ и Борисъ Алексѣевичъ... Они отправились... въ Стрѣльну, вѣроятно? Празднуютъ жениха... Ну, какъ тамъ это у васъ дѣлается?

Торжицкій вдругъ поблѣднѣлъ.

— Какъ... Борисъ? — негромко выговорилъ онъ: — но вѣдь онъ же въ Подольскѣ, княгиня?

— Да, онъ тоже пріѣхалъ вечеромъ. Куда же вы теперь—къ нимъ?

— Конечно. Le cas est si grand, vous savez...—говорилъ Торжицкій, улыбаясь и растерянными глазами смотря на нее.

— Что вы блѣдны такъ?

— Я? Но вѣдь я боленъ.

Она нагнулась черезъ перила, вглядываясь въ его лицо. Глаза ея стали серьезны, и она хотѣла что-то сказать, но замолчала.

— Борисъ Алексѣевичъ хотѣлъ васъ видѣть, — подумавъ, серьезно проговорила она.

Торжицкій въ самомъ дѣлѣ поѣхалъ ихъ искать, хотя у него не было ни малѣйшаго желанія видѣть кого-либо изъ участниковъ этой попойки. Послѣ, когда онъ вспоминалъ эту ночь, она казалась ему длиннымъ и гадкимъ кошмаромъ. Въ душномъ низенькомъ кабинетѣ загороднаго ресторана, биткомъ набитомъ остатками венгерскаго хора, знакомыми лицами, запахомъ сигаръ, папиросъ и коньяка, гдѣ онъ нашелъ своихъ пріятелей, встрѣтившихъ его дружнымъ и необузданнымъ взрывомъ принужденнаго веселья, онъ тотчасъ началъ пить. Но то, что привело его сюда, ни минуты не оставляло его. Сначала онъ долго не могъ опьянѣть. Онъ вспоминалъ послѣ, какъ цѣловался съ Аркадіемъ и пред-

сказывалъ ему счастливую будущность и какъ тутъ же неприличнымъ, грубымъ словомъ обозвалъ Ваню Милецкаго, острившаго надъ тѣмъ, что Торжицкій произвелъ вчера своимъ появленіемъ на пикникѣ престранный переполохъ... Ихъ тотчасъ начали мирить, и они пили вмѣстѣ на „ты“. Потомъ Милецкій угощалъ одну изъ пѣвицъ, сидѣвшую на столѣ въ своемъ жалкомъ, фантастическомъ нарядѣ, при чемъ все время пѣлъ, довольно фальшиво, какой-то романсъ, и опять Торжицкій пилъ съ нимъ. Подъ конецъ мысли его стали путаться, но ощущеніе душевной боли не проходило. Въ этой грязной, пропитанной запахомъ алкоголя, полной гама и пѣнія комнатѣ онъ видѣлъ все время лицо, которое цѣловалъ нѣсколько часовъ назадъ. Онъ вспоминалъ ощущенія всего этого длиннаго дня, съ утра измучившій его страхъ, что она не пріѣдетъ, радовавшій его, какъ возвратъ молодого и сильнаго чувства. Въ разгоряченномъ воображеніи его мелькали яркими обрывками безтолковыя и тяжелыя картины, давно прошедшія сцены изъ послѣднихъ лѣтъ гимназіи, особенно одного года, тяжелаго ломкой и переходнымъ состояніемъ, первые шаги своей безшабашной жизни. Ему теперь казалось, что было что-то необыкновенно близкое между тогдашними болѣзненными ощущеніями и этою ночью, и сознаніе, что вотъ опять онъ взялъ что-то очень хорошее и трогательное, давно недоступное ему, и исковеркалъ непоправимо, преслѣдовало его. Неотвязчивый, пошлый и назойливый мотивъ, напѣваемый Милецкимъ, пристalъ къ нему и, не переставая, звонилъ въ его ушахъ. Онъ подсѣлъ къ Кроткову и старался объяснить ему, что онъ вовсе не такой негодяй, какъ это можно думать, и что нѣчто чрезвычайно честное скрыто у него въ глубинѣ души... Но адъютантъ закрывалъ глаза и начиналъ дремать. Потомъ онъ подошелъ къ окну, открылъ его и смотрѣлъ на чахлыя липы и хмурое небо. Солнце взошло, но было пасмурно, и накрапывалъ дождь. И вдругъ онъ совсѣмъ ясно увидѣлъ передъ собой то же окно и то же блѣдное небо, бѣлую церковь и ея дѣтское движеніе, когда она торопливо и испуганно перекрестилась... И такая страшная тоска схватила его за сердце, что онъ боялся закричать, взялъ шляпу и объявилъ, что ѣдетъ. Кротковъ, не обращая никакого вниманія на общіе упреки, пошелъ за нимъ.

На дворѣ было свѣжо послѣ душной комнаты, и дождь расходился сильнѣе.

— Ужъ эти празднованія... то свадьбы, то еще что-нибудь, чортъ ихъ возьми совсѣмъ, — жаловался Кротковъ въ ожиданіи экипажа. — Не могу я пить! — сердито продолжалъ онъ, какъ-

будто кто-нибудь спорилъ съ нимъ:—мнѣ вредно, и я давно воздерживаюсь...

Они всю дорогу молчали. Только уже въ переулкѣ, гдѣ жилъ Кротковъ и гдѣ не видно было ни одной живой души, кромѣ заспаннаго дворника, вышедшаго на дежурство и шумно подметавшаго мостовую, Торжицкій посмотрѣлъ на своего спутника глазами человѣка, испытывающаго сильную физическую боль, и сказалъ ему:

— Какая тоска, Боря.

Тотъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты не слушаешь меня? — силясь улыбнуться, спросилъ Торжицкій.

Кротковъ махнулъ рукой.

— А, да знаю я: все одно и то же. Слушать-то нечего.

Около дверей, однако, между ними произошла цѣлая ссора.

Кротковъ былъ сначала изумленъ, а потомъ взбѣшенъ, когда узналъ, что его квартира заперта на ключъ, а прислуга на весь вечеръ и всю ночь отпущена Торжицкимъ.

— Что это значитъ? — задыхаясь отъ негодованія, спрашивалъ онъ:—ты съ ума сошелъ?!

Торжицкій, какъ всегда не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ его краснаго лица.

— То, что мнѣ прислуга надоѣла и ни зачѣмъ не нужна,— отвѣчалъ онъ, отпирая ключемъ дверь.

— Да, но какое же ты имѣешь право распоряжаться моими людьми?—съ изумленіемъ спрашивалъ Кротковъ.

— Убирайся ты! — смѣясь, возразилъ Торжицкій: — или не живи со мною, или не лѣзь ко мнѣ съ глупостями!

— Хорошо... Хорошо!.. — не придумавъ никакой другой угрозы и наскоро снимая въ передней пальто, съ грустнымъ и обиженнымъ лицомъ повторялъ Кротковъ.

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ лечь, Торжицкій безъ пиджака, въ крахмальной сорочкѣ и съѣхавшемъ на-сторону галстухѣ, съ папиросой въ рукѣ, вошелъ къ нему.

— Я тебѣ мѣшаю?

— Ну, конечно, давно пора спать,—краснѣя, отвѣчалъ адъютантъ.

Онъ уже успокоился и былъ только солиднѣе и нѣсколько строже обыкновеннаго.

— Ну, хорошо, я знаю: ты Богу не молился. Успѣешь, — произнесъ Торжицкій и сѣлъ въ кресло, поддерживая голову.

Борисъ Алексѣевичъ молча раздѣлся и укладывался, съ недовольнымъ лицомъ въ постель.

— Послушай, Борисъ!—хмуря брови и внимательно и строго, тяжелыми глазами смотря на огонь папиросы, говорилъ Торжицкій.—Что это значитъ? Отчего я тутъ ничего не понимаю? Вѣдь не съума же я сошелъ и не настолько пьянъ. Если я, въ самомъ дѣлѣ, такой подлецъ... Отчего же Володька... или кто хочетъ... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, никто изъ нихъ, какъ собаку, не удавитъ меня! — закричалъ онъ вдругъ, со всей силы ударяя кулакомъ по зашатавшемуся столу.

Кротковъ поднялся на локоть и воспаленными глазами, что-то соображая, смотрѣлъ на него.

— Да. Тутъ вѣдь не шутки,—продолжалъ Торжицкій.—Есть для всѣхъ манера дѣйствовать.

Онъ откинулъ голову и устало закрылъ глаза.

— Если бъ ты сегодня пріѣхалъ сюда тремя часами раньше,—помолчавъ, медленно произнесъ онъ:—я бы... *убилъ* тебя.

Кротковъ вдругъ все понялъ.

Онъ быстро спустилъ ноги, всунулъ ихъ въ туфли, но встать совсѣмъ не могъ. Хмель, повидимому, соскочилъ сразу съ него, но языкъ не слушался его.

— Нѣтъ, ужъ это... это... — повторялъ онъ, дѣлая неимовѣрныя усилія успокоиться и совсѣмъ не владѣя собой:—Уйди!—махнувъ рукой, умоляющимъ голосомъ выговорилъ онъ:—не волнуй меня. Мнѣ вредно. Уйди, пожалуйста.

Губы Торжицкаго сложились въ кривую и неловкую улыбку.

— Слушай, Борисъ! — спокойно и серьезно глядя на Кроткова, сказалъ онъ:—ты вѣдь понимаешь, что, говоря тебѣ это, я дѣлаю еще бо́льшую подлость. Но, если ты хочешь быть честнымъ человѣкомъ,—ты *ничего не знаешь*. Понялъ?

Кротковъ тяжело опустился на постель.

— Скотина ты,—негромко и почти вкрадчиво сказалъ онъ:—пойми ты, что гадость... свинство приходить къ человѣку толстому, послѣ полдюжины шампанскаго... говорить ему о своихъ... Да знай я, что такое значитъ впустить тебя въ свой домъ.

— Хочешь, я вызову тебя на дуэль, а ты убьешь меня...—перебилъ его Торжицкій.—Идетъ?

Онъ всталъ и, слегка пошатываясь отъ вина и усталости, тяжелыми глазами смотрѣлъ на Кроткова.

— Серьезно, Кротковъ. Ты вѣдь знаешь меня...

Онъ замолчалъ, и блѣдное, измятое лицо его, съ каплями

пота на лбу и обозначившимися морщинами, приняло тупое и мрачное выраженіе.

— Я люблю женщинъ,—слегка запинаясь, сказалъ онъ. — Когда это приходитъ, я не умѣю бороться... Никогда не умѣлъ. Нѣтъ шага, передъ которымъ я остановился бы... Чѣмъ труднѣе, тѣмъ хуже. Я и хотѣлъ было... Зачѣмъ ты самъ...

Онъ не докончилъ и задумался.

— Женщины...—заговорилъ Кротковъ визгливыми, двойными нотами, съ задрожавшими губами и внезапно выступившими на глазахъ слезами, которыя онъ часто умѣлъ вызывать въ себѣ собственными словами, трогавшими его самого мыслями. — Сироту обижаете... безъ матери... Конечно, почему жъ не взять ее себѣ въ...

— Перестань гадости говорить, Кротковъ,—морщась, перебилъ Торжицкій и пошелъ къ двери.

— Я бы не дуэль... Я бы жениться на ней заставилъ тебя... непремѣнно,—говорилъ Кротковъ, лежа подъ одѣяломъ: — вотъ тогда ты бы другое запѣлъ.

— Да, это недурно, — крутя усы, равнодушно проговорилъ Торжицкій:—вотъ только женатъ-то я, вотъ въ чемъ горе!—прибавилъ онъ, зѣвая.

Онъ взялся было за ручку двери, но Кротковъ удержалъ его.

— Постой!—съ озлобленіемъ закричалъ онъ ему вслѣдъ.— Я не хотѣлъ говорить тебѣ нечего, но разъ ты все равно спать не даешь, такъ прими къ свѣдѣнію: у тебя дома очень плохо. Андрюша боленъ и можетъ быть очень. Ольга Андреевна сама была больна. Княгиня завтра ѣдетъ къ ней, но она не можетъ надолго матери бросить. И я уѣду въ Подольскъ.

Торжицкій прислонился къ притолкѣ. Лицо его осталось спокойнымъ и холоднымъ, только дышалъ онъ скорѣе.

— Къ чему ты все это говоришь мнѣ?—коротко спросилъ онъ, злыми глазами смотря въ лицо Кроткову.

— Къ тому, что я твоими дѣлами заниматься не намѣренъ, а женѣ твоей нужна помощь.

— А я этими дѣлами не интересуюсь и заниматься не хочу!— раздѣльно и громко произнесъ Торжицкій и уходя хлопнулъ дверью.

— Жена! — странно смѣясь, крикнулъ онъ уже изъ другой комнаты.—А чортъ ихъ теперь разберетъ!..—Онъ не договорилъ и засмѣялся совсѣмъ неестественно и рѣзко.

Кротковъ легъ и закрылъ глаза. Но до слуха его долетѣли вдругъ страшные, глухіе звуки, похожіе на сдержанный хохотъ. Онъ поднялъ голову и прислушивался.

— Что это такое? Кракъ, что ли?.. Или... Неужели онъ плачетъ?

XXXVI.

Было теплое и туманное утро. Наканунѣ вечеромъ и всю ночь шелъ дождь, но подъ утро не то что разгуляло, а небу точно надоѣло плакать. Густыя, низкія облака ползли, казалось, надъ самыми макушками деревьевъ, нависли надъ землею, скрывая солнце и сливаясь вдали съ отовсюду подымавшимся теплымъ туманомъ. Съ земли шли испаренія, воздухъ былъ тяжело насыщенъ запахомъ сѣна, зацвѣтавшей липы и какой-то гнили; съ неподвижныхъ вѣтвей изрѣдка спадали грузныя капли дождя, не тревожимыя и малѣйшимъ вѣтромъ; тишина стояла полная, давящая; птицы, и тѣ смолкли, и въ ольховскомъ паркѣ кричали только грачи, то сонливо и однообразно, то торопясь и захлебываясь. Природа словно томилась и, какъ и люди, ждала: вотъ-вотъ пойдетъ дождикъ.

— Настоящая оранжерея,—сказалъ Зинѣ Торжицкій, когда они спускались со ступенекъ террасы.

Они пошли гулять въ девять часовъ утра, когда Лидія Васильевна еще не выходила, а генералъ чѣмъ-то распоряжался. Дождя не было, и они прошли гораздо дальше парка.

Недалеко отъ усадьбы, за прудомъ и деревней, находился огромный оврагъ, скорѣе болотистая долина, поросшая ольховымъ кустарникомъ, со старымъ, коренастымъ ясенемъ посреди, въ лощинѣ, около спуска, и давнишнимъ, втянувшимся въ топкую почву обрубкомъ дерева подъ этимъ ясенемъ; мѣсто болотистое, сырое и дикое, славящееся хорошей охотой и прозванное отцомъ Зины за мрачный и безлюдный видъ „Волчьей долиной“. Торжицкому она понравилась, когда они ѣздили верхомъ, и Зина согласилась пойти туда.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, и солнце нѣсколько разъ лѣниво показывалось изъ-за пелены облаковъ, отвѣсными лучами обдавая влажную зелень и траву, когда они все еще сидѣли на старомъ, обрубленномъ, тяжеломъ стволѣ, поверхъ пальто, которое бросилъ на него Торжицкій.

Онъ сидѣлъ въ своей темной курткѣ съ завязаннымъ галстухомъ и сдвинутой немного назадъ коричневой шляпѣ, упершись локтями о колѣни, куря и не спуская глазъ съ лица Зины. Лицо ея было блѣдно отъ утомленія, но спокойно. Она говорила съ нимъ и смѣялась, но смотрѣть на него избѣгала. Его это забав-

ляло, и онъ, изъ-за дыма папиросы, поминутно застилавшаго ея лицо, улыбался спокойною и какою-то сытою улыбкой. Она была одѣта въ свѣтлое, лѣтнее, свободно сшитое платье, дѣлавшее фигуру ея немного дѣтскою, и разстегнутую черную кофточку. Широкая соломенная шляпа лежала поверхъ травы, около нея.

— Странно,—говорила Зина:—если бъ я не была такъ счастлива, мнѣ было бы страшно. Я такъ не люблю этой погоды. Въ воздухѣ точно что-то виситъ,—чувствуя все время его взглядъ и оглядываясь на него, говорила она.

— А я не знаю, какая погода?—спокойно, все улыбаясь и разсматривая ея лицо, сказалъ онъ.

— Развѣ ты не чувствуешь? Грома нѣтъ, но каждый звукъ хочется принять за громъ. Ты самъ спрашивалъ...

— Ты увѣряешь, что это гдѣ-то по мосту ѣдутъ, тебѣ лучше знать. А вотъ посмотри на меня...

Она оглянулась опять, но покраснѣла и отвела глаза.

— Да вообще все другое, съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, съ этой весны. Я *все* иначе вижу, природу, деревья, все. Знаешь,— наклоняясь, чтобъ не смотрѣть на него и доставая шляпу, которую онъ съ нея снялъ, продолжала она: — я вотъ очень люблю исторію. Господи, какъ я давно ничего не читала и не дѣлала,— смѣясь, перебила она себя. И Торжицкій тоже засмѣялся.—Но я вѣдь правда ее люблю. И, я думаю, никто не знаетъ, *что* я люблю въ ней. Ты долженъ это понять. Мнѣ кажется, когда я ее читаю,—воодушевляясь и жестикулируя, говорила она:—или думаю объ историческихъ событіяхъ, то я точно съ какого-то холма вижу весь міръ, жизнь народовъ, все... Что-то страшное и могучее. И какъ-то помимо себя. Точно сонъ. Точно я все это видѣла, но забыла. Когда я ѣздила на курсы и въ музей, въ Кремлѣ у меня бывало это чувство. Мостовая, башни, и все это полно какими-то тѣнями, что-то, чего не видно, но что носится...

— Да, ты такъ и должна все это любить, — замѣтилъ Торжицкій.

— Да, правда. Совсѣмъ сонъ,—что-то вспоминая, продолжала Зина:—да и вся моя жизнь, все, что было... да и теперь въ родѣ сна... Да, къ чему я это говорила?

— Не знаю,—сказалъ Торжицкій, снова засмѣялся и бросилъ папиросу, все глядя на нее:—а главное, я не знаю, отчего ты на меня не хочешь смотрѣть? Когда, наконецъ, я пріучу тебя къ себѣ?—помолчавъ, тихо и ласково спросилъ онъ.

Онъ осторожно взялъ изъ ея рукъ шляпу, бросилъ снова и

обнялъ ее. Она не сопротивлялась, но все не поднимала на него глазъ, смущенно улыбаясь.

— Ты меня любишь? Да?—спросилъ онъ коротко и тихо, точно ему было трудно говорить.

— Да,—не поднимая глазъ, сказала она:—мнѣ открылся цѣлый міръ съ тѣхъ поръ, какъ я люблю тебя. Что это за чувство...

Она покачала головой, и лицо ея вдругъ стало совсѣмъ серьезно.

— Зачѣмъ же ты меня такъ долго мучила?—цѣлуя ея глаза, сказалъ онъ.

— Я?—спросила Зина.

— Конечно.

— Вотъ какъ...—Она засмѣялась.

Онъ серьезно и близко смотрѣлъ въ ея лицо, цѣловалъ опять ея глаза, полураскрытыя губы и виски блѣднаго лица.

— Чему ты смѣешься? *Я* тебя измучилъ? Да? Да чѣмъ же тебя иначе возьмешь въ руки?

И онъ засмѣялся внутреннимъ, короткимъ смѣхомъ, отъ котораго сердце у нея сжалось острою и сладкою болью.

— Я тебя люблю,—сказала она, закрывая глаза подъ его поцѣлуями:—можетъ быть, за всѣ мученья, за все... не знаю...

Онъ первый испугался, что уже поздно.

— Что ты скажешь Лидіи Васильевнѣ?—спрашивалъ онъ, стоя передъ ней съ тонкою, чернаго дерева тросточкой и охватывая взглядомъ ея фигуру и лицо.—Когда я тебя теперь увижу, скажи мнѣ?

— Тетя не хотѣла, чтобъ я ѣздила съ тобой верхомъ,—сказала Зина, надѣвая свою большую шляпу, защищавшую ее отъ солнца и подаренную теткой:—ну, я не ѣзжу... Что-нибудь скажу, не все ли равно?

Торжицкій смотрѣлъ на нее и думалъ: „Ей двадцать лѣтъ. Отчего движенія ея и всѣ пріемы такіе дѣтскіе?..“

Ему, собственно, нравилось это, но что-то очень больное шевелилось минутами въ его душѣ, чего онъ боялся. Онъ свистнулъ Крака, который шнырялъ въ кустахъ, весь черный отъ болотной грязи, и подалъ ей руку.

— Застегни кофточку, моя дорогая; я боюсь, ты простудишься,—нѣжно сказалъ онъ ей, желая утолить какъ можно скорѣе это чувство боли, котораго онъ старался не замѣчать.

— Посмотри, у тебя и ноги намокли.

— А ты?

— Ну, вотъ, нашла съ кѣмъ себя сравнивать. Я этого не боюсь. Въ самомъ дѣлѣ, и руки у тебя холодныя,—поднося къ губамъ

и цѣлуя ея руку, сказалъ онъ:—глупо это съ моей стороны. Зачѣмъ ты меня слушаешься, когда мой разсудокъ измѣняетъ мнѣ. Ну, пойдемъ скорѣе, согрѣйся. Вѣдь это все-таки почти болото. Этакъ, когда мы будемъ жить вмѣстѣ, я уморю живо тебя!—прибавилъ онъ, помолчавъ и чувствуя потребность сказать ей что-нибудь самое пріятное, и засмѣялся. Но голосъ его былъ и нерѣшителенъ, и сухъ, а смѣхъ зазвучалъ рѣзко. Она взглянула на него, покраснѣла и задумалась.

Они быстрымъ и ровнымъ шагомъ поднялись по грязной дорогѣ и вышли къ деревнѣ.

Кракъ стремглавъ обогналъ ихъ.

Зина, поднявъ голову, молча смотрѣла на его сухой, красивый и характерный профиль. Они приближались къ парку. Онъ надѣлъ pince-nez и внимательно и серьезно глядѣлъ далеко въ поле.

— Какъ онъ красивъ, должно быть, хотя теперь я этого уже не замѣчаю,—думала Зина, давно утратившая обычную мѣрку въ сужденіи о немъ. И она спросила:—Что ты смотришь?

— Отъ васъ кто-то ѣдетъ,—рѣзко и коротко откашливаясь, сказалъ Торжицкій:—кажется, отъ васъ. Да?

Отъ проспекта по дорогѣ, точно, двигался экипажъ парою, насколько было видно, четырехмѣстная, пустая коляска.

— Тутъ большая дорога,—сказала Зина.—А можетъ быть, отъ насъ. У княгини какія лошади?—вдругъ торопливо спросила она.

Торжицкій улыбнулся.

— Кажется, сѣрыя.

— А это темныя. Значитъ, не она, во всякомъ случаѣ.

Онъ засмѣялся.

— Что же тебѣ, если и она?

— Мнѣ совсѣмъ все равно.

Онъ засмѣялся опять и пожалъ руку, лежавшую на его рукѣ.

— Какое ты дитя, Боже мой!—серьезно и нѣжно смотря на нее, сказалъ онъ и задумался.

Въ паркѣ она заспѣшила; встрѣча съ теткой и этотъ день на глазахъ у всѣхъ начинали пугать ее. Но онъ уговорилъ ее отдохнуть на скамейкѣ. Въ сущности, ей было все равно, и она послушалась.

— Зина,—сказалъ онъ, боясь взять ее за руку и все глядя въ ея лицо знакомымъ ей взглядомъ:—скажи, наконецъ, какъ мы теперь... гдѣ увидимся?

Она опять смутилась и, покраснѣвъ и проговоривъ: „увидимся какъ-нибудь“,—встала и пошла по аллеѣ.

Онъ боялся ее остановить, потому что въ этотъ часъ ихъ легко могли увидѣть, и пошелъ за ней, кусая губы и нахмурившись.

— Послушай... Это вѣдь, наконецъ, несносно, — сдерживаясь, негромко, съ носовыми звуками въ голосѣ сказалъ онъ:— что же... всякій разъ это будетъ повторяться? До какихъ поръ ты будешь отъ меня бѣгать? Это смѣшно... Ты должна же понять,— помолчавъ, прибавилъ онъ:—что я ѣзжу сюда не для того, чтобъ занимать разговорами Лидію Васильевну.

Она быстро на него оглянулась.

— Ну, вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю,—смущенно проговорила она.

Они подходили по темной аллеѣ къ цвѣтнику, залитому выглянувшимъ солнцемъ, золотые потоки котораго сквозили черезъ мокрую и яркую сѣтку листвы. До слуха Торжицкаго долетѣлъ незнакомый голосъ, крикъ или хохотъ, онъ не могъ понять, и смѣхъ другихъ голосовъ.

— Ну, не знаю,—съ досадой на то, что кто-то пріѣхалъ, произнесъ онъ:—думаю только, что въ твоей любви больше фантазіи, чѣмъ... Что съ тобой?

Зина вдругъ остановилась, точно наткнулась на бездонную пропасть. Торжицкій, подойдя, заглянулъ въ ея лицо и ужаснулся смертельной блѣдности, быстро набѣгавшей на него, и выраженію дѣтской растерянности и испуга въ глазахъ.

— Что такое?—повторилъ онъ коротко и почти строго.

Она, не оглядываясь, протянула руку и схватилась за его рукавъ безпомощнымъ жестомъ.

— Ай... я... уведите меня... я не могу...—задыхаясь, дрожащимъ и тонкимъ голосомъ сказала она, выпустила его руку и, повернувшись, не пошла, а побѣжала назадъ.

Торжицкій ничего не понималъ, но что-то холодное и жуткое налегло ему вдругъ на сердце. Ощущеніе это было невыносимо непріятно и вызвало въ немъ раздраженіе.

— Да что съ тобой творится, наконецъ?—мигомъ догнавъ ее широкими шагами, сказалъ онъ:—ты, кажется, хочешь сдѣлать изъ себя истеричную женщину...

Она не могла бѣжать, ноги, повидимому, не держали ея, и почти упала на скамейку.

— Да вѣдь это... *онъ*...—выговорила она обрывавшимся голосомъ, дрожа, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Въ лицѣ ея не было ни кровинки, но губы и глаза улыбнулись вдругъ странною, по-

корною и ясною улыбкой человѣка, который узналъ роковую и непоправимую новость и созналъ все страшное значеніе ея.

— Кто онъ?—повторилъ Торжицкій, но уже понялъ, чей голосъ узнала она за полпарка.

Онъ поблѣднѣлъ тоже, и черты его лица вдругъ всѣ сразу стали суше и тоньше, а глаза засвѣтились холоднымъ и недобрымъ блескомъ. Онъ закусилъ губу, и ноздри его широко и нервно вздрагивали.

— Нужно владѣть собой,—тихо и твердо сказалъ онъ и слегка поднялъ голову.

Онъ старался быть какъ можно спокойнѣе; но въ голосѣ его особенно ясно, какъ всегда въ минуты волненія, звучали сухіе, рѣзкіе звуки. Она ихъ услышала и, торопливымъ жестомъ выхвативъ изъ кармана платокъ и зажавъ имъ ротъ, зарыдала громко и отчаянно.

— Я... не могу-у,—плача и дрожа, говорила она судорожно вырывавшимся голосомъ:—я боюсь... Увезите меня въ Москву... Я не могу его видѣ-ѣть...

— Замолчи сію минуту!—крикнулъ Торжицкій негромкимъ, но испугавшимъ ее голосомъ, изъ всей силы сжимая кисть ея руки.

Она замолчала, но рыданій сдержать не могла и полными слезъ, испуганными глазами, крѣпче зажимая ротъ платкомъ, взглянула на него съ недоумѣніемъ изъ-за широкихъ полей мѣшавшей ей шляпы.

Взглядъ ея вдругъ что-то перевернулъ въ немъ, сердце у него заныло острою болью, и пальцы, стискивавшія ея слабую, тонкую руку, ослабѣли. Какъ невыносимо жалка показалась она ему теперь подъ своей большой соломенной шляпой, которую, онъ зналъ, она надѣла въ первый разъ въ это ненастное утро, и которую онъ сбилъ немного въ сторону своимъ рѣзкимъ движеніемъ. По безкровному лицу ея текли необильныя, но и несдерживаемыя слезы; все тѣло ея дрожало, а сухія, судорожно-глубокія всхлипыванія напоминали плачъ не огорченнаго, а на смерть перепуганнаго ребенка. И вся она была ему несносно, до боли, жестоко жалка. Онъ бросился на скамейку, обнялъ ее и, уже ни минуты не думая о томъ, что ихъ могутъ увидѣть, принялся цѣловать ея мокрыя и холодныя руки.

— Прости... ну, полно... Счастье мое... Зиночка... прости меня... ты вѣдь знаешь, что я тебя люблю. Развѣ мнѣ легко... ну, зачѣмъ меня еще мучишь? Чего ты боишься, вѣдь я увезу

тебя... Какой-нибудь день или два. Ну, хочешь уѣдемъ сію минуту; я на все готовъ, мнѣ все равно. Вѣдь ты, только ты... весь вопросъ въ этомъ. Развѣ мы можемъ разойтись?

Она перестала плакать, но, крѣпко держась за его руку и прижавшись къ нему, продолжала дрожать и дышала тяжело и глубоко. Онъ долго говорилъ ей и вѣрилъ въ то, что говорилъ, но чувство мучительной боли въ душѣ его не облегчалось и дико и странно раздражало его.

Нѣсколько минутъ спустя она сидѣла около него и, силясь улыбнуться и вытирая сухіе глаза, говорила:

— Съ *тѣхъ поръ* со мной это часто. Это пройдетъ... Я ничего... И *надо*, чтобъ я его видѣла.

— Когда ты поняла, что любишь меня, ты должна была знать, на что ты идешь,—говорилъ онъ медленно, сдавленнымъ голосомъ, слѣдомъ за нею подвигаясь къ террасѣ.

Съ глубины души его поднималось что-то страшное, незнакомое и безвыходное, и онъ боялся, что не въ силахъ будетъ сладить съ этимъ.

XXXVII.

Торжицкій думалъ о томъ, что онъ бы могъ не присутствовать при ихъ встрѣчѣ; но неудержимое, болѣзненное любопытство влекло его.

Онъ шелъ не спѣша и, чуть-чуть щуря глаза, вглядывался въ террасу.

Кракъ, точно понявъ, что что-то неладно, тихонько пошелъ за нимъ.

За накрытымъ столомъ на террасѣ было нѣсколько человѣкъ. Спиной къ Торжицкому, облокотясь грудью на столъ, стоялъ маленькій Коля, около него чему-то смѣющійся Карсовъ. Напротивъ виднѣлась фигура генерала въ бѣломъ кителѣ, и подлѣ него человѣкъ крупныхъ размѣровъ, крѣпкаго сложенія, одѣтый во что-то очень широкое и нескладное. Торжицкій сосредоточилъ на немъ все вниманіе и не сразу разглядѣлъ въ немъ старика съ большой, широкой головой, сѣдыми усами и жесткой, всклокоченной бородой, чѣмъ-то очень занявшагося надъ столомъ.

— Ты, батюшка, не понимаешь, вѣдь это вещь мудреная!— услышалъ Торжицкій жалующійся и необыкновенно сильный голосъ.

— Ну, да ужъ извини, побольше тебя...

Но въ это время усатый старикъ замѣтилъ ихъ приближеніе. Онъ сорвался съ мѣста, швырнулъ салфетку и бросился изъ-за

стола. Генералъ, поднявшись, удерживалъ его, стараясь что-то отцѣпить съ его груди.

— Погоди, Николай, развѣ жъ такъ можно!—солиднымъ тономъ, удерживая брата, говорилъ онъ.—Николай! Ахъ, чудакъ! Успѣешь ты поздороваться. Постой, вѣдь глупо! Часы разобьешь!

Николай Григорьевичъ не возражалъ, но руки у него тряслись, онъ что-то срывалъ съ груди и заметался на мѣстѣ.

— Пусти... пусти...—услышалъ Торжицкій задыхающійся голосъ, и странный, большой человѣкъ уже бѣжалъ къ лѣстницѣ.

Поверхъ лѣтняго сюртука на немъ была надѣта огромныхъ размѣровъ, неуклюжая крылатка, размахивавшаяся во всѣ стороны отъ его безпокойныхъ движеній; онъ былъ безъ шляпы, и рѣдкіе и короткіе волосы его шевелились на широкой, крѣпкой головѣ.

— Ну... ну... во-отъ она! Во-о-отъ!—протянулъ онъ, казалось, безъ всякаго выраженія удовольствія, тревожно вглядываясь своими маленькими, но горящими глазами въ приближавшуюся къ нему дочь и сбѣгая съ лѣстницы. Его свирѣпое лицо имѣло не обрадованный, а испуганный видъ.

— Не упадите вы, ради Бога!—дрогнувшимъ голосомъ сказала Лидія Васильевна и направилась къ двери.

Зина не подошла еще къ лѣстницѣ, когда ея отецъ сбѣжалъ со ступенекъ, бросился къ ней и сильными руками неловко и грубо обнялъ ее такъ, что свѣтлое платье ея почти скрылось въ мягкихъ складкахъ и крыльяхъ его макферлана, а шляпа сейчасъ же слѣзла назадъ, открывъ ея лицо и лобъ.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее, посмотрѣлъ на нее, опять поцѣловалъ и засмѣялся.

— Ну, во-отъ!—повторилъ онъ, тихо смѣясь и вглядываясь въ блѣдное, какъ платокъ, лицо дочери:—молодецъ. Напугалъ, а? А молоде-ецъ. Красавица вышла, просто. Что жъ это? Лидія Васильевна!—закричалъ онъ во весь свой могучій голосъ, повертываясь, не отпуская дочери и вмѣстѣ съ ней идя къ террасѣ:—Да гдѣ жъ она! Лидія Васильевна!

Но Лидія Васильевна вышла, внезапно растроганная этою сценой.

Обнявъ дочь обѣими руками, Николай Григорьевичъ тяжело вошелъ на террасу и вновь окинулъ ее взглядомъ. Лицо его, даже широкая макушка съ рѣдкими волосами страшно покраснѣли; покраснѣли и глаза, на которыя набѣжали слезы, и онъ совсѣмъ задыхался.

— Ахъ, ты мой голубчикъ, ну, вотъ и вижу тебя!—крикнулъ онъ съ новымъ порывомъ, крѣпко поцѣловалъ ее и расхохотался такъ, что можно было подумать, не плачетъ ли онъ.

— Ну, садись, успокойся!—сказалъ ему генералъ, подвигая стулъ и нетвердо улыбаясь.

— Ахъ ты... что жъ это... вѣдь красавица, ай-ай-ай... — вздыхая и улыбаясь, почти шопотомъ повторялъ Николай Григорьевичъ. — Точно выросла. Ишь ты. Молодецъ. Что ты? Что? Напугалъ я тебя, а?

— Конечно, напугалъ, ты хоть кого... — замѣтилъ генералъ, у котораго на голубые, красивые и добрые глаза тоже набѣжали слезы. Онъ спряталъ руки въ карманы и, отойдя къ периламъ, смотрѣлъ, улыбаясь, въ паркъ.

У Зины грудь тяжело и высоко поднималась, точно готовая разлетѣться въ куски.

— Ну, что? Ну? Чего ты?.. — повторялъ Николай Григорьевичъ, слегка теребя ее за плечи.

Всѣмъ стало немного неловко. Зина оглянулась, отыскивая глазами Торжицкаго. Онъ въ это время, не торопясь и глядя въ лицо ея отцу, всходилъ на ступеньки, помахивая на ходу тростью. Зинѣ казалось, что фигура его въ темной курткѣ и сдвинутой назадъ твердой шляпѣ, его слегка поблѣднѣвшее лицо и взглядъ длинныхъ глазъ никогда еще не выражали столько увѣренности и достоинства.

— Вотъ позвольте васъ познакомить, Николай! Графъ Владиміръ Николаевичъ Торжицкій. Мой братъ,—слышала Зина.

Торжицкій снялъ шляпу и наклонился почтительно-низко. Николай Григорьевичъ протянулъ ему руку съ любезною улыбкою, но лѣвой рукой взялся за плечо дочери, точно боясь, что она уйдетъ.

— Les amis de mes amis...—пробормоталъ онъ, все улыбаясь тревожною улыбкою счастья.—Очень радъ. Извините за разсѣянность.—И онъ засмѣялся, показывая уже рѣдкіе зубы.

У Зины губы дрогнули вдругъ какимъ-то дѣтскимъ, некрасивымъ движеніемъ, и она выбѣжала въ дверь.

— Куда же ты? Куда она?—совсѣмъ растерявшись, кричалъ Николай Григорьевичъ и остановился среди балкона.

— Сейчасъ, папа... я шляпу!—донесся изъ-за двери невѣрно зазвенѣвшій, смѣющійся голосъ.

Всѣмъ стало неловко еще больше.

Черезъ четверть часа, однако, Зина сидѣла рядомъ съ отцомъ.

Николай Григорьевичъ положилъ ей руку на плечо и, глядя на нее внимательно, безпокойными глазами, говорилъ ей:

— Ну, гдѣ тутъ было писать, не могъ... Я вѣдь вдругъ... Ну, глупо, ну, старый дуракъ, а, матушка, ну, не могу, со мной всегда такъ. Вообразилъ чортъ знаетъ что!—морщась, какъ отъ физической боли, жаловался онъ:—думалъ, въ живыхъ тебя не застану, съ лошади свалилась... Брата ругалъ за эту дурацкую верховую ѣзду. Телеграфировать боялся... Да, хорошо вамъ, хорошо,— задумываясь, стихая и теребя усы, сказалъ онъ, услышавъ смѣхъ.

— Возможность ѣхать представилась... да я бы и такъ поѣхалъ. Въ Михайловское, конечно, не заѣзжалъ, чортъ съ ними, съ дѣлами. А въ городѣ еще тошнѣе. Хамы, главное!— съ внезапнымъ порывомъ произнесъ онъ:—вотъ вѣдь отчего Россія пропадаетъ. Вѣдь человѣка нѣтъ, не зараженнаго этой мерзостью, ни одного-о-о!—закричалъ онъ, весь красный отъ негодованія, всталъ и схватился за голову: — воровство самое подлое... „Веревочка? А... давай сюда веревочку“,—тономъ гоголевскаго Осипа сказалъ онъ: — ничѣмъ подлецы не брезгаютъ, краюшки хлѣба тащатъ... и хамство. Россія отъ этого гніетъ живьемъ, съ костьми, какъ въ...—Онъ остановился, словно спохватившись.

— Я недавно, — снова успокаиваясь и съ улыбкой теребя усы, сказалъ онъ: — братъ, слышишь! — обратился онъ къ генералу, который вновь принялся за занятіе, прерванное приходомъ Зины, и что-то чинилъ въ крупныхъ серебряныхъ часахъ брата:— я недавно нашему оберъ-дураку-то говорю... Ну, да послѣ, не въ томъ дѣло! — махнувъ рукой, перебилъ онъ себя: — нельзя, батюшка, когда ты начнешь возиться съ этою дрянью...

— Да слышу,—отозвался Александръ Григорьевичъ:—ну, говоришь оберъ-дураку, воображаю что...

— Послѣ,—повторилъ Николай Григорьевичъ и снова близко сѣлъ къ дочери.—Ну, ты ѣшь, бери тарелку... Вѣдь бѣлые грибы въ кастрюлѣ... Это вѣдь пре-елесть... У насъ такихъ и въ поминѣ нѣтъ... Я ужъ позавтракалъ...

— И совсѣмъ ей не надо ѣсть... Скоро обѣдать, — замѣтилъ генералъ.

Зина ломала корочку чернаго хлѣба и смотрѣла на отца возбужденными, блестящими глазами. Сухія губы ея нервно улыбались, и на щекахъ пятнами загорѣлся румянецъ. Въ эту минуту отъ присутствія Торжицкаго, который видѣлъ все, что она переживала, и оттого, что первыя минуты встрѣчи миновали, ей уже было почти весело.

— Краса-авица, ишь ты вѣдь... Скажите, пожалуйста... молодецъ! — протяжнымъ шопотомъ снова повторялъ Николай Григорьевичъ.

— Ну, твои часы сейчасъ готовы,—сказалъ генералъ:—ужъ и въ безпорядкѣ... Вотъ обычай-то, графъ: на полтора часа впередъ были, это, чтобъ не опоздать! Ужъ точно, кромѣ Россіи, нигдѣ этого не встрѣтишь...

— Не понимаешь ты этого, что жъ съ тобой дѣлать, — возразилъ Николай Григорьевичъ: — безъ этого нельзя... Братъ!— вскричалъ онъ испуганно: — ты смотри... хоть на четверть часа поставь впередъ... я иначе не могу: у меня тоска будетъ!

— Хорошо, хорошо!..

Зина видѣла почти черезъ весь балконъ Торжицкаго, который въ небрежной позѣ сидѣлъ въ креслахъ, запрятавъ обѣ руки въ карманы и изрѣдка холоднымъ и твердымъ взглядомъ провожая фигуру шагавшаго Николая Григорьевича. И блѣдное, суровое лицо его начинало пугать ее выраженіемъ холоднаго и почти скучающаго недовольства.

Съ глаза на глазъ она оставалась въ этотъ день съ отцомъ недолго. Онъ зашелъ къ ней въ комнату, поцѣловалъ ее, еще разъ сказалъ, что она молодецъ и, ни о чемъ даже не спросивъ, принялся разсказывать о какихъ-то служебныхъ непріятностяхъ и о томъ, какую пристройку дѣлаютъ къ дому въ Михайловскомъ.

— Нѣ-ѣтъ, на покой пора, кончено!—прохаживаясь и теребя усы и за это время отпущенную, густую и неровную бороду, говорилъ онъ:—если еще съ этими хамами повозиться —изъ ума выживешь...—Онъ замолчалъ и, острымъ взглядомъ посмотрѣвъ на дочь, спросилъ:—кто этотъ графъ еще? Удивительное дѣло у брата. Всякій разъ кто-нибудь, при комъ не знаешь, какъ говорить. Хлыщеватый малый, кажется, и изъ польскихъ пановъ. Не люблю этотъ сортъ.

Зина молчала, наклонивъ надъ столомъ голову; но все лицо ея, самыя черты лица вдругъ измѣнились и осунулись.

— Не знаю,—что-то чертя на бумагѣ, возразила она, наконецъ, и опущенныя вѣки ея задрожали:—какой же онъ панъ?

— Ну, вѣдь полякъ. Православный?

— Да.

— Ну, значитъ обрусѣлый.

Зина чувствовала на себѣ взглядъ отца и смѣло, сдерживая дыханіе, подняла на него глаза.

Отецъ стоялъ среди комнаты и смотрѣлъ на нее пристально

съ своимъ обычнымъ, неслышнымъ, внутреннимъ смѣхомъ во взглядѣ и лицѣ.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ гуляешь и разговариваешь и, кажется, верхомъ ѣздишь?—не то ласково, не то насмѣшливо спросилъ онъ и тихо разсмѣялся.

Зинѣ показалось, что полъ заходилъ подъ ея ногами.—„Точно сонъ,“ съ ужасомъ думала она, все глядя молча на отца. Лицо его вдругъ дрогнуло, и онъ схватился за сердце.

— Ну, та-акъ и зналъ!—вскрикнулъ онъ съ такимъ порывомъ отчаянія, что Зина вздрогнула тоже:—такъ и есть!.. Мерзавцы эти... Это, чортъ знаетъ, что такое! Что теперь дѣлать?!—Онъ застоналъ, всплеснувъ руками, и схватился за голову.

— Что ты, папа?—выговорила Зина, и блѣдное, съ темною тѣнью подъ глазами лицо ея приняло суровое выраженіе.

— А-а, матушка, да бумажни-икъ!—морщась, совсѣмъ плачущимъ голосомъ, на весь домъ закричалъ онъ.—Вѣдь это что жъ такое! Потерялъ! Забылъ, стало быть... Вѣдь тамъ семь съ полтинкой... Изъ англійскаго магазина. Ты этого не понимаешь... Нѣтъ ничего!—щупая карманы, повторялъ онъ.—Марѳа Андреевна!—закричалъ онъ:—Константинъ... Никого! Этакъ нельзя Братъ, да поди сюда... Зина, гдѣ твоя старуха, скажи, пожалуйста?

Генералъ пришелъ и забезпокоился.

— Погоди, можетъ, здѣсь гдѣ-нибудь.

— Ахъ, да нѣтъ, вѣроятно, въ вагонѣ или на извозчикѣ, скорѣе всего. Въ карманѣ вотъ нѣтъ...

— Въ размахайкѣ, навѣрное,—снисходительно улыбаясь, сказалъ Архипычъ, появившійся на шумъ.

— Да вздоръ, тамъ и кармана нѣтъ. Ничего ты не понимаешь. Гдѣ этотъ мерза-авецъ?—грозя кому-то кулакомъ, кричалъ Николай Григорьевичъ.

— Кто-съ?

— Извозчикъ гдѣ? У него въ коляскѣ.

— Да нешто извозчика, помилуйте, сыщешь? Давно уѣхалъ.

— Ну, во-отъ!..

Архипычъ пошелъ въ переднюю, принесъ изъ кармана крылатки старый, рыжій бумажникъ, и все затихло.

Поздно вечеромъ Николай Григорьевичъ сидѣлъ въ залѣ за столомъ съ поданнымъ для него ужиномъ, пилъ красное вино и наполнялъ своимъ голосомъ весь домъ. Онъ все время находился въ сильно возбужденномъ состояніи, много вина выпилъ еще за обѣдомъ, изображалъ цѣлыя собранія и засѣданія, бранилъ сна-

чала N—скаго губернатора, потомъ уже N—ское земство и, если съ нимъ не соглашались, охалъ и стоналъ на всю усадьбу.

Пріѣхавшій вечеромъ Володя велъ себя особенно сдержанно съ Торжицкимъ, сидѣлъ напротивъ дяди и, думая очевидно о другомъ, слушалъ его съ разсѣянной улыбкой.

— Зарапортовались, батюшка!—опорожняя бутылку, кричалъ Николай Григорьевичъ:—мировые судьи не годятся, жить въ деревняхъ нельзя. Знаю, что скверно, да развѣ такія учрежденія ломаютъ? Они бы, конечно, рады все сломать, да нельзя. Сила вещей, батюшка! Постой, постой,—вдругъ вставая, сказалъ онъ, и лицо его приняло озабоченное выраженіе:—я вѣдь тамъ травникъ Михайловскій привезъ: это вѣдь пре-елесть, что такое. Володя, вели, голубчикъ, подать, забылъ... въ передней.

— Сейчасъ, дядя.

— Ну, вотъ... Володя, отвѣдай; говорю, лучше шампанскаго!— кричалъ Николай Григорьевичъ, стоя съ бутылкой травника въ рукахъ.

Но Володя, всегда считавшій долгомъ увѣрять всѣхъ, что онъ не пьетъ, особенно водку, отказался.

— Какъ? Вотъ тебѣ и разъ!.. Дуракъ же ты, братецъ! Вотъ молодежь-то стала... Ну, вольному воля... Братъ, ты не будешь? Графъ, вы не кушали... Не угодно ли?..

Торжицкій отказался тоже и началъ прощаться. Ему необходимо нужно было выѣхать на другой день рано въ Москву, и онъ просилъ позволенія удалиться.

Всѣ давно разошлись, и въ домѣ затихали послѣдніе звуки, когда Зина расхаживала по своей комнатѣ. Уходя спать, Лидія Васильевна просила ее зайти къ ней. Она даже начала говорить о томъ, что ее безпокоило.

— Въ какое ты меня положеніе поставила сегодня передъ отцомъ?—сказала она, войдя въ комнату племянницы, но въ коридорѣ гремѣлъ голосъ Николая Григорьевича, и, вѣроятно, она побоялась, чтобы разговоръ ихъ не былъ услышанъ. — Я прошу тебя придти ко мнѣ въ спальню, мнѣ нужно съ тобой поговорить,— сказала она и, уходя, прибавила усталымъ и раздраженнымъ голосомъ: — я люблю твоего отца, но ужъ очень кричитъ... силъ нѣтъ, у меня просто голова идетъ кругомъ.

Зина не пошла къ ней. Она дождалась, когда генералъ отправился изъ кабинета, гдѣ остановился Николай Григорьевичъ, въ спальню. Вести интимный разговоръ уже оказалось неудобнымъ.

Она надѣла свой тонкій, батистовый халатъ и, заплетая волосы, неслышно шагала въ мягкихъ туфляхъ.

Голова ея была очень слаба и пуста и минутами кружилась. Она думала о томъ, какъ обстоятельства надвигались на нее со всѣхъ сторонъ, и ей было страшно. Что-то безпощадное, какъ тучи, собиралось надъ ней и готово было разразиться. Она это чувствовала и дышала тяжело и скоро. Она вспоминала лицо Лидіи Васильевны весь этотъ день, выраженіе затаенной озабоченности и испуга, и ея неумѣнье скрыть свое настроеніе, холодность, звучавшую въ каждомъ словѣ, когда она обращалась къ Торжицкому, и его лицо, которое дѣлалось все увѣреннѣе и спокойнѣе, выражало все больше достоинства, точно кругомъ дѣлалось нѣчто чрезвычайно хорошее и значительное, чего онъ былъ виновникомъ. Вспомнила она также, что княгиня безъ нея оставалась въ Ольховкѣ полдня и вѣроятно говорила съ ея теткой. И все время, пока она думала объ этомъ, въ ушахъ ея звенѣлъ крикливо-густой, сильный голосъ отца, его восклицанія и стоны, а когда отяжелѣвшіе глаза ея, передъ которыми предметы дрожали и качались, закрывались, вырисовывалась его фигура въ размахайкѣ и свирѣпое, испуганное радостью, старчески-слабое лицо. Онъ, разумѣется, пріѣхалъ, чтобъ везти ее въ деревню, и въ ослабѣвшей головѣ ея путалось время и событія, и она переставала понимать значеніе всего, что случилось. Точно ли случилось что-то такое, чего нельзя вернуть и что должно измѣнить всю жизнь?.. Но все то, о чемъ она думала, всѣ эти внѣшнія обстоятельства въ сущности не имѣли значенія. Самое ужасное было — его блѣдное, чѣмъ-то раздраженное, злое лицо и эти новые глаза, которые казались особенно страшны и холодны, когда онъ старался улыбаться. Это было ужасно, и объ этомъ она все время старалась не думать.

— Что это такое? Что дѣлать? Надо все обдумать, такъ нельзя...— вертѣлось въ ея головѣ. Она весь день искала съ нимъ встрѣчи наединѣ и къ вечеру уже не сомнѣвалась, что онъ избѣгаетъ ея. Онъ почти все время болталъ съ Колей и смѣялся сухимъ, рѣзкимъ смѣхомъ и холодными глазами. „Когда ты поняла, что любишь меня, ты должна была знать, на что идешь!“ вспомнилось ей вдругъ, и стало лучше. Ей вспомнилось все это утро, туманное, теплое, и не слова его, не лицо, а онъ весь, чувство его близости, и это пресыщеніе, почти утомленіе счастьемъ. Воспоминанія послѣднихъ дней, опьянявшія ее въ его отсутствіи, нахлынули на нее, и сердце у нея сжималось такою острою

и сильною болью, что она сѣла въ кресло и закрыла лицо руками. Она видѣла и чувствовала его подлѣ, и ее стало тянуть къ нему. Ей казалось невозможнымъ, что онъ уѣдетъ, и она останется одна. Все значеніе того, что случилось, представилось ей во всей своей силѣ, и она подумала, что жизнь ея не можетъ и не должна оставаться такою, какова она есть до сихъ поръ, и, что главное, не оглядываться.

Въ домѣ потушили всѣ огни, и все было тихо, когда она не спѣша вышла изъ своей комнаты и стала неслышно подыматься по лѣстницѣ, наверхъ. У нея сильно билось сердце, и, какъ и въ Москвѣ, ей казалось, что она дѣлаетъ что-то гадкое, и что это вовсе не есть счастье, но что дѣлать это надо, а то нельзя жить. И она не пробовала бороться.

Когда дверь въ комнату, гдѣ жилъ графъ Торжицкій, отворилась, онъ въ черной тужуркѣ, которую носилъ вмѣсто халата, и туфляхъ отошелъ поспѣшно отъ окна, испуганный до бѣлизны губъ.

— Что ты? Что ты дѣлаешь, Зина?—шопотомъ, точно съ просонья, заговорилъ онъ и, обнявъ ее, ввелъ въ комнату и затворилъ дверь.—Развѣ можно... Тебя увидятъ!—тяжело дыша, повторилъ онъ.

Онъ держалъ ее за гибкую и тонкую талію, близко глядя въ ея лицо съ тяжелыми глазами и строгимъ складомъ губъ, испуганнымъ и потеряннымъ взглядомъ. И она, держась за его плечи, смотрѣла въ его безпокойные глаза и молчала.

— Ты хотѣлъ, чтобъ я пришла?—шопотомъ выговорила она.

Онъ молчалъ.

— Я не могла, чтобы завтра ты уѣхалъ. Это невозможно, ты понимаешь самъ.

Она не могла говорить и замолчала, съ трудомъ дыша и все глядя на него.

— Что ты сдѣлалъ со мною?—сказала она.—И тебѣ не легко, да?

Онъ опять молчалъ.

— Отчего ты такой весь день? Мнѣ страшно. Скажи хоть, что ты чувствуешь? Ты знаешь, какъ я люблю тебя? Да? Я тебя такъ люблю...—И она спрятала лицо на его груди.—Да. Это все вздоръ, все, что я вынесла нынче. Да, а вотъ я люблю тебя.—Она подняла голову и смотрѣла на него тяжелыми глазами.—Ты не знаешь, что это такое. Ты этого не *могъ* никогда испытать, я знаю. Я тебѣ жизнь готова отдать; если на томъ свѣтѣ есть вѣчныя мученія, мнѣ и тогда все равно. Если бъ я знала, что можно *такъ* любить, лучше тогда же, когда я тебя увидала...

Торжицкій вдругъ почувствовалъ, что она не стоитъ на ногахъ, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ удержать ее, она, какъ снопъ, повалилась на полъ къ его ногамъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Я люблю тебя!—сквозь отчаянныя рыданія, не пытаясь вставать, сказала она.

XXXVIII.

Въ восьмомъ часу утра графъ Торжицкій увѣренными и спокойными, какъ всегда, шагами, съ папиросой въ зубахъ и лохматою, сырою простынею на плечѣ, вышелъ изъ прямой аллеи ольховскаго парка. Лицо его было очень блѣдно, но свѣжо послѣ утренняго купанья; мокрые, коротко подстриженные, густые волосы блестѣли стальнымъ отливомъ ниже шляпы на солнцѣ; движенія казались простыми и неторопливыми, и голосъ звучалъ обычными сухими и развязными нотами, когда, остановившись, онъ позвалъ къ себѣ конюха. Молодой малый въ рубахѣ, подметавшій конюшню, кинулся со всѣхъ ногъ къ нему.

— Что же извозчикъ?—сказалъ Торжицкій:—я вчера говорилъ.

— Сейчасъ, надо полагать, пріѣдетъ, ваше сіятельство. Полчаса осьмого приказали... Я сбѣгаю сейчасъ. Да вонъ никакъ.

Отъ проспекта, бросавшаго еще длинную тѣнь, точно, уже стучала телѣжка, запраженная сытою лошадью.

— Пролетка въ починкѣ-съ...

— Все равно, — сказалъ Торжицкій и, какъ ни старался скрыть торопливости, замѣтно ускореннымъ шагами, нагнувъ голову и куря, пошелъ по двору.

Кракъ, тоже мокрый отъ купанья, побѣжалъ рысцой слѣдомъ за нимъ.

„Это не отъѣздъ, это какое-то подлое бѣгство“, подумалъ Торжицкій, поднялъ голову и пошелъ тише.

Дворъ былъ залитъ лучами утренняго солнца и пустъ, изъ цвѣтника, отъ балкона доносился запахъ резеды и левкоя. Торжицкій посмотрѣлъ на большое итальянское окно, съ опущенной бѣлой шторой, и отвернулся.

„Вздоръ, — думалъ онъ, неторопливымъ движеніемъ вынимая изъ кармана панталонъ часы съ горстью брелоковъ на короткой цѣпочкѣ:—четверть восьмого... Она не встанетъ, и не зачѣмъ ей вставать...“ И онъ поморщился, какъ отъ очень дурнаго воспоминанія.

„Да,—подумалъ онъ, сжимая блѣдныя и сдѣлавшіяся особенно тонкими губы:—такъ скверно еще, кажется, никогда не было“.

Онъ усмѣхнулся и началъ насвистывать. Ему хотѣлось идти какъ можно скорѣе, но то чувство достоинства, которое проявлялось въ немъ такъ сильно со вчерашняго дня, удерживало его, и ему казалось, что онъ шелъ по двору усадьбы не менѣе получаса. У него не было никогда слуха, и самый опытный музыкантъ не отгадалъ бы, что́ онъ старался насвистѣть, да и онъ самъ не зналъ, вѣрно ли вспоминаетъ шаблонный мотивъ, начавшій его преслѣдовать почему-то еще въ *ту* ночь, послѣ ихъ перваго свиданія.

„Ахъ, чортъ возьми, если бъ этой ночи не было“, думалъ онъ.

Онъ свистѣлъ все время, пока Архипычъ подавалъ ему пальто и пока ставили небольшой, заграничный чемоданчикъ въ экипажъ.

Онъ направился было къ лѣстницѣ въ коридорѣ, но остановился въ замѣшательствѣ, и такъ и вернулся, не зайдя въ свою комнату наверхъ.

— Если я что-нибудь забылъ, пусть Владиміръ Александровичъ привезетъ,—сквозь папиросу, бывшую у него въ зубахъ, сказалъ онъ, въ шляпѣ и пальто выходя на галлерею. Голосъ его чуть-чуть дрожалъ.

— Слушаю, — сказалъ молодой мальчишка, прислуживавшій ему и только что получившій съ него на чай.

— Смотри, вези ходчѣй, — наставительно обратился онъ къ малому въ сѣромъ казакинѣ, сидѣвшему на облучкѣ.

— Ладно.

На деревнѣ лавочникъ давалъ въ наемъ лошадей, которыми иногда пользовались ольховскіе обитатели. Торжицкій былъ радъ, что могъ обойтись безъ услугъ хозяевъ.

Онъ взобрался молча на высокую и неудобную, съ какимъ-то подобіемъ рессоръ, телѣжку, молча приподнялъ шляпу, предполагая, что ему должны кланяться, и рѣзкимъ голосомъ, все съ папиросой въ зубахъ, сказалъ:

— Трогай!

Колеса застучали по укатанной дорогѣ къ проспекту. Что дѣлалось на дворѣ, а тѣмъ болѣе въ итальянскомъ окнѣ, онъ не зналъ, потому что былъ весь занятъ болѣе удобнымъ устройствомъ въ телѣжкѣ своего чемодана.

„Это называется: отступить добровольно съ занятыхъ позицій въ полномъ боевомъ порядкѣ“, пробуя улыбнуться, думалъ онъ уже въ тѣни мелькавшихъ передъ нимъ бѣлыми стволами березъ проспекта. И глаза его опять заблестѣли холоднымъ и не-

добрымъ блескомъ и выразили страданіе. На проспектѣ было свѣжо, деревья слабо шумѣли отъ едва замѣтнаго, налетавшаго вѣтерка, и съ правой стороны, вдали за ярко-зеленымъ ковромъ травы, искрилась вода длиннаго, небольшого пруда.

— Неужели я здѣсь въ послѣдній разъ?—спросилъ онъ себя съ невольнымъ ужасомъ и рѣшилъ тотчасъ же: —но чѣмъ скорѣе перестать лгать, тѣмъ лучше. Не виноватъ же я въ самомъ дѣлѣ, что не люблю ее?

Онъ все время, выкуривая папиросу за папиросой, думалъ объ этомъ. Да и вообще много, страшно много мыслей и воспоминаній, яркихъ и несносныхъ, приходило къ нему въ эту долгую, хорошо знакомую ему, однообразную дорогу, подъ неугомонное постукиванье и толчки экипажа. И страданія его были въ томъ, что, кажется, въ первый разъ въ жизни, онъ рѣшительно не былъ способенъ отвѣтить себѣ: любилъ онъ ее еще, или нѣтъ?

Собственно то, что было теперь, случалось далеко не въ первый разъ въ его жизни. Ему много разъ приходилось грубо обрывать отношенія съ женщинами, которыя увѣряли, что любили его, а иногда и точно любили; приходилось и многое выносить вслѣдствіе этого. Всегда въ такіе періоды онъ дѣлался особенно рѣшителенъ и смѣлъ, и то, что казалось опаснымъ и труднымъ, выходило легче, чѣмъ онъ ожидалъ. Такъ собственно было и теперь. Когда, послѣ ихъ послѣдней, длинной прогулки, во время которой много хорошихъ намѣреній и смѣлыхъ плановъ проносилось въ его головѣ, онъ вдругъ почувствовалъ съ полною опредѣленностью неудержимое желаніе очутиться какъ можно дальше отъ *нея*, съ ея блѣднымъ, перепуганнымъ лицомъ и дѣтскимъ плачемъ, и отъ этого чудака въ размахайкѣ, съ свирѣпымъ лицомъ и покраснѣвшими отъ набѣжавшихъ слезъ глазами, съ его безтолковой болтовней и необузданной радостью, и отъ всей этой гадкой, ненужной исторіи, въ которую онъ попалъ, — знакомое чувство самообладанія и даже нѣкоторой самозащиты уже заставило его какъ-то всего пріободриться и поднять голову. Лицо его уже выражало—онъ чувствовалъ это—спокойное сознаніе, что съ здравымъ смысломъ и силою вещей бороться глупо, а что, затѣмъ, если хотятъ отъ него требовать расплаты за то, въ чемъ считаютъ его виноватымъ, такъ онъ весь къ услугамъ.

Но что-то совсѣмъ новое, страшное и мучительное подымалось въ немъ откуда-то съ глубины души, что-то, чего онъ не зналъ, что путало все, къ чему онъ вовсе не привыкъ и чего боялся. „Не виноватъ же я, что не люблю ея“, повторялъ онъ,

но легче отъ этого не было. Страшный призракъ, давно пугавшій его и теперь приблизившійся къ нему окончательно, было чувство неожиданной и нестерпимой жалости въ дѣвушкѣ, которую онъ погубилъ,—такой жалости, какой онъ никогда еще не испытывалъ, которая сбивала его со всякаго толка и не позволяла отнестись къ этой исторіи такъ, какъ онъ отнесся бы прежде. На его терпѣливой совѣсти было не малое количество всякихъ тяжелыхъ и неловкихъ встрѣчъ, непріятныхъ объясненій, слезъ; но не было еще ничего, похожаго на этотъ день, на обезумѣвшаго отъ радости старика, взволнованную Лидію Васильевну и потерянную, несчастную, ничего не понимающую дѣвочку... Во всемъ этомъ было что-то гадкое, подлое, въ чемъ онъ не могъ и не хотѣлъ быть участникомъ.

Съ самой первой минуты встрѣчи ея съ отцомъ, онъ все думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ уѣдетъ, что это будетъ лучше и для него, и для нея. Но не могъ рѣшиться. Удерживалъ его не страхъ возбудить подозрѣнія, а все то же больное и незнакомое чувство. И онъ все сидѣлъ и смотрѣлъ на то, что происходило передъ нимъ, а въ головѣ его мелькала ужасавшая его мысль, что, если онъ уѣдетъ, такъ ужъ не вернется и не сдѣлаетъ ничего для ея спасенія. И ему было страшно отъ сознанія, что съ каждою минутою этого длиннаго, тяжелаго дня, начавшагося такимъ угрюмымъ утромъ, въ немъ все меньше и меньше любви къ ней и все больше глухой и скрытой досады на то, что она вовлекла его въ эту постыдную исторію, — досады, которая такъ странно уживалась съ чувствомъ болѣзненной жалости къ ней.

Во всей силѣ испытывалъ онъ эти сложныя страданія поздно вечеромъ въ своей просторной комнатѣ, наверху, куда онъ ушелъ, чтобъ одуматься, понять наконецъ, что онъ чувствуетъ? Онъ открылъ окно и курилъ, глядя на наволочное, печальное небо и прислушиваясь къ глухимъ порывамъ вѣтра въ паркѣ, то подымавшимся, то стихавшимъ. „Какъ же ее спасти?» спрашивалъ онъ себя, и ужасъ бралъ его. „Если мнѣ такъ жалко ее, значитъ я люблю ее. Значитъ...»

Но въ тишинѣ пустого верха, гдѣ онъ жилъ, и куда поминутно доносились теперь уже знакомые ему, дикіе возгласы снизу, у открытаго окна, въ которое врывались теплыя волны вѣтра, мысли его были гораздо яснѣе. Главное же не было ея, ея испуганнаго и измученнаго лица. И здѣсь онъ не могъ лгать себѣ. Любви, въ которой онъ увѣрялъ ее и которая погубила ее, въ немъ уже не было ни капли.

„Какъ будто я не знаю, что, если бъ я былъ свободенъ, никогда не женился бы на ней“, думалъ онъ, глядя въ разорванныя тучи холодными, блестящими глазами.

— Зачѣмъ же лгать? *Этого* еще за мной не водилось, прибавилъ онъ вслухъ, и голосъ его рѣзко, непріятными звуками раздался въ пустой комнатѣ, освѣщенной полыхавшей отъ вѣтра свѣчей.

Онъ долго ходилъ, то возвращаясь къ окну и садясь, то снова вскакивая. Онъ убѣждалъ себя, что во всемъ, что его мучило, много предразсудковъ, что въ паденіи ея нѣтъ ничего ужаснаго; что она все же не ребенокъ, даже не барышня, ничего не понимающая, а дѣвушка съ выработанными, новыми взглядами. И вдругъ вспоминалъ ее, въ ея большой, соломенной шляпѣ, недоумѣніе, съ которымъ она взглянула на него, когда онъ глупо и грубо закричалъ на нее въ саду, и слезы, бѣжавшія по ея жалкому лицу... „А-ахъ, не хочу я этого!“ вздрагивая и морщась, говорилъ Торжицкій, и опять вскакивалъ и ходилъ.

Мысли, совсѣмъ не тѣ, какія обыкновенно соединены были съ ней, преслѣдовали его, точно гнались за нимъ въ этой скучной комнатѣ съ пыльнымъ письменнымъ столомъ и старыми, пестрыми обоями. Ему какъ будто вдругъ открылась новая сторона жизни, ихъ отношеній и того, что называютъ любовью. Совершенно противъ воли онъ думалъ о томъ, какъ бы хорошо и просто могла пройти ея жизнь; о томъ, что она могла бы хорошо выйти замужъ, что она небогата и что по этому одному вопросъ замужества для нея важенъ. Онъ думалъ о томъ, что по воспитанію и положенію и по всему она ему чужая, ничего въ нихъ нѣтъ общаго; зачѣмъ онъ попалъ сюда? „Это вѣдь не ложь—эти ея занятія и мечтанія и вѣра во что-то, чего она и сама, кажется, ясно не понимаетъ“, думалъ онъ: „и отецъ ея такой же.“ Ихъ встрѣча, которой онъ былъ свидѣтелемъ, напоминала что-то ему далекое и хорошее. Что-то было въ ней очень серьезное, о чемъ стоило думать, и что онъ понялъ, вѣроятно, потому, что женщина эта принадлежала ему, что онъ былъ такъ страшно связанъ съ ней.

„Ну, и какъ же?“ вдругъ спрашивалъ онъ себя, и вся кровь ударяла ему въ голову: „*я погубилъ ее*?... И помочь нельзя и ничѣмъ нельзя поправить?“ Онъ опять ходилъ, и слово „погубилъ“ вертѣлось въ его головѣ. И онъ думалъ о томъ, что за все время онъ въ первый разъ смотритъ на нее, какъ на *человѣка*, видитъ въ ней не женщину, не любовницу свою, а *человѣка*, сестру, и что это приноситъ ему невозможныя страданія, и именно это должно окончательно погубить ее... И въ это время она вошла къ нему.

Онъ не въ силахъ былъ ее видѣть, въ ея узкомъ свѣтломъ халатикѣ, въ которомъ фигура ея казалась несложившеюся. Жалость охватила его съ невозможною силою. Ему пришло въ голову, что она просто больна, что онъ довелъ ее до этой болѣзни и всѣми зависящими отъ него средствами успливалъ ее, оттого она и погубила себя. Эта мысль, что любовь ея была психическая болѣзнь, которая ее такъ скоро и легко скрутила, ужасала его и наполняла отвращеніемъ къ себѣ, и онъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы поправить преступленіе, которое совершилъ. Она смотрѣла на него странными, больными—онъ понималъ это теперь—глазами и говорила какой-то бредъ, который *ему*, послѣ всего, конечно, можно было говорить только въ ненормальномъ состояніи. И когда онъ, подымая ее съ пола, началъ просить у нея прощеніе, ему вдругъ показалось, что онъ любитъ ее, и что онъ способенъ на что-то великое и прекрасное. Ему показалось, что чувство его къ ней совсѣмъ новое, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, что онъ называлъ прежде и что принято называть любовью. И въ этомъ *все*. Онъ поднялъ ее и хотѣлъ сказать ей все, что передумалъ и что чувствовалъ. Что онъ любитъ ее, какъ сестру, видитъ всю свою преступность, всю глубину своей мерзости и грязи, и что можно еще все поправить. Что онъ готовъ умереть, чтобы смыть вину свою передъ ней; что только теперь онъ понялъ другую любовь къ женщинѣ; что *она* открыла ему другую, недоступную сторону жизни и сдѣлала его другимъ человѣкомъ; что ради этого онъ умоляетъ ее уйти, успокоиться, что во имя этого имъ слѣдуетъ разойтись. Но вся безобразная нелѣпость этихъ словъ была ему понятна. То, что онъ хотѣлъ и не могъ сказать ей, было несравненно больше бредъ, чѣмъ то, что говорила она и что выражало ея измученное и возбужденное, страшное своимъ болѣзненнымъ восторгомъ отчаянья и любви лицо. Ему казалось, что лицо это позрѣлѣло за одинъ день на много лѣтъ. Оно было неузнаваемо съ этимъ тяжелымъ, скорбнымъ взглядомъ и сурово строгимъ складомъ губъ. Передъ нимъ уже стояла совсѣмъ не та дѣвочка, которую онъ зналъ.

Ему было страшно смотрѣть на нее, какъ на приговореннаго къ смерти, и хотѣлось убѣжать отъ нея.

— А-а...—говорила она, упорно и строго, безъ тѣни своего обычнаго милаго смущенія глядя на него:—теперь ты не можешь не вѣрить, что я люблю тебя? Ты ужъ самъ, кажется, не радъ. Теперь понялъ, во *что* ты игралъ. А если бы *тогда же*, когда началъ это, убилъ бы меня, задушилъ... было бы лучше, для насъ обоихъ... да...

— Полно, что ты говоришь?—въ суевѣрномъ ужасѣ прерывалъ онъ.

— Да, конечно,—продолжала она съ какимъ-то страшнымъ спокойствіемъ въ тонѣ.

Голосъ ея спалъ и лишился всякой звучности. Подернутые слезами глаза выражали тоску и боль; но она улыбалась, и безсмысленная улыбка пугала его.

— Вѣдь *я*-то... не слажу съ этимъ, ни за что. Развѣ я умѣю жить? У меня голова не выдерживаетъ ужъ теперь. Я чувствую. Да. А тебя не разлюблю. Я знаю, ты меня не любилъ. И я не должна была любить тебя, это насмѣшка надо всѣмъ, но тѣмъ хуже. Это не забывается. Ты *все* взялъ у меня, а я тебя люблю. Твое лицо, руки, глаза. Люблю я тебя,—и она опять рыдала и падала.

Онъ умолялъ ее успокоиться, но его самого душили слезы. Близость ея слабаго, тонкаго тѣла начинала дѣйствовать на его нервы; онъ былъ радъ этому и, чтобъ унять свое чувство жалости къ ней, сталъ говорить ей все то, что языкъ его привыкъ говорить въ такихъ случаяхъ. Но онъ не забывалъ ни на мгновеніе, что лжетъ, и ни на мгновеніе не переставалъ презирать себя.

Онъ провелъ ужасную ночь, воспоминаніе о которой мучило его и дорогой, и послѣ, и которой онъ уже никогда не могъ забыть вполнѣ.

Было что-то страшное въ этихъ переходахъ отъ одного настроенія къ другому, въ этомъ не оставлявшемъ его чувствѣ тоски и пустоты, въ гадливости къ себѣ и въ страсти, которой онъ хотѣлъ и не могъ отдаться. И когда утромъ, при безпокойномъ щебетаньѣ воробьевъ за окномъ, въ молочномъ туманѣ разсвѣта, онъ сталъ прощаться съ ней, онъ чувствовалъ и думалъ, что страдаетъ больше, чѣмъ она, и завидовалъ ей... Ее поддерживало сознаніе силы своей любви, готовности на жертву, на все, своей правоты, наконецъ; его совершенно разбивали болѣзненное чувство жалости, исключавшее всякую возможность такой любви, о которой онъ говорилъ ей, и отвращеніе къ себѣ и страхъ, что онъ ее броситъ. У нея были минуты, когда она говорила ему, что хочетъ страдать за него больше и больше, что это—счастье, о которомъ онъ не имѣетъ понятія, а онъ старался заглушить вдругъ подымавшуюся въ немъ безсмысленную злость на нее и понималъ всю низость этого чувства, и вновь до боли жалѣлъ ее и презиралъ себя.

Когда онъ ее проводилъ, страхъ, что въ домѣ обо всемъ узнаютъ, заставлялъ его дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Онъ долго стоялъ на порогѣ двери, прислушиваясь и теряя голову при мысли, что ее увидятъ. Но все было тихо. Онъ попробовалъ закурить папиросу, но табакъ ему былъ противенъ; онъ бросилъ ее, легъ на постель и заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ что-то безобразное; что будто для ея спасенія онъ рѣшилъ, съ ея согласія, убить ее; видѣлъ невозможныя мученія, которымъ подвергаютъ ее, много крови, и проснулся весь въ холодномъ поту.

Графъ Торжицкій подпрыгивалъ и покачивался въ своей неудобной телѣжкѣ, и отрывки слышанныхъ фразъ, послѣднія воспоминанія изъ мѣста, покинутаго такъ неожиданно и такъ грустно, самая атмосфера, которою онъ дышалъ тамъ, все это мчалось за нимъ какимъ-то печальнымъ бредомъ.

Дорога была та самая, по которой онъ ѣхалъ, всего нѣсколько дней назадъ, въ блѣдномъ, раздражающе-тревожномъ разсвѣтѣ, весь охваченный мучительно-страстнымъ безпокойствомъ обѣщаннаго на другой день свиданія. Онъ страшно боялся, что его не будетъ, и такъ много далъ бы теперь, чтобы совершенно вычеркнуть его изъ памяти.

Ему было скучно и нестерпимо больно. Тоска сожалѣнія и разрыва грызла его. Онъ много разъ думалъ о возможности этой минуты, сознавалъ и ея неизбѣжность, но никогда не представлялъ себя такимъ униженнымъ и несчастнымъ.

XXXIX.

Ужъ подъ вечеръ въ тотъ же день графъ Торжицкій подъѣхалъ къ крыльцу своего дома и звонилъ разъ десять сряду. Василій три дня, какъ пьянствовалъ, а лакей Кроткова только минутъ черезъ пять пробѣжалъ мимо съ озабоченнымъ лицомъ, съ селедкой, завернутой въ толстую бумагу, въ рукахъ.

— Баринъ не такъ давно уѣхали, ваше сіятельство, васъ спрашивали,—сказалъ онъ, отворивъ, наконецъ, дверь:—хотѣли даже телеграмму посылать. Что-то нужное...

„Опять какая-нибудь гадость“, подумалъ Торжицкій. Онъ провелъ день утомительно и безпорядочно. Изъ Ольховки проѣхалъ на ходынскій ипподромъ, осматривалъ лошадей, которыхъ готовили къ осеннимъ скачкамъ, и пробовалъ одну изъ нихъ; потомъ позавтракалъ со знакомымъ спортсменомъ и легъ спать, но заснуть не могъ. Набѣгали только короткія и безсвязныя, но яркія

грезы, и онъ вскочилъ, потерявъ терпѣніе и рѣшивъ, что уѣдетъ изъ Москвы. Обѣдалъ онъ съ барономъ Зибелемъ, котораго нашелъ на мѣстѣ его службы, въ полуиностранномъ и полуученомъ учрежденіи, гдѣ занимался цѣлый комплектъ свѣтскихъ молодыхъ людей безъ жалованья.

Все время ему было такъ скучно, что когда онъ ѣхалъ домой, то ему хотѣлось броситься на мостовую ничкомъ и плакать, какъ дѣлаютъ пьяные мужики.

„Хорошо, по крайней мѣрѣ, хоть то, что она сама пріѣхала тогда ко мнѣ“, думалъ онъ, входя въ переднюю, но ему стало совѣстно, и тоска мутила его еще сильнѣе. „Обычная исторія, разрывъ съ женщиной, которую думалъ, что любилъ,“ утѣшалъ онъ себя, и тотчасъ опять ему вспоминалась эта женщина—дѣвочка въ халатѣ съ похудѣвшимъ лицомъ, и тотчасъ опять дѣлалось совѣстно и гадко, и страшно.

„Да,“ снова думалъ онъ, глядя въ зеркало на свое несвѣжее и блѣдное, утомленное лицо, „оказывается неизвѣстно, что хуже: когда человѣкъ не можетъ быть человѣкомъ, или когда онъ неспособенъ обратиться въ животное!..“

Въ гостиной его встрѣтилъ лакей и подалъ, разглядывая, записку.

— Они вотъ вамъ записочку, на всякій случай, оставили,— замѣтилъ онъ.

Торжицкій развернулъ и, щурясь отъ дыма папиросы, сталъ читать. Лицо его вдругъ побѣлѣло совсѣмъ. Въ запискѣ было:

„Крайне сожалѣю, что не знаю, гдѣ и какъ поймать тебя. Милецкій встрѣтилъ тебя на скаковой конюшнѣ. Хотѣлъ тебя видѣть, чтобъ сказать, что Андрюша очень боленъ, кажется безнадеженъ. Завтра ѣду въ Подольскъ съ почтовымъ. Если не поѣдешь самъ къ графинѣ, пошли хоть Василья, когда онъ проснится, или же моего Ѳедора. Лишній человѣкъ нуженъ. Ночую дома. В. Кротковъ“.

Первое чувство, которое явилось въ Торжицкомъ, было негодованіе на Кроткова, на жену, на судьбу, онъ самъ не зналъ, на кого, за это новое и страшное извѣстіе. Какъ будто мало было удовольствій за эти два дня, чтобъ еще этотъ ударъ обрушился на него!

— Что за вздоръ! Андрюша безнадеженъ?—повторилъ онъ:— но онъ не умретъ, этого не можетъ быть.

— Вотъ оно что,—думалъ онъ, глядя въ окно на освѣщенную вечернимъ, золотымъ солнцемъ, бѣлую церковь съ ку-

полами и держа въ дрожащей рукѣ записку:—а я думалъ, что это *она,* съ *ней* что-нибудь. А это вотъ что.

Онъ никогда не говорилъ никому, что любитъ сына, не говорилъ и самому себѣ и едва ли сознавалъ это вполнѣ опредѣленно, но чувствовалъ теперь все страшное значеніе того, что узналъ. Безсознательно онъ думалъ о сынѣ тогда, когда старался понять, что жить нужно и стоитъ и что онъ можетъ быть полезенъ. Въ Андрюшѣ было для него всегдашнее прибѣжище, какое-то смутное утѣшеніе въ его безобразной, цыганской жизни и смутная надежда на измѣненіе этой жизни,—и его *не будетъ.* Ему было не жалко его, а страшно и какъ-то непонятно. Онъ собственно даже не вѣрилъ въ это. Тѣмъ не менѣе, ему все-таки было страшно, можетъ быть, вслѣдствіе этой ужасной ночи и всего, что онъ пережилъ... Онъ налилъ воды изъ графинчика, всегда стоявшаго въ гостиной, и выпилъ залпомъ. Въ головѣ его все путалось отъ выпитаго за обѣдомъ вина и усталости, и вмѣстѣ все, что до сихъ поръ его мучило, отодвинулось куда-то. У него было странное чувство, какъ будто до сихъ поръ происходило что-то, не касавшееся прямо его, а теперь ужъ дошло непосредственно до него самого. Онъ ходилъ и думалъ о томъ, что изъ всего этого будетъ? Что будетъ, если Андрюша точно умретъ? И жизнь, его собственное будущее казалось ему чѣмъ-то пустыннымъ, холоднымъ и печальнымъ.

Когда раздался звонокъ, онъ бросился было въ переднюю, но вдругъ остановился и съ выраженіемъ лица, которое было у него наканунѣ, когда онъ всходилъ на террасу ольховскаго дома, сѣлъ въ кресло и молча крутилъ усы.

Кротковъ вошелъ мрачный и взглянулъ на него исподлобья; но, замѣтивъ блѣдность его лица, смутился и весь точно съежился.

— Что такое, Боря?—спросилъ Торжицкій строго.

— Да вотъ... я написалъ тебѣ... Андрюша боленъ, — кладя на столъ фуражку и свертокъ, отвѣчалъ Кротковъ.

Торжицкій жадно смотрѣлъ въ его лицо, стараясь понять его выраженіе.

— Этимъ не шутятъ... Отчего безнадеженъ?—выговорилъ онъ, наконецъ.

— Да и я не шучу, Володя. Это слово не къ мѣсту. Онъ очень опасенъ,—грустно и кротко замѣтилъ адъютантъ.

— Что же такое?

— Долго не знали—что. Онъ болѣетъ давно. Но третьяго дня къ ночи стало хуже, и Крафтъ сказалъ, что... мудреное названіе. Въ мозгу что-то. Однимъ словомъ, скверно.

— Что же въ мозгу?.. Воспаленіе? — нетерпѣливо спросилъ Торжицкій.

— Да, въ родѣ... развѣ у нихъ поймешь?

— А она?—коротко и негромко спросилъ Торжицкій.

Кротковъ вдругъ покраснѣлъ.

— Она собственно бодра, но... мы, честное слово, боялись, что она съ ума сойдетъ. Вчера... Княгиня тамъ, такъ ничего не могла подѣлать. Она потребовала, чтобъ докторъ сказалъ ей всю правду... Видишь, у меня голосъ даже пропалъ... Очень на нее тяжко смотрѣть...

Торжицкій молчалъ.

— Что же... умретъ онъ, навѣрное?—рѣзко спросилъ онъ и всталъ.

— Положеніе опасное... Выздоравливаютъ рѣдко, а бываетъ и...

— Что такое?

— Да и послѣ выздоровленія иногда... вѣдь болѣзнь мозговая, дѣлаются этакими... неразвитыми, въ родѣ идіотовъ... Да, вѣдь, и врутъ они часто, развѣ имъ можно вѣрить! — торопливо прибавилъ онъ.

Кроткова мучила все время мысль, что онъ поступаетъ жестоко съ отцомъ этого ребенка; но онъ ѣхалъ сюда возмущенный и взволнованный до глубины души всѣмъ видѣннымъ и имѣлъ въ виду только одну цѣль—какъ-нибудь помочь несчастной, потерявшей голову женѣ Торжицкаго.

— Неужели этотъ... мерзавецъ такъ и сказалъ ей?—съ трудомъ передохнувъ, спросилъ Торжицкій.

— Да въ родѣ. Что жъ ему дѣлать?

Торжицкій поѣхалъ къ знаменитому дѣтскому доктору, лѣчившему Андрюшу, съ цѣлью разузнать все подробно и просить успокоить жену. Извозчикъ тащилъ его безъ конца по пустымъ и неосвѣщеннымъ улицамъ. На дворѣ уже смеркалось. У докторскаго подъѣзда дожидалась коляска; лакей стоялъ на крыльцѣ и бесѣдовалъ съ двумя женщинами, сидѣвшими у воротъ. На вопросъ: дома ли докторъ? онъ отвѣчалъ, что сейчасъ уѣзжаетъ на машину, а когда Торжицкій сталъ требовать, чтобъ его пустили, принялся божиться, что онъ ужъ уѣхалъ. Торжицкій поднялъ цѣлую борьбу, далъ лакею десятирублевую бумажку и непривычно умоляющимъ голосомъ убѣждалъ, чтобъ его приняли на минутку.

— Мнѣ вѣдь два слова, вы поймите...—говорилъ онъ, безпокойно заглядывая въ дверь.

Лакей, разглядѣвъ бумажку, сказалъ:—Ужъ не знаю, баринъ,

что мнѣ съ вами и дѣлать,—покачалъ головой и пошелъ докладывать. Вернувшись, онъ сказалъ съ фамильярностью докторскихъ слугъ, присутствующихъ часто при подобныхъ сценахъ:

— Ужъ они, ей Богу, совсѣмъ собрались. Ради Бога, баринъ, только недолго. Насилу упросилъ.

Докторъ былъ очень недоволенъ и суровъ, принялъ его въ залѣ, гдѣ только что зажгли лампу, и напомнилъ, что ему совершенно некогда, и что у него есть часы пріема. Должно быть, онъ уже что-нибудь слышалъ о Торжицкомъ и его семейной жизни, потому что его очень мало тронуло извѣстіе, что передъ нимъ былъ отецъ его маленькаго паціента. Торжицкій, извиняясь, сѣлъ, не снимая пальто, и съ шляпой въ рукахъ, и узналъ нѣсколько подробнѣе то, что слышалъ уже отъ Кроткова. Уже не сердитымъ, но вполнѣ серьезнымъ и суровымъ тономъ человѣка, сознающаго всю важность того, что говоритъ, докторъ прочелъ ему нѣчто въ родѣ маленькой лекціи, съ сокращеніями, необходимыми въ разговорѣ съ людьми, которые не получили спеціальнаго образованія. Кромѣ латинскаго названія (Meningitis), Торжицкій узналъ и хорошо запомнилъ, что болѣзнь, которою занемогъ Андрюша, очень серьезна, что причины ея до сихъ поръ медицинѣ извѣстны мало и кроются въ самой натурѣ ребенка, что чаще всего недугъ поражаетъ дѣтей, на видъ вполнѣ здоровыхъ, полнокровныхъ, съ горячимъ темпераментомъ и часто преждевременно развитыхъ умственно, и что наиболѣе успѣшною борьбою является не лѣченіе, а предупрежденіе болѣзни, т.-е. устраненіе неблагопріятныхъ условій... „Не считая себя въ правѣ скрывать, что случаи выздоровленія при такой формѣ заболѣванія относятся къ явленіямъ болѣе или менѣе исключительнымъ, и что продолжительное, а иногда и хроническое слабоуміе обусловливаетъ нерѣдко благопріятный исходъ болѣзни“, докторъ все же не могъ сказать, чтобъ потерялъ всякую надежду. „Поганый языкъ, которымъ они читаютъ свои приговоры!“ подумалъ Торжицкій. Онъ не сталъ разспрашивать и поднялся, извиняясь за безпокойство. Докторъ завтра долженъ былъ посѣтить больного.

Торжицкій, пріѣхавъ домой, сказалъ Кроткову, который сидѣлъ за самоваромъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ женѣ.

— Зачѣмъ же сейчасъ?—спросилъ Кротковъ.—Дѣло не въ „сейчасъ“. Выпей-ка лучше чаю.

— Не хочу я.

— Что жъ докторъ сказалъ?

— Все то же. Зато въ передней постоялъ у него. И за то спасибо.

— Да, ужъ они въ этомъ отношеніи... Ольга Андреевна какъ-то тоже въ нему ѣздила, такъ три раза на дню была. Не застаетъ или не принимаетъ, чортъ его знаетъ...

— Неужели она сама ѣздила?

— Да, конечно. Она за княгиней прислала, когда сама чуть не свалилась. Садись.

— Я поѣду. Надо за извозчикомъ послать. Съ этими скотами не доѣдешь.

— Послушай, Володя,—сказалъ Кротковъ спокойно и рѣшительно:—сейчасъ не ѣзди. Ты посмотри, на кого похожъ-то?

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Нѣтъ, братъ, не твое. Я тебѣ впередъ говорю: ты головы не теряй. Нервничать-то и безъ тебя есть кому. А вотъ сильнаго, здороваго человѣка нѣтъ. Я вѣдь знаю: надобности теперь никакой. Я послалъ денщика съ лѣкарствами, — если понадобится что-нибудь особенное, она напишетъ. Ты только перепугаешь тамъ всѣхъ. Завтра поѣзжай съ Богомъ.

Торжицкій сѣлъ къ столу.

— Твое присутствіе хоть сколько-нибудь ободритъ ее,—продолжалъ, наливая чай, Кротковъ.—Нельзя же женщину такъ бросить. Понимаешь, мы хотѣли къ ея братьямъ послать телеграмму; но Гриша, должно быть, страшно занятъ, а у Коли въ августѣ производство. Просто голова кругомъ.

У Торжицкаго пересохло въ горлѣ, и чай, отъ котораго онъ сначала отказался, былъ ему пріятенъ. Они долго говорили. И только уже, когда пора было расходиться, Торжицкій вспомнилъ объ Ольховкѣ и комнатѣ наверху, и мысль, что развязка его романа съ Зиной, такъ тяготившая его сомнѣніями и нерѣшительностью, явилась сама собой, и что поневолѣ теперь онъ долженъ забыть о томъ, что мучило его еще нѣсколько часовъ назадъ, блеснула передъ нимъ смутно радостнымъ чувствомъ.

— Вотъ, кстати,—сказалъ ему Кротковъ:—захвати завтра, я сейчасъ купилъ у Феррейна термометръ для измѣренія. Она увѣряетъ, что ея долженъ врать. Максимальный, вынимай—ртуть не спустится...—распаковывая свертокъ, говорилъ онъ:—да вотъ еще это передай...—добавилъ онъ, подавая пакетъ.

— Что это?—щупая, спросилъ Торжицкій.

— Это передай ей. Тутъ, она просила, вата отъ Пантелеймона; ее нянька увѣрила, что какой-то ребенокъ выздоровѣлъ. Передай, пожалуйста.

— Непремѣнно.

Торжицкій надѣялся, что хоть теперь заснетъ отъ усталости; но всю ночь думалъ о томъ, что должна была вынести его бѣдная жена, и о сынѣ, къ которому приближался теперь страшный и загадочный актъ жизни, такой же великій, какъ сама жизнь. И это ему было непонятно и наводило тоску.

Когда онъ задремалъ, все, что испытывалъ онъ за день, смѣшалось въ какой-то бредъ. Онъ путалъ во снѣ жену съ Зиной Черновой, ему было кого-то жаль и кому-то хотѣлъ онъ отдать всю жизнь, чтобъ все поправить. И все время онъ боялся и не понималъ, куда спрячетъ его несчастная жена своего больного ребенка отъ этого шумнаго человѣка съ громаднымъ лбомъ, свирѣпымъ выраженіемъ усатаго лица и покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

К. Ельцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи общественныхъ идей и отношеній въ Германіи въ XIX в.

II.

Для того, чтобы понять философскую природу и особенности германскаго гуманизма 40-хъ гг., намъ необходимо обратиться къ его первоисточнику—къ философіи Фейербаха. Ее очень мало знаютъ у насъ. Одинъ русскій философъ, которому теперь стало модой поклоняться, не приводя для того достаточныхъ основаній, назвалъ Фейербаха выразителемъ западно-европейскаго пессимизма, доходящаго до отчаянія въ цивилизаціи [1]). Трудно представить себѣ характеристику, болѣе превратную. Фейербахъ съ ногъ до головы оптимистъ. Правда, онъ самъ о себѣ сказалъ: я есмь и былъ искони пессимистомъ по отношенію къ современности, но отнюдь не по отношенію къ будущему. Но кто же изъ выдающихся оптимистовъ идеализируетъ *современную* ему дѣйствительность?! Всего менѣе этого можно было требовать отъ Фейербаха. Философское ученіе Фейербаха—по своему общественному смыслу—было системой естественнаго права и, какъ мнѣ кажется, послѣдней выдающейся системой этого рода. Отсюда у Фейербаха много безспорнаго сходства съ французскими философами XVIII вѣка. Какъ послѣдніе, Фейербахъ, будучи непримиримымъ врагомъ современной ему дѣйствительности, являлся глубокимъ оптимистомъ по отношенію къ будущему человѣчества. Центральное понятіе его философіи—человѣческая природа. Gott war mein erster Gedanke, die Vernunft—mein zweiter, der Mensch—mein dritter und letzter—такъ гласитъ знаменитый афоризмъ Фейербаха, резюмирующій развитіе его философской мысли. «Моимъ первымъ стремленіемъ было сдѣлать философію *дѣломъ человѣчества* (Sache der Menschheit). Но кто разъ вступилъ на этотъ путь, тотъ неизбѣжно приходитъ, наконецъ, къ тому, чтобы сдѣлать человѣка дѣломъ философіи и уничтожить самую философію, ибо дѣломъ человѣчества послѣдняя становится именно благодаря тому, что перестаетъ быть философіей». (Philosoph. Kritiken u. Grundsätze. Leipzig. 1846 г., стр. 413). Въ замѣчательной статьѣ, написанной по поводу «Lehre der Nahrungsmittel Молешотта [2]), Фейербахъ проводитъ взглядъ на при-

[1]) Страховъ. Статья о Фейербахѣ въ «Философскихъ очеркахъ». Спб. 1895 г.
[2]) Nachlass, II, стр. 73 и сл.

роду, какъ на прямую противоположность политикѣ, понимаемой въ смыслѣ реакціонномъ, въ смыслѣ обузданія и пресѣченія. «Гдѣ природа, тамъ нѣтъ политики, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ династовъ, и гдѣ политика, тамъ все совершается вопреки природѣ: какъ можетъ, стало быть, естествоиспытатель равнодушно относится къ этому очевидному конфликту между природой съ ея стройнымъ порядкомъ и политикой съ ея безпорядкомъ? Естествоиспытатель видитъ, какъ природа вѣчно прогрессируетъ, какъ она никогда не возвращается къ пройденной ступени, какъ изъ мужчины никогда не дѣлается мальчикъ, изъ женщины—дѣвушка, изъ плода—цвѣтъ, изъ цвѣтка—листъ, какъ въ природѣ старое всегда умираетъ и притомъ только для того, чтобы удобрить почву для лучшаго будущаго; какими нелѣпыми и смѣшными представляются ему поэтому реакціонные чудотворцы, которые воображаютъ, что можно вычеркнуть изъ исторіи годы, полные содержанія, вернуть людей къ покинутой точкѣ зрѣнія, изъ мужей сдѣлать ребятъ. Естествоиспытатель видитъ, что въ природѣ нѣтъ ничего изолированнаго, ничего единичнаго, что все въ ней, наоборотъ, находится въ необходимой и величественной связи, какъ живыя существа, хотя и дѣлятся на различные классы, но дѣленіе это всегда опирается на извѣстныя основанія, и какъ самыя эти различія въ концѣ концовъ исчезаютъ въ единствѣ цѣлаго; поэтому онъ (естествоиспытатель) невольно пріучается разсматривать всѣ вещи съ универсальной точки зрѣнія и, такимъ образомъ, къ политикѣ прилагаетъ крупный масштабъ природы». «Природа ничего не знаетъ о тѣхъ притязаніяхъ и фикціяхъ, которыми человѣкъ, путемъ права, ограничиваетъ и подрываетъ существованіе своего ближняго... Природа даетъ каждому существу все, въ чемъ оно нуждается; она никого не создала для голодной смерти». Голоданіе есть плодъ государственнаго произвола, послѣдствіе «положительнаго» права, какъ бы выразился самъ Фейербахъ, если бы онъ былъ юристомъ. Эта ссылка на политику природы въ противоположность «положительной» политикѣ сильныхъ міра сего, конечно, не составляетъ ни сильной, ни оригинальной стороны фейербаховскаго «естественнаго права». Его оригинальными и дѣйствительно цѣнными особенностями являются—глубокій анализъ религіознаго творчества и реабилитація эвдемонизма. Оба эти элемента Фейербахъ выразилъ въ краткой формулѣ: homo homini deus. Въ самыхъ, повидимому, отдаленныхъ отъ человѣка созданіяхъ религіознаго сознанія, въ самомъ «сверхчеловѣческомъ» Фейербахъ нашелъ и раскрылъ мистификацію человѣческаго существа; показалъ, что «сверхчеловѣческое» создано по образу и подобію человѣческому. Съ такимъ же остроуміемъ и силою онъ развилъ, что мѣриломъ нравственности всегда является счастье: «нравственность безъ счастья есть слово безъ смысла». Но не по своимъ дѣйствительно цѣннымъ и для современности элементамъ, а именно какъ система «естественнаго права» интересна для насъ въ настоя-

щее время философія Фейербаха. «Если старая философія говорила: лишь разумное истинно и дѣйствительно, то новая философія говоритъ: лишь человѣческое есть истинное и разумное, ибо разумно только человѣческое; человѣкъ есть мѣра разума» (Kr. u. Grunds., стр. 339). Это изреченіе напоминаетъ протагоровское положеніе: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Но за этой мѣрой—человѣкомъ, какъ мы уже видѣли выше, у Фейербаха скрывается другая—природа. «Новая философія дѣлаетъ человѣка со включеніемъ природы, какъ *основы* (als der Basis) *человѣка*, единственнымъ универсальнымъ и высшимъ предметомъ философіи». Итакъ, Фейербахъ даетъ намъ слѣдующее построеніе: природа вообще опредѣляетъ природу человѣка, изъ которой должно быть выведено все «истинное», «дѣйствительное» и «разумное», всѣ нормы поведенія. Любопытно, что естественное право позитивиста Фейербаха, во многомъ приближающагося къ матеріализму, по своему основному положенію—объ естественности свободы и равенства и противоестественности отрицающихъ свободу и равенство положительныхъ учрежденій—гораздо болѣе походитъ на ученіе стоиковъ, чѣмъ на ученіе эпикурейцевъ, у которыхъ Гоббсъ заимствовалъ свое «bellum omnium contra omnes». Съ другой стороны, идеалистъ Шопенгауеръ въ своемъ взглядѣ на естественное право и естественное состояніе сходился съ эпикурейской точкой зрѣнія. Это, бросаемое нами здѣсь вскользь, сопоставленіе, между прочимъ, есть одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, показывающихъ, что общественныя воззрѣнія выдающихся мыслителей обусловливаются по своему содержанію вовсе не ихъ метафизическими идеями, а тѣми общественными интересами, идеологическимъ выраженіемъ которыхъ является эта общественная философія. Но это такъ, мимоходомъ.

Важнѣе для насъ установить то содержаніе, которое Фейербахъ вкладываетъ въ «человѣческую природу» и которое дало возможность на его философіи основать опредѣленныя требованія общественной справедливости. Фейербаховскій эвдемонизмъ носитъ глубоко соціальный, альтруистическій характеръ. Онъ отнюдь не сводитъ всю мораль къ эгоистическимъ побужденіямъ: онъ только подчеркиваетъ, и совершенно справедливо, тѣсную психологическую связь, существующую между эгоизмомъ и альтруизмомъ. «Если ты осуждаешь безъ всякихъ оговорокъ эгоизмъ, т.-е. любовь къ себѣ, то для послѣдовательности ты долженъ осуждать и любовь къ другимъ. Любить значитъ желать и дѣлать добро другимъ, т.-е. признавать законность эгоизма этихъ другихъ. Но съ какой стати отрицать въ себѣ то, что признаешь въ другихъ?» (Kr. u. Grunds., стр. 413). «Дѣятельно сочувствовать чужому счастью и несчастью, быть счастливымъ со счастливымъ и несчастнымъ съ несчастнымъ,—но, конечно, только для того, чтобы по возможности, какъ это впрочемъ само собою разумѣется, помочь горю,—вотъ что только и составляетъ нравственность. Для своихъ обязанностей по отношенію къ другимъ мы не имѣемъ никакого другого источ-

ника, изъ котораго мы могли бы почерпнуть опредѣленіе добра и зла, никакого другого матерьяла для масштаба, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ для нашихъ обязанностей по отношенію къ самимъ себѣ. Добро—то, что соотвѣтствуетъ стремленію къ счастью; зло—то, что сознательно и намѣренно противорѣчитъ этому стремленію... Собственное счастье не составляетъ, правда, цѣли морали, но оно является ея основой, ея предпосылкой. Тотъ, кто не даетъ собственному счастью мѣста въ морали, кто его выбрасываетъ, раскрываетъ двери дьявольскому произволу; ибо только по опыту моего собственнаго стремленія къ счастью я знаю, что̀ добро или зло, что̀ жизнь или смерть, что̀ любовь или ненависть; только основываясь на этомъ опытѣ, я не подаю голодающему вмѣсто хлѣба камень, жаждущему вмѣсто воды—разсолъ». (Nachl. II, стр. 293).

Всякое «естественное право» всегда оказывается... естественнымъ продуктомъ въ смыслѣ, совершенно чуждомъ сознанію тѣхъ, кто выступаетъ на защиту даннаго «естественнаго» права. Оно либо совершенно ясно, по крайней мѣрѣ—для третьихъ лицъ, выражаетъ стремленія, идеалы и требованія опредѣленнаго общественнаго класса, либо въ той или другой, но существенной части своего содержанія оказывается связаннымъ съ духовно-общественнымъ кругозоромъ этого класса. Не слѣдуетъ, навязывая такой связи далеко не всегда присущую ей сознательность, понимать ее схематически-раціонально. Тотъ или другой писатель является идеологомъ напр. мелкой или крупной буржуазіи не только тогда, когда онъ откровенно и съ «полнымъ разумѣніемъ» формулируетъ въ своихъ положеніяхъ требованія, вытекающія изъ жизненныхъ интересовъ данной общественной группы; онъ можетъ, словесно и въ своемъ воображеніи, парить выше облака ходячаго, и въ то же время тотъ небесный сводъ, подъ которымъ происходитъ паренiе нашего идеолога, является лишь крышкой, прикрывающей міръ представленій, идеаловъ и конфликтовъ, реально существующихъ на землѣ въ сферѣ отношеній и интересовъ опредѣленной общественной группы. Унаслѣдованные или заимствованные идеи и идеалы, повидимому не имѣющіе ничего общаго съ этой реальной сферой, на самомъ дѣлѣ являются лишь формой, въ которую выливается содержаніе общественныхъ отношеній. Формы податливы, измѣнчивы и по отношенію къ своему содержанію, быть можетъ, случайны [1]). Останавливаясь на нихъ, историкъ самъ отдаетъ себя и свою науку во власть случая: идеологическихъ формъ, представляющихъ многообразныя комбинаціи немногихъ основныхъ психологическихъ мотивовъ, онъ да и вообще, быть можетъ, никто не въ силахъ исторически объяснить. А между тѣмъ жизненное содержаніе, заклю-

[1]) Случайны въ томъ смыслѣ, въ которомъ только вообще могутъ съ научной точки зрѣнія говорить о случаѣ. Случайно для насъ то, необходимость или закономѣрность чего мы не можемъ установить.

ченное въ формѣ, развитіе производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній и общественныхъ идей, взятыхъ со стороны ихъ реальнаго смысла, представляетъ стройную причинную цѣпь, всѣ звенья которой оказываются—точно на заказъ—пригнанными другъ къ другу исторической необходимостью... Различеніе между формой и содержаніемъ весьма важно именно съ точки зрѣнія экономическаго пониманія исторіи; съ другой стороны оно можетъ быть послѣдовательно проводимо только на почвѣ этого пониманія. Категоріи формы и содержанія (матеріи), какъ извѣстно, играютъ огромную роль въ исторіи философскаго мышленія. Достаточно назвать изъ этой исторіи два имени: Аристотеля и Канта. Въ метафизикѣ перваго и въ теоріи опзнанія второго взаимоотношеніе между формой и содержаніемъ составляетъ какъ бы гвоздь всего построенія. Аристотель въ своей метафизикѣ училъ, что въ развитіи вещей движущую силу составляетъ ихъ форма, наоборотъ—въ теоріи познанія Канта формальный элементъ (трансцендентальная форма сознанія) является неподвижнымъ и вѣчнымъ, а содержаніе-опытъ—измѣнчивымъ, текучимъ. Движеніе и измѣненіе въ первомъ случаѣ приписывается формѣ, во второмъ—содержанію. Форма Аристотеля и форма Канта, конечно, несравнимы. Но мы напоминаемъ объ аристотелевскомъ и кантовскомъ пониманіи формы лишь для того, чтобы иллюстрировать нашу мысль о взаимоотношеніи формы и содержанія въ исторіи общественныхъ идей и отношеній съ точки зрѣнія экономическаго объясненія исторіи. Экономическій матеріализмъ смотритъ на это взаимоотношеніе скорѣе покантовски, чѣмъ по-аристотелевски. Онъ только отказывается отъ безусловнаго разграниченія формы и содержанія. Основныя идеологическія формы, противоположеніе духа и матеріи, человѣка и природы, бытія и долженствованія, общества и личности, общаго и индивидуальнаго и т. д.—конечно, представляютъ первичный психологическій фактъ и соотвѣтствуютъ основнымъ мотивамъ человѣческаго мышленія, являясь лишь различными способами воспринимать представленія, приводить ихъ въ порядокъ, координировать и обобщать понятія. Но формальное значеніе имѣютъ не только такія основныя и наиболѣе общія идеи. Часто извѣстное содержаніе умираетъ, какъ таковое, т.-е. теряетъ свой жизненный смыслъ, продолжая жить, какъ форма. Въ исторіи человѣческихъ идей и, въ частности, идей общественныхъ формы создаются изъ содержанія; онѣ составляютъ какъ бы тѣ части этого преходящаго, вѣчно текучаго содержанія, которыя окаменѣваютъ въ историческомъ процессѣ, и благодаря этому, т.-е. теряя жизненность, пріобрѣтаютъ устойчивость и прочность, недоступныя для быстро мѣняющихся *интересовъ*.

Такой взглядъ на взаимоотношеніе формы и содержанія въ историческомъ процессѣ вполнѣ вскрываетъ тѣ трудности, которыя представляетъ объясненіе идеологическихъ *надстроекъ* изъ экономическаго

базиса—задача, требующая философскаго анализа идеологій, строгаго различенія въ нихъ элементовъ формальнаго и матеріальнаго.

III.

Философія Фейербаха съ ея центральнымъ понятіемъ человѣческой природы явилась теоретической основой новыхъ общественныхъ ученій въ Германіи—первыхъ попытокъ «нѣмецкаго духа» отнестись самостоятельно къ великой проблемѣ XIX вѣка. Основа эта была весьма отвлеченна и въ своей отвлеченности весьма проста. Новое «естественное право», какъ и безчисленные образцы стараго, сводилось къ тому, что опредѣленныя общественныя требованія, пожеланія и идеалы объявлялись естественными, соотвѣтствующими «истинной природѣ человѣка» (wahres Menschenwesen) и непреложнымъ законамъ природы, которыя въ свою очередь опредѣлялись согласно этимъ идеаламъ. Вся общественная философія строилась такимъ образомъ на наивнѣйшей *petitio principii*, которая проходитъ черезъ всю разбираемую нами литературу. Вотъ для иллюстраціи нѣсколько выдержекъ изъ одного катехизиса общественной философіи:

Вопросъ: Что разумѣется теперь подъ наслажденіемъ?

Отвѣтъ: Жизнь по извѣстнымъ чувственнымъ склонностямъ безъ соображенія съ *человѣческой природой* въ ея цѣломъ.

Вопросъ: Что разумѣется теперь подъ добродѣтелью?

Отвѣтъ: Жизнь по извѣстнымъ духовнымъ склонностямъ безъ соображенія съ *человѣческой природой* въ ея цѣломъ.

Вопросъ: Можемъ ли мы въ настоящее время проявлять дѣятельность сообразно нашей *человѣческой природѣ* въ ея цѣломъ, или что то же, дѣйствительно наслаждаться нашей *человѣческой* жизнью?

Отвѣтъ: Отнюдь нѣтъ (слѣдуетъ длинное объясненіе, которое мы опускаемъ).

Вопросъ: Возможно ли, чтобы всѣ люди жили и дѣйствовали сообразно своей *природѣ?*

Отвѣтъ: Это не только возможно, но противное было бы невозможно, если бы *человѣческая природа* была развита во всѣхъ людяхъ и не была насильственно подавлена общественными условіями.

Вопросъ: Что такое деньги?

Отвѣтъ: Это выраженная въ числахъ цѣнность *человѣческой* дѣятельности, покупная цѣна или мѣновая цѣнность нашей жизни.

Вопросъ: Можетъ ли *человѣческая* дѣятельность быть оцѣнена въ цифрахъ?

Отвѣтъ: Человѣческая дѣятельность столь же мало поддается оплатѣ, какъ и самъ *человѣкъ*, ибо эта дѣятельность тождественна съ *человѣческой* жизнью, послѣдняя же не можетъ быть куплена никакими суммами денегъ.

Вопросъ: Что такое свобода?

Отвѣтъ: Свободно то существо, которое можетъ не налагать на свою *природу* никакого принужденія, а, наоборотъ, безпрепятственно жить и дѣйствовать согласно своей *природѣ*.

Вопросъ: По какимъ законамъ должно управлять общественнымъ имуществомъ и регулировать обмѣнъ продуктовъ.

Отвѣтъ: По законамъ *человѣческой природы* и ея потребностей [1]).

«Истинная природа человѣка», «истинный человѣкъ» полагались, согласно Фейербаху, не въ индивидуальной, а въ «родовой природѣ человѣка». Фейербаховская родовая природа или родъ въ сущности были лишь другимъ словомъ для обозначенія той же «истинной природы человѣка», какъ ее понималъ самъ Фейербахъ и его послѣдователи. Это слово было выбрано, потому что оно хорошо выражало противоположность фейербаховской «природы человѣка» спиритуалистическому въ теоріи, рѣзко буржуазному на практикѣ индивидуализму предшествующей философіи и господствовавшихъ общественныхъ ученій. «Родъ означаетъ у Фейербаха не нѣчто абстрактное, а лишь «ты», противопоставленное обособленному «я», другого человѣка, вообще существующихъ кромѣ меня человѣческихъ индивидуумовъ», говоритъ самъ Фейербахъ въ написанной отъ третьяго лица полемической статьѣ противъ Штирнера.

Нѣкоторые писатели [2]), опиравшіеся на философію Фейербаха, подчеркивали, что они въ одномъ и очень существенномъ отношеніи идутъ дальше своего учителя, что Фейербахъ остается въ сферѣ мышленія, тогда какъ слѣдуетъ идти дальше и на первое мѣсто поставить не сознаніе и мышленіе, а дѣятельность и практику. Но это положеніе не имѣло того теоретическаго смысла, который имѣетъ, напр., историческій матеріализмъ, и провозглашать это положеніе было въ теоретическомъ отношеніи совершенно безплодно; оно было лишь исповѣданіемъ того, что новая «общественная наука», рожденная фейербаховской философіей, руководится практически-общественнымъ мотивомъ—кореннымъ преобразованіемъ существующихъ общественныхъ отношеній.

Въ этой новой нѣмецкой общественной наукѣ явственно обозначались двѣ струи, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи жизни и идей неминуемо должны были разойтись. Одна струя отличалась реализмомъ: выдвигая значеніе философіи, авторъ «Критики философіи права Гегеля» въ Deutsch-Französische Jahrbücher въ то же время ясно видѣлъ и историческую роль другого элемента, развитія той реальной об-

---

[1]) Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform, herausg. v. H. Puttmann, II Belle-Vue bei Constanz, 1846. Kommunistisches Bekenntniss in Fragen und Antworten, стр. 156, 157, 158, 161 и 162.

[2]) Напр. Гессъ, а также Марксъ, какъ показываютъ тезисы его о Фейербахѣ изъ 1845 г., впервые опубликованные Энгельсомъ въ 1888 г. (Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie»).

щественной силы, которую зажжетъ, т.-е. приведетъ въ движеніе философская молнія.

Представители другого теченія, наоборотъ, даже обижались, когда ихъ идеи сближали съ требованіями и идеалами реальной общественной группы. Они претендовали на общечеловѣчность своей идеологіи, на ея независимость отъ внѣшнихъ условій и потребностей. Въ этомъ они видѣли превосходство нѣмецкой общественной науки предъ французской (см. прив. нами въ апр. кн. стр. 94—95 цитату изъ Грюна). Марксъ и Энгельсъ, на первыхъ шагахъ своей литературно-публицистической дѣятельности, такъ же, какъ и другіе ученики Фейербаха, твердо вѣрили, что въ «истиной природѣ человѣка», въ «истинномъ человѣкѣ» заключается ключъ къ соціальному познанію. Это можно доказать и уже доказано въ литературѣ многочисленными цитатами изъ раннихъ произведеній Маркса и Энгельса. Но у нихъ всегда реалистическіе элементы преобладали надъ «гуманистическими», они никогда не носились съ «истиннымъ человѣкомъ». Наоборотъ, Гессъ, Грюнъ и комп., постоянно апеллировали къ человѣческой природѣ: ихъ писанія прямо пестрятъ словами: человѣкъ, человѣческій, человѣчность. Грюнъ даже дописался до «человѣческаго человѣка», который, конечно, и былъ какъ разъ «истиннымъ соціалистомъ».

Въ 1842 году вышла книга знаменитаго впослѣдствіи ученаго Лоренца Штейна: «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs». Всѣми признано, что эта книга составила эпоху въ академической наукѣ государственнаго права, въ особенности въ Германіи; но до сихъ поръ еще недостаточно оцѣнено ея значеніе въ исторіи соціальной науки въ широкомъ смыслѣ слова. Штейнъ—не смотря на свою чисто гегельянскую отвлеченную терминологію — явился однимъ изъ первыхъ глубокихъ реалистовъ въ соціальной наукѣ [1]). Онъ удивительно ясно понялъ значеніе новыхъ общественныхъ теорій, впервые громко заявившихъ о своемъ существованіи во Франціи первой половины XIX вѣка; онъ понялъ, что источникъ этихъ теорій и ихъ жизненной силы слѣдуетъ искать въ появленіи на исторической сценѣ новаго общественнаго класса — пролетаріата. Онъ, насколько намъ извѣстно, первый далъ вѣрную психологическую и соціологическую его характеристику, первый показалъ, что въ лицѣ пролетаріата низшій слой общества изъ бѣдной и страждущей массы превращается въ сознательный и способный къ борьбѣ общественный классъ. Какъ же встрѣтили глашатаи «истиннаго человѣка» и общечеловѣчности это геніальное пониманіе самаго основнаго явленія общественной исторіи Запада?

Самый видный представитель философскаго гуманизма, Гессъ (Сбор-

---

[1]) Штейнъ—остроумно замѣчаетъ Гумпловичъ—реалистъ, щеголяющій въ плащѣ идеализма.

никъ «Neue Anecdota», herausg. von Karl Grün. Darmstadt, 1845, стр. 220—229) ополчается противъ Штейна за его реалистическій взглядъ на соціальное движеніе:

«Ошибочно—и эта ошибка есть продуктъ эгоистической ограниченности, которая не можетъ подняться до человѣчности—мнѣніе, выводящее соціализмъ лишь изъ пролетаріата и у послѣдняго изъ желудочной потребности,—такое ошибочное мнѣніе особенно усердно распространяютъ реакціонеры и, въ частности, Штейнъ. Французы не дали никакого повода къ этой ошибкѣ. Французскій соціализмъ возникъ, правда, не изъ необходимости мышленія, не изъ разсудочной потребности, но также не изъ потребности желудка, а изъ сердечной потребности, изъ сочувствія къ страданіямъ людей... Правда, теперь во Франціи лишь пролетаріи принимаютъ участіе въ движеніи, но не потому, что среди нихъ господствуетъ эгоизмъ, а потому, что среди нихъ больше человѣчности, чѣмъ въ обезчеловѣченномъ, развращенномъ барышничествомъ мірѣ торгашей».

«Въ Германіи гуманизмъ не могъ исходить изъ чувства, онъ долженъ былъ исходить изъ мысли, изъ философіи и отсюда стремиться завоевать чувство, всего человѣка. «Родовой актъ» [1]) долженъ былъ распространиться съ мышленія на дѣятельность, самосознаніе должно было понять себя шире, какъ *самодѣятельность* (Selbstthat). Слѣдовало признать, что недостаточно по-человѣчески мыслить, что необходимо жить по-человѣчески. Это должно было сдѣлаться для насъ логическимъ убѣжденіемъ; путемъ противорѣчія въ нашемъ односторонемъ пониманіи человѣческой жизнедѣятельности мы должны были прійти къ противорѣчію между нашимъ мышленіемъ и дѣятельностью; и такимъ путемъ оказаться вынужденными устранить это противорѣчіе» (l. c. стр. 223). «Съ этого момента лучшіе умы Германіи примкнули къ гуманизму». «Въ силу этой различной исходной точки, во Франціи пролетаріатъ, въ Германіи аристократія ума являются представителями гуманизма» (l. c., стр. 225).

Признаніе во всѣхъ отношеніяхъ очень опасное, даже если бы оно было вѣрно. Теорія, выводившая для Германіи гуманизмъ изъ работы мысли умственной аристократіи, склонна была всякую благожелательную болтовню о соціальномъ вопросѣ принимать за чистую монету гуманизма. А въ ту эпоху разложенія старыхъ устоевъ жизни, разложенія, въ которомъ лишь весьма неопредѣленно намѣчались новыя общественныя отношенія, развелось ужасно много такой болтовни. И Гессу уже мерещилось, что всѣ «хорошіе люди» такъ или иначе на сторонѣ гуманизма. А такъ какъ въ Германіи гуманизмъ—плодъ *пониманія*, а пониманіе—результатъ образованія, образованіемъ же обладаютъ представители имущаго класса, то Гессъ преблагополучно при помощи со-

[1]) См. выше характеристику идей и терминологіи Фейербаха.

единенной философской индукціи—роль таковой играло, очевидно, чтеніе разной благожелательной болтовни—и дедукціи дошелъ до того, что усмотрѣлъ полное совпаденіе между соціальными стремленіями французскаго пролетаріата и нѣмецкой буржуазіи. Ссылаясь на этотъ созданный его собственной фантазіей «фактъ», Гессъ побѣдоносно вопрошалъ: «не есть-ли то обстоятельство, что имущій классъ въ Германіи, едва 2 года занимающійся (sic!) соціальнымъ вопросомъ, уже въ цѣломъ и въ существенномъ сходится съ неимущимъ классомъ во Франціи, что они оба, стало быть, одинаково живо и одинаково основательно затронуты соціальнымъ движеніемъ,—не есть ли это обстоятельство достаточное доказательство того, что ни тотъ, ни другой классъ общества не являются причиной существованія нашихъ многочисленныхъ общественныхъ золъ» [1]).

Другой «гуманистъ» К. Грюнъ также обидѣлся на то, что для Штейна «пролетаріатъ составляетъ особый классъ въ обществѣ». «Вотъ это такъ! — восклицаетъ Грюнъ, — орудіе исторіи (das Vehikel des Geschichte) смѣшивается съ идеей исторіи: англійскій законъ о пошлинѣ на чай смѣшивается съ зрѣлостью сѣверо-американскихъ колоній къ свободѣ; продажа индульгенцій съ ищущимъ себѣ признанія субъективнымъ убѣжденіемъ вѣрующихъ! Пролетаріатъ, какъ совокупность матеріальной нужды, какъ выраженіе неудовлетворительнаго положенія низшихъ классовъ, этотъ вопросъ голода является яко бы истиннымъ, историческимъ мотивомъ соціализма! Нѣтъ, голодъ является лишь орудіемъ, которымъ теперь пользуется человѣческое развитіе, какъ въ 1789 году оно пользовалось безправностью большей и лучшей части народа. Истинная идея пролетаріата, настоящая необходимость французской общественной реформы заключается въ *созданіи человѣка* цѣльнаго, истинно самоопредѣляющагося человѣка. Господинъ же Штейнъ думаетъ, что онъ имѣетъ дѣло лишь съ классомъ голодающей черни» (Neue Anecdota, 262—263).

Францъ Шмидтъ, возражая буржуазному либералу Фишеру, автору брошюры «Preussens Wunsch», упрекаетъ его въ томъ, что онъ «неспособенъ понять исторію, какъ развитіе человѣческой природы, и что онъ видитъ въ ней лишь соперничество сословій изъ-за собственности и другихъ привилегій» (Schmidt. Deutscher Liberalismus, Rh. Jahrbücher I, 154)

Все это идеалистическое пустословіе, образчики котораго мы только что привели, чрезвычайно характерно и съ исторической точки зрѣнія имѣетъ свое достаточное основаніе. Для прогрессивнаго нѣмца 40-хъ гг. необходимо было геніальное прозрѣніе, чтобы въ той оцѣнкѣ и въ томъ изображеніи пролетаріата, которыя давалъ буржуазный Штейнъ, усмотрѣть нѣчто бо́льшее, чѣмъ «полицейскую» точку зрѣнія, которую видѣли у него гуманисты. Реальныя общественныя отношенія въ самой

[1]) Введеніе къ журналу-сборнику «Gesellschaftsspiegel».

Германіи еще не созрѣли настолько, чтобы на нихъ можно было практически провѣрить правильность штейновской оцѣнки. Такая незрѣлость общественныхъ отношеній всюду придаетъ прогрессивной идеологіи формальный характеръ «общечеловѣчности» и идеальности. Она являлся весьма отвлеченной и повидимому совершенно безсодержательной. Но это только *повидимому.* На самомъ же дѣлѣ нѣмецкая общечеловѣческая «общественная наука», не смотря на всю свою отвлеченность и выспренность, носила на себѣ черты, свидѣтельствовавшія объ ея происхожденіи изъ земной юдоли. Эти черты смѣшиваются съ чисто отвлеченными элементами, частью вывезенными изъ Франціи, частью вычитанными изъ нѣмецкой философской литературы (Фихте, Гегель, Фейербахъ), въ одну картину, но внимательный анализъ, связывающій идеологіи съ производственными отношеніями и классовыми интересами, сумѣетъ отдѣлить формальные и импортированные элементы отъ матеріальныхъ и самобытныхъ.

Нѣмецкая «общественная наука»—философскій гуманизмъ—отражала собой, совершенно безсознательно, духовно-общественный кругозоръ мелкой буржуазіи и выражала ея интересы. «Истинный человѣкъ», «истинная родовая природа» оказывались такимъ образомъ лишь идеологической тѣнью клейнбюргера. Не будучи въ состояніи, какъ мы указывали уже выше, прямо и сознательно идеализировать его, т.-е. выставлять носителемъ общественнаго прогресса, философскіе или истинные соціалисты въ то же время оказались не въ силахъ подняться надъ той земной обстановкой, въ которой рождаются и дѣйствуютъ всякія общественныя идеи. Не идеализируя клейнбюргера, они выражали его точку зрѣнія. И мы скажемъ прямо: въ этомъ заключалась сильная сторона новой «общественной науки». При этомъ замѣчательно, что у наиболѣе оригинальныхъ и, по крайней мѣрѣ, образованныхъ представителей этого направленія отмѣченная сильная сторона сказывалась менѣе явственно, чѣмъ у писателей второй руки. Послѣдніе были менѣе отвлеченны и болѣе наивны: ихъ рѣчи отличались большей жизненностью.

Мы увидимъ дальше, что появленіе и распространеніе въ Германіи новыхъ ученій, главнымъ предметомъ которыхъ былъ соціальный вопросъ, стояло въ тѣсной связи съ опредѣленнымъ ходомъ хозяйственнаго развитія страны, несшимъ съ собой для значительныхъ слоевъ населенія либо разореніе, либо пониженіе жизненнаго уровня.

Вытѣсненіе натуральнаго хозяйства денежнымъ, а также эволюція экономическихъ формъ и отношеній на почвѣ самаго денежнаго хозяйства, есть всегда процессъ, чрезвычайно болѣзненный для массы трудящагося населенія, къ которому безспорно относилась большая часть нѣмецкаго клейнбюргерства и крестьянства. Это давленіе экономической эволюціи на мелкаго самостоятельнаго производителя сказывается на мелкобуржуазной идеологіи въ двухъ формахъ. Тамъ, гдѣ мелкій производитель еще плохо сжился съ *деньгами* и денежнымъ капиталомъ,

гдѣ область господства денегъ еще недавно была незначительной и рѣзко ограниченной, ихъ вторженіе и разрушительное дѣйствіе приводитъ къ безусловному отрицанію и денегъ, и того экономическаго процесса, въ которомъ онѣ играютъ важнѣйшую роль,—обмѣна или торговли. Тамъ же, гдѣ мелкій производитель свыкся съ деньгами, гдѣ натуральное хозяйство исчезло изъ его памяти и потеряло для него всю свою прелесть, тамъ идеологи мелкой буржуазіи выступаютъ съ проектами *реформъ* денегъ, торговли и кредита. Въ качествѣ представителей первой точки зрѣнія можно указать, кромѣ тѣхъ писателей, которыми мы теперь занимаемся, нѣмецкаго утописта Вейтлинга и Льва Толстого; художественное отраженіе она нашла себѣ также въ произведеніяхъ Глѣба Успенскаго и Златовратскаго. Реформаторами денегъ выступаютъ Прудонъ и нѣкоторые англійскіе утописты. Прудонъ, представитель второго типа, смѣется надъ представителями перваго и передразниваетъ ихъ: «Auri sacra fames! Maudit or! s'écrie plaisamment un communiste. Autant vaudrait dire: maudit froment, maudites vignes, maudits moutons; car de même que l'or et l'argent, toute valeur commerciale doit arriver à une exacte et vigoureuse determination. L'œuvre est dès longtemps commencée: aujourd'hui elle avance à vue d'oeil». (Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère. 3-me, éd. Paris 1867, стр. 90—91). [Въ русск. переводѣ: «Проклятая жажда золота! Проклятое золото! забавно восклицаетъ коммунистъ. Такъ же можно было бы говорить: проклятая пшеница, проклятый виноградъ, проклятыя овцы; ибо такъ же, какъ золото и серебро, всякая торговая цѣнность должна найти себѣ точное и устойчивое опредѣленіе. Этотъ процессъ давно уже начался: теперь онъ подвигается вполнѣ явственно»].

Деньги въ ихъ современномъ значеніи и распространеніи представляютъ, въ дѣйствительности, лишь одинъ изъ послѣднихъ отростковъ цѣлой системы экономическихъ отношеній. Отрицать ихъ и стремиться къ ихъ реформѣ одинаково утопично. Психологически однако вполнѣ понятно, что на нихъ концентрируется поверхностное отрицаніе всей системы. Онѣ представляются наивному взору огромной, съ одной стороны разрушительной, съ другой стороны покоряющей силой; сила эта при томъ кажется вполнѣ безличной, чисто вещной, и потому торжество ея возмущаетъ живую личность. Она уничтожаетъ прежнія, медленнымъ историческимъ путемъ развившіяся индивидуальности, являясь такимъ образомъ нивеллирующимъ факторомъ, и въ то же время господство этого нивеллирующаго фактора сопровождается вопіющимъ общественнымъ неравенствомъ. Въ деньгахъ, такимъ образомъ, воплощаются какъ-бы всѣ тѣ стороны современнаго хозяйственнаго строя, которыя такъ легко и такъ часто признаются только отрицательными. Въ быстромъ ихъ обращеніи рѣзко проявляется быстрый темпъ всей современной жизни, въ ихъ безличности и всеобщности—ея тенденція къ централизаціи и однообразію, за которой слѣпая привязанность къ

старому не видитъ новыхъ многообразныхъ комбинацій, новыхъ индивидуальностей, новаго еще бо̀льшаго богатства жизненнаго содержанія, исторически связаннаго съ властью денегъ. Такова соціально-психологическая подкладка и общественный смыслъ декламацій противъ денегъ.

Утопистъ Вейтлингъ [1]) не былъ представителемъ идеаловъ класса мелкихъ самостоятельныхъ производителей, онъ въ своихъ сочиненіяхъ выражалъ точку зрѣнія и интересы *наемнаго труда въ мелкомъ производствѣ*. Но пролетарій-ремесленникъ такъ же, какъ и его мастеръ, связанъ кругозоромъ мелкой мастерской, и эта узость кругозора сказывается и у Вейтлинга въ его наивно-утопическихъ декламаціяхъ противъ денегъ, хотя Вейтлингъ, ученикъ С.-Симона, Фурье и Овена теоретически, конечно, вполнѣ ясно понималъ историческую и культурную несостоятельность мелкаго производства. Такимъ же декламаціямъ предавались и представители «*истиннаго*», или «философскаго» соціализма.

Въ нападкахъ Гесса на деньги—не смотря на ихъ кажущійся радикализмъ и отвлеченность — явственно отражается духовный кругозоръ мелкаго буржуа. Современный «торгашескій міръ разрѣшилъ задачу отнять у человѣка въ общественной жизни всякую возможность дышать, поставилъ его подъ насосъ эгоизма и предсмертную борьбу этихъ жалкихъ людей призналъ нормальной жизненной дѣятельностью человѣка. Сравнительно съ нашими общественными условіями не только древность, но также и средніе вѣка оказываются еще человѣчными. Средневѣковое общество со всѣмъ его достойнымъ проклятія придаткомъ варварскихъ законовъ и учрежденій не такъ всецѣло оскверняло людей, какъ современное общество. Въ средніе вѣка рядомъ съ крѣпостными, которые были ничѣмъ и не имѣли ничего, были также люди, которые имѣли соціальное имущество и представляли нѣчто. Сословія и корпораціи, хотя и лишь эгоистическія ассоціаціи, имѣли соціальный характеръ, проявляли извѣстный, правда, ограниченный, общинный духъ; отдѣльная личность могла раствориться въ кругу своей соціальной дѣятельности, слиться, хотя только и на узкой манеръ, съ обществомъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ найдена была формула универсальнаго крѣпостного права. Общественная жизнь людей стала теперь совершенно свободна отъ всякихъ благородныхъ побужденій. Нѣтъ больше соціальнаго имущества, нѣтъ живой собственности, нѣтъ больше ни одного человѣка, который имѣлъ бы что-нибудь или былъ бы чѣмъ-нибудь... Ибо въ чемъ состоитъ истинная соціальная собственность? Очевидно, лишь въ средствахъ къ

[1]) Нѣкоторое понятіе о взглядахъ Вейтлинга даетъ Бруно Гильдебрандъ въ «Историческомъ обозрѣніи политико-экономическихъ системъ». Переводъ подъ редакціей В. Безобразова. Спб. 1861. («Die Nationaloekonomie der Gegenwart u. Zukunft», 1848). На нѣмецкомъ языкѣ существуетъ довольно много изложеній воззрѣній Вейтлинга.

жизни и дѣятельности въ обществѣ. Собственность есть тѣло общественнаго человѣка и какъ таковое — первое условіе жизни въ обществѣ, подобно тому, какъ физическое тѣло — естественная собственность, является первымъ условіемъ для жизни вообще. Но что представляетъ наша общественная собственность?.. Деньги не есть органическое, живое тѣло. Правда, онѣ должны представлять соціальное тѣло, органическую родовую жизнь, общественный оборотъ, но онѣ не могутъ выполнять этой роли, потому что по своей природѣ онѣ являются чѣмъ-то неорганическимъ, нерасчлененнымъ, безъ внутреннихъ различій, не болѣе какъ мертвой массой, суммой или числомъ. Какъ цѣнность живого существа, человѣка и его высшей жизни и дѣятельности, какъ можетъ цѣнность соціальной жизни быть выражаема въ суммахъ и числахъ? Деньги не могутъ никогда сдѣлаться собственностью, а, наоборотъ, каждой еще неиспорченной человѣческой натурой онѣ должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто вполнѣ внѣшнее, несвойственное человѣку, ибо какъ разъ то, что составляетъ характеръ всякой истинной и дѣйствительной собственности—тѣсная связь собственника и имущества, по отношенію къ деньгамъ, является самымъ противнымъ, самымъ презрѣннымъ порокомъ» [1]).

Трудно болѣе рельефно, чѣмъ это сдѣлалъ Гессъ, выразить точку зрѣнія мелкаго буржуа на деньги и на собственность. Съ этой точки зрѣнія пролетаріатъ — лишь бѣдствіе, вмѣстѣ съ деньгами знаменующее полный разрывъ «тѣсной связи между собственникомъ и имуществомъ», — отвратительная для мелкаго буржуа порода людей, ничего не имѣющихъ и ничего не представляющихъ въ современномъ обществѣ [2]). Съ такимъ взглядомъ на пролетаріатъ и съ такимъ отношеніемъ къ нему нельзя было à la longue съ успѣхомъ защищать интересы этого класса, что бы ни говорили нѣкоторые русскіе любомудры насчетъ несущественности для общественной дѣятельности историко-философскихъ теорій.

С. Т. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Püttmanns Rheinische Jahtbucher, I статья Tecca Ueber das Geldwesen, стр. 5.

[2]) Характерно, что другой писатель того же толка Bettziech называетъ самое слово «пролетаріатъ» прямо «скандальнымъ» («Geld und Geist», Berlin, 1845).

ИЗБАВЛЕНІЕ.

(Набросокъ).

«Гладко писано въ бумагѣ, да забыли про овраги, какъ по нимъ ходить».

Уныло стоятъ ряды высокихъ сибирскихъ сопокъ. Словно гигантскими терновыми вѣнками, увиты ихъ холодныя вершины обнаженными кустами иглистаго боярышника. Глубокими кровавыми язвами зіяютъ по ихъ склонамъ шурфы красныхъ породъ. Человѣкъ своей кайлой изранилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, проникъ въ самое сердце.

Огненнымъ шаромъ медленно, нехотя выплыло солнце изъ-за угла сопки и освѣтило глубокую долину, застланную густымъ туманомъ; нехотя заклубился туманъ, лѣниво подогрѣваемый нерадушнымъ солнцемъ. Вяло, лѣниво подымались его клубы все выше и выше, очищая долину. Сквозь дымку въ долинѣ стало вырисовываться основаніе какого-то огромнаго зданія, окруженнаго бѣлой стѣной; вотъ оно все растетъ и растетъ. Длинными полосами поплылъ туманъ. Стала просыпаться долина.

Подулъ свѣжій осенній вѣтерокъ; выпорхнули бѣлогрудыя плиски изъ поблекшей травы; гдѣ-то заржала лошадь; защебетали, засуетились хозяйственные щуры вокругъ своихъ гнѣздъ, облѣпившихъ стѣны большого зданія. Проснулось и самое зданіе.

Похоронным звономъ въ утреннемъ воздухѣ прозвучали отрывистые удары колокола.

Загудѣло зданіе, какъ гигантскій пчелиный улей, сотнями голосовъ; глухо раздалось въ каменныхъ стѣнахъ лязганье цѣпей. Мѣрными шагами прошла смѣна казаковъ вдоль бѣлой ограды. Часовой на посту крякнулъ и подтянулся.

— Кто идетъ? — не своимъ голосомъ испуганно закричалъ часовой.

— Смѣна!—спокойнымъ покровительственнымъ тономъ отвѣтилъ разводящій.

Огромное трехъэтажное зданіе въ видѣ буквы „покой“ (тюрьмы

присвоили себѣ форму этой буквы, вѣроятно, какъ эмблему) рѣзко выдѣляется между чистенькими бревенчатыми домиками, расположенными за его оградой. Большія окна домиковъ съ желѣзными крышами, палисадниками съ куртинами цвѣтовъ, чисто вымстенная площадь, фонари придаютъ видъ крошечнаго городка, Богъ вѣсть какъ попавшаго въ пустынныя сопки.

Въ рѣшетчатыхъ окнахъ тюрьмы замелькали сѣрые халаты съ тузами на спинѣ и такія же сѣрыя лица, изможденныя, обрюзгшія. Все большее и большее число арестантскихъ головъ стало вытягиваться въ окнахъ по одному и тому же направленію туда, гдѣ на низкой сопкѣ, въ верстѣ разстоянія отъ тюрьмы, расположился небольшой поселокъ.

Сотни двѣ землянокъ безпорядочно раскинулись на горкѣ въ перемежку съ навозными кучами, навѣсами для скота, разными клѣтушками. Рядомъ съ убогой, вросшей въ землю, покосившейся на бокъ, подслѣповатой землянкой съ крошечнымъ, тоже покосившимся оконцемъ самодовольно выступаетъ новая, чистенькая, съ большими окнами, заставленными цвѣтами, съ рѣзными украшеніями на зеленыхъ ставняхъ. Узкія полосы незастроеннаго пространства, выполняющія роль улицъ, извиваются, какъ змѣи, самыми прихотливыми зигзагами; телѣги пустыя, съ кладью, съ бочками воды—тамъ и сямъ безцеремонно загораживаютъ своеобразныя улицы. Стѣны землянокъ, сплетенныя изъ мелкихъ прутьевъ, кое-гдѣ частями выбѣленныя, съ крышами, наполовину покрытыми кусками бересты, съ торчащими въ воздухъ стропилами; пестрые костюмы снующихъ между землянокъ женщинъ; группы игроковъ, расположившіяся посреди улицъ, придаютъ поселку видъ временной стоянки цыганскаго табора. Это особый городокъ, построенный и населенный исключительно каторжниками, выпущенными въ вольную команду.

Выпускаютъ въ вольную команду изъ тюрьмы послѣ окончанія каторжнымъ срока испытуемаго и исправляющагося, если онъ въ продолженіе этихъ сроковъ не совершилъ никакихъ новыхъ проступковъ.

Вольная команда—обѣтованная земля для всѣхъ каторжныхъ; надежда на нее, хотя бы въ далекомъ будущемъ, удерживаетъ арестанта отъ новыхъ преступленій. Самые отчаянные головорѣзы, намаявшись своей безпорядочной жизнью, нерѣдко жаждутъ тепла семейной обстановки, жаждутъ упорядочить свое существованіе.

Сегодня праздничный день. Большая часть женскаго населенія суетилась, вынимая изъ печей булки, наряжаясь въ празднич-

ные костюмы—въ полинявшіе яркихъ цвѣтовъ юбки и фасонистыя кофточки съ чужого плеча; нѣкоторыя держали въ рукахъ новенькія ботинки, чтобъ, пройдя босыми ногами по пыльной дорогѣ, надѣть ихъ блестящими у самой тюрьмы. Всѣ спѣшили въ тюрьму на свиданіе. Однѣ съ законными мужьями, другія съ незаконными. Изможденныя лица арестантокъ, часто грубыя, иногда нахальныя, сегодня свѣтились какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, дѣлавшимъ ихъ привлекательными.

— Что торопитесь, Пелагея Семеновна? До свиданія-то успѣли бы еще съ десятью бабами переругаться! Хе-хе-хе!.. Только это я не въ обиду вамъ сказываю!.. Ну, и любовь у васъ къ Степкѣ, просто ужасть! Зависть беретъ! Право! Да, надо чести его приписать, арестантъ онъ, можно сказать, всѣхъ мѣръ!..—весело балагурилъ брюнетъ съ развязными манерами и въ сѣромъ арестантскомъ бушлатѣ, догоняя маленькую женскую фигурку, спѣшившую по главному проспекту поселка.

— Какая ужъ наша женская любовь! Одно околокруженіе!—кокетливо отвѣтила, вмѣсто Пелагеи Семеновны Бархатовой, шедшая рядомъ съ нею молодая арестантка съ напущеными на лобъ кудряшками, въ ярко синемъ платьѣ съ большой претензіей на моду.—А правда, говорятъ, женскаго полку больше на каторгѣ скоро не будетъ?—продолжала арестантка, видимо желая вступить въ разговоръ съ развязнымъ брюнетомъ.

— Слушай больше шпану, она тебѣ наботаетъ!—презрительно отвѣтилъ брюнетъ.

Бархатова продолжала идти молча; маленькая, худенькая, съ задорно вздернутымъ носикомъ, она выглядѣла совсѣмъ дѣвочкой; ея голубые глазки весело посматривали на виднѣвшееся вдали зданіе тюрьмы, окруженное высокой бѣлой стѣной, на ярко блестѣвшія вдали точки—штыки часовыхъ, на бревенчатый домъ тюремнаго смотрителя, изъ дверей котораго долженъ былъ появиться дежурный надзиратель.

— Марья! А Марья Кузьминишна! Позвольте вамъ нравиться! Плюньте вы на свиданіе, пойдемте со мною гулять! Я не чета вашему Петькѣ!.. У него что? Въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпи! А я васъ, какъ принцессу, водить буду! Люблю я васъ въ высшей степени!—разливался краснорѣчіемъ высокій блондинъ въ красной кумачевой рубахѣ съ длиннымъ бѣлымъ полотенцемъ на шеѣ, долженствовавшемъ изображать собою шарфъ.

Веселая, съ открытымъ русскимъ лицомъ полная блондинка

Марья Кузьминична въ шумящемъ розовомъ платьѣ, выпорхнувшая изъ крайней землянки, вдругъ какъ-то затуманилась, вспомнивъ свое горемычное прошлое.

— Полноте балясничать! Мало наша сестра съ вами гулянами путается! Одно горе изъ эстаго выходитъ! Послалъ Богъ самостоятельнаго человѣка, никакими качествами ни займывается,— чего жъ мнѣ мѣнять-то? Отъ добра добра не ищутъ! Нешто я какая безчувственная!

Каторжный донъ-жуанъ задумался надъ резоннымъ разсужденіемъ. А Марья Кузьминична, подвязывая на ходу бѣлый расшитый передникъ, быстрыми шагами устремилась по дорогѣ къ тюрьмѣ.

Съ другого конца улицы показалась высокая, стройная женщина съ гордо поднятой головой; изъ-подъ широкихъ, сросшихся темныхъ бровей упрямо смотрѣли большіе сѣрые глаза, опушенные длинными выгнутыми рѣсницами. Отъ слишкомъ правильныхъ тонкихъ чертъ и строго сжатыхъ губъ вѣяло холодомъ, неприступностью; только опущенные углы рта и мимолетное вздрагиваніе губъ предательски выдавали глубоко запрятанное горе. Она тоже направлялась къ замку.

— Эхъ! Вотъ кабы такая полюбила! — воскликнулъ донъ-жуанъ, заблиставъ глазами.

— Анна Варламова-то? Держи карманъ шире!.. Эта, братъ, совсѣмъ особная, не такая, какъ другія прочія!—замѣтилъ арестантъ, спѣшившій съ бутылкой въ рукахъ на край поселка.

— Одно слово, орелъ-баба! —восторженно продолжалъ донъ-жуанъ, самодовольно поглядывая маслянистыми глазами на проходящую женщину.

Злой огонекъ орлицы, почуявшей врага, блеснулъ въ глазахъ Варламовой, продолжавшей идти своей степенной, увѣренной походкой.

Донъ-жуанъ почтительно посторонился съ дороги.

Въ тюремномъ дворѣ шумъ, говоръ, топотъ сотни ногъ, смѣхъ, лязганье кандаловъ.

Арестанты съ своими семьями безпорядочно расположились, кто гдѣ могъ.

На ступенькахъ тюремной бани примостился плотный мужчина, аккуратно одѣтый, чисто выбритый. Степенно приподнялся онъ навстрѣчу своей бабѣ.

— А Мишутку чего же не привела?.. А! вонъ онъ постреленокъ! Иди-ка, иди сюда, шельмецъ!

Болѣзненная, немолодая женщина торопилась къ нему, пробиваясь въ толпѣ арестантовъ. Бѣлокурый мальчикъ съ сіяющими глазами уже карабкался къ нему на колѣни.

— А я на Сивкѣ самъ воду вожу!—поспѣшилъ похвастать Мишутка.

— Молодчага! Молодчага! — похвалилъ его отецъ, любовно засматривая въ его раскраснѣвшееся личико.

— Ты что тамъ коммерцію съ Петькой завела? Смотри ты у меня!—раздраженно выкрикиваетъ другой долговязый арестантъ, грозя кулакомъ своей возлюбленной.

Рябая, некрасивая баба оправдывается, стараясь говорить шопотомъ, смущенно поглядывая по сторонамъ. Видно доводы бабы начинаютъ дѣйствовать на возревновавшаго любителя: кулакъ разжимается; съ просіявшимъ лицомъ виновато присаживается онъ подлѣ своей супруги.

Въ сторонѣ отъ другихъ въ уголку примостились на дровахъ Варламова съ своимъ любителемъ Сашкой Кунгуровымъ, красивымъ молодымъ мужчиной. Яркій румянецъ пятнами, лихорадочно блестящіе глаза и частый кашель сулятъ недолгую жизнь Кунгурову; вся его тонкая фигура съ большими синими глазами вспыхиваетъ послѣднимъ огонькомъ догорающей свѣчки.

— Что, поди пристаютъ и къ тебѣ?—боязливо-грустно спрашиваетъ Кунгуровъ.

— Кто жъ ко мнѣ-то посмѣетъ?—спокойно, увѣренно отвѣчаетъ Варламова.

— А ты, Анюта, какъ будто того... — конфузливо говоритъ Кунгуровъ.—Что жъ сына или дочь желаешь?

Варламова вспыхиваетъ и молча, конфузливо глядитъ ему въ глаза.

— Что жъ, теперь землянку справила, все хозяйство обзавела. А горя-то, горя сколько ты приняла! Сама-то все, сама одинешенька сработала...—Кашель не далъ ему говорить.

— Ну, какъ насчетъ гумаги-то? Значитъ, насчетъ законнаго-то брака?—спрашиваетъ любитель Марью Кузьминичну.

— Охъ! И ходить-то ужъ надоѣло! Еще намедни была въ конторѣ, все одинъ отвѣтъ: „не пришла гумага!“

— И чего только имъ жалко! И по божескимъ, и по человѣческимъ законамъ, кажется, законный бракъ есть самая настоящая точка! А не разрѣшаютъ! Вотъ поди жъ!.. И чего только имъ жалко!—недоумѣвалъ любитель Марьи Кузьминичны, солидный представительный мужчина.

— Сколько ночей-то не спала, глазъ не сомкнула, все рюшами, да оборками платье обдѣлывала этой самой.. а она возьми да и дай мнѣ только полтинникъ...—щебетала тоненькимъ голоскомъ Бархатова. Дальше слышалось только: „а я ей говорю", „а она мнѣ говоритъ", „а еще барыня!"

— Какая она барыня! Одно слово фря!—спокойно заключаетъ ея монологъ любитель.

— А въ огородѣ-то у насъ такъ-то браво! Огурцы-то рясно, прирясно! Копали вчера картошку, да така хруска да скусна!—радуется арестантка-сибирячка Агафья.

— Ну, и поголодали мы съ Мишуткой! Что ни зароблю—все, кажную копѣйку за долгъ, да за долгъ! Шутка ли, безъ копѣйки землянку построили, да еще и Сивку за пятичку купили. Оно, конечно, не лошадь, а можно сказать одеръ,—ну, все же хошь воду привезетъ.

— Ну, слава Богу,—растроганно отвѣчаетъ Мишуткинъ отецъ. —Вотъ ужо кончу строкъ, выйду въ команду, зачну сапоги шить, Мишутку въ ученье отдадимъ,—мечтаетъ онъ вслухъ.

— А въ ученьѣ бить будутъ?—безпокойно справляется Мишутка, тараща глаза.

— Ну тамъ ужъ какъ заслужишь! — добродушно пугаетъ отецъ.

— А ты бы ее въ морду за такія рѣчи: мужнюю жену да съ чужимъ мужикомъ сводить!—раздается чей-то раздраженный голосъ.

Смѣшанный шумъ все растетъ, заглушая отдѣльные разговоры.

Два тюремныхъ надзирателя, заложивъ за спину руки, позванивая связками ключей—прогуливаются въ сторонкѣ, ведя межъ собой хозяйственный разговоръ. Голуби съ видомъ полноправныхъ членовъ арестантской артели спокойно прохаживаются среди группъ арестантовъ, подбирая крошки принесенныхъ булокъ. Медленно пріотворились сѣверныя ворота тюремнаго двора и пропустили четырехъ арестантовъ, несшихъ койку съ трупомъ татарина. Бритая голова свѣсилась съ койки, черныя ноги трупа безобразно торчатъ, высунувшись изъ-подъ короткой парусинной простыни. Въ широко раскрытыхъ стеклянныхъ глазахъ застылъ ужасъ.

Высокій широкоплечій арестантъ въ полосатомъ халатѣ и больничномъ колпакѣ, кривляясь, приплясывая, съ дикимъ хохотомъ пустился за трупомъ.

— Ну, ну, проваливай, Ѳедька, проваливай къ себѣ!—отталкивалъ сумасшедшаго арестанта надзиратель отъ трупа, водворяя больного въ лазаретный дворъ.

— А жалко Махметку, артельный былъ парень! — задумчиво произнесъ юный арестантъ съ печальными карими глазами, одиноко сидѣвшій подлѣ лазаретныхъ воротъ.

— Видно климатъ Махметкѣ не понравился, не пожелалъ больше у насъ жить, —дѣланно-шутливо замѣтилъ другой, желая шуткой отогнать мысль смерти.

Одни изъ арестантовъ старались не замѣчать проносимаго трупа, другіе проводили его равнодушнымъ взглядомъ.

По лицу Кунгурова пробѣжала тѣнь; Варламова поблѣднѣла и нервно заговорила о своемъ хозяйствѣ, видимо отвлекая его мысль отъ смерти.

Въ лазаретномъ дворѣ раздавался дикій хохотъ сумасшедшаго.

Изъ дверей арестантской кухни стремительно выскочилъ худенькій арестантикъ, запнулся за плоходержавшуюся ступеньку, но, сохранивъ равновѣсіе, быстро помчался въ толпу.

— Братцы! Генералъ ѣдетъ! Всю тюрьму велѣно подъ стеклышко раздѣлать! Бѣлить, красить, мыть, то-исъ, чтобъ отнюдь ни клопа, ни таракана! —заговорилъ юркій арестантикъ, гордившійся тѣмъ, что всѣ новости онъ могъ узнавать первый.

— Ну, затеръ волынку! Ври больше!

— Одна необразованность твоя, и больше ничего,—произнесъ любитель сообщать новости, презрительно поглядѣвъ на невѣрующаго Ѳому.

— Не то что, а даже свиданіе велѣно прекратить!—не унимался образованный арестантъ.

— Ну, братцы, мы безпремѣнно объяснимъ генералу, что неправильно намъ манифестъ примѣненъ.

— Ну, этотъ ужъ задастъ имъ за покражу нашей трети! Сколько, небось, пинжаковъ на эту самую нашу треть они себѣ понашили,—добавляетъ желчный арестантъ.

Тяжелыя тюремныя ворота быстро раскрылись; вошелъ помощникъ смотрителя, небольшой нервный человѣчекъ, въ сопровожденіи цѣлой кучи мечущихся во всѣ стороны надзирателей.

— Это что еще за свиданіе? Свиданія полагаются только по праздникамъ!—набросился помощникъ на перваго встрѣчнаго надзирателя.

— Сегодня, ваше благородіе, праздникъ-съ.

— Какой такой праздникъ?

— Праздникъ-съ, ваше благородіе, по случаю отсѣченія головы!

— Дуракъ! И этого-то объяснить не можешь! Да за такое выраженіе тебя въ богохульствѣ обвинить можно!

— Виноватъ, ваше благородіе, у насъ въ деревнѣ онъ такъ обзывается.

— У насъ въ деревнѣ!—передразнилъ его помощникъ, спѣша дальше осматривать свои владѣнія.

Старшій надзиратель съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ растерянным видомъ, поднявъ руку подъ козырекъ, принялся рапортовать:

— Всего арестантовъ 253 изъ 342...

— Экій ты, братецъ, трусъ, а еще гвардеецъ! —прерываетъ его помощникъ:—только заслышалъ генерала, уже и голову потерялъ! Сколько у тебя свѣтовъ?—кричитъ помощникъ стоящему подлѣ него надзирателю.

— Виноватъ, ваше благородіе, проглядѣлъ, видно бабы цвѣтовъ нанесли!

— Да что вы всѣ одурѣли! Я тебя спрашиваю: свѣтовъ, свѣтовъ! Свѣчей сколько?

Неимовѣрно высокій съ деревяннымъ лицомъ надзиратель, желая показать особенную расторопность, метнулся къ окошку, зачѣмъ-то понюхалъ подоконникъ и полетѣлъ дальше водворять порядокъ.

— Расходитесь! Расходитесь!—кричалъ помощникъ.—Свиданіе кончено! Ну, живѣй! Не до васъ теперь! Чего ворочаешься! Ноги отнялись, что ли? Съ бабой засидѣлся!

Долго еще пришлось надзирателю торопить арестантовъ, пока тюремный дворъ не опустѣлъ.

II.

Пріѣхалъ генералъ и распорядился: всѣхъ холостыхъ женщинъ на Сахалинъ для заселенія края. Въ вольную команду выпускать только тѣхъ каторжныхъ, которые раньше выхода изъ тюрьмы приступятъ къ постройкѣ себѣ жилищъ.

Завѣтныя желанія, мечты долгихъ томительныхъ годовъ, мечты, вскормленныя „слезами и тоской“; искра Божія, загорѣвшаяся въ сердцахъ несчастныхъ отбросовъ счастливаго человѣческаго стада,—все уничтожено, разбито двумя, тремя словами.

Надъ маленькимъ каторжнымъ городкомъ точно буря пронеслась. Крикъ, плачъ, ругань, пьяный смѣхъ, переходящій въ истерическія рыданія, вой дѣтей. Растерянныя, растрепанныя женщины мечутся, какъ въ агоніи. Вотъ одна схватила зачѣмъ-то

горшокъ, бросила его объ полъ, стоитъ надъ нимъ и тупо смотритъ на валяющіеся черепки. Агафья съ ожесточеніемъ топчетъ ногами свой расцвѣтшій на славу огородъ: „мое добро, сама садила, слезами поливала, пусть же пропадаетъ! Реветъ Мишутка, цѣпляясь за юбку матери; онъ не хочетъ продавать Сивку татарамъ на мясо; жалко и матери вести Сивку на убой; да гдѣ ужъ искать другихъ покупателей: завтра рано утромъ надо идти въ партію. И въ головѣ Мишутки рождаются новыя, незнакомыя еще мысли: „Зачѣмъ надо убивать Сивку? Зачѣмъ надо ѣхать куда-то далеко, далеко? Зачѣмъ мать говорила: „прощайся, больше никогда не увидишь отца?“ Вѣдь отецъ не умираетъ, зачѣмъ же онъ его никогда не увидитъ? И за что все это? Развѣ мы что сдѣлали? Вѣдь мы никого не убили, ничего не украли?

По улицѣ разносится пѣніе пьяныхъ голосовъ:

То не вѣтеръ вѣтку клонитъ,
Не дубравушка шумитъ,
То мое сердечко поетъ,
Какъ осенній листъ дрожитъ...

Циничныя замѣчанія врываются въ общій шумъ. Цинизмъ поруганной, истерзанной души; цинизмъ человѣка, которому терять больше нечего.

— Э-эхъ! Не нашей, видно, сестрѣ честно жить! Соблюдали себя, соблюдали, хотѣли тоже людьми быть, и то неудобно оказалось!.. Эй, Ванька, пойдемъ гулять, чего ужъ теперь себя соблюдать!

Пропадай моя телѣга,
Всѣ четыре колеса!

раздается охрипшій женскій голосъ.

Посторонившись отъ другихъ землянокъ, на откосѣ сопки прилѣпилась къ огромному камню просторная избушка, влекущая взоры прохожихъ яркими ситцевыми занавѣсками въ окнахъ, звуками стеклянной посуды, шумомъ голосовъ, женскимъ визгливымъ смѣхомъ. Въ избушкѣ идетъ тайная торговля виномъ. Подлѣ нея столпились подвыпившіе мужчины. Горячій разговоръ разносится по всему поселку.

— Ровно скотъ на приплодъ гонятъ!—угрюмо выкрикиваетъ арестантъ-хохолъ съ черными острыми глазами.

— И чего бы кажется лучше,—спокойно резонируетъ умственный арестантъ, оглядывая толпу съ сознаніемъ своего превосходства:—сдѣлали бы объявку, кто молъ съ кѣмъ желаешь—женись и ступай вмѣстѣ на Сахалинъ; приплодъ отъ эфтого не токмо бы не уменьшился, а пожалуй, что при любви да при согласіи

и начальству еще барышъ бы въ итогѣ того вышелъ! Не такъ ли я говорю?—допрашивалъ онъ присутствующихъ.

— Мало нешто этихъ самыхъ мышеловокъ для нашего брата на Сахалинѣ? Ну и пущай бы мужской полъ въ нихъ томился, все одно какъ и здѣсь, такъ и тамъ. А все же было бы по человѣчеству: ни тебѣ разора, ни тебѣ разврата, ни ругани, ни отчаянія; все бы какъ надо по человѣчеству!

Въ разговоръ толпы врывается пѣніе проходящихъ женщинъ:

Ты, морякъ, уѣдешь въ море
А меня оставишь въ горѣ;
Буду плакать, плакать и рыдать
И, какъ звали, звали, вспоминать!
По морямъ, по волнамъ
Нынче здѣсь, а завтра тамъ!

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи,—продолжаетъ резонировать умственный арестантъ:—то-ись какъ это я могу приступить къ постройкѣ себѣ землянки, ежели я еще сижу въ тюрьмѣ. Ежели меня и за ворота-то на одинъ перстъ не пускаютъ?.. То-ись кто же это за меня тамъ на волѣ этотъ самый приступъ сдѣлаетъ? Духъ, что ли? И выходитъ, значитъ, братцы вы мои, что отнынѣ эта самая вольная команда—

«Не то дождикъ, не то снѣгъ
Не то будетъ, не то нѣтъ!»

— Не команда это, братцы, а только одинъ предлогъ, одна копія, можно сказать...—вставляетъ свое замѣчаніе подошедшій арестантъ.

— Нѣтъ, ты подумай-ка еще вотъ объ чёмъ, пораскинь-ка умомъ: пущай я за себя найму кого этотъ самый приступъ сдѣлать; да за что найму-то я? Гдѣ денегъ-то возьму? Выходитъ опять же, ежели я богатъ, ежели мои родители на волѣ капиталами орудуютъ—такъ меня и въ команду выпустятъ, а ежели я кругомъ бѣднякъ, то веди я себя въ тюрьмѣ, какъ анделъ небесный, и мнѣ команды, какъ ушей своихъ, не видать. Какая жъ это справедливость?

— Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ!

— Теперь только и надѣйся на ночку темную да на ножъ вострый. Самъ, значитъ, добывай себѣ волюшку вольную да дѣвицу красную!

— Оно и лучше,—подхватываетъ арестантъ лѣтъ сорока съ рѣзкими чертами, съ ухарски надѣтой набекрень сѣрой фуражкой безъ козырька, въ накинутомъ на одно плечо сѣромъ арестантскомъ халатѣ: — обабились мы съ этой вольной командой!

Тотъ ли арестантъ допрежъ былъ? Орелъ! А теперь что? Тьфу! Дрянь!.. Повѣрите ли, братцы, иду я намедни по колидору въ замкѣ, глядь, а Степка Сычъ примостился на корточкахъ и—что бы вы думали? по канвѣ узоры разными цвѣтами расшиваетъ! „Что ты, Степка, въ своемъ ли ты умѣ?“ говорю я. А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Машенькѣ своей къ именинамъ, говоритъ, фартучекъ орудую!“ Тьфу! Пропади ты пропадомъ!

Быстро сгущается вечерній сумракъ. На колокольнѣ рудника пробило 9 часовъ.

Сѣрыя дымчатыя облака ползутъ по небу. Большая черная туча, какъ огромная лавина, сорвавшись съ горъ, низко нависла надъ поселкомъ, готовая обрушиться, поглотить людской муравейникъ. Въ воздухѣ томительно тихо, трудно дышать.

Сидитъ Варламова въ своей чисто убранной землянкѣ подлѣ стола, опершн на руки голову. Слезы душатъ ее, но она не умѣетъ плакать. Вся неприглядная прошлая жизнь Варламовой проходитъ передъ нею. Вотъ она молодая, красивая, дочь богатаго старообрядца; отъ жениховъ нѣтъ отбоя; но ей никто еще не приглянулся. Вспоминаетъ затѣмъ она майскій вечеръ, тихій пахучій вечеръ. На досчатое крыльцо нависли бѣлыя кисти цвѣтущей сирени. Къ тятенькѣ кто-то подъѣхалъ. Она выбѣжала на крыльцо и столкнулась лбомъ съ молодымъ блондиномъ; шедшій сзади отецъ пошутилъ: „вмѣстѣ жить“. Взглянула она несмѣло въ голубые глаза пріѣхавшаго, и какъ будто искра какая-то пробѣжала межъ ними; сразу полюбили они другъ друга, да такъ и не смогли разлюбить. Отецъ какъ узналъ, что Кунгуровъ православный, такъ и повернулъ оглобли назадъ. Плакала Анна, убивалась мать, да гдѣ убѣдить упрямаго старика... Кунгурова взяли въ солдаты, угнали въ Ташкентъ. Анна собрала свои вещи и убѣжала къ нему... Пріѣхалъ отецъ, избилъ ее (она была уже беременна), увезъ домой... свои знахарки измучили ее, вытравили ребенка. Привезъ отецъ старика старообрядца противнаго, препротивнаго и говоритъ: „Вотъ тебѣ женихъ, завтра и свадьба“. Какъ ни молила отца Анна, старикъ и слышать не хотѣлъ; такъ ихъ и повѣнчали. Анна не могла и взглянуть-то на мужа, слышать шаговъ его не могла. Потерпѣла, потерпѣла, дождалась ночи, да и сбѣжала опять къ Кунгурову. Узналъ мужъ и вытребовалъ ее обратно по этапу, сталъ ее бить, тиранить, мѣста живого на ней не было. Пришелъ Кунгуровъ на побывку домой; стало ему не въ терпежъ видѣть ея мученья; вошелъ онъ ночью въ ихъ домъ да и покон-

чилъ старика. Судили ихъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и въ Сибирь отправили. Сколько намучились-то! Пора бы и отдохнуть! Такъ нѣтъ, кому-то завидно стало, надо ихъ опять разлучить! Погонятъ на Сахалинъ, начнутъ приставать мужчины, скоро долженъ родиться ребенокъ... Сашу тутъ скоро похоронятъ... опостылитъ и жизнь... Быстро мелькаютъ въ головѣ Варламовой картины тяжелаго будущаго...

Весельемъ отчаянія врываются съ улицы въ окна землянки звуки разудалой пѣсни:

Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ...

заунывно раздаются съ другой стороны женскіе голоса:

Мнѣ не жаль мать, отца,
Жалко мо-о-лод-ца...

Крупныя капли дождя застучали по крышѣ землянки и ударами молота, заколачивающаго крышку гроба, отозвались въ душѣ Варламовой. За окномъ пожелтѣвшіе листья березокъ безпомощно забились, задрожали, жалобно шумя. Черныя мысли, какъ тучи, заволакиваютъ мозгъ. Гдѣ-то зловѣще завыла собака. Вѣтеръ шумитъ листами бересты сосѣдней крыши, нашептывая старческимъ голосомъ: „умри! умри!“ Дрожь пробѣжала по тѣлу Варламовой. Порывистымъ движеніемъ руки отбросила она волосы со лба, силясь отогнать неотвязныя мысли. Темныя волнистыя пряди, какъ змѣи, обвили стройныя плечи. А смерть все громче и громче запѣваетъ свою пѣсню въ душѣ Варламовой, и подъ звуки той пѣсни какой-то покой мало-по-малу охватываетъ ее: „Вмѣстѣ жить“... „вмѣстѣ и умереть“ мелькнуло въ ея головѣ.

Спокойными, медленными шагами подошла она къ шкафу, взяла съ полочки порошокъ, проглотила и запила водой.

Въ тотъ же вечеръ обыкновенно веселая, разсудительная Марья Кузьминична долго ходила растерянно изъ угла въ уголъ по своей землянкѣ.

— Попробую, чего не попробовать! Не то, что мы, женскій полъ, а вонъ мужчины и тѣ изъ-за нашей сестры калѣчатъ себя!.. Сказываютъ, только шибко больно! Ну, и на Сахалинъ идти и того хуже!.. А какъ Митька хромую-то меня разлюбитъ? На што ему хромая?.. Нѣтъ, не разлюбитъ!.. Вонъ Николай свою Сашку еще пуще полюбилъ, какъ она изъ-за него себя въ Красноярскѣ искалѣчила. Не разлюбитъ и Митька, вѣдь я для него же на этакую муку иду.

Рѣшительно подошла она къ маленькому столику, завѣсила

тщательно оконце землянки, вынула изъ столика толстую иголку, вдѣла въ нее толстый шнуръ и сжавъ зубы проткнула себѣ ногу; протянула нѣсколько разъ шнуръ и легла поудобнѣй на лавку.

— Ну, теперь ужъ не ушлютъ!

Нога тотчасъ покраснѣла и быстро стала опухать.

Въ дверяхъ землянки показалось поблѣднѣвшее, обострившееся личико Бархатовой.

— Больно? Очень больно?—испуганно глядѣли ея дѣтскіе глазки на Марью Кузьминичну.

— Ничего, можно стерпѣть, валяй!

Бархатова нерѣшительно стала подходить къ Марьѣ Кузьминичнѣ.

— Да будетъ тебѣ модничать! Тычь себѣ въ руку; въ руку, говорятъ, легче,—раздраженно убѣждала Марья Кузьминична, протягивая ей свое орудіе пытки.

Бархатова нервно схватила иголку, какъ бы боясь новыхъ колебаній, закрыла глаза и съ легкимъ крикомъ проткнула себѣ руку.

Верхушки сопокъ окутаны утреннимъ туманомъ. Выходящее солнце медленно всплываетъ, окрашивая въ пурпуръ сѣрыя облака. Прозрачное облачко разбилось на куски и пятнами крови замерло межъ иглистыхъ кустовъ боярышника.

Тихо шепчутся березки въ долинѣ, печально опустивъ свои искалѣченныя ночной непогодой вѣтви и крупныя слезы роняютъ на землю. Безпокойно мечется въ кустахъ плиска, тщетно разыскивая разоренное гнѣздышко.

Холодный августовскій вѣтерокъ пронизываетъ плохо одѣтую толпу женщинъ, стоящую подлѣ воротъ тюрьмы. Идетъ перекличка отправляемыхъ на Сахалинъ.

Къ тюрьмѣ медленно подъѣхала телѣга, запряженная быками; на ней лежали, потерявъ сознаніе Бархатова и Марья Кузьминична.

Вслѣдъ за телѣгой два арестанта тащили въ сѣрой парусинѣ, согнувшійся трупъ Варламовой. Поровнявшись съ отправляемой партіей арестанты опустили свою ношу на землю, рядомъ съ кучей износившихся арестантскихъ вещей, вычеркнутыхъ изъ употребленія.

— Экія подлыя, сколько хлопотъ намъ надѣлали!—воскликнулъ старшій надзиратель,—но сочувствія ни въ комъ не нашелъ.

Маріанъ.

**
*

(Изъ Платена).

Я съ ложа поднялся средь ночи нѣмой—
Влекла меня тайная сила.
Покинулъ я городъ неспѣшной стопой,
И вышелъ на мостъ, и оперся рукой,
Средь ночи нѣмой,
Въ раздумьѣ нѣмомъ о перила.

Широкимъ разливомъ рѣка подо мной,
Сверкая во мракѣ, струилась.
Я видѣлъ, какъ волны, одна за другой,
Неспѣшной катились внизу чередой,
Средь ночи нѣмой,
Но вспять ни одна не катилась.

Я видѣлъ, какъ звѣзды надъ спящей землей
Нѣмые вели хороводы,
Какъ мѣсяцъ свой путь совершалъ надо мной
И кроткаго свѣта одѣлъ пеленой,
Средь ночи нѣмой,
И городъ, и тихія воды.

И долго смотрѣлъ я средь ночи нѣмой,
А въ сердцѣ звучали упреки:
О вспомни, что сдѣлано въ жизни тобой?
Умолкни жъ, умолкни, дай сердцу покой,
Средь ночи нѣмой,
Раскаянья голосъ жестокій!

* * *

Ужъ снова день склоняется къ закату,
И ночь близка. Безсонную опять
Тебя, о ночь, готовлюсь я принять,
За праздный день заслуженную плату.

Въ глубокій сонъ погружена давно
Моя душа. Какъ праздное скитанье,
Постыло мнѣ мое существованье,—
И день, и ночь мнѣ тягостны равно.

Что прежде умъ глубоко волновало,
Что сердце жгло и слезы исторгало,
Теперь всему душа моя чужда.

Пустынныхъ дней смѣняется чреда,
А я брожу безъ мысли и труда,
Мои уста безмолвіе сковало.

---

* * *

Онъ скованъ былъ. Металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ—
И въ прахъ разсыпался бъ, когда бы лишь сильнѣй
Рвануть онъ смѣлъ.

Но помнитъ онъ, какъ нѣкогда была
Та цѣпь крѣпка,
Какъ съ нею справиться ни разу не могла
Его рука.

И на судьбу пенялъ онъ, но сильнѣй
Рвануть не смѣлъ,
А крѣпкій нѣкогда металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ.

Мих. Г.

Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій.

(По поводу статьи П. Б. Струве: «Свобода и историческая необходимость». Вопросы философіи и психологіи, январь—февраль 1897 года).

Des Menschen Thaten und Gedanken, wisst!
Sind nicht wie Meeres blind bewegte Wellen.
Die inn're Welt, sein Mikrokosmus, ist
Der tiefe Schacht, aus dem sie ewig quellen.
Sie sind nothwendig, wie des Baumes Frucht,
Sie kann der Zufall gaukelnd nicht verwandeln.
Hab' ich des Menschen Kern erst utersucht,
So weiss ich auch sein Wollen und sein Handeln.
Schiller. Wallenstein's Tod, 2-er Aufz., 3-te Scene.

Человѣческій разумъ познаетъ все сущее подъ формальнымъ условіемъ закона причинности. Та же форма познанія приложима и къ событіямъ человѣческой жизни, мыслямъ, желаніямъ и поступкамъ людей. Познаніе причинной связи, управляющей человѣческой жизнью, дѣлаетъ возможнымъ предсказаніе будущихъ ея событій, такъ же точно, какъ возможно это относительно явленій внѣшняго міра. «Можно представить себѣ,—говоритъ Кантъ,—что, если бы для насъ возможно было проникнуть въ образъ мыслей человѣка, насколько онъ проявляется какъ во внутренней жизни, такъ и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, въ такой степени, чтобы было извѣстно каждое, даже малѣйшее побужденіе его, а также и всѣ дѣйствующія на него внѣшнія причины, то можно вычислить этого человѣка поведеніе въ будущемъ съ такой же точностью, какъ лунное и солнечное затменіе» (Kritik der praktischen Vernunft. Изд. Розенкранца. Лейпцигъ. 1838. Стр. 230). Хотя съ такой исчерпывающей полнотой индивидуальная жизнь каждаго человѣка и не можетъ быть изучена (такъ же, впрочемъ, какъ не можетъ быть изучена вся индивидуальная обстановка и каждаго физическаго факта) [1]),

[1]) Такой *индивидуализаціи* изученія препятствуетъ самое устройство нашего познавательнаго аппарата; познаніе совершается чрезъ посредство понятій, т.-е. путемъ *упрощенія* предмета, отбрасыванія его индивидуальныхъ, случайныхъ свойствъ. Чрезъ это лишь и становится возможнымъ познаніе вообще. «Die Welt dadurch zu erkennen, dass man alle Einzelgestaltungen, so wie sie sind, einzeln vorstellt, ist eine für den endlichen Menschengist prinzipiell unlösbare Aufgabe. Jeder

тѣмъ не менѣе, даже и при настоящемъ, далеко еще не блестящемъ, состояніи общественной науки уже возможны нѣкоторыя *общія* предсказанія будущихъ поступковъ людей. Примѣромъ можетъ служить прогнозъ творца матеріалистической философіи исторіи относительно будущаго развитія капиталистическаго строя. Болѣе скромнымъ, но зато ежедневно осуществляющимся примѣромъ являются закономѣрности общественной жизни, наблюдаемыя статистикой. Общій и суммарный характеръ нашихъ знаній о закономѣрности человѣческой жизни не колеблетъ однако нашего убѣжденія въ закономѣрной причинной связи и всѣхъ индивидуальныхъ событій; такъ, глядя на прибой волнъ моря, мы не сомнѣваемся, что каждая отдѣльная волна бьетъ въ берегъ по законамъ механики, хотя и не можемъ опредѣлить закономѣрность каждаго удара.

Представленіе о строгой закономѣрности человѣческихъ дѣйствій, въ новое время съ наибольшей силой провозглашенное Спинозой [1]) и критически установленное Кантомъ, приходитъ въ противорѣчіе съ тѣмъ непосредственнымъ чувствомъ свободы, которое живетъ въ душѣ человѣка. Это противорѣчіе, съ моей точки зрѣнія, кажущееся и фиктивное, служитъ психологическимъ источникомъ соотвѣтствующихъ теоретическихъ построеній, общей и объединяющей чертой которыхъ является стремленіе какъ-нибудь и во что бы то ни стало отстоять эту свободу человѣческихъ дѣйствій и тѣмъ спастись отъ неумолимаго закона причинности. Грандіозный примѣръ этого—если такъ можно выразиться—бѣгства отъ закона причинности представляетъ намъ философская система Канта, который, утвердивъ, какъ никто, господство закона причинности въ «Критикѣ чистаго разума» самъ уничтожаетъ (или старается уничтожить) это господство въ «Метафизикѣ правовъ» и «Критикѣ практическаго разума», объявляя, въ концѣ концовъ, *примат*ъ практическаго разума надъ теоретическимъ. Тѣмъ же путемъ идетъ Шопенгауеръ, помѣщая свободу отъ причинной связи въ область

Versuch in dieser Richtung wäre geradezu widersinnig, denn wie gross wir auch die Anzahl der Einzelgestaltungen annehmen mögen, die mit unseren Vorstellungen abzubilden uns gelingen könnte, es stände immer eine prinzipiell unübersehbare, also unendliche Mannigfaltigkeit von unerkannten Dingen und Vorgängen gegenüber, und es dürfte unter dieser Voraussetzung niemals von einem Fortschritt in der Erkenntniss der Welt gespochen werden. Wer also unter Erkenntniss der Welt ein wirkliches Abbild der Welt versteht, der muss auf eine Wissenschaft, die sich der Erkenntniss des Weltganzen auch nur annähert, von vorneherein verzichten» (*Rickert.* Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Erste Hälfte. 1896. Стр. 34).

[1]) «Я буду разсматривать,—говоритъ Спиноза,—человѣческія дѣйствія и желанія, какъ будто бы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ» (цит. по нѣм. перев. Штерна: Die Ethik, p. 151). Въ этомъ объективизмѣ Спинозы, признаніи строгой закономѣрности человѣческихъ дѣйствій, открывается внутреннее духовное сродство (конгеніальность) спинозизма съ марксизмомъ. Приведенныя слова Спинозы могли бы послужить девизомъ марксова объективизма.

«воли» и интеллигибельнаго характера, понятіе, которое онъ заимствуетъ у Канта, объявляя противоположеніе эмпирическаго и интеллигибельнаго характера у Канта величайшимъ торжествомъ человѣческаго разума [1]). Аналогію съ Кантовой системой представляетъ новѣйшая попытка Штаммлера отстоять хотя и плохонькую свободу на ряду съ закономъ причинности. Рядомъ съ этими попытками, ведущимися на критической почвѣ, выступаетъ цѣлый рядъ попытокъ некритическихъ: я разумѣю, такъ называемую, субъективную соціологію разныхъ національностей—русскую, французскую, американскую. Общей чертой всѣхъ этихъ построеній является признаніе личности и ея идеаловъ какъ бы за самостоятельный и первообразный факторъ, изъ себя производящій исторію, а не являющійся ея неизбѣжнымъ результатомъ. (Въ сущности, ни одна еще субъективная соціологія не высказалась опредѣленно по вопросу о соотношеніи необходимости и свободы, хотя всѣ онѣ связываютъ себя съ Контомъ, слѣдовательно, постулируютъ закономѣрность человѣческихъ дѣйствій. Указанная точка зрѣнія тѣмъ не менѣе составляетъ духовную сущность этихъ ученій, сознательно или безсознательно ими принятую).

Матеріалистическое пониманіе исторіи наиболѣе сурово выступило противъ этого культа личности, этого признанія свободы въ области необходимости. Справедливо гордое своей неумолимой объективностью, оно выставило формулу закономѣрнаго развитія человѣческаго общества, по которой это развитіе совершается если не вопреки, то помимо

---

[1]) Мысль Канта о приматѣ практическаго разума надъ теоретическимъ, невѣрная въ философскомъ смыслѣ, имѣетъ тѣмъ не менѣе глубокое психологическое значеніе. Съ точки зрѣнія психологическаго генезиса, усвоеніе той или другой, даже чисто теоретической, доктрины гораздо болѣе зависитъ отъ психологіи человѣка и менѣе отъ его логики, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Для предпочтенія именно данной доктрины всѣмъ другимъ существующимъ ученіямъ огромную роль играетъ извѣстное психическое предрасположеніе—характеръ лица, общественное положеніе, его симпатіи и антипатіи. Въ этомъ смыслѣ матеріалистическое пониманіе исторіи учитъ относительно самого себя, что оно можетъ быть воспринято только рабочимъ сословіемъ, въ силу особенностей его классовой психологіи (что, конечно, нисколько не исключаетъ обсужденія этого ученія чисто логическимъ путемъ: дѣлаемъ это замѣчаніе для тѣхъ, кто усмотритъ въ нашей точкѣ зрѣнія скептицизмъ древнихъ софистовъ). Равнымъ бразомъ, ученіе историко-этической школы въ политической экономіи, отлично приспособленное для психологіи буржуазныхъ экономистовъ, совершенно отвратительно для рабочаго сословія и его теоретиковъ. Тѣмъ же объясняется и отмѣченный Марксомъ (въ «Achtzehnte Brumaire») и Бельтовымъ фактъ, что при существованіи классоваго антагонизма извѣстныя теоріи однимъ классомъ усвояются потому, что враждебный классъ держится противоположныхъ мнѣній.— Такое же значеніе имѣетъ ученіе Шопенгауера о приматѣ воли надъ познаніемъ; съ принятіемъ этого ученія (въ его психологическомъ смыслѣ) весьма удобно разрѣшается труднѣйшій вопросъ матеріалистическаго пониманія исторіи: какимъ образомъ высшіе продукты психической дѣятельности—наука и искусство—могутъ зависѣть отъ производственныхъ отношеній. Подробному развитію и обоснованію этого взгляда здѣсь нѣтъ мѣста.

субъективныхъ идеаловъ; стремленія и поступки людей, по этому ученію, при извѣстныхъ условіяхъ даютъ нѣчто или прямо противоположное, или во всякомъ случаѣ иное, чѣмъ ожидали люди, подобно тому, какъ въ исторической философіи Льва Толстого (въ Войнѣ и Мирѣ), расчеты каждой отдѣльной личности совсѣмъ не приводятъ къ предназначенной ею цѣли. Даже самое зарожденіе извѣстныхъ идеаловъ, эмоцій, идей матеріалистическое пониманіе исторіи поставило въ границы закономѣрности, предсказывая, напр., зарожденіе извѣстныхъ идеальныхъ стремленій и соотвѣтствующихъ эмоцій у представителей рабочаго сословія (хотя бы отдѣльные носители этихъ идеаловъ и постулировали ихъ «беззаконную свободу»). Универсальное приложеніе идеи закономѣрности въ области, которая всего дольше боролось съ этой величайшей идеей нашего вѣка [да и теперь еще борется] [1]) есть духовная сущность соціальнаго матеріализма. Вотъ почему я былъ не мало удивленъ, встрѣтивъ новую попытку отстоять свободу именно у сторонника матеріалистическаго пониманія исторіи, г. Струве. Раздѣляя со мной точку зрѣнія критической философіи, г. Струве ведетъ свою аргументацію критически, стараясь доказать, что матеріалистическое пониманіе исторіи слишкомъ далеко заходитъ въ распространеніи понятія закономѣрности, и что надлежащая граница упущена и мною.

Считаю нужнымъ напередъ замѣтить, что остроумная критика г. Струве и его собственная, несомнѣнно оригинальная, конструкція не заставили меня измѣнить своей точки зрѣнія, выраженной въ статьѣ «О закономѣрности соціальныхъ явленій» (Вопросы философіи и психологіи, ноябрь—декабрь 1896) (поскольку, впрочемъ, нашъ споръ не основывается на недоразумѣніи: есть довольно существенные пункты, въ которыхъ мы съ г. Струве на самомъ дѣлѣ не разногласимъ, и я очень сожалѣю, если причиной недоразумѣнія явилась недостаточная ясность и чрезмѣрная сжатость моего изложенія).

Основная антитеза, изъ которой отправляется г. Струве, такова: «Матеріалистическое... пониманіе исторіи есть грандіозная попытка ввести исторію человѣчества въ систему научнаго опыта, основнымъ формальнымъ понятіемъ котораго является необходимость или закономѣрность въ смыслѣ строгой причинности. Но въ то же время исторія дѣлается людьми, стремящимися къ осуществленію своихъ цѣлей, дѣйствующими во имя своихъ идеаловъ. Ставить цѣли и стремиться къ ихъ осуществленію можно только при сознаніи своей свободы.

---

[1]) Кетле и его школа, ощупавъ, такъ сказать, совершенно осязательно закономѣрность человѣческихъ дѣйствій, все-таки стремились уклониться отъ полнаго признанія этой идеи, постулируя свободную волю въ ряду *случайныхъ* причинъ, оказывающихъ пертурбаціонное вліяніе на статистическія ряды. Эта конструкція, при очевидной своей несостоятельности, показываетъ однако, насколько крѣпко держится эта излюбленная идея свободы воли.

Съ другой стороны, научное познаніе и пониманіе явленій мыслимо лишь подъ руководствомъ идеи необходимости, прямо противорѣчащей идеѣ свободы» (120). Мы оставляемъ пока въ сторонѣ понятіе *свободы*, могущее имѣть много значеній и еще ждущее своего разъясненія. Остановимся на первой половинѣ антитезы, на противопоставленіи цѣлей и идеаловъ съ одной стороны, необходимости съ другой. Не трудно убѣдиться, что прямой логической противоположности здѣсь нѣтъ. Цѣли и идеалы, являющіеся въ человѣческомъ сознаніи просто *мотивами*, предоставляютъ въ таковомъ качествѣ лишь особый видъ причинности,—психологическую. Видовое понятіе не противоположно родовому; между ними есть различіе, но не противоположность. Такимъ образомъ, эта постановка вопроса невѣрна.

Но это лишь одна сторона дѣла. Другая уже была отмѣчена мною при разборѣ телеологическаго ученія Штаммлера. И Штаммлеръ, и г. Струве ошибочно представляютъ себѣ исторію какъ будто исчерпывающейся однимъ настоящимъ моментомъ, т.-е. какъ разъ такимъ моментомъ, который принадлежитъ не только наукѣ, но и жизни. Постановка цѣлей сопровождается *чувствомъ* свободы только для настоящаго момента. Между тѣмъ матеріалистическое пониманіе исторіи есть, какъ справедливо замѣчаетъ г. Струве, попытка ввести въ систему научнаго опыта *исторію* человѣчества. Примѣненіе категоріи каузальности къ *исторіи* человѣчества совсѣмъ не встрѣчаетъ тѣхъ—дѣйствительныхъ или мнимыхъ—затрудненій, которыми сопровождается оно въ примѣненіи къ настоящей жизни. Стало быть, и здѣсь антитеза причинности и идеаловъ и цѣлей, свободы и необходимости, сдѣланная г. Струве для *исторіи*, не годится. Она должна быть сдѣлана только для настоящаго момента.

Итакъ, точнѣе формулируя возможное содержаніе мысли Штаммлера и г. Струве, обсужденію подлежитъ слѣдующій вопросъ: какъ примѣняется сознаніе необходимости и чувство свободы въ настоящей жизни субъекта и въ его планахъ на будущее, въ постановкѣ цѣлей и идеаловъ? [1]) Г. Струве видитъ въ этомъ противорѣчіе не логиче-

[1]) Вопреки г. Струве, «главное значеніе и основную заслугу полемики Штаммлера противъ матеріалистическаго пониманія исторіи» я вижу не въ этомъ противопоставленіи, а въ *критикѣ понятій*, примѣняемыхъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Я, конечно, совсѣмъ не хочу сказать, чтобы можно было согласиться со всѣми выводами этой критики, но нахожу, что иногда умѣлая постановка вопроса есть уже почти разрѣшеніе его. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, вліяніе Штаммлера на дальнѣйшее развитіе соціальной науки окажется глубже и плодотворнѣе, чѣмъ Зиммеля (который, какъ гносеологъ и психологъ, стоитъ, конечно, гораздо выше Штаммлера). A propos. Меня въ высшей степени удивило сужденіе г. Струве о Зиммелѣ, что онъ «отрицаетъ возможность этики какъ нормативной науки». Мнѣ кажется, что болѣе обстоятельное знакомство съ трудами Зиммеля заставитъ г. Струве взять назадъ это неосторожное сужденіе. См. объ этомъ Einleitung in die Moralwissenchaft, I, 318—322, гдѣ самъ Зиммель по этому поводу говоритъ нѣчто совсѣмъ иное.

ское, а гносеологическое, устранить которое нѣтъ возможности, «если разсужденіе ведется строго критическимъ путемъ, т.-е. если смыслъ понятій не мѣняется во время хода разсужденія» (121). Посмотримъ же, какъ пользуется г. Струве этимъ своеобразнымъ научнымъ пріемомъ, право гражданства котораго онъ виндицируетъ для гносеологіи, а я, къ сожалѣнію, не могу признать ни для одной науки. Но сперва нѣсколько словъ о критикѣ ученія Штаммлера у самого г. Струве. Онъ рекомендуетъ мнѣ судъ скорый, но не правый и не милостивый, а именно раздѣлаться съ соціальнымъ идеализмомъ чуть не двумя цитатами изъ «Введенія къ метафизикѣ нравовъ», если ученіе Штаммлера построено въ «духѣ Канта». Что ученіе Штаммлера построено *въ духѣ* Канта, это совершенно безспорно. Но также безспорно и то, что понятіе *свободы* у Штаммлера значительно отличается отъ понятія свободы у Канта: кантовская свобода относится къ сверхъопытному, умопостигаемому міру, Штаммлеръ пытается—удачно или неудачно—ввести свободу въ міръ опыта. Потому слова Канта о свободѣ прямого уничтожающаго значенія для системы Штаммлера не имѣютъ. И самъ г. Струве не останавливается на этомъ, подвергая особому анализу объективное долженствованіе. Хотя я стою на той же точкѣ зрѣнія гносеологическаго монизма, что и г. Струве, однако, не считаю возможнымъ выставить иной формальный критерій объективности, кромѣ общеобязательности («bedeutet die objective Gütigkeit des Erfahrungsurtheils nichts anderes als die nothwendige Allgemeingültigkeit desselben». Kant. Prolegomena, изд. Шульца, стр. 77—8). Тѣ соображенія относительно *прочности* представленій, которыя приводитъ г. Струве, касаясь психологическаго генезиса понятія дѣйствительности, не могутъ дать формальнаго критерія объективности, потому что это понятіе установляется не индивидуальнымъ, но соціальнымъ сознаніемъ [1]) Не говоритъ еще ничего противъ объективности долженствованія та его характеристика, которую даетъ Зиммель, потому что и съ точки зрѣнія Штаммлера за долженствованіемъ не признается такой же

[1]) Я считаю возможнымъ уклониться здѣсь, какъ сдѣлалъ и г. Струве, отъ обоснованія своихъ взглядовъ на соотношеніе гносеологіи и психологіи. Замѣчу лишь, что, съ моей точки зрѣнія, гносеологіи принадлежитъ безспорный логическій пріоритетъ предъ психологіей и другими науками. Поэтому всякій transcensus за разрѣшеніемъ гносеологическихъ вопросовъ въ область психологіи я считаю незаконнымъ. Г. Струве удивляется, что Зиммель для опроверженія Штаммлера почему-то не пользуется своей собственной гносеологической характеристикой долженствованія. Да потому, что и для Зиммеля (и это мѣсто цитируетъ на стр. 126 г. Струве) «въ теоріи лишь то познаніе считается нами объективнымъ, которое признается вѣрнымъ всей совокупностью субъектовъ, или такое признаніе, котораго за вѣрное, по крайней мѣрѣ, ожидается или требуется—*и съ гносеологической точки зрѣнія нѣтъ другого критерія для истины*». Еще энергичнѣе та же мысль выражена на стр. 151: «dasjenige objective Wahrheit ist, was Wahrheit fur die Gattung ist, in Gegensatz zu der Vorstellung des einzelnen Subjects» (l, c. I. 151, также стр. 3).

объективности, какъ за бытіемъ. Штаммлеръ возводитъ телосъ на степень условія познанія, способа координировать представленія, аналогичнаго закону причинности, но съ нимъ не тождественнаго.

Впрочемъ много дорогъ ведетъ въ Римъ, и различными путями мы приходимъ съ г. Струве къ одному выводу, къ отрицанію закона телоса, объективнаго долженствованія. Но мы расходимся въ томъ пунктѣ, который я считаю единственно рѣшающимъ относительно возможности второго условія познанія на ряду съ закономъ причинности, относительно закономѣрности воли. Пунктъ этотъ—вопросъ о единствѣ трансцендентальнаго сознанія. Г. Струве признаетъ единство опыта, отрицая единство чистаго или трансцендентальнаго сознанія, на которомъ единство опыта, по ученію Канта, базируется. Но, если устранить это единство чистаго *я*, на чемъ же тогда основано единство опыта и чѣмъ можно доказать невозможность двухъ видовъ опытнаго познанія (или, выражаясь неточнымъ, и не философскимъ терминомъ Штаммлера, — «пониманія» — Einsicht), возможность которыхъ доказываетъ Штаммлеръ? «Никакое познаніе не можетъ найти себѣ въ насъ мѣста,—говоритъ Кантъ,—никакая связь (Verknüpfung) и единство между отдѣльными его частями (unter einander) безъ того единства сознанія, которое предшествуетъ всякимъ даннымъ воззрѣнія и только въ отношеніи къ которому возможно всякое представленіе о предметахъ» («Kritik der reinen Vernunft», изд. Кербаха, стр. 121). «То же самое единство апперцепціи создаетъ изъ всѣхъ возможныхъ явленій, которыя только могутъ встрѣтиться въ опытѣ рядомъ, связь всѣхъ этихъ представленій на основаніи законовъ... Такимъ образомъ, первоначальное и необходимое сознаніе тождества своего я (seiner Selbst) есть вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе столь же необходимаго единства синтеза всѣхъ явленій посредствомъ понятій (nach Begriffen)»; (и т. д. см. вообще стр. 118—123) [1]).

Въ цитированныхъ словахъ Кантъ достаточно опредѣленно устраняетъ возможность утвержденія, будто «единство опыта не тождественно съ единствомъ трансцендентальнаго сознанія». Наоборотъ, это послѣднее единство есть основное и необходимое условіе единства опыта. Въ этомъ ученіи заключается центръ всей теоріи познанія Канта, ея неустранимая, интегральная часть. И я не понимаю, какимъ образомъ г. Струве, слѣдуя этой теоріи, считаетъ возможнымъ произвести надъ ней такую операцію?

Но г. Струве указываетъ мнѣ на «антитетику чистаго разума»,

---

[1]) Ср. превосходную формулировку у Наторпа («Einleitung in die Psychologie, 107—8): nicht das Bewusstsein so schlechthin, sondern die Einheit des Bewusstseins ist es, welche in der Einheit des Gesetzes die Einheit des Gegenstandes constituirt». Въ «Grundlinien zur Theorie der Willensbildung» Наторпъ, къ сожалѣнію, уклоняется въ сторону «Критики практическаго разума» и, постулируя два направленія сознанія, установляетъ примѣтъ второго направленія—воли надъ разумомъ.

на его антиноміи, — не въ доказательство возможности противорѣчій въ чистомъ разумѣ, отрицать которыя послѣ критики Канта было бы совершенно безполезно, но въ доказательство возможности двухъ непримирыхъ точекъ зрѣнія или двухъ направленій сознанія. Что антиноміи чистаго разума далеко не предполагаютъ двухъ направленій сознанія (или, лучше, по числу антиномій, трехъ, или—постулируя на каждый тезисъ и антитезисъ по направленію сознанія—даже шести), а непремѣнно требуютъ единства сознанія, благодаря которому эти противорѣчія, какъ таковыя, и сознаются, доказано, мнѣ кажется, именно Кантомъ. Разумъ, по изображенію Канта, является высшимъ судьей, выслушивающимъ спорящія стороны, разбирающимъ ихъ интересъ и постановляющимъ окончательный приговоръ (который, какъ извѣстно, признаетъ въ антиноміяхъ — путемъ не подмѣна понятій, а логическаго выясненія — ихъ логическую ошибку, quasernio terminorum). Мною не только не упущенъ изъ виду фактъ существованія антиномій, напротивъ, въ немъ я видѣлъ лишнее доказательство правильности своей точки зрѣнія, и теперь не мало удивленъ, встрѣчая ссылку на этотъ фактъ въ доказательство ея невѣрности. Я говорилъ не объ отсутствіи противорѣчій въ чистомъ разумѣ, а о невозможности въ единомъ сознаніи двухъ противорѣчивыхъ направленій, двухъ взаимно исключающихъ точекъ зрѣнія. Въ этомъ я совершенно слѣдую Канту. Г. Струве неправъ, когда говоритъ, что теорія Штаммлера о двухъ направленіяхъ сознанія (въ *мірѣ опыта* — такова точка зрѣнія Штаммлера) въ основной своей мысли безспорно имѣется у Канта. Странно было бы предположить такое противорѣчіе у Канта, и на самомъ дѣлѣ его у Канта нѣтъ. Когда «на полѣ теоріи болѣе найти ничего невозможно», какъ писалъ въ своей извѣстной эпиграммѣ Шиллеръ, Кантъ удаляется въ область вещи въ себѣ и постулируетъ возможность сверхъопытнаго познанія, безъ помощи тѣхъ познавательныхъ категорій, основнымъ объединяющимъ началомъ которыхъ служитъ единство чистаго сознанія». Можно слѣдовать или не слѣдовать за Кантомъ въ этомъ transcensus'ѣ, но необходимо признать, что двухъ направленій сознанія въ мірѣ опыта Кантъ этимъ не установляетъ. Все это я имѣлъ въ виду, когда основнымъ гносеологическимъ упрекомъ Штаммлеру ставилъ попытку ввести два направленія сознанія въ область опыта. Въ этомъ Штаммлеръ совсѣмъ *не* слѣдуетъ Канту [1]).

Г. Струве установляетъ: «въ трансцендентальномъ сознаніи всегда налицо двѣ непримиримыя идеи: свобода и необходимость, соотвѣтствующія двумъ направленіямъ сознанія: познанію и волѣ». Утверждая

[1]) Нельзя говорить о двухъ *равноправныхъ* направленіяхъ сознанія у Канта и потому, что, какъ я уже отмѣтилъ, они вовсе у него не равноправны: Кантъ постулируетъ приматъ практическаго разума надъ теоретическимъ. И въ этомъ сказался геніальный инстинктъ мыслителя, великаго даже и въ заблужденіяхъ.

это, г. Струве становится на точку зрѣнія не Канта, а Штаммлера, и идетъ достаточно далеко за послѣднимъ, хотя не доходитъ до всѣхъ его выводовъ, отрицая объективную закономѣрность воли.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь у насъ шла только о познаніи или, менѣе точно, о пониманіи. Трансцендентальное сознаніе есть Erkenntnisssubjekt, такъ сказать, одна лишь сторона (не направленіе!) всего психологическаго сознанія или человѣческой жизни. Живая жизнь не исчерпывается этой стороной: въ ней есть и чувство, и воля, (конечно, этими выраженіями лишь грубо намѣчается область хотѣній и эмоцій). Потому ошибочно представлять себѣ, что вся психическая жизнь можетъ быть сведена къ познанію и выражена въ категоріяхъ познанія. Между тѣмъ именно это хочетъ сдѣлать г. Струве, когда говоритъ объ «идеяхъ» необходимости и свободы, соотвѣтствующихъ познанію и волѣ. Свобода, въ томъ смыслѣ, какъ беретъ ее здѣсь г. Струве, есть познавательная, гносеологическая категорія. *Свободная* причина въ гносеологическомъ смыслѣ есть причина, не имѣющая себѣ предшествующей, безпричинная причина. Въ этомъ смыслѣ у Канта свободною причиной міра является та причина, которая начинаетъ причинный рядъ изъ себя и сама никакой другой причиной не обусловлена [1]). Такая причина непознаваема, она стоитъ внѣ опыта. Понятіе свободной причины, въ этомъ смыслѣ, есть отрицательное понятіе. Однако, если большая часть нашихъ отрицательныхъ понятій, по своему содержанію, крайне неопредѣленны, а по объему крайне обширны: не черный, не бѣлый, не Иванъ, не—я и т. д., то понятіе свободной причины совершенно безсодержательно. Если примѣнить его къ человѣческой волѣ, какъ это обычно и, по моему мнѣнію, совершенно ошибочно примѣнялось, то и здѣсь это понятіе окажется не менѣе безсодержательнымъ, «Unding» или «nichtiger Begriff», какъ называетъ его Кантъ [2]). Единственное средство наполнить содержаніемъ это понятіе — приписать свободѣ закономѣрность, что́ и дѣлаетъ Кантъ. Но это операція совершенно произвольная, на которую логика не управомочиваетъ. Отрицательно относится къ ней и г. Струве, вслѣдъ за Шеллингомъ провозглашая «беззаконность» свободы [3]). Но г. Струве указываетъ, что эта идея свободы есть фактъ непосредственнаго самосознанія, фактъ внутренняго опыта. Осмѣлюсь утверждать, что такого сознанія идеи свободы въ смыслѣ абсолютной случайности или безпричинности въ нашемъ сознаніи нѣтъ и быть не можетъ. Какъ отлично показалъ Шопенгауеръ [4]), психическая жизнь подчинена закону мотиваціи, т.-е.

---

[1]) Kritik der reinen Vernunft, 428—9 (по Кербаху).

[2]) См. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, стр. 78 и далѣе (Изд. Розенкранца. Лейпцигъ. 1838). Также Kritik der praktischen Vernunft, p. 224-5. (Шульцъ).

[3]) Я не считаю возможнымъ, подобно г. Струве, оцѣнивать ученія Шеллинга и Гегеля о свободѣ и необходимости внѣ связи съ ихъ общей метафизической системой.

[4]) См. «О свободѣ воли». Есть и русскій, хотя не вполнѣ удовлетворительный переводъ Черниговца. Также «О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія».

закону причинности (Causalität von innen gesehen). Это признаетъ и г. Струве для «механизма цѣлесообразности», считая свободной, т.-е. безпричинной лишь послѣднюю цѣль. Эта послѣдняя цѣль, по его мнѣнію, является несвободной только съ точки зрѣнія перваго, т.-е. познающаго сознанія, и является свободной съ точки зрѣнія сознанія хотящаго. Я утверждаю, что и эта послѣдняя цѣль является для насъ только подъ формой закона причинности. Возьмемъ простѣйшій случай: я хочу ѣсть. «Механизмъ цѣлесообразности» приспособляется къ этой послѣдней и, съ точки зрѣнія г. Струве, свободной цѣли. Но именно эта свободная причина, этотъ сведенный къ его простѣйшей и обнаженной физіологической сущности мотивъ представляется мнѣ совершенно такой же, отъ моей воли независящей причиной, какъ и всякая причина внѣшняго міра. Мнѣ приходится считаться съ этой причиной и извѣстнымъ образомъ приспособлять къ ней свои поступки.

Возьмемъ болѣе сложное и высшее психическое отправленіе, положимъ, жажду знанія, ради которой совершаются всѣ подвиги «мучениковъ науки». Не трудно видѣть, что въ основѣ и этихъ подвиговъ лежитъ извѣстная потребность (Сократовскій «демонъ»), которая принудительно дѣйствуетъ на нашу волю; то же можетъ быть сказано и о самомъ высшемъ проявленіи человѣческой жизни и дѣятельности—борьбѣ за соціальные идеалы, за лучшее будущее: и эта дѣятельность принудительно вызывается голосомъ нравственнаго чувства, оскорбляемаго существующимъ зломъ, и этотъ голосъ познается нами не какъ свободная цѣль, а какъ нѣчто, если не внѣшне, то внутренне принудительное. Вопреки г. Струве, я сказалъ бы, что именно относительно послѣднихъ цѣлей, послѣднихъ мотивовъ своей дѣятельности, коренящихся въ самыхъ глубокихъ и коренныхъ свойствахъ души, человѣкъ чувствуетъ себя наименѣе свободнымъ. Самыя дорогія чувства и самыя завѣтныя цѣли съ одной стороны, и самыя сильныя и глубокія страсти съ другой сознаются человѣкомъ, какъ силы, иногда чуждыя и даже враждебныя его сознанію, но непобѣдимыя и неотвратимыя. Эта мысль составляетъ, мнѣ кажется, самую глубокую сущность ученія Спинозы объ аффектахъ и драмъ Шекспира, котораго Куно Фишеръ справедливо считаетъ Спинозой поэзіи. Но разъ предъ человѣкомъ вырастаетъ изъ его внутренняго чувства эта послѣдняя цѣль, онъ имѣетъ относительную свободу выбора различныхъ путей для достиженія ея (въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ эту свободу Шопенгауеръ, т.-е. въ смыслѣ *обдумыванія* или свободы отъ *непосредственнаго* принужденія объектами, дѣйствующими на его волю, какъ мотивы).

Формулируя сказанное до сихъ поръ, я выставляю такое положеніе: ошибка г. Струве, въ моихъ глазахъ, заключается въ томъ, что волѣ, душевной способности, отличной отъ познанія, онъ навязываетъ категорію познанія, именно гносеологическое понятіе свободы. Если свобода воли въ смыслѣ гносеологическомъ не можетъ быть отстаиваема

ни съ точки зрѣнія познанія и опыта, исключающаго абсолютную случайность, къ которой сводится понятіе liberum arbitrium indifferentiae, ни съ точки зрѣнія воли, которая не есть познаніе и потому не можетъ оперировать съ гносеологическими категоріями, то, очевидно, понятіе человѣческой свободы, или, что то же, свободы человѣческой воли, есть *понятіе исключительно психологическое*. Что же значитъ психологическая свобода?

Я уже говорилъ въ статьѣ «О закономѣрности соціальныхъ явленій», что познаніе закономѣрности человѣческихъ дѣйствій — настоящей жизни субъекта—возможно только въ абстракціи отъ самого живущаго и чувствующаго человѣка. Отличіе закономѣрности нашей собственной жизни отъ закономѣрности внѣшняго міра [1]) состоитъ въ томъ, что послѣднюю мы лишь познаемъ, относясь къ ней, такъ сказать, только гносеологически; первую же мы переживаемъ и, поскольку мы живемъ, т.-е. волнуемся разными чувствами, ставимъ себѣ извѣстныя цѣли, мы не познаемъ объективной закономѣрности внѣшнихъ событій; для этого нужно отрѣшиться отъ неизбѣжнаго антропоцентризма, который свойственъ живому человѣку, и поставить мысленно свое я въ причинную цѣпь міровой механики. Примѣръ луннаго затменія, *въ томъ употребленіи*, которое дѣлаетъ изъ него Штамммлеръ, т.-е. въ приложеніи къ человѣческой психологіи, вполнѣ неудаченъ, такъ какъ приравниваетъ эту переживаемую *и* познаваемую нами закономѣрность человѣческихъ дѣйствій закономѣрности внѣшняго міра, нами только познаваемой. (Но тотъ же примѣръ, безспорно, превосходенъ для гносеологической характеристики закономѣрности, и въ этомъ смыслѣ беретъ его Кантъ. Употребленіе или, лучше сказать, *зло*употребленіе имъ у Штамммлера основано на его отожествленіи познанія и жизни, какъ справедливо замѣчаетъ г. Струве).

Переживая извѣстныя состоянія, необходимость которыхъ человѣкъ отлично понимаетъ, человѣкъ не перестаетъ считать эти состоянія проявленіями своего *я*, которое и составляется изъ суммы такихъ переживаній, и не перестаетъ въ этомъ смыслѣ противопоставлять свое я, какъ автономную причину причинности внѣшняго міра, мертвую закономѣрность внѣшняго міра той «geprägter Form, die *lebend* sich entwickelt». Невѣрность постановки вопроса у Штамммлера и г. Струве, равно какъ и у другихъ теоретиковъ свободы воли, состоитъ въ томъ, что эту закономѣрность нашихъ дѣйствій, состоящую просто въ ихъ *послѣдовательности*, послѣдовательномъ возникновеніи одного изъ другого, они возводятъ въ желѣзный законъ, *принудительно* за-

[1]) Г. Струве, конечно, правъ, указывая, что понятіе закона въ естественномъ смыслѣ возникло первоначально изъ понятія закона въ смыслѣ юридическомъ. Но я и не имѣлъ въ виду говорить о первоначальномъ генезисѣ этого понятія, а имѣлъ въ виду отмѣтить лишь особенности пониманія закономѣрности въ новѣйшее время и ихъ причины.

ставляющій наше *я* дѣйствовать такъ, а не иначе, и противъ этой принудительности конструируется ими гносеологическая и телеологическая свобода. Если же мы поймемъ закономѣрность, какъ необходимую послѣдовательность переживаемыхъ нами душевныхъ состояній, то получаетъ полную силу «трюизмъ»: законъ человѣческихъ дѣйствій говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій. Другими словами, объективная закономѣрность нашихъ дѣйствій не имѣетъ никакого отношенія къ тому, какъ мы представляемъ свои дѣйствія: свободными или несвободными. Съ точки зрѣнія міровой необходимости одинаково закономѣрны и героическое воодушевленіе во имя идеала, и пассивное преклоненіе предъ теоріями детерминизма какого-нибудь Поля Астье (въ «Disciple» П. Бурже). Психическая жизнь обусловливается всѣми психическими силами даннаго лица, среди которыхъ познавательная способность есть только одна изъ многихъ. Она даетъ одинъ изъ мотивовъ дѣйствій, но другіе мотивы подсказываются прочими сторонами душевной жизни.

Слѣдовательно, мы не выйдемъ изъ порочнаго круга, если станемъ такимъ образомъ примѣнять понятіе закономѣрности къ психической жизни. Насколько она познается, здѣсь нѣтъ мѣста никакой свободѣ: все необходимо. Насколько она переживается, здѣсь нѣтъ мѣста никакимъ гносеологическимъ категоріямъ, ни необходимости, ни свободѣ [1]) [2]).

Понятіе психологической свободы есть понятіе совершенно условное и относительное. «Свобода должна быть всегда свободой отъ чего-нибудь; если я называю себя свободнымъ, то я всегда имѣю въ виду принужденіе, которому я либо подвергался, либо могъ бы подвергнуться. Если свобода мыслится не въ противоположность къ возможной несвободѣ (Gebundenheit), она вообще не имѣетъ смысла (*Simmel.* Einleitung in die Moralwissenschaft, B. I, 288. Изслѣдованію различныхъ понятій свободы Зиммель посвящаетъ 6-ю главу II тома). Я не имѣю въ виду здѣсь касаться всѣхъ видовъ и оттѣнковъ психологической свободы, resp. несвободы. Но одного вида не могу не коснуться. Я разумѣю тотъ видъ несвободы, когда внѣшняя необходимость, понимаемая или даже переживаемая человѣкомъ, складывается такъ, какъ того

---

[1]) Поэтому г. Струве совершенно напрасно пытается обрушить на мою голову критику относительной свободы Канта. Свободы въ гносеологическомъ смыслѣ у меня нѣтъ, есть одна необходимость. Психологическая свобода не есть свобода въ Кантовскомъ смыслѣ, это лишь извѣстное душевное состояніе. Въ этомъ смыслѣ психологическая свобода не есть свобода въ смыслѣ гносеологическомъ, а чистѣйшая необходимость.

[2]) Г. Струве ошибочно полагаетъ, что я повторяю Энгельса, котораго я въ такомъ случаѣ и процитировалъ бы и метафизическая точка зрѣнія котораго мнѣ совершенно чужда. Говоря, что можно дѣйствовать съ успѣхомъ, когда въ немъ увѣренъ, я имѣлъ въ виду отмѣтить именно психологоческій фактъ,—если угодно, сказать психологическій трюизмъ, но не воскрешать метафизическаго положенія о томъ, что «свобода есть познанная необходимость».

не хотѣлось бы данному лицу и какъ она противорѣчитъ его чувствамъ, мыслямъ, желаніямъ. Въ результатѣ получается или то подавленное, пассивное состояніе духа, которое свойственно фатализму, или же бунтующее состояніе духа, нежеланіе примириться съ этой необходимостью. И замѣчательно, что такое отношеніе человѣка къ внѣшней необходимости возможно не только при поставленіи цѣлей и идеаловъ, не только при взглядѣ на будущее, но иногда и при взглядѣ на прошлое. Геніальное выраженіе эта черта получила въ знаменитой главѣ «Бунтъ» романа «Братья Карамазовы», гдѣ Иванъ Карамазовъ не хочетъ примириться съ злодѣйствами, совершенными во тьмѣ вѣковъ, хотя бы въ результатѣ оказалось и лучшее будущее: «я не Бога не принимаю, а міра его не принимаю». Это дѣйствительно *бунтъ*, бунтъ личности противъ мірового порядка, объективной закономѣрности вещей, во имя того, что этотъ порядокъ не отвѣчаетъ идеаламъ данной личности. И это драматическое положеніе не можетъ быть разрѣшено или устранено никакими гносеологическими соображеніями: оно можетъ быть только пережито, т.-е. разрѣшено психологически путемъ того или иного приспособленія психической личности къ міровому порядку. И Достоевскій оставляетъ открытымъ вопросъ: совершилось ли съ Иваномъ это приспособленіе, «принялъ ли онъ міръ», или «почтительнѣйше возвратилъ билетъ» [1])...

Мы подошли теперь къ самому центральному вопросу: какъ примирить поставленіе цѣлей и идеаловъ съ сознаніемъ необходимости всего сущаго. Для рѣшенія этого вопроса и для примиренія двухъ противорѣчащихъ направленій сознанія въ единомъ субъектѣ г. Струве обращается въ область психологіи и пользуется своимъ пріемомъ подмѣна понятій. А именно, до сихъ поръ область свободы у г. Струве ограничивалась лишь свободной постановкой послѣдней цѣли, слѣдовательно, чисто субъективной сферой. Но затѣмъ онъ расширяетъ эту область и на внѣшній міръ, постулируя въ черномъ кругѣ необходимости бѣлое пятно, которое воля и свободная дѣятельность могутъ закрасить по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, уже внѣшній міръ познается подъ категоріями свободы и необходимости. На такой transcensus г. Струве не даютъ права ни одно изъ его предшествующихъ разсужденій. Раньше рѣчь шла только о свободѣ въ постановкѣ послѣдней цѣли, а здѣсь уже о свободѣ, конкурирующей съ необходимостью въ мірѣ опытнаго познанія. Между тѣмъ, категорія свободы, какъ показалъ еще Кантъ, неприложима въ мірѣ опыта, при условіяхъ познанія подъ формой пространства и времени. Г. Струве сочетаетъ такимъ образомъ опытное и сверхъопытное познаніе, считая, что сліяніе этихъ гносеологическихъ противорѣчій совершается въ области психологіи.

[1]) Ср. аналогичное мѣсто изъ письма Георга Бюхнера къ невѣстѣ, цитируемое г. Бельтовымъ на стр. 161—162.

Эта ссылка ничего не говоритъ, потому что противорѣчія—гносеологическія (опытъ и неопытъ), а не психологическія—стоятъ, не смотря на это, въ своей рѣжущей остротѣ. Тѣмъ менѣе перенесеніе противорѣчій въ психологію можетъ оправдать «подмѣнъ» понятія свободы, т.-е. распространеніе ея на внѣшній міръ изъ субъективной области. Если бы даже и признать «свободу» воли, какъ направленія сознанія, то этимъ ничуть не затронута необходимость, царящая во внѣшнемъ мірѣ. По этому «кругъ» г. Струве является вполнѣ неожиданно. Лежащая въ основѣ этого сравненія мысль, что мы не знаемъ и никогда не узнаемъ съ точностью будущаго, совершенно недостаточна, чтобы дать мѣсто категоріи свободы. Мы также мало знаемъ и относительно многихъ явленій физическаго міра и тѣмъ не менѣе не постулируемъ для нихъ свободы или безпричинности, хотя, конечно, фантазія можетъ закрашивать эти бѣлыя мѣста въ черномъ кругѣ физическихъ явленій по своему желанію. Если наше недостаточное познаніе будущихъ явленій неспособно здѣсь оправдать примѣненія категоріи свободы, то почему же эта послѣдняя приложима къ недостаточно познаннымъ будущимъ человѣческимъ дѣйствіямъ? Даже Штаммлеръ заявляетъ, что «свободы въ выполненіи не существуетъ» и ограничиваетъ ея примѣненіе областью субъективной постановки цѣли. Г. Струве слѣдуетъ въ этомъ Штаммлеру въ первой половинѣ своей статьи, но дѣлаетъ немотивированный transcensus въ область внѣшняго міра во второй.

Невѣрно и то, чтобы, на основаніи недостаточности нашихъ знаній, «кругъ» можно было раздѣлить на части, одна изъ которыхъ зачернена, а другая не зачернена. Согласно основному свойству нашего мышленія, совершающагося только при посредствѣ понятій, т.-е. путемъ абстракціи, детальное познаніе необходимости будущихъ явленій для насъ невозможно вообще (также точно, впрочемъ, какъ недостижимо оно и относительно прошлыхъ явленій). Поэтому весь кругъ пришлось бы закрасить, напр., въ сѣрый цвѣтъ. Но даже, если принять мнѣніе г. Струве, что наши познанія распредѣляются неравномѣрно на различныя части будущаго и что поэтому кругъ долженъ быть закрашенъ отчасти чернымъ, а отчасти бѣлымъ цвѣтомъ, то и это не освободило бы насъ отъ неумолимаго господства закона каузальности. Въ самомъ дѣлѣ, наша дѣятельность въ настоящемъ, поскольку она хочетъ считаться съ дѣйствительностью, неминуемо опредѣляется необходимостью. Равнымъ образомъ научно предусмотрѣно осуществленіе и послѣдней цѣли, т.-е. идеала, руководящаго дѣятельностью (я имѣю въ виду совершенно опредѣленный идеалъ). Значитъ, мы имѣли бы дѣло съ необходимостью и въ началѣ, и въ концѣ круга. Незачерченной его частью явился бы не сегментъ, лежащій ближе къ намъ, а его средина, отдѣленная отъ насъ чернымъ сегментомъ; съ противоположной стороны эта бѣлая полоса отграничивалась бы также чернымъ сегментомъ, отвѣчающимъ необходимости наступленія дан-

наго идеала. Средняя бѣлая полоса, сотвѣтствующая свободѣ, была бы для насъ практически безполезна [1]) [2]).

Съ моей точки зрѣнія, вся эта малопонятная конструкція, а также и тѣ гносеологическіе подгромоздки, которые г. Струве сооружаетъ для этой конструкціи, являются совсѣмъ излишни. Идеалъ, о которомъ идетъ рѣчь, дается, безспорно, не наукой, хотя и выступаетъ въ извѣстномъ научномъ облаченіи. Съ своей, такъ сказать, эмоціональной стороны, онъ есть, какъ я уже сказалъ, чувство негодованія противъ существующаго зла или, шире, чувство неудовлетворенности дѣйствительностью. Думается, что это послѣднее чувство есть основная и неустранимая черта человѣческой психологіи, составляющая залогъ безконечнаго прогресса человѣчества. Содержаніе идеала, порядокъ идей, отвѣчающій этому чувству, цѣликомъ заимствованъ изъ окружающей обстановки и есть или расширеніе ея положительныхъ сторонъ, или отрицаніе сторонъ нежелательныхъ; то и другое болѣе или менѣе модифицируется и слагается въ нѣкоторое цѣлое сообразно индивуальности каждаго субъекта. Такимъ образомъ, эта модификація есть дѣло индивидуальное, и я думаю, едва ли можно найти даже двухъ лицъ, хотя бы принадлежащихъ къ одной и той же партіи, идеалы которыхъ совершенно совпадали бы между собою, хотя, несомнѣнно, они и сходны въ основныхъ своихъ чертахъ. Эта и эмоціональная, и интеллектуальная сторона нашихъ лучшихъ чаяній на будущее вполнѣ понятна въ своемъ причинномъ возникновеніи каждому, и тѣмъ понятнѣе, чѣмъ болѣе гнетущей является окружающая соціальная обстановка. Не менѣе понятенъ и слѣдующій фактъ. Мечты о лучшемъ будущемъ всегда были и будутъ у человѣка, локализируясь то на небѣ, то на землѣ. Но не всегда у людей являлась потребность научно доказывать ихъ осуществимость или даже необходимость осуществленія. Это — явленіе новѣйшаго времени, и оно также понятно

---

[1]) Я не считаю нужнымъ останавливаться здѣсь на дальнѣйшихъ подробностяхъ этого сравненія, по которому свобода является въ концѣ концовъ функціей необходимости, т.-е. безпричинность причинности. Г. Струве считаетъ возможнымъ разрѣшать въ психологіи совершенно неразрѣшимыя и непонятныя противорѣчія. Мнѣ интересно было бы, кстати, знать, какимъ образомъ «гносеологическія противорѣчія представляютъ одну изъ основъ и оправданій діалектической точки зрѣнія».

[2]) Если стать на точку зрѣнія г. Струве, то мѣста, которое онъ отводитъ свободѣ, и слишкомъ много, и слишкомъ мало для осуществленія завѣта Фихте: «man muss nicht nur kämpfen, sondern auch siegen wollen». Ибо, съ одной стороны, побѣды нечего «хотѣть»: она обезпечена, такъ какъ ея необходимость усчитана научно. А съ другой стороны,—если бѣлое пятно круга останется незачерненнымъ дѣятельностью людей—а съ точки зрѣнія «свободы» кто же можетъ поручиться, что оно будетъ зачернено?—то достиженіе идеала становится неосуществимымъ, такъ какъ не въ волѣ каждаго отдѣльнаго лица направить въ извѣстную сторону дѣятельность другихъ. Съ той и другой стороны свобода оказывается ненужной и излишней.

въ своемъ причинномъ возникновеніи. Чувствуя потребность доказать осуществимость своихъ стремленій, я обращаюсь къ наукѣ; я обращаюсь къ ней же, чувствуя потребность урегулировать свою дѣятельность, привести ее въ гармонію съ закономѣрностью внѣшняго міра. Научныя указанія для дѣятельности входятъ, какъ *одинъ* изъ мотивовъ (ни въ какомъ случаѣ не составляя *единственнаго*), въ психологическое сознаніе и соединяются здѣсь съ прочими мотивами, въ совокупности обусловливая дѣятельность этого человѣка. Продукты познавательной функціи человѣческаго духа входятъ, такимъ образомъ, въ связь съ продуктами иныхъ, непознавательныхъ функцій и причудливо между собой переплетаются, создавая въ цѣломъ то, что называется жизнью и дѣятельностью. Это причудливое сплетеніе гносеологіи и *не*гносеологіи, которое имѣетъ мѣсто въ психологіи каждаго человѣка, г. Струве и конструировалъ, какъ отношеніе свободы и необходимости. Именно это сочетаніе и служитъ выраженіемъ того основного факта, что человѣческая жизнь познаніемъ не исчерпывается, и только забвеніе этого факта могло вызвать попытку исчерпать жизнь категоріями познанія.

А въ какомъ же логическомъ отношеніи къ идеалу стоитъ матеріалистическое пониманіе исторіи? Ни въ какомъ! Матеріалистическое пониманіе исторіи есть *научная* доктрина, имѣющая, слѣдовательно, дѣло исключительно съ познаваніемъ или пониманіемъ извѣстныхъ жизненныхъ отношеній. Если изъ него дѣлаются практическіе выводы въ пользу извѣстныхъ идеаловъ, то легко можно себѣ представить, что оно можетъ быть эксплуатировано въ пользу и совсѣмъ не идеальныхъ интересовъ и цѣлей. Но матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ научное ученіе, должно объяснить намъ и насъ самихъ, объяснить необходимость тѣхъ интересовъ и чувствъ, которые побуждаютъ насъ ставить тѣ или другіе идеалы. И оно это дѣлаетъ: оно объясняетъ возникновеніе противоположныхъ интересовъ и идеаловъ въ человѣческомъ обществѣ, предсказываетъ и наростаніе ихъ въ будущемъ. Матеріалистическая философія исторіи объясняетъ также и причинное возникновеніе самой себя, какъ извѣстнаго способа пониманія общественной жизни, стремится объяснить весь ходъ нашей жизни, смѣну міровоззрѣній, чувствъ, интересовъ, словомъ, ставитъ себѣ задачи такой захватывающей широты, что въ этомъ смыслѣ она есть *универсальное* ученіе.

Но объясненные или понятые въ ихъ причинномъ возникновеніи интересы или чувства переживаются человѣкомъ, какъ таковые, совершенно независимо отъ этого объясненія, подобно тому, какъ чувство физической боли, хотя бы причины его были понятны и даже заранѣе предусмотрѣны, переживается все-таки какъ живая боль, которая отъ этого пониманія нисколько не ослабляется и не уничтожается. Поэтому смѣшна иронія надъ партіей, мечтающей сознательно добиваться лун-

наго затменія, и нечего бояться, что пониманіе необходимости всего сущаго убьетъ жажду дѣятельности, или что наука поглотитъ жизнь, ее самое породившую.

Итакъ, наука и жизнь не тожественны и не противоположны: онѣ различны. Но именно въ силу того, что онѣ различны, а не противоположны и не тожественны, и возможно ихъ плодотворное соединеніе. Пусть же наука какъ можно больше даетъ для жизни, а жизнь руководится указаніями научнаго опыта. Тернистый путь, которымъ идетъ человѣчество навстрѣчу лучшему будущему, этимъ будетъ сокращенъ и облегченъ!

С. Булгаковъ.

ЕЩЕ О СВОБОДѢ И НЕОБХОДИМОСТИ.

(Отвѣтъ на предыдущую статью С. Н. Булгакова).

Читатель, незнакомый съ моей статьей въ «Вопросахъ философіи и психологіи», на которую отвѣчаетъ С. Н. Булгаковъ, прочитавъ его отвѣтъ, навѣрное подумаетъ, что мы очень рѣзко расходимся по вопросу о свободѣ и необходимости. Но это будетъ совершенно ошибочное впечатлѣніе, вызванное тѣмъ, что г. Булгаковъ частью *не понялъ* меня, частью же—какъ и бываетъ всегда въ полемикѣ—выдвинулъ на первый планъ разногласія, которыя, играя лишь весьма подчиненную роль, вовсе не заслуживаютъ *перваго* мѣста.

Г. Булгаковъ причисляетъ меня къ теоретикамъ свободной воли и полагаетъ, что я переношу свободу во внѣшній, объективный міръ. Но это *полнѣйшее недоразумѣніе*, и я, признаюсь недоумѣваю, какъ могъ въ него впасть г. Булгаковъ.

Я вполнѣ послѣдовательный детерминистъ и никогда не думалъ переносить категоріи свободы въ объективный міръ. Я утверждалъ лишь, что для живыхъ людей, *представленіе* о будущихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ «не можетъ быть окрашено сплошь въ цвѣтъ необходимости» (моя статья «Свобода и историческая необходимость» въ январь-февральской книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» стр. 137). «Психологическое сознаніе, продолжалъ я, дѣятельно обращенное къ будущему, всегда оперируетъ съ тѣмъ смѣшеніемъ свободы и необходимости, которое невыносимо для логическаго сознанія». И замѣчательно, что г. Булгаковъ, навязывающій мнѣ какую-то теорію свободы воли и даже перенесеніе категоріи свободы въ область опыта, самъ повторяетъ то же самое, что говорилъ я, nur mit etwas andern Worten. «Продукты познавательной функціи человѣческаго духа входятъ, такимъ образомъ, въ связь съ продуктами иныхъ, не познавательныхъ функцій и причудливо между собой переплетаются, создавая въ цѣломъ то, что называется жизнью и дѣятельностью. Это причудливое сплетеніе гносеологіи и *не*гносеологіи, которое имѣетъ мѣсто въ психологіи каждаго человѣка, г. Струве и конструировалъ, какъ отношеніе свободы и необходимости». Но если прибавить къ этому, что г. Струве конструировалъ отношеніе между свободой и необходимостью не во «внѣшнемъ», т.-е. эмпирически реальномъ мірѣ, а

въ психологіи каждаго человѣка, то окажется, что г. Булгаковъ говоритъ какъ разъ то, что развивалъ г. Струве.

Я все время говорилъ именно объ отношеніи свободы и необходимости въ «психологическомъ сознаніи», дѣятельно обращенномъ къ будущему—гдѣ происходитъ «причудливое сплетеніе гносеологіи и негносеологіи», какъ выражается г. Булгаковъ или, какъ формулировалъ *ту же самую мысль* я—«гдѣ два направленія сознанія могутъ вступать между собою въ различныя психологическія комбинаціи, нелѣпыя съ точки зрѣнія того, кто стоитъ на почвѣ одного изъ этихъ направленій, напр., опыта». «Опытъ есть единая закономѣрность реальнаго міра,—продолжалъ я—и для него *не можетъ существовать сочетанія или примиренія свободы и необходимости*» (ук. ст. стр. 139). Какъ послѣ такого заявленія можно приписывать мнѣ перенесеніе свободы въ область внѣшняго міра или опыта, это я совершенно отказываюсь понимать.

Г. Булгаковъ называетъ мое сравненіе съ кругомъ «малопонятной конструкціей». Къ счастью, конструкція эта по существу осталась *для него* вовсе не малопонятна, ибо онъ самъ ее повторяетъ. Критическія же замѣчанія, которыя дѣлаетъ г. Булгаковъ, объясняются тѣмъ недоразумѣніемъ, о которомъ я только что говорилъ: вмѣсто картины психологіи каждаго человѣка или «психологическаго сознанія, дѣятельно обращеннаго къ будущему», онъ навязываетъ мнѣ конструкціи объективнаго соотношенія между свободой и необходимостью во «внѣшнемъ» мірѣ. Но такого соотношенія—*именно съ моей точки зрѣнія—не можетъ* существовать, и я съ достаточной ясностью высказалъ это въ своей статьѣ.

«Г. Струве,—утверждаетъ г. Булгаковъ,—считаетъ возможнымъ разрѣшать въ психологіи совершенно неразрѣшимыя и непонятныя противорѣчія». Но опять-таки г. Струве говоритъ въ данномъ случаѣ не больше не меньше, чѣмъ г. Булгаковъ, констатирующій «причудливое сплетеніе гносеологіи и *не*гносеологіи въ психологіи каждаго человѣка».

Рѣчь идетъ, стало быть, и у г. Струве, и у г. Булгакова не о разрѣшеніи неразрѣшимыхъ и непонятныхъ противорѣчій въ наукѣ психологіи, а объ ихъ «психологическомъ примиреніи» въ *сознаніи* дѣйствующихъ людей.

Напомню читателю сравненіе идеала съ кругомъ, сравненіе, которымъ я хотѣлъ иллюстрировать упомянутое «*причудливое сплетеніе*».

Нашъ идеалъ, какъ картина человѣческаго будущаго, представляетъ обыкновенно «смѣшеніе необходимости и свободы».

«Совершенно утопическій идеалъ есть сфера абсолютной свободы. Если мы условимся картину будущаго представлять себѣ въ видѣ круга, господство свободы обозначать бѣлымъ цвѣтомъ, а необходимость—штрихами, то утопическій идеалъ представится намъ въ видѣ совершенно незачерченнаго круга. Здѣсь нѣтъ элементовъ необходи-

мости. Наоборотъ, чѣмъ болѣе зачерченъ кругъ штрихами необходимости, тѣмъ научнѣе, вѣрнѣе, необходимѣе нашъ идеалъ. Сравнительная свобода, или сравнительная необходимость, конечно, гносеологическая нелѣпость, но наше психологическое сознаніе всегда оперируетъ съ такими противорѣчивыми представленіями...

«Итакъ, научнымъ является тотъ идеалъ, который въ своей картинѣ будущаго заключаетъ возможно больше элементовъ необходимости. Кругъ никогда не можетъ оказаться совершенно зачерченнымъ, по крайней мѣрѣ, для психологическаго сознанія; это означало бы смерть идеала и дѣятельности. Но чѣмъ меньше будетъ бѣлый сегментъ нашего круга, тѣмъ увѣреннѣе будемъ мы въ немъ двигаться, т.-е. дѣйствовать. Удивительное и вполнѣ заслуженное обаяніе основаннаго на матеріалистическомъ пониманіи исторіи общественнаго міровоззрѣнія и заключается въ томъ, что его идеалъ представляетъ наиболѣе удовлетворяющее современному научному духу соотношеніе необходимости и свободы. Бѣлый сегментъ его — легко обозримая, довольно рѣзко отграниченная территорія, допускающая наибольшую концентрацію и наибольшее напряженіе силъ. Наше сравненіе съ кругомъ, какъ всякое сравненіе, конечно, хромаетъ; оно не передаетъ, наприм., того, что человѣку, раздѣляющему матеріалистическое пониманіе исторіи, бѣлый сегментъ свободы представляется *продуктомъ* зачерченной области необходимости: классовая борьба есть порожденіе развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Это представленіе *логически противорѣчиво*, но, тѣмъ не менѣе, оно могущественный психологическій факторъ. Тутъ необходимость не противорѣчитъ свободѣ, а поддерживаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ за гносеологически совершенно несостоятельнымъ опредѣленіемъ Энгельса, что свобода есть «познаніе необходимости», скрывается величайшая психологическая истина.

«Ироническое замѣчаніе Штаммлера о партіи для содѣйствія лунному затменію игнорируетъ мелочь: человѣческую психологію, ту наличность въ человѣческомъ познаніи двухъ направленій, которая для самого Штаммлера является исходною точкой его разсужденій. Штаммлеръ останавливается на гносеологическомъ противорѣчіи, забывая о болѣе важномъ психологическомъ примиреніи» (ук. статья въ «Вопросахъ филос. и психол.», стр. 137—139).

Я думаю, приведенное мѣсто съ *окончательной* ясностью показываетъ, что г. Булгаковъ, не смотря на полную прозрачность моей формулировки, не понялъ ея и совершенно напрасно увидѣлъ въ моей «конструкціи» какую-то теорію свободы воли и *объективнаго* соотношенія необходимости и свободы [1]).

[1]) Совершенное недоразумѣніе представляетъ также ироническое указаніе г. Булгакова, что я «виндицирую» для гносеологіи пріемъ «подмѣна понятій». Я, наоборотъ, указываю, что некритическое разсужденіе въ отличіе отъ критическаго ха-

Я, наоборотъ, рѣшительно *отрицаю* такое соотношеніе, и въ этомъ отрицаніи и его въ мотивировкѣ—главнѣйшее содержаніе моей статьи. Впрочемъ, у г. Булгакова есть еще одно возраженіе: моя ошибка въ его глазахъ заключается въ томъ, что я волѣ, душевной способности, отличной отъ познанія, навязываю категоріи познанія, именно гносеологическое понятіе свободы. Между тѣмъ, «понятіе человѣческой свободы, или, что то же, свободы человѣческой воли, есть понятіе исключительн опсихологическое».

Итакъ, съ одной стороны я переношу въ объективный міръ опыта свободу, съ другой, волѣ навязываю чуждую ей *гносеологическую* категорію свободы.

Эта «гносеологическая», или «познавательная» категорія въ то же время—по словамъ г. Булгакова—есть обозначеніе того, что «непознаваемо» и «стоитъ внѣ опыта». Т.-е., другими словами, гносеологическая (познавательная) категорія не имѣетъ и не можетъ получить никакого познавательнаго употребленія.

Съ той точки зрѣнія, которую въ теоріи познанія, повидимому, занимаетъ г. Булгаковъ, получается какая-то несообразность. Но съ моей точки зрѣнія такой несообразности нѣтъ, потому что я не отдѣляю *гносеологической* категоріи свободы отъ *психологическаго* понятія свободы. Послѣднее составляетъ психическій фундаментъ и источникъ первой. *Идея свободы* есть лишь абстрактный дестиллятъ психологическаго *чувства* свободы, которымъ окрашена вся наша волевая дѣятельность. Эта идея непригодна для цѣлей познанія, и въ этомъ смыслѣ она является, по словамъ Канта, лишь «голой идеей» (blosse Idee). Но ея существованіе указываетъ на наличность въ сознаніи двухъ направленій: познанія (опыта) и воли. Такую двойственность сознанія я утверждаю, г. Булгаковъ отрицаетъ. Contra principia negantem disputari non potest: нельзя спорить объ основныхъ началахъ.

По существу, для нашего спора не имѣетъ никакого значенія, какъ понимать единство трацендентальнаго сознанія у Канта—въ смыслѣ единства опыта или въ смыслѣ единства субъекта, или апперцепціи. Достаточно извѣстно, что у Канта и терминологія сбивчива, и не мало противорѣчій по существу. Не слѣдуетъ однако забывать, что идею свободы, непригодную въ сферѣ опыта, Кантъ настойчиво называетъ *трансцендентальной*, и мнѣ кажется, что и сверхъопытное познаніе, область «вещи въ себѣ», объемлется у Канта трансцендентальнымъ сознаніемъ и что въ немъ именно Кантъ констатируетъ непримиримыя противорѣчія. Аргументація г. Булгакова во всякомъ случаѣ дефектна: противъ моего утвержденія, что «единство

рактеризуется тѣмъ, что смыслъ понятій мѣняется во время хода разсужденій, и что на такомъ подмѣнѣ понятій основаны всѣ попытки примиренія свободы и необходимости, не исключая и той, которая объявляетъ свободу познаніемъ необходимости.

опыта не тождественно съ единствомъ трансцендентальнаго сознанія» онъ выставляетъ соображеніе, что «это послѣднее единство есть основное и необходимое условіе опыта». Пусть такъ, но это обстоятельство логически отнюдь не обосновываетъ *тождества* единства опыта и единства трансцендентальнаго сознанія. Я понимаю источникъ нашего разногласія: онъ заключается въ различномъ пониманіи соотношенія между теоріей познанія и психологіей. Воззрѣній Наторпа, изложенныхъ въ «Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode», я не раздѣляю, и во взглядѣ на гносеологію совершенно примыкаю къ Зиммелю, который—какъ справедливо подчеркиваетъ Рикертъ (Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. I, 301)—сводитъ теорію познанія къ *описанію* познанія. Штаммлеръ только довелъ до абсурда гносеологію отрѣшенную отъ психологіи, отъ «описанія» познанія, гносеологію, нормирующую, т.-е. дающую предписанія. Въ такой гносеологіи легко могла укрыться и кантовская область вещи въ себѣ, преобразившись въ закономѣрность доброй воли, телосъ. Съ моей точки зрѣнія, впрочемъ, и кантовскій transcensus въ область сверхъопытную предполагаетъ два направленія сознанія. Все это для нашего спора однако несущественно, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ самъ г. Булгаковъ говоритъ, что трансцендентальное сознаніе въ его смыслѣ есть лишь «одна сторона (хотя и не направленіе!) психологическаго сознанія». Вопреки г. Булгакову, я не думаю, что Штаммлеръ дѣлаетъ попытку ввести два направленія сознанія въ область опыта; онъ лишь издаетъ *гносеологическое предписаніе*, которымъ волѣ, телосу, долженствованію, называйте какъ хотите, присвоиваются тѣ же права, что и опыту—съ его центральнымъ понятіемъ необходимости. Но въ сущности такъ же поступилъ и Кантъ, приписавъ свободѣ «закономѣрность», понятіе, имѣющее—на мой взглядъ—смыслъ и силу только въ опытѣ и для опыта. Разница между Штаммлеромъ и Кантомъ только та, что первый болѣе чистый идеалистъ и потому умалчиваетъ объ области «вещи въ себѣ», тогда какъ Кантъ именно въ этой непознаваемой области сложилъ и воплотилъ всѣ свои реалистическія сомнѣнія (я говорю о реализмѣ въ метафизическомъ смыслѣ, т.-е. объ ученіи, предполагающемъ существованіе независимаго отъ сознанія «внѣшняго» міра). Не даромъ Штаммлеръ такъ настаиваетъ на мысли, выраженной Кантомъ въ § 36 «Пролегоменъ»: «*разсудокъ не черпаетъ свои законы (a priori) изъ природы, а предписываетъ ихъ природѣ*». Штаммлеръ тоже предписываетъ «телосу» закономѣрность, которая оказывается однако фантастическою и не устанавливающей никакого единства—въ объективномъ смыслѣ.

Такъ же не существенно для нашего спора и то, что въ антиноміяхъ разумъ находитъ логическую ошибку quaternio terminorum, ибо гносеологія, какъ я представляю себѣ ея задачи, должна именно вскрывать *психологическіе* корни метафизическихъ построеній и логическихъ «обмановъ», (въ родѣ тѣхъ, въ основѣ которыхъ ле-

житъ quaternio terminorum). Такая гносеологія не только постоянно совершаетъ transcensus въ сферу психологіи, но и прямо представляетъ собой лишь особую область психологіи, пользующуюся спеціальными пріемами, но отнюдь не претендующую на какой-либо пріоритетъ въ смыслъ законодательной, нормирующей роли. Она *констатируетъ* въ сознаніи наличность противорѣчивыхъ идей свободы и необходимости; далѣе она констатируетъ, что *опытъ* возможенъ лишь подъ руководствомъ идеи необходимости. Гносеологическую идею свободы она возводитъ къ психологическому чувству свободы дѣйствія, присущему всякой живой личности. Свобода дѣйствія, правда, не тождественна—какъ указывается постоянно детерминистами—съ свободой воли, но послѣдняя есть лишь метафизическій продуктъ первой. У свободы дѣйствія метафизическая идея свободы воли заимствуетъ свою непосредственную неопровержимость, противъ которой, конечно, безсильны всякія ссылки на «законъ мотивацiи». Какъ гносеологическая категорія свободы, такъ же и гносеологическая категорія необходимости имѣетъ свою психологическую основу, которую возможно прослѣдить и въ самыхъ антропоморфныхъ выраженіяхъ, въ фатумѣ, или «мойрѣ», и въ самомъ чистомъ формальномъ понятіи «закономѣрности».

Чувство свободы дѣйствія присуще живой личности. И потому *не случайно* идея свободы воли тѣсно связана съ идеей личности и ея роли. Непригодность для опыта какъ той, такъ и другой идей показана великими теоретиками опыта Юмомъ и Кантомъ.

Свобода воли состоитъ въ томъ, что воля личности опредѣляется мотивами, лежащими въ самой личности, ей не чуждыми, не посторонними, а, наоборотъ, вытекающими изъ ея существа; это существо должно быть нѣчто прочное. Такимъ прочнымъ субъектомъ, проявляющимъ свободу воли, является человѣческая душа или личность, мыслимая какъ субстанція. Разложите душу на отдѣльныя воспріятія и представленія, сдѣлайте изъ нея «a bundle of different perceptions in a perpetual flux and movement»» [1]), какъ это сдѣлалъ Юмъ, и вы нанесете сильнѣйшій ударъ и свободѣ воли. Кантъ, который вслѣдъ за Юмомъ смѣло заявилъ, что субстанціальное понятіе души и личности совершенно безплодно для научнаго познанія, вполнѣ послѣдовательно вмѣстѣ съ субстанціальностью души отрицалъ въ сферѣ опыта и свободу воли. Наоборотъ, наши теоретики роли личности въ исторіи, одновременно отстаивающіе детерминизмъ, обнаруживаютъ грубѣйшую философскую непослѣдовательность, объясняемую, конечно, полнымъ отсутствіемъ гносеологической дисциплины и гносеологическихъ принциповъ у русскихъ «соціологовъ».

---

[1]) «Совокупность различныхъ представленій въ ихъ постоянной смѣнѣ и движеніи».

Мнѣ кажется, что я достаточно ясно показалъ, что главнѣйшее содержаніе возраженій г. Булгакова основано на недоразумѣніи.

Моя статья въ «Вопросахъ философіи и психологіи» была направлена противъ того взгляда на свободу, который видитъ въ ней «познаніе необходимости». Этотъ взглядъ, столь блестяще проводимый Энгельсомъ, господствуетъ надъ такъ называемымъ матеріалистическимъ или экономическимъ пониманіемъ исторіи. Мнѣ казалось, что статья г. Булгакова въ «Вопросахъ философіи и психологіи», на которую я возражалъ въ томъ же журналѣ, также написана въ духѣ этого воззрѣнія. Мнѣ очень пріятно узнать теперь отъ самого автора, что онъ взгляда на свободу, какъ на познаніе необходимости, совсѣмъ не раздѣляетъ. Такимъ образомъ, наше коренное разногласіе оказывается мнимымъ и падаетъ. Но въ интересахъ читателя стоитъ еще нѣсколько остановиться на тѣхъ аргументахъ, которые заставляютъ признать указанный взглядъ на свободу несостоятельнымъ.

«Свобода есть всегда свобода отъ чего-нибудь... Тамъ, гдѣ свобода не мыслится, какъ противоположность связанности, тамъ она вообще не имѣетъ никакого смысла» (Зиммель. Einleitung in die Moralwissenschaft, I, 288). Свобода есть, такимъ образомъ, всегда противоположность обусловленности и необходимости, ея отрицаніе. Поэтому непротиворѣчивое и не лишенное смысла понятіе свободы исключаетъ логическое соединеніе или примиреніе ея съ необходимостью. Отсюда явствуетъ несостоятельность опредѣленія свободы, какъ познанія необходимости. Но противъ такого опредѣленія есть еще другіе доводы. Стоитъ намъ только представить себѣ, что необходимость того или другого хода вещей нами вполнѣ познана и это познаніе достигло степени дѣйствительной увѣренности въ неизбѣжномъ наступленіи даннаго ряда событій, чтобы у насъ исчезло и всякое сознаніе свободы и всякая психологическая возможность содѣйствовать или противодѣйствовать ходу вещей, познанному въ его необходимости. Но, во-первыхъ, настоящаго и будущаго, слагающагося изъ человѣческихъ дѣйствій, мы никогда не можемъ вполнѣ познать въ его, я бы сказалъ, *сплошной* необходимости, а, во-вторыхъ, если бы даже такое теоретическое познаніе необходимости и было бы возможно, оно никогда не можетъ стать дѣйствительною практическою увѣренностью въ неизбѣжности. Невозможность полнаго теоретическаго познанія будущаго есть отрицательное условіе, общее міру человѣческихъ дѣйствій и міру внѣшней природы,—въ этомъ г. Булгаковъ, конечно, совершенно правъ. Но онъ забываетъ, что тѣ отрѣзки человѣческаго будущаго, которые мы не въ силахъ закрасить цвѣтомъ необходимости, установленной строгимъ научнымъ познаніемъ, мы можемъ, а подчасъ и *не можемъ не закрасить* цвѣтомъ свободы, тогда какъ въ области внѣшняго міра то, что не познано нами въ своей необходимости, вынуждаетъ у насъ лишь смиренное признаніе: non liquet (неясно), и больше ничего.

Конечно, правъ также г. Булгаковъ, утверждая, что «весь кругъ пришлось бы закрасить, напр., въ сѣрый цвѣтъ». Но на логическую противорѣчивость круга, иллюстрирующаго логически невозможное, а психологически безусловно реальное и весьма могущественное сочетаніе необходимости и свободы, я самъ указалъ не менѣе опредѣленно, чѣмъ г. Булгаковъ. Кругъ весь состоитъ, если хотите изъ черныхъ точекъ и пятенъ, вкрапленныхъ на бѣломъ полѣ. Но именно потому, что для насъ невозможно «детальное познаніе необходимости будущихъ явленій», да и вполнѣ детальное познаніе вообще, т.-е. потому, что мы вообще познаемъ все какъ бы *на извѣстномъ разстояніи*, поэтому-то и мой кругъ дѣлится на черные сегменты необходимости и бѣлые—свободы. Это грубое, недетальное представленіе соотвѣтствуетъ общему грубому и приблизительному характеру нашихъ представленій, знаній и предвидѣній.

Итакъ, въ картинѣ будущаго сочетаются свобода и необходимость, не смотря на все логическое противорѣчіе такого сочетанія. Оно, это сочетаніе, дастъ психологическое оправданіе опредѣленію свободы, какъ познанія необходимости. Чѣмъ больше мы знаемъ въ будущемъ элементовъ необходимости, тѣмъ болѣе растетъ наша увѣренность въ наступленіи всего будущаго въ его цѣломъ. Если бы оно состояло сплошь изъ элементовъ необходимости и сознаніе этой необходимости достигало бы степени практической и психологической увѣренности, то дѣйствовать не имѣло бы смысла. Но до тѣхъ поръ, пока этотъ предѣлъ не достигнутъ, элементы необходимости не подтачиваютъ свободной дѣятельности, а поддерживаютъ ее. За свободную дѣятельность они исполняютъ необходимую для нея работу, оставляя ей лишь небольшое, легко обозримое поле, съ которымъ она легко можетъ справиться. Вотъ почему чѣмъ больше въ идеалѣ будущаго элементовъ необходимости, тѣмъ увѣреннѣе и въ извѣстномъ, очень, впрочемъ, неточномъ смыслѣ свободнѣе можетъ быть дѣятельность, направленная на осуществленіе этого идеала.

Значитъ, скажутъ мнѣ, свобода есть иллюзія. Да, съ точки зрѣнія опыта—несомнѣнная иллюзія, но съ точки зрѣнія дѣятельности живой личности—столь же несомнѣнная *дѣйствительность*. Противорѣчіе между познаніемъ и жизнью является для тѣхъ, кто желаетъ выразить всю жизнь въ терминахъ познанія. Это невозможно, ибо для познанія свобода—лишь «голая идея», а для жизни она—неопровержимый фактъ, и ея идея—огромная дѣйственная сила.

Я не буду останавливаться на тѣхъ частныхъ возраженіяхъ, которыя дѣлаетъ мнѣ г. Булгаковъ: споръ по этимъ вопросамъ будетъ малоинтереснымъ и малопонятнымъ читателю, и я не хочу для такого спора занимать страницы «Новаго Слова». Самое важное я сдѣлалъ: я показалъ, что упрекъ, обращенный г. Булгаковымъ ко мнѣ, будто я

переношу свободу во внѣшній или эмпирически-реальный міръ (область опыта) лишенъ всякаго основанія. Это чистѣйшее недоразумѣніе.

А засимъ въ заключеніе не могу не замѣтить, что напечатанное выше возраженіе г. Булгакова было первой полемической статьей, принесшей мнѣ полное и очень глубокое удовлетвореніе. Наши разногласія оказались либо мнимыми, либо несущественными, наше согласіе—очень реальнымъ и весьма существеннымъ [1]). Чего же лучшаго желать отъ полемики?!

Петръ Струве.

---

[1]) Долженъ, конечно, оговорится: наше разногласіе по вопросу о соотношеніи между теоріей познанія и психологіей я считаю очень существеннымъ. Но центръ тяжести всего спора лежалъ въ другомъ: съ моей стороны—въ полемикѣ противъ пониманія свободы, какъ необходимости, со стороны г. Булгакова—въ полемикѣ противъ распространенія категоріи свободы на область опыта. Результатомъ же спора оказалось полное согласіе какъ разъ по этимъ двумъ пунктамъ.

ЯКОВЪ ПОСЛѢДНІЙ.

Романъ изъ быта австрійскихъ крестьянъ.

П. К. Розеггера.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Отъ редакціи «Новаго Слова».

Предлагаемый романъ Розеггера представляетъ яркую картину разоренія крестьянъ въ Австрійскихъ Альпахъ, происходящаго подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій. Авторъ романа—народникъ, идеализирующій натуральное крестьянское хозяйство, или, точнѣе, тотъ особенный типъ его, который исторически сложился въ австрійскихъ альпійскихъ областяхъ.

Этотъ типъ—довольно крупная хозяйственная единица, недѣлимая въ натурѣ и требующая для своей эксплуатаціи довольно значительнаго примѣненія наемнаго труда. Главную роль въ кризисѣ альпійскаго крестьянскаго хозяйства—по мнѣнію лучшаго изслѣдователя этого вопроса Гайниша—слѣдуетъ приписать не столько пониженію крестьянскаго дохода (цѣны на скотъ и дерево, которые во многихъ мѣстахъ являются единственными рыночными продуктами альпійскихъ крестьянъ, въ общемъ поднялись), сколько повышенію и измѣненію крестьянскихъ потребностей. Доходъ если не понижается, то и не повышается, а потребности все растутъ и растутъ, и въ связи съ этимъ все болѣе и болѣе ускользаетъ возможность удовлетворять ихъ натуральнымъ способомъ. Кофе, керосинъ и пр. приходится покупать, тогда какъ молочная похлебка и лучина, которыми прежде довольствовался крестьянинъ, доставались легче, безъ денегъ. Крестьянство внутренней Австріи находится между Сциллой и Харибдой. Держаться за натуральное хозяйство, какъ ему совѣтуютъ консерваторы, оно не можетъ, потому что его растущія матеріальныя и духовныя потребности требуютъ роста доходовъ, а къ денежному хозяйству, которое ему рекомендуютъ либералы, оно не обнаруживаетъ склонности, инстинктивно чувствуя, что при капиталистической организаціи сельскаго хозяйства далеко не всѣ его представители сохранятъ свою самостоятельность.

Растутъ и измѣняются потребности не только крестьянъ, но, что,

быть можетъ, еще важнѣе, крестьянскихъ батраковъ. Сельскіе рабочіе оставляютъ деревни и бѣгутъ въ города. Прочь изъ деревни, отъ крестьянскаго двора! На фабрику, въ городъ! Вотъ лозунги, въ которыхъ выражается недовольство батраковъ. Такимъ образомъ своеобразный «рабочій вопросъ» составляетъ, по словамъ одного изъ парламентскихъ представителей штирійскаго крестьянства, «самое тяжелое звено въ той цѣпи, которая медленно, но неудержимо влечетъ крестьянъ-собственниковъ въ пропасть»,—послѣдній гвоздь, вколачиваемый въ гробъ австрійскаго крестьянства.

Таковы основныя экономическія причины «разоренія» австрійскихъ альпійскихъ крестьянъ. На основѣ этихъ могущественныхъ хозяйственныхъ теченій возникаетъ то вытѣсненіе экономически ненужнаго крестьянства оленями, козулями, зайцами и всяческой другой дичью, которое такъ ярко изображается въ романѣ австрійскаго народника.

Земли уходящихъ крестьянъ скупаются богатыми «господами» для охотничьихъ цѣлей. Въ то время, какъ въ Австрійскихъ Альпахъ населеніе растетъ очень медленно, число оленей, напримѣръ, въ Верхней Штиріи ушестерилась за послѣднія пятнадцать лѣтъ, писалъ въ 1890 г. депутатъ Морре. «Австрійскимъ альпійскимъ странамъ», — говоритъ Думрейхеръ,—«серьезно угрожаетъ опасность сдѣлаться охотничьимъ паркомъ всей средне-европейской знати».

Романъ Розеггера — не широкая натуралистическая картина во вкусѣ Зола. Для такого произведенія у Розеггера не достаетъ художественныхъ средствъ и объективности. Онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ роману «Яковъ Послѣдній», что его книга написана не только для того, чтобы дать грустную картину внѣшнихъ условій, но главнымъ образомъ для того, чтобы изобразить тѣ страданія, которыя эти внѣшнія условія вносятъ въ человѣческое сердце, въ сердце героя романа. Но авторъ понималъ, что онъ изображаетъ «язву растущую» и для чего онъ это дѣлаетъ. «Эта книга»,—такъ начинаетъ онъ свое предисловіе,—«преслѣдуетъ болѣе глубокую цѣль, чѣмъ простое развлеченіе читателя. Ея задача—изобразить странное и важное явленіе современности; она должна дать картину разоренія крестьянства въ нашихъ Альпахъ. Меня почти лично задѣваетъ все, что касается крестьянскаго сословія, и такимъ образомъ мое сердце заставило меня написать эту книгу».

Розеггеръ вышелъ изъ того класса, бытописателемъ котораго онъ является. Сынъ крестьянина, онъ въ дѣтствѣ и юности былъ ученикомъ у деревенскаго портного. Это время своей жизни онъ описалъ въ интересной книгѣ, на которую ссылаются ученые изслѣдователи формъ промышленности, когда говорятъ объ организаціи ремесла въ деревнѣ. (См. напр. капитальныя статьи К. Бюхера). Міросозерцаніе Розеггера не поднимается выше пониманія, взглядовъ и идеаловъ той общественной среды, бытъ и разложеніе которой онъ рисуетъ. Онъ

не понимаетъ ни экономическихъ причинъ крестьянскаго разоренія, ни культурно-общественнаго значенія это процесса. Фанатическій ненавистникъ города, къ которому онъ чувствуетъ какое-то инстинктивное отвращеніе, Розеггеръ *обвиняетъ* въ крестьянскомъ разореніи правительство, интеллигенцію и даже самихъ крестьянъ. Онъ укоряетъ современнаго крестьянина въ томъ, что тотъ «не можетъ и не хочетъ больше мириться съ своимъ положеніемъ; онъ стыдится его не только потому, что его сословіе угнетено и поругано, но гораздо болѣе еще потому, что и крестьяне уже охвачены маніей величія. Крестьянинъ хочетъ быть чѣмъ-то «лучшимъ» сравнительно съ отцомъ. Онъ стремится учиться, но не тому, что нужно для его сословія, не изъ любви къ знанію, а для того, чтобы по возможности сдѣлаться «господиномъ». Это не признакъ скуднаго образованія, это признакъ душевнаго огрубѣнія, жажды чувственныхъ наслажденій, уменьшенія чувства любви и привязанности». Крестьянина «охватила болѣзнь вѣка, манія величія. Онъ получаетъ уже образованіе, не соотвѣтствующее своему сословію, и недостаточно закаленъ для него».

Розеггеръ совсѣмъ не затронутъ тѣми прогрессивными идеями нашего времени, носителемъ которыхъ является промышленный пролетаріатъ; австрійскій народникъ даже прямо враждебенъ этимъ идеямъ. Его идеалы такъ же узки, какъ узокъ духовно-общественный кругозоръ старозавѣтнаго альпійскаго крестьянства. Отсюда—та, въ значительной мѣрѣ, реакціонная точка зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на совершающіяся вокругъ него экономическія и политическія измѣненія. Но какъ человѣкъ, вдоль и поперекъ понимающій психологію изображаемой имъ среды, какъ художникъ, обладающій недюжиннымъ дарованіемъ, онъ далъ замѣчательную картину того соціально-экономическаго процесса, передъ которымъ его умъ оказался безсильнымъ [1]).

ЧАСТЬ I.

Необыкновенный праздникъ.

Дѣло было въ праздникъ Св. Троицы, послѣ обѣда. Яковъ, хозяинъ, сидѣлъ въ хорошо протопленной комнатѣ и читалъ старую книгу. Онъ сидѣлъ безъ сюртука—мокрая кожаная куртка сушилась у кафельной печи—широко облокотившись обоими локтями на дубовый столъ; скрестивъ руки поверхъ книги, онъ читалъ о сошествіи Св. Духа. Читалъ онъ, можетъ быть, не съ достаточнымъ благоговѣніемъ, съ какимъ подобало бы читать въ такой большой праздникъ; частенько поворачивалъ онъ голову и заглядывалъ въ окно: на дворѣ свирѣпствовала

[1]) Ср. статьи П. Струве: «Австрійское крестьянство и его бытописатель». (Вѣстникъ Европы», 1893 г., № 6) и «Нѣмцы въ Австріи и крестьянство «(тамъ же 1894 д. № 2).

метель. Хлопья снѣга падали и кружились такой сплошной массой, что липа, которая стояла у воротъ около дороги, виднѣлась лишь какъ темное пятно неопредѣленнаго очертанія сквозь сѣрую, пасмурную пелену. Высокія сосны передъ домомъ видны были только наполовину; ихъ узловатые сучья погнулись подъ тяжестью снѣга, лиственницы представлялись въ формѣ сплошной сахарной головы, а тамъ, гдѣ вчера еще раскинулись душистые кусты бузины въ роскошномъ майскомъ уборѣ, теперь возвышались снѣжные сугробы. Столбы у воротъ украсились высокими шапками, похожими на шапку епископа, которую онъ надѣвалъ на торжественномъ богослуженіи въ Зандебенѣ. Колья забора убрались острыми и тупыми шапками, шлемами, клювами, подушками, причудливыми лентами изъ снѣга.

Вотъ такъ праздничный уборъ для Троицына дня!

Внезапный порывъ вѣтра смелъ снѣгъ съ деревьевъ, кустовъ и крышъ домовъ и завертѣлъ его по двору, ударяя снѣжной пылью въ окна, гдѣ она забивалась во всѣ расщелины и углы, и липла къ оконнымъ рамамъ.

— Слава Богу, что поднялся вѣтеръ,—сказалъ Яковъ,—а то на вишняхъ и липахъ одни клочья остались вмѣсто листьевъ. Снѣгъ плохой гость въ это время года.

На верхушкѣ и внизу подъ выступомъ крыши прыгали и метались птицы; зяблики и дрозды прилетѣли изъ лѣса, чижи и жаворонки—съ полей и должны были просить гостепріимства у ласточекъ, пріюта и защиты въ Рейтгофѣ. Изъ дому выскочилъ шустрый мальчишка и сталъ кидать въ птицъ снѣжными комьями.

Яковъ наблюдалъ за мальчикомъ, который бѣгалъ раскраснѣвшись и съ глазами, блестѣвшими отъ удовольствія, среди снѣжной вьюги, раскачивалъ вѣтки, обдавая себя осыпавшимся снѣгомъ и преслѣдуя съ крикомъ и гамомъ растерявшуюся птичью стаю. Яковъ наблюдалъ за нимъ съ внутреннимъ самодовольствомъ. «Славный будетъ изъ него со временемъ парень, настоящій сынъ Альтенмоса!» казалось, думалъ старикъ. Потомъ онъ открылъ окно и строго крикнулъ:

— Яшка, довольно, оставь птицъ въ покоѣ и ступай домой, время молитвы.

Теперь хозяинъ стоялъ, вытянувшись во весь ростъ. На немъ была обычная одежда горныхъ крестьянъ, и какимъ онъ выглядѣлъ красивымъ и стройнымъ! Свѣжее, моложавое лицо было гладко выбрито, за исключеніемъ усовъ; носъ слегка изогнутый, красивой формы; привѣтливые блѣдноголубые глаза лежали нѣсколько глубоко подъ густыми бровями. Борода и волосы были свѣтлорусые и мѣстами отливали золотомъ; коротко остриженные сзади, они спереди падали на лобъ легкими прядями. На лбу кое-гдѣ виднѣлись почти незамѣтныя рябины. Онъ старался держаться прямо, но въ то же время слегка горбился—оно и немудрено: хозяинъ и отецъ семейства долженъ всегда

смотрѣть сверху внизъ на своихъ домашнихъ, на самаго малаго изъ нихъ, когда онъ цѣпляется за его колѣни, на землю, изъ которой онъ черпаетъ силу, о которой заботится съ любовью; на ней онъ стоитъ, отдавая все свое вниманіе тому, что растетъ и что его окружаетъ. Онъ вмѣстѣ и сѣятель, и жнецъ.

Яковъ сложилъ губы и рѣзко свистнулъ. Сейчасъ же отовсюду, изъ кухни, людской и конюшни, стали собираться домашніе, чтобы присутствовать на молитвѣ, которую сегодня нельзя было читать въ часовенкѣ, какъ того требовалъ обычай въ этотъ праздникъ Св. Троицы.

Среди собравшихся были дюжіе рабочіе и веселыя работницы, былъ горбатый старичокъ и полувзрослые юноши—цѣлое поколѣніе. Всѣ были беззаботно веселы. Вышла и хозяйка, еще молодая, но блѣдная и тощая женщина; казалось, что она, свою силу и молодость безъ остатка отдала своимъ дѣтямъ. Самый младшій ухватился за юбки матери, онъ былъ еще блѣднѣе, чѣмъ она, и поражалъ своими большими, ярко голубыми глазами. Мальчикъ Яшка тоже влетѣлъ въ дверь, весь покрытый снѣгомъ, но былъ прогнанъ отцомъ въ кухню, чтобы привести себя въ болѣе приличный видъ. Тамъ онъ, вытряхивая шляпу, обрызгалъ сидѣвшую у очага старуху, а когда та стала ему выговаривать за это, перегнулся въ загородку за печкой, гдѣ сидѣли куры; онъ обдалъ ихъ такимъ же искусственнымъ ливнемъ, припѣвая:

«Курочка би-би,
Курочка бо-бо,
Не снесешь яичка,
Заколю о-о!»

Въ комнатѣ между тѣмъ молящіеся подошли къ лавкамъ, которыя тянулись вдоль стѣнъ, и стали на колѣни на полъ, такъ что, скрестивъ руки, могли опираться локтями на скамью. Яковъ подошелъ къ домашнему алтарю, придѣланному высоко въ углу комнаты, досталъ небольшое деревянное распятіе, поставилъ его посреди стола и зажегъ восковую витую свѣчу. Потомъ онъ снялъ съ гвоздя четки, сталъ на колѣни на скамеечку около стола и принялся читать молитву, громко выкрикивая каждое слово, и при этомъ осѣнялъ себя широкимъ крестомъ. Вотъ слова той молитвы, которую онъ читалъ: «Помолимся Святому Духу, чтобы Онъ просвѣтилъ насъ въ счастьѣ и несчастьѣ и наставилъ на правыя дѣла. Будемъ просить Бога, чтобы Онъ послалъ намъ урожайный годъ на хлѣбъ и скотину, намъ и нашимъ сосѣдямъ, и друзьямъ и врагамъ. Помолимся также о всѣхъ почившихъ обитателяхъ этого дома, вспомянемъ о нихъ во Христѣ». Затѣмъ прочитана была молитва въ память воскресенія и вознесенія Господа Іисуса Христа на небо, а также о ниспосланіи Св. Духа. Хозяинъ прочитывалъ всегда только первую часть молитвы, а домашніе читали хоромъ вторую половину, и голоса ихъ напоминали стройную игру на органѣ.

Во время молитвы одинъ изъ рабочихъ позволилъ себѣ, правда, неумѣстную шутку, пытаясь пощекотать голый локоть своей сосѣдки, работницы; хозяинъ услышалъ сдержанный смѣхъ, который послѣдняя тщетно старалась побороть, и на минуту пріостановился, бросивъ суровый взглядъ въ сторону невоздержной парочки; все сразу стихло, и моленіе продолжалось съ должнымъ благоговѣніемъ.

Оно еще не окончилось, какъ дверь съ шумомъ растворилась; вошедшій мужчина стряхнулъ снѣгъ съ шапки и съ одежды, околотилъ его съ сапогъ, громко стуча ими объ полъ, затѣмъ всталъ на колѣни около ближайшаго рабочаго и принялъ участіе въ общей молитвѣ. На него не обратили никакого вниманія. Еще разъ призывали къ помощи Св. Духа, прося о «мудрости и постоянствѣ», послѣ чего молитва была окончена. Хозяинъ осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и, вставая со скамейки, проговорилъ:

— Смотри-ка, Кначель, мы и тебя заставили малость помолиться.

— Не липнее и мнѣ,—отвѣтилъ вошедшій, съ трудомъ поднимаясь изъ колѣнопреклоненнаго положенія на ноги. Сосѣдъ Кначель возвращался изъ ближайшаго городка Зандебена и завернулъ въ Рейтгофъ, чтобы укрыться немного отъ дурной погоды и отогрѣться.

Онъ былъ небольшого роста, съ короткой шеей и широкимъ, всегда улыбающимся лицомъ, которое сегодня отъ мороза, а можетъ, и отъ другой причины значительно раскраснѣлось.

— Вотъ такъ погода для Троицына дня,—сказалъ Кначель.

— Правда, правда,—проговорилъ горбатый старичокъ со свойственной ему странной пѣвучестью въ голосѣ:—давно вишни не стояли въ такомъ бѣломъ уборѣ, какъ нынче,—это тоже правда.

— Не все же такъ будетъ, наступятъ и красные деньки,—замѣтилъ Яковъ.

— Три четверти года зима и четверть года холодъ, вотъ каково у насъ живется, въ нашихъ горахъ,—проговорилъ пожилой работникъ.

— Подойди къ столу,—пригласилъ Яковъ сосѣда:—и отрѣжь себѣ ломоть хлѣба.—При этомъ онъ выдвинулъ ящикъ у стола, вынулъ коровай хлѣба и ножъ, положилъ ихъ на столъ и самъ присѣлъ тутъ же.

Кначель придвинулъ стулъ, досталъ изъ кармана кисетъ и трубку, набилъ ее табакомъ, потомъ вынулъ изъ кармана панталонъ хорошенькіе стальные щипчики и передалъ ихъ маленькой дѣвочкѣ со словами:—Сходи-ка, дѣвочка, принеси мнѣ огонька!

Пока малютка бѣгала въ кухню и вернулась, держа въ щипчикахъ раскаленный уголь, Кначель завелъ слѣдующій разговоръ:

— Да, сосѣдушка, теперь я устроилъ себѣ другую жизнь. Спасибо, красавица; выростешь—жениха хорошаго тебѣ посватаю,—подулъ на уголь и сунулъ его въ трубку. — Да, сосѣдушка, по другому устроилъ жизнь.

— Что такое, говори,—спросилъ его Яковъ.

— Одурѣлъ я тутъ въ Альтенмосѣ. Когда можно устроить свою судьбу получше,—дурень тотъ, кто этого не сдѣлаетъ.

Яковъ взглянулъ на него вопросительно.

Кначель нагнулся къ нему, раза два потянулъ дымъ изъ трубки, такъ что онъ голубымъ облакомъ расплылся по воздуху.

— Я продалъ свой домъ,—сказавъ онъ въ полголоса и пытливо сталъ слѣдить, какое впечатлѣніе произвели его слова на сосѣда. Но Яковъ сидѣлъ неподвижно, точно онъ и не понялъ того, что было сказано, поэтому Кначель еще разъ повторилъ:—Свой домъ я продалъ сегодня.

Яковъ только поморгалъ въ отвѣтъ, но продолжалъ сидѣть неподвижно и смотрѣлъ на сосѣда въ недоумѣніи.

— И тебѣ совѣтую, Яковъ,—продолжалъ Кначель:—брось ты злосчастный Альтенмосъ, гдѣ приходится маяться всю жизнь, чтобы потомъ на старости лѣтъ беззаботно помереть съ голоду. Кампельгеръ хорошо платитъ. Согласенъ купить и Рейтгофъ, если ты отдашь, просто изъ любезности готовъ купить. Право, недурно платитъ. Ты знаешь мой участокъ. Ровно семьдесятъ юховъ, если считать луга и лѣса. Отгадай, сколько онъ выложилъ мнѣ за это денежекъ на руку, этотъ Кампельгеръ?

— Чай, цѣлую шапку талеровъ получилъ,—вставилъ горбатый старикъ.

— Вотъ какъ платитъ дьяволъ за бѣдную душу,—замѣтилъ изъ сидѣвшихъ на скамьѣ батраковъ. Но Кначель не обратилъ вниманія на эти замѣчанія и еще разъ сказалъ:

— Отгадай, Яковъ, сколько денегъ выложилъ мнѣ Кампельгеръ?

— Ты не шутишь, сосѣдъ?—спросилъ, наконецъ, Яковъ:—ты могъ рѣшиться продать свой домъ?

— Видѣлъ ли на своемъ вѣку тысячную бумажку? — проговорилъ Кначель съ нескрываемымъ удовольствіемъ, доставая свой поношеный, довольно-таки обширный бумажникъ.

Большой, совершенно новый банковый билетъ лежалъ на столѣ, и Яковъ смотрѣлъ на него, какъ на чудовище, съ любопытствомъ и вмѣстѣ съ ужасомъ. Рабочіе въ нѣмомъ изумленіи уставились на эту диковину.

— Дай-ка взглянуть хоть глазкомъ на этотъ грѣховный пластырь,— проговорилъ старшій работникъ, подвигаясь къ столу.

— Пластырь этотъ не вредный,— сострилъ другой рабочій: — пожалуй, и тебѣ Петръ Лушель помогъ бы отъ ломоты и боли въ печенкѣ.

— Былъ бы свободенъ, сумѣлъ бы небось пустить въ оборотъ, не хуже другихъ,—проворчалъ старикъ.

— Спасибо, что хоть успѣли помолиться,—замѣтила одна изъ служанокъ:—а то увидѣли бы такую штуку, такъ и молитва на умъ бы не пошла.

— Правда, правда, — замѣтилъ парень, любившій блеснуть глубокомысліемъ:—не одинъ уже покупалъ себѣ адъ такимъ-то клочкомъ бумаги. Я дешевле его куплю—только бы захотѣть.

— Ну, что говорить, ты-то ловокъ,—согласился горбатый Лушель Петръ и смѣясь заковылялъ въ свой уголъ за печкой, пока другіе еще на почтительномъ отдаленіи разѣвали рты на невиданную денежную бумажку.

— А коли человѣкъ уменъ,—замѣтила другая служанка: —развѣ онъ не сможетъ купить себѣ за это и небесное блаженство? Развѣ нѣтъ?

— Что говорить! Конечно, купитъ блаженство на землѣ,—прошамкалъ Лушель Петръ.—Другое блаженство на небѣ—тамъ, наверху, на настоящемъ небѣ, то ничего не стоитъ, кромѣ жизни, ха, ха, это сущая правда.

— Вотъ глядите,—и Кначель ударилъ по столу рукой, какъ игрокъ, который отдаетъ послѣдняго козыря, и вынулъ другой билетъ въ тысячу гульденовъ:—есть у меня и еще одинъ.

— Чортъ побери!—воскликнулъ Яковъ.

— Что сосѣдъ, у меня урожай ничего себѣ въ этомъ году, не смотря на снѣгъ въ Троицынъ день.

— Двѣ бумажки далъ онъ тебѣ за домъ и землю?—спросилъ Яковъ почти шопотомъ.

— Тебѣ онъ дастъ три за твое добро,—отвѣтилъ Кначель.—Не теряй время, нечего думать, одѣвай сапоги и бѣги въ Зандебенъ. Кампельгеръ остановился у мясника. Его бумажникъ раздутъ во какъ, увѣряю тебя. Уйдешь отсюда мужикомъ дуракомъ, а вернешься домой настоящимъ бариномъ.

— Домой?—повторилъ Яковъ, качая головой.—Домой? Какъ же человѣкъ можетъ рѣшиться продать свой домъ?

— Слушай, Кначель,—замѣтилъ одинъ изъ работниковъ,—спрячька ты свою бумагу; право, она мнѣ напоминаетъ ту, которой травятъ мухъ. А съ нами ты все равно не подѣлишься.

Не особенно пріятно было Кначелю, что его бумажки не вызвали бо̀льшаго изумленія; онъ съ особенною любовью ихъ сложилъ и убралъ въ бумажникъ. Все въ домѣ должно было идти своимъ обычнымъ порядкомъ. Вдругъ на улицѣ послышался какой-то необыкновенный трескъ и шумъ, такъ что стѣны задрожали; снѣжные вихри закружились съ удвоенною силою, ударяясь въ окно. Люди переглянулись.

Въ эту минуту Яшка влетѣлъ въ комнату, какъ ураганъ, съ необыкновеннымъ извѣстіемъ: у липы сломался громадный сукъ, упалъ на часовню и она развалилась.

Когда Яковъ услышалъ эти слова, то вскочилъ со скамейки и поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Часовня!—воскликнулъ Кначель,—твоя часовня св. Іакова? По-

слушай, сосѣдъ, это тебѣ указаніе свыше, не иначе!—Онъ захлопалъ въ ладоши и закричалъ:—Часовня развалилась, Рейтгоферъ, продавай свой домъ.

Хозяинъ вышелъ, какъ былъ, безъ сюртука на улицу и направился къ искалѣченной липѣ.

Въ воздухѣ летали хлопья снѣга и ласточки.

Любезный Альтенмосъ.

Прошла недѣля послѣ описанной выше снѣжной бури, и горячее солнце ярко свѣтило надъ Альтенмосомъ. Лиственницы на склонѣ горъ блестѣли свѣжей зеленью и на концѣ каждой вѣточки виднѣлись красноватые молодые побѣги. Сосновые лѣса также утратили свой мрачный оттѣнокъ; молодые отпрыски на верхушкахъ яркой зеленью оживили лѣса и придали весенній блескъ темной окраскѣ хвои; кое-гдѣ уже завязывались коричневатые цвѣтовые шишки. На лугахъ въ низинахъ и впадинахъ журчали ручейки подъ сочными листьями травъ; группы кленовъ и ясени вырисовывались красивыми силуэтами; ихъ сучья покрылись крупными почками, готовыми открыться подъ напоромъ молодой листвы. По краямъ полей и около построекъ виднѣлись бѣловатыя и розоватыя пятна цвѣтущихъ вишень и дикихъ яблонь, а сладкій и пряный запахъ черемухи далеко разносился опьяняющимъ ароматомъ. Озими и молодые всходы овса отливали голубоватою зеленью на склонахъ холмовъ и рѣзко выдѣлялись на желтоватобуромъ фонѣ луговъ; мѣстами луга были огорожены, и на нихъ паслись бѣлыя и пестрыя стада; бараны и козы, наѣвшись, принимались за игры или лѣниво грѣлись на солнцѣ.

На открытыхъ возвышенностяхъ, въ уютныхъ уголкахъ долины, подъ защитой горныхъ каменистыхъ склоновъ, на краю лѣсовъ и въ тѣнистыхъ ущельяхъ были разбросаны крестьянскіе дворы; у иныхъ замѣтны были большія постройки и ихъ было много, другіе были чуть видны и тонули въ вишневыхъ садахъ, среди липъ и ясени, другіе стояли открытые и ихъ тесовыя крыши отливали сизымъ цвѣтомъ голубинаго крыла; только стройныя ели, закаленныя въ бою съ непогодой, стояли съ ними рядомъ темной вереницей, какъ вѣрные стражи. У домиковъ пестрѣли огороды и небольшіе садики, гдѣ цвѣла пахучая резеда и сочными мазками алѣли кусты шиповника; кое-гдѣ пестрѣли праздничные наряды дѣвушекъ; онѣ любовались цвѣтами, соперничая съ ними въ красотѣ. Отъ одного двора къ другому вились дороги, обсаженныя кустами и деревьями, а по склонамъ горъ бѣлѣли узкими лентами прихотливые изгибы тропинокъ, по которымъ въ этомъ вечеръ, канунъ праздника, прогуливались парами и цѣлыми группами молодые парни и громко пѣли горныя крестьянскія пѣсни.

Съ пригорка, на которомъ стоялъ дворъ Якова Рейтгофъ, можно было обозрѣвать на далекое разстояніе всю окрестность. До слуха до-

леталъ отдаленный звонъ колокольчиковъ пасущихся стадъ и отголоски пѣсенъ, разносимыхъ дыханіемъ весенняго вѣтра. Изъ ближайшей долины доносилось однообразно усыпляющее журчанье горной рѣченки Зандахъ. Шумливыя, свѣтлыя воды ея питались таинственными источниками съ высокихъ, поросшихъ лѣсомъ горныхъ вершинъ; онѣ огибали полукругомъ возвышенность, на которой расположился Рейтгофъ, извивались среди домиковъ деревни Альтенмосъ, потомъ катились узкой лентой до села Зандебена и, пробившись въ долину, впадали въ другую рѣчку. На Зандахѣ были построены мельницы, а выше, на склонахъ горъ кое-гдѣ приткнулись хижинки пастуховъ и дровосѣковъ.

Пригорокъ, на которомъ расположился Рейтгофъ, былъ центромъ горной котловины, испещренной полями и луѣами; волнообразный горизонтъ, вершины котораго терялись въ туманной дали, заканчивался синѣющей полосой лѣса, и кое-гдѣ на свѣтломъ фонѣ неба выдавалась вершина засохшей ели или растрепанный силуетъ лиственницы; поднявшись на чердакъ дома, можно было видѣть вершину одинокаго утеса, которая выдавалась на западѣ изъ-за цѣпи холмовъ предвѣстницей горныхъ высотъ.

Община Альтенмосъ не имѣла своей церкви, она была построена въ Зандебенѣ. Для домашнихъ богослуженій, каждый сколько-нибудь богатый дворъ имѣлъ свою часовню или крестъ, защищенный крышей; тутъ молились въ праздникъ тѣ, которые почему-либо не могли добраться до села. Съ прочимъ міромъ община Альтенмосъ сообщалась одной проѣзжей дорогой, проложенной вдоль рѣчки Зандахъ, то по одной, то по другой ея сторонѣ, по перекинутымъ мостамъ и гатямъ.

Выйдя изъ воротъ Рейтгофа, можно было идти вдоль рѣчки вверхъ, въ горы, черезъ лѣсъ и по вырубкамъ, мимо дымившихся угольныхъ ямъ; тамъ, гдѣ кончался лѣсъ, начиналась сплошная поросль орѣшника и ольховника, а за нею песчаныя и каменистыя склоны, гдѣ среди дикой горной растительности лежали глыбы утесовъ, поросшихъ блестящимъ мохомъ; преданіе гласитъ, что онѣ сорвались съ горныхъ хребтовъ, возвышавшихся за этимъ плоскогорьемъ. Точно ребра вырѣзываются здѣсь горные откосы. Узкая тропинка вьется по каменистой почвѣ, поросшей папоротникомъ, терномъ и бѣшеницей. У самой тропинки, пѣнясь въ бурливомъ бѣгѣ, съ трудомъ вырываясь изъ узкой расщелины, клокочетъ Зандахъ; темно и узко горное ущелье, такъ что можно безъ всякаго труда перешагнуть съ одного берега на другой; сросшіеся корни деревъ, покрытые листьями и мохомъ, образуютъ сводъ, и небо не отражается здѣсь въ водахъ рѣчки, лучи солнца не сверкаютъ въ пѣнистыхъ брызгахъ.

Поднимаясь дальше по скалистой тропинкѣ, мы видимъ, что ущелье значительно расширяется и образуетъ, наконецъ, котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ голыми стѣнами утесовъ. Въ песчаной долинѣ не видно никакой растительности, только одинокія сосны прицѣпились

корнями къ расщелинамъ скалъ. Вода течетъ въ широкомъ руслѣ спокойно, почти безъ шума; она такъ прозрачна, что каждый камешекъ виденъ, и всякая песчинка на днѣ отливаетъ золотомъ. Вы не увидите здѣсь горной форели, не услышите пѣнія птицъ; только ящерицы свистятъ, если вы наступите имъ на хвостъ, и проворно шмыгаютъ между каменьями. Огибая группу сосенъ, тропинка приведетъ васъ къ горному озеру. Оно покоится въ глубокой котловинѣ, берега его изрѣзаны заливами, завалены осколками каменныхъ громадъ; у самаго края, гдѣ высятся эти мшистые великаны, вода принимаетъ ярко-зеленый оттѣнокъ чистѣйшаго изумруда; въ срединѣ озера вода темнѣетъ, люди говорятъ, что глубина ея неизмѣрима.

Вы обогнули озеро, и снова слышится глухой ревъ; десять, двѣнадцать минутъ ходьбы по сырому ущелью, и ваша одежда, и волосы будутъ влажны отъ незамѣтной водяной пыли; на деревьяхъ блестятъ капли, наконецъ, шумъ усиливается, и вы оглушены и ослѣплены падающей громадой воды—горнымъ водопадомъ. Онъ срывается съ выступа скалы, вышиной съ добрую колокольню, и, перепрыгнувъ съ утеса на утесъ, образуетъ пѣнистую, снѣжно-бѣлую ленту и низвергается въ бездонный водоворотъ. Мелкая водяная пыль подымается изъ этого котла, гдѣ, какъ въ воронкѣ, клубится и пѣнится водяная масса, и густая зелень на днѣ, и кусты кругомъ на каменныхъ выступахъ, все покрыто сплошной росой, какъ блестящимъ стекляннымъ налетомъ. Здѣсь кончается песчаная долина, съ каймой яркой зелени; за водопадомъ начнется настоящая скалистая пустыня.

Отъ Альтенмоса до этой горной долины всего часъ ходьбы, но жители деревни рѣдко сюда заходятъ. Имъ нечего здѣсь дѣлать, а если кому надо перейти горный хребетъ, тотъ отдохнетъ здѣсь иногда на камнѣ у берега озера, но не надолго. Здѣсь слишкомъ пустынно, и тишина росистаго ущелья непріятно гнететъ душу. Называютъ эту горную долину—Божій миръ.

Таковы лѣсныя и горныя окрестности той общины, въ которой Яковъ Штейнрейтеръ имѣлъ домъ и собственность, общины, столь любезной его сердцу—Альтенмоса.

Обладатель тысячныхъ билетовъ переселяется.

Вечеромъ въ канунъ праздника Тѣла Господня, когда въ Альтенмосѣ уже покончились денныя работы, самъ хозяинъ Яковъ еще доканчивалъ поправку часовни, приколачивалъ послѣднія доски на крышѣ; наконецъ все было исправлено и приведено въ прежній видъ, не осталось и слѣда той бѣды, которую надѣлалъ упавшій липовый сукъ. Надъ часовней красовалась липа во всей прелести весенняго убора, и среди молодой зелени было почти незамѣтно рубца отъ сломавшейся вѣтки. Такимъ образомъ быстро наступившее лѣто съ честью побѣдило непрошеннаго посѣтителя на праздникъ св. Троицы; впрочемъ, такія

неожиданности не въ диковину раннимъ лѣтомъ въ такихъ горныхъ мѣстностяхъ, къ какимъ принадлежитъ Альтенмосъ.

Для Якова было большимъ утѣшеніемъ, что статуя св. Іакова не пострадала при поврежденіи часовни. Фигура святого, грубой рѣзьбы, выкрашенная свѣтлыми красками, стояла невредима на своемъ возвышеніи, а у его ногъ валялись пересыпанные снѣгомъ куски и щепки сломаннаго сука. Св. Іаковъ считался защитникамъ дома. Отецъ Якова былъ тоже Яковъ, дѣдушка, прадѣдушка и пра-прадѣдушка, были всѣ Яковы и всякій хозяинъ въ Рейтгофѣ тоже назывался Яковомъ, въ память того, что за нѣсколько столѣтій тому назадъ, первый поселыцикъ, расчистившій этотъ участокъ отъ каменьевъ и распахавшій поля, назывался Яковомъ, Яковомъ Штейнрейтеръ. По преданію семьи, фигура св. Іакова была издѣліемъ этого перваго Якова, выраженіемъ его благочестиваго настроенія; поэтому изображеніе святого, а также имя Якова служили связующей нитью отъ поколѣнія къ поколѣнію, и всякій новый Яковъ Штейнрейтеръ считалъ своимъ долгомъ продолжать дѣло, начатое цѣлымъ поколѣніемъ его предшественниковъ.

На внутренней стѣнѣ часовни былъ прибитъ цѣлый рядъ досокъ, въ стоячемъ положеніи, приблизительно по шести футъ длины. Въ каждой доскѣ были вырѣзаны на верхнемъ ея краѣ буквы Я и Ш и подъ ними годъ и число. На этихъ доскахъ лежали тѣла усопшихъ хозяевъ Рейтгофа, прежде чѣмъ ихъ предавали землѣ, и въ воспоминаніе о почившихъ, эти доски приколачивались къ внутренней стѣнѣ часовни св. Іакова.

Въ семьѣ Штейнрейтеровъ вошло въ обычай украшать статую святого въ честь наступавшаго праздника. Маленькая Аннушка, съ длинными черными косицами, только что вернувшись изъ школы, несла стаканъ воды съ двумя крупными цвѣтами алаго шиповника. Прибѣжалъ и маленькій Фридель, съ большими глазами цвѣта незабудокъ, и принесъ такой же стаканъ и такіе же два цвѣтка.

— Молодцы, ребята!—сказалъ Яковъ своимъ дѣтямъ. Онъ взялъ стаканы изъ маленькихъ ручекъ и поставилъ ихъ по обѣ стороны изображенія святого. Весьма вѣроятно, что въ эту минуту Яковъ не столько думалъ объ апостолѣ, котораго изображала статуя, сколько о цѣломъ рядѣ своихъ предковъ, которыя создали и охраняли ее, и воспоминаніе о нихъ сливалось въ его душѣ съ культомъ этого святого.

Босоногій, въ разорванныхъ штанишкахъ, съ растрепанными волосами и раскраснѣвшимся лицомъ, волоча два маленькія деревца лиственницы, примчался наконецъ и старшій сынъ, удалый Яшка, распѣвая пѣсенку насколько хватало голосу. Подбѣжавъ къ часовнѣ, онъ схватилъ топоръ и всадилъ его въ бревно стѣны съ такою силою, что клинокъ остался въ деревѣ. Отецъ побранилъ его за это и велѣлъ убрать топоръ; тогда Яшка схватилъ его и кинулъ черезъ ограду, такъ что отъ удара желѣза о камни посыпались искры, а самъ удралъ, продолжая горланить пѣсню.

Когда украшеніе часовни было окончено, Яковъ взялъ за руку маленькаго Фриделя и сказалъ: «кабы тебя звали Яковымъ, а его Фридрихомъ, мнѣ было бы милѣе. Впрочемъ, ему не пристало называться Фриделемъ [1]), скорѣе наоборотъ. Пойдемъ, сынишка.

Яковъ направился съ сынишкой по ровной проѣзжей дорогѣ къ сосѣднему двору Кначеля, расположенному у опушки лѣса. Тамъ царилъ полный разгромъ. Всю недѣлю Кначель занимался перевозкой своего имущества. Ему помогали жена, батраки и волы, кто со слезами, кто съ радостью, кто съ тщетною покорностью; воламъ, конечно, все равно куда идти, всюду они должны тащить плугъ или попасть подъ топоръ мясника. Кначель выворотилъ все, что у него было; самые старые пыльные ящики, кадушки, перины, поломанныя сковороды, все нагружалось на возы и перевозилось въ городъ.

Маленькій Фридель по дорогѣ обернулся и, указывая отцу на склонъ горы, по которому раскинуты были домики Альтенмоса, спросилъ его:

— Отецъ, какъ зовется вотъ тотъ дворъ?

— Груббауеръ,—отвѣчалъ отецъ.

— А тамъ, высоко, высоко на горѣ, чей это домъ?

— Гульдейзнера,—отвѣтилъ Яковъ, съ большей торжественностью въ голосѣ. Гульдейзнеръ былъ самымъ крупнымъ собственникомъ Альтенмоса, изъ его участка, какъ выражался Лушель Петръ, можно было нарѣзать сапожнымъ ножомъ пять добрыхъ крестьянскихъ дворовъ побѣднѣе. Построекъ у Гульдейзнера было такъ много, что его дворъ походилъ на деревеньку и расположенъ онъ былъ на виду на небольшой плоской возвышенности. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ наполовину сложенъ изъ камня; его выбѣленныя стѣны выдавались рѣзкимъ пятномъ надъ всѣми прочими сѣрыми крестьянскими постройками, разбросанными у подошвы горы.

— Отецъ,—снова спросилъ Фридель:—а сколько домовъ на свѣтѣ?

— О, дитя!—отвѣтилъ Яковъ:—свѣтъ великъ, и одинъ Богъ можетъ окинуть его окомъ и сосчитать, сколько на немъ домовъ и людей. Я знаю только деревню Альтенмосъ.

— А сколько дворовъ въ Альтенмосѣ?

— Въ Альтенмосѣ, если считать избушку Лунзель-Стимы и другія бѣдныя лачуги, ровно двадцать одинъ дворъ.

— Сколько это значитъ?—настаивалъ мальчикъ.

— Сосчитай свои пальцы на рукахъ и ногахъ,—поучалъ его отецъ—и прибавь къ этому собственный носъ, то ты получишь число двадцать одинъ.

— Такъ много дворовъ?—удивился ребенокъ:—а который же изъ нихъ будетъ носомъ?

— Тс...—шепнулъ отецъ и, внезапно остановившись, положилъ руку

---

[1]) Фриде—по-нѣмецки миръ, покой; отсюда игра словъ: покойный и безпокойный.

на плечо сына:—смотри, вонъ туда, между ольхой у края лѣса—видишь?

— Красная козочка!

— Это козуля,—сказалъ отецъ.

Животное хотѣло пощипать траву на лугу, но почуяло человѣка. Оно высоко подняло голову, прислушалось и потомъ большими скачками пустилось въ лѣсъ и исчезло изъ виду. Маленькій Фридель такъ и вытаращилъ свои большіе глазенки—это была первая козуля, которую онъ видѣлъ въ жизни. Даже Якову рѣдко приходилось встрѣчать это животное. Гульдейзнеръ, которому принадлежала охота въ этой мѣстности, былъ ловкій стрѣлокъ, и рѣдкая дичь уходила отъ его прицѣла. Дальше, въ господскихъ лѣсахъ, какъ слышно было, водилось много дичи, даже прекрасные олени; но Яковъ только разъ въ жизни видѣлъ оленя и то мертваго; онъ лежалъ на носилкахъ, на улицѣ Зандебена; Яковъ любовался его чудными рогами; но брюхо оленя было распорото и заткнуто свѣжей хвоей.

По дорогѣ на встрѣчу двигалась повозка съ шумомъ и трескомъ; это Кначель перевозилъ свою послѣднюю подводу. Онъ возсѣдалъ на возу и самъ управлялъ волами, а за его спиной, на мѣшкѣ жита сидѣла жена и глухонѣмая сестра его. Глухонѣмая оглядывалась по сторонамъ въ недоумѣніи,—она не понимала, что это значитъ: уѣзжать теперь изъ дому, когда скоро наступитъ ночь! Рядомъ сидитъ хозяйка и заливается плачемъ, закрывъ лицо кончикомъ головного платка; а братъ знай себѣ погоняетъ воловъ, съ сигарой въ зубахъ, да посвистываетъ. Совсѣмъ съ ума сошли люди!

Когда телѣга поровнялась съ Яковомъ, послѣдній обратился къ сосѣду со словами:

— Что ты больно прытокъ, сосѣдъ; по моему, сегодня ты опоздаешь въ Зандебенъ, хотя попасть туда, по правдѣ сказать, ты слишкомъ торопишься.

— Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше,—отвѣтилъ Кначель.—Пожалуйста, Штейнрейтеръ, возьми сигару.

Онъ протянулъ Якову совсѣмъ новый, кожанный портсигаръ, и обращеніе его было совсѣмъ городское, напыщенное; онъ назвалъ его по фамиліи, что не было принято въ крестьянской средѣ. Совсѣмъ чиновникъ! Яковъ шелъ рядомъ съ повозкой и велъ сына за руку.

— Что, небось, странно тебѣ, что я уже не прежняя деревенщина!—самодовольно произнесъ Кначель. — Возьми же сигару, вотъ эта американская!

— Нѣтъ, спасибо!—отклонилъ предложеніе Яковъ.—Стошнитъ меня отъ твоего зелья. Право слово, сосѣдъ, не вѣрится доселѣ, что ты въ самомъ дѣлѣ насъ покидаешь.

— Рейтгоферъ!—воскликнулъ Кначель:—помяни мое слово — скоро и ты послѣдуешь за мной.

— Только въ гробу покину я свой домъ,—произнесъ Яковъ, и голосъ его дрогнулъ:—Можетъ, и скоро, ибо намъ неизвѣстенъ ни день, ни часъ.

— Не въ гробу!—воскликнулъ Кначель:—а скорѣе всего въ коляскѣ господина Кампельгера.

— Дай Богъ тебѣ долгую жизнь,—отвѣтилъ Яковъ:—но до моего отъѣзда тебѣ не дожить.

— Слыхалъ ли, что старый Нокъ скоро тоже вылетитъ?—спросилъ Кначель.—Его гонятъ долги, еще спасибо, что Кампельгеръ согласился купить его домъ и участокъ. Все-таки лучше продать, чѣмъ пустить съ молотка. Да, конечно, выгоднѣе.

— Не мѣшало бы Гульдейзнеру выручить Нока, вѣдь онъ ему сродни,—замѣтилъ Яковъ.

— Держи карманъ!—засмѣялся Кначель:—Гульдейзнеръ и самъ на чеку продать и домъ, и землю!

— Что ты говоришь? — изумился Яковъ и такъ и уставился глазами на Кначеля.

— Честное слово, продаетъ, какъ пить дать. Кампельгеръ торгуетъ, говорятъ, ради охоты. Всѣ вы, Альтенмосцы, какъ я будете, въ городѣ, всѣ,—попомни мои слова.

Яковъ покачалъ головой.

— Въ гости милости просимъ,—приглашалъ его переселенецъ:—сейчасъ за церковью, направо. Ты знаешь домъ, бывшій Крейцъ-Бекъ. Глотокъ, другой выпьешь у меня.

— Трактиръ что ли заводишь?

— Да, что-то въ этомъ родѣ. Не жить же человѣку безъ дѣла, скучно.

— Кначель!—проговорилъ Яковъ:—берегись—прогоришь. Въ Зандебенѣ тысячная бумажка пойдетъ по другой цѣнѣ, чѣмъ здѣсь въ Альтенмосѣ! Тамъ одинъ хлѣбъ стоитъ полгульдена, а здѣсь, коли самъ испечешь, и вдвое меньше не отдашь.

— Мужичьяго хлѣба поѣлъ на своемъ вѣку, будетъ съ меня,—засмѣялся Кначель:—теперь попробую пирога.

— Ѳома, остановись, прошу тебя,—проговорила его жена сквозь слезы, тыкая его въ спину:—здѣсь граница нашего поля. Бывало, когда кого хоронили изъ нашего двора, то ставили гробъ на землю, чтобы покойникъ съ ней простился, хочу и я съ родной землицей попрощаться.

— Дура, выдумала еще глупости!—прокричалъ Кначель и ударилъ по воламъ; они рванулись, и телѣга переѣхала границу.

— Добраго пути!—крикнулъ Яковъ и протянулъ отъѣзжающимъ руку.—Дай Богъ вамъ счастья и удачи.

Кначель еле-еле пожалъ его руку, но жена его ухватилась за нее и не хотѣла выпускать, такъ что Якову пришлось бѣжать рядомъ съ телѣгой.

Наконецъ, рука его свободна; онъ стоитъ и смотритъ вслѣдъ удаляющейся повозкѣ и видитъ, какъ жена Ѳомы, уткнувшись лицомъ въ передникъ, неутѣшно рыдаетъ; Кначель же щелкнулъ бичомъ такъ громко, точно выстрѣлилъ, и шумъ отъ удара далеко разнесся до самаго лѣса.

— Отецъ, скажи, это былъ человѣкъ съ тысячными бумажками?— спросилъ мальчикъ, когда телѣга скрылась изъ виду за ближайшимъ холмомъ.

Яковъ поворотилъ назадъ, и они шли по межѣ, среди овсяного поля; онъ былъ сильно разстроенъ. Въ раздумьѣ онъ не отвѣтилъ на вопросъ сына.

— Что это?—спросилъ мальчикъ, видя, что отецъ нагнулся, поднялъ комъ земли и сталъ его разсматривать.

— Это наши тысячныя бумажки, дитя,—отвѣтилъ отецъ:—онѣ не сгораютъ и не рвутся. Могу растереть ихъ въ порошокъ и разсѣять по вѣтру, и они все жъ-таки не пропадутъ. А когда человѣкъ поухаживаетъ за ними, а Богъ пошлетъ дождь и солнце, то они дадутъ богатые проценты, все равно, будетъ ли въ странѣ война или миръ.

— Вотъ такую-то тысячу Яшка вчера бросилъ въ корову, и тысяча разсыпалась,—замѣтилъ мальчикъ.

Отецъ отвѣтилъ ему:

— Комку земли оттого не было вреда,—земля упала на землю, а коровѣ могло быть плохо. Плохо будетъ и Яшкѣ, больно много сталъ баловать парень, недалеко до бѣды, пожалуй, придется замкнуть его въ погребъ на денекъ, другой.

Но случилось такъ, что шустрый парнишка совсѣмъ не ночевалъ дома въ эту ночь. Сперва свистѣли, но онъ не приходилъ. Тогда Аннушка поднялась на пригорокъ и стала кричать: Яшка-а! насколько хватало силъ, и лѣсъ ей вторилъ раскатистымъ эхомъ. Мальчикъ не являлся. Когда стемнѣло, самъ хозяинъ пошелъ на поиски, захвативъ съ собой палку изъ орѣшника; онъ побывалъ у всѣхъ сосѣдей и спрашивалъ, не видали ли его сына. Хозяйка Дрейзамъ всплеснула руками и заголосила—бѣдный ребенокъ навѣрное упалъ въ воду! Она обѣщала самолично обѣгать всю деревню. Яковъ не особенно тронулся причитаньями крестьянки, онъ хорошо зналъ своего сына.

Когда Яковъ добрался до убогой избенки Штинделя,—прозывалась она «Камень»,—то, хотя не узналъ ничего о пропавшемъ Яшкѣ, но зато услыхалъ нѣчто, для него, впрочемъ, не вполнѣ неожиданное, а именно: Гульдейзнеръ ведетъ переговоры съ Кампельгеромъ и взаправду собирается продать ему свой участокъ.

Плохо спалось Якову въ эту ночь. Если Гульдейзнеръ продастъ землю—община Альтенмосъ потеряетъ своего главнаго члена. Если онъ переселится съ батраками, работницами, со всѣми чадами и домочадцами, то скучно станетъ и пусто въ Альтенмосѣ. Если поля Гульдейзнера запустятъ подъ лѣсъ, чтобы водилась дичь, тогда, тогда...

«Все вздоръ, все врутъ,—подумалъ Яковъ,—не можетъ этого быть. Разорить такой домъ и уѣхать! Дуракъ онъ, что ли?—утѣшалъ себя хозяинъ Рейтгофа. — Не продастъ, не продастъ. Господи, хоть бы заснуть часочекъ, пока до разсвѣта!»

Въ церковь за деньгами.

Наступило утро праздника Тѣла Господня. Тихое Альтенмосъ лежало въ свѣжей зелени подъ утренними лучами солнца. Отовсюду, съ дворовъ, изъ-за плетней и изгородей, по луговымъ тропинкамъ спускался деревенскій людъ въ праздничныхъ нарядахъ, направляясь къ главной проѣзжей дорогѣ. Тамъ они собирались группами, чтобы парочками, весело пуститься въ дальній путь къ церкви въ Зандебенъ.

Сегодня было особенно много богомольцевъ. Работая по буднямъ съ утра до ночи, поселяне не знаютъ усталости и въ праздникъ; если за недѣлю работали руки, то пусть сегодня поработаютъ ноги, а кромѣ того и языкъ у иныхъ не прочь поболтать дорогой, а глаза полюбоваться крестнымъ ходомъ, послѣ котораго найдется много охотниковъ промочить глотку. Дорога мѣстами скользкая, мѣстами каменистая; но путники не хвалятъ ее и не жалуются. У молодыхъ крестьянокъ на плечахъ ярко-красные платки, а на груди букетики изъ размарина. Иныя держатъ цвѣты въ рукахъ между молитвенникомъ и вчетверо сложеннымъ носовымъ платкомъ. Парни прикололи къ шляпамъ пучки зеленой резеды и красной гвоздики; кто имъ далъ цвѣты, они не скажутъ, пусть каждый самъ догадается. Сбоку рядомъ съ цвѣтами торчитъ пестрое перо глухаря. Даже старики посадили себѣ на шляпы блѣдно-розовый шиповникъ, иначе и праздникъ не въ праздникъ, если не украсить себя и не порадоваться на Божій даръ—такъ думаютъ горные крестьяне, и чувства ихъ жизнерадостныя.

Молодежь охотно собиралась вмѣстѣ, чтобы полюбезничать и посмѣяться; краснощекій Сандлеръ Зебастъ смѣло утверждалъ, что у дочери Баххеузеля откололась вѣтка шиповника у пояса и предлагалъ ей прикрѣпить его въ знакъ дружескаго расположенія.

— Молодчина, Зебастъ, что-то у тебя вдругъ явился такой приливъ любви къ ближнимъ,—шутилъ Лушель Петръ, который ковылялъ за ними, опираясь на громадный красный дождевой зонтикъ. Костюмъ его былъ самый старомодный: порыжѣлый отъ времени фракъ съ мѣдными пуговицами и высокій цилиндръ на головѣ, желтовато-зеленоватаго цвѣта, съ широкими полями и большой пряжкой сбоку. Съ тѣхъ поръ, какъ его голова носила эту шляпу, они оба перемѣнили свою окраску: бѣлокурая голова посѣдѣла, а зеленая шляпа пожелтѣла. Края его одежды были тщательно оторочены зеленымъ сукномъ; всевозможныя украшенія —деревца, завитки и т. п. были вырѣзаны изъ того же сукна и нашиты на рукавахъ, отворотахъ, карманахъ и фалдахъ, что придавало всей его фигурѣ очень оригинальный видъ; смор-

щенное лицо и позеленѣвшіе усы подъ носомъ очень шли къ старомодной, пострадавшей отъ времени одеждѣ.

— Приколоть хочешь шиповникъ, недурно парень, недурно, Себастъ, молодецъ, что и говорить,—продолжалъ дразнить его старикъ.

Дулле, дочь Баххеузеля, ударила смѣльчака по пальцамъ.

— Прочь руки, парень,—закричала она.

— Хорошенько его, хорошенько,—поддакивалъ ей Лушель Петръ. Но вотъ звонко запѣлъ дроздъ. Пѣсня его звучала такъ рѣзко, что всѣ оглянулись, ища глазами птицу. Но ея нигдѣ не было видно, а между тѣмъ можно было думать, что она вотъ здѣсь, сидитъ у кого-нибудь на плечѣ и поетъ.

— Ага!—воскликнулъ вдругъ Лушель Петръ:—вотъ она гдѣ пѣвунья—завалилась въ складки моего зонтика. Постой, постой, сейчасъ тебя изловлю.

Всѣ окружили старика, особенное любопытство выказала дочь Бахгаузена; всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на птичку. Лушель Петръ просунулъ руку въ складки зонтика, птица запищала, должно быть попалась; но когда старикъ вытащилъ руку и раскрылъ зонтикъ, то тамъ никакой птицы не оказалось. Всѣ знали, что Лушель Петръ при помощи листочка умѣлъ отлично подражать разнымъ напѣвамъ птицъ, тѣмъ не менѣе они всегда попадались, когда онъ неожиданно показывалъ имъ свое искусство.

— Ускользнула шельма,—проговорилъ старикъ, и лицо его приняло слезливое выраженіе, онъ раскрылъ руку и посмотрѣлъ на небо. Затѣмъ онъ обратился къ молодымъ дѣвушкамъ и, подмигнувъ лукаво глазомъ, началъ увѣрять, что птица сидитъ у которой-нибудь изъ нихъ въ карманѣ. Дѣвушки не отказывались, но и не позволили себя обыскать.

Далеко за этой веселой толпой, шла другая группа людей, между ними Іосифъ изъ Ямы, Родель, Штиндель съ Камня, Оберштекель и Яковъ. Ихъ настроеніе было слишкомъ серьезно для такого чуднаго лѣтняго дня, они вели неторопливую бесѣду о своихъ дѣлахъ. Говорилъ и Яковъ. Внѣ дома онъ вообще былъ не разговорчивъ, потому что слегка заикался, но если открывалъ ротъ, то его слова стоило послушать.

— Этому не бывать,—говорилъ Яковъ:—мы должны принять мѣры.

— Мы уговоримъ Гульдейзнера, и онъ не посмѣетъ продавать землю,—поддакивалъ Штиндель.

— Согласны ли вы, сосѣди, — спросилъ Яковъ,—идти сегодня вечеромъ, когда вернемся изъ Зандебена, къ Гульдейзнеру и объяснить ему свое мнѣніе? Этому не бывать и не бывать. Если выселится Гульдейзнеръ, то весь Альтенмосъ сползетъ съ горы.

— Отчего не идти,—согласился Оберштекель:—да будетъ ли толкъ изъ этого, вотъ въ чемъ дѣло. Кабы не деньги и много денегъ, они всему причина.

— Ну, вотъ деньги и опять деньги! — вспылилъ Яковъ.— Развѣ

нашъ братъ когда-нибудь гонялся за деньгами? Въ Альтенмосѣ не было никогда такой жадности къ деньгамъ. Были деньги—хорошо, а не было—и то не бѣда, жили и безъ нихъ, пожалуй, охотнѣе работали, да крѣпче спали. То, что намъ нужно — намъ даетъ земля и хозяйство. Поля даютъ хлѣбъ, а луга—молоко и масло, на лядахъ растетъ ленъ, овцы даютъ шерсть, а рогатый скотъ кожу.

— Такъ-то такъ,—согласились и другіе.

— Захотѣлось мяса,—продолжалъ Яковъ:—на то есть свинья. Курицы кладутъ яица. Мастеровые у каждаго свои. Деньги на соль, табакъ и кое-какія бездѣлицы, а также налоги мы выручаемъ изъ продажи скотины или овса. Чего же намъ еще нужно?

— Такъ, такъ, твоя правда,—снова согласились сосѣди.

— А люди кругомъ кричатъ: денегъ, денегъ и еще денегъ, много денегъ! Продаютъ и сѣно, и лѣсъ, и даже дома и штаны, и все—ради денегъ! Меня, право, ужасъ беретъ!

— Правду говоришь, сосѣдъ, правду,—поддакнулъ Родель и сдѣлалъ такое движеніе рукой по воздуху, точно ловилъ что-то. Всѣ знали, что такое движеніе обозначаетъ, онъ сейчасъ заговоритъ и заговоритъ умно, потому что хотя у него былъ тольно одинъ глазъ, но онъ многое видѣлъ яснѣе, чѣмъ другіе двумя глазами.—Души свои продаютъ, вотъ что!—воскликнулъ онъ.—Точно колдовство напустили на насъ, заразу, точно бѣсъ вселился въ насъ, и мы хотимъ одного—денегъ и денегъ.

— Нѣтъ, Родель, не всѣхъ насъ коснулась эта зараза,—перебилъ его крестьянинъ Клахель.—Вотъ у моего сосѣда Кначеля двѣ недѣли лежали двѣ тысячи гульденовъ. Если бы деньги были заразой, я бы заразился прежде всѣхъ. Я не окуривалъ себя ничѣмъ и не прибѣгалъ ни къ какимъ средствамъ противъ колдовства.

Родель сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ остроту и, взявъ Клахеля за бортъ его сюртука, остановилъ его и продолжалъ:

— Другіе поняли мои слова, а тебѣ я объясню—не деньги заразительны, а заразительна алчность къ деньгамъ. Противъ этой заразы совѣтую тебѣ хорошенько накурить можжевельникомъ и иванъ-травой.

— Нѣтъ, я попробую себя обкуривать тысяче-гульденовъ-травой!—сострилъ Клахель.

— Что жъ, развѣ у этого Кампельгера ужъ такъ ужасно много денегъ?—спросилъ Штиндель.

— Грѣхъ сказать, сколько, — отвѣтилъ Родель. — Я слыхалъ что если онъ размѣнялъ бы свою казну на бумажки въ десять гульденовъ и началъ бы ихъ считать до обѣда, и все бы считалъ, не переставая, то умеръ бы съ голоду, а не дочелъ бы ихъ до конца.

— Чортъ его побери,—пробурчалъ Іосифъ.

— Кто жъ онъ такой, этотъ Кампельгеръ?— спросилъ Штиндель.

— Слышалъ я, его отецъ былъ хлѣботорговцемъ или скупщикомъ скота въ Венгріи,—пояснилъ Родель.

*

— А сынъ чѣмъ занимается?

— Довольно легкимъ дѣломъ— онъ милліонщикъ, — отвѣтилъ Родель. Отрѣзывать купоны отъ государственныхъ бумагъ—это поистинѣ самое прибыльное занятіе. Прежде у него были фабрики и даже собственная желѣзная дорога. Но времена настали плохія, и онъ все продалъ, а теперь собирается запастись землей; земля не разрушится и не убѣжитъ. Денегъ она тоже не стоитъ, лѣсъ выростетъ самъ по себѣ, и налоги на него небольшіе. Государство отъ этого въ убыткѣ, но это не идетъ въ расчетъ. Будетъ время, когда и лѣсъ подымется въ цѣнѣ. Словомъ сказать, капиталъ затраченъ не въ убытокъ. Къ тому же и охота чего-нибудь да стоитъ; отчего богатымъ людямъ не позволить себѣ этой роскоши!

— Ишь ты какъ все ловко разсказалъ,—одобрительно замѣтилъ Іосифъ.

— Право любопытно взглянуть, на кого похожъ такой милліонеръ?— сказалъ Клахель.

— Что жъ, посмотри,—поучалъ его Іосифъ.—У мясника въ Зандебенѣ его, говорятъ, завсегда можно видѣть.

— И то посмотрю!—воскликнулъ Клахель:—сегодня же явлюсь къ нему. Денегъ вѣдь не берутъ за посмотръ. Можетъ, онъ и подаритъ мнѣ что-нибудь?

— Подаритъ, какъ же, держи карманъ!—засмѣялся Родель.—Кабы онъ дарилъ, такъ и не былъ бы милліонщикомъ.

— Сотнягу могъ бы отвалить, — настаивалъ Клахель: — что ему сотняга? Все равно, что мнѣ грошъ, который я подаю нищему. «Да наградитъ тебя Господь!» и я бы сумѣлъ ему сказать. А выгонитъ вонъ, такъ въ этомъ нѣтъ обиды,—и раньше бывалъ на улицѣ.

— Клахель, не подличай. Гдѣ твоя гордость?—воскликнулъ Яковъ внѣ себя.—Это было бы позоромъ для всѣхъ крестьянъ Альтенмоса, если бы одинъ изъ насъ позволилъ бы себя вытолкать въ дверь какому-нибудь Кампельгеру! Что онъ намъ?

— Отчего не поговорить съ нимъ,—пробормоталъ Клахель.

— Ошибаешься, другъ, если воображаешь, что такой богатый господинъ, какъ Кампельгеръ, будетъ сидѣть въ простомъ трактирѣ и ждать, пока къ нему прибѣжитъ какой-нибудь оборванецъ, — сказалъ Родель. — Нѣтъ, любезный другъ, не туда попалъ. Его довѣренный тамъ, а не самъ милліонщикъ, вотъ что.

— А по мнѣ такъ все равно, довѣренный такъ довѣренный, лишь бы у него деньги были,— воскликнулъ Клахель и такъ замахалъ руками, точно собирался поплыть куда-то по воздуху.

Среди такихъ разговоровъ они прошли лѣсъ, который уже не принадлежалъ къ Альтенмосу; онъ составлялъ часть владѣній дворянина Рабенбергъ, что можно было замѣтить по тому, какъ роскошно разрослись деревья: видно было, что они не помогали крестьянину хозяйничать. Когда богомольцы достигли «Оленьяго ущелья», то должны

были замолчать. На этомъ мѣстѣ рѣчка Зандбахъ являлась уже широкой рѣкой и заявляла о своемъ присутствіи такимъ шумомъ, что не было бы слышно своихъ собственныхъ словъ. Яковъ очень былъ этому радъ,—разговоръ принялъ такое направленіе, которое давно уже было ему не по сердцу.

Спустя нѣкоторое время, крестьянамъ встрѣтился лѣсникъ Рабенберга съ ружьемъ на плечѣ. Клахель снялъ передъ нимъ шляпу, лѣсникъ съ снисходительною важностью отвѣтилъ на его поклонъ и прошелъ мимо.

— Вотъ тоже хорошъ, нечего сказать, — замѣтилъ Іосифъ, въ такой день, когда каждый христіанинъ идетъ въ церковь, онъ бродитъ по лѣсу. Хотѣлъ бы я знать, что нужнѣе для успѣшнаго роста лѣса, лѣсникъ съ ружьемъ или благословеніе Божье?

— Это тотъ самый,—сказалъ Родель:—которой недавно разсказывалъ, что крестьянъ надо убивать. Тамъ, гдѣ есть хоть одинъ мужикъ, не расти хорошему лѣсу.

— Я тоже люблю лѣсъ,—возразилъ Яковъ,—но все же знаю, что не человѣкъ созданъ для лѣса, а лѣсъ для человѣка. Чтобы рубить дерево, его надо сначала вырастить. На своей землѣ я не позволю даромъ срубить ни одного деревца, въ Рейтгофѣ можно на дѣлѣ убѣдиться, что дерево и мужикъ очень хорошо могутъ ужиться рядомъ.

— Такъ, такъ,—согласились другіе.

Наконецъ путники выбрались изъ горъ и очутились около рѣчки Зандахъ; передъ ними раскинулась село Зандебенъ, расположенная на склонѣ послѣдняго холма; по срединѣ возвышалась постройка въ родѣ луковицы острымъ концомъ вверхъ—это была колокольня церкви. Долина рѣки у подошвы холма представляла сплошное море сѣраго песка, по которому струились многочисленные рукава рѣки. Поперекъ стояли деревянныя загородки для задержанія лѣса, который сплавлялся съ сосѣднихъ горъ. На противоположномъ берегу находились угольныя ямы, которыя выпускали клубы дыма и копоти; не смотря на праздничный день, ихъ работа не знала отдыха. Съ колокольни церкви Св. Михаила раздались звонкіе удары колокола; Клахелю стало весело на душѣ, такъ что онъ замѣтилъ:

— Слышите, св. Михаилъ привѣтствуетъ насъ веселымъ напѣвомъ.

Главная деревенская улица была разукрашена молодыми березами, а ворота у церковной ограды громаднымъ вѣнкомъ изъ ели. Ступеньки лѣстницы, которая вела снаружи въ церковь, чернѣли отъ густой массы народа; надъ нею развѣвались красные флаги и качались привѣшенные къ длиннымъ палкамъ зажженые фонари. Наши крестьяне изъ Альтенмоса присоединились къ молящимся. Въ праздникъ Тѣла Господня крестьяне просятъ у Бога обильнаго урожая и предотвращенія градобитія. Какъ отецъ любитъ свое дѣтище, такъ любитъ крестьянинъ свое зеленѣющее поле—трогательной любовью, смѣшанной со страхомъ и невольнымъ трепетомъ.

По окончаніи богослуженія Штиндель подошелъ къ Якову, только что окончившему тихую молитву у могилъ своихъ предковъ, и пригласилъ его къ мяснику, у котораго сегодня соберутся всѣ жители Альтенмоса.

— Ну, и пусть собираются, своего не упустятъ,—коротко отвѣтилъ ему Яковъ. Онъ понялъ теперь, почему сегодня собралось столько богомольцевъ: не пестрыя хоругви церковной процессіи привлекли ихъ въ Зандебенъ, а тысячныя бумажки Кначеля, который вчера проѣхалъ по этой дорогѣ! Въ церковь—за деньгами!

Но Якову предстояло въ этотъ день пережить еще одно огорченіе. Кначель вышелъ къ нему на встрѣчу изъ своего домика, заново выбѣленнаго, въ которомъ поселился со вчерашняго дня.

— Молодецъ, что вылѣзъ изъ своей дыры,—сказалъ онъ ему:—сегодня не могу пригласить тебя на выпивку, у меня дома ничего еще не разобрано, и прошеніе объ открытіи трактира лежитъ въ присутствіи; но все же зайди, ты увидишь у меня хорошаго знакомаго.

— Знакомаго? Что ему нужно отъ меня?—спросилъ Яковъ.—Отчего не зайти, посмотрю, кто меня дожидается.

— Ему ничего не нужно—возразилъ Кначель:—пришлось запереть его на запоръ, чтобы онъ не удралъ, завидя тебя въ окно. А тебѣ бы не догнать его — твои ноги длиннѣе, зато его моложе и быстрѣе!

— Мальчишка мой, что ли у тебя?—спросилъ Яковъ.

— Не сердись на него. Вѣдь и ему показалось наконецъ тоскливо сидѣть у васъ тамъ въ медвѣжьемъ углу.

Вчера присѣлъ ко мнѣ на телѣгу; говоритъ, что ни за что не вернется.

— Понесемъ на рукахъ, коли добромъ не пойдетъ,—сказалъ Яковъ.

— Не пришлось бы тебѣ раньше раздробить ему кости.

— Нѣтъ, бить его не буду,—пускай выходитъ.

Вскорѣ послѣ того Яшка выскочилъ изъ двери домика Кначеля и, увидѣвъ отца, остановился, какъ вкопанный, и прислонился къ стѣнѣ. Волосы падали на лобъ растрепанными прядями, изъ подъ нихъ мелькнулъ разъ, другой дикій взглядъ на отца; онъ сжалъ кулаки и уперся головой въ стѣну.

Отецъ подошелъ къ мальчику и сказалъ ему привѣтливымъ, ласковымъ голосомъ:—Яша, пойдемъ теперь домой.

Мальчикъ не двинулся.

Яковъ хотѣлъ взять его за руку, но онъ вырвалъ руку со злостью и сказалъ:

— Не хочу.

— Не упрямься, дитя мое.

— Я не хочу идти домой.

— Скажи мнѣ, отчего ты не хочешь идти со мной?

— Потому что ты меня запрешь!—крикнулъ мальчикъ и залился горькими слезами.

— Но ты заставляешь наказывать себя,—сказалъ отецъ.—Тебѣ бы также хорошо жилось, какъ Фриделю: тотъ слушается съ перваго слова. Много горя перенесъ я изъ-за тебя, Яша, мнѣ горько, очень горько, что приходится тебя наказывать. Яша, послушай, дай мнѣ руку, вѣдь я тебя люблю. Какъ могъ ты убѣжать отъ родителей? Мать проплакала всю ночь напролетъ.

Крупныя слезы катились по щекамъ Яшки; ему было стыдно этихъ слезъ и онъ топалъ ногами въ безсильной ярости и кричалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Нѣтъ?

— Нѣтъ!

— Развѣ не обѣщалъ ты сегодня матери помогать ей стеречь домъ? А теперь не хочешь идти со мной.

— Я пойду, но одинъ. Я не позволю себя вести.

— Хорошо, обѣщай мнѣ, что ты сегодня вечеромъ придешь домой.

Мальчикъ молчалъ.

— Я не хочу вести тебя насильно, не хочу унижать тебя передъ глазами чужихъ людей. Обѣщай мнѣ, что вернешься по доброй волѣ.

— Да, я вернусь!—крикнулъ мальчикъ и снова затопалъ ногами, по землѣ.

— Ну, такъ мы, значитъ поладили съ тобой,—сказалъ Яковъ и пошелъ своей дорогой. Сегодня было о чемъ подумать и кромѣ сына. Мальчикъ продолжалъ стоять, прислонившись къ стѣнѣ; онъ закрылъ глаза и сжалъ кулаки.

Вдругъ онъ рванулся и побѣжалъ вдоль деревенской улицы.

Изъ оконъ дома мясника слышалось громкое пѣніе, это пѣли крестьяне Альтенмоса; они собрались туда, чтобы посмотрѣть, каковъ изъ себя милліонщикъ.

Францъ, оставайся на родинѣ!

Деревья, окаймлявшія дворъ Гульдейзнера, отбрасывали длинныя тѣни; тѣни эти достигали полей, пересѣкали ихъ и снова поднимались по другую сторону горной равнины, такъ какъ дѣло было къ вечеру. Три человѣка шли по дорогѣ, расположенной среди полей, по направленію къ двору. Это были: Іосифъ, Родель и Яковъ изъ Рейтгофа. Согласно условію, всѣ трое сошлись вмѣстѣ и поднялись на гору; теперь надо было попытать счастья.

Дворъ состоялъ изъ многочисленныхъ построекъ. Тутъ были конюшни, овины, гумна, амбары и два жилыхъ помѣщенія; все это содержалось въ полномъ порядкѣ и выглядѣло красиво. Одинъ изъ домовъ, меньшій по объему, почти совсѣмъ утопалъ въ зелени вишневыхъ деревьевъ и состоялъ изъ одной комнатки, которая, за отсутствіемъ «стариковъ» [1]), пустовала. Другой, пустой домъ, стоялъ

[1]) Въ Австріи старики-крестьяне иногда еще при жизни выдѣляютъ старшаго

какъ-бы въ центрѣ другихъ построекъ и тѣмъ не менѣе былъ расположенъ такъ, что изъ многочисленныхъ оконъ его можно было свободно смотрѣть вдаль; къ одной изъ стѣнъ его были прибиты бѣлые мишени для стрѣльбы съ черными центрами по серединѣ; Гульдейзнеръ имѣлъ обыкновеніе стрѣлять въ цѣль, когда въ его лѣсу переводились козули, и собственноручно прибивалъ къ стѣнѣ мишени съ удачными выстрѣлами.

Передъ этимъ-то послѣднимъ зданіемъ и остановились наши три знакомца, чтобы немного отдышаться и окинуть взоромъ окружающую мѣстность. Изъ двора Гульдейзнера видъ былъ шире и красивѣе, чѣмъ изъ другихъ мѣстъ Альтенмоса. Минуя деревья, суживавшія внизу горизонтъ, глазъ могъ видѣть мягкіе очертанія далекихъ синѣющихъ горъ, которыя стояли уже въ чужой сторонѣ. Первые лучи заходящаго солнца падали прямо въ окна Гульдейзнера и освѣщали его постель и его кофейникъ, если послѣдній стоялъ уже на столѣ. Нижерасположеннымъ домамъ было не такъ хорошо; въ Рейтгофѣ вовсе не было кофейниковъ, и въ то время, какъ въ Гульдейзенгофѣ уже сіяло солнце, тамъ люди должны были глотать свой утренній молочный супъ въ потемкахъ.

— Здѣсь на горахъ хорошо,—сказалъ Іосифъ.

— А все же хлѣбъ поспѣваетъ здѣсь дней на восемь позднѣе, чѣмъ у насъ внизу, возразилъ Родель.

— Зато тутъ зерно тяжелѣе,—промолвилъ Яковъ.—Все, что растетъ здѣсь наверху, плотнѣе и богаче зерномъ. Будь это моя земля, я бы ее не продалъ.

Напротивъ дома, около дровянаго сарая, стояла большая черная цѣпная собака съ посеребреннымъ ошейникомъ. Она не рвалась на своей цѣпи, не ворчала и не лаяла безпокойно, какъ это дѣлали маленькія вѣчно лающія собаки, привязанныя къ другимъ домамъ; она только слегка звякала своею цѣпью и отъ времени до времени внушительно рычала.

Крестьяне вошли въ домъ и безъ долгихъ церемоній прошли въ самую большую комнату.

Тамъ никого не было. Они сѣли на скамейку, стоявшую вдоль стѣны, и Іосифъ и Родель закурили трубки. Яковъ не курилъ; онъ осматривалъ комнату и мысленно говорилъ себѣ: «Она не лучше моей, но больше. Столовъ здѣсь два, такъ какъ одного было бы мало для такого количества людей. Въ углахъ комнатъ изображенія святыхъ такія же, какъ у меня. На стѣнѣ, надъ столами кожаные футляры для ложекъ также такіе, какъ у меня, только ихъ гораздо больше. Двадцать шесть ложекъ, притомъ большихъ! Въ такомъ домѣ ежедневно требуется не мало всего! Двадцать шесть ложекъ! А сколько еще они ѣдятъ вилкой! А пальцами! И сколько они пьютъ! У Гульдейзнера, говорятъ,

---

сына, но сами остаются жить при немъ, получая даровое помѣщеніе, содержаніе, а иногда и извѣстную долю дохода.

живется не плохо. Онъ самъ любитъ пожить, но и своимъ людямъ кое-что позволяетъ. Вѣдь въ числѣ работниковъ Гульдейзнера есть не мало близкихъ его родственниковъ. Ну, это хорошо».

Размышляя каждый по своему, сидѣли они въ ожиданіи въ большой мрачной комнатѣ. Всѣ окна были заперты, но крестьяне обыкновенно не замѣчаютъ, что воздухъ въ такомъ помѣщеніи немного портится. Старые, уныло тикающіе стѣнные часы за большой кафельной печкой показывали уже седьмой часъ пополудни. Послѣдніе, еще яркіе лучи солнца, отражаясь отъ лежащихъ по близости лѣсистыхъ горъ, проникали въ окна, разливая слабый зеленоватый свѣтъ.

Но вотъ изъ кухни явилась круглолицая служанка съ тоненькими косичками, привѣтливыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Она попросила крестьянъ немного подождать, если они имѣютъ какое-нибудь дѣло къ Гульдейзнеру, а потомъ пройти въ маленькую комнату. Онъ де только всталъ.

Когда затѣмъ служанка вернулась къ плитѣ, на которой трещалъ огонь, Іосифъ ухмыльнулся, и насмѣшливая улыбка его была гораздо выразительнѣе произнесенныхъ имъ словъ: «Это была она».

— Посмотри-ка въ окно,—сказалъ Родель и провелъ рукой по воздуху: тамъ у колодца стоитъ еще одна.

— Вѣрно,—продолжалъ Іосифъ,—одна опрятнѣе другой. Вотъ черные глаза! Они чернѣе чорта!

— И, весьма вѣроятно, опаснѣе его,—сказалъ Родель.

— А тамъ въ саду еще кто-то,—сказалъ Іосифъ.

— И взаправду!— воскликнулъ Родель:—эта красивѣе всѣхъ. Она поливаетъ салатъ. Право, при ея поливкѣ все должно расти хорошо!

— Однако, бабьё здѣсь на горахъ носитъ не слишкомъ-то длинную одежду.

— Это ничего, вѣдь не драные же на нихъ чулки.

— Да, почитай, ихъ и вовсе нѣтъ.

— Гульдейзнеру это нравится; онъ позволяетъ своимъ служанкамъ ѣсть сколько онѣ желаютъ, но на одежду онѣ должны быть бережливы, говоритъ онъ.

— Это пріятно, когда тепло.

Такъ судачили они, ибо и мужчины способны на это, когда имъ скучно. Гульдейзнеръ не былъ женатъ, умѣлъ выбирать для своего двора самыхъ трудолюбивыхъ и расторопныхъ работниковъ, и такимъ образомъ работа шла всегда бодро и быстро.

— Въ томъ-то и горе,—вдругъ сказалъ Яковъ, тяжело вздыхая.

— Ты говоришь, сосѣдъ, о бережливости относительно одежды?— спросилъ Родель.

— Если бы у него, у Гульдейзнера, были дѣти, законныя дѣти, онъ былъ бы пригвожденъ къ своему дому и къ своей землѣ!—такъ говорилъ Яковъ.

Тутъ служанка снова появилась и сказала, что теперь уже они могутъ идти въ маленькую комнату.

— Съ Божьей помощью!—сказалъ Родель и подмигнулъ своимъ единственнымъ глазомъ:—примемся-ка за него.

И они отправились въ сосѣднюю комнатку, залитую свѣтомъ, такъ какъ большое чистое окно ея было обращено въ сторону заката. И какъ роскошно все было устроено! На окнахъ висѣли розовыя занавѣси, которыя были придѣланы къ желѣзнымъ колечкамъ и могли задергиваться. На стѣнахъ, надъ красиво-выточенными шкафами, находились фарфоровыя кружки и тарелки; напротивъ двери, свѣшивалось зеркало, такъ что входившіе въ комнату могли видѣть въ немъ свои ноги, какъ бы спускающіяся по наклонному полу. Далѣе на стѣнѣ виднѣлась пара вѣтвистыхъ оленьихъ роговъ, ружье и охотничій ножъ. На кровати и на стульяхъ былъ ужасный безпорядокъ, а самъ Гульдейзнеръ сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ у ненакрытаго коричневаго столика и жадно уписывалъ своей утренній кофе, при чемъ засунулъ свое лицо въ чашку, такъ что вошедшіе ничего не могли разглядѣть, кромѣ черной, взъерошенной массы волосъ.

— Идите, идите сюда, сосѣди! крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, наполовину высунувшись изъ чашки. Затѣмъ онъ съ шумомъ отставилъ ее, и крестьяне очутились лицомъ къ лицу съ своимъ богатымъ собратомъ. Круглая голова его сидѣла на короткой, толстой шеѣ, уходившей въ широкія плечи. Густые волосы были всклокочены, лицо было блѣдно и мало, скулы и щеки рѣзко выдавались впередъ; черные глаза его такъ и бѣгали, брови были взъерошены, а неуклюжій вздернутый носъ имѣлъ ту особенность, что ноздри его широко раздувались при всякомъ волненіи. Единственная часть лица, о которой онъ видимо заботился, были усы; они были черны, какъ уголь, и наводили на мысль, не краситъ ли онъ ихъ, такъ густы, коротко острижены и рѣзко очерчены бритвой, что казались валикомъ изъ войлока, приклееннымъ между ртомъ и носомъ. Все остальное было тщательно сбрито—единственный признакъ того, что эта нескладная и косматая фигура принадлежала не простому лѣсному медвѣдю. И дѣйствительно, это былъ медвѣдь необыкновенный.

— Двигайтесь, двигайтесь!—крикнулъ онъ своимъ зычнымъ, почти оглушающимъ голосомъ; сейчасъ можно было замѣтить, что этотъ человѣкъ не привыкъ слишкомъ церемониться и не слишкомъ-то выбиралъ слова.

— Сразу не поймешь,—сказалъ Іосифъ:—встаешь ли ты только или ложишься уже спать.

Въ дѣйствительности онъ только еще вставалъ, но вѣдь такой богачъ можетъ перекраивать день, какъ ему вздумается, и никому не обязанъ давать въ этомъ отчета. Поэтому онъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей. Онъ посовѣтовалъ своимъ гостямъ сбросить со стульевъ

брюки и жилетъ и сѣсть, что они тотчасъ и исполнили. Затѣмъ, не вставая съ мѣста, онъ протянулъ руку къ стѣнной полкѣ, снялъ оттуда глиняный кувшинъ, налилъ три полныхъ стаканчика и закричалъ:

— Хотите водки?

— Ты, небось, можешь себѣ это позволять,—сказалъ Родель, проведя рукою по воздуху, какъ бы ловя муху.—Ты ни въ чемъ себя не стѣсняешь на своей горѣ, и ты правъ. На твоемъ мѣстѣ я поступалъ бы такъ же. Ты можешь жить лучше, чѣмъ какой-нибудь Кампельгеръ, который разъѣзжаетъ по странѣ, чтобы избавиться отъ своихъ денегъ и, хотя и можетъ купить на нихъ крестьянскіе дома, но не пріобрѣтетъ ни того уваженія, ни той прочности, какими пользуется Гульдейзнеръ и его дворъ.

— А, Кампельгеръ!— крикнулъ Гульдейзнеръ со смѣхомъ.

Іосифъ сталъ учащенно выдувать дымъ изъ трубки.

— Слышалъ ли ты,—сказалъ онъ затѣмъ и снова выпустилъ дымъ, слышалъ ли ты новѣйшій вздоръ, который распространяютъ въ Альтенмосѣ? Тебя это позабавитъ.

— А, вздоръ? Такъ!—крякнулъ Гульдейзнеръ.

— Да, да! Говорятъ, что Гульдейзнеръ хочетъ продать свой домъ, вотъ что.

— Такъ вотъ что говорятъ?—спросилъ Гульдейзнеръ съ громкимъ смѣхомъ.

— Но это, конечно, неправда,—продолжалъ Яковъ.

— Почему бы это была неправда?—огрызнулся на него Гульдейзнеръ.—Завтра я велю запречь лошадей и поѣду къ Кампельгеру въ Зандебенъ. Я вѣдь не дуракъ!

— Гнаться за нимъ?—спросилъ Іосифъ.—Я бы за нимъ не погнался. А будь я Гульдейзнеромъ, и совсѣмъ бы не поѣхалъ. Насколько я знаю, никогда еще Гульдейзнеръ не гнался ни за крестьяниномъ, ни за бариномъ. Если баринъ чего-нибудь пожелаетъ, онъ и самъ пріѣдетъ.

— Гульдейзнеръ самъ знаетъ, что онъ долженъ дѣлать,—сказалъ носитель этого имени, схвативъ одинъ изъ стаканчиковъ, наполненныхъ имъ для гостей, и вылилъ его содержимое въ свою собственную глотку.

Тогда и Яковъ вставилъ свое слово:

— Сосѣдъ, ты шутишь. Ты не продаешь своего дома. Если бы кто-нибудь изъ насъ, мелкихъ крестьянъ, хотѣлъ избавиться отъ своего жалкаго клочка земли—избави меня, Боже, отъ такой мысли!—то это было бы понятно. Но чтобъ ты, предки котораго поселились въ этихъ горахъ съ незапамятныхъ временъ, который живетъ здѣсь лучше и свободнѣе какого-нибудь графа, котораго всѣ въ округѣ любятъ, которому во всемъ удача, передъ которымъ, сказалъ бы я, почтительно преклоняются деревья и которому даже сами камни уступаютъ дорогу, чтобы ты продалъ свою землю, выселился бы! Нѣтъ, Гульдейзнеръ, это невозможно! Этого не можетъ быть.

— Этого не можетъ быть?—спросилъ Гульдейзнеръ и забарабанилъ

пальцами по столу.—А все-таки это такъ будетъ. Какъ бы ни было благоустроено крестьянское владѣніе, оно всегда доставляетъ много заботъ и непріятностей. Зачѣмъ я стану безпокоиться и маяться въ этихъ горахъ? Мнѣ въ этомъ нѣтъ нужды. Я переѣду въ долину Фрейзинга, не буду имѣть хлопотъ съ работниками и сосѣдями,—какъ здѣсь, гдѣ каждую минуту кто-нибудь приходитъ клянчить: одинъ проситъ дровъ, другой—сѣмянъ, третій—сѣна или соломы, четвертый—телѣгу, пятый—рабочихъ и т. под.! А сколько возни съ податнымъ управленіемъ: каждый годъ плати все больше и больше, и такъ безъ конца. А сколько безпокойствъ: весною ждешь дождя, въ сѣнокосъ вёдра, въ посѣвъ опять дождя, потомъ просишь вѣтра, чтобы поднялся поваленный дождемъ хлѣбъ; зацвѣлъ хлѣбъ—надо молить о безвѣтріи, наступитъ жатва—о солнечной погодѣ, наступитъ осень, когда озимое зерно всходитъ,—о скоромъ выпаденіи снѣга; зимою, во время рубки лѣса, желаешь хорошаго саннаго пути,—словомъ, всегда и во всемъ приходится всецѣло зависѣть отъ Бога да отъ погоды. Не такой я дуракъ, чтобы вести подобную жизнь.

Въ пылу своей рѣчи онъ выпилъ второй стаканъ.

— То, что ты говоришь, дѣйствительно правда,—согласился Яковъ:—отъ Бога человѣкъ всегда зависитъ.

— Когда я буду сидѣть далеко отсюда въ моихъ хоромахъ и отрѣзывать купоны, то какого мнѣ чорта ваша погода и вашъ вѣтеръ!—крикнулъ Гульдейзнеръ.

Родель выдвинулся немного впередъ и сказалъ:

— Нельзя ли спросить, сколько онъ даетъ тебѣ?

— Не тайна,—коротко и рѣзко отвѣтилъ Гульдейзнеръ.—За все, какъ оно есть, тридать тысячъ гульденовъ, чистоганомъ.

Крестьяне переглянулись.

— Гульдейзнеръ,—сказалъ послѣ это Родель: — теперь я обезоруженъ и не могу тебя отговаривать. Это большія деньги!

— Нужно было бы быть дуракомъ!

— Это чортовски много денегъ!

Яковъ положилъ свою руку на плечо Гульдейзнера и сказалъ:

— А я все-таки отговариваю. Сосѣдъ, подумай хорошенько. Если ты возьмешь изъ своихъ лѣсовъ горную молодую лиственницу и перенесешь ее въ долину, перенесешь вмѣстѣ съ корнями и дашь ей тамъ лучшую землю и самое жирное удобреніе, и влаги и солнца будетъ столько, сколько ты желаешь, вѣдь лиственница погибнетъ. Горное дерево нельзя переносить, а если оно уже совсѣмъ выросло, тѣмъ болѣе! То же будетъ и съ жителемъ горъ.

— Вздоръ,—со смѣхомъ сказалъ Гульдейзнеръ.—Переходъ отъ худшаго къ лучшему человѣкъ всегда могъ вынести. Когда наши ребята дѣлаются солдатами, и начальники помыкаютъ ими, тогда, конечно, на чужбинѣ имъ не нравится, этому я вѣрю. Дровосѣкъ Симонъ также про-

жилъ въ Альтенмосѣ до сорока лѣтъ; теперь онъ состоитъ надсмотрщикомъ въ Кребсау. Онъ вовсе не сохнетъ тамъ, какъ пересаженная лиственница, а толстѣетъ и жирѣетъ и не имѣетъ никакого желанія вернуться въ Альтенмосъ. Нужно быть для этого дуракомъ!

— Каждый, по мѣрѣ возможности, добивается лучшаго,—сказалъ Родель, пожимая плечами:—но это опасно. Сначала надо хорошо обдумать, сосѣдъ, хорошо обдумать!

— Если бы дворъ Гульдейзнера сдѣлался господскимъ, то грустно было бы въ Альтенмосѣ,—сказалъ Яковъ печально.

На это никто не отвѣтилъ.

— Сосѣдъ,—продолжалъ Яковъ,—останься тутъ! Ты нашего поля ягода. Твои предки родились и умерли въ этомъ мѣстѣ, были довольны своею жизнью и дожили до такихъ лѣтъ, какихъ рѣдко достигаютъ тамъ, на чужбинѣ. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ высокія ели стоятъ передъ твоимъ домомъ, тамъ на дворѣ, ни одинъ Гульдейзнеръ не дѣлалъ чего-либо изъ-за денегъ или господской милости. Вездѣ кругомъ этотъ дворъ извѣстенъ и пользуется большимъ уваженіемъ, какъ насиженное родовое гнѣздо, гдѣ всегда царствовала непоколебимая честность! Кровь Гульдейзнеровъ здѣсь подобна свѣжему источнику, который тамъ въ городѣ затерялся бы и пропалъ въ пескѣ. Да и ради насъ, Францъ, не покидай своего гнѣзда. У тебя въ Альтенмосѣ много родныхъ; люди, нуждающіеся въ твоей помощи, находятъ въ тебѣ поддержку; а тебѣ вѣдь это ничего не стоитъ, ты силенъ. Тебѣ здѣсь хорошо, оставайся у насъ. Ты знаешь, мы всѣ стоимъ другъ за друга, и, случись съ тобой что-либо недоброе,—чего Боже избави!—мы будемъ тебѣ вѣрными товарищами, какъ и ты намъ.

— Довольно, Рейтгоферъ,—равнодушно перебилъ его Гульдейзнеръ.

— Нѣтъ, это невозможно,—продолжалъ Яковъ:—ты не можешь уйти; попробуй только, и ты увидишь, что не можешь. Ты увидишь, какъ человѣкъ сродняется съ своей землей, со всѣми травами и деревьями, на ней растущими, даже съ жукомъ на травинкѣ и съ птицей на верхушкѣ дерева, не говоря уже о скотинѣ на пастбищѣ. Ты самъ увидишь! Ты теперь въ полной силѣ и въ эти годы ты не можешь жить безъ работы, или работа безъ тебя; безъ работы крестьянинъ сохнетъ, повѣрь мнѣ. Если ужъ ты хочешь измѣнить что-нибудь, Гульдейзнеръ, то возьми себѣ хорошую хозяйку. Ты можешь имѣть большой выборъ. Только имѣя жену и дѣтей, дорогихъ твоему сердцу, ты поймешь, чего стоитъ твой прочный дворъ. Францъ, обѣщай намъ! Оставайся на родинѣ!

Пока Яковъ произносилъ эти слова, Гульдейзнеръ осушилъ и третій стаканъ водки. Теперь ноздри его раздулись отъ гнѣва.

— Благодарю!—сказалъ онъ задыхаясь:—въ опекунѣ я не нуждаюсь. Женатъ ли я или холостъ, это совсѣмъ не твое дѣло, проклятый кротъ. Да что съ вами толковать:—вотъ Богъ, а вотъ порогъ!

— Та, та, та, Гульдейзнеръ,—замѣтилъ Іосифъ въ то время, какъ всѣ три крестьянина вставали:—не трудись выгонять насъ, мы и сами, добровольно, уйдемъ. Спокойной ночи или добраго утра, какъ тебѣ угодно!

Вотъ чего добились мужики у Гульдейзнера.

— Это я испортилъ дѣло,—сказалъ Яковъ, когда они вышли изъ дому:—я слишкомъ сильно задѣлъ его.

— Задѣлъ ли, нѣтъ ли, а лобъ у него мѣдный,—отвѣтилъ Родель.

Спускаясь между огородомъ и лугомъ по переулку, огороженному заборами, они увидѣли молодую, коренастую женщину, которая была занята скатываньемъ полосокъ холста, разостланнаго на лугу для бѣленія.

— Тоже Гульдейзнерша,—пробормоталъ Іосифъ:—а возьметъ ли онъ ее въ свои господскія хоромы?

— Я думаю,—сказалъ Родель съ усмѣшкой:—онъ ее намъ оставитъ. Нужно вѣдь, чтобы его родъ не совсѣмъ прекратился въ Альтенмосѣ.

Покачавъ головой, они стали спускаться въ долину. Внизу, гдѣ дорога шла между молодыми всходами, они встрѣтили лѣсничаго, или «господина лѣсничаго», какъ его называли въ той мѣстности. Это былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, въ охотничьемъ костюмѣ и всегда съ ружьемъ на спинѣ. Но одежда горца, казалось, не слишкомъ подходила къ этой фигурѣ, она не слишкомъ-то шла къ страннымъ подчасъ движеніямъ этого человѣка. А лицо? Прекрасная, рыжая, окладистая борода искупала все то, что, быть можетъ, портили маленькіе проницательные глаза и безобразно-длинный носъ. Онъ былъ чужеземецъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ получилъ мѣсто у владѣтелей Рабенберга и теперь находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Кампельгеромъ, который, какъ говорятъ, хотѣлъ купить и лѣса Рабенберга.

— Дома ли Гульдейзнеръ?—спросилъ онъ крестьянъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, произнося слова нѣсколько въ носъ.

— Нѣтъ, господинъ лѣсничій, — отвѣтилъ Родель: — не трудитесь подниматься.

— Тогда я лучше поверну оглобли,—проворчалъ лѣсникъ и свернулъ въ сторону на лѣсную тропинку.

— Отчего ты ему совралъ?—спросилъ Яковъ своего сосѣда.

— Онъ бы тотчасъ взобрался на гору и купилъ бы его усадьбу,—отвѣтилъ Родель.

— Неправдой мы ничему не помѣшаемъ, — сказалъ Яковъ: — зло надо побивать добромъ. Но я думаю, онъ не продастъ. Все это онъ говорилъ изъ упрямства,

— И изъ упрямства же онъ это и сдѣлаетъ. Сосѣдній дворъ Гульдейзнера пропалъ.

Такъ говорилъ Родель.

Скоро послѣ этого дороги ихъ разошлись. Яковъ, пробираясь домой, долго еще думалъ: «Францъ благоразуменъ, онъ этого не сдѣлаетъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Развивается ли капитализмъ въ русскомъ землевладѣніи?

(Отвѣтъ моимъ критикамъ).

Появившаяся въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ книжка моя «Экономическое положеніе русской деревни», какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчена была въ русской печати весьма недружелюбно. Если бы дѣло ограничилось личными нападками по адресу автора и переводчика, можно было бы избавить читателей отъ полемики. Но возраженія моихъ критиковъ затрогиваютъ весьма серьезные вопросы, на которые, какъ признаютъ мои критики, я первый—худо ли, хорошоли —попытался отвѣтить съ извѣстной точки зрѣнія съ цифрами въ рукахъ. Это обязываетъ меня стать на защиту моихъ цифръ отъ направленной противъ нихъ аттаки.

I.

Главное возраженіе, которое дѣлаютъ мои оппоненты, состоитъ въ томъ, что выводы по нѣсколькимъ уѣздамъ нельзя распространять на всю Россію. На самомъ дѣлѣ мои источники включаютъ не менѣе уѣздовъ, нежели обслѣдовано было въ 1880 году, когда г. В. В. сталъ писать свои статьи о капитализмѣ. «Судьбы капитализма въ Россіи» вышли отдѣльной книгой въ 1882 г., когда всего обслѣдованы были три губерніи: Московская, Тамбовская и Рязанская. Это не мѣшаетъ этой книгѣ и по сейчасъ оставаться библіей народничества.

Не могъ я воспользоваться для своей англійской книги сводками гг. В. В., Карышева, Благовѣщенскаго и др. по той простой причинѣ, что она сдана была въ печать лѣтомъ 1892 г., т.-е. ранѣе выхода этихъ сводныхъ работъ. Но если бы онѣ и были у меня во время подъ руками, я предпочелъ бы для своей работы сырой статистическій матеріалъ земскихъ сборниковъ своднымъ даннымъ, освѣщеннымъ сквозь призму экономической школы, воззрѣній которой я не раздѣляю. Конечно, я могъ озаглавить свое сочиненіе: «Экономическое положеніе деревни въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Рязанской и Воронежской губ.». Тогда главное возраженіе моихъ противниковъ пало бы само собой. Но что такого особеннаго случилось въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ, что бы выдѣлило ихъ изъ всей массы средне-русскихъ уѣздовъ? Удѣльныя войны прекратились уже давно, и оба вышеозначенные уѣзда наслаждаются миромъ и спокойствіемъ наравнѣ съ сосѣдними Ряжскимъ и Скопинскимъ уѣздами. Нашествіе галловъ и съ ними двунадесяти

языкъ, кажется, Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ не коснулось. Посылались, правда, военныя команды въ эти уѣзды при введеніи уставныхъ грамотъ; но, слышно, тоже бывало и въ другихъ уѣздахъ. Законы царя Вахтанга, литовскій статутъ, кодексъ Наполеона и римское право на Данковскій и Раненбургскій уѣзды не распространяются, а управляются они на основаніи общихъ дѣйствующихъ въ имперіи законовъ. Словомъ, уѣзды какъ уѣзды и, если можно такъ выразиться, «особыхъ примѣтъ не имѣютъ». Гдѣ же научное основаніе для выдѣленія этихъ двухъ уѣздовъ въ соціально-экономическомъ отношеніи изъ всей массы уѣздовъ средней черноземной полосы? Развѣ недостаточность надѣловъ, аренда внѣнадѣльной и надѣльной земли, сторонніе заработки, отхожіе промыслы, семейные раздѣлы, безлошадность, безхозяйность и т. п.—явленія, исключительно свойственныя Данковскому и Раненбургскому уѣздамъ и совершенно неслыханныя въ остальной Россіи? И если между этими явленіями существуетъ причинная связь, то почему же она будетъ иная въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ, чѣмъ въ остальной Россіи?

По мѣрѣ выхода земскихъ статистическихъ сборниковъ самыя характерныя цифры приводились въ журнальныхъ и газетныхъ обозрѣніяхъ, вполнѣ доступныхъ и читателю неспеціалисту. Кто внимательно слѣдилъ за экономическимъ отдѣломъ русскихъ журналовъ, знаетъ, и не видавши сотенъ томовъ земской статистики, что указанныя выше явленія деревенской экономіи, повторяются съ числовыми колебаніями во всей Россіи. Эти числовыя колебанія выражаютъ лишь различную степень экономической эволюціи. Чтобы не быть голословнымъ, приведу подлинныя цифры, выбранныя мною по 38 уѣздамъ [1]). Таблицы охватываютъ около четверти района, обслѣдованнаго земской статистикой къ началу 90-хъ годовъ, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

	Губерній.	Уѣздовъ.	Общинъ.	Дворовъ.	Душъ обоего пола.
Весь районъ земско-статистическаго изслѣдованія	25	148	50.429	3.309.020	19.693.191
Вошло въ прилагаемыя таблицы. .	6	38	14.117	915.323	5.756.664

Въ мою задачу входило лишь изученіе средней земледѣльческой полосы, вслѣдствіе чего имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи данныя по губерніямъ Петербугской, Московской, Вятской, Новгородской, Полтавской и Таврической не включены въ таблицы. Но если выключить изъ района земско-статистическаго изслѣдованія промышленную и сѣверную земледѣльческую полосы, то окажется, что прилагаемыя таблицы обнимаютъ весьма значительную часть средней земледѣльческой полосы.

Въ слѣдующей таблицѣ (I) представлены сравнительныя данныя о численности средней семьи и распредѣленіе дворовъ по рабочимъ силамъ:

---

[1]) Таблицы эти должны были войти въ приложеніе къ переводу моей книги (см. стр. VIII), но дошли по назначенію уже тогда, когда вся книга была отпечатана.

Таблица I.

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	НАСЕЛЕНІЕ.					Распредѣленіе по рабочимъ силамъ.			
	Душъ обоего пола на 1 семью.			Раб. на 1 семью.					
	По X ревизіи.	По земск. перепп.	Убыль	По X ревизіи.	По земск. перепп.	Безъ работ.	Съ 1 работ.	Съ 2 работ.	Съ 3 и бол. р.
Смоленская губ.									
Вяземскій уѣздъ	8,6	5,9	2,7	2,0	1,5	—	—	—	—
Сычевскій »	8,2	5,6	2,6	1,9	1,4	11	51	27	11
Гжатскій »	7,0	5,0	2,0	1,6	1,3	13	54	23	10
Юхновскій »	8,2	6,1	2,1	1,9	1,4	10	48	28	14
Дорогобужскій »	9,3	6,6	2,7	2,2	1,6	7	50	29	14
Духовщинскій »	9,7	6,5	3,2	2,3	1,5	6	52	29	13
Орловская губ.									
Болховскій уѣздъ.....	—	6,4	—	—	1,6	7	50	29	14
Карачевскій »	—	6,3	—	—	1,6	6	50	29	15
Кромской »	—	6,2	—	—	1,5	7	49	29	15
Дмитровскій »	—	6,6	—	—	1,7	—	—	—	—
Рязанская губ.									
Раненбургскій уѣздъ.....	9,7	6,4	3,3	2,2	1,5	7	—	—	—
Данковскій »	9,7	6,4	3,3	2.2	1,5	6	—	—	—
Скопинскій »	10,2	6,9	3,3	2,4	1,6	5	—	—	—
Рязанскій »	8,1	6,3	1,8	2,0	1,5	—	—	—	—
Воронежская губ.									
Нижнедѣвицкій уѣздъ.....	11,4	7,8	3,6	2,7	1,9	4	44	32	20
Коротоякскій »	10,3	7,3	3,0	2,4	1,8	5	46	31	18
Задонскій »	10,4	6,8	3,6	2,5	1,7	5	51	30	14
Богучарскій »	10,0	6,6	3,4	2,3	1,5	5	50	30	15
Землянскій »	10,9	7,1	3,8	2,6	1,7	5	50	29	16
Валуйскій »	9,4	6,6	2,8	2,2	1,7	5	50	31	14
Новохоперскій »	9,8	7,0	2,8	2,3	1,7	6	47	30	17
Бобровскій »	9,5	6,8	2,7	2,2	1,6	7	52	27	14
Бирючинскій »	9,5	6,9	2,6	2,3	1,6	8	48	29	15
Павловскій »	7,9	7,0	0,9	1,9	1,7	6	50	28	16
Острогожскій »	8,1	6,7	1,4	1,9	1,6	6	53	29	14
Воронежскій »	—	6,7	—	—	1,6	6	50	28	16
Тамбовская губ.									
Моршанскій уѣздъ.....	8,6	6,9	1,7	2,1	1,7	—	—	—	—
Борисоглѣбскій »	9,6	6,9	2,7	2,0	1,6	—	—	—	—
Саратовская губ.									
Саратовскій уѣздъ.....	8,0	5,4	2,6	1,8	1,3	10	—	—	—
Царицынскій »	8,0	5,7	2,3	2,0	1,3	7	—	—	—
Петровскій »	8,8	5,5	3,3	2,0	1,4	7	—	—	—
Аткарскій »	8,5	5,7	2,8	2,0	1,1	8	—	—	—
Хвалынскій »	8,1	5,9	2,2	1,9	1,3	—	—	—	—
Балашовскій »	8,4	6,5	1,9	2,0	1,6	5	47	31	17
Кузнецкій »	7,4	5,9	1,5	1,8	1,4	8	50	33	9

Наличный составъ средней семьи колеблется въ предѣлахъ между 5,0 и 7,8 душъ обоего пола. Въ уѣздахъ, доставившихъ мнѣ матеріалъ для выводовъ о семейныхъ раздѣлахъ, средняя численность семьи колеблется между 6,4 и 7,8 душъ обоего пола. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ дѣйствительности прослѣженныя нами явленія

*

распаденія сложной семьи выражены гораздо рѣзче, чѣмъ показано въ моей книгѣ. Убыль средней семьи въ пореформенную эпоху колеблется между 0,9 и 3,8 душъ обоего пола. Въ уѣздахъ, изслѣдованныхъ въ моей книгѣ, та же цифра колеблется между 3,0 и 3,6. Это значитъ, что въ избранныхъ мною уѣздахъ вліяніе семейныхъ раздѣловъ сказалось рѣзче, нежели въ другихъ мѣстностяхъ. Но это произошло потому, что въ другихъ мѣстностяхъ процессъ разложенія патріархальной семьи начался гораздо раньше, еще до X ревизіи. Такъ средняя ревизская семья колеблется между 7,0 и 11,4 душъ обоего пола, т.-е. въ нѣкоторыхъ случаяхъ патріархальная семья успѣла уже въ дореформенную эпоху дойти до той ступени разложенія, на какой мы застали ее въ Нижнедѣвицкомъ и Коротоякскомъ уѣздахъ. То же подтверждаютъ и данныя графы о числѣ взрослыхъ рабочихъ на среднюю семью. Цифра тутъ колеблется между 1,1 и 1,9 на одну семью; въ книгѣ же колебанія показаны въ предѣлахъ отъ 1,5 до 1,9. Въ эпоху X ревизіи эта цифра колебалась между 1,6 и 2,7 на семью, въ книгѣ же она движется въ предѣлахъ между 2,2 и 2,7, т.-е. снова повторяется тотъ же выводъ, что избранный мною для изученія районъ въ эпоху освобожденія сохранялъ еще болѣе патріархальный отпечатокъ, чѣмъ другія мѣстности средней земледѣльческой полосы. Наиболѣе многочисленной въ настоящее время является группа одиночекъ, включающая въ себя около половины всѣхъ домохозяевъ (отъ 44 до 55%). «Сильные» дворы стараго закала съ тремя и болѣе взрослыми рабочими составляютъ уже повсюду весьма незначительное меньшинство: отъ 9 до 20%. Максимума число такихъ дворовъ достигаетъ въ Нижнедѣвицкомъ и Коротоякскомъ уѣздахъ—тѣхъ именно, на которыхъ построены всѣ выводы. Средняя группа съ 2 взрослыми рабочими на семью заключаетъ въ себѣ отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ всѣхъ дворовъ (отъ 17 до 33%); и тутъ также оказывается, что эта переходная группа въ уѣздахъ Нижнедѣвицкомъ и Коротоякскомъ удержалась прочнѣе, чѣмъ во всей остальной средней полосѣ. По семи уѣздамъ у насъ имѣются комбинаціонныя данныя для классификаціи семей, какъ по рабочимъ силамъ, такъ и по числу ѣдоковъ. Цифры эти даютъ возможность на основаніи средней численности семьи опредѣлить съ нѣкоторою степенью приближенія ея рабочую силу. Въ книгу вошли данныя только по двумъ уѣздамъ Воронежской губ. (стр. 105). Въ слѣдующей табличкѣ эти цифры сопоставлены съ цифрами по Саратовской губ.; выводъ получается тотъ же, что и прежде:

	Ѣдоковъ на одну семью.			
Уѣзды.	Безъ рабоч.	Съ 1 раб.	Съ 2 раб.	Съ 3 и болѣе раб.
Коротоякскій	3,2	5,4	7,8	12,2
Нижнедѣвицкій	3,9	5,7	8,1	12,3
Вольскій	2,2	4,8	6,8	11,4
Кузнецкій	2,6	4,5	6,6	11,8
Камышинскій	3,0	4,2	7,8	11,5
Балашовскій	2,7	4,9	6,9	11,1
Сердобскій	2,7	4,8	8,0	10,8

Посмотримъ теперь, какъ группируется крестьянство по размѣрамъ скотоводства (табл. II):

Таблица II.

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Головъ крупнаго скота на 1 дворъ.	% дворовъ безъ всякаго скота.	Распредѣленіе по рабоч. скоту въ %.				
			Безъ рабочаго скота.	Слабыя хозяйства. Съ 1 лошадью.	Слабыя хозяйства. Тѣхъ и другихъ.	Съ 2-мя лошадьми.	Съ 3-мя и болѣе лошадьми.
Смоленская губ.							
1. Вяземскій уѣздъ	3,5	5	10	36	46	37	17
2. Сычевскій »	3,2	25	29	29	58	30	12
3. Гжатскій »	2,2	31	38	35	73	21	6
4. Юхновскій »	3,1	15	24	38	62	27	11
5. Дорогобужскій уѣздъ	4,6	10	14	23	37	34	29
6. Духовщинскій »	4,7	9	22	24	46	29	25
Орловская губ.							
7. Болховскій уѣздъ	3,2	17	25	33	58	26	16
8. Карачевскій »	3,6	17	23	33	56	27	17
9. Кромскій »	2,9	18	31	37	68	23	9
10. Дмитровскій »	2,7	—	—	—	—	—	—
Рязанская губ.							
11. Раненбургскій уѣздъ	2,6	25	35	27	62	20	18
12. Данковскій »	2,7	25	34	25	59	20	21
13 Скопинскій »	2,9	26	33	27	60	22	18
14. Рязанскій »	2,2	24	39	34	73	17	10
Воронежская губ.							
15. Нижнедѣвицкій уѣздъ	4,9	6	13	32	45	31	24
16. Коротоякскій »	5,3	6	13	31	46	32	24
17. Задонскій »	3,2	12	25	40	65	24	11
18. Богучарскій »	5,0	12	23	34	57	21	22
19. Землянскій »	3,9	9	21	36	57	27	16
20. Валуйскій »	4,5	9	23	34	57	23	20
21. Новохоперскій »	5,4	8	20	29	49	24	27
22. Бобровскій »	4,5	12	29	29	58	21	21
23. Бирючинскій »	3,7	15	28	36	64	20	16
24. Павловскій »	3,8	10	31	33	64	18	18
25. Острогожскій »	4,4	14	26	31	57	22	21
26. Воронежскій »	4,6	12	23	21	44	23	33
Тамбовская губ.							
27. Моршанскій у.	3,6	10	22	28	50	25	25
28. Борисоглѣбовскій у	5.1	10	18	28	46	25	29
Саратовская губ.							
29. Саратовскій уѣздъ	3,2	23	31	28	59	21	20
30. Царицынскій »	5,7	10	28	28	56	9	35
31. Петровскій »	3,5	10	18	28	46	26	18
32. Аткарскій »	4,4	15	22	20	42	20	28
33. Хвалынскій »	3,5	8	20	—	—	—	—
34. Балашовскій »	5,1	13	23	—	—	—	—
35. Кузнецкій »	3,0	14	27	—	-	—	—
36. Вольскій »	3,5	12	25	—	—	—	—
37. Камышинскій »	5,7	12	25	—	—	—	—
38. Сердобскій »	4,4	10	24	—	—	—	—
Среднее по таблицѣ.	—	14	24	—	—	—	—

Вполнѣ разорившихся дворовъ безъ всякаго скота насчитывается уже свыше 125,000, т.-е. около 800,000 душъ обоего пола только въ 37 уѣздахъ; средній процентъ по таблицѣ достигаетъ 14%. Колебанія по отдѣльнымъ уѣздамъ чрезвычайно рѣзки: отъ 5% въ Вяземскомъ и до 31% въ Гжатскомъ. Безлошадныхъ хозяйствъ въ таблицу занесено свыше 215,000, т.-е. около 1.300,000 душъ обоего пола. Это даетъ нѣкоторое понятіе о ростѣ деревенскаго пролетаріата въ Россіи. Средній процентъ по таблицѣ 24% съ отклоненіями, простирающимися отъ 10 до 39%. Уѣзды, разобранные въ моей книгѣ, представляютъ и образцы деревенскаго разоренія на всѣхъ его ступеняхъ; Нижнедѣвицкій и Коротоякскій уѣзды приближаются къ минимуму (6% безъ всякаго скота и 13% безлошадныхъ въ томъ и другомъ уѣздахъ); Раненбургскій и Данковскій близко подходятъ къ максимуму (25% безъ всякаго скота въ обоихъ, 35% безлошадныхъ въ первомъ и 34% во второмъ уѣздѣ); середину занимаетъ Задонскій (12% безъ всякаго скота, 25% безлошадныхъ). Группа однолошадныхъ представляетъ неменьшія колебанія (отъ 21% до 40%). Тѣ и другіе въ совокупности включаютъ отъ 37% до 73% всего наличнаго населенія, при чемъ въ 21 уѣздѣ эти двѣ слабосильныя группы составляютъ болѣе половины всего населенія, а въ 10 свыше трехъ восьмыхъ. Разобранные въ книгѣ уѣзды принадлежатъ къ той и другой категоріи. То же самое слѣдуетъ сказать и о двухъ остальныхъ группахъ.

Классификація по обработкѣ надѣла представляетъ такія же цифровыя колебанія, какъ видно изъ таблицы III:

Группа вполнѣ самостоятельныхъ хозяевъ, лично обрабатывающихъ весь надѣлъ, падаетъ отъ 93% до 43%; и тутъ цифры моей книги занимаютъ середину. Ублюдочная разновидность деревенскихъ пролетаріевъ, обрабатывающихъ свои надѣлы наемнымъ трудомъ, включаетъ отъ 7 до 25% всѣхъ дворовъ. Наконецъ, группа заправскихъ пролетаріевъ, сдающихъ весь надѣлъ, варьируетъ въ предѣлахъ между 3% и 22%. Также точно и пропорція хозяйствъ, сдающихъ либо часть надѣла, либо весь надѣлъ, т.-е. активно содѣйствующихъ замѣнѣ общиннаго землепользованія краткосрочною арендою, колеблется отъ 15 до 43%; въ изслѣдованныхъ нами уѣздахъ предѣлы эти—16% и 25%; въ 6 уѣздахъ общинные порядки оказываются гораздо сильнѣе подточенными, чѣмъ показано въ книгѣ. То же и съ пространствомъ надѣльной земли, фактически ускользающей изъ-подъ контроля общины путемъ сдачи въ аренду: минимумъ—6%, максимумъ—27%; въ изслѣдованныхъ уѣздахъ 7% и 10%.

Въ заключеніе обзора этихъ таблицъ нужно сказать, что количественныя уклоненія отъ средней цифры въ ту и другую сторону весьма рѣзки, но основные факторы русскаго земледѣльческаго хозяйства въ 30 слишкомъ уѣздахъ средней земледѣльческой полосы тѣ же, какъ и въ тѣхъ нѣсколькихъ уѣздахъ, на изученіи которыхъ построены мои

Таблица III.

ГУБЕРНІИ И УѢЗДЫ.	Распредѣленіе по обработкѣ земли въ %% ко всему населенію.							Отнош. над. аренд. ко всему над. въ %%.
	Обрабатывающихъ своимъ инвентаремъ.		Обраб. наймомъ.			Сдающ. весь надѣл. и безземельные.	Всего сдающихъ надѣлъ. или часть.	
	Весь надѣлъ.	Часть.	Весь.	Часть.	Итого.			
Смоленская губ.								
1. Вяземскій уѣздъ...	89	5	—	—	—	6	—	—
2. Сычевскій » ...	71	10	—	—	—	15	28	—
3. Гжатскій » ...	57	14	—	—	—	20	43	—
4. Юхновскій » ...	69	17	—	—	—	11	30	—
5. Дорогобужскій » ...	63	28	—	—	—	8	36	—
6. Духовщинскій » ...	78	12	—	—	—	8	20	—
Орловская губ.								
7. Болховскій уѣздъ...	71	4	13	5	18	7	—	—
8. Карачевскій » ...	73	5	11	4	15	7	—	—
9. Кромской » ...	68	3	18	6	24	5	—	—
10. Дмитровскій » ...	—	—	—	—	—	—	—	20
Рязанская губ.								
11. Раненбургскій уѣздъ.	60	7	14	7	21	12	25	10
12. Данковскій » .	62	7	13	7	20	11	24	7
13. Скопинскій » .	63	5	19	6	25	7	19	7
14. Рязанскій » .	69	—	—	—	23	11	—	—
Воронежская губ.								
15. Нижнедѣвицкій уѣздъ.	74	13	6	4	10	3	25	7
16. Коротоякскій » .	78	8	6	2	8	6	16	8
17. Задонскій » .	67	8	12	5	17	8	20	9
18. Богучарскій » .	43	26	13	10	23	8	15	6
19. Землянскій » .	70	10	9	6	15	5	20	9
20. Валуйскій » .	63	12	10	4	14	11	20	13
21. Навохоперскій » .	75	5	9	2	11	9	20	13
22. Бобровскій » .	62	6	12	5	17	15	26	13
23. Бирючинскій » .	67	5	12	3	15	13	21	11
24. Павловскій » .	65	5	12	3	15	15	18	8
25. Острогожскій » .	50	14	—	—	24	12	—	10
26. Воронежскій » .	71	9	7	—	7	13	26	10
Тамбовская губ.								
27. Моршанскій уѣздъ.	87	—	—	—	—	10	—	—
28. Борисоглѣбскій »	93	—	—	—	—	6	—	—
Саратовская губ.								
29. Саратовскій уѣздъ..	74	—	—	—	—	19	—	7
30. Царицынскій » ..	71	—	—	—	—	22	—	7
31. Петровскій » ..	77	—	—	—	—	8	—	27
32. Аткарскій » ..	80	—	—	—	—	9	—	8

выводы. Пользуясь сравнительнымъ методомъ, мы въ правѣ заключить, что и связь между этими факторами въ 30 слишкомъ уѣздахъ та же, какая выведена мною изъ данныхъ по нѣсколькимъ уѣздамъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что процессъ разложенія общины и развитія индивидуалистическаго хозяйства, который мы изучали въ зачаточной формѣ, мѣстами подвинулся гораздо дальше впередъ. Конечно, иной Ѳома невѣрующій и тутъ возразитъ: «что прока въ 38 уѣздахъ,— вонъ у г. Благовѣщенскаго ихъ уже болѣе сотни набралось. Пода-

вайте намъ еще сотню уѣздовъ!» На это предложеніе я отвѣчу другимъ: пусть мои оппоненты укажутъ мнѣ на основаніи данныхъ г. Благовѣщенскаго, въ чемъ мои выводы погрѣшаютъ противъ дѣйствительности. До тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлано, я имѣю научное основаніе довѣрять своимъ выводамъ, основаннымъ теперь на данныхъ, обнимающихъ свыше 900.000 дворовъ. Въ математикѣ, самой строгой изъ всѣхъ наукъ, многія положенія доказываются слѣдующимъ образомъ: если положеніе, вѣрное для n случаевъ, вѣрно и для $n+1$ случаевъ, то оно вѣрно для всѣхъ случаевъ. Если выводы, сдѣланные по 2 уѣздамъ, оказываются приложимыми къ 38-ми, то нѣтъ основанія сомнѣваться въ ихъ всеобщности. Дальнѣйшее нагроможденіе цифръ будетъ лишь роскошью, орнаментальной работой.

II.

Разсмотримъ теперь по порядку тѣ немногія возраженія по существу, какія встрѣчаются въ рецензіяхъ на мою книжку.

1. Рецензентъ «Міра Божія», сопоставляя мой выводъ объ исчезновеніи общинной аренды съ данными «сводки г. Карышева, вовсе не отрицающаго факта упадка общинныхъ арендъ», утверждаетъ, «что о такомъ вытѣсненіи пока можетъ быть рѣчь только для малоарендныхъ районовъ, а что въ мѣстностяхъ, гдѣ предложеніе земли велико,—и общинная аренда достигаетъ значительнаго развитія; такъ, по уѣздамъ Самарской губ. общинами снимается отъ 33,6 до 53,9% всей арендуемой земли». Слѣдуютъ ссылки на сравнительно многоземельныя губерніи, и между прочимъ на Борисоглѣбскій уѣздъ, гдѣ будто бы общинами снимается 68,8% всей арендуемой земли. Справляемся съ статистическимъ сборникомъ по Борисоглѣбскому уѣзду и читаемъ: «Для крестьянъ было бы выгоднѣе арендовать цѣлымъ обществомъ или, по крайней мѣрѣ, большими компаніями крупные участки на долгіе сроки: въ этомъ случаѣ арендныя цѣны почти вдвое ниже, чѣмъ при подесятинной съемкѣ земли. Между тѣмъ общественныя аренды, если не принимать въ расчетъ «расходовъ» для скота, составляютъ незначительный процентъ въ массѣ арендуемой крестьянами Борисоглѣбскаго уѣзда земли... Причина, препятствующая крестьянскимъ обществамъ арендовать земли въ цѣломъ своемъ составѣ, заключается въ развивающейся все болѣе и болѣе розни между отдѣльными домохозяевами, входящими въ составъ общества, а самая эта рознь является результатомъ имущественной неравномѣрности отдѣльныхъ дворовъ, проявляющейся все съ большею силою, благодаря особенно несоотвѣтствію размѣра надѣла съ составомъ и потребностями семьи: дворы съ малымъ надѣломъ при большой семьѣ истощаются настолько, что теряютъ кредитъ даже въ своемъ обществѣ, такъ какъ другіе дворы, съ большимъ надѣломъ, болѣе состоятельные, не рискуютъ заводить съ первыми общаго дѣла» (стр. 65—66).

Слова эти принадлежатъ не кому иному, какъ покойному В. И. Орлову, и вполнѣ совпадаютъ съ моими выводами (стр. 78 моей книжки). Ошибся ли рецензентъ «М. Б.», или г. Карышевъ, не знаю, да и неважно. Неоспоримо однако, что и въ виду столь поразительныхъ цифръ общинной аренды для степной и южной полосъ (отъ 33 до 68%) г. Карышевъ «не отрицаетъ факта упадка общинныхъ арендъ». Разница, стало быть, только количественная. Выходитъ, что съ этой оговоркой г. Карышевъ и рецензентъ «М. Б.» готовы принять мои выводы, что и требовалось доказать. (См. стр. VIII моего предисловія).

2. Побивши меня ссылкою на г. Карышева, г. рецензентъ затѣмъ заставляетъ меня самого себя высѣчь:

«На стр. 51 г. Гурвичъ, приводя три бюджета изъ «Борисоглѣбскаго Сборника», заключаетъ, что «даже наиболѣе благопріятно обставленныя группы русскаго крестьянства едва ли могутъ существовать, хотя бы кое-какъ, *хозяйствомъ на своихъ надѣлахъ*»; а на стр. 125 тотъ же г. Гурвичъ, но уже по воронежскимъ даннымъ, разбиваетъ крестьянство на три группы, при чемъ къ первой относитъ «тѣхъ, у которыхъ дохода отъ хозяйства достаточно для покрытія всѣхъ расходовъ двора, такъ что не представляется нужды *въ работѣ по найму*».

Гдѣ же тутъ противорѣчіе? Развѣ невозможность существовать *хозяйствомъ на своихъ надѣлахъ* непремѣнно влечетъ за собою необходимость *работать по найму?* Есть вѣдь еще и самостоятельное хозяйство на арендной землѣ. Мнимое противорѣчіе, открытое рецензентомъ, исчезло бы, если бы онъ привелъ и заключительную фразу первой выдержки: «Отсюда—экономическая зависимость крестьянина *во всѣхъ ея проявленіяхъ*».

3. Далѣе слѣдуетъ списокъ «скороспѣлыхъ и размашистыхъ выводовъ», изъ которыхъ рецензентъ останавливается на нижеслѣдующемъ:

«На стр. 88 г. Гурвичъ констатируетъ, что у нѣкоторой группы крестьянъ «сторонними заработками покрывается лишь дефицитъ земледѣльческаго хозяйства», и отсюда заключаетъ, что «заработная плата, взятая отдѣльно, должна стоять ниже уровня, необходимаго для удовлетворенія обычнаго размѣра жизненныхъ потребностей». Намъ кажется, что изъ подспорнаго характера какого-либо занятія вытекаетъ лишь возможность, а никакъ не необходимость ненормально низкаго уровня заработной платы».

О томъ, *чтобы эта возможность превратилась въ необходимость, заботится свободная конкуренція. Это азбука ученія о заработной платѣ.*

4. Въ чемъ заключается размашистость выводовъ на стр. 40, понять не могу. Проанализируемъ ее фразу за фразой:

«Неравенство въ земельномъ обезпеченіи двухъ главныхъ разря-

довъ крестьянъ (б. помѣщичьихъ и б. государственныхъ) объясняется вліяніемъ помѣщичьихъ интересовъ на реформу 1861 г.»

Это ли скороспѣлый выводъ?

«Дѣло въ томъ, что значительныя пространства земли отрѣзаны были отъ прежнихъ крестьянскихъ владѣній и поступили въ абсолютную собственность господъ.»

Или это тоже приложимо только къ Раненбургскому и Данковскому уѣздамъ?

«Нечего говорить, что при подобныхъ условіяхъ свободный крестьянинъ долженъ былъ опуститься ниже уровня крѣпостного.»

Станетъ ли мой критикъ отрицать это?

«Рядомъ съ бывшими крѣпостными, даже государственные крестьяне кажутся «высшимъ классомъ».

Или и это явленіе мѣстное? Опускаемъ слѣдующее предложеніе, которое трактуетъ только о «нашемъ районѣ», и идемъ дальше:

«Недостатокъ земли принуждалъ крестьянина распахивать все, что только можно распахать, не оставляя, можно сказать, никакихъ угодій для скотоводства.»

Что и это, быть можетъ, «скороспѣлый и размашистый выводъ»? Вотъ вамъ и вся стр. 40; угадайте, гдѣ же «скороспѣлый и размашистый» выводъ.

5. Мой рецензентъ далѣе находитъ «размашистымъ» слѣдующее безобидное положеніе:

«Когда отношеніе аренды къ заработной платѣ изъ 3:1 измѣняется въ 5:1, то становится, наконецъ, сомнительнымъ, къ какому разряду—арендаторовъ или же наемныхъ рабочихъ—слѣдуетъ отнести крестьянина, который за одну данную ему для пользованія десятину земли принужденъ обрабатывать на землевладѣльца цѣлыхъ пять десятинъ. Такъ земельная аренда вырождается въ наемный трудъ». Всякія возраженія по этому пункту совершенно излишни.

6. Рецензентъ далѣе считаетъ «скороспѣлымъ» положеніе, что стремленіе къ раздѣламъ «развивается по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ значеніе сторонніхъ заработковъ въ домашнемъ хозяйствѣ» (стр. 107). Въ этомъ я чистосердечно признаю себя виновнымъ и въ качествѣ зачинщиковъ, подстрекателей и пособниковъ оговариваю Глѣба Успенскаго, г-жу Ефименко и А. Н. Энгельгардта (стр. 103).

7. Наконецъ, послѣдній «скороспѣлый выводъ» отмѣченъ на стр. 139. Очевидно, рецензентъ не оспариваетъ, что «процентныя отношенія даютъ иногда ложное представленіе объ явленіяхъ, внѣ соотношенія съ абсолютными числами и т. д.» Едва ли онъ также имѣетъ что-нибудь противъ того положенія, что «середину между двумя крайностями, т.-е. между самостоятельными хозяевами и наемными работниками-пролетаріями, занимаетъ переходный классъ—крестьяне, кото-

рые въ одно и то же время являются и хозяевами, и наемными работниками».

Не считаетъ онъ, вѣроятно, «размалистымъ» и тотъ выводъ, что «такъ какъ земля здѣсь обрабатывается трудомъ ея владѣльца, то земледѣльцу полагается держать скотъ». Остается, очевидно, только одинъ выводъ, съ которымъ рецензентъ не согласенъ, а именно:

«Такъ какъ на среднюю деревню изъ 63 дворовъ приходится максимумъ въ 5 и минимумъ въ 1 пролетаріатскую семью, то отсюда, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что о развитіи пролетаріатскаго классоваго духа (Proletarisches Klassenbewustsein) въ русской современной деревнѣ не можетъ быть и рѣчи».

Думаетъ ли рецензентъ, что духъ извѣстнаго класса возможенъ и тамъ, гдѣ самый классъ еще не успѣлъ обрисоваться, какъ совершенно обособленная соціальная группа?

III.

На вопросѣ о возникновеніи классовъ въ деревнѣ останавливается подробнѣе обозрѣватель «Самарской Газеты» г. Н. Р—въ, повидимому, земскій статистикъ. Критикъ находитъ группировку по бюджетамъ шаткою. Поэтому-то я и воспользовался ими только, какъ вспомогательнымъ средствомъ для открытія болѣе устойчивыхъ основаній классификаціи. Въ результатѣ получается группа дворовъ, характеризующаяся слѣдующими отнюдь не шаткими признаками: 1) ни одинъ изъ членовъ семьи не занимается наемнымъ трудомъ; 2) источникомъ существованія семьи служитъ исключительно земледѣліе; 3) размѣръ землевладѣнія выше средняго (болѣе 15 дес. на дворъ); 4) живой инвентарь состоитъ минимумъ изъ двухъ лошадей. Таковы отличительные признаки первой подгруппы 1 класса.

Пусть цифры бюджетовъ мнимыя; но, какъ мнимыя величины въ математикѣ, эти мнимые бюджеты позволяютъ выяснить съ полною объективностью основанія классификаціи, которая безъ нихъ была бы совершенно произвольно и механически пріурочена къ ариѳметической цифрѣ лошадей или земли, и т. п.

Г. Р—въ находитъ, что Коротоякскій уѣздъ выбранъ мною неудачно въ виду того, что процентъ безлошадныхъ дворовъ этого уѣзда значительно ниже, чѣмъ во всѣхъ уѣздахъ той-же и сосѣднихъ губерній. Во-первыхъ, выборъ обусловленъ былъ тѣмъ, что этотъ уѣздъ единственный, въ которомъ классификація проведена по четыремъ признакамъ: 1) по землѣ; 2) скоту; 3) рабочимъ силамъ и 4) промысламъ. Такой детальной классификаціи по другому уѣзду, сколько мнѣ извѣстно, пока въ земско-статистической литературѣ нѣтъ. Во-вторыхъ, именно незначительность процента безлошадныхъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ и должна бы служить лучшимъ оправданіемъ моего выбора: если бъ я избралъ уѣздъ, въ которомъ безлошадныхъ вдвое или втрое больше,

меня обвинили бы въ тенденціозности; теперь же ясно, что въ другихъ уѣздахъ тѣ же экономическія тенденціи должны были проявиться гораздо рѣзче. Трудности классификаціи русскаго крестьянства мнѣ хорошо извѣстны, какъ показываетъ слѣдующая выдержка:

«Разглядѣть классовыя различія бываетъ, разумѣется, очень легко, когда классы уже достигли извѣстной степени зрѣлости. Въ эмбріональный же періодъ истинная тенденція совершающейся эволюціи маскируется множествомъ переходныхъ формъ, соединяющихъ въ себѣ отличительныя черты противоположныхъ общественныхъ классовъ». (Стр. 123).

Но, тѣмъ не менѣе, тенденціи экономическаго развитія можно прослѣдить уже и въ такомъ мало подвинувшемся по пути разложенія устоевъ уѣздѣ, какъ Коротоякскій.

Г. Р—въ находитъ, что я очень невнимательно отнесся къ разряду безземельныхъ, которыхъ онъ отожествляетъ съ «чистыми пролетаріями». Сошлюсь на стр. 110—111, гдѣ очень подробно выясненъ семейный составъ безземельныхъ и указано ихъ происхожденіе. Приведу небольшую выдержку:

«Можно предположить, что безземельность находится въ связи, главнымъ образомъ, со старостью, вдовствомъ, сиротствомъ и убожествомъ (слѣпотой, хромотой и т. д.). Но послѣдствія подобныхъ, такъ сказать, біологическихъ явленій разнятся въ зависимости отъ соціальныхъ условій эпохи. Патріархальная семья не разрушалась вслѣдствіе смерти одного изъ своихъ членовъ мужскаго пола . . . . . Лишь послѣ распаденія патріархальнаго двора, слабые и безпомощные начали фигурировать въ качествѣ особой группы деревенскаго населенія».

Отсюда понятно, почему, изучая *рабочій* пролетаріатъ деревни, я совершенно опускаю безземельныхъ.

Что сказать на упрекъ, что «г. Гурвичъ ни словомъ не заикнулся объ исторіи «чистаго пролетарія», онъ даже ни словомъ не познакомилъ насъ съ семейнымъ составомъ двора «чистаго пролетарія». Вся моя книга служитъ отвѣтомъ на этотъ упрекъ. Глава о семейныхъ раздѣлахъ, въ которой г. Р—въ проглядѣлъ безземельныхъ, посвящена также и исторіи возникновенія пролетаріата. На стр. 112 даны двѣ комбинаціонныя таблицы, въ которыхъ дворы распредѣлены по числу взрослыхъ работниковъ и количеству лошадей, а на стр. 116 дана таблица безхозяйныхъ (чистыхъ пролетаріевъ) съ распредѣленіемъ ихъ по рабочимъ силамъ. Приводимъ эту таблицу единственно для того, чтобы показать, что, разбирая книгу, лучше прочесть ее цѣликомъ:

ДВОРЫ.	Не обрабатыв. своего надѣла. Коротоякскій у.	Нижнедѣв. у.
	%	%
Съ 3 и болѣе работниками. . .	2	2
Съ 2 работниками.	12	14
Съ 1 работникомъ.	62	67
Безъ работниковъ	24	17
	100	100

Оказывается, что безрабочія семьи («келейницы», «сироты», «николаевскіе солдаты» и проч.) составляютъ лишь отъ одной шестой до одной четверти всѣхъ безхозяйныхъ.

Горе нашихъ экономистовъ-народниковъ въ томъ, что они разсматриваютъ только статику, а не динамику явленій. Только этимъ объясняется замѣчаніе г. Р—ва, будто я стараюсь «стушевать свой пролетаріатъ», сведя его на нѣтъ. Если бъ у меня явилась подобная фантазія, то развитіе экономическихъ отношеній позаботилось бы о томъ, чтобы пролетаріатъ не стушевался. Въ 80-хъ годахъ, къ которымъ относится весь статистическій матеріалъ, пролетаріатъ въ деревнѣ еще не успѣлъ сплотиться въ компактную массу, не смотря на то, что въ общемъ его, быть можетъ, насчитывалось нѣсколько милліоновъ. Но большой процентъ этого пролетаріата, стушевывающагося въ деревнѣ, уходитъ въ города и концентрируется тамъ въ большихъ массахъ. Въ этомъ огромное соціальное значеніе этого явленія. (См. гл. VII).

IV.

Перехожу къ «нижегородскому критику», г. Плотникову.

Полемизировать съ нимъ я не буду, ибо полемика въ данномъ случаѣ уподобилась бы діалогу между Марьей Алексѣевной и извозчиками въ знаменитомъ романѣ («А ну-ка, барыня, давай въ перегонку ругаться!»). Одного замѣчанія, однако, я не могу обойти молчаніемъ. Нижегородскій критикъ выискалъ въ Сборникѣ по Острогожскому у. замѣчаніе обозрѣвателя, что община тамъ «крѣпко и широко поддерживается народными обычаями» и что «крестьяне даже не могутъ представить себѣ, чтобы общинное землевладѣніе могло быть замѣнено иною формою владѣнія и пользованія». На этомъ основаніи нижегородскій критикъ торжественно уличаетъ меня въ умышленномъ сокрытіи Острогожскаго у. отъ глазъ публики, не взирая на то, что изданія воронежскаго бюро, по моему же признанію, шедевръ русской статистики. Ясно: данныя не ко двору пришлись, ну и спряталъ шедевръ подъ сукно. Что можно признавать заслуги литературнаго произведенія, не соглашаясь съ его выводами, этого нижегородскій критикъ не допускаетъ. На самомъ дѣлѣ я Острогожскаго уѣзда не прятадъ и, какъ сейчасъ увидитъ читатель, прятать его не представляется надобности.

Неустойчивость общины выводится мною изъ расчлененія ея на разнородныя группы съ противоположными интересами; распространеніе аренды надѣльной земли ведетъ къ концентраціи послѣдней въ рукахъ немногочисленныхъ сильныхъ дворовъ на ряду съ фактическимъ обезземеленіемъ слабыхъ; надѣльная земля фактически ускользаетъ изъ-подъ контроля общины и становится объектомъ частныхъ сдѣлокъ. Посмотримъ, какъ эти явленія выражаются въ цифрахъ по Острогожскому уѣзду.

Всего по уѣзду арендуется крестьянами у своихъ однообщественниковъ 29.616,6 дес. (т. II, вып. 1, стр. 263, гр. 27, 32, 35 и 38), что составляетъ по отношенію къ 375.945,2 дес. всей надѣльной земли слишкомъ 7%, т.-е. ровно столько же, сколько въ *разобранныхъ мною уѣздахъ:* Данковскомъ Рязанской губ. и Нижнедѣвицкомъ той же Воронежской губ.

Хозяйствъ, совсѣмъ не обрабатывающихъ земли, т.-е. сдающихъ весь надѣлъ цѣликомъ, насчитывается 3.993 (стр. 222, гр. 57), что по отношенію къ общему числу (гр. 1) составляетъ 11,9%; въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ—12 и 11% (стр. 154), т.-е. опять ровно столько же. Хозяева, снимающіе надѣльную пашню своихъ однообщественниковъ, составляютъ 14% всѣхъ наличныхъ домохозяевъ, (стр. 263, гр. 26, и стр. 222, гр. 1). Сложивши обѣ группы, находимъ, что группа общинниковъ, индифферентныхъ къ передѣлу или же прямо враждебныхъ ему, составляетъ въ Острогожскомъ у. 25% всего населенія общины. Достаточно еще 8⅓% чтобы воспрепятствовать передѣлу. Нужно еще принять въ соображеніе, что въ сборникѣ по Острогожскому уѣзду не показана группа сдающихъ часть надѣла и что, кромѣ съемщиковъ надѣльной пашни, имѣются еще съемщики надѣльнаго сѣнокоса (169 хозяевъ или 0,5%), съемщики «особняковъ», т.-е. участковъ, отобранныхъ общиной отъ маломощныхъ семей и сдаваемыхъ ею въ аренду (947 или 3%), и съемщики изъ части (773 или 3%); многіе, изъ внесенныхъ въ эти рубрики, вѣроятно, арендуютъ и надѣльную пашню, но, разумѣется, не всѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что набрать 8⅓% противниковъ передѣла совсѣмъ не такъ трудно. Посмотримъ, что по этому поводу говорится на цитируемой моимъ критикомъ страницѣ 150-й сборника:

«Изученіе статистическихъ данныхъ относительно коренныхъ передѣловъ показываетъ, что число хозяевъ, у которыхъ количество земли вслѣдствіе передѣла увеличивается, никогда не достигаетъ ⅔; требуемыя же закономъ ⅔ хозяевъ, согласныхъ на передѣлъ, образуются при содѣйствіи хозяевъ изъ нейтральной группы и въ особенности изъ числа тѣхъ хозяевъ, у которыхъ количество земли уменьшается».

Такихъ хозяевъ, подававшихъ голосъ за передѣлъ, повидимому, противъ своихъ собственныхъ интересовъ, оказалось 1.134, т.-е. 16% (стр. 128). Мы можемъ преклоняться предъ безкорыстіемъ и самоотреченіемъ этихъ Пименовъ, но въ душу невольно закрадывается сомнѣніе: что же это за безсребренники такіе, которымъ все равно, если у нихъ и отымутъ часть земли при передѣлѣ? И намъ представляется простительною неувѣренность наша въ прочности и устойчивости порядковъ, опирающихся на поддержку цѣлаго разряда лицъ, которые не только ничуть не заинтересованы въ нихъ, но интересы которыхъ враждебны этимъ порядкамъ. Если они разъ присоединились

къ большинству сторонниковъ передѣла, то не могутъ ли они въ другой разъ такъ же легко дать перевѣсъ противникамъ передѣла? Изъ того же сборника мы узнаемъ, что большинство хозяевъ, у которыхъ земля послѣ передѣла уменьшилось, было все же противъ передѣла (стр. 128), и далѣе, что были среди противниковъ передѣла и такіе, у которыхъ земли послѣ передѣла стало больше. Одна изъ причинъ кажущейся аномаліи заключалась въ томъ, что многіе изъ такихъ хозяевъ «сняли у односельцевъ въ аренду душевые надѣлы до новаго передѣла по низкимъ цѣнамъ» (стр. 130).

Нужно ли мнѣ было на подобіе страуса прятать голову въ песокъ при видѣ Острогожскаго уѣзда, когда онъ представляетъ столь яркое подтвержденіе моихъ выводовъ? Что община еще удержалась формально, это наблюдается во всей средней Россіи, а въ томъ числѣ и въ изслѣдованныхъ мною «двухъ» уѣздахъ (см. стр. 151, 155 и др.). Но я утверждаю, что отъ общины осталась одна только форма, которая уже болѣе не соотвѣтствуетъ содержанію деревенской жизни. А этого увѣреніями въ совершенномъ почтеніи мужика къ общиннымъ традиціямъ не опровергнешь.

V.

Попытаемся теперь отбиться отъ легкихъ стрѣлъ г. Южакова («Рус. Бог.», декабрь, 1896). Что г. Южаковъ видѣлъ мою книжку и даже просмотрѣлъ главу о крупномъ землевладѣніи, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Несомнѣнно также, что онъ прочиталъ рецензію въ «Мірѣ Божіемъ», которая, по его словамъ, избавила его отъ «скучной и непріятной обязанности разбирать мой трудъ» и, кажется, даже и отъ труда прочитать разбираемую имъ книжку. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ слѣдующее обстоятельство. Рецензентъ «Міра Божьяго» сообщаетъ о происхожденіи моей книжки слѣдующій апокрифъ:

«Любопытна исторія этой книги. Г. Гурвичъ, съ десять лѣтъ тому назадъ, написалъ рефератъ на основаніи работъ рязанскаго статистика г. Григорьева. Этотъ рефератъ былъ имъ читанъ тогда же въ одномъ изъ ученыхъ обществъ въ Москвѣ. Затѣмъ, уже въ Америкѣ, г. Гурвичъ перевелъ его на англійскій языкъ и издалъ отдѣльной книгой. Нынѣ его снова перевели на русскій».

Редакція «Міра Божьяго», очевидно, сдѣлалась жертвой чьей-то мистификаціи. Гдѣ это слыхано, чтобы въ какомъ бы то ни было, даже и ученомъ обществѣ, читанъ былъ рефератъ слишкомъ въ 200 печатныхъ страницъ? На самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, реферата на основаніи работъ г. Григорьева я никогда не писалъ и, стало быть, ни въ какомъ ученомъ обществѣ никогда не читалъ. Во-вторыхъ, книга, переведенная теперь на русскій языкъ, была написана и появилась впервые на англійскомъ языкѣ, а не на русскомъ. Единственный рефератъ

мой, читанный въ московскомъ ученомъ обществѣ, посвященъ былъ переселенію крестьянъ въ Сибирь [1]) и съ работами г. Григорьева не имѣлъ ничего общаго. Рефератъ этотъ былъ напечатанъ въ «Юрид. Вѣстникѣ» (1887 г., январь) и впослѣдствіи вошелъ въ мою книгу «Переселеніе крестьянъ въ Сибирь», изданную въ Москвѣ въ 1886 г. Сравнивши эту книгу съ переводомъ моей англійской книги, не трудно убѣдиться, что это двѣ совершенно различныя работы. Рецензентъ «Міра Божьяго», очевидно, второпяхъ пробѣжалъ предисловіе и перепуталъ. Но какъ же это могло случиться, что г. Южаковъ и рецензентъ «Міра Божьяго» напутали буквально одно и то же?

Познакомившись съ моей книжкой, главнымъ образомъ, по рецензіи «М. Б.», г. Южаковъ уличаетъ меня въ подтасовкѣ фактовъ, съ цѣлью во что бы то ни стало доказать, что въ русскомъ земледѣліи развивается капитализмъ. Уликою противъ меня служитъ «контръ-таблица», составленная самимъ г. Южаковымъ на основаніи моихъ таблицъ и долженствующая показать, какъ ловко г. Южаковъ передергивалъ бы мои цифры, если бъ онъ задался цѣлью на основаніи ихъ доказать превосходство дворянскаго владѣнія. «Воображаю, — говоритъ г. Южаковъ,—что бы мы нашли, если бъ заглянули въ источники». Слава Богу, значитъ г. Южаковъ въ источники не заглядывалъ. Г. Южаковъ категорически заявляетъ, что русское крупное хозяйство «не являетъ примѣра всесторонняго культурнаго прогресса... какія бы таблицы ни составляли г. Гурвичъ съ товарищами». Сказалъ бы, что таблицы, приведенныя въ моей книгѣ, недоказательны, ну, попробовали бы мы привести другія, по другимъ источникамъ. Но разъ постановлено: таблицъ въ видѣ письменнаго доказательства отъ «Гурвича съ товарищи» не принимать, а русскую деревню, перефразируя знаменитый указъ, «считать дѣвицей»,—какъ тутъ прикажете защищаться?

Попробуемъ однако,—не для г. Южакова, а для читателей «Новаго Слова»,—разобраться въ нашихъ таблицахъ. Матерьяломъ для нихъ послужили данныя объ имѣніяхъ, превышающихъ по своимъ размѣрамъ 50 дес. По г. Южакову, надо было включить сюда и имѣнія низшихъ размѣровъ; такъ какъ въ послѣдней категоріи дворянскихъ имѣній гораздо больше, чѣмъ купеческихъ, то средній размѣръ дворянскаго имѣнія понизился бы и, быть можетъ, сравнялся бы со среднимъ размѣромъ купеческаго имѣнія, такъ что между обоими разрядами не видно было бы никакой разницы. Я предпочелъ однако классификацію воронежскаго статистическаго бюро потому, что имѣнія пространствомъ менѣе 50 дес. находятся подъ мелкой культурой и для задачи изученія крупнаго хозяйства не годятся.

---

[1]) См. отчетъ о засѣданіи статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества отъ 29 января 1886 г. въ «Рус. Вѣд.», ноября 25 того же года.

Изученіе крупнаго хозяйства независимо отъ сословнаго происхожденія землевладѣльцевъ показываетъ, что 60% частновладѣльческой земли обрабатывается самими владѣльцами и лишь 40% сдается въ аренду. Раздѣляя всѣ имѣнія по способу эксплуатаціи, находимъ, что въ 190 имѣніяхъ со среднею площадью въ 577 дес. имѣется своя запашка, и лишь въ 64 имѣніяхъ со сревнею площадью въ 244 дес. (т.-е. слишкомъ вдвое мельче) вся земля сдается въ аренду. Отношеніе общей площади такихъ имѣній ко всей территоріи частнаго владѣнія по уѣзду не превышаетъ 12%. Съ другой стороны, въ имѣніяхъ со своей запашкой обрабатывается владѣльцами 71% всей площади, подъ мелкой же крестьянской арендой находится лишь 29%. Далѣе оказывается, что въ 91% частновладѣльческихъ имѣній земля удобряется, и что имѣнія безъ удобренія земли слишкомъ втрое мельче первыхъ (215 и 686 дес.). Распредѣляя имѣнія по посѣву пшеницы, опять находимъ, что средній размѣръ имѣнія съ посѣвомъ пшеницы слишкомъ вдвое превышаетъ средній размѣръ имѣнія безъ посѣва пшеницы, при чемъ и общая территорія имѣній перваго разряда слишкомъ вдвое превышаетъ общую территорію имѣній второго разряда. То же повторяется и по вопросу о рабочемъ скотѣ: имѣнія безъ рабочаго скота слишкомъ вдвое мельче имѣній съ владѣльческимъ скотомъ, и пространство первыхъ составляетъ лишь 12% въ общей территоріи крупнаго хозяйства. По вопросу о плугахъ то же самое: имѣній съ плугами 67%, средній размѣръ 873 дес.; безъ плуговъ 33%, средній размѣръ 481 дес.

Не показываетъ ли все это, что хозяйство въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ идетъ успѣшнѣе, чемъ въ мелкихъ? Если этотъ фактъ поставить въ связь съ переходомъ болѣе мелкихъ дворянскихъ имѣній въ недворянскія руки, то невольно напрашивается выводъ, что мелкія дворянскія имѣнія оказываются малоуспѣшными по недостатку капиталовъ. Чтобы провѣрить это апріорное заключеніе, мною составлено семь таблицъ, въ которыхъ проведено сравненіе между владѣніями дворянскимъ и «капиталистическимъ». Г. Южаковъ объявляетъ дѣленіе это «курьезнымъ». Посмотримъ. Прежде всего, трехчленное дѣленіе земледѣльческаго продукта предполагаетъ особый классъ землевладѣльцевъ-рантьеровъ въ отличіе отъ класса капиталистовъ; «курьезное» дѣленіе, стало быть, установлено не мною, а политическою экономіей [1]). Далѣе смыслъ этого дѣленія объясняется слѣдующимъ образомъ:

«Подъ «собственностью капиталистическаго класса» разумѣются всѣ имѣнія, принадлежащія купцамъ, каковъ бы ни былъ ихъ размѣръ, а равно всякое имѣніе свыше 50 дес., каково бы ни было юридическое положеніе его владѣльца (купецъ, мѣщанинъ или крестьянинъ). Всѣ

[1]) Такъ какъ г. Южаковъ нажаловался на насъ господину учителю, то въ свое оправданіе могу сослаться на 52-ю главу недавно вышедшаго въ русскомъ переводѣ III-го тома.

имѣнія ниже этого размѣра, исключая принадлежащихъ дворянамъ и купцамъ, отнесены къ разряду мелкой собственности. Идея этой классификаціи заключается въ томъ, чтобы отдѣлить исторически сложившуюся земельную собственность дворянства отъ землевладѣнія съ коммерческими цѣлями, а равно и отъ крестьянскаго, относительно котораго возможно предположеніе, что земля обрабатывается личнымъ трудомъ ея владѣльца» (стр. 191).

Г. Южаковъ находитъ страннымъ, что въ рубрикѣ капиталистическаго землевладѣнія оказываются хозяйства, сдающія всю землю въ аренду. Онъ былъ бы правъ, если бы рѣчь шла о капиталистическомъ *хозяйствѣ*. Но, говоря о *собственности* на землю, въ какой разрядъ вы отнесете землю, пріобрѣтаемую купцами хотя бы и для спекулятивныхъ цѣлей?

Въ разрядъ «некапиталистическій» вошли дворянскія имѣнія съ крупнымъ хозяйствомъ и батраками. Я совершенно согласенъ съ г. Южаковымъ, что это «курьезный анализъ», но развѣ не видитъ г. Южаковъ, надъ кѣмъ онъ смѣется? Вѣдь это народники, и въ томъ числѣ самъ г. Южаковъ, утверждаютъ, что «капитализаціи земледѣльческихъ промысловъ въ сколько-нибудь значительномъ масштабѣ въ нашей экономической жизни доселѣ не проявлялось», т.-е. иными словами, что крупныя дворянскія имѣнія съ крупнымъ хозяйствомъ и батраками въ счетъ капиталистическихъ хозяйствъ не идутъ,—это де только барскія затѣи. Вотъ этотъ-то народническій аргументъ и заставилъ меня принести дворянскія имѣнія въ жертву школѣ г. В. В., выдѣливъ ихъ въ особую группу, которую г. Южаковъ назвалъ «некапиталистической». Себѣ же я оставляю только купеческія имѣнія «съ положительными признаками» капиталистическаго развитія. Г. Южаковъ какъ будто недоумѣваетъ, «какіе признаки г. Гурвичъ считаетъ отрицательными и какіе положительными». Отвѣтъ на это даетъ сама таблица. Въ рубрику отрицательныхъ показаній, говорящихъ противъ развитія капитализма въ земледѣліи, отнесены: 1) раздача всей земли въ аренду крестьянамъ мелкими участками; 2) обработка частновладѣльческой земли крестьянами-домохозяевами и крестьянской сохой; 3) отсутствіе удобренія и т. д., т.-е. то именно, что приводится народниками въ доказательство немощи капитализма въ русскомъ земледѣліи. Признаки положительные, очевидно, являются противоположностью признакамъ отрицательнымъ; таковы: 1) веденіе крупнаго хозяйства; 2) примѣненіе труда батраковъ (пролетаріевъ); 3) собственный живой инвентарь, и т. д.

Любопытно прослѣдить на основаніи этихъ признаковъ, что дѣлаютъ купцы съ пріобрѣтаемыми ими имѣніями. Раздаютъ ихъ въ аренду мужикамъ, тѣмъ дополняя картину торжества крестьянской культуры надъ помѣщичьей, которую нѣкогда рисовалъ г. Южаковъ въ «Отеч. Запискахъ»? Оказывается вотъ что:

1) Распредѣляя отдѣльно дворянскія и недворянскія имѣнія по системѣ эксплуатаціи, находимъ, что дворянскихъ имѣній, гдѣ земля сдается исключительно въ аренду крестьянамъ, 51 со среднею площадью въ 273 дес.; недворянскихъ имѣній съ крупнымъ хозяйствомъ 67 со среднею площадью въ 281 дес. Здѣсь «купеческое» землевладѣніе сопоставлено съ *мелкимъ* же дворянскимъ землевладѣніемъ; выходитъ, что при приблизительно *одинаковыхъ* размѣрахъ владѣнія въ имѣніяхъ, составляющихъ «собственность капиталистическаго класса», заводится крупное хозяйство, тогда какъ въ имѣніяхъ дворянскихъ вся земля раздается мужикамъ.

2) Тоже въ отношеніи посѣва пшеницы: въ недворянскихъ имѣніяхъ пшеница сѣется при среднемъ размѣрѣ въ 478 дес., въ дворянскихъ отсутствуетъ при среднемъ размѣрѣ въ 501 дес.

3) Въ недворянскихъ имѣніяхъ заводятся рабочія лошади при 326 дес. на среднее имѣніе, въ дворянскихъ при тѣхъ же размѣрахъ рабочія лошади отсутствуютъ.

Въ моей книжкѣ сравненіе проведено дальше, но мы удовольствуемся этимъ.

Отсюда вытекаетъ не только то, что «купеческія имѣнія вообще мельче дворянскихъ», какъ умозаключаетъ г. Южаковъ, но также и то, что имѣнія съ положительными признаками капиталистическаго развитія вообще крупнѣе имѣній, гдѣ признаки эти отсутствуютъ, и что въ купеческихъ имѣніяхъ признаки эти обнаруживаются уже тамъ, гдѣ дворяне-землевладѣльцы продолжаютъ вести хозяйство по старинѣ. Вспомнимъ теперь, что вѣдь и эти купеческія имѣнія раньше принадлежали дворянамъ, которые вынуждены были ихъ сбыть; нѣтъ основанія полагать, чтобы способы веденія хозяйства въ этихъ Проплеванныхъ стояли выше, чѣмъ въ другихъ имѣніяхъ одинаковаго размѣра. Но вотъ эти оскудѣвшія барскія помѣстья перешли въ купеческія руки, и тамъ, гдѣ прежде земля раздавалась въ аренду мужикамъ, она теперь пошла подъ купеческую запашку; гдѣ прежде неудобренную пашню ковыряла соха «крестьянина-собственника», влекомая его же клячею, теперь засѣвается пшеница по удобренной землѣ, вспаханной батракомъ на хозяйскихъ лошадяхъ, хозяйскимъ плугомъ. Не значитъ ли это, что переходъ дворянскихъ земель въ купеческія руки есть шагъ впередъ по пути капиталистическаго прогресса? Ничего не значитъ, полагаетъ г. Южаковъ:

«Капиталистическое сельское хозяйство для своего возникновенія и опредѣленія должно обладать капиталами, агрономическими знаніями и контингентомъ опытныхъ постоянныхъ рабочихъ пролетаріевъ. 35 лѣтъ тому назадъ, въ эпоху освобожденія, ни одного изъ этихъ условій на лицо не было въ Россіи. Время ихъ постепенно создавало, и теперь и концентрація капитала достаточно подвинулась, и бездомнаго (если не безземельнаго формально) люда появилось не мало, есть и агрономы.

*

Всего этого недостаточно для всеобщаго преобразованія хозяйственнаго строя русской деревни, но уже довольно для возникновенія тамъ, гдѣ условія благопріятствуютъ, капиталистическихъ хозяйствъ. Они и возникаютъ и должны возникать,—но въ нихъ затруднительно видѣть даже хотя бы только первыхъ прилетѣвшихъ грачей приближающейся капиталистической весны». (Стр. 113).

Итакъ, съ Божьею помощью, оказывается, что за послѣдніе 35 лѣтъ въ Россіи появились всѣ необходимыя условія для возникновенія капиталистическихъ хозяйствъ, возникли и должны возникать и самыя капиталистическія хозяйства, но г. Южакову «затруднительно» въ этомъ «видѣть даже хотя бы только первыхъ прилетѣвшихъ грачей приближающейся капиталистической весны», а потому «всего этого недостаточно для всеобщаго преобразованія хозяйственнаго строя русской деревни». Что тутъ прикажете, дѣлать? Если бы даже удалось «Гурвичу съ товарищи» убѣдить самого г. Южакова, что капиталистическія хозяйства возникаютъ и должны возникать, то все же резолюція одна выйдетъ: «оставить безъ послѣдствій».

Далѣе читаемъ:

«Народное хозяйство приходитъ постепенно въ упадокъ, капиталистическій процессъ, вторгшись въ русскую экономическую жизнь, накладываетъ свою тяжелую руку и на деревню; предъ этимъ властнымъ наступленіемъ мало-по-малу отступаютъ прежнія формы экономическаго быта; община, большая семья, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство,—все подвергается этимъ ударамъ, все слабѣетъ, все медленно готовится къ вымиранію и все рано или поздно и обречено на вымираніе, *если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія*».

«Только въ строкахъ, отмѣченныхъ курсивомъ, гг. Струве, Гурвичъ, Санинъ и другіе ихъ единомышленники могутъ быть несогласны съ нами, но въ этомъ они несогласны и съ тѣмъ, учениками кого они себя величаютъ». (Стр. 106—107).

Но поскольку «гг. Струве, Гурвичъ и Санинъ» согласны съ г. Южаковымъ, постольку же и обратно г. Южаковъ согласенъ съ «гг. Струве Гурвичемъ и Санинымъ». Выходитъ, стало-быть, что г. Южаковъ не только съ «подтасованными» фактами, но какъ будто даже и съ выводами «гг. Струве, Гурвича, Санина и ихъ единомышленниковъ» согласенъ; но г. Южаковъ питаетъ еще надежду, что, по выраженію Щедрина, «авось намъ и фаланстеры дадутъ,—были же у насъ военныя поселенія». Вотъ и вся разница.

И. Гурвичъ.

Н. И. НАУМОВЪ.

Собраніе сочиненій Н. И. Наумова. Въ двухъ томахъ. С.-Петербургъ, 1897. Изданіе *О. Н. Поповой*.

I.

Въ семидесятыхъ годахъ Н. И. Наумовъ пользовался огромной популярностью въ самыхъ передовыхъ слояхъ нашей народнической (тогда самой передовой) «интеллигенціи». Его произведеніями зачитывались. Особенный успѣхъ имѣлъ сборникъ: «*Сила солому ломитъ*». Теперь, конечно, времена измѣнились, и никто уже не будетъ такъ увлекаться сочиненіями Наумова, какъ увлекались ими лѣтъ двадцать тому назадъ. Но и теперь ихъ прочтетъ съ интересомъ и не безъ пользы для себя всякій, кто небезразличенъ насчетъ нѣкоторыхъ «проклятыхъ вопросовъ» настоящаго времени, а связанный съ ними историческій интересъ будетъ великъ до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ у насъ интересоваться эпохой семидесятыхъ годовъ, во многихъ отношеніяхъ важной и поучительной. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ посвятить особую статью новому изданію сочиненій Н. И. Наумова.

Этого писателя относятъ обыкновенно къ числу беллетристовъ-народниковъ. И это, конечно, справедливо, такъ какъ онъ, во-первыхъ, беллетристъ, а во-вторыхъ, народникъ. Но его беллетристика имѣетъ особый характеръ. Если у всѣхъ вообще нашихъ народниковъ-беллетристовъ публицистическому элементу отводится очень широкое мѣсто, то у Наумова онъ совершенно подчиняетъ себѣ собственно художественный элементъ. Скажемъ болѣе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ странно было бы даже и говорить о художественномъ элементѣ въ произведеніяхъ Наумова: онъ тамъ почти всегда совершенно отсутствуетъ. Наумовъ, навѣрное, рѣдко и задавался цѣлью художественнаго творчества. У него была другая цѣль. Въ его очеркѣ «Горная идиллія» любознательный и не лишенный извѣстной начитанности мѣщанинъ Никита Васильевъ Еременъ, заброшенный судьбою въ темную инородческую среду въ предгорьяхъ Алтая, замѣчаетъ, что хорошо было бы «прописать въ газетѣ» ту страшную эксплуатацію, которой подвергаются инородцы со стороны кулаковъ и даже своего ближайшаго начальства. Но его останавливаетъ то опасеніе, что его, пожалуй, поднимутъ на смѣхъ другіе писатели, выше его стоящіе на общественной лѣстницѣ. Къ тому же

онъ не знаетъ, «съ чего начать». Наумову тоже захотѣлось «прописать» хорошо знакомое ему тяжелое положеніе русскихъ крестьянъ и инородцевъ. Какъ человѣкъ образованный и умѣющій владѣть перомъ, онъ зналъ, «съ чего начать», и не боялся насмѣшекъ со стороны другихъ писателей. Вотъ онъ и написалъ рядъ разсказовъ, «этюдовъ», «сценъ», очерковъ и проч. Всѣ его сочиненія имѣютъ беллетристическую форму, но даже при поверхностномъ чтеніи замѣтно, что эта форма является въ нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ, искусственно къ нимъ придѣланнымъ. Ему, напримѣръ, хотѣлось «прописать» ту поистинѣ дикую и вопіющую эксплуатацію, которой подвергаются въ сибирскихъ селахъ, лежащихъ на ихъ пути, рабочіе, идущіе по окончаніи лѣтнихъ работъ съ золотыхъ пріисковъ. Онъ, конечно, могъ бы это сдѣлать въ простой статьѣ или въ рядѣ статей. Но ему показалось, что беллетристическое произведеніе сильнѣе подѣйствуетъ на читателя, и онъ написалъ «сцены», носящія общее названіе «*Паутина*». Нѣкоторыя изъ этихъ сценъ написаны прямо мастерски и обнаруживаютъ несомнѣнный художественный талантъ въ авторѣ. Для примѣра укажемъ на сцену навязыванія товара полупьяному рабочему Евсею въ лавкѣ «торгующаго крестьянина» Ивана Матвѣича (т. I, стр. 88—97). Но это одно изъ счастливыхъ исключеній. Большинство же остальныхъ «сценъ», не переставая показывать хорошее знаніе авторомъ описываемой имъ среды, отличается страшною растянутостью и рѣжущею глаза искусственностью. Эти сцены наскоро сшиты бѣлыми нитками, для изображенія той или другой формы эксплуатаціи. Дѣйствующія въ нихъ лица не живые люди, а антропоморфныя отвлеченности, получившія отъ автора даръ слова, а, лучше сказать, даръ болтливости, и страшно злоупотребляющія имъ въ видахъ просвѣщенія читателя. Особенно болтливы экспуататоры, которые иногда такъ прямо о себѣ и говорятъ: не ищите у насъ ни стыда, ни совѣсти[1]). Но имъ и нельзя не быть болтливыми, болтливость является ихъ первою и почти единственною обязанностью; если бы они не были болтливы, то они и не понадобились бы Наумову. Характеры кулаковъ обыкновенно рисуются у него посредствомъ діалоговъ. Онъ куда-нибудь ѣдетъ по дѣламъ службы,

[1]) Въ длиннѣйшей «сценѣ» расчета за постой крестьянинъ Маркъ Антонычъ говоритъ обираемымъ имъ постояльцамъ-рабочимъ: «У насъ о совѣсти-то энтой и попеченья не кладутъ, потому, сказываютъ, што хлѣбъ-то на деньги продаютъ, а на совѣсть-то его не вѣшаютъ... Ну, и точно, чего сказать, по нашимъ мѣстамъ всѣ грѣшны передъ Богомъ, ужъ праведнаго не сыщешь. По этому самому у насъ и щи-то приправляютъ не молитвой, какъ у васъ, а мясомъ» (т. I, стр. 154). Это сильно и вполнѣ вразумительно даже для самаго непонятливаго читателя: когда порокъ самъ рекомендуется порокомъ, то его никто не сочтетъ за добродѣтель. Но даже и у Наумова порокъ не всегда склоненъ къ саморазоблаченію. Тотъ же безстыдный Маркъ Антонычъ, въ отвѣтъ на восклицаніе одной изъ его жертвъ: «Грабь!»,—«*укоризненно*» замѣчаетъ: «Милый, зачѣмъ энти слова». Это много естественнѣе.

заѣзжаетъ случайно къ какому-нибудь кулаку и начинаетъ задавать ему рядъ вопросовъ, на которые кулакъ подаетъ надлежащія реплики. Вопросы обыкновенно очень наивны, а подчасъ и прямо неумѣстны. Вотъ, напримѣръ, богатый кулакъ Кузьма Терентьичъ въ «Паутинѣ» увѣряетъ, что его жизнь—не жизнь, а «сущая каторга». По этому поводу авторъ спрашиваетъ: «Если вы сознаете, Кузьма Терентьичъ, что подобное ремесло, которымъ вы занимаетесь, и тяжело, и опасно, такъ отчего же не оставите его, чтобъ не испытывать болѣе такихъ трудовъ и опасностей, а?» (т. I, стр. 65). Кулакъ доказываетъ, что это невозможно, разговоръ оживляется, затягивается на нѣсколько страницъ, а именно это-то и нужно автору,—свой наивный вопросъ онъ задалъ именно ради этого. Въ очеркѣ «Горная идиллія» уже упомянутый мѣщанинъ Еременъ, разговорившись, упоминаетъ о томъ, что сибирскіе чиновники, вопреки закону, не только не препятствуютъ продажѣ водки инородцамъ, но сами торгуютъ ею въ инородческихъ улусахъ. «Неужели исключительно для торговли виномъ они и ѣздятъ въ горы?» спрашиваетъ авторъ. Еременъ, само собою разумѣется, восклицаетъ: «Нѣ-ѣтъ-съ, какъ это можно!» и затѣмъ подробно описываетъ подвиги чиновниковъ. Такимъ образомъ выходитъ интересный очеркъ, который вы, навѣрное, прочтете съ большимъ удовольствіемъ. Но, если вы вспомните, какой наивный вопросъ послужилъ поводомъ для этого очерка, если вы примете въ соображеніе, что авторъ, т.-е., лучше сказать, лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, само является чиновникомъ, и что, такимъ образомъ, заданный имъ вопросъ становится еще несравненно болѣе наивнымъ, то вы поневолѣ подивитесь первобытной простотѣ художественныхъ пріемовъ Наумова; вы согласитесь, что беллетристомъ его можно назвать лишь съ оговорками.

Авторъ не всегда даетъ себѣ даже и тотъ небольшой трудъ, который нуженъ для придумыванія хотя бы и наивныхъ вопросовъ. Чаще всего онъ повторяетъ стеоретипныя фразы въ родѣ: «Неужели все это правда?» или: «а ты не врешь все это?» И эти фразы всегда въ совершенно достаточной, а порою, какъ мы уже сказали, даже и въ излишней мѣрѣ, возбуждаютъ словоохотливость его собесѣдниковъ.

Эти словоохотливые собесѣдники обыкновенно хорошо владѣютъ народной рѣчью [1]). Къ сожалѣнію, они больше, чѣмъ это нужно, «заикаются отъ смущенія», и тогда они говорятъ, напримѣръ, такъ:

«— Ты... ты... ты... что жъ это взъѣлся-то на меня? Развѣ я...

---

[1]) Говоримъ: *обыкновенно*, потому что не можемъ сказать *всегда*. Порой разсказчикъ изъ крестьянъ говоритъ обыкновеннымъ нашимъ литературнымъ языкомъ и только время отъ времени вставляетъ въ свою рѣчь слова въ родѣ: «слышь», «лонись» и т. п., какъ бы для напоминанія читателю, что онъ, разсказчикъ, не «интеллигентъ», а крестьянинъ. Наумовъ такъ хорошо знаетъ языкъ крестьянина, что ему ничего не стоило бы устранить этотъ недостатокъ. Но онъ, очевидно, даже и не замѣчаетъ его, будучи равнодушенъ къ формѣ своихъ произведеній.

я... я... обидѣлъ тебя чѣмъ?.. я... я... кажись, любовно съ тобой»,—и т. д. (т. II, стр. 146).

Согласитесь, что тутъ уже слишкомъ много «заиканій», и что герой такъ выражаетъ здѣсь свое смущеніе, какъ выражаютъ его иногда плохіе актеры на провинціальной сценѣ.

А вотъ еще одна особенность рѣчи словоохотливыхъ собесѣдниковъ Наумова. Всѣ они «съ ироніей говорятъ», «съ ироніей произносятъ», «съ ироніей спрашиваютъ», и т. д., и т. д. Безъ «ироніи» или «насмѣшки» они не произносятъ почти ни одного слова. Вотъ примѣръ:

«— Што жъ, ты спасеньемъ хошь согрѣваться, што ли, въ этой скворешницѣ-то?—*съ ироніей спросилъ онъ.*

— Спасеньемъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Давно ли ты на себя блажь то эту напустилъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ покаралъ меня за грѣхи мои.

— А-а-а,—протянулъ онъ,—стало быть, много же грѣховъ то было, хе, хе, хе, што заживо грѣютъ тебя? — *съ насмѣшкой спросилъ онъ...*» (т. I, стр. 209).

Или:

«— Милости просимъ, батюшка... погости ужо, присядь, авось погодка-то и скоро перейдетъ на твое счастье... Не шибко, штобы красно у меня было здѣся!—*съ ироніей* продолжалъ онъ» (т. I, стр. 30)—и т. д.

Эта всегда старательно отмѣчаемая авторомъ «ирония», которая смѣняется лишь «сарказмомъ» или «насмѣшкой», подъ конецъ надоѣдаетъ и раздражаетъ, какъ неумѣстное повтореніе одного и того же мѣста. Авторъ легко могъ бы избавить читателя отъ этой докуки, предоставивъ ему самому замѣчать иронію, когда она сквозитъ въ словахъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ не сдѣлалъ этого. Ему хотѣлось обрисовать характеръ русскаго народа. По его убѣжденію, иронія составляетъ одну изъ яркихъ чертъ этого характера, и онъ насовалъ вездѣ «ироніи» и «сарказмовъ», не допуская даже и мысли о томъ, что они могутъ надоѣсть читателю.

У Наумова никогда не было большого художественнаго таланта. Но уже одного такого очерка, какъ «У перевоза», или «Деревенскій аукціонъ» достаточно для того, чтобы признать его талантливымъ беллетристомъ. Въ пользу его художественнаго таланта свидѣтельствуютъ также многія отдѣльныя сцены и страницы, разбросанныя въ двухъ томахъ его сочиненій. Но онъ не культивировалъ своего художественнаго таланта, лишь изрѣдка позволяя ему развернуться во всю силу, чаще же всего сознательно жертвуя имъ ради извѣстныхъ публицистическихъ цѣлей. Это очень вредило таланту, но нисколько не мѣшало практическому дѣйствію сочиненій.

II.

Какія же практическія цѣли преслѣдовалъ Наумовъ въ своей ли-

тературной дѣятельности? Ихъ слѣдуетъ выяснить именно потому, что его дѣятельность встрѣчала такое горячее сочувствіе въ средѣ самой передовой молодежи семидесятыхъ годовъ.

Въ очеркѣ «Яшникъ» авторъ, приступая къ разсказу, дѣлаетъ слѣдующую знаменательную оговорку:

«Я не буду вдаваться въ подробное описаніе лишеній, горя и радостей, какія встрѣчались въ жизни Яшника, изъ опасенія не только утомить вниманіе читателя, но и показаться смѣшнымъ въ глазахъ его. Описывая жизнь героя, взятаго изъ интеллигентной среды, авторъ навѣрное можетъ разсчитывать, что возбудитъ въ читателѣ сочувствіе и интересъ къ горю и радостямъ избраннаго имъ лица, потому что горе и радость его будутъ понятны каждому изъ насъ. Но будутъ ли понятны намъ горе и радость такихъ людей, какъ Яшникъ? Что сказалъ бы читатель, если бы авторъ подробно описалъ ему радость, охватившую Яшника, когда у него отелилась корова, купленная имъ послѣ многихъ трудовъ и лишеній и долго ходившая межумолокомъ, лишивъ дѣтей его единственной пищи—молока. Развѣ не осмѣялъ бы онъ претензіи его описывать подобныя радости такихъ ничтожныхъ людей, какъ Яшникъ? Въ состояніи ли мы понять глубокое горе Яшника, просчитавшагося однажды на рубль семь гривенъ при продажѣ на рынкѣ корытъ, кадушекъ, ковшей, какіе онъ выдѣлывалъ изъ дерева въ свободное отъ полевыхъ работъ время? Конечно, мы съ удовольствіемъ бы похохотали, если бы намъ талантливо изобразили всю комичность этого бѣдняка, который нѣсколько дней послѣ того ходилъ, какъ потерянный, разводя руками и говоря: «А-ахъ ты, напасть, да не наказанье ли это Божеское, на цѣлые рубль семь гривенъ обмишулился, а-а?» Но понять горе человѣка, убивавшагося изъ-за такой ничтожной суммы, мы не можемъ. Въ нашей жизни рубль семь гривенъ никогда не играютъ такой важной роли, какую играютъ они въ жизни такихъ людей, какъ Яшникъ. Мы отдаемъ болѣе лакею, подавшему намъ богатый обѣдъ въ ресторанѣ. Тогда какъ Яшникъ для того, чтобы выручить рубль семь гривенъ и отдать ихъ въ уплату причитающейся съ него подати, выгребалъ послѣдній хлѣбъ изъ закрома и везъ его на рынокъ на продажу, питаясь съ семьей отрубями, смѣшанными съ сосновой корой, и другими суррогатами, глядя на образцы которыхъ, выставляемые въ музеяхъ, мы только пожимаемъ плечами отъ удивленія, какъ могутъ люди питаться подобною мерзостью. Итакъ, избѣжавъ всѣхъ этихъ непнтересныхъ для насъ подробностей, я прямо перейду къ разсказу того эпизода въ жизни Яшника, который имѣлъ роковое вліяніе на судьбу его». (Т. I, стр. 213).

Эта длинная оговорка есть прямой упрекъ нашему «обществу», которое не умѣетъ сочувствовать народному горю. Изображенію этого горя въ одномъ изъ его безчисленныхъ проявленій, посвященъ цитируемый очеркъ. Самъ по себѣ онъ очень плохъ: отъ него вѣетъ какою-то почти искусственною слезливостью. Но цѣль его совершенно ясна: Наумовъ хотѣлъ показать, что даже такой, во всѣхъ смыслахъ маленькій человѣкъ, какъ Яшникъ — что-то въ родѣ «сидящаго на землѣ» Акакія Акакіевича—способенъ къ благороднымъ порывамъ, и что уже по одному этому заслуживаетъ сочувствія. Мысль эта,—нечего говорить, — вполнѣ справедлива, но уже очень элементарна, до до такой степени элементарна, что невольно спрашиваешь себя: да неужели же подобныя мысли были такъ новы для передовой интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, что она считала нужнымъ горячо рукоплескать высказывавшему ихъ писателю?

Въ дѣйствительности передовая интеллигенція семидесятыхъ годовъ увлекалась не этими элементарными мыслями Наумова, а тѣми радикальными выводами, которые она сама дѣлала изъ его сочиненій. Мы не знаемъ, когда былъ напечатанъ «Яшникъ», да это и неважно. Важно вотъ что: если этотъ очеркъ увидѣлъ свѣтъ еще въ семидесятыхъ годахъ, то онъ понравился передовымъ читателямъ, во-первыхъ, вышеприведеннымъ упрекомъ обществу, живущему на счетъ народа, но неспособному понять и облегчить его положеніе, а во-вторыхъ, изображеніемъ благороднаго характера несчастнаго Яшника. Это благородство являлось чрезвычайно отраднымъ и желаннымъ свидѣтельствомъ въ пользу «народнаго характера», идеализація котораго было совершенно естественной и необходимой потребностью у лучшихъ людей того времени. Теперь мы твердо знаемъ, что такъ называемый народный характеръ ни въ какомъ случаѣ не ручается за будущія судьбы народа, потому что онъ самъ является слѣдствіемъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, съ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіемъ которыхъ и онъ долженъ будетъ измѣниться болѣе или менѣе существенно. Но это взглядъ, который былъ совершенно чуждъ народнической интеллигенціи семидесятыхъ годовъ. Она держалась противоположнаго взгляда, согласно которому основной причиной даннаго склада общественныхъ отношеній являются народные взгляды, чувства, привычки и вообще народный характеръ. Какой огромный интересъ должны были имѣть въ ея глазахъ сужденія о народномъ характерѣ: вѣдь отъ свойствъ этого характера зависѣло, по ея мнѣнію, все будущее общественное развитіе нашего народа. Наумовъ нравился ей именно тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ отчасти, изображалъ народный характеръ такимъ, какимъ ей хотѣлось его видѣть. Даже очевидные теперь недостатки его сочиненій тогда должны были казаться большими достоинствами. Такъ, у Наумова, собственно говоря, есть только два героя: эксплуататоръ и эксплуатируемый. Эти герои отдѣлены другъ отъ друга цѣлой бездной, и никакихъ переходовъ отъ одного къ другому, никакихъ связующихъ звеньевъ не замѣчается. Это, разумѣется, большой недостатокъ, сильно бросающійся въ глаза при сравненіи сочиненій Наумова, напримѣръ, съ сочиненіями Златовратскаго, гдѣ дѣйствующія лица являются по большей части уже живыми людьми, а не антропоморфными отвлеченностями. Но передовой интеллигенціи семидесятыхъ годовъ этотъ недостатокъ долженъ былъ казаться достоинствомъ. Она сама была убѣждена, что между крестьяниномъ-кулакомъ и крестьяниномъ, жертвой кулацкой эксплуатаціи, нѣтъ ровно ничего общаго; кулакъ казался ей случайнымъ плодомъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній на народную жизнь, а не необходимымъ результатомъ той фазы экономическаго развитія, которую переживало крестьянство. Постоянно возбужденная и готовая на все ради народнаго блага, она была увѣрена, что въ сущности можно сразу и безъ очень большого труда, однимъ энергич-

нымъ усиліемъ снять съ народнаго тѣла этотъ посторонній ему, извнѣ наложенный на него, слой паразитовъ. А, разъ у нея возникла и окрѣпла эта увѣренность, ей уже сдѣлалось непріятно читать такіе очерки изъ народнаго быта, которые показывали ей, что она не совсѣмъ права, т.-е. что эксплуатація крестьянъ крестьяниномъ порождается не одними только т. н. «внѣшними» вліяніями на народную жизнь [1]), и наоборотъ,—ей стали особенно нравиться такія произведенія, которыя хоть немного подтверждали ея любимую мысль.

Пусть вспомнитъ читатель, какъ сильно и горько упрекали тогда Г. И. Успенскаго за его будто бы излишній и неосновательный пессимизмъ. Въ чемъ заключался этотъ «пессимизмъ»? Именно въ указаніи тѣхъ сторонъ крестьянской жизни, благодаря которымъ неравенство, а съ нимъ и эксплуатація крестьянина крестьяниномъ возникаютъ въ сельской общинѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенно отсутствуютъ благопріятныя для ихъ роста *внѣшнія* вліянія. Народническая интеллигенція имѣла всѣ основанія быть недовольной Г. И. Успенскимъ: пытливая мысль этого замѣчательнаго человѣка разлагала одно за другимъ всѣ главныя положенія народничества и подготовляла почву для совершенно иныхъ взглядовъ на нашу народную жизнь. У Наумова не было ничего подобнаго, онъ не заставлялъ читателя вкушать отъ древа познанія добра и зла, плоды котораго, какъ извѣстно, бываютъ подчасъ очень горьки; онъ, не мудрствуя лукаво, возбуждалъ чувство ненависти къ эксплуататорамъ, т.-е. какъ разъ тѣ самыя чувства, апелляція къ которымъ составляла главную, если не единственную, силу народническихъ доводовъ. Народникамъ не могли не нравиться у Наумова даже тѣ сцены объясненія кулаковъ съ ихъ жертвами, которыя, за небольшими исключеніями, кажутся намъ теперь страшно растянутыми и потому скучными: вѣдь въ нихъ кулаки выставляются къ позорному столбу, ихъ называютъ грабителями, бранятъ аспидами и т. д. Люди, собиравшіеся не сегодня-завтра положить конецъ существованію аспидовъ и не обладавшіе развитымъ эстетическимъ вкусомъ, должны были съ удовольствіемъ читать подобныя сцены.

Н. И. Наумовъ никогда не шелъ дальше проповѣди самой элементарной гуманности. Въ мужикѣ такая же душа, какъ и въ насъ [2]); каторжникъ тоже человѣкъ, между такъ называемыми преступниками есть много душевно-больныхъ, которыхъ слѣдовало бы лѣчить, а не наказывать [3])—вотъ къ какимъ азбучнымъ истинамъ сводится его проповѣдь. Къ этому надо прибавить, что никакихъ дѣйствительныхъ рѣшеній поднимаемыхъ имъ общественныхъ вопросовъ онъ не предлагаетъ,

---

[1]) Подъ внѣшними вліяніями разумѣлось тогда вліяніе государства и высшихъ сословій.

[2]) См. стр. 74, т. I, гдѣ эта мысль высказывается устами добродѣтельнаго старшины Флегонта Дмитрича.

[3]) См. разсказъ «Поскотникъ» и сцена «Паутина».

а, напротивъ, обнаруживаетъ явную готовность удовольствоваться палліативами [1]). Если бы увлекавшаяся сочиненіями Наумова передовая народническая интеллигенція семидесятыхъ годовъ когда-нибудь ясно представила себѣ тѣ практическія цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ своими сочиненіями, то она взглянула бы на него, какъ на человѣка крайне отсталаго. Но она не доискивалась этихъ цѣлей, вовсе и не интересовалась ими. У нея была своя, твердо поставленная цѣль. Ей казалось, что сочиненія Наумова являются новымъ и сильнымъ доводомъ въ пользу этой цѣли, и потому она зачитывалась ими, не справляясь ни объ ихъ художественномъ достоинствѣ, ни о практической «программѣ» ихъ автора.

Осуществленіе цѣли, которой она задавалась, предполагало, помимо всего другого, огромную самодѣятельность въ нашемъ крестьянствѣ. Но въ сочиненіяхъ Наумова нѣтъ ни малѣйшаго намека на такую самодѣятельность. Изображаемая бѣднота умѣетъ только хлопать себя по бедрамъ, восклицая: «а-а-ахъ!» или: «есть ли Богъ-то у тебя?» Если изъ ея среды и выходятъ когда-нибудь люди, неспособные покорно подставлять шею подъ ярмо деревенскихъ эксплуаторовъ и призывающіе ее къ отпору, то она не умѣетъ поддержать такихъ людей. Разсказъ «*Крестьянскіе выборы*» хорошо обрисовываетъ это отношеніе сельской бѣдноты къ ея собственнымъ защитникамъ. Умный и настойчивый крестьянинъ Егоръ Семеновичъ Бычковъ навлекаетъ на себя ненависть міроѣдовъ, волостного начальства и даже посредника своимъ независимымъ поведеніемъ и энергичнымъ, умѣлымъ отстаиваніемъ интересовъ крестьянскаго міра. Но зато его любятъ крестьяне, которые даже собираются выбрать его волостнымъ старшиною. Разумѣется, это намѣреніе очень не нравится міроѣдамъ, и по всей У... волости закипаетъ ожесточенная борьба партій. Чѣмъ болѣе приближается время выборовъ, тѣмъ сильнѣе нападаетъ партія кулаковъ на излюбленнаго міромъ человѣка, пуская въ ходъ и деньги, и клевету. Въ числѣ другихъ небылицъ, распространяемыхъ насчетъ Бычкова, ходитъ слухъ о томъ, что его скоро посадятъ въ острогъ за то, что онъ будто бы подговаривалъ крестьянъ жаловаться высшему начальству на неправильныя дѣйствія посредника и чиновъ земской полиціи. Крестьяне отчасти догадываются, что этотъ слухъ распущенъ кулаками; но, съ другой стороны, они не могутъ не признать, что онъ заключаетъ въ себѣ значительную долю вѣроятности. Они отчасти и сами готовы признать бунтовщикомъ своего излюбленнаго человѣка.

---

[1]) Иногда онъ точно указываетъ эти палліативы. «Въ первые два года, по приходѣ въ Сибирь, переселенцы почти всегда бѣдствуютъ и нуждаются въ помощи, но выдавать имъ пособія однимъ только хлѣбомъ, по моему мнѣнію, есть крайняя ошибка, вытекающая отъ незнанія условій крестьянской жизни въ Сибири. Переселенцу прежде всего нужна помощь для пріобрѣтенія лошади, телѣги, саней, сельско-хозяйственныхъ и домашнихъ орудій и избы», и т. п. (т. II, стр. 376).

Они говорятъ: «Какъ знать, чужая душа потемки! А что Бычковъ съ начальствомъ мужикъ зазористый, не потаишь грѣха!» Такимъ образомъ, ловкая выдумка сильно дѣйствуетъ на сельскую бѣдноту: сознаваемый ею «грѣхъ» Бычкова значительно ослабляетъ ея энергію. А когда посредникъ доводитъ до свѣдѣнія крестьянъ, созванныхъ на волостной сходъ для избранія старшины, что онъ не допуститъ выбрать Бычкова и даже не позволитъ имъ разъѣхаться по домамъ, пока они не подадутъ своихъ голосовъ за кандидата, выставленнаго міроѣдами,— они покоряются. «Не обошлось, конечно, и безъ говора, и говора рѣзкаго, желчнаго; не обошлось и безъ аханья, и безъ любимаго, много выражающаго у крестьянина жеста—похлопыванія себя руками по бедрамъ, но все это въ концѣ-концовъ привело къ тому, что многіе уѣхали молча, другіе же подали свой голосъ за Трофима Кирилловича (кандидата кулацкой партіи), и къ вечеру того же дня шумное село опустѣло, и всѣ дороги и тропинки усѣялись народомъ, ѣхавшимъ по домамъ и громко толковавшихъ о наставшихъ порядкахъ (т. I, стр. 500—501).

А Бычковъ? А Бычкова посредникъ, вопреки закону, приказалъ посадить въ волостную тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ, вынося страшныя лишенія и притѣсненія, около пяти мѣсяцевъ. Освобожденный, наконецъ, благодаря случайному заступничеству засѣдателя, онъ нашелъ свое хозяйство совсѣмъ разореннымъ, а своихъ бывшихъ сторонниковъ страшно запуганными.

«Онъ не лишился уваженія и сочувствія окружающихъ,—говоритъ Наумовъ,—потому что не въ натурѣ русскаго простолюдина отталкиваться отъ несчастія; но боязливость и таинственность, въ какой выражались они изъ опасенія вызвать преслѣдованія и на себя, больнѣе отдавались въ немъ, чѣмъ если бы и совсѣмъ ихъ не было. Явно отъ него сторонились, какъ отъ зараженнаго, не рѣшаясь переступить и порога всегда привѣтливаго дома его» (т. I, стр. 506—507). Бычковъ сдѣлался нелюдимымъ, сталъ избѣгать всякихъ столкновеній со своими односельчанами и, наконецъ, рѣшился выселиться въ другой округъ. Односельчане провожали его съ искреннимъ сожалѣніемъ, и, когда его кибитка скрылась изъ виду, они, расходясь по домамъ, долго еще толковали о томъ, какъ «ни за што» пропалъ этотъ человѣкъ, въ которомъ было такъ много правды.

Заканчивая исторію Егора Семеновича, Наумовъ замѣчаетъ, что онъ все-таки не погибъ и «встрѣтилъ себѣ достойную оцѣнку» на новомъ мѣстѣ жительства: его выбрали тамъ въ волостные старшины. Стало быть, добродѣтель въ концѣ-концовъ все-таки восторжествовала. Но не знаемъ, какъ кого, а насъ мало радуетъ это ея торжество, оно кажется намъ *придуманнымъ*, и ужъ во всякомъ случаѣ совершенно *случайнымъ*: Такъ какъ крестьяне У... волости ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ другихъ волостей, то ясно, что и на новомъ мѣстѣ своего

жительства Бычковъ могъ оказаться согнутымъ въ бараній рогъ, а его новые односельчане не только могли, но и должны были оказаться въ этомъ случаѣ столь же пугливыми, какъ и прежніе.

Почему же передовая интеллигенція семидесятыхъ годовъ не замѣтила, что изображаемая Наумовымъ страдающая крестьянская масса совершенно лишена самодѣятельности? Теперь не легко и отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что уже не легко теперь возстановить во всѣхъ частностяхъ психологію передового народника того времени. Вѣроятнѣе всего, что дѣло объясняется такъ: передовая интеллигенція полагала, что мірскіе люди, подобные Бычкову, гибли вслѣдствіе отсутствія всякой взаимной связи между ними и всякой помощи имъ, всякаго руководства извнѣ. Создать эту связь, принести эту помощь, дать это руководство и обязана интеллегенція. Когда эта обязанность будетъ исполнена, тогда мірскіе люди не будутъ уже безсильными одиночками, да и сама крестьянская масса перестанетъ пугаться первой встрѣчной кокарды и трусливо покидать въ нуждѣ своихъ защитниковъ. Именно ради исполненія этой обязанности и шла въ народъ тогдашняя передовая интеллигенція.

А мірскіе люди, подобные Бычкову, оставались ея любимыми типами. Наумовъ говоритъ о такихъ людяхъ: «Они всецѣло отдаются своему дѣлу, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и не щадя себя; въ нихъ много неискоренимой вѣры въ правду, и они доискиваются ея всѣми путями; они незнакомы съ разочарованіемъ, хотя жизнь на каждомъ шагу наталкиваетъ ихъ на него, и когда передъ ними закроются всѣ пути, ведущіе къ ихъ цѣли, они пробиваютъ новые и все-таки идутъ, идутъ къ ней, пока не падутъ подъ бременемъ неравной борьбы» (т. I, стр. 435). Подумайте, съ какимъ восторгомъ должна была внимать изображенію такихъ людей тогдашняя передовая интеллигенція. Сколько самыхъ отрадныхъ надеждъ она должна была связывать съ ихъ существованіемъ! И она, конечно, не ошибалась, высоко цѣня такихъ людей. Ея ошибка была не тутъ. Она заключалась въ легкомысленной идеализаціи нашего стараго, уже и тогда быстро разлагавшагося экономическаго порядка. Увѣковѣченіе этого порядка необходимо повело бы за собою увѣковѣченіе тѣхъ самыхъ свойствъ народнаго характера, о которыя такъ часто разбивалась энергія Бычковыхъ и о которыя разбилось впослѣдствіи самоотверженіе народниковъ.

III.

Посмотримъ, каковъ былъ этотъ старый экономическій порядокъ и какъ отражался онъ на взглядахъ, чувствахъ и привычкахъ народной массы, подвергавшейся его неотразимому вліянію.

Наумовъ совсѣмъ не задавался цѣлью его всесторонняго изображенія. Онъ подробно останавливался только на нѣкоторыхъ его соціальныхъ послѣдствіяхъ. Однако, у него мимоходомъ собрано довольно много

матерьяла для характеристики этого стараго порядка и его вліянія на народную жизнь.

Наблюденія Наумова относятся большею частью къ быту сибирскихъ крестьянъ; но это, разумѣется, нисколько не измѣняетъ дѣла.

Потрудитесь прислушаться къ слѣдующему разговору автора съ ямщикомъ, везущимъ его въ село Т...ь (Паутина):

«— Какія благодатныя мѣста у васъ...

— Мѣста у насъ—умирать, братъ, не надо!—отозвался ямщикъ.— По этимъ мѣстамъ только бы жить да жить нашему брату, а все, другъ мой сердешный, мается народъ-то: и хлѣба теперича урожай, не пожалуемся, и пчелка водится, медку-то тебѣ за лѣто съ избыткомъ принесетъ она, а маемся, диво вотъ!—заключилъ онъ.

— Отчего же вы маетесь?

— Отчего?—повторилъ онъ.—И хорошія, братъ, мѣста у насъ, да глухія, суди самъ: теперича въ урожайный-то годъ хлѣбъ-то хошь даромъ отдавай, такъ никто не беретъ у тебя, вотъ оно, дѣло-то! А подать-то не ждетъ, по хозяйству тоже безъ гроша клина не вобьешь, а гдѣ ихъ, грошей-то, брать прикажешь? у кого лошадей много да во времени избытокъ, нагрузитъ воза да въ Т...ъ городъ везетъ; ему и выгода, и богатѣетъ, а нашему-то брату несподручно это, потому и лошадушекъ намаешь, и время-то тебѣ терять не приходится... Вотъ ты и у хлѣба сидишь, а горя не минуешь...» (т. I, стр. 54).

Справедливость этой мысли, что крестьянинъ можетъ натерпѣться горя, даже сидя у хлѣба, явствуетъ также изъ отзывовъ уже упомянутаго выше кулака Кузьмы Терентьича. Въ отвѣтъ на наивный вопросъ, отчего онъ не займется хлѣбопашествомъ, торгашъ сухо отвѣчаетъ: «отвыкли-съ!», а когда авторъ спрашиваетъ, неужели у нихъ въ семьѣ никто уже не обрабатываетъ земли [1])? онъ говоритъ:

«—Кое-кто и сѣются, есть, а намъ не къ чему-съ! Мало ли окрестъ насъ селъ и деревень хлѣбопашество-то ведутъ, въ хлѣбѣ-то по уши зарылись, а все нищіе, все около насъ же колотятся. Куда вы его сбывать-то будете? У нихъ вонъ есть хлѣбъ-то въ скирдахъ по пяти, по шести лѣтъ стоитъ, а у него бродней купить не на што, чтобы отъ холоду оборониться. Вотъ и сѣйте его. Нѣтъ, не дѣло это, сударь!» (т. I, стр. 65).

Въ другомъ мѣстѣ («Юровая») крестьянинъ, старающійся продать кулаку рыбу, разсуждаетъ такъ:

— ...И у хлѣба сидимъ, не погнѣвимъ Бога, да хлѣбъ-то энтотъ не по насъ, неужъ ты думаешь, и мы не поѣли бы рыбки-то? Поѣли бы и какъ бы исшо поѣли... Да вотъ съѣшь-ко ее, попробуй, такъ чѣмъ подушныя-то справишь? Чѣмъ по домашности дыры-то заткнешь?

---

[1]) Это одно изъ тѣхъ селъ, жители которыхъ почти поголовно занимаются спаиваніемъ и обираніемъ пріисковыхъ рабочихъ.

А много дыръ-то, о-охъ, много! Успѣвай только конопатить! Иной бы и въ городъ чего свезъ, нашлось бы по домашности-то, да куды повезешь-то? Триста верстъ отмѣрять на одной животинкѣ—нагрѣешь ноги и безъ пути нагрѣешь-то ихъ; што и выручишь, все на прокормъ тебѣ да лошадушкѣ уйдетъ, а домой-то съизнова пріѣдешь ни съ чѣмъ и проѣздишь-то не мало время, а кто робить-то безъ тебя дома-то будетъ? А вѣдь домашность-то тоже не ждетъ, иное время часъ дорогъ. Вотъ и суди мужичье-то дѣло»... (т. I, стр. 353).

Полагаемъ что этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о народномъ хозяйствѣ описываемыхъ Наумовымъ мѣстностей. Это хозяйство есть такъ называемое въ наукѣ *натуральное* хозяйство. Но это натуральное хозяйство уже переходитъ въ *товарное*. Крестьянину нужны не только естественныя произведенія его собственнаго поля, огорода и скотнаго двора; ему нуженъ также и «всеобщій товаръ», т.-е. деньги, и даже сравнительно не мало денегъ. И притомъ деньги нужны ему не только для удовлетворенія требованій государства, т.-е. для уплаты податей, но и для собственной «домашности», гдѣ, какъ оказываетя, много дыръ, которыя можно заткнуть только деньгами. Но деньги не легко достаются крестьянину. При обиліи естественныхъ произведеній сельскаго хозяйства и при отсутствіи широкаго и правильнаго ихъ сбыта, эти произведенія отдаются чуть не даромъ. Поэтому денежные люди, захватывая въ свои руки всю торговлю ими, наживаютъ огромные барыши, которые ставятъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи чрезвычайно высоко надъ крестьянской массой.

Но это не все. Являясь господиномъ сбыта естественныхъ произведеній крестьянскаго хозяйства, обладатель «всеобщаго товара» становится въ то же время господиномъ и надъ самимъ производителемъ. *Производитель* попадаетъ въ кабалу къ *скупщику*, и кабала эта тѣмъ безпощаднѣе и тѣмъ грубѣе, чѣмъ менѣе успѣло развиться уже начавшее развиваться денежное хозяйство. Скупщикъ хочетъ распоряжаться и дѣйствительно распоряжается не только *продуктами* крестьянскаго *труда*, но и *всѣмъ сердцемъ*, *всѣмъ помышленіемъ крестьянина*. «Въ этой бѣдной, забитой жизни,—говоритъ Наумовъ,—капиталъ играетъ еще большую роль, чѣмъ гдѣ-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если бы она родилась въ умѣ бѣдняка, одѣтаго въ оборванный полушубокъ и такія же бродни (т. I, стр. 344).

Народникамъ казалось, что кулаки вырастаютъ въ крестьянской средѣ вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній на нее. Они считали кулачество такимъ элементомъ народно-хозяйственной жизни, который легко удалить, не только не измѣняя основъ этой жизни, но всѣми силами укрѣпляя ихъ. Мы видѣли, что кулакъ-*скупщикъ* является неизбѣжнымъ порожденіемъ извѣстной фазы общественно-экономическаго развитія. Если бы какой-нибудь общественный катаклизмъ уда-

лилъ всѣхъ скупщиковъ, но они вновь народились бы въ самое короткое время по той простой причинѣ, что предполагаемый катаклизмъ не устранилъ бы экономической причины ихъ появленія.

Народники всегда склонны были идеализировать натуральное крестьянское хозяйство. Они отъ души радовались всѣмъ тѣмъ явленіямъ и всѣмъ тѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, которыя могли, казалось имъ, упрочить это хозяйство. Но такъ какъ въ дѣйствительности у насъ нѣтъ уже такихъ мѣстностей, гдѣ не начался бы и не совершился бы въ болѣе или менѣе значительной степени переходъ натуральнаго хозяйства въ товарное, то мнимое упроченіе натуральнаго хозяйства въ дѣйствительности означало не болѣе, накъ *упроченіе самыхъ первобытныхъ, самыхъ грубыхъ и самыхъ безпощадныхъ формъ эксплуатаціи производителя.*

Народники искренно желали добра нашей трудящейся массѣ, но, плохо выяснивъ себѣ смыслъ современной имъ русской экономики, они, по извѣстному выраженію Грибоѣдова, идя въ комнату, попадали въ другую.

Итакъ, населеніе описанныхъ Наумовымъ мѣстностей страдало и отъ развитія товарнаго производства, и отъ недостатка его развитія. Какія общественныя отношенія вырастаютъ на такой экономической почвѣ?

При натуральномъ хозяйствѣ каждая данная экономическая ячейка удовлетворяетъ продуктами своего собственнаго хозяйства почти всѣ свои нужды. Раздѣленія труда между этими ячейками не существуетъ: каждая изъ нихъ производитъ то же, что и всѣ остальныя. Нашимъ народникамъ такой экономическій порядокъ казался какимъ-то золотымъ вѣкомъ, въ которомъ не было ни печали, ни воздыханій, а было всестороннее, гармоничное развитіе трудящихся. Всѣ популярныя между народниками формулы *прогресса* такъ или иначе совѣтовали цивилизованному человѣчеству *регрессировать* вплоть до натуральнаго хозяйства. Да и теперь еще очень многіе убѣждены у насъ, что крестьянинъ, способный своими собственными продуктами удовлетворить большую часть своихъ потребностей, непремѣнно будетъ «развитѣе» любого промышленнаго рабочаго, всегда занятаго однимъ и тѣмъ же родомъ труда. Для провѣрки этого мнѣнія мы очень рекомендуемъ прочитать въ I томѣ сочиненій Наумова разсказъ: *Замора.*

Заморами называются рытвины, образующіяся на санной дорогѣ во время таянія снѣга. Изъ нихъ очень трудно выбраться разъ застрявшимъ въ нихъ проѣзжимъ. Поэтому ихъ очень боятся. Въ разсказѣ Наумова зовутъ заморой крестьянина Максима Королькова, обладающаго неслыханнымъ въ «интеллигентной» средѣ свойствомъ—«*заѣдливостью*». Изъ объясненій его односельчанъ выходитъ, впрочемъ, что это странное свойство есть не что иное, какъ склонность къ размышленію, къ *думѣ*: «онъ, Замора-то, сейчасъ это въ душу вдарится: по-

чему да отчего все это, да гдѣ законъ экой?» Крестьянамъ эта склонность кажется совершенно неумѣстной въ ихъ быту; они убѣждены, что думать—это не «мужичье дѣло». Конечно, совсѣмъ безъ думы даже и мужику прожить невозможно: «и хотѣлъ бы, можетъ, въ ину пору жить безъ думы, да, вишь, дума-то не спрашиваетъ, надоть ее или нѣтъ, а сама тебѣ безъ спросу въ голову лѣзетъ». Но дума думѣ рознь. Иную думу крестьянинъ можетъ «свободно допущать» къ себѣ, а иную онъ долженъ гнать и «давить», какъ «блажную», т.-е. вредную. Блажными думами считаются такія, которыя относятся не къ собственному хозяйству размышляющаго, а къ существующимъ общественнымъ отношеніямъ или хотя бы даже къ обычаямъ. Замора спрашиваетъ: «почему, коли отъ Бога нѣтъ закона вино пить, а ты пьешь, вредительность себѣ приносишь?» По мнѣнію крестьянина, сообщавшаго объ этомъ автору, это была вредная дума, потому что «такъ» не можно.

«—Отчего же не можно, объясни ты мнѣ?! — спрашиваетъ его авторъ.

— Не стать, не мужичье дѣло въ экія думы входить,—горячо отвѣчаетъ онъ.—Мужичье дѣло, батюшка, одно знать: паши, сѣй, блюди хозяйство, соблюдай — чего съ тебя начальство требуетъ, а не вникайся, ни Боже мой...

— Ни во что не вникайся, что бы ни дѣлалось вокругъ тебя, а?

— Ни въ малую соринку!

— А Замора вникалъ?

— Про-то и говорю, что заѣдался! Дума-то, батюшка, что калачъ на голодные зубы, приманчива; вдайся только въ нее и не услышишь, какъ облопаешься.

— Думой-то?

— Ну, помысломъ-то про то, да про сё, чего тебѣ вовсе не слѣдъ знать и вѣдать» (т. I, стр. 285).

Человѣку, привыкшему къ «думѣ», трудно даже и понять, какъ это можно ею «облопаться». Между тѣмъ, бѣдный Замора дѣйствительно заболѣлъ отъ нея; онъ кончилъ галлюцинаціями и «пророчествами». Нѣчто подобное же Наумовъ изображаетъ въ этюдѣ «Умалишенный». Крестьянинъ, начавшій «вникаться» въ окружающіе его порядки, сходитъ съ ума. Когда мы читали этотъ этюдъ, намъ вспомнилось, какую большую роль играли всякаго рода «видѣнія», «гласы», «пророчества» и т. п. въ исторіи нашего раскола. Расколъ несомнѣнно былъ одной изъ формъ протеста народа противъ тягостей, которыми обременяло его государство. Въ расколѣ народъ протестовалъ посредствомъ своей «думы», но это была надломленная, до горячки больная дума людей, совершенно не привыкшихъ размышлять о своихъ собственныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Пока такіе люди довольны этими отношеніями, они считаютъ, что малѣйшая перемѣна въ ихъ

можетъ разсердить небо, а когда эти отношенія становятся очень неудобными, люди осуждаютъ ихъ во имя небесной воли и ждутъ чуда, въ родѣ появленія ангела съ огненной метлою, который смететъ нечестивые порядки, расчистивъ мѣсто для новыхъ, болѣе угодныхъ Богу.

IV.

«Паши, сѣй, блюди хозяйство, соблюдай, чего съ тебя начальство требуетъ, а не вникайся, ни Боже мой!»—такъ говоритъ обстоятельный хозяйственный крестьянинъ. Область, въ которой можетъ безопасно вращаться крестьянская мысль, ограничивается предѣлами крестьянскаго хозяйства. Занимаясь хозяйствомъ, крестьянинъ становится въ извѣстныя отношенія къ землѣ, къ навозу, къ орудіямъ труда, къ рабочему скоту. Допустимъ, что эти отношенія чрезвычайно разнообразны и крайне поучительны. Но они не имѣютъ ничего общаго со взаимными отношеніями *людей въ обществѣ*, а именно этими-то отношеніями и воспитывается мысль гражданина, именно отъ нихъ-то и зависитъ бо́льшая или меньшая широта его взглядовъ, его понятія о справедливости, его общественные интересы. Пока мысль человѣка не выходитъ за предѣлы его хозяйства, до тѣхъ поръ мысль эта спитъ мертвымъ сномъ, а если и пробуждается подъ вліяніемъ какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, то пробуждается лишь для галлюцинацій. Натуральное хозяйство очень неблагопріятно для развитія чуткой общественной мысли и широкихъ общественныхъ интересовъ. Такъ какъ каждая данная экономическая ячейка довольствуется своими собственными продуктами, то сношенія ея съ остальнымъ міромъ крайне немногосложны, и она совершенно равнодушна къ его судьбамъ. У насъ привыкли превозносить чувство солидарности, будто бы въ высокой степени свойственное крестьянамъ-общественникамъ. Но это совсѣмъ неосновательная привычка. Въ дѣйствительности крестьяне-общинники такіе же индивидуалисты, какъ и крестьяне-собственники. «Фиктивно соединенные въ общество круговою порукою при исполненіи многочисленныхъ общественныхъ обязанностей, большею частью къ тому же навязываемыхъ извнѣ,—справедливо говоритъ Г. И. Успенскій,—они, не какъ общинники и государственные работники, а просто какъ люди, предоставлены каждый самъ себѣ, каждый отвѣчай за себя, каждый самъ за себя страдай, справляйся, если можешь, если не можешь — пропадай» («Изъ деревенскаго дневника»). Правда, это замѣчаніе Г. И. Успенскаго относится къ крестьянамъ Новгородской губерніи, давно уже живущимъ при условіяхъ очень развитого, товарнаго хозяйства. Но изъ сочиненій Наумова видно, что солидарности не больше и между сибирскими крестьянами: и тамъ бѣднякъ встрѣчаетъ мало сочувствія со стороны односельчанъ. Уже знакомый намъ крестьянинъ Яшникъ имѣлъ только одну лошаденку Пѣганку, изнуренную безпрерывной работой и безкормицей. Часто, выбившись изъ силъ, Пѣганка остана-

вливалась на дорогѣ, и тогда ее не могли уже сдвинуть съ мѣста ни понуканія, ни удары. Яшнику оставалось только припречь самого себя къ возу, что не мало веселило всю деревню.

«—Ну, и рысаки, глянь-ко, братцы, ахъ хи-хи-и-и! Того и гляди, что возъ-то въ дребезги разобьютъ, а-а-а?

— Цѣлковыхъ сто, поди, пара-то экихъ стоитъ, други, а-а?

— Не купишь и за этакія деньги! Ты погляди только, вѣдь и рысью-то оба взяли, и мастью-то другъ къ другу подошли... Словно одной матки дѣти...

— А если по разницѣ теперича взять ихъ, братцы, то которая форменнѣй выглядитъ: корневикъ, аль пристяжная... а?

— Корневикъ, извѣстное дѣло, потому, у корневика-то хотя шкура цѣла, только вылиняла, а у пристяжной-то отъ заплатъ-то въ глазахъ рябитъ!—галдѣли деревенскіе остряки, намекая на множество разновидныхъ заплатъ, украшавшихъ единственный полушубокъ Яшника, не снимавшійся съ плечъ его ни зимой, ни лѣтомъ» (т. I, стр. 212—213).

Такое безсердечное издѣвательство надъ бѣдностью возможно только тамъ, гдѣ во всей силѣ царитъ суровое правило: каждый за себя, а Богъ за всѣхъ, и гдѣ человѣкъ, не умѣвшій собственными силами справиться съ нуждою, не вызываетъ въ окружающихъ ничего, кромѣ презрѣнія. Недурно выставлено Наумовымъ равнодушіе крестьянъ къ чужому горю и въ «*Деревенскомъ аукціонѣ*». У одного изъ нихъ продается съ аукціона имущество. Изъ открытыхъ оконъ его избы слышатся глухія рыданія, самъ онъ сидитъ на крыльцѣ, уныло свѣсивъ голову, а густая толпа крестьянъ, съѣхавшихся на аукціонъ изъ сосѣднихъ деревень, тѣснится вокругъ него, осматривая приготовленные къ продажѣ предметы и не обращая [на его неподдѣльное горе ни малѣйшаго вниманія. Какой-то парень выгодно купилъ его мерина, какой-то старикъ «нагрѣлся», покупая двѣ сбруи. Этотъ послѣдній хнычетъ передъ засѣдателемъ, прося сбавить черезчуръ высокую цѣну сбруи: «сдѣлай милость, бѣдность»,—говоритъ онъ. Но эта же самая «бѣдность» только что собиралась поживиться на счетъ своего же брата, разореннаго неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Онъ кричитъ: «Да будь они прокляты, всѣ эти кціены»!.. Но кричитъ единственно потому, что его расчетъ не оправдался, а вовсе не потому, что «кціенъ» пустилъ по міру такого же, какъ онъ, крестьянина.

Можно, конечно, сказать что въ подобныхъ случаяхъ отсутствіе солидарности между крестьянами есть плодъ новаго, нарождавшагося *товарнаго* хозяйства, а вовсе не стараго *натуральнаго*. Но это будетъ невѣрно. Товарное хозяйство не создаетъ разобщенности интересовъ между крестьянами; оно только обостряетъ ее, *на нее же опираясь* въ своемъ развитіи. Мы уже видѣли, какъ отвратительны тѣ формы эксплуатаціи, которыя возникаютъ въ процессѣ перехода натуральнаго хозяйства въ товарное: ростовщикъ совершенно порабощаетъ произво-

дителей. Но чѣмъ же создается эта страшная, всеподавляющая сила ростовщическаго капитала! Именно тѣми отношеніями, которыя онъ, при своемъ появленіи, застаетъ между производителями, воспитавшимися при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Разобщенные одни съ другими, совершенно неспособные къ дружному труду на общую пользу, едва только этотъ трудъ выходитъ за предѣлы вѣковѣчной рутины, производители составляютъ естественную добычу ростовщика, который также легко справляется съ ними, какъ коршунъ справляется съ цыплятами. И они сами видятъ не только свое экономическое безсиліе передъ ростовщикомъ, но также и его *умственное превосходство* надъ ними.

«—И голова же, братъ,, о-о!—говоритъ у Наумова ямщикъ о кулакѣ Кузьмѣ Терентьичѣ.

— Умный?

— Ума этого у него въ три беремя не облапишь. Да вотъ поглядите сами, каковъ онъ есть, Кузьма Терентьичъ...» и т. д. (т. I, стр. 56 «Паутина»).

Это преклоненіе обыкновеннаго крестьянина передъ умомъ кулака постоянно бросалось въ глаза лучшимъ изслѣдователямъ нашего народнаго быта. Его одного достаточно было бы для доказательства того, что кулачество порождается не внѣшними, а внутренними условіями крестьянской жизни. Внѣшнія условія оказались бы безсильными тамъ, гдѣ внутреннія условія дѣлали бы невозможнымъ выдѣленіе изъ крестьянскаго *міра* людей, носящихъ выразительное названіе *міроѣдовъ*.

Безсильные передъ кулакомъ вслѣдствіе своей разобщенности, производители разсматриваемаго нами періода экономическаго развитія являются также совершенно безсильными и по отношенію къ тому центру, который вѣдаетъ общія дѣла данной территоріи. Чѣмъ больше эта территорія, тѣмъ безсильнѣе оказываются передъ нимъ и отдѣльныя лица, и цѣлыя общины. Гордая независимость дикаря уступаетъ мѣсто жалкой приниженности порабощеннаго варвара. Полное ничтожество каждаго изъ этихъ варваровъ по отношенію къ центру получаетъ до послѣдней степени непривлекательное внѣшнее, такъ сказать церемоніальное выраженіе. Въ своихъ сношеніяхъ съ центромъ производитель варваръ выступаетъ не какъ человѣкъ, а лишь какъ нѣкое жалкое подобіе человѣка. Онъ называетъ себя не полнымъ человѣческимъ именемъ, а уничижительной кличкой, распространяя свое приниженіе на все, что имѣетъ къ нему извѣстное касательство: у него не жена, а женка, у него не дѣти, а дѣтишки, у него не скотъ, а животишки. Наконецъ онъ и самъ перестаетъ принадлежать себѣ, становясь собственостью государства. Его закрѣпощеніе, его *прикрѣпленіе къ землѣ* является при указанныхъ условіяхъ совершенно необходимымъ для удовлетворенія экономическихъ нуждъ государства. Если бы его не привязали къ землѣ, то онъ не переставъ бы «брести розно», отнимая

у государства всякую возможность прочнаго существованія. Государство даетъ ему землю, пока надѣленіе его землею остается единственнымъ средствомъ поддержанія его «платежной силы». Разъ прикрѣпленный къ землѣ онъ сростается съ нею, какъ улитка съ своей раковиной, какъ растеніе съ той почвой, которая его питаетъ. Пока такой человѣкъ находится въ состояніи умственнаго равновѣсія, т.-е. проще говоря въ здравомъ умѣ и твердой памяти, ему и въ голову не приходитъ задаваться вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ процессу производства, поглощающему всѣ его духовныя и физическія силы. Онъ пашетъ, сѣетъ, блюдетъ хозяйство, соблюдаетъ, чего съ него начальство требуетъ, но отнюдь и никогда *«не вникается»*. Это не его дѣло. Вникаться должны люди, живущіе въ центрѣ, а онъ обязанъ обезпечить имъ экономическую возможность вниканія, т.-е. опять-таки пахать, сѣять соблюдать хозяйство и проч. Роскошь «думы» могутъ позволить себѣ только производители, почему-либо поврежденные въ умѣ. На той ступени экономическаго развитія, о которой у насъ идетъ рѣчь теперь, отсутствіе раздѣленія труда въ процессѣ производства необходимо ведетъ за собою *общественное* раздѣленіе труда, при которомъ «дума» становится совершенно лишнимъ и даже вреднымъ занятіемъ для производителя.

Пусть не указываютъ намъ на людей, подобныхъ Бычкову, какъ на доказательство того, что и здравомыслящіе люди могли «вникаться» при указанномъ экономическомъ порядкѣ. Бычковы, собственно говоря, не «вникаются» въ окружающія ихъ общественныя отношенія, а борются съ нѣкоторыми отдѣльными злоупотребленіями. Вопросы, возникающіе въ головахъ людей, подобныхъ Заморѣ, и Бычковымъ показались бы въ большинствѣ случаевъ безумными. Бычковы не задаются цѣлью вести своихъ ближнихъ впередъ, они стараются только облегчить имъ ихъ неподвижное существованіе. Бычковы — честные консерваторы; да и эти консерваторы кончаютъ, какъ мы видѣли, плохо, и имъ приходится бѣжать въ другіе «округа». Бычковы населили всѣ наши восточныя окраины. Эти окраины не рѣдко «бунтовались», но онѣ не внесли ровно ничего новаго въ нашу народную жизнь по той простой и понятной причинѣ, что имъ самимъ не удавалось подняться на высшую ступень экономическаго развитія.

Со всѣхъ сторонъ тѣснимый гнетомъ суровой и безпощадной дѣйствительности, варваръ-земледѣлецъ самъ становится суровымъ и безпощаднымъ. Онъ не знаетъ никакой жалости тамъ, гдѣ ему приходится вести борьбу за свое жалкое существованіе. Извѣстны расправы крестьянъ съ конокрадами. У Наумова разсказывается случай расправы сибирскихъ обозчиковъ съ тремя попавшимися имъ въ руки ворами, промышлявшими кражей чая: «схватили, слышь, ихъ, уволокли въ лѣсъ за версту отъ дороги-то, раздѣли ихъ донага, развели три костра, да и привязали ихъ къ деревьямъ-то за руки и за ноги, штобъ

спины-то надъ кострами висѣли, огнемъ-то и стали имъ спины грѣть... Такъ какъ, сказываютъ, молились они, просили предать ихъ смерти. Опосля, ужъ вдолги послѣ того, нашли ихъ: висятъ на деревьяхъ, а жареное-то мясо такъ и отстало отъ костей...» («Эскизы безъ тѣней», т. II, стр. 338).

Далѣе у Наумова подробно доказывается, что воры причиняютъ крестьянамъ-обозчикамъ огромные убытки. Никто не станетъ спорить съ этимъ. Но варварская жестокость остается варварскою жестокостью, а варварской жестокости всегда много у народовъ *«патріархально»-земледѣльческихъ*. Примѣръ—утонченно-жестокіе китайцы.

Отсутствіе раздѣленія труда между производителями нимало не устраняетъ раздѣленія труда между мужчиной и женщиной. Мужчина производитъ, женщина приспособляетъ для потребленія его продукты. Такимъ образомъ женщина становится въ матеріальную зависимость отъ мужчины, а на разсматриваемой нами ступени экономическаго развитія матеріальная зависимость быстро ведетъ къ рабству. И дѣйствительно, женщина становится рабой мужчины, его вещью, его собственностью. Мужъ не только можетъ *«поучить»* жену, но часто *вынуждается къ этому* вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Когда онъ «учитъ» ее, никто не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться, остановить его тяжелую руку, и нерѣдко сосѣди съ философскимъ спокойствіемъ смотрятъ, какъ мужъ забиваетъ свою жену до полусмерти. У Наумова въ «Эскизахъ безъ тѣней» мы находимъ разсказъ о томъ, какъ одинъ рабочій уступилъ жену другому. «Солдатъ это на пріискѣ-то живетъ... блудящій такой, только Егорьемъ и хвалится. А жена-то у него добрая баба, работящая... Ну, и попуталъ ее грѣхъ-то съ дядей, прилѣпилась она къ нему. Сначала много у дяди грѣха-то съ солдатомъ было. Солдатъ-то одново съ ножемъ на дядю кинулся, а дядя-то, слышь, взялъ его, словно щенка, за загривокъ, опустилъ подъ жолобъ съ водой у машины, што золото моетъ, и говоритъ: отдавай добромъ жену, а то тутъ тебѣ и рѣшенье дѣлу, вмѣстѣ съ Егорьемъ утоплю... Ну, солдатъ-то это, какъ поостылъ въ холодной водѣ, сердце-то у него и спало: «Бери, говоритъ, жену, только пусти душу на покаянье!» Такъ съ этого слова дядя-то и завладѣлъ бабой, а штобъ крѣпче было, такъ солдатъ-то съ дядей гумагу сдѣлали промежъ себя; въ пріисковой конторѣ имъ и писали эту гумагу, што, стало быть, солдатъ отдалъ свою жену дядѣ, какъ бы въ ренту за сто рублевъ одновременно, а напредки съ благодарностью по силѣ возможенья, и штобъ солдату къ женѣ касательства не имѣть, а въ случаѣ, если дядю смертный часъ постигнетъ, то бабу препоручить на изволенье Божье» (т. II, стр. 333—334). Отдать жену въ аренду можно только тамъ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на собственность мужа. Но и эта форменная уступка женщины однимъ мужчиной другому есть уже въ сущности предвѣстникъ разложенія стараго крестьянскаго быта, ре-

зультатъ неустойчивости, внесенной въ жизнь трудящейся массы золотыми пріисками. Настоящій крестьянинъ не уступитъ жены, такъ же какъ не продастъ безъ крайней надобности пришедшейся «ко двору» лошади: подобная уступка вносила бы слишкомъ много неурядицы въ его хозяйство.

Разсматриваемые нами порядки отличаются удивительною живучестью. Ростовщическій капиталъ обираетъ и принижаетъ производителей, но онъ не измѣняетъ способовъ производства. Эти способы могутъ существовать цѣлыя тысячелѣтія почти безъ всякой перемѣны. Сообразно съ этимъ и вырастающія на ихъ основѣ общественныя отношенія отличаются поразительною косностью. Страны, гдѣ они господствуютъ, по справедливости, считаются странами застоя. Человѣчество переходило на высшія ступени культурнаго развитія только тамъ, гдѣ благопріятное стеченіе обстоятельствъ нарушало равновѣсіе этихъ варварскихъ порядковъ, гдѣ экономическое движеніе разгоняло вѣковой сонъ варваровъ. Къ великому счастью для всѣхъ безъ исключенія русскихъ людей, Россіи не суждено было заснуть такъ крѣпко, какъ заснули другія историческія Обломовки, въ родѣ Египта или Китая. Ее спасло вліяніе западныхъ сосѣдей, благодаря которому она уже безвозвратно выступила теперь на путь общеевропейскаго экономическаго развитія. Со времени отмѣны крѣпостного права крушеніе нашего стараго экономическаго быта пошло впередъ очень скоро, внося широкія полосы свѣта въ темное прежде царство. Не смотря на самыя усердныя попытки идеализаціи этого быта, нашимъ народникамъ-беллетристамъ оставалось лишь изображать какъ самый процессъ его разложенія, такъ и его общественныя и психологическія послѣдствія. Занятый своею гуманною проповѣдью, Наумовъ едва-едва касается этой стороны дѣла [1]). Но она очень ярко выступаетъ у Г. И. Успенскаго, Каронина, Златовратскаго.

По странной иронiи судьбы лучшимъ беллетристамъ-*народникамъ* пришлось изображать торжество новаго экономическаго порядка, который, по ихъ мнѣнію, не сулилъ Россіи ничего, кромѣ всякаго рода матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдствій. Этотъ взглядъ на новый порядокъ не могъ не отразиться и на ихъ сочиненіяхъ. За весьма немногими исключеніями (напр. повѣсть Каронина «Снизу вверхъ»), въ нихъ изображаются лишь отрицательныя стороны переживаемаго нами процесса,

---

[1]) Онъ касается ея тамъ, гдѣ изображаетъ семейныя отношенія крестьянъ и вторгающіяся въ нихъ повшества. «Молодяжникъ-то на стариковъ ропчетъ, што не по правдѣ болѣ живутъ... што сынъ-де на работу идетъ, а отецъ въ кабакъ,— говоритъ крестьянинъ въ «Эскизахъ безъ тѣней»:—сынъ норовитъ, кабы въ домъ копѣйку принести, а отецъ изъ дому. А старики говорятъ, что молодые-то отъ рукъ отбились.., почему де нѣтъ... послушанья... (т. II, стр. 346). Это уже явный признакъ разложенія старой домостроевщины, но для Наумова какъ будто еще неясно его значеніе.

а положительныя затрогиваются развѣ только невзначай, невольно и мимоходомъ. Надо надѣяться, что съ исчезновеніемъ народническихъ предразсудковъ у насъ явятся писатели, *сознательно* стремящіеся къ изученію и художественному воспроизведенію положительныхъ сторонъ этого процесса. Это будетъ большимъ шагомъ впередъ въ развитіи нашей художественной литературы. И чтобы сдѣлать такой шагъ, художникамъ не нужно заглушать въ себѣ то сочувствіе къ народной массѣ, которое составляло самую сильную и самую симпатичную сторону народничества. Совсѣмъ нѣтъ. Характеръ сочувствія, конечно, будетъ уже не тотъ. Но отъ перемѣны онъ только усилится. Какъ ни идеализировали народники крестьянскую массу, но *они все-таки смотрѣли на нее сверху внизъ*, какъ на хорошій матеріалъ для ихъ благодѣтельныхъ историческихъ опытовъ. Въ народничествѣ была своя значительная доля барства. Призванная смѣнить народниковъ новая разновидность интеллигенціи неспособна относиться по-барски къ людямъ физическаго труда уже въ силу того убѣжденья, что историческое дѣло этихъ людей можетъ быть сдѣлано только ими самими. Она видитъ въ нихъ не дѣтей, которыхъ надо воспитать, не несчастненькихъ, которыхъ надо облагодѣтельствовать, а товарищей, съ которыми надо идти рядомъ, дѣля и радость, и горе, и пораженія, и побѣды, съ которыми предстоитъ проходить вмѣстѣ великую воспитательную школу историческаго движенія впередъ къ одной общей цѣли. Ну, а кто же не знаетъ, что товарищеское сочувствіе есть нѣчто болѣе серьезное и болѣе цѣнное, чѣмъ сочувствіе, точнѣе состраданіе, жалость благодѣтеля къ лицу, которое онъ собирается облагодѣтельствовать? Такимъ образомъ исчезаетъ пропасть, издавна существовавшая между людьми мысли и людьми физическаго труда, потому что эти люди сами начинаютъ мыслить, сами становятся интеллигентными, чѣмъ прекращается неизбѣжная въ свое время, но крайне непривлекательная монополія интеллигентности. И прекращается она именно потому, что крушеніе старыхъ, дорогихъ народникамъ «устоевъ» разогнало тяжелый вѣковой сонъ нашихъ Обломовокъ. Крестьянинъ добраго стараго времени не долженъ былъ «вникаться» подъ страхомъ умопомѣшательства. Трудящійся человѣкъ нашихъ дней обязанъ «вникаться» просто въ силу экономическаго своего положенія хотя бы только для того, чтобы отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ неблагопріятными, но въ то же время вѣчно подвижными, вѣчно измѣнчивыми экономическими условіями, ему, какъ Фигаро, нужно больше ума, чѣмъ требовалось его «для управленія всѣми Испаніями». Это колоссальная разница, существенно измѣняющая весь характеръ трудящейся массы, а съ нимъ и всѣ шансы нашего дальнѣйшаго историческаго развитія. Народники не видятъ и не признаютъ этой разницы. Но... *ignorantia non est argumentum.*

П. К.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

III. «Мужики» г. Чехова [1]).

«Настоящій талантъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль».

Тургеневъ.

Оскудѣніе нашей беллетристики талантами стало общимъ мѣстомъ и вѣчнымъ припѣвомъ. Вѣрнѣе, не объ оскудѣніи талантами слѣдуетъ говорить, а о крайней рѣдкости талантливо написанныхъ вещей. Таланты молчатъ, а бездарности и разные массовые, кустарные и фабричные производители романовъ и повѣстей пишутъ много, до... тошноты у читателей и, быть можетъ, до собственнаго одуренія. Во всякомъ случаѣ это множество беллетристики пропадаетъ для литературы въ томъ высокомъ смыслѣ, о которомъ должны бы были имѣться у русскихъ писателей вполнѣ опредѣленныя понятія, сильныя и своимъ внутреннимъ содержаніемъ и славными традиціями, съ ними связанными.

Почему молчатъ таланты? Чѣмъ объясняется то плачевное пониженіе общаго уровня художественной литературы, котораго никто, кажется, не оспариваетъ? Чего недостаетъ этой литературѣ?

Вотъ вопросы, которые неотвязно встаютъ передъ каждымъ думающимъ читателемъ. Задать ихъ, легко; отвѣтить же на нихъ чрезвычайно трудно. Во всякомъ духовномъ творчествѣ причудливо переплетаются и скрещиваются общественныя и индивидуальныя условія и силы; разобраться въ ихъ взаимномъ отношеніи подчасъ почти невозможно. Пониженіе уровня художественной литературы любятъ объяснять пониженіемъ талантовъ. Но это, я думаю, невѣрно: таланты у насъ не отсутствуютъ, а молчатъ, не проявляются и потому не развиваются. Кромѣ того, такое объясненіе только отодвигаетъ вопросъ. Упадокъ талантовъ тоже мало констатировать, его надо объяснить.

Одну причину и, быть можетъ, самую существенную низкаго уровня современной русской художественной литературы, думается мнѣ, не такъ ужъ трудно нащупать.

Мнѣ хочется избѣгнуть недоразумѣнія, и поэтому я сразу открою передъ читателемъ одну сторону своей эстетической profession de foi.

---

[1]) «Русская Мысль», апрѣль.

Я совсѣмъ не сторонникъ тенденціознаго искусства. А поучающее и морализирующее искусство считаю прямо самымъ плохимъ родомъ, хуже котораго только скучный.

Но искусство должно воспроизводить жизнь во всей ея глубинѣ и силѣ, со всѣми совершающимися въ ней перемѣнами, перекрещивающимися и борящимися теченіями и идеями. Есть идеи въ жизни, ихъ не можетъ не быть въ литературѣ. Есть въ жизни *руководящія* идеи, должны быть онѣ и въ беллетристикѣ. Идеи, конечно, берутся не съ вѣтра, не появляются путемъ самопроизвольнаго зарожденія въ мозгахъ критически мыслящихъ личностей; онѣ развиваются изъ общественныхъ отношеній и въ огромномъ большинствѣ случаевъ носятъ на себѣ явственную печать такого происхожденія. Конечно, и въ отвлеченныхъ идеологіяхъ, и въ художественномъ творчествѣ есть всегда множество относительно простыхъ формальныхъ (тоже относительно) элементовъ, которые передаются отъ одной эпохи къ другой. Но эти формальные элементы всегда такъ или иначе комбинируются съ различнымъ историческимъ содержаніемъ, отъ него заимствуя характеризующій ихъ колоритъ.

Если въ жизни есть и дѣйствуютъ идеи, искусство не можетъ не воспроизводить и не отражать ихъ. Нарушеніемъ этого общаго правила, конечно, являются случаи, когда жизненныя идеи не могутъ выразиться вслѣдствіе дѣйствія «непреодолимыхъ силъ»—какъ говорятъ юристы. Возьмите вы объективнаго художника Зола, и вы у него найдете, рядомъ съ индивидуальными судьбами и положеніями, воспроизведеніе общественныхъ движеній и идей. Даже русская каррикатура Зола, г. Боборыкинъ, и тотъ тщится воспроизводить общественное содержаніе современности. Оба—и Золя, и г. Боборыкинъ—пишутъ то, что совершается передъ ними, одинъ—какъ художникъ, другой—съ суздальской фотографичностью.

Но беллетристъ можетъ не только воспроизводить совершающееся, а также **переживать** и воспроизводить.

Такимъ переживаніемъ общественной дѣйствительности запечатлѣна наша классическая художественная литература, начиная съ Гоголя. А переживать общественную дѣйствительность значитъ жить, двигаться и волноваться дѣйствующими въ ней идеями.

Тайна изумительнаго богатства и мощи нашей классической литературы заключается въ томъ, что она обладала заимствованной изъ самой жизни руководящей общественной идеей.

Какъ возникла въ жизни эта идея, реальный ея генезисъ—я не стану здѣсь объяснять. Ее же самое нетрудно выразить въ немногихъ словахъ: отрицаніе крѣпостного права. Это была не только идея, но цѣлое чувство, острое и сильное до боли. Не даромъ спокойный Тургеневъ, который никогда не былъ героемъ общественной борьбы, а,

наоборотъ, отличался слишкомъ большой мягкостью и податливостью, чуть что не трусостью, писалъ о себѣ:

«Въ моихъ глазахъ врагъ... имѣлъ опредѣленный образъ; носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ — крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда» [1]).

Безъ аннибаловской клятвы Тургеневъ не былъ бы для русской литературы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для нея. Безъ этой клятвы не было бы послѣгоголевскаго расцвѣта нашей беллетристики.

Расцвѣтъ этотъ наступилъ, чего никогда не слѣдуетъ забывать, когда съ поколѣнія 40-хъ гг. аннибаловская клятва была снята самой жизнью: до тѣхъ поръ были лишь проблески расцвѣта.

Въ послѣгоголевскую классическую литературу, созданную представителями дворянства и объединенную аннибаловской клятвой, какъ руководящей общественной идеей, врѣзывается народническая литература разночинцевъ. Выразить ея руководящую идею значитъ формулировать сущность народничества. Сдѣлать это въ немногихъ словахъ и очень легко, и очень трудно: въ народничествѣ есть свои историческіе пласты, отлагавшіеся вмѣстѣ съ наслоеніями народной жизни. Мнѣ и не для чего здѣсь останавливаться на характеристикѣ народничества. Въ наличности у такихъ писателей, какъ Успенскій и Златовратскій, руководящей общественной идеи никто не сомнѣвается, и это-то мнѣ и нужно констатировать. Но часто приходится встрѣчаться съ непризнаніемъ за народнической беллетристикой художественнаго значенія. Это—другой вопросъ. Мнѣ думается однако, что современная русская художественная литература не представляла бы столь печальнаго зрѣлища, если бы въ ней продолжалъ дѣйствовать такой писатель, какъ Успенскій. Въ его полупублицистическихъ очеркахъ больше истиннаго искусства, чѣмъ во множествѣ романовъ и повѣстей, печатаемыхъ въ нашихъ журналахъ.

Наша художественная литература не связана теперь никакой аннибаловской клятвой, въ ней нѣтъ руководящей общественной идеи, и въ этомъ ея основной порокъ.

Не слѣдуетъ нашей мысли понимать схематически-просто. Ни классическая, ни народническая беллетристика не представляли собой ряда сочиненій на заданную тему. Въ особенности про дворянскую литературу нельзя сказать, чтобы она «*проводила*» одну опредѣленную идею.

Настоящій талантъ является, какъ сказалъ однажды Тургеневъ, *сосредоточеннымъ* отраженіемъ жизни. Наша классическая литература

---

[1]) Сочиненія И. С. Тургенева. Изд. 1884 г. Т. X, Литературныя воспоминанія, стр. 4.

отражала жизнь, а въ жизни происходила борьба общественныхъ формъ и соотвѣтствующихъ имъ идей; при этихъ условіяхъ литература не могла быть безыдейной, и не могла не служить аннибаловской клятвѣ.

Изъ теперешней литературной пустыни только одинъ выходъ—*сосредоточенное* отраженіе жизни. Надо отразить всю жизнь и подслушать ея аннибаловскую клятву.

Если это невозможно, то невозможна, значитъ, сильная литература. Пусть всякій, кто работаетъ на этомъ поприщѣ, безъ страха передъ самыми неутѣшительными выводами вдумается въ реальныя условія существованія литературы и отвѣтитъ на поставленный нами вопросъ. Я предвижу одно возраженіе, но на него у меня готовъ отвѣтъ, данный однимъ изъ великихъ мастеровъ русскаго слова: «Вы утверждаете, что у публициста и у поэта задачи разныя... Нѣтъ! Онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ—глазами поэта» [1]).

Г. Чеховъ, «Мужики» котораго, дали поводъ къ предлагаемой бесѣдѣ, самый выдающійся представитель литературнаго поколѣнія, или, вѣрнѣе, литературной эпохи безъ аннибаловской клятвы. Я нарочно говорю о литературной эпохѣ, а не объ отдѣльныхъ писателяхъ. Моя задача не обвинять въ безыдейности того или другого писателя или всю литературу (нелѣпое *обвиненіе!*), а констатировать ее, и ею—если ужъ нужно судейское отношеніе—*оправдать* слабость и ничтожество литературы.

Одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но тѣмъ не менѣе «Мужики» г. Чехова замѣчательная ласточка, и мнѣ хотѣлось бы думать, что эта вещь предвѣщаетъ своимъ явленіемъ возрожденіе нашей литературы, приближеніе къ новой эпохѣ, когда литература снова станетъ «*сосредоточеннымъ*» отраженіемъ жизни.

Г. Чеховъ проникнутъ безотраднымъ пессимизмомъ, его «Мужики» ужасающая картина человѣческой зоологіи, или даже деревенскаго озвѣрѣнія, т.-е. процесса превращенія человѣка въ животное—таковъ, кажется, общій отзывъ нашей критики о «Мужикахъ». Одинъ критикъ отмѣтилъ, что въ «Мужикахъ» нѣтъ даже Акима, и они по мрачности и безнадежности далеко оставляютъ за собой «Власть тьмы». Нѣтъ *даже* Акима! Мы съ критикомъ «Русскихъ Вѣдомостей» говоримъ, очевидно, на различныхъ языкахъ, ибо, откровенно говоря, во всей «Власти тьмы» на меня самое безотрадное впечатлѣніе производитъ праведникъ тьмы, Акимъ. Преступленія, совершаемыя въ драмѣ Толстого, возмутительны и нелѣпы, какъ огромное большинство настоящихъ преступленій. Но такъ этому и полагается быть: нигдѣ убійства и половой развратъ—ни въ Лондонѣ, ни въ великорусской деревнѣ, ни въ выс-

---

[1]) Тургеневъ. Предисловіе къ собранію романовъ. Сочиненія, изд. 1884 г., т. II, стр. XVI.

шемъ обществѣ, ни въ средѣ пролетаріата—не производятъ отраднаго впечатлѣнія. Но во «Власти тьмы» глубоко-безотрадно жизненное безсиліе и ничтожество праведничества, ничтожество не индивидуальное только, а общественное. Въ морали Акима проявилась правда, о которой сама жизнь никогда не скажетъ: симъ побѣдиши. Акимъ это—художественное воплощеніе и олицетвореніе непротивленія злу, начала, быть можетъ, очень возвышеннаго, но безсильнаго и жалкаго. Думающаго читателя Акимъ долженъ потрясти своимъ безсиліемъ сильнѣе, чѣмъ вся прочая тьма и грязь, собранная Толстымъ.

Въ «Мужикахъ» Чехова деревня тоже представлена въ безотрадномъ свѣтѣ, но тамъ, по крайней мѣрѣ, *нѣтъ* Акима.

Пересказывать содержаніе «Мужиковъ» нельзя. Это цѣлый рядъ списанныхъ съ жизни картинокъ, производящихъ очень сильное впечатлѣніе своей удивительной правдивостью.

Представлена деревня нечерноземной центральной полосы, деревня, изъ которой лучшіе, наиболѣе приспособленные къ жизни элементы уходятъ. Они рѣдко возвращаются домой и почти ничего не вносятъ въ деревенскую жизнь. Мужики (деревенскіе) живутъ во тьмѣ, въ вѣчной борьбѣ съ нуждой, не освѣщенной никакимъ проблескомъ сознанія и надежды на лучшее будущее. Въ «Мужикахъ» художникъ изобразилъ конечно, не русскую деревню и мужика вообще, а опредѣленный складъ деревенскихъ отношеній, «поселокъ», на которомъ сказались лишь опустошительныя дѣйствія экономическаго развитія, оголившія до послѣдней степени некультурность и дикость среды. Помните, Успенскій говорилъ о «голой зоологической правдѣ, обязательной при земледѣльческомъ трудѣ», а въ сущности просто-на-просто тѣсно связанной съ опредѣленнымъ экономическимъ укладомъ жизни. Зоологическая *правда* неразлучна съ зоологической *не*правдой. И Успенскій постоянно изображалъ и ту, и другую вмѣстѣ. Чеховъ развернулъ передъ читателемъ одну неправду, и это вполнѣ законный художественный пріемъ. Художественное творчество есть сосредоточенное отраженіе жизни, но ни одному художнику не дано отразить *всей* жизни. Г. Чеховъ далъ ея достаточно на своихъ 28 страницахъ.

Но художественная сила и связанное съ ней общественное значеніе «Мужиковъ» заключаются не въ изображеніи зоологической неправды. Въ «Мужикахъ» фигурируютъ не одни только мужики. Среди нихъ умираетъ представитель *города*, половой Славянскаго базара Николай Чикильдѣевъ.

Мнѣ кажется, что многіе, вѣрящіе въ культурно-общественную роль новѣйшаго русскаго города, были обижены тѣмъ, что въ качествѣ его представителя Чеховъ вывелъ умирающаго ресторaннаго лакея съ женой, умиляющейся *словамъ* «аще» и «дондеже» и съ благоговѣніемъ взглядывающей на красивыхъ и нарядныхъ барышень,—съ дочкой, которая вѣритъ, что, оскоромившись тайкомъ влитой каплей молока, злая

бабка попадетъ въ пекло. Но въ этомъ именно Чеховъ на мой взглядъ проявилъ тонкое художническое чутье, настоящій артистическій тактъ. Вся сила впечатлѣнія отъ его очерка не въ *абсолютныхъ* величинахъ, не въ мужикахъ самихъ по себѣ и не въ Николаѣ самомъ по себѣ, а въ разстояніи, въ ариѳметическомъ отношеніи между этими двумя человѣческими величинами. Выведи Чеховъ не трактирнаго полового, который драгоцѣнную эмблему лучшаго прошлаго видѣлъ въ своемъ фракѣ, а фабричнаго рабочаго, охваченнаго новыми идеями, привязаннаго къ книжкѣ—художественное впечатлѣніе отъ его разсказа было бы слабѣе. Въ художественномъ произведеніи, какъ и въ картинѣ, не слѣдуетъ прибѣгать къ слишкомъ рѣзкимъ переходамъ. Даже если они встрѣчаются въ жизни, то всегда *кажутся* преувеличенными и искусственными. А художникъ не можетъ не считаться съ тѣмъ, что кажется, потому что весь эффектъ его творчества суммируется въ субъективныхъ впечатлѣніяхъ.

Ольга, которая *изумляется* тому, что бабка бьетъ ея дочь; Николай, который измученъ постояннымъ крикомъ, голодомъ, угаромъ, смрадомъ, который ненавидитъ и презираетъ бѣдность, которому стыдно передъ женой и дочерью за своихъ отца и мать, который раздраженно *протестуетъ* противъ побоевъ, обрушивающихся на его ребенка: «Вы не можете ее бить! Вы не имѣете никакого полнаго права ее бить!»- наконецъ, Саша, которая идетъ *жаловаться* матери на бабку,—всѣ эти люди, не смотря на свой абсолютно очень низкій уровень, по сравненію съ *мужиками* представляютъ высшую ступень развитія. Николай не борецъ, онъ даже не жилецъ на этомъ свѣтѣ, столкновеніе съ зоологической неправдой застаетъ его безсильнымъ, неспособнымъ ни на какое сопротивленіе. Индивидуальное положеніе и личная судьба Чикильдѣева могли быть бы иными, но общественный смыслъ этой фигуры отъ этого не измѣнился бы. Николай могъ бы явиться въ деревнѣ не полумертвецомъ, а сильнымъ человѣкомъ. Всего скорѣе онъ выступилъ бы тогда среди *мужиковъ* въ роли эксплуататора, кабатчика или кулака, но это не мѣшало бы ему представлять высшій типъ человѣческой личности, личности, которая ставитъ вопросъ о своихъ правахъ и мучится ихъ непризнаніемъ.

Припомните изъ «Устоевъ» Златовратскаго слова хозяйственнаго мужика-индивидуалиста Петра въ отвѣтъ хранительницѣ устоевъ теткѣ Ульянѣ Мосевнѣ: «Я такъ полагаю, тетенька, что пора бросить смиренство да приниженье... Тоже и мы люди! Чѣмъ мы другихъ хуже?.. Нужно жъ тоже и свою гордость имѣть!?» Рѣчь идетъ тутъ о «форсахъ», о полубархатѣ, подаренномъ Петромъ отцу на жилетъ, но замѣчаніе индивидуалиста Петра имѣетъ болѣе общее и глубокое значеніе. Слова эти выражаютъ освобожденіе отъ власти земли и мірского строя.

Въ городѣ это освобожденіе всего рѣзче сказывается на духовномъ складѣ промышленнаго пролетаріата; въ деревнѣ же, гдѣ происходитъ

слоеніе среди самаго крестьянскаго населенія, въ преобразованіи духовнаго склада участвуютъ оба отдѣляющіеся другъ отъ друга слоя. Самая постановка новыхъ вопросовъ («нужно тоже и свою гордость имѣть!») есть во всякомъ случаѣ для обѣихъ сторонъ продуктъ новыхъ экономическихъ отношеній и, въ огромной степени, *городскихъ* вліяній, разрушающихъ власть земли. Это разрушеніе создаетъ не только людей, существованіе которыхъ теряетъ всякій смыслъ, но мѣрѣ того, какъ имъ становится «легче»—какъ это случилось съ Иваномъ Босыхъ («Власть земли» Глѣба Успенскаго). Внезапный переходъ въ новыя условія, конечно, нарушаетъ прежнее равновѣсіе, но всякое движеніе впередъ слагается изъ такихъ нарушеній равновѣсія. При шатаніи прочныхъ бытовыхъ условій деревни сперва только зоологическая правда уступаетъ мѣсто зоологической неправдѣ, и потому на первый взглядъ кажется, что все новое исчерпывается этой перемѣной. Она, однако, лишь одинъ моментъ, рѣзче вырисовывающійся, чаще замѣчаемый, но переходный и преходящій, представляющій въ сущности не новизну, а наслѣдіе старины, переживаніе крѣпостного строя. Колебаніе и паденіе деревенскихъ «устоевъ» должно раньше или позже сказаться на всей сельской массѣ опредѣленными психологическими послѣдствіями. Побѣда въ хозяйственной борьбѣ, съ одной стороны, является условіемъ, содѣйствующимъ росту личности, но, съ другой стороны, фактическое экономическое превосходство способно ослаблять потребность въ новыхъ правовыхъ отношеніяхъ и притуплять чувство неудовлетворенности даннымъ складомъ ихъ. Такую же двойственную оцѣнку можно дать и пораженію въ хозяйственной борьбѣ: оно и деградируетъ личность, и съ другой стороны толкаетъ ее впередъ. Въ дѣйствительной жизни все зависитъ отъ конкретной комбинаціи этихъ положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій. Вотъ почему такъ трудно рѣшить, если судить совершенно объективно, какой группѣ, деревенскимъ ли удачникамъ (буржуазіи), или деревенскимъ «мизераблямъ» (по выраженію Эртеля)—будетъ *въ ближайшемъ будущемъ* принадлежать важнѣйшая роль въ процессѣ роста личности. Конечно, для народника, въ особенности—правовѣрнаго, деревенская буржуазія это—кулаки и міроѣды, и этими по меньшей мѣрѣ неласковыми наименованіями рѣшается серьезнѣйшій и труднѣйшій соціологическій вопросъ. Но уже острый умъ Успенскаго мучился вопросомъ: что такое кулакъ? Читатель навѣрное помнитъ, какой отвѣтъ далъ авторъ «Власти земли» на этотъ вопросъ. Кулачество, во-1-хъ, «явленіе не наносное, а внутреннее», и, во-2-хъ, «для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно геніальныя способности, и въ то же время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости *ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ не выразилось*». (Сочин. Изд. 1889, II, стр. 280—281).

Почему же это такъ? спрашиваетъ далѣе Успенскій и поясняетъ. Міръ «не умѣетъ разобраться съ дѣлами и съ головой... И вездѣ, гдѣ не понимаютъ, водка. Водка—вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это съ одной стороны, а съ другой *крѣпостной опытъ*, т.-е. опытъ, рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни—вотъ рѣшители сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія, общественныхъ, юридическихъ и финансовыхъ». Мірской строй и крѣпостной строй, мірская мудрость и крѣпостной опытъ оказываются историческими близнецами, которые разъединяются лишь въ абстракціи народника-теоретика и въ фантазіи народника-романтика. «Въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые вполнѣ не объяснялись бы барщиной, а главное *только* барщиной» (Соч. изд. 1889 г., т. II, стр. 140).—Таково свидѣтельство народника-художника, и мы не можемъ не вѣрить этому свидѣтельству: при свѣтѣ его становятся понятными самыя темныя для пониманія стороны народной жизни.

Николай и его семья очень мало говорятъ, ихъ превосходство надъ мужиками не облеклось въ рѣзкія сознательныя формы, но эта особенность опять-таки составляетъ въ художественномъ отношеніи сильную сторону очерка г. Чехова. Въ этомъ смыслѣ онъ гораздо выше малоизвѣстной, но значительной по своему содержанію повѣсти Каронина «Снизу вверхъ», гдѣ тоже изображено превосходство города надъ деревней. Но Каронинъ вывелъ передъ читателемъ высшій цвѣтъ городской народной интеллигенціи, рабочаго, читающаго книжки и бьющагося умомъ и сердцемъ надъ «проклятыми вопросами». У Чехова же передъ нами—трактирный слуга, представитель столь опороченной художниками и моралистами, экономистами и публицистами «трактирной» или «парикмахерской» (выраженіе Рѣшетникова) цивилизаціи.

Кто только не поносилъ трактирной цивилизаціи, не обрушивался на нее дешевой моралью, игнорируя, что эта цивилизація кусочекъ цѣлаго общественнаго уклада, заимствующій отъ него не только слабыя, но и *сильныя* стороны? Не боясь раздразнить морализирующихъ народниковъ и народничествующихъ моралистовъ, мы скажемъ, что общественный смыслъ очерка г. Чехова заключается главнымъ образомъ въ художественномъ обличеніи ихъ жалкаго морализированія. Художникъ раскрылъ уголокъ процесса стихійнаго творчества общественныхъ формъ и общественнаго сознанія. Именно — *стихійнаго*, и потому, быть можетъ, тѣмъ, кто умѣетъ читать лишь катехизисы и прописи, или на хорошій конецъ разбираться въ искусствѣ въ перемежку съ прописями, вещь Чехова ничего не скажетъ. Бѣдные дикіе мужики, бѣдный Николай, котораго невѣжественный фельдшеръ слишкомъ поспѣшно отправилъ на тотъ свѣтъ—скажутъ они и, вѣроятно, глубокомысленно прибавятъ: надо просвѣщать мужиковъ.

Г. Чеховъ показалъ два уровня или, вѣрнѣе, разстояніе между ними. Повторяю не въ изображеніи *абсолютныхъ* величинъ достоинства его вещи. Наоборотъ, абсолютныя величины—и мужики и представители города—обрисованы у него очень неполно. Они точно въ дымкѣ. Г. Чеховъ удивительно отчетливо изобразилъ отдѣльныя дѣйствія, но не далъ характеристики личностей во всей ихъ опредѣленности, т.-е. не очертилъ индивидуальностей.

Мужики у него выведены безъ психологіи или съ совершенно упрощенной психологіей. Онъ разсказываетъ намъ больше объ ихъ *тѣлодвиженіяхъ*, чѣмъ о движеніяхъ ихъ души. И потому не правъ будетъ тотъ, кто—на основаніи этого изображенія — станетъ отрицать существованіе довольно сложной душевной жизни даже у бабки и Кирьяка.

Въ дѣйствительности не все такъ просто, какъ въ разсказѣ г. Чехова.

Но я не думаю, чтобы онъ намѣревался въ своемъ очеркѣ исчерпать всю жизнь и всю психологію своихъ мужиковъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы правдиво и ярко показать *разстояніе*, и эта задача выполнена блестяще; такъ блестяще и вообще талантливо она выполнена въ *первый* разъ въ русской литературѣ. Вышеупомянутый разсказъ Каронина не идетъ въ счетъ: крупный художественный грѣхъ этой вещи состоитъ въ томъ, что бо́льшая часть думъ, сомнѣній и терзаній Михайлы принадлежитъ самому автору и лишь *приписана* герою. Между тѣмъ г. Чеховъ имѣетъ полное право заявить: быть можетъ, мною сказана не вся правда, но все сказанное мною съ подлиннымъ вѣрно, я далъ сосредоточенное отраженіе жизни.

Тѣмъ не менѣе поставленный въ началѣ нашей замѣтки вопросъ, возможна ли у насъ теперь художественная литература, отражающая жизнь съ ея руководящими идеями и запросами, остается нерѣшеннымъ. Найдутся ли люди и смогутъ ли они уловить клятву жизни и воплотить ее въ образы, писателемъ выстраданные, а читателю безъ труда дающіеся и легко понятные?

Въ писаніяхъ о «Мужикахъ» меня поразило единодушіе, съ которымъ игнорируется то, что составляетъ художественную прелесть и общественную pointe (быть можетъ, вполнѣ безсознательную) этого произведенія. «Мужики» Чехова ужасны! Но помилосердствуйте, вѣдь мужики Толстого, Миша́ньки Успенскаго, «Подлиповцы» Рѣшетникова *тоже* ужасны и, пожалуй, при всей своей психологіи, ужаснѣе, чѣмъ чеховскіе мужики съ ихъ тѣлодвиженіями. И какой жалкій выводъ: этихъ ужасныхъ людей надо просвѣщать. Ну, а если бы они были добродѣтельны, то развѣ ихъ не нужно было бы просвѣщать? Развѣ статистика и здравый смыслъ недостаточно говорятъ о необходимости просвѣщенія? Развѣ этотъ тезисъ нуждается еще въ новыхъ «живыхъ картинахъ»?

Если изъ вещи Чехова вытекаютъ какіе-нибудь выводы, то эти выводы во всякомъ случаѣ значительнѣе и шире тезиса о необходимости просвѣщенія и старыхъ словъ о долгѣ интеллигенціи передъ народомъ. Въ картинѣ Чехова—какъ и въ самой народной жизни—достаточно ясными, но недостаточно рѣзкими чертами, вырисовывается человѣческая личность, какъ необходимый продуктъ опредѣленнаго хода развитія формъ жизни. Въ развитіи человѣческой личности и въ признаніи ея правъ заключается главный выводъ и, если хотите, мораль произведенія Чехова. Несущественно, думалъ ли самъ авторъ объ этой морали, и намъ кажется, что онъ ней не думалъ. Но онъ воплотилъ ее въ образахъ. Больше отъ художника ничего не требуется.

Novus.

НОВЫЯ КНИГИ.

I. Беллетристика.

В. Быстренинъ. **Житейскія были.** Очерки и разсказы. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Каждому нашему сознательному дѣйствію предшествуетъ извѣстное волевое движеніе, а всякое данное волевое движеніе опредѣляется цѣлымъ рядомъ условій, коренящихся въ состояніи нашего организма или во внѣшнихъ вліяніяхъ на него. Одни изъ этихъ условій способствуютъ данному движенію воли, другія препятствуютъ ему. Поэтому каждое такое движеніе является результатомъ цѣлой алгебраической суммы условій. Процессъ ихъ суммированія совершается болѣе или менѣе быстро и отражается въ нашемъ сознаніи въ видѣ борьбы различныхъ чувствъ или взвѣшиванія различныхъ доводовъ въ пользу даннаго дѣйствія или противъ него. Окончаніе процесса суммированія сознается нами, какъ торжество извѣстнаго чувства или довода, за которымъ слѣдуетъ рѣшеніе поступить такъ, а не иначе. Когда художникъ хочетъ изобразить психологію отдѣльнаго поступка или цѣлой цѣпи поступковъ, онъ воспроизводитъ именно этотъ *сознательный процессъ* борьбы различныхъ чувствъ и доводовъ. Если воспроизведеніе удачно, то мы пріобрѣтаемъ твердое убѣжденіе, что герой непремѣнно долженъ былъ дѣйствовать такъ, какъ его заставилъ дѣйствовать художникъ, а если оно блѣдно или неполно, то развертываемая передъ нами психологическая картина неубѣдительна. Бо́льшая или меньшая степень этой художественной убѣдительности зависитъ отъ размѣровъ художественнаго таланта. Иногда художникъ и самъ чувствуетъ, что ея маловато въ сдѣланномъ имъ изображеніи. Тогда онъ спѣшитъ указать причины, вслѣдствіе которыхъ его герой не могъ вести себя иначе. Но такая аргументація не поправляетъ дѣла. Маломальски опытный человѣкъ сейчасъ видитъ, что авторъ вообще не можетъ справиться со своей задачей или еще не пріобрѣлъ того умѣнья, той технической сноровки, безъ которой трудно использовать всѣ природныя силы таланта. И чѣмъ скорѣе художникъ отдѣлается отъ дурной привычки *доказывать* тамъ, гдѣ надо *разсказывать*, *разсуждать* тамъ, гдѣ надо *рисовать*, тѣмъ лучше будетъ и для него самого, и для его читателей.

Эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи книги г. Быстренина, названіе которой выписано выше. Талантъ его невеликъ, да невелико пока и умѣнье пользоваться тѣмъ, что ему дала мать-природа. Когда г. Быстренинъ чувствуетъ, что ему измѣняетъ художественный талантъ, тогда онъ зоветъ на помощь силу логики, которая нерѣдко измѣняетъ ему еще коварнѣе. Въ очеркѣ «*На*

мірскихъ хлѣбахъ» у него фигурируетъ подкидышъ Васька, который уже въ раннемъ возрастѣ обладаетъ способностью составлять «обширные планы» для борьбы за свое существованіе. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ребенокъ, никогда не испытавшій заботливаго родительскаго ухода, очень рано привыкаетъ разсчитывать только на себя и потому становится смѣлѣе, настойчивѣе и самостоятельнѣе своихъ, воспитанныхъ въ семьяхъ, ровесниковъ. Но г. Быстренинъ боится, что мы усомнимся въ этой старой истинѣ, и потому спѣшитъ привести въ ея пользу нѣсколько новыхъ соображеній. «Пусть Васька былъ круглымъ невѣждой, — говоритъ онъ между прочимъ, — но жизненный инстинктъ, способность приспособленія и даже хитрость были развиты въ немъ весьма сильно. Можетъ быть, это было вліяніе наслѣдственности, потому что мать, вынужденная бросить ребенка, понятно, пережила до этого времени цѣлый рядъ потрясающихъ ощущеній, и ощущенія эти вошли въ его плоть и кровь» (стр. 117). Этихъ соображеній нельзя назвать удачными. Что женщина, которая тяжелыми обстоятельствами была принуждена забросить, какъ щенка, своего собственнаго ребенка, пережила много потрясающихъ ощущеній еще до его рожденія, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но рѣшительно непонятно, почему эти пережитыя ею тяжелыя ощущенія должны были отразиться на характерѣ ребенка въ видѣ «хитрости» и «способности приспособленія». По всему видно, что г. Быстренинъ вспомнилъ о «наслѣдственности» по той простой, но печальной причинѣ, что характеръ его героя ему самому показался невѣроятнымъ. А между тѣмъ невѣроятнаго въ характерѣ Васьки ничего нѣтъ. Васька просто страдаетъ *недодѣланностью*, вслѣдствіе которой онъ только частью выступаетъ, какъ живое лицо, частью остается неодушевленнымъ разсужденіемъ на данную психологическую тему. Недодѣланностью страдаютъ рѣшительно всѣ герои г. Быстренина. Поэтому въ ихъ дѣйствіяхъ совсѣмъ нѣтъ внутренней необходимости. Такъ, напримѣръ, въ очеркѣ «Судьба» рабочій Гордѣй Иванычъ разсказываетъ, какъ онъ влюбился въ одну дѣвушку, которая вела прежде нехорошую жизнь, но сильно страдала отъ этого и даже покушалась на самоубійство. Прочитавъ этотъ разсказъ, вы не подумаете, конечно, что Гордѣй Иванычъ лжетъ; вы повѣрите ему, такъ какъ не имѣете ни малѣйшаго основанія не вѣрить. Но у васъ не явится и убѣжденія въ томъ, что это непремѣнно такъ и было. Впечатлѣніе, производимое разсказомъ Гордѣя Иваныча, остается слабымъ и неопредѣленнымъ.

Подобное же неопредѣленное впечатлѣніе производитъ и набросокъ «Святая ночь», хотя онъ написанъ нѣсколько лучше. Наканунѣ праздника Пасхи къ сельскому учителю Матвѣю Николаевичу возвращается его жена, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ убѣжавшая съ начальникомъ сосѣдней желѣзнодорожной станціи. Ея появленіе вызываетъ въ немъ мучительную борьбу противоположныхъ чувствъ. Съ одной стороны въ немъ кипитъ злоба человѣка, много настрадавшагося въ одиночествѣ и въ добавокъ твердо убѣжденнаго въ томъ, что измѣна жены марaетъ «доброе имя» мужа. Ему хочется прогнать ее, «пославъ ей въ догонку позорный, заслуженный ею (sic!) эпитетъ». Съ другой стороны онъ невольно жалѣетъ ее: она выглядитъ такой униженной и несчастной. Выйдя изъ дому, чтобъ собраться съ мыслями, Матвѣй Николаевичъ попадаетъ на могилу

своего ребенка, родившагося еще въ первый годъ его брачной жизни и скоро умершаго. Тамъ онъ находитъ носовой платокъ своей жены, которая, очевидно, уже успѣла навѣстить имъ обоимъ дорогую могилу. Сначала это неожиданное обстоятельство еще болѣе усиливаетъ царившій въ его головѣ хаосъ противоположныхъ мыслей. Но раздается ударъ колокола, зовущаго вѣрующихъ къ торжественной пасхальной заутрени, и въ умиленной душѣ Матвѣя Николаевича разомъ воцаряется миръ и къ человѣкомъ благоволеніе: онъ бѣжитъ христосоваться съ женою, «увлекаемый какой-то невѣдомой силой». И это, разумѣется, очень хорошо. Когда г. Быстренинъ сообщаетъ вамъ объ этомъ, вы отъ души рады и за добраго, хотя неразвитого учителя, и за его бѣдную Елену Ивановну. Но ни «святая ночь», ни могилка, ни мокрый платокъ, ни даже жалкій видъ измученной Елены Ивановны не внушаютъ вамъ достаточнаго убѣжденія въ томъ, что Матвѣй Николаевичъ непремѣнно долженъ былъ помириться съ нею. Если бы г. Быстренинъ сказалъ вамъ, что его герой окончательно разсвирѣпѣлъ, когда убѣдился, что женщина, «заслужившая позорный эпитетъ», позволила себѣ осквернить своимъ присутствіемъ могилу его ребенка, и, подстрекаемый «какой-то невѣдомой силой», вытолкалъ бѣдную Елену Ивановну въ шею, то вы повѣрили бы и этому, хотя и замѣтили бы про себя, что такая развязка очень легко могла бы совершиться и въ обыкновенную ночь. А затѣмъ вы сейчасъ же и забыли бы о непримиримомъ Матвѣѣ Николаевичѣ, какъ позабудете теперь о Матвѣѣ Николаевичѣ, умилившемся по случаю «Святой ночи». Это плохой знакъ. А мы взяли далеко не слабѣйшія произведенія г. Быстренина. Вотъ въ разсказѣ «Добился» дѣло обстоитъ еще хуже. Тамъ выведенъ кулакъ, неизвѣстно почему вдругъ почувствовавшій, что «такъ жить нельзя» и рѣшившійся покорить своею внезапною добродѣтелью тѣхъ самыхъ крестьянъ, которыхъ онъ прежде покорялъ рублемъ. Крестьяне крайне скептически относятся къ его нравственному возрожденію: «такъ и повѣрили, говорятъ они, ишь дураковъ нашелъ, чортъ зубастый! Живорѣзъ!» Мы понимаемъ этотъ скептицизмъ. Мы сами не *вѣримъ*, мы сами считаемъ совершенно ничѣмъ необоснованнымъ нравственный переворотъ, пережитый героемъ разсказа «Добился». Г. Быстренинъ увѣряетъ, что его герой «является не болѣе, какъ однимъ изъ мучениковъ разлада, внесеннаго общимъ движеніемъ жизни и въ ту среду, которая по справедливости зовется темнымъ царствомъ» (стр. 277). Можетъ быть; но мы совсѣмъ не видимъ, какимъ образомъ этотъ разладъ коснулся души его героя, а потому весь разсказъ производитъ на насъ очень непріятное впечатлѣніе выдуманности и неестественности. А при другихъ условіяхъ онъ имѣлъ бы большой интересъ, потому что, дѣйствительно, «общее движеніе жизни», ломая наши старые экономическіе порядки, ломаетъ также и нѣкогда твердые взгляды людей, внося безпокойство и разладъ туда, гдѣ еще недавно царили тишь да гладь да Божья благодать. У г. Быстренина есть «этюдъ изъ крестьянской жизни» подъ названіемъ «Вора поймали!» Крестьяне схватили конокрада, темной осенней ночью забравшагося на дворъ къ одному изъ нихъ. Связавъ ему руки, они толкуютъ, какъ поступить съ нимъ. По старому обычаю его слѣдовало бы «прибить», какъ злого разорителя. Къ этому и склоняются «хозяйственные» за-

житочные крестьяне. Но бѣдняки не согласны съ этимъ. «Не ладно эдакъ-то,— кричитъ Ефимъ Борона, одѣтый не то въ рваный пиджакъ, не то въ бабью кофту,—отчего Пашка воръ? Тоже надо это постигнуть!.. У него жена хворая, да трое ребятишекъ, а надѣлъ-то какой? Лѣтомъ, какъ землю дѣлили, зачѣмъ у него полторы души взяли? Ну-ка, умная голова, объясни мнѣ эту самую причину? То-то и есть! У Пашки-то взяли, а тебѣ, Демьянычъ (тотъ самый крестьянинъ, у котораго на дворѣ поймали Пашку) прирѣзали, потому ты старикамъ угощеніе выставилъ», и т. д. (стр. 158). Послѣ жестокой взаимной брани и безконечныхъ взаимныхъ обвиненій вора отпускаютъ цѣлымъ и невредимымъ на всѣ четыре стороны, и, когда онъ пускается бѣжать со всѣхъ ногъ, его защитникъ, оборванецъ Борона, заливается добродушнымъ смѣхомъ: «Ахъ, ты проворный какой! Вишь обрадовался и не притворилъ двери-то... Ахти, грѣхи наши тяжкіе!.. Ну, что жъ, можно, чай, и по домамъ?» (стр. 166). Согласитесь, что это очень интересное нравственное явленіе, внесенное въ нашу крестьянскую среду «общимъ движеніемъ жизни», такъ называемымъ *слоеніемъ деревенскаго населенія по различнымъ степенямъ зажиточности*. Если бы Пашка имѣлъ дѣло съ одними «хозяйственными» крестьянами, то ему пришлось бы плохо. Его спасло сочувствіе бѣдняковъ, которые не могли не припомнить при этомъ, какъ много приходится терпѣть имъ всѣмъ отъ «хорошихъ» домохозяевъ. Они начинаютъ разбирать, почему Пашка сдѣлался воромъ, и вмѣсто безчеловѣчнаго приговора является гуманное рѣшеніе,—это уже очень яркій лучъ свѣта въ нѣкогда совершенно темномъ крестьянскомъ царствѣ. Если бы наши беллетристы, изображающіе народную жизнь, сумѣли совершенно отдѣлаться отъ народническихъ предразсудковъ, то они навѣрное увидѣли бы много подобныхъ явленій, которыя мало-по-малу совершатъ цѣлый переворотъ въ психологіи нашей трудящейся массы. Но, къ сожалѣнію, эти беллетристы пока еще охотнѣе созерцаютъ зрѣлище смерти, чѣмъ рожденья, охотнѣе изображаютъ гибель стараго, чѣмъ появленіе новаго; ихъ взоры прикованы къ прошлому, а къ будущему они упорно поворачиваются спиною.

Этюдъ «*Вора поймали*» есть положительно лучшій изо всѣхъ «этюдовъ», «набросковъ», очерковъ и т. д. г. Быстренина, хотя и онъ нечуждъ недостатковъ, свойственныхъ этимъ очеркамъ. Г. Быстренинъ хорошо сдѣлалъ бы, если бы почаще брался за подобные этюды. Отъ этого его талантъ выгралъ бы гораздо больше, чѣмъ отъ литературныхъ упражненій, подобныхъ «*фантазіи Es-moll*». Въ этой «фантазіи» черезчуръ уже много той *фантазіи*, которая близко граничитъ съ *чертовщиной* и которая ни къ чему хорошему не приводила даже и очень талантливыхъ писателей. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ ней очень силенъ элементъ *подражанія*.

Все это мы говоримъ вовсе не потому, что какая-нибудь «невѣдомая сила» заставляетъ насъ придираться къ г. Быстренину. Мы совершенно искренно желаемъ ему большого успѣха въ будущемъ. Его талантъ невеликъ, но, во-первыхъ, мы небогаты даже и небольшими талантами; во-вторыхъ, и небольшой талантъ можетъ и долженъ совершенствоваться; въ-третьихъ, и съ небольшимъ талантомъ, особенно при разумномъ употребленіи его въ дѣло, можно принести

много пользы читающей публикѣ: нужны только добрая воля да умѣнье выйти на настоящую дорогу.

II. Публицистика.

В. С. Драгомірецкій. **Галицкая Русь и русско-польскія отношенія.** Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Славянскаго благотворительнаго общества 8 дек. 1896 г. Петроградъ. Печатня Евдокимова. 1897 г. Ц. 10 к.

Малъ золотникъ, да дорогъ. Не велика брошюра г. Драгомірецкаго—въ ней останется всего какія-нибудь 10 стр., если изъ общаго счета исключить титульный листъ и посвященіе тому самому Славянскому обществу, въ которомъ г. Драгомірецкій произносилъ свою рѣчь,—а свѣдѣній и идей въ ней—цѣлая сокровищница. И при этомъ превыспренній штиль, коимъ она написана—верхъ совершенства. Судите сами.

«Куда дѣвалась эта драгоцѣнная жемчужина Русской земли (Галиція)?» спрашиваетъ авторъ.

«Если отвѣтъ на всѣ эти вопросы не вызоветъ слезъ состраданія, то это только потому, что воспоминаніе объ участи Галицкой Руси загладилось уже давностію. Тамъ гдѣ когда-то блистали великолѣпные княжескіе дворцы,—нынѣ еврейскія корчмы. Въ церквахъ, гдѣ когда-то *природное церковное богослуженіе* было гордостію русскихъ галичанъ и озаряло радостію ихъ сердца, — нынѣ мѣсто римскихъ интригъ, стремящихся къ полнѣйшему развращенію и гибели народа. На мѣстѣ удалыхъ когда-то и гремѣвшихъ своей славой галицкихъ бояръ,— нынѣ пустошь, образовавшаяся вслѣдствіе совершеннѣйшей гибели русскаго дворянства. Вмѣсто свободнаго когда-то народа, нынѣ рабы, истомленные въ вѣковой борьбѣ съ непосильнымъ жестокимъ гнетомъ».

На трехъ страницахъ, кратко и сильно, изложена вся исторія Галиціи. Мы узнаемъ изъ нея, что «вся Галицкая Русь въ одно мгновенье (!) наполнилась польскими выходцами изъ всего міра и въ особенности разными проходимцами изъ Привислинскаго края».

«Гоненіе на русскихъ и на всѣ самыя святыя ихъ учрежденія сдѣлалось любимой цѣлью и занятіемъ австрійскихъ поляковъ». Боже мой! что за народъ эти поляки! Но ихъ гоненія достигли цѣли и успѣли растлить галицкій народъ. «Политическое растлѣніе привело русскую интеллигенцію къ раздѣленію на разныя партіи» (стр. 9). До сихъ поръ мы думали, что раздѣленіе на партіи совершенно неизбѣжно во всякомъ живомъ обществѣ;— но теперь мы поняли наше заблужденіе. «Все русское населеніе Галичины чутко прислушивалось къ біенію сердца Москвы. Это возмутило поляковъ и они стали принимать мѣры къ угашенію этихъ естественныхъ святыхъ чувствъ. Да и мѣры-то мелкія, дышащія безсильной местью, точь въ точь какъ характеръ польской шляхты» (стр. 13). Въ польскихъ газетахъ появляются такія статьи, «что не то что передавать но и читать совѣстно» (стр. 14). Мечтать о какомъ-либо примиреніи съ поляками — чистое безуміе. «Разсказываютъ, между прочимъ, что всѣ примирительныя статьи поляковъ, безпощадно конфискуются Варшавскою цен-

зурою, но та же цензура узнавъ о такомъ обвиненіи крайне изумилась, не предполагая, что находятся легковѣрные люди, вѣрующіе въ подобное сочинительство. Насколько мнѣ извѣстно, за все время существованія Варшавской цензуры подобныя статьи къ сожалѣнію не заглядывали въ ея стѣны, да если бъ и нашелся какой полякъ, вздумавшій написать подобную статью, его заѣли бы сами же поляки и произведеніе его не нашло бы себѣ мѣста ни въ одномъ польскомъ изданіи» (стр. 13). (Мы не отвѣчаемъ за знаки препинанія, такъ какъ не рѣшились посягнуть ни на одну авторскую запятую).

«О поворотѣ къ лучшему до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи, пока поляки не откажутся отъ посягательства на исконно русскія земли, пока не стряхнутъ съ себя плоды ихъ вѣкового растлѣнія (т. е., надо понимать, растлѣнія исконно-русскихъ земель) и пока не придутъ къ убѣжденію, что прогрессивное развитіе ихъ національности позволительно только въ чисто этнографическихъ границахъ» (14).

Мы уже видѣли, какъ низки и презрѣнны поляки. Но зато «тамъ на высотахъ искони-русскихъ Карпатъ, развивается попранное и поруганное Польшей русское знамя. Знамя это, не смотря на страшнѣйшій вѣковой гнетъ, держится еще довольно крѣпко, чудомъ уцѣлѣвшими силами лучшихъ галицко-русскихъ людей» (14).

Чтобы насъ не упрекнули въ пристрастіи къ замѣчательному, разбираемому нами произведенію, мы укажемъ и на одинъ его недостатокъ. Читатель уже замѣтилъ, вѣроятно, что языкъ г. Драгомірецкаго представляетъ нѣкоторыя трудности для пониманія. Мы остановимся еще на двухъ, трехъ примѣрахъ. Авторъ не можетъ забыть «одного случая, тѣсно врѣзавшагося, говоритъ онъ, въ моей памяти» (10). На стр. 7 онъ разсказываетъ, какъ «въ избы вѣковыхъ рабовъ проникъ лучъ свѣта», который «подвинулъ ихъ на путь къ новой эпохѣ, рисовавшей впереди будущее полное свѣтлыхъ дней». Эпоха, рисовавшая впереди будущее полное свѣтлыхъ дней—такими выраженіями полна вся брошюра г. Драгомірецкаго. Русскій языкъ для насъ родной, мы свободно читаемъ также по малороссійски, на языкѣ Шевченка и Франка, на которомъ говоритъ русская Украйна и Галиція,—но, каемся, лишь съ трудомъ читаемъ на языкѣ г. Драгомірецкаго. Виновато тутъ, конечно, наше невѣжество, такъ какъ на этомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, говорятъ въ томъ Петроградѣ, въ которомъ находится «печатня» Евдокимова, выпускающая въ свѣтъ произведенія г. Драгомірецкаго.

III. Исторія и исторія культуры.

Ю. Белохъ. **Исторія Греціи.** Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Т. I. М. 1897 г. Изданіе К. Т. Солдатенкова. 8°. XIII+500. Ц. 2 р.

Первый томъ «Исторіи Греціи» Белоха, появившійся теперь въ русскомъ переводѣ, вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ еще въ 1893 году. Это сочиненіе представляетъ несомнѣнно очень важное явленіе въ современной исторической литературѣ. Между тѣмъ какъ въ другихъ областяхъ все болѣе и болѣе распро-

страняется экономическое направленіе въ изслѣдованіи историческихъ вопросовъ, греческая исторія до сихъ поръ почти вовсе не была затронута съ этой точки зрѣнія, не смотря на то, что постоянно открываемыя надписи, археологическія находки и изданное въ 1891 году вновь открытое сочиненіе Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ даютъ для подобныхъ изслѣдованій довольно богатый матеріалъ. Само собою разумѣется, что не на всѣ вопросы можетъ отвѣтить этотъ матеріалъ, но тѣмъ не менѣе возможность разработки экономическихъ вопросовъ несомнѣнно дана, и это блестяще потверждаетъ книга Белоха. Вопросамъ экономическимъ тутъ отведено очень видное мѣсто. Факты такъ называемой политической исторіи занимаютъ подчиненное мѣсто. Краткое изложеніе содержанія дастъ читателю нѣкоторое представленіе объ этой прекрасной книгѣ.

Разобравъ характеръ источниковъ, по которымъ мы возстановляемъ исторію древней Греціи, авторъ по географическимъ и археологическимъ даннымъ намѣчаетъ исторію разселенія греческаго племени. Всѣ преданія объ основаніи древнѣйшихъ греческихъ колоній на западномъ берегу Малой Азіи онъ считаетъ позднѣйшимъ вымысломъ и устанавливаетъ, что процессъ разселенія греческихъ племенъ по островамъ Эгейскаго моря и по западному берегу Малой Азіи долженъ былъ закончиться въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х. Скотоводство въ древнѣйшую пору греческой исторіи играетъ главную роль: война имѣетъ цѣлью прежде всего отнять скотъ; быки и овцы играютъ роль денегъ. Сельское хозяйство уже начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Разводится ячмень, плодовыя деревья, виноградъ, а позднѣе и оливкое дерево для добыванія масла. Общинная собственность на землю уже переходитъ въ личную; мѣстами остатки общиннаго владѣнія землею еще остаются; уже существуютъ безземельные батраки. Общественное раздѣленіе труда еще слабо: кузнецъ (онъ же и золотыхъ дѣлъ мастеръ), гончаръ, плотникъ, каменщикъ, кожевенникъ, врачъ, прорицатель и глашатай являются ремесленниками гомеровскаго времени. Имущественное неравенство уже довольно сильно развито: металлическое вооруженіе и боевая колесница богатыхъ аристократовъ защищаютъ ихъ противъ неимущихъ сельскихъ работниковъ и мелкихъ собственниковъ. Далѣе излагается греческая миѳологія, религія и древнѣйшая эпическая поэзія. Эпосъ греки признавали исторической истиной, и потому греческіе историки стараются согласовать данныя эпоса съ тѣмъ, что они находятъ въ историческое время. Отсюда возникли разсказы о различныхъ переселеніяхъ греческихъ племенъ, которые принимались за историческую истину и новѣйшими учеными. Переселеніе дорянъ—такой же миѳъ. Греческая нація, распространившись по островамъ Эгейскаго моря, въ поискахъ за плодородной землей мало-по-малу начинаетъ распространяться и на западъ: проникаетъ въ южную Италію, Сицилію и на берега Средиземнаго моря. Подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни въ колоніяхъ, не имѣя возможности на новыхъ мѣстахъ удовлетворять своими силами всѣ свои потребности, колонисты поддерживаютъ постоянную связь съ метрополіей, откуда получаютъ необходимую для устройства своей жизни обстановку. Это даетъ сильный толчокъ развитію греческой

промышленности. Произведенія Востока, которыя прежде привозили финикійскіе купцы, мало-по-малу начинаютъ вытѣсняться національными греческими продуктами. Греческое производство освобождается отъ подражанія восточнымъ образцамъ. Развиваются морскія сношенія между колоніями и метрополіей. Образуются промышленные и торговые центры. Милетъ и Мегара производятъ различныя ткани, Халкида славится металлическимъ производствомъ, гончарное производство развилось въ Коринѳѣ и въ Аѳинахъ; тѣ же города и много другихъ представляли и крупные торговые центры. Начинаютъ устанавливаться мирныя отношенія. Морской разбой начинаетъ исчезать, и укрѣпляются права гостепріимства (проксенія). Торговыя сношенія вызываютъ установленіе опредѣленныхъ мѣръ и вѣсовъ. Изобрѣтается чеканка металлической монеты. Земледѣліе занимаетъ все еще первое мѣсто въ экономической жизни. Господствуетъ двухпольное хозяйство; плугъ—безъ металлическаго сошника. Разводятъ ячмень, полбу, пшеницу. Въ Аттикѣ законодательство поощряетъ разведеніе оливковаго дерева. Проводятъ каналы для осушенія болотъ, устраиваютъ искусственное орошеніе. Пропасть между богатыми и бѣдными растетъ: возникаютъ огромныя массы крѣпостныхъ, хозяева мелкихъ надѣловъ попадаютъ въ рабство къ богачамъ. Такое положеніе дѣлъ, господствующее во всей Греціи, въ Аттикѣ приводитъ къ реформамъ Солона. Быстрое развитіе промышленности приводитъ къ развитію рабства: массы рабовъ и рабынь привозились изъ-за предѣловъ греческаго міра и своей конкуренціей съ трудомъ свободныхъ бѣдняковъ еще болѣе ухудшали ихъ экономическое положеніе. Но этотъ же невольничій трудъ далъ возможность ремесленникамъ сломить силу старой земледѣльческой аристократіи. Параллельно съ этимъ экономическимъ развитіемъ идетъ и объединительное движеніе. Складываются крупные союзы прежде разрозненныхъ самостоятельныхъ общинъ. Царская власть уже пала, и господствующее положеніе въ государствѣ заняла старинная аристократія. Гнетъ аристократіи заставляетъ низшіе классы требовать установленія опредѣленныхъ законовъ для устраненія ея произвола. Реформы права (напр., Солона) не приводятъ однако ни къ какимъ существеннымъ измѣненіямъ, такъ какъ экономическое господство аристократіи ими не устранялось. Недовольный народъ волновался, свергалъ аристократическое правленіе и ставилъ во главѣ государства своихъ руководителей-тирановъ. Конфискованная земля передѣлялась. Но тираны не могли долго удержаться: обыкновенно уже сыновья тирановъ оказывались неспособны управлять государствомъ, и тиранія падала, сослуживъ кратковременную службу. Демократія начинаетъ одерживать верхъ. Въ это время Греціи приходится вступить въ борьбу съ Персіей, изъ которой она выходитъ побѣдительницей. Малоазіатскія колоніи, прежде игравшія первую роль въ экономической жизни Греціи, теперь были отрѣзаны отъ враждебной имъ Персіи; торговыя сношенія съ внутренними странами Малой Азіи сдѣлались затруднительны, и центръ экономическаго развитія теперь перемѣщается въ метрополію, которая послѣ персидскихъ войнъ развивается еще быстрѣе. Народонаселеніе городовъ, въ которыхъ сосредоточивалась промышленность, основанная на невольничьемъ трудѣ, быстро растетъ. Въ Аѳинахъ, напримѣръ, оно въ 80 лѣтъ, увеличилось въ пять разъ (съ 20 до 100 тысячъ).

Натуральное хозяйство вытѣсняется денежнымъ. Хлѣбъ становится однимъ изъ важныхъ продуктовъ внѣшней торговли. Имущественный цензъ солоновскихъ сословій переводится на деньги. Союзъ государствъ, сложившійся подъ верховнымъ руководствомъ Аѳинъ въ цѣляхъ защиты противъ Персіи, накопляетъ изъ ежегодныхъ взносовъ крупныя суммы, расходуемыя на государственныя потребности. Демократическій строй распространяется въ различныхъ частяхъ греческаго міра и принимаетъ въ Аѳинахъ свою законченную форму. Наступаетъ періодъ сравнительно мирнаго развитія, въ теченіе котораго развиваются до полнаго расцвѣта Аѳины и Спарта. Господство Аѳинъ надъ союзниками вызываетъ неурядицы внутри союза, которыя даютъ возможность Аѳинамъ окончательно покорить своихъ союзниковъ. Вовлеченныя въ раздоры Коринфа съ Корцирой, Аѳины вступили въ борьбу со Спартою и Пелопонезскимъ союзомъ. Пелопонезская война изложена въ книгѣ Белоха до 415 года, т.-е. до похода въ Сицилію. Послѣднія двѣ главы посвящены исторіи развитія въ этотъ періодъ поэзіи, искусства и науки.

Мы подробнѣе остановились на экономической сторонѣ, какъ на наиболѣе новой и оригинальной. Читатель видитъ уже и изъ этого краткаго очерка, какъ сильно измѣняется физіономія греческой исторіи. Книга Белоха представляетъ первую попытку написать органически цѣльную исторію греческой культуры. Въ общемъ экономическіе вопросы разобраны въ ней съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя и встрѣчаются нѣкоторыя неточности. Такъ, напр., на стр. 326 сказано, что увеличеніе количества благороднаго металла вызвало значительное повышеніе цѣнъ. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ паденіемъ цѣны самаго благороднаго металла. Не смотря, однако, на такія мелкія неточности, мы получаемъ довольно яркую, мастерски написанную картину исторіи Греціи. Авторъ во многихъ случаяхъ оказывается стоящимъ на почвѣ экономическаго пониманія исторіи въ духѣ Маркса, хотя прямо онъ этого нигдѣ не высказываетъ. Во всякомъ случаѣ этотъ трудъ можетъ показать, какимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя «надстройки» создаются на экономическомъ фундаментѣ.

Недавно вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ второй томъ «Исторіи Греціи» Белоха, доводящій ее до Аристотеля и завоеванія Азіи. Надѣемся, что и этотъ томъ будетъ переведенъ г. Гершензономъ столь же хорошо, какъ и первый, и въ недалекомъ будущемъ окажется въ рукахъ русскихъ читателей.

І. Гонеггеръ. **Исторія человѣческой культуры.** Переводъ съ нѣмецкаго *М. Чепинской.* Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1897 (8°. IV+198 стр.). Цѣна 60 коп.

Маленькая книжка Гонеггера издана редакціей журнала «Образованіе» для «удовлетворенія потребностей читателя, вынужденнаго пополнять свои знанія, главнымъ образомъ путемъ книги». Для этого, по взгляду редакціи, важно «не столько сообщеніе по тому или иному предмету спеціальныхъ свѣдѣній и фактовъ, сколько освѣщеніе основныхъ вопросовъ человѣческаго знанія, выясненіе главныхъ идей, составляющихъ содержаніе той или иной науки». По мнѣнію редакціи, книга Гонеггера «въ значительной степени удовлетворяетъ этой за-

дачѣ, хотя вслѣдствіе краткости, иногда изложеніе становится конспективнымъ». Эта краткость—полагаетъ редакція—послужитъ читателю на пользу, развивая его самодѣятельность и побуждая къ самостоятельному ознакомленію съ тѣмъ или инымъ вопросомъ, не достаточно изложеннымъ въ предлагаемой книгѣ».

Мы не согласны ни съ взглядомъ редакціи на задачи популярныхъ книгъ, ни съ оцѣнкою книги Гонеггера. «Факты», по нашему мнѣнію, не менѣе важны, чѣмъ «освѣщеніе основныхъ вопросовъ человѣческаго знанія». Безъ фактовъ и освѣщеніе не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ тогда нечего и освѣщать. Книга Гонеггера не даетъ удовлетворительнаго отвѣта ни на одинъ вопросъ. Часто эти отвѣты оказываются уже давно устарѣвшими. Освѣщеніе, въ виду почти полнаго отсутствія фактовъ, не даетъ читателю ничего. Напр. «древній міръ преимущественно занимался выработкой формы, формальной стороны жизни; новый же міръ больше гнался за мыслью, за идеальною стороною жизни». «Въ древнемъ мірѣ стремились по преимуществу къ красотѣ, въ новомъ мірѣ—къ истинѣ» (55 стр.). «Лирика (въ Индіи) находится въ зависимости отъ поверхности и климата страны» (68). «Мореплаваніе (у Египтянъ) долго не развивалось, благодаря духовнымъ и матеріальнымъ причинамъ; мореплаванію препятствовали религіозныя представленія, а дерева для постройки судовъ не было» (89). «Назначеніе Рима состояло въ томъ, чтобы распространить по всей землѣ греческій духъ въ полномъ его расцвѣтѣ» (106). Такихъ «освѣщеній» можно привести изъ книги сколько угодно. Постоянныя противорѣчія автора, дѣйствительно, могутъ побудить читателя къ «самодѣятельности»; но на нашъ взглядъ было бы лучше, если бы эта «самодѣятельность» возбуждалась инымъ болѣе плодотворнымъ способомъ; человѣкъ знающій не согласится съ большинствомъ «освѣщеній» Гонеггера, а не знающій не пріобрѣтетъ изъ его книги почти никакихъ положительныхъ знаній.

IV. Географія.

Викторъ Бартеневъ. **На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири** (Очеркъ Обдорскаго края). Спб. 1896 г. 154 стр. Ц. 80 к.

Книжка г. Бартенева, просто и жизненно разсказывающая объ одной изъ далекихъ окраинъ русской земли, о ея радостяхъ и горестяхъ, забракована большинствомъ рецензентовъ. По словамъ автора, остальной міръ мало интересуется жизнью далекой окраины, и въ результатѣ получается одичаніе русскаго населенія. Г. Бартеневъ очень ратуетъ за расширеніе недавно основанной обдорской библіотеки, существованіе которой вызывается главнымъ образомъ необходимостью поддерживать русскій языкъ въ русскомъ населеніи, — и мы вполнѣ присоединяемся къ его голосу. Авторъ прожилъ всего 4 года въ Обдорскѣ и разучился складно говорить по-русски, позабылъ правила русской орѳографіи, внесъ въ свою рѣчь массу провинціализмовъ («обросъ дѣтьми», «зырянъ окоротить» и т. д.).

Въ книгѣ много несомнѣнныхъ достоинствъ. На полутораста страничкахъ

авторъ сумѣлъ дать полную характеристику края, его природы и жителей. Въ этомъ царствѣ тундры, гдѣ не такъ страшны для интеллигентнаго человѣка морозы, какъ отсутствіе подходящей человѣческой среды, сохранились старинныя русскія нѣсни, позабытыя на Руси, древніе обычаи, игры; авторъ приводитъ чудный образецъ свадебной пѣсни (122). Интересно сравненіе сибиряка съ крестьяниномъ Европ. Россіи, при чемъ предпочтеніе отдается первому (34). Въ Сибири рѣдко проявляются «факты дикаго и суевѣрнаго невѣжества». Сибирскій обыватель «зубастѣе», свободолюбивѣе россійскаго, а это не даетъ слишкомъ развиваться чиновничьему произволу; хотя съ другой стороны, удаленность отъ центровъ является благопріятнымъ обстоятельствомъ для всякаго рода злоупотребленій. Однако авторъ думаетъ, что составъ сибирской администраціи постепенно улучшается (11). Не лишены основанія соображенія г. Бартенева о большемъ вредѣ «общественнаго» кабака по отношенію къ инородческому населенію сравнительно съ прежней запретной продажей водки (33). Авторъ не такъ страстно нападаетъ на зырянъ, какъ это дѣлалъ, напр., проф. Якобій, клеймившій ихъ «названіемъ худшихъ людей въ цѣломъ свѣтѣ»; г. Бартеневъ указываетъ даже на ихъ благотворную роль для края—ихъ конкуренцію съ русскими кулаками (134). «Острый періодъ обиранія инородцевъ прошелъ» (58); эксплуатація—это результатъ наслѣдія прошлаго (неоплатная задолженность, переходящая отъ отца къ сыну). На стр. 65 авторъ заявляетъ: «Подведемъ теперь итоги по вопросу о вымираніи инородцевъ»; читатель ждетъ цифровыхъ данныхъ; но авторъ этого, къ сожалѣнію, не даетъ, а повторяетъ прежнія разсужденія, совсѣмъ, однако, невыясняющія затрагиваемыхъ вопросовъ. Весьма важно заявленіе г. Бартенева, что 180-лѣтняя дѣятельность русской миссіи почти не принесла добрыхъ результатовъ (77), да и не могла принести, такъ какъ слишкомъ ужъ нераціонально поставлено это дѣло; интересенъ между прочимъ общій отзывъ обывателей Обдорскаго края, что «крещеные хуже шаманистовъ». Крупный капиталъ начинаетъ проникать и въ тундры сѣвера, въ Обдорскѣ возникаетъ рабочій вопросъ (144), усиливается концентрація торгово-промышленной дѣятельности (136). На будущее кочевниковъ (57, 80) г. Бартеневъ смотритъ безотрадно; онъ думаетъ, что «знаніе и наука не могутъ оказать на нихъ благодѣтельнаго вліянія».

Не смотря на многіе недочеты, книжка г. Бартенева заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, и мы желаемъ ей распространенія и вторичнаго появленія въ свѣтъ въ обновленномъ видѣ. Читатель найдетъ въ ней даже не мало поэтическихъ мѣстъ.

V. Политическая экономія.

Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Изслѣдованіе магистра финансоваго права *Н. Бржескаго*. Спб. 1897 г. 427 стр. Цѣна 4 руб.

Книга начинается посвященіемъ министру финансовъ и кончается выпиской изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ. Основная мысль книги выражена въ предисловіи: г. Бржескій признаетъ вполнѣ доказаннымъ, что «крестьянскія недоимки накопляются безотносительно и къ хозяйственнымъ усло-

віямъ отдѣльныхъ платежныхъ единицъ, и къ податной тяготѣ», и отсюда дѣлаетъ выводъ, что ростъ недоимокъ вызывается не тяжестью налоговъ или обѣднѣніемъ крестьянскаго населенія, а лишь «несовершенствомъ узаконеній, которыми опредѣляется какъ вообще постановка податнаго дѣла въ сельскихъ обществахъ, такъ равно условія и порядокъ взысканія недоимокъ» (стр. II).

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой цѣлое изслѣдованіе, исходящее изъ положенія, что поступленіе налога находится внѣ всякаго отношенія къ состоятельности плательщиковъ и размѣрамъ самаго налога, а зависитъ только отъ техники обложенія и взысканія. Въ подтвержденіе этого удивительнаго тезиса г. Бржескій приводитъ многочисленные факты, доказывающіе, что размѣръ недоимки далеко не всегда соотвѣтствуетъ относительной зажиточности плательщиковъ. Такъ, напр., одной изъ самыхъ недоимочныхъ губерній въ Россіи является Оренбургская, но экономическое положеніе крестьянъ этой губерніи не только не хуже, а даже лучше многихъ губерній, гдѣ недоимки гораздо меньше. Въ Вятской губерніи съ 1870 по 1887 г. окладные сборы поступали съ крупными недоимками, а съ 1888—1891 гг. съ крупными переборами, отчасти погасившими прежнія недоимки. Объясняется ли это ростомъ благосостоянія крестьянъ Вятской губерніи? Г. Бржескій доказываетъ обратное—благосостояніе вятскаго крестьянства въ послѣдніе годы понизилось. Одновременно съ ростомъ поступленія окладныхъ сборовъ росли и продовольственныя ссуды и падало потребленіе вина. Самарская губернія въ прежнее время была одной изъ самыхъ недоимочныхъ; но, начиная съ 1893 г., окладные сборы поступаютъ въ ней необыкновенно успѣшно, хотя именно эта губернія болѣе всего пострадала отъ голода 1891 г.; именно въ этой губерніи за послѣдніе годы наиболѣе рѣзко обнаруживаются явленія, характерныя для всей новѣйшей исторіи нашего крестьянскаго хозяйства: разслоеніе общины, обезземеленіе массы крестьянства, переходъ надѣльной земли въ руки кулаковъ и пр. И все это не мѣшаетъ успѣшному поступленію прямыхъ налоговъ, лежащихъ на мужикѣ.

Затѣмъ крупное сокращеніе казенныхъ сборовъ съ крестьянъ въ половинѣ 80-хъ годовъ отнюдь не пріостановило накопленія недоимки. Окладъ казенныхъ сборовъ съ крестьянъ понизился съ 136 мил. руб. (за 1881—1885 гг.) до 103 мил. руб. (за 1886—1890 гг.), а дѣйствительное поступленіе за тѣ же періоды сократилось съ 126 мил. р. до 102 мил. р.. Не смотря на сокращеніе оклада почти на 30%, недоимка не исчезла.

Наконецъ, спеціальное разслѣдованіе, произведенное податными инспекторами въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, показало, что среди недоимщиковъ встрѣчаются иногда зажиточные домохозяева. Нерѣдко наиболѣе крупными недоимщиками являются сельскія власти. Въ числѣ недоимщиковъ встрѣчаются крестьяне, ведущіе торговлю на десятки тысячъ рублей, владѣльцы промышленныхъ заведеній, содержатели почтовыхъ трактовъ. Благодаря своему вліянію въ селѣ, они избѣгаютъ понудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ міромъ по отношенію къ другимъ неплательщикамъ, и упорно уклоняются отъ платежа казенныхъ сборовъ.

Этими фактами г. Бржескій и старается обосновать свой тезисъ. Но не

трудно видѣть, что приведенные факты говорятъ совсѣмъ иное. Удачное поступленіе сборовъ въ губерніяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ голода, вполнѣ объясняется, какъ указываетъ самъ г. Бржескій, крайнимъ усиленіемъ «энергіи взысканія»; напр., въ Самарской губерніи полиція принуждала сельскія общества отбирать надѣлы у недоимщиковъ, и «такимъ образомъ совершается на законномъ основаніи обезземеленіе массы крестьянства» (стр. 315). За время съ 1893 по 1896 г. отобрано надѣловъ за неплатежъ недоимокъ болѣе 30 тысячъ десятинъ.

Точно также въ Шацкомъ уѣздѣ пополненіе недоимокъ въ 1895 г. было достигнуто только благодаря массовой продажѣ крестьянскаго имущества. Какимъ образомъ достигаются «блестящіе податные результаты», показываетъ слѣдующій приводимый г. Бржескимъ примѣръ: по словамъ циркуляра исправника одной изъ восточныхъ губерній, его помощникъ, «пріѣзжая въ деревню, *хотя бы даже въ ночное время*, требовалъ къ себѣ старосту и настоятельно приказывалъ немедленно приступить къ сбору податей (это ночью!), и тамъ, гдѣ г. помощникъ останавливался только на нѣсколько часовъ, и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборъ доходилъ до 100 р., тамъ же, гдѣ г-нъ помощникъ пробылъ сутки, сборъ подымался значительно» (стр. 307). Циркуляръ не сообщаетъ, какія мѣры понужденія неисправныхъ плательщиковъ практиковались г-номъ помощникомъ исправника. Но нельзя не оцѣнить быстроты и энергіи его дѣйствій, доходившей до сбора податей «хотя бы даже въ ночное время».

Напротивъ, «крайне неудовлетворительное состояніе податного дѣла въ Оренбургской губерніи», по объясненію г. Бржескаго, зависѣло отъ недостаточной энергіи полиціи, «не признававшей для себя обязательными циркуляры губернскаго начальства о болѣе усиленномъ взысканіи податей, зная заранѣе, что за неисполненіе таковыхъ циркуляровъ никакой отвѣтственности не подвергается» (стр. 310). Но г. Бржескій успокоиваетъ читателя, смущеннаго бездѣятельностью оренбургской полиціи: съ 1892 г. во главѣ управленія Оренбургской губерніей стало новое лицо, «признавшее необходимость иного отношенія полиціи къ своимъ обязанностямъ»; можно думать, что въ скоромъ времени податное дѣло Оренбургской губерніи станетъ такимъ же «блестящимъ», какъ въ Самарской и Вятской губерніяхъ, благодаря тѣмъ полицейскимъ пріемамъ, которые справедливо были названы г. Бржескимъ «обезземеливаніемъ на законномъ основаніи крестьянства».

Итакъ, что же говорятъ всѣ эти факты? Только то, что система «выколачиванія податей» можетъ увеличивать *на нѣкоторое время* казенные сборы даже и въ случаѣ обѣднѣнія плательщиковъ. Но что эта система a la longue должна оказаться несостоятельной, въ этомъ убѣждаетъ насъ и историческій опытъ, и элементарное соображеніе, что никакая «энергія взысканія» не можетъ замѣнить роста народнаго богатства, которое остается основаніемъ всякой финансовой системы. Попытку г. Бржескаго доказать, что недоимки вызываются не экономическими условіями, а иными причинами, мы считаемъ совершенно неудавшеюся. То обстоятельство, что пониженіе окладныхъ сборовъ во вторую половину 90-хъ годовъ не уничтожило недоимки, ничего не доказываетъ, ибо сокраще-

ніе прямыхъ налоговъ, лежащихъ на крестьянинѣ было, какъ извѣстно, съ избыткомъ компенсировано увеличеніемъ косвенныхъ налоговъ — разнаго рода акцизовъ, уплачиваемыхъ тѣмъ же мужикомъ. Точно также, накопленіе недоимки у зажиточныхъ крестьянъ и кулаковъ отнюдь не опровергаетъ несомнѣннаго факта, что остальная часть неплательщиковъ не платитъ по той простой причинѣ, что не изъ чего платить.

Легко понять, какіе практическіе выводы истекаютъ изъ тезиса, защищаемаго г. Бржескимъ. Если ростъ недоимокъ вызывается только несовершенствомъ техники обложенія и взысканія — значитъ, финансовой администраціи нечего смущаться этимъ ростомъ, въ которомъ до сихъ поръ мы привыкли видѣть симптомъ обѣднѣнія плательщиковъ. Значитъ, можно смѣло повышать налоги, улучшая вмѣстѣ съ тѣмъ финансовую технику и усиливая «энергію взысканія». Само собой разумѣется, что г. Бржескій отнюдь не сторонникъ тѣхъ полицейскихъ пріемовъ, при помощи которыхъ въ настоящее время достигается успѣшный сборъ податей; онъ осуждаетъ чрезмѣрную ретивость полиціи, не останавливающейся ни предъ какими крайними мѣрами, лишь бы собрать съ крестьянъ возможно большую сумму денегъ и заслужить одобреніе начальства. Тѣмъ не менѣе, тезисъ г. Бржескаго легко можетъ быть использованъ именно въ смыслѣ усиленія «энергія взысканія»; если недоимка вызывается не невозможностью уплаты, не бѣдностью мужика, а злонамѣреннымъ уклоненіемъ плательщика отъ исполненія своихъ обязательствъ передъ государствомъ, значитъ, всякія послабленія по взысканію податей излишни, и остается только принять болѣе энергичныя мѣры для понужденія упорствующихъ плательщиковъ къ выполненію своего долга.

Мы далеко не сторонники распространеннаго взгляда, что финансовые успѣхи послѣдняго времени зависятъ только отъ усиленія «энергіи взысканія»; по нашему мнѣнію, въ основаніи этихъ успѣховъ несомнѣнно лежитъ ростъ народнаго богатства Россіи, не смотря на обѣднѣніе значительныхъ группъ деревенскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ книги г. Бржескаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ «блестящее состояніе податного дѣла» основывается у насъ на разореніи населенія. Факты такого рода доказываютъ лишь извѣстную призрачность нашихъ финансовыхъ успѣховъ, а отнюдь не отсутствіе связи между бѣдностью и недоимкой, какъ утверждаетъ г. Бржескій.

Какія же практическія мѣры предлагаетъ г. Бржескій для улучшенія нашей финансовой техники? Главнымъ образомъ, отмѣну круговой поруки. Круговая порука, сыгравшая такую огромную роль въ нашей исторіи, опредѣлившая весь экономическій строй нашей деревни, отжила свое время и въ настоящее время является тормозомъ экономическаго развитія деревни безъ всякой пользы для казны. Г. Бржескій приводитъ убѣдительныя доказательства, что интересы фиска требуютъ не сохраненія этого института, а скорѣйшей его отмѣны. При существующихъ условіяхъ круговая порука выгодна только кулакамъ міроѣдамъ, пользующимся ею для закабаленія за собой остальной массы сельскаго населенія. По словамъ цитируемаго г. Бржескимъ доклада пермской губернской земской управы, «круговая порука является отличнымъ средствомъ для всякаго рода

прижимокъ со стороны исправныхъ и достаточныхъ домохозяевъ бѣднѣйшей части общественниковъ» (стр. 412).

Благодаря круговой порукѣ, деревенская бѣднота попадаетъ въ полную зависимость отъ болѣе исправныхъ хозяевъ. Отобраніе надѣла міромъ, продажа имущества недоимщиковъ представляютъ собой обычныя средства эксплуатаціи болѣе сильными хозяевами слабѣйшихъ общинниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ круговая порука препятствуетъ и экономическому росту деревни, поддерживая общинное землевладѣніе и являясь постоянной угрозой всѣмъ тѣмъ хозяевамъ, которые исправно платятъ налоги. «Уровень крестьянскаго хозяйства приспособляется къ условіямъ круговой поруки: крестьяне держатъ хозяйственный инвентарь, въ особенности скотъ, въ количествѣ самомъ необходимомъ» (стр. 410). Въ результатѣ, круговая порука задерживаетъ повышеніе общаго уровня крестьянскаго хозяйства, нисколько не обезпечивая казнѣ исправнаго поступленія налоговъ. Будучи наслѣдіемъ эпохи крѣпостнаго права, круговая порука представляетъ собой весьма важное ограниченіе имущественныхъ и личныхъ правъ крестьянскаго сословія. Поэтому, отмѣна круговой поруки является мѣрой, настоятельно необходимой въ интересахъ крестьянъ; эта отмѣна устранитъ существенное препятствіе на пути хозяйственнаго прогресса нашей деревни.

Книга г. Бржескаго (какъ извѣстно изъ газетъ, докторская диссертація) даетъ интересный и нерѣдко совершенно новый матеріалъ по исторіи нашего податного дѣла и современной его постановки; жаль только, что матеріалъ этотъ, извлеченный авторомъ изъ архивныхъ и современныхъ дѣлъ министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и другихъ вѣдомствъ, нерѣдко преподносится читателю въ совершенно необработанномъ видѣ, почему разбираемое сочиненіе въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ болѣе напоминаетъ обстоятельную канцелярскую «справку», чѣмъ ученый трудъ. Читатель не найдетъ въ немъ ни систематическаго изслѣдованія причинъ накопленія недоимокъ, ни обстоятельнаго выясненія значенія круговой поруки и связи ея съ недоимочностью; лучше разработанъ первый отдѣлъ, содержащій исторію круговой поруки. Печатной литературой г. Бржескій вообще пользуется мало; достаточно сказать, что, излагая исторію общины, авторъ ни словомъ не упоминаетъ, и, повидимому, совсѣмъ не пользуется такимъ капитальнымъ трудомъ въ этой области, какъ работа Кейслера Sur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzs in Russland.

Въ заключеніе отмѣтимъ одинъ выводъ автора, весьма для него характерный: г. Бржескій полагаетъ, что замѣчаемое въ русской пореформенной деревнѣ обогащеніе однихъ членовъ общины за счетъ другихъ и обѣднѣніе остальной массы крестьянства объясняется «главнѣйшимъ образомъ дѣйствіемъ податныхъ раскладокъ и предоставленіемъ сельскимъ сходамъ безконтрольнаго права примѣнять даже такія крайнія мѣры взысканія, какъ продажу движимаго имущества и отобраніе надѣловъ за недоимку» (стр. 403). Г. Бржескій, очевидно, думаетъ, что если надѣлы будутъ отбираться у недоимщиковъ не сельскимъ міромъ, а органами министерства финансовъ, то и всѣ «болѣзненныя явленія» современной деревни исчезнутъ. Успокоительная вѣра г. Бржескаго доказываетъ, что онъ не только отличается крайнимъ оптимизмомъ, но и со-

вершенно не понимаетъ смысла севершающагося на нашихъ глазахъ хозяйственнаго процесса—развитія капитализма въ русской деревнѣ, процесса, послѣдствія котораго не могутъ быть устранены никакимъ измѣненіемъ порядка раскладки податей.

А. А. Кауфманъ. **Крестьянская община въ Сибири.** Спб. 1897 г. 177 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Работа извѣстнаго изслѣдователя сибирской общины г. Кауфмана является сводкой огромнаго статистическаго матерьяла, въ значительной мѣрѣ добытаго на мѣстѣ самимъ авторомъ. Изученіе формъ сибирскаго землевладѣнія очень важно для пониманія исторіи нашей общины; сибирская община проходитъ въ настоящее время ту же эволюцію, которая давно пройдена великорусской общиной центральныхъ губерній. Еще и теперь въ Сибири преобладаетъ такъ называемая захватная, или заимочная форма землевладѣнія: земли такъ много, что она не представляетъ собой никакой цѣнности; каждый крестьянинъ свободно захватываетъ въ свое распоряженіе столько земли, сколько ему надо. При этомъ, въ первоначальной стадіи захватнаго землепользованія, за заимщикомъ признается односельчанами право не только на тотъ участокъ земли, который дѣйствительно поступилъ въ обработку или къ которому такъ или иначе приложенъ трудъ (напр., скошена трава), но и на участки только захваченные, напр. путемъ помѣщенія на деревьяхъ особыхъ знаковъ, для обозначенія заимки, хотя бы фактически къ этой землѣ трудъ и не прилагался. Въ этой первоначальной формѣ захватное владѣніе очень напоминаетъ собой частную собственность: заимщикъ совершенно свободно распоряжается захваченнымъ участкомъ, заимкой, передаетъ его по наслѣдству, уступаетъ другимъ лицамъ, не спрашивая согласія своихъ односельчанъ. Тѣмъ не менѣе, это не право собственности, а особая форма владѣнія, изъ которой можетъ развиться, какъ подворное, такъ и общинное землевладѣніе. При захватной формѣ верховное право села, общины, на заимки отдѣльныхъ крестьянъ до поры до времени ничѣмъ не проявляется, но что это право тѣмъ не менѣе существуетъ, видно изъ послѣдующей эволюціи захватнаго владѣнія, въ которомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Кауфманъ, «какъ въ зародышѣ, есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владѣнію».

Что же вырастаетъ изъ этого зародыша? Въ Сибири—земельная община съ періодическими передѣлами земли. Главный интересъ книги г. Кауфмана въ томъ и заключается, что она даетъ любопытный матеріалъ для уясненія этой эволюціи и ея причинъ. Мы говоримъ, *матеріалъ* потому, что выводы самого автора и освѣщеніе, какое онъ придаетъ сообщаемымъ имъ фактамъ, мы считаемъ совершенно неправильными. По словамъ г. Кауфмана, переходъ отъ захватнаго владѣнія къ общинному вызывается, главнымъ образомъ, двумя причинами: во-первыхъ, «присущимъ вообще крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣніемъ на землю, какъ на ничью, «Божью», «Государеву»; какъ на фондъ, изъ котораго каждый имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства существованія» (стр. 61), и, во-вторыхъ, ростомъ земельнаго «утѣсненія», уменьшеніемъ запасовъ свободной земли по мѣрѣ увеличенія населенія. По нашему мнѣнію, объяснять экономическую эволюцію «присущими воззрѣніями», это значитъ одно неизвѣстное замѣнять другимъ. Почему же это самое

воззрѣніе, которое, по словамъ г. Кауфмана, присуще не однимъ сибирякамъ, но и всѣмъ «крестьянамъ-пахарямъ», значитъ и малороссійскимъ, и нѣмецкимъ крестьянамъ, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, какъ признаетъ самъ г. Кауфманъ, не помѣшало діаметрально противоположной эволюціи—переходу захватныхъ участковъ въ полную собственность владѣльцевъ? И вообще, можно ли въ настоящее время довольствоваться такими объясненіями, какъ присущія воззрѣнія того или иного общественнаго класса? Крестьянинъ-пахарь, какъ видно изъ фактовъ, приводимыхъ самимъ г. Кауфманомъ, отлично умѣетъ защищать свои интересы и такъ же мало склоненъ поступаться своими выгодами, какъ и прочее человѣчество. При чемъ же тутъ «присущія воззрѣнія»? Такого рода объясненія, типичныя для нашихъ народниковъ, свидѣтельствуютъ лишь о нежеланіи или неумѣніи доводить до конца анализъ изучаемыхъ явленій.

Но самъ г. Кауфманъ въ изобиліи приводитъ факты, указывающіе на дѣйствительныя причины развитія въ Сибири уравнительной общины. Это, во-первыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ цитируемый г. Кауфманомъ г. Дубенскій, «господствующая система взиманія податей подъ круговымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ податной общины» (стр. 60), въ связи съ возрастаніемъ земельной тѣсноты, и, во-вторыхъ, непосредственное вліяніе администраціи. Именно этими причинами было вызвано развитіе великороссійской общины, и книга г. Кауфмана доказываетъ, что и сибирская община создалась тѣми же условіями.

Приведемъ сначала примѣры послѣдняго, т.-е. непосредственнаго вліянія администраціи на введеніе передѣловъ. «Немалое вліяніе,—читаемъ мы у г. Кауфмана,—оказало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прямое воздѣйствіе администраціи и въ частности — введеніе въ западной Сибири съ 1888 года крестьянскихъ учрежденій» (стр. 68). И раньше были такіе случаи—напр. въ 1860 г. въ одной волости раздѣлъ угодій по душамъ былъ произведенъ по приказанію исправника. «Въ 80-хъ годахъ... цѣлый рядъ случаевъ окончательнаго перехода къ душевому пользованію былъ вызванъ прямыми распоряженіями крестьянскихъ чиновниковъ; распоряженія эти имѣли въ виду, главнымъ образомъ, содѣйствовать упорядоченію податного дѣла» (стр. 68). Во многихъ приговорахъ о раздѣлѣ угодій имѣются «прямыя ссылки на предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано: раздѣлить землю по душамъ,—и не приводится никакихъ другихъ мотивовъ». Въ нѣкоторыхъ волостяхъ распоряженія чиновниковъ—по мнѣнію г. Кауфмана, дали только послѣдній толчокъ къ передѣламъ. Въ другихъ же волостяхъ вмѣшательство администраціи ускорило наступленіе момента окончательнаго перехода къ душевому пользованію на десятки лѣтъ, такъ какъ вопросъ о передѣлѣ далеко не успѣлъ здѣсь настолько созрѣть, чтобы можно было ожидать скораго его разрѣшенія по иниціативѣ самихъ общинъ. Иными словами, въ послѣднихъ случаяхъ уравнительная община была всецѣло созданіемъ администраціи.

И это настолько вѣрно, что, какъ сообщаетъ намъ г. Кауфманъ, крестьяне, не смотря на свои «присущія воззрѣнія», иногда упорно сопротивлялись предписаніямъ чиновниковъ о передѣлахъ. Въ угоду начальству составлялись приговоры о передѣлахъ, но земля не передѣлялась, и требовались не-

однократныя предписанія властей, чтобы побудить упорствующихъ крестьянъ исполнить волю начальства. Такъ, въ Арамашевской, Кротовской и Готопутовской волостяхъ крестьяне 3, 4 года оказывали сопротивленіе предписаніямъ администраціи о передѣлѣ земли; «въ Сладковской волости передѣлъ и вовсе не осуществился, такъ какъ всѣ настоянія чиновника разбились объ упорное сопротивленіе богатой части населенія» (стр. 69).

Подобныя же примѣры г. Кауфманъ приводитъ и изъ Иркутской губерніи. Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ нѣчто странное: оказывается, что «присущее воззрѣніе на землю, какъ на ничью, «Божью» и пр.» гораздо больше присуще чиновникамъ м-ва внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ «крестьянамъ-пахарямъ». Мы не знаемъ, какъ объяснитъ этотъ фактъ, съ своей точки зрѣнія, г. Кауфманъ; но что касается до насъ, то мы считаемъ такія исключительныя симпатіи администраціи къ общинѣ (доходящія до прямого насилія надъ крестьянами) вполнѣ понятными. Все дѣло въ томъ, что переходъ отъ захватнаго къ общинно-передѣльному владѣнію содѣйствуетъ «упорядоченію податного дѣла». Въ этомъ то обстоятельствѣ и лежитъ основная причина, почему захватное владѣніе, какъ въ Великороссіи, такъ и въ Сибири, повело къ образованію «общинно-уравнительнаго землепользованія», иначе говоря, общины съ періодическими передѣлами земли. Г. Кауфманъ возражаетъ противъ этого взгляда; тѣмъ не менѣе, переходя къ объясненію эволюціи сибирской общины, онъ, какъ добросовѣстный изслѣдователь, выдвигаетъ на первый планъ *именно эту причину*. По его словамъ, «это сознаніе (правъ малохозяйственныхъ общинниковъ на общинную землю) получаетъ особенно острый характеръ, благодаря тому, что общественникъ, кромѣ пользованія правами, несетъ и обязанности, участвуетъ въ общинныхъ платежахъ и повинностяхъ... этой соразмѣрности (правъ и обязанностей) при захватномъ владѣніи землею нѣтъ: въ то время, какъ земля распредѣляется соразмѣрно благосостоянію и фактической рабочей способности отдѣльныхъ дворовъ, платежи обыкновенно разверстываютъ по душамъ рабочаго возраста, а то и по ревизскимъ душамъ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительной силѣ каждаго отдѣльнаго двора» (стр. 64).

Итакъ, несоотвѣтствіе платежей и размѣровъ землепользованія «обостряетъ сознаніе правъ» малохозяйственныхъ общинниковъ. Это такъ, но г. Кауфманъ опять дѣлаетъ прежнюю ошибку: вмѣсто указанія реальныхъ экономическихъ причинъ онъ ссылается на неопредѣленные моменты нравственнаго свойства, ничего въ сущности не объясняющіе. Одного *сознанія* своихъ правъ еще далеко недостаточно для ихъ *осуществленія*—въ этомъ убѣждаетъ насъ ежедневный опытъ. И если въ данномъ случаѣ «сознаніе правъ» бѣднѣйшихъ членовъ общины приводитъ къ передѣлу, то на это имѣются вполнѣ достаточныя *экономическія* основанія.

А именно, несоотвѣтствіе платежей съ платежными средствами отдѣльныхъ членовъ общины, *при существованіи круговой поруки*, невыгодно не только малоземельнымъ общинникамъ, но и всѣмъ другимъ членамъ общины, такъ какъ по недоплатамъ отвѣчаетъ вся община цѣликомъ. Выходъ изъ этого положенія можетъ быть двоякій: или передѣлъ земли по душамъ, соотвѣтственно душевой раскладкѣ

платежей, или измѣненіе способа разверстки платежей и переходъ отъ душевого къ поземельному обложенію. Но въ послѣднемъ случаѣ, какъ указываетъ г. Кауфманъ, устраняется самое важное препятствіе къ передѣлу — сопротивленіе богатыхъ членовъ общины, захватившихъ много земли, такъ какъ, при низкой цѣнности земли и высокихъ платежахъ, многоземельные общинники могутъ предпочитать уступить своимъ малоземельнымъ односельчанамъ часть своего земельнаго богатства, за которое приходится дорого платить. Такимъ образомъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ община переходитъ къ передѣлу земли подъ вліяніемъ одной причины—податной тягости, лежащей на общинѣ.

Г. Кауфманъ освѣщаетъ всю эту эволюцію совсѣмъ иначе. Для него «основная идея, проходящая красной нитью черезъ весь накопленный изслѣдованіемъ (о сибирской общинѣ) матерьялъ, есть побѣдоносная борьба общиннаго начала съ началомъ индивидуализма» (стр. 105). Эта фраза нашего автора характерна для всего направленія, выразителемъ котораго онъ является. Борьба «общиннаго начала» съ индивидуализмомъ! Что такое «общинное начало»? Г. Кауфманъ долженъ признать, что чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, настаивающіе на передѣлѣ, представляютъ собой «общинное начало», а крестьяне, сопротивляющіеся предписаніемъ этихъ чиновниковъ,—«начало индивидуализма». Но почему же «общинное начало» воплощается именно въ чиновникахъ? Надъ этимъ вопросомъ нашъ авторъ не останавливается, и совершенно напрасно, такъ какъ въ немъ-то и заключается суть дѣла.

Вообще выводы г. Кауфмана опровергаются имъ же самимъ приводимыми фактами. Г. Кауфманъ-фактическій изслѣдователь говоритъ совершенно противоположное тому, что утверждаетъ г. Кауфманъ-теоретикъ. Г. Кауфманъ-изслѣдователь указываетъ на реальныя экономическія причины эволюціи сибирской общины; признаетъ фактъ «внутриобщинной борьбы», основанной на стремленіи крестьянъ возможно полнѣе отстоять свои экономическіе интересы; выясняетъ роль администраціи, вмѣшивающейся въ эту борьбу по соображеніямъ фискальнаго свойства. Г. Кауфманъ-теоретикъ игнорируетъ все это и въ исторіи сибирской общины видитъ только торжество одного «начала» надъ другимъ,—торжество, вытекающее изъ «присущихъ воззрѣній» крестьянина. Тѣмъ поучительнѣе и интереснѣе его книга, въ которой собранъ весьма любопытный и хорошо сгруппированный фактическій матерьялъ, доказывающій, какъ несправедливы обычныя объясненія экономической эволюціи разнаго рода неопредѣленными моментами нравственнаго свойства—«присущими воззрѣніями», «общинными началами» и другими ничего не говорящими общими мѣстами, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ наши изслѣдователи народническаго оттѣнка.

VI. Естествознаніе и медицина.

Крафтъ-Эбингъ. **Учебникъ психіатріи.** Перев. *А. Черемшанскій.* 3-е русское изданіе съ примѣчаніями и дополненіями переводчика. Изд. К. Л. Рикера. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Психіатрія одна изъ наиболѣе молодыхъ медицинскихъ наукъ. Лишь во вто-

рой половинѣ нынѣшняго столѣтія громадные успѣхи въ области анатоміи и физіологіи центральной нервной системы и окончательное исчезновеніе метафизики изъ естествознанія сдѣлали возможнымъ научную постановку ученія о душевныхъ болѣзняхъ, но и до сихъ поръ еще значительная часть основныхъ психіатрическихъ вопросовъ находится въ періодѣ разработки и разрѣшается далеко не одинаково различными авторами; поэтому и большинство серьезныхъ «учебниковъ психіатріи» носитъ индивидуальный характеръ и не ограничивается сообщеніемъ общепризнанныхъ фактовъ, но даетъ много мѣстъ субъективнымъ взглядамъ автора, что дѣлаетъ ихъ обыкновенно несравненно болѣе живыми и интересными, чѣмъ «учебники» уже разработанныхъ наукъ, имѣющіе часто слишкомъ шаблонный характеръ. Между «психіатрическими учебниками» сочиненіе вѣнскаго профессора Крафтъ-Эбинга занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Если медику, желающему серьезно познакомиться съ «душевными болѣзнями», и нельзя ограничиться однимъ Крафтъ-Эбингомъ, то, съ другой стороны, и нельзя обойтись безъ него. Особенно цѣнна масса клиническихъ наблюденій, собранныхъ авторомъ въ теченіе 30-лѣтней психіатрической дѣятельности и давшихъ ему возможность нарисовать цѣлый рядъ яркихъ картинъ различныхъ формъ душевной болѣзни. Больные, выступающіе въ «исторіяхъ болѣзни», являются передъ глазами читателя со всѣми своими индивидуальными особенностями; конечно, этимъ нѣсколько затрудняется выдѣленіе существенныхъ признаковъ данной болѣзни отъ несущественныхъ, но зато избѣгается опасность излишняго схематизированія, что особенно вредно при изученіи такой неустановившейся науки, какъ психіатрія.

Очень жаль, что къ учебнику не приложены фотографическіе снимки съ особенно типичныхъ больныхъ, какъ это сдѣлалъ Ціэнъ въ своей «психіатріи». Каждая форма душевной болѣзни кладетъ свой иногда очень характерный отпечатокъ на лицо больного. Изученіе этихъ «больныхъ выраженій» чрезвычайно важно: встрѣчаются опытные психіатры, которые, взглянувъ на лицо больного, почти безошибно опредѣляютъ форму болѣзни.

Книга Крафтъ-Эбинга представляетъ большой интересъ не только для врачей, но и вообще для всѣхъ образованныхъ людей. Постоянно чувствуется, что авторъ, какъ это и слѣдуетъ психіатру, знакомъ далеко не съ одной медициной. Особенно много общеинтересныхъ данныхъ въ главѣ, посвященной причинамъ сумасшествія.

Какъ извѣстно, число душевно-больныхъ въ цивилизованныхъ странахъ за послѣднія десятилѣтія растетъ угрожающе быстро; такъ, напр., въ Англіи за послѣднія 30 лѣтъ число сумасшедшихъ болѣе чѣмъ утроилось. Причину этого явленія, наводящаго на серьезное размышленіе, видятъ, главнымъ образомъ, въ слишкомъ быстромъ «прогрессѣ цивилизаціи». Крафтъ-Эбингъ замѣчаетъ по этому поводу, что цивилизація по отношенію къ психической заболѣваемости имѣетъ двѣ стороны: въ ней заключаются условія, безусловно уменьшающія эту заболѣваемость, какъ, напр., улучшеніе пищи, жилищъ, одежды, распространеніе образованія и т. п., но на ряду съ ними идутъ условія, способствующія росту душевныхъ болѣзней, и эти послѣднія Крафтъ-Эбингъ считаетъ сильнѣе первыхъ.

«Возрастаніемъ цивилизаціи,—говоритъ онъ,—создаются болѣе утонченныя

и болѣе сложныя жизненныя отношенія, а потому дѣлается труднѣе и борьба за существованіе. Вести эту борьбу за болѣе пріятныя, но зато и обставленныя большими потребностями, условія жизни долженъ мозгъ. Его организація утончается въ этой борьбѣ, онъ становится болѣе изобрѣтательнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе стойкимъ; въ то же время онъ подвергается чрезмѣрнымъ раздраженіямъ, ведущимъ его къ истощенію, болѣзни, вырожденію.»

Но, можетъ быть, самую важную роль въ учащеніи мозговыхъ заболѣваній играетъ возрастающее потребленіе кофе, чаю, табаку и особенно *алкоголя*, а также распространеніе сифилиса, нерѣдко влекущаго за собой самую ужасную душевную болѣзнь—прогрессивный параличъ.

Крафтъ-Эбингъ считаетъ всѣ эти явленія зависящими отъ прогресса цивилизаціи; намъ же думается, что ихъ правильнѣе ставить въ связь съ факторами, мѣшающими непрерывному и быстрому прогрессу.

Много мѣткихъ замѣчаній дѣлаетъ Крафтъ-Эбингъ о правильной постановкѣ воспитанія для предупрежденія психическихъ заболѣваній; онъ возстаетъ, между прочимъ, противъ односторонней «классической» системы гимназій, которыя «превратились въ приготовительныя школы лишь для будущихъ филологовъ».

Русскій переводъ сдѣланъ въ общемъ удовлетворительно, но иногда встрѣчаются не совсѣмъ удачныя выраженія, въ родѣ «ранимый», «ханжливый», «ихъ (возбуждающихъ веществъ) злоупотребленіе» (вмѣсто — злоупотребленіе ими) и т. д.

Что касается до русскихъ примѣчаній и дополненій, то они безусловно чрезвычайно цѣнны. Съ внѣшней стороны русское изданіе учебника Крафтъ-Эбинга не оставляетъ желать ничего лучшаго.

П. Флексигъ. **Мозгъ и душа.** Перев. *Н. Березина.* Изданіе ред. журн. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

P. Flechsig. **Предѣлы душевнаго равновѣсія.** Перев. *С. Штейнгауза* Изданіе Южно-русскаго общества печатнаго дѣла. Одесса. 1897 г. Ц. 40 к.

Если теперь никто не скажетъ болѣе, что «мозгъ выдѣляетъ мысль точно такъ же, какъ печень желчь», то съ другой стороны никто и не рѣшится отвергать зависимости между психическими явленіями и матеріальными измѣненіями въ мозгу. Самый характеръ этой зависимости мы опредѣлить не можемъ, такъ какъ психическія и матеріальныя явленія несоизмѣримы, но ихъ строгій параллелизмъ несомнѣненъ.

Механическое, химическое, электрическое и вообще матеріальное воздѣйствіе на ту или другую часть сѣраго (корковаго) вещества большого мозга неизбѣжно вызываетъ то или другое измѣненіе въ психической жизни человѣка.

Какъ бы то ни было, а мозгъ все же можно назвать органомъ души.

Лѣтъ 25 тому назадъ еще господствовало воззрѣніе Флуранса, что всѣ части большого мозга принимаютъ равное участіе въ психической жизни, но, начиная съ 70-хъ годовъ, это мнѣніе постепенно замѣнилось фактически обоснованнымъ убѣжденіемъ, что различнымъ сторонамъ психической жизни соотвѣтствуютъ

различныя части мозга: способность рѣчи зависитъ отъ цѣлости третьей лобной извилины лѣвой половины большого мозга, движенія большинства мышцъ стоятъ въ связи съ центральной извилиной, отдѣляющей лобную часть отъ теменной, слухъ сосредоточенъ въ височной части и т. п.

Образовалось цѣлое чрезвычайно интересное ученіе о локализаціи душевныхъ способностей, надъ разработкой котораго трудятся въ настоящее время выдающіеся физіологи и психіатры всѣхъ странъ. Къ нимъ принадлежитъ и лейпцигскій профессоръ Флексигъ, рѣчь котораго «о мозгѣ и душѣ» (произнесенная имъ при вступленіи въ ректорскую должность) даетъ въ общепонятной сторонѣ какъ результаты изслѣдованій надъ зависимостью между психической жизнью и мозгомъ, такъ и нѣкоторые общіе выводы изъ нихъ, чрезвычайно важные, между прочимъ, для «нервной гигіены» и для вопроса о вмѣняемости преступниковъ. На русскій языкъ рѣчь Флексига переведена очень хорошо и снабжена прекрасной хромолитографированной таблицей, представляющей горизонтальный разрѣзъ большого мозга. Къ сожалѣнію, этотъ рисунокъ, вслѣдствіе слишкомъ недостаточныхъ пояснительныхъ примѣчаній, для многихъ будетъ непонятенъ.

«Предѣлы душевнаго равновѣсія»—тоже рѣчь Флексига, произносенная имъ вскорѣ послѣ сообщенія о «мозгѣ и душѣ» и до извѣстной степени предполагающая знакомство съ нимъ.

Особый интересъ этой рѣчи придаетъ суровая критика пресловутыхъ положеній Ломброзо о связи между геніемъ и сумасшествіемъ. Флексигъ прямо заявляетъ, что «трактовать въ нашъ вѣкъ точнаго естествознанія научные вопросы въ духѣ Ломброзо составляетъ во всякомъ случаѣ явленіе атавизма», которому, какъ извѣстно, итальянскій ученый придаетъ такое большое значеніе. Между строеніемъ мозга генія и мозга посредственности Флексигъ находитъ разницу, свидѣтельствующую не о вырожденіи перваго, а, напротивъ, о его болѣе высокомъ развитіи. Мозгъ генія—идеалъ, къ которому эволюція ведетъ мозгъ обыкновеннаго смертнаго. Различіе заключается не въ степени возбудимости и раздражительности, а въ большей расчлененности и совершенствѣ механизма геніальнаго мозга сравнительно съ обыкновеннымъ. Вслѣдствіе богатства «элементами духовной дѣятельности мозгъ генія безъ всякаго вреднаго болѣзненнаго перевозбужденія работаетъ несравненно энергичнѣе и живѣе мозга обыкновенныхъ людей».

Между твореніями генія и продуктами патологической дѣятельности Флексигъ совершенно справедливо не находитъ ни малѣйшаго сходства по существу. «У генія продуктами повышенной мозговой дѣятельности являются творенія, связанныя въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ единствомъ идеи, одухотворенныя живою мыслью; у душевно же больного маніака вся творческая дѣятельность, если таковая и существуетъ, носитъ на себѣ характеръ хаоса и безпорядочности». Не менѣе, чѣмъ Ломброзо, достается отъ Флексига и такъ называемому «здравому человѣческому разуму», съ точки зрѣнія котораго профаны нападаютъ на выводы ученыхъ психіатровъ. «Здравый человѣческій разумъ», впрочемъ, выступаетъ далеко не противъ однихъ ученыхъ психіатровъ, онъ вообще вы-

двигается, какъ послѣдній доводъ, какъ ultima ratio, всѣми тѣми, у кого для спора съ противниками на научной почвѣ нехватаетъ либо знаній, либо мыслительныхъ способностей, либо того и другого вмѣстѣ». У насъ «здравый человѣческій разумъ» является, какъ извѣстно, наиболѣе упорнымъ противникомъ «экономическаго матеріализма».

Переводъ «Предѣловъ душевнаго равновѣсія» могъ бы быть лучше; онъ, напр., совершенно напрасно пестритъ иностранными научными терминами.

Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Состав. проф. *А. М. Маршаль.* Пер. съ англ. проф. Н. Зографъ. Съ 36-ю рис. въ текстѣ. М. 1894 г. 8°. XIX—160 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Нѣкоторымъ животнымъ, такъ сказать, на роду написано быть необходимою принадлежностью каждой зоологической лабораторіи. Къ такимъ животнымъ относится и обыкновенная лягушка. Подходящій размѣръ ея, легкость добычи этого матеріала и простота его содержанія зимою въ обыкновенныхъ влажныхъ ящикахъ безъ всякаго корма—дѣлаютъ его чрезвычайно удобнымъ объектомъ для лабораторныхъ студенческихъ занятій. Каждому біологу, каждому медику во время практическихъ занятій и по зоологіи, и по физіологіи, и по гистологіи приходится постоянно имѣть дѣло съ лягушкой. Изъ этого ясно, какое значеніе должны имѣть руководства, подобныя руководству Маршаля, для студентовъ.

На русскомъ языкѣ мы имѣемъ одно руководство по анатоміи лягушки—Эккера (Спб. 1866 г.), которое представляетъ переводъ части подробной и прекрасной нѣмецкой монографіи (Ecker und Wiedersheim. Die Anatomie des Frosches. Braunschweig, 1864—1882), но которое, къ сожалѣнію, въ настоящее время не легко достать.

Составляя свою книжку, Маршаль имѣлъ въ виду практическія занятія по курсу элементарной біологіи, преподаваемой въ Оуэновской коллегіи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Маршаль, какъ опытный преподаватель, прекрасно выполнилъ свою задачу; но проф. Зографу, предназначавшему свой переводъ для русскихъ студентовъ, практическія занятія которыхъ разнятся отъ занятій, принятыхъ въ англійской коллегіи, не слѣдовало бы оставлять англійскій подлинникъ безъ всякихъ перемѣнъ и дополненій.

Такъ, послѣ общаго очерка внѣшнихъ признаковъ, расположенія внутреннихъ органовъ и спеціальной анатоміи сосудистой системы (I-ая и II-ая главы) слѣдуетъ глава, посвященная занятіямъ по гистологіи, а далѣе идетъ снова анатомія скелета и міологія лягушки. Кромѣ того, въ главѣ о нервной системѣ (VI-ая гл.) и объ органахъ чувствъ (VII-ая гл.) заключается какъ анатомическая, такъ и гистологическая части, тогда какъ гистологія железъ, мышцъ, хряща и костей отдѣлена отъ анатоміи соотвѣтственныхъ органовъ. Если руководство предназначается для занятій студентовъ въ университетахъ и академіяхъ, то гистологія должна быть, согласно программѣ занятій, совершенно отдѣлена отъ анатоміи; если же имѣть въ виду самостоятельныя занятія на дому, то слѣдовало бы ради экономіи времени и матерьяла занимающагося III-ю главу (элементарная гистологія) разбить на части и отнести ихъ къ двумъ предыдущимъ и къ двумъ по-

слѣдующимъ главамъ. Говоря о самостоятельныхъ занятіяхъ, когда приходится самому добывать и матерьялъ для занятій, нельзя не упомянуть также о томъ, что для гистологическихъ работъ въ руководствѣ Маршаля иногда предлагаются совсѣмъ неподходящія для такой цѣли объекты, какъ, напримѣръ, желудокъ собаки, которые можно было бы съ полнымъ удобствомъ замѣнить другими, болѣе легко доставаемыми. Укажемъ еще на то, что очеркъ развитія лягушки, прилагаемый Маршалемъ къ своему учебнику, никакъ не можетъ служить руководствомъ для практическихъ занятій, а только для просмотра уже готовыхъ эмбріологическихъ препаратовъ. Въ практическомъ руководствѣ развитіе должно разсматриваться не по системамъ органовъ (какъ у Маршаля), а по послѣдовательнымъ стадіямъ развитія. Это особенно касается лягушки, свѣжую икру которой для занятій можно получать, какъ извѣстно, въ теченіе лишь опредѣленнаго и незначительнаго весенняго времени.

Что касается самаго перевода и рисунковъ, то и первое, и второе въ общемъ сдѣлано хорошо. Переводчикъ, однако, говоритъ почему-то «выключутіе» вмѣсто вылупленіе, или просто—выходъ головастика изъ яйца; затѣмъ, передаетъ англійскій терминъ «germinal layer» словомъ зародышевый *слой*, вмѣсто установившагося термина зародышевый листокъ (или зародышевый пластъ, «Keimblat» нѣмцевъ), латинскія названія нѣкоторыхъ мышцъ переводитъ (межпозвоночныя, ягодичныя мышцы и пр.), рядомъ же встрѣчаются названія въ родѣ «*мило-гіоидный*» мускулъ, «*геніо-гіоидная*» мышца и т. п.

Книга Маршаля, во всякомъ случаѣ, принесетъ пользу, и ее (при нашей бѣдной литературѣ) можно смѣло рекомендовать и студентамъ, и лицамъ, занимающимся безъ руководства преподавателей. Жаль только, что цѣна книжки немного высока.

Къ вопросу о движеніи земельной собственности.

Матерьяломъ для настоящей замѣтки послужилъ намъ рядъ цифръ о движеніи поземельной собственности въ Московской губерніи за тридцатилѣтіе съ 1865—1895 гг., собранный въ статистическомъ ежегодникѣ Московской губ. за 1896 годъ. Данныя эти даютъ намъ возможность отмѣтить любопытныя тенденціи экономическихъ явленій, указать лишній разъ на *дифференціацію* крестьянства.

Московская губернія представляетъ одну изъ самыхъ промышленныхъ областей Россіи, но далеко не всѣ ея районы отличаются одинаковымъ развитіемъ фабрично-заводскаго дѣла. Наибольшого развитія достигло оно въ Московскомъ, Серпуховскомъ и Богородскомъ уѣздахъ, на которые падаетъ 64,2% доходности фабрично-заводской промышленности всей губерніи (30,3% на Москву, 22,2% на Богород. у. и 11,7% на Серпухов. у.). Уѣзды же Волоколамскій (0,6%), Можайскій (0,3%) и Рузскій (0,1%) занимаютъ низшія ступени въ дѣлѣ развитія фабрично-заводскаго дѣла, и на нихъ падаетъ лишь 1% общей по губерніи доходности фабрикъ и заводовъ.

Развитіе фабрично-заводской промышленности можетъ служить прекраснымъ показателемъ степени развитія промышленнаго капитализма въ данной области. Естественно, слѣдовательно, ожидать, что тамъ, гдѣ фабрично-заводское дѣло достигло наибольшаго процвѣтанія, гдѣ, слѣдовательно, въ обрабатывающей промышленности капиталъ пустилъ болѣе глубокій корень, тамъ и капитализація землевладѣнія должна совершаться сильнѣе, обнаруживаться болѣе рельефно. Еще проф. Ходскій указывалъ [1]), что «есть основаніе предполагать успленіе мобилизаціи земельной собственности во времени». Для Московской губерніи тенденція эта перешла изъ области «предположеній» въ область несомнѣнныхъ фактовъ, прочно установленныхъ и отмѣченныхъ статистическими данными.

Въ самомъ дѣлѣ за пятилѣтіе 1870—1874 гг. было всего лишь 1.534 случая перехода земель отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, а за пятилѣтіе 1890—1894 гг. ихъ было уже 1.995, или на 30% больше. Еще яснѣе и рельефнѣе будетъ картина, если мы сравнимъ движеніе поземельной собственности по отдѣльнымъ годамъ.

---

[1]) Л. В. Ходскій. Земля и земледѣлецъ. Спб., 1890 г. т. II, стр. 18.

Въ 1867 году было 71 случай перехода.
» 1868 » » 232 » »
» 1869 » » 299 » »
а черезъ 25 лѣтъ » 1892 » » 389 » »
» 1893 » » 439 » »
» 1894 » » 419 » »

Изъ этой таблицы мы видимъ, что среднее ежегодное число случаевъ перехода земель отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ за трехлѣтіе 1867—1869 гг. равнялось 200,7, а за трехлѣтіе 1892—1894 гг. уже 415,7, т.-е., иными словами, больше чѣмъ удвоилось. Цифры эти хотя и ясно обнаруживаютъ тенденцію къ росту мобилизаціи земельной собственности, но они даютъ намъ опять лишь «среднія цифры» для губерніи; уѣзды же ея, какъ мы уже сказали, сильно различаются по степени развитія капитализма и поэтому гораздо интереснѣе прослѣдить ростъ земельной мобилизаціи по уѣздамъ, что мы и дѣлаемъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Изъ всей площади частнаго землевладѣнія принадлежало:			
	Дворянамъ		Купцамъ	
	Въ 1865 г.	въ 1895 г.	въ 1865 г.	въ 1895 г.
Наиболѣе промышленный районъ [1]).	83—90%	15—48%	9—14%	34—72%
Наименѣе промышленный районъ [2]).	96—97%	55—69%	1,2—1,6%	12—32%

Эти нѣсколько цифръ указываютъ намъ съ одной стороны, что дворянское землевладѣніе падаетъ, а купеческое растетъ; съ другой же, что въ трехъ промышленныхъ уѣздахъ купеческое землевладѣніе стало уже играть роль довольно крупную и мѣстами почти сравнялось съ дворянскимъ (въ Моск. у.), мѣстами далеко переросло его (Богор. у.). Такимъ образомъ, наши данныя вполнѣ подтверждаютъ, повидимому, положеніе г. Рейнбота, что площадь дворянскаго землевладѣнія сокращается, и «*весьма замѣтно*» расширяется землевладѣніе особаго класса лицъ, «который образуется преимущественно изъ лицъ торговаго сословія» [3]). Какъ же отражаются «естественные законы движенія общества» на частной крестьянской земельной собственности. Ограничимся пока лишь указаніемъ на тотъ фактъ, что въ двухъ наиболѣе промышленныхъ уѣздахъ (Моск. и Богородск.) частное крестьянское землевладѣніе существуетъ исключительно въ формѣ *средняго землевладѣнія* [4]).

[1]) Москов., Богор. и Серпух. уу.

[2]) Волоколам., Можайск. и Рузск. уу.

[3]) Цитировано у П. Б. Текущіе вопросы внутр. жизни. «Нов. Слово». 1897 г., мартъ, стр. 163.

[4]) Статистич. ежегодникъ и т. д. за 1896 г. Приложеніе I, стр. 10. За среднее землевладѣніе ежегодникъ принимаетъ земельные участки отъ 50 до 200 дес.

Тенденція экономическихъ явленій не всегда вырисовывается при наблюденіи *среднихъ цифръ*, и такое наблюденіе часто или ничего не выясняетъ, или же прямо даетъ поводъ искажать истинный смыслъ экономическаго развитія. Такъ, напримѣръ, просматривая таблицу итоговъ мобилизаціи земельной собственности съ 1867 по 1894 года, мы узнаемъ, что среднее ежегодное число случаевъ покупокъ и продажъ было по сословіямъ слѣдующее [1]):

	Продажи.	Покупки.
дворяне.....	155,6	83,2
купцы.....	54,9	99,9
крестьяне	81,4	91,0
мѣщане.....	30,8	46,1
разные лица..	23,4	25,1.

Что же можно сказать при видѣ этихъ цифръ? Только то, что дворяне гораздо чаще продаютъ свои земли, чѣмъ покупаютъ новыя, а остальныя сословія, наоборотъ, чаще покупаютъ, чѣмъ продаютъ, словомъ, сказать то же, что говорятъ гг. Ходскій, Рейнботъ, Соболевъ и др. Изъ этой таблицы мы можемъ также заключить, что крестьянское землевладѣніе не падаетъ, и, опираясь на авторитетъ проф. Ходскаго, признающаго крестьянина представителемъ мелкаго землевладѣнія, намъ недалеко до заявленія народническихъ восторговъ по поводу того, что мелкое производство, крестьянское землевладѣніе оказывается устойчивѣе крупнаго (дворянскаго) и легче переноситъ современный сельско-хозяйственный призисъ, доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что на 81 крестьянина, продающаго землю приходится 91 покупающій ее. Радость эта охлаждается, однако, данными о среднемъ размѣрѣ мобилизуемыхъ участковъ, приведенными на той же страницѣ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что средній участокъ, продаваемый крестьянами, равнялся 21,7 дес., а покупаемый ими—57,6 дес., т.-е. мы имѣемъ основаніе заключать изъ этого, что крестьянство дифференцируется и что мелкій производитель разоряется и теряетъ землю въ пользу владѣльцевъ болѣе крупныхъ участковъ, часто своихъ же братьевъ мужиковъ-богатѣевъ!

Стараясь отмѣтить не современное состояніе земельной собственности, а тенденцію ея мобилизаціи, мы приступимъ къ сравненію переходовъ земельной собственности по пятилѣтіямъ. Нижеслѣдующая таблица показываетъ намъ количество случаевъ купли-продажи земель и средній размѣръ продаваемаго участка по различнымъ категоріямъ владѣльцевъ.

---

[1]) Тамъ же, прил. I, стр. 5. Въ этой таблицѣ допущенъ между прочимъ слѣдующій курьезъ: въ итогѣ подъ вышеприведенными цифрами значится для продажъ—69,2 и для покупокъ—69,06. Такимъ образомъ получилось, что сумма меньше почти каждаго слагаемаго. Оказывается, что составитель *вычислялъ среднее число продажъ для средней группы землевладѣльцевъ (?!)*. Это ужъ не статистика, а что-то очень похожее на тѣ «задачи на вычисленіе», которыя очень распространены въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Пятилѣтія.	Число случаевъ продажи земли.			Средній размѣръ продан. участка.		
	Дворяне.	Купцы.	Крестьяне [1]).	Дворяне.	Купцы.	Крестьяне.
1870—74 г.	934	233	227	198,6	135,9	16,6
1875—79 »	701	241	387	194,7	223,0	12,5
1880—84 »	828	339	422	181,7	181,6	25,6
1885—89 »	815	349	588	179,7	144,3	19,9
1890—94 »	636	304	616	146,9	150,0	26,3

Таблица эта говоритъ намъ, что дворянское землевладѣніе потеряло наибольшее число участковъ въ пятилѣтіе 70—74, а наименьшее въ пятилѣтіе 90—94. Что же это значитъ? Намъ кажется возможнымъ заключить отсюда, что вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ дворяне, вступившіе въ новыя условія существованія не могли сразу къ нимъ приспособиться, не сумѣли войти въ роль товаропроизводителей для мірового рынка. Они спѣшили продать свою землю сосѣднему Титъ Титычу, а сами мчались въ чужіе края проживать полученныя деньги. Шагъ за шагомъ типъ такихъ «неприспособленныхъ» дворянъ исчезаетъ, уменьшается въ силу этого и продажа дворянскихъ земель: «неприспособившимся» представителямъ этого сословія нечего было продавать, такъ какъ все уже было продано, а «приспособленные» стремились не продавать свои наслѣдственныя и благопріобрѣтенныя имѣнія, а расширять ихъ. Мы видимъ, что дворянство потеряло много земли, повсюду площадь его владѣній сократилась, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что чѣмъ дальше, тѣмъ шире будетъ идти обезземеленіе этого сословія, тѣмъ сильнѣе будетъ происходить его разореніе. Если мы сравнимъ число имѣній, купленныхъ дворянами на сто проданныхъ ими, то получимъ по пятилѣтіямъ слѣдующія цифры:

1870—1874 г. . . .	46,2
1875—1879 » . . .	55,5
1880—1884 » . . .	53,5
1885—1889 » . . .	57,1
1890—1894 » . . .	65,1

Эти данныя ясно указываютъ намъ, что, хотя число имѣній, продаваемыхъ дворянами, далеко превосходитъ число покупаемыхъ ими, но разница постепенно сокращается [2]). Весь вопросъ объ обезземеленіи дворянства сводится такимъ образомъ къ вопросу о томъ, сумѣетъ ли оно приспособиться къ новымъ экономическимъ условіямъ, стать земельной буржуазіей [3]), не требуя

---

[1]) Принимая число случаевъ продажъ земли крестьянами въ пятилѣтіе 70—74 гг. за 100, мы будемъ имѣть для остальныхъ пятилѣтій слѣдующія цифры: для 75—79 гг. 171, для 80—84 гг. 186, для 85—89 гг. 259 и для 90—94 гг. 271.

[2]) Если мы примемъ во вниманіе количество продаваемой земли и покупаемой, то окажется, что отношеніе второй къ первой совершенно не измѣняется и колеблется все время около 50%.

[3]) Въ разрядъ промышленной оно давно уже проникло; стоитъ припомнить имена гр. Бобринскаго, гр. Шувалова, гр. Стенбокъ-Ферморъ, князя Абамелекъ-Лазарева и другихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянъ, чтобы видѣть, что не мало въ Россіи есть фабрично-заводскихъ предпріятій, во главѣ и собственниками

для себя вѣчныхъ подачекъ изъ государственнаго казначейства, или оно не сумѣетъ сдѣлать этого[1]). Владѣя крупными земельными участками, дворянство находится въ очень выгодныхъ экономическихъ условіяхъ, которыя увеличиваются еще разными льготами по кредиту и которыя даютъ дворянству много шансовъ на то, чтобы выйти побѣдителями въ борьбѣ, поднятой всѣми сословіями изъза земли. «*Крупное предпріятіе*, говоритъ совершенно справедливо балашовскій предводитель дворянства, г. Львовъ, *какъ и землевладѣніе, побѣждаетъ мелкое*». Но почему же тогда и другіе представители крупнаго землевладѣнія—купцы—все чаще и чаще продаютъ свои имѣнья? Не доказываетъ ли это неустойчивости для Россіи крупнаго землевладѣнія? По нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ.

Правда, что въ пятилѣтіе съ 1870 по 74 г. купцами продано 233 имѣнія, а въ пятилѣтіе 90—94 уже 304 имѣнья, но этотъ ростъ «купецкаго» обезземеленья находитъ себѣ весьма простое объясненіе.

Гл. Ив. Успенскій не разъ указывалъ намъ на примѣры того, какъ различные Титы Титычи, нажившіе кабаками довольно кругленькія состоянія, стремились стать «барами», т.-е., иными словами, сдѣлаться помѣщиками. Они охотно скупали по «сходственной цѣнѣ» барскія усадьбы и селились подъ дворянскою кровлею не столько ради извлеченія изъ имѣнія дохода, сколько ради «житья по-барскому», «житья въ свое удовольствіе». Дворянство, безусловно господствовавшій до 60-хъ годовъ классъ, могло служить, благодаря окружавшему его блеску, идеаломъ для такихъ господъ. Они стремились подражать ему, хотя бы по внѣшности, и подражаніе это не было чуждо нѣкогда и буржуазіи Запада. И тамъ при разложеніи дворянскаго строя буржуазія скупала дворянскія помѣстья не столько ради ихъ доходности, сколько ради подражанія.

Но послѣ реформы 19 февраля прошла для русскаго дворянства эра вѣчнаго праздника и веселья, и наступилъ великій постъ! Съ каждымъ годомъ расширялось значеніе капиталистовъ, съ каждымъ годомъ они выдвигались экономическимъ развитіемъ на болѣе видное мѣсто, становились господствующимъ классомъ. По мѣрѣ того, какъ растетъ ихъ сила и могущество, растетъ и ихъ самосознаніе, ихъ самоуваженіе. Обнищавшее дворянство, утратившее свой блескъ и свою первенствующую роль въ общественной жизни, не можетъ уже служить идеаломъ современныхъ крезовъ, помѣщичья жизнь не тянетъ ихъ къ себѣ. Капиталистовъ манятъ города, крупные торговые и промышленные центры, ихъ перестала привлекать «жизнь по-барскому». При такихъ условіяхъ купечество смотритъ на землю *исключительно, какъ на источникъ дохода*, и понятно, что при современномъ экономическомъ сельско-хозяйственномъ кризисѣ оно предпочитаетъ вкладывать капиталы не въ имѣнія, а въ болѣе доходныя торгово-промышленныя предпріятія. Земля же пріобрѣтается лишь для быстраго расхи-

---

которыхъ состоятъ разные титулованные и нетитулованные представители первенствующаго сословія.

[1]) Авторъ упускаетъ изъ виду, что за два послѣднія пятилѣтія на мобилизаціи дворянской земельной собственности не могли не сказаться задерживающимъ образомъ операціи дворянскаго банка. *Прим. ред.*

щенія лѣсовъ, послѣ чего она теряетъ для купца цѣнность. Этими двумя факторами можно, кажется намъ, объяснить усиливающуюся продажу купеческаго землевладѣнія и постепенное сглаживаніе разницы между числомъ продажъ и покупокъ купцами земли [1]): процентъ купленныхъ купцами имѣній къ числу проданныхъ ими же былъ въ пятилѣтіе 1870—1874 гг.—204, а въ пятилѣтіе 1890—1894 гг. лишь 158, т.-е. сократился на 25%, разница же сгладилась почти вдвое!

Если мы примемъ во вниманіе, что число имѣній, покупаемыхъ купцами и дворянами, остается въ 1870—1874 гг. почти неизмѣннымъ [2]), то естественно, что сокращеніе разницы между числомъ продажъ и числомъ покупокъ должно зависѣть только отъ измѣняемости первыхъ, т.-е. продажъ. Измѣняемость же эта заключается *въ уменьшеніи числа продажъ для дворянъ* (съ 934 въ 1870—1874 гг. до 636 въ 1890—1894 гг.) *и въ увеличеніи числа ихъ для купцовъ* (съ 233 въ 1870—1874 гг. до 304 въ 1890—1894 гг.). Такимъ образомъ, коэффиціентъ прироста купцовъ-землевладѣльцевъ обнаруживаетъ тенденцію падать, а дворянъ—повышаться.

Естественно, что тенденцію измѣняемости числа земельныхъ собственниковъ среди купцовъ и дворянъ и различіе этой тенденціи у тѣхъ и другихъ нельзя объяснить тѣмъ, что «сельско-хозяйственный кризисъ трудно переносится крупными хозяйствами, такъ какъ тогда ходъ эволюціи купеческой и дворянской земельной собственности обнаруживалъ бы одинъ и тотъ же характеръ» [3]). Такимъ образомъ мы вынуждены внести нѣкоторую поправку къ мнѣніямъ гг. Рейнбота, Ходскаго и Соболева. Въ вопросѣ о мобилизаціи земельной собственности авторы эти видятъ центръ тяжести не тамъ, гдѣ слѣдуетъ: дѣло не въ томъ, что «главная тенденція движенія частной земельной собственности (перейти) изъ рукъ дворянскаго сословія въ руки торгово-промышленнаго класса» [4]), а въ томъ, что *дворяне-землевладѣльцы, какъ самостоятельная экономическая категорія, имѣющая свою особую физіономію, сходятъ съ экономической арены, оставаясь на ней лишь постольку, поскольку они входятъ въ тотъ экономическій классъ*, который, по словамъ г. Рейнбота [5]), «образуется преимущественно изъ лицъ торговаго сословія и такихъ крестьянъ, которые по своему экономическому уровню рѣзко отличаются отъ рядовыхъ крестьянъ-пахарей», т.-е. *въ ряды земельной буржуазіи*. Сущностью вопроса, характернымъ «знаменемъ времени» мы считаемъ, такимъ образомъ, проникновеніе въ область сельскаго хозяйства (въ Московской губ., по крайней мѣрѣ) капиталистическаго способа производства, подчиненіе сельскаго хозяйства принципамъ буржуазной экономики.

---

[1]) Сглаживаніе это шло бы еще быстрѣе, если бы его не смягчалъ ростъ фабрично-заводскаго дѣла, требующій для устройства фабрикъ обладанія землей.

[2]) Дворяне купили въ 1870—1874 гг.—432 имѣнія и въ 1890—1894 гг.—424; купцы же купили въ 1870—1874 гг.—476 и въ 1890—1894 гг.—480.

[3]) Средній размѣръ продаваемаго дворянами участка былъ 182,3 дес., продававшаго же купцами—164,6 дес.

[4]) Статья М. Соболева «Мобилизація земельной собственности» въ Энциклопедическомъ Словарѣ Ефрона и Брокгауза, т. XIX-А, стр. 566.

[5]) «Новое Слово», loc. cit., стр. 162.

Взглянемъ же еще разъ на мелкое землевладѣніе. Сопоставляя данныя о случаяхъ продажъ и покупокъ крестьянами земли, мы получимъ слѣдующую таблицу:

	Продажи.		Покупки.	
	Абсол. числа.	Относит.	Абсол. числа.	Относит.
Пятилѣтіе 1870—1874	227	100	393	100
» 1875—1879	387	170,8	348	88,5
» 1880—1884	422	185,9	502	127,7
» 1884—1889	588	259,0	604	153,7
» 1890—1894	616	271,3	529	134,6

Эта таблица указываетъ намъ, что ростъ продажи крестьянской частной земельной собственности идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ ростъ покупки чужой земли, что реально выражается слѣдующими цифрами:

	На 100 крестьянск. продажъ было покупокъ.
1870—1874 гг.	171,1
1875—1879 »	89,9
1880—1884 »	118,9
1885—1889 »	102,7
1890—1894 »	85,9

Въ отличіе отъ двухъ другихъ сословій (дворянъ и купцовъ) мы наблюдаемъ у крестьянъ, что отношеніе покупокъ и продажъ измѣняется къ невыгодѣ первыхъ. Рядовое крестьянство постепенно разоряется, переходя въ разрядъ пролетаріата, богатѣи же, «которые по своему экономическому уровню рѣзко отличаются отъ рядовыхъ крестьянъ-пахарей, приближаются къ буржуазіи. Мелкое землевладѣніе оказывается, слѣдовательно, далеко не столь устойчивымъ, какъ крупное [1]).

На смѣну сословнаго строя, сохраняющаго силу лишь, какъ «юридическая надстройка», явился въ Московской губерніи классовый порядокъ, не признанный пока юридически, но существующій въ качествѣ «экономическаго основанія», выработаннаго естественнымъ развитіемъ капитализма въ современной Россіи.

Л. Р.

---

[1]) Читателю слѣдуетъ имѣть въ виду, что рѣчь тутъ идетъ, конечно, о *частномъ* землевладѣніи крестьянъ. *Прим. ред.*

Грамотность въ связи съ дифференціаціей деревни.

Изслѣдователи народнаго хозяйства и грамотности населенія не разъ старались указать причины возникновенія и распространенія грамотности, для чего обращались за разъясненіями и къ личнымъ опросамъ, и къ статистическимъ даннымъ. Отвѣты на такіе опросы въ большинствѣ случаетъ получались крайне неопредѣленные и запутанные, и въ нихъ обыкновенно заключалось очень много субъективнаго элемента. Какъ на причины, побуждающія заняться грамотой, указывалось на воинскую повинность, на необходимость разобраться въ бумагѣ, получаемой въ деревнѣ, и умѣть расписаться на ней, на стремленіе прочесть евангеліе или псалтирь по покойникѣ и т. д.; однако, среди подобныхъ заявленій нерѣдко указывалось и на намѣреніе отдать ребенка «въ чужую сторону», гдѣ грамота нужна; да и самому грамота оказывалась необходимой потому, что въ настоящее время рѣдко кому удается прокормиться одной землей, приходится добывать себѣ пропитаніе заработками, стало быть, какъ выражается одинъ изслѣдователь, сталкиваться со всевозможными людьми и обстоятельствами, почему «умственность» является дѣломъ крайне нужнымъ на всякомъ шагу, и постоянно чувствуется, какъ плохо быть неученымъ [1]).

Статистическія изслѣдованія этого вопроса дали много цѣннаго; но при этомъ всегда предполагали, что чѣмъ богаче населеніе, тѣмъ оно должно быть грамотнѣе. Отсюда получался выводъ, что чѣмъ болѣе устойчиво крестьянское хозяйство, чѣмъ менѣе въ немъ признаковъ разложенія, т.-е. чѣмъ меньше среди крестьянъ безлошадныхъ, безхозяйныхъ (сдающихъ свой надѣлъ), чѣмъ болѣе скота приходится на надѣльный дворъ, тѣмъ болѣе въ деревнѣ грамотныхъ [2]). Другимъ факторомъ, помимо зажиточности, вліяющимъ на увеличеніе грамотности въ деревнѣ, признавали распространеніе промысловъ, не замѣчая, что оба эти фактора—благоустройство земледѣльческаго хозяйства и развитіе промысловъ—взаимно исключаютъ другъ друга. Статистики Курской губерніи

[1]) Промыслы и грамотность центральн. района Курск. губ. 1885.

[2]) Пром. и грам. центральн. района Курск. губ. I ч. II гл. 2 ч., стр. 24—29. 1885 г. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губерн. вып. I, Курск. у. 1883. Отд. II.

указываютъ въ главѣ о грамотности на вліяніе на грамотность большей зажиточности и занятій промыслами, въ главѣ же о промыслахъ сообщаютъ, что «здравый смыслъ и теорія экономической науки говорятъ, что чѣмъ меньше земля обезпечиваетъ населеніе извѣстной мѣстности, тѣмъ больше народа занимается здѣсь мѣстными и отхожими внѣземледѣльческими промыслами. Это общее положеніе, одинаковое для всѣхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не допускающее исключенія»; такъ по Курской губерніи замѣчается, что въ промышленныхъ мѣстностяхъ больше семей малосильныхъ—безлошадныхъ, не имѣющихъ скота, сдающихъ свои надѣлы.

Это положеніе признается статистиками вѣрнымъ, пока говорится лишь только о взаимодѣйствіи промысловъ и экономическаго состоянія населенія; когда же въ сопоставленіе вводится новый факторъ—грамотность, тогда оказывается, что большей грамотности, а слѣдовательно и большему развитію промысловъ (потому что, какъ справедливо указывается статистиками, грамотность болѣе всего развивается въ промышленныхъ [мѣстностяхъ)—соотвѣтствуютъ лучшія хозяйственно-земледѣльческія условія данной мѣстности. Этого противорѣчія не замѣтили изслѣдователи Курской губерніи; не замѣтили его и другіе изслѣдователи, и до сихъ поръ вездѣ повторяютъ излюбленный выводъ, что чѣмъ устойчивѣе земледѣльческое хозяйство, тѣмъ больше въ деревнѣ грамотныхъ, предрекая такимъ образомъ увеличеніе безграмотности, ибо теперь ни для кого не секретъ, что устойчивость крестьянскаго хозяйства падаетъ. Грамотность же, между тѣмъ, увеличивается, и отовсюду приходятъ извѣстія, указывающія на болѣе осмысленное отношеніе населенія къ грамотности и образованію.

Статистики Курской губерніи признаютъ вполнѣ доказаннымъ, что въ промышленныхъ мѣстностяхъ процентъ грамотности повышается. «Во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ Курской губерніи гдѣ условія жизни или занятія населенія предъявляли особенный спросъ на грамотныхъ,—тамъ крестьяне не ожидали, пока къ нимъ придетъ на помощь земство, а сами всякими способами увеличивали количество своихъ грамотныхъ. Доказательствомъ этому можетъ служить наиболѣе грамотный Рыльскій уѣздъ: въ немъ съ давнихъ временъ распространенъ промыселъ—торговля австрійскими косами; Рыльскіе косники весною развозятъ свой товаръ по деревнямъ земледѣльческой Россіи и оставляютъ его безъ денегъ до осени, когда имъ приходится вторично объѣхать своихъ должниковъ. Понятно, что при такой организаціи промысла косникъ обязательно долженъ быть грамотнымъ самъ, или при немъ долженъ находиться подручный грамотный человѣкъ, который могъ бы вести долговыя записи. Благодаря именно этому промыслу, Рыльскій уѣздъ давно уже стоитъ впереди другихъ по своей грамотности, не смотря на то, что въ немъ не было другихъ особенно благопріятныхъ внѣшнихъ условій, если не считать такимъ условіемъ значительнаго числа старовѣ-

ровъ. Въ другихъ уѣздахъ наиболѣе грамотными являются также преимущественно промышленные центры. Такъ, въ Курскомъ уѣздѣ въ среднемъ изъ 1.000 душъ мужскаго пола 89 грамотныхъ, въ двухъ же промышленныхъ подгородныхъ слободахъ Стрѣлецкой и Ямской—въ первой 261, во второй 366 грамотныхъ. Въ Льговскомъ уѣздѣ въ среднемъ 65 грамотныхъ (на 1.000 душъ мужскаго пола), [въ промышленной Ивановской вол.—126. Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ въ среднемъ 86 грамотныхъ, въ торгово-промышленной Михайловской вол. 256, въ Селинской 160. Въ Грайворонскомъ въ среднемъ 75, въ Борисовской вол.—160. Въ Суджанскомъ въ среднемъ 74, въ подгородной Замостянской — 171 и т. д.» [1]).

Еще болѣе убѣдительными могутъ показаться слѣдующія цифры. Всѣ волости четырехъ уѣздовъ центральнаго района Курской губ. распредѣлены на четыре группы по процентному содержанію въ нихъ промышленниковъ (къ мужскому населенію) и сопоставлены съ % грамотности [2]).

	Число вол.	Сред. % грам.
1-ая группа (до 10% пром.)	2	2,20
2-ая » (отъ 10 до 20%). . . .	34	3,66
3-я » (отъ 20 до 30%). . . .	27	4,55
4-я » (свыше 30%).	5	6,50

Изъ этой таблицы ясно видно, что съ повышеніемъ числа промышленниковъ (т.-е. лицъ, занимающихся промышленностью), увеличивается и число грамотныхъ. Процентъ грамотности указывается дальше среди плотниковъ Дмитровскаго уѣзда болѣе высокій, чѣмъ по всему уѣзду.

	Процентъ грамотныхъ.		
	Обоего пола.	Мужск.	Женскаго.
По 7 общинамъ, у плотниковъ	10,7	21,3	0,1
По всему Дмитровскому уѣзду	6,3	12	0,3

Такимъ образомъ, процентъ грамотности среди плотниковъ почти вдвое больше, чѣмъ по всему Дмитровскому уѣзду.

Приведя указанные примѣры и многіе другіе, авторы статистическаго изслѣдованія Курской губ. приходятъ къ заключенію, что промыслы, если и не служатъ единственной причиной повышенія грамотности, во всякомъ случаѣ составляютъ одинъ изъ факторовъ, вліяющихъ на распространеніе грамотности въ населеніи [3]). Не всѣ, однако, промыслы оказываютъ одинаковое вліяніе на грамотность. Для выясненія этого вопроса, въ сборникѣ [4]) имѣются двѣ таблицы, въ кото-

---

[1]) Курская губ. Итоги статист. изслѣд. 1887.

[2]) Промыслы и грамотн. центр. района Курск. губ. 1885 г. стр. 30 ч. I.

[3]) Тамъ же, стр. 50 и 51, ч. II.

[4]) Тамъ же, ч. I стр. 30—32.

рыхъ сопоставляются мѣстные и отхожіе промыслы по волостямъ съ процентнымъ содержаніемъ въ нихъ грамотныхъ:

	% грам.
35 волостей, въ коихъ % отхожихъ промышленниковъ достигаетъ 10%	4,0
33 волости, гдѣ % отх. пром. выше 10%	5,13

При разсмотрѣніи волостей съ мѣстными промыслами, результатъ получается иной.

	% грам.
1-я группа 44 волости, гдѣ % мѣстныхъ промысловъ достигаетъ 10%	4,01
2-я группа 20 волостей, гдѣ % отъ 10 до 20	4,09
3-я группа 3 волости, гдѣ % болѣе 20	3,93

Такимъ образомъ, отхожій промыселъ оказываетъ развивающее вліяніе на грамотность, мѣстный подобнаго вліянія не оказываетъ. Да и въ средѣ отхожихъ промысловъ нужно различать различные виды ихъ; такъ, торговля австрійскими косами, по самому характеру промысла, оказываетъ особенное вліяніе на грамотность.

Теперь посмотримъ, чѣмъ вызывается занятіе промыслами. На этотъ вопросъ сборники даютъ намъ вполнѣ опредѣленное указаніе [1]). «Чѣмъ меньше земля обезпечиваетъ земледѣльца, тѣмъ больше поводовъ для него искать заработковъ на сторонѣ. Развитіе промышленности всегда есть слѣдствіе того, что наличный надѣлъ земельный не въ состояніи прокормить мѣстное населеніе». Приводимыя цифры *показываютъ*, какъ близко совпадаетъ число малосильныхъ домохозяевъ и промышленниковъ.

	Промышл. сем.	Домохозяевъ безлошадн. и съ 1 лош.
Суджанскій уѣздъ	10.948	8.397
Льговскій »	8.546	8.112
Фатежскій »	8.090	8.241
Дмитровскій »	8.342	6,962

Еще болѣе ясно выступаетъ это совпаденіе, если сопоставить промышленниковъ и малолошадныхъ по волостямъ. Такъ, напр., въ Льговскомъ уѣздѣ:

	Домох. съ 1 лош. и безлошадн.	Промышленныхъ семей.
По вол. Шептуховской	641	648
» » Городенской	546	543
» » Вышнедеревенской	589	564
» » Кожлянской	751	752 и т. д.

«Параллельно съ % сдающихъ свои надѣлы повышается и % промышленниковъ; въ Дмитровскомъ уѣздѣ, имѣющемъ 10% сдатчиковъ, самое большое количество промышленниковъ; въ Фатежскомъ уѣздѣ съ 7% сдатчиковъ промышленниковъ значительно меньше. Строгая

[1]) Промыслы и гра[м.] Ч. II стр. 24—25.

зависимость развитія промышленности отъ чисто экономическихъ факторовъ, отъ болѣе или менѣе высокаго уровня благосостоянія, особенно хорошо выдѣлится, если мы сравнимъ распредѣленіе промышленныхъ семей между различными категоріями крестьянъ, проставивши для наглядности, на ряду съ этимъ, цифры, обрисовывающія экономическое положеніе этихъ группъ крестьянъ».

Разряды крестьянъ.	Отношеніе промышл. семей къ общ. числу.	% сдающ. свой земельный надѣлъ.	Головъ скота на 1 над. дворъ.	% безлошадн.	% бездомовыхъ.	Платежъ на 1 дес. (въ рубл.).
Государств. четв.	46,7	4,7	3,1	17,5	2	2,6
Госуд. душево-четв.	60,3	6	2,7	25,7	2,5	2,6
Госуд. душевые.....	52,4	4,3	2,7	20,5	2	2,9
Собственники.....	54,6	8	2,6	23,5	3,7	4,7
Дарственные.....	60,3	9,2	2,5	28,2	5,5	4,7

Такимъ образомъ оказывается, что у государственныхъ крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ лучше, % промышленниковъ ниже, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Среди же послѣднихъ, наибольшій процентъ у дарственниковъ, получившихъ самый малый надѣлъ и у которыхъ въ настоящее время меньше всего скота, больше всего сдатчиковъ надѣла, безлошадныхъ, безхозяйныхъ и бездомовыхъ.

«Всѣ эти чисто экономическія, хозяйственныя условія и произвели такое замѣтное колебаніе въ распредѣленіи промышленниковъ по разнымъ категоріямъ крестьянъ. Понятнымъ становится послѣ этого, почему *четвертникъ* меньше занимается промыслами, чѣмъ *собственникъ*, обремененный нуждою и малоземельемъ; понятнымъ становится также, чѣмъ вызывается и обусловливается вообще возникновеніе и развитіе промысловъ».

Теперь вернемся къ нашему прежнему выводу.

Мы нашли, что чѣмъ меньше земледѣльческое хозяйство обезпечиваетъ крестьянина, тѣмъ болѣе у него рождается потребность въ грамотности и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это мы сейчасъ видѣли, тѣмъ болѣе развиваются занятія промыслами, такъ что плохія хозяйственно-земледѣльческія условія развиваютъ грамотность и промыслы. Примѣромъ такого сочетанія, помимо приведенныхъ нами выше, можетъ служить Дмитровскій уѣздъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы сравниваемъ волости, наиболѣе различающіяся по своей грамотности, т.-е. волости съ наибольшей и наименьшей грамотностью въ уѣздѣ. (См. слѣд. стр.).

Въ Михайловской волости рядомъ съ большею грамотностію и большимъ развитіемъ промысловъ наблюдаются всѣ признаки бо́льшаго разложенія земледѣльческаго хозяйства; больше сдатчиковъ, больше безлошадныхъ, бездомовыхъ, меньше скота, хотя размѣры надѣла почти одинаковые; купчей земли крестьяне имѣютъ меньше, и арендной земли внѣнадѣльной на надѣльный дворъ приходится меньше.

	Число дворов.	Мужчинъ.	Безнадѣльныхъ дворовъ.	Семей, не имѣющ. рабоч. силы.	Грамотныхъ мужчинъ.	Размѣръ надѣла. На ревизскую душу.	Размѣръ надѣла. На работника.	% сдающ. надѣлъ къ общ. числу.	Число дворовъ, имѣющ. купчія земли.	Общее количество десятинъ купчей земли.	Сколько домохозяевъ арендуютъ внѣнадѣльную землю.	Десят. арен. земли на над. дворъ.	Сколько гол. круп. скот. на над. дворъ.	% безлошадныхъ.	% бездомовыхъ.	Промыслы. Мѣстный. Сколько лицъ занято. Земледѣльч. пром.	Промыслы. Мѣстный. Сколько лицъ занято. Другими, кромѣ земл.	Промыслы. Отхожій. Сколько лицъ занято. Земледѣльч. пром.	Промыслы. Отхожій. Сколько лицъ занято. Другими, кромѣ земл.
Дмитровскій уѣздъ.																			
Михайловская вол. . . .	769	1.845	120	78	473	2,1	4,4	62	1	1	12	3,7	1,3	59	9	17	521	—	151
Старо-Бѣлицкая вол. . .	585	2.176	6	18	103	3	4,5	9	105	1.686,7	371	4,8	3,2	15	2	71	36	14	225

Вообще, если мы припомнимъ всѣ указанныя нами данныя изъ статистическихъ таблицъ по Курской губерніи, то вездѣ увидимъ одно и то же явленіе: чѣмъ больше замѣчается признаковъ разложенія крестьянскаго хозяйства, тѣмъ больше развивается промысловъ и тѣмъ выше грамотность; очевидно, одно изъ нихъ обусловливаетъ другое. Съ разложеніемъ земледѣльческаго хозяйства освобождаются безземельныя и безхозяйныя группы пролетаріевъ, ищущихъ заработковъ и занимающихся всевозможными промыслами, и вслѣдствіе этого стремящихся къ просвѣщенію, какъ къ новому и необходимому условію своего существованія.

Посмотримъ, насколько подобный выводъ можетъ имѣть значеніе для другихъ губерній. Для сравненія мы будемъ брать только наиболѣе разнящіяся по распространенію грамотности волости или уѣзды и затѣмъ выставлять всѣ имѣющіяся въ сборникахъ данныя изъ экономической жизни населенія. Данныя почерпнуты нами изъ нѣсколькихъ губерній, отличающихся между собой по характеру общественно-хозяйственной жизни населенія. Мы воспользовались сборниками по Московской губерніи, Вятской, С.-Петербургской (Новоладожскій у.), Нижегородской (Нижегородскій у.), Рязанской губерніи и Саратовской губерніи [1]).

---

[1]) Статистич. ежегодникъ Москов. губерніи за 1895 г. Экономическія нужды Вятскаго края, 1896 г.; Матер. по статист. нар. хоз. въ С.-Петербургѣ. Вып. VIII. 1895; Матер. къ оцѣнкѣ земель Нижегор. губ., вып. VIII. 1895; Сборн. статист. свѣд. по Рязан. губ., т. XI.

	% грамотныхъ мужчинъ.	Десят. надѣла на душу.	% двор. безлошадныхъ.	% двор. безкоровныхъ.	% двор. безъ скота.	Число головъ крупнаго скота на дворъ.	% сем., не имѣющ. посѣва.	% дворовъ, которымъ нечего обрабатывать.	% сем., не имѣющ. нах. орд.	% сем., не имѣющ. инвент.	% сдающ. весь надѣлъ.	% сдающ. часть надѣла.	% безлошовыхъ.	% мѣстн. промышленности.	% отхож. промышленности.	% промыш. вообще.	% занят. земледѣліемъ.
Орловск. губ. *Орловскій у.*																	
Покровская вол.....	27	1,3	32	41	19	—	—	—	—	28	2,0	31	4	—	—	21	—
Плещевская вол.....	12	1,1	25	35	8	—	—	—	—	20	0,3	13	2	—	—	20	—
Московская губ.						Число круп. р. ск. на 100 дес. надѣла.											
Коломенскій у.....	46,6	2,4	52,4	37,6	31,0	12,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Можайскій у.....	29,0	3,5	22,2	17,9	13,9	20,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вятская губ. *Котельническій у.*																	
Молосниковская вол..	15,8	5,6	9,7	12,3	7,2	4,4	—	2,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Соболевская вол.....	24,5	4,0	27,8	21,8	15,8	3,1	—	7,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Орловскій у.																	
Истобенская вол.....	38,1	3,3	64,6	17,3	15,0	—	—	21,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шишкинская вол.....	6,7	7,7	11,2	5,7	4,2	—	—	1,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
С.-Петербур. губ. *Новоладожск. у.*		Дес. пашни на душ. надѣлъ.															
Доможировская вол...	37,3	0,7	53,1	30,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94,2	64,1
Субочинская вол. .	9	1,2	30,4	23,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94,6	78,1
Нижегород. губ. *Нижегородск. у.*																	
Ельнинская вол.	61,7	2,9	40,3	30	21	1,9	—	—	—	—	—	—	—	20	9	—	—
Арманихинская вол. .	11,1	4,3	14,7	6,7	2	3,3	—	—	—	—	—	—	—	15	22	—	—
Рязанская губ.																	
Егорьевскій у.....	28	3,2	38,5	26,4	—	1,9	—	—	—	—	12,3	—	—	21	23	—	—
Данковскій у.....	8	—	34	—	—	2,9	—	—	—	—	11,1	—	—	2	9	—	—
Саратовская губ. *Кузнецкій у.*																	
Кунчевская вол.	16	4,5	—	—	13	—	17	—	31	—	11	—	—	16	13	—	—
Наскафтымская вол..	12	6,1	—	—	6	—	10	—	12	—	5	—	—	18	6	—	—

Во всѣхъ приведенныхъ данныхъ по различнымъ губерніямъ мы опять-таки замѣчаемъ то же явленіе: гдѣ больше безлошадныхъ, без-

хозяйственныхъ, бездомовыхъ, другими словами, гдѣ больше разложеніе деревни, тамъ наблюдается большій процентъ грамотныхъ.

Итакъ, повѣрка нашего вывода по другимъ губерніямъ привела насъ къ тѣмъ же результатамъ: къ констатированію вліянія дифференціаціи деревни на распространеніе грамотности, благодаря вліянію, которое, какъ мы видѣли, дифференціація деревни оказываетъ на распространеніе промысловъ. Становясь на эту точку зрѣнія, мы поймемъ, почему въ деревнѣ развитіе грамотности не регрессируетъ, а напротивъ того—идетъ впередъ; между тѣмъ, если мы будемъ держаться и до сей поры распространеннаго взгляда, что только устойчивость земледѣльческаго хозяйства гарантируетъ грамотность населенія, для насъ будетъ непонятно, почему при настоящихъ условіяхъ, когда все больше и больше разлагается деревня, грамотность усиливается. Дифференціація деревни вмѣстѣ съ разложеніемъ всѣхъ общественно-экономическихъ отношеній вызвала потребность въ образованіи, и эта потребность будетъ расти, по мѣрѣ распаденія прежняго хозяйственнаго строя и увеличенія числа безземельныхъ крестьянъ, выбрасываемыхъ деревней и принужденныхъ искать заработковъ на сторонѣ.

С—кій.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тверь. (Земскія дѣла).

Двухъ послѣднихъ сессій губернскаго земскаго собранія ожидали въ Твери съ большимъ нетерпѣніемъ. Мѣстная,—неизбалованная, какъ и всюду у насъ,—интеллигенція рада была присутствовать при рѣдкостномъ зрѣлищѣ публичнаго обсужденія вопросовъ, ярко для нея выступившихъ на фонѣ сѣраго, обывательскаго прозябанія... А этихъ вопросовъ, повидимому, предстояло достаточно. Прежде всего, конечно, занималъ вопросъ объ отношеніяхъ гласныхъ къ столь прославленной «назначенной» управѣ, въ короткое время случайнаго господства успѣвшей перепутать не мало прежнихъ земскихъ традицій и распорядковъ... Наконецъ, всѣ почему-то чаяли теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, рѣзкихъ столкновеній двухъ господствующихъ въ земствѣ «партій» — *лѣвыхъ* и *правыхъ* (понимая эти слова въ ихъ специфически-русскомъ значеніи и смыслѣ). Но къ дѣлу!

Предварительное засѣданіе земской сессіи 1895—96 года открылось вечеромъ 8-го декабря въ малой залѣ «благороднаго собранія». Зала набита биткомъ. Тутъ стоитъ гулъ отъ сдержаннаго говора. Гласные размѣщаются по обѣ стороны длиннаго стола и притомъ такъ, что либералы и консерваторы приходятся приблизительно другъ противъ друга. Возлѣ — еще три небольшихъ изолированныхъ столика; это—для секретарей, предсѣдателя собранія и представителей управы. Послѣдніе уже заняли свое лобное мѣсто, оставаясь пока неподвижными. Въ своихъ фракахъ съ свѣтлыми пуговицами они кажутся усталыми, растерянными, одинокими. Предсѣдатель собранія, тверской уѣздный — исполнявшій роль губернскаго—предводитель, г. В. Н. Трубниковъ, облеченный въ коронный, шитый галунами мундиръ, нервно перелистываетъ толстую книгу... Но вотъ ему что-то шепнули; быстро поднявшись, онъ непринужденно объявляетъ о пріѣздѣ начальника губерніи... Несложный по виду, но важный по существу, церемоніалъ открытія сессіи потребовалъ минуты двѣ—три. Послѣ ухода губернатора было приступлено къ выбору секретарей, которые тутъ же и приступили къ дѣлу... Все тихо...

Гласный И. И. Петрункевичъ проситъ слова... Онъ намѣренъ довести до свѣдѣнія собранія о коллективномъ протестѣ многихъ его сотоварищей, вызванномъ тѣмъ, что настоящее засѣданіе, объявленное сначала въ часъ дня, по распоряженію предсѣдательствующаго, отложено до 8 час. вечера безъ соот-

вѣтственнаго предувѣдомленія. Необходимо занести объ этомъ произволѣ въ протоколъ.

Такая рѣчь вызываетъ движеніе среди присутствующихъ, которые уже заранѣе наэлектризовались, но оно тѣмъ не менѣе мигомъ улеглось, когда всталъ предсѣдатель, напряженно выслушавшій нареканіе. Нетвердымъ голосомъ онъ старается оправдаться предъ «господами гласными», — но приводимые аргументы не выдерживаютъ критики... Впрочемъ, ему предстоитъ объясненіе еще одному гласному.

— Въ то время, какъ мы, — выражаетъ тотъ свое изумленіе, — принуждены, какъ сельди въ бочкѣ, тѣсниться въ нижнемъ помѣщеніи,—въ большой залѣ нашего же земскаго зданія происходитъ танцовальный вечеръ. Что это значитъ?

Это заявленіе поддерживаетъ гл. Е. В. де-Роберти своими колкими замѣчаніями относительно предпочтенія собранію «танцкласса».

Предсѣдатель, упомянувъ въ отвѣтъ о существованіи какого-то контракта земства съ старшинами дворянскаго клуба, обѣщаетъ все-таки принять «зависящія» мѣры на будущее время.

Затѣмъ тянется долгій процессъ избранія по запискамъ 15-ти членовъ редакціонной комиссіи, процессъ скучный, но обыкновенно крайне важный по своимъ результатамъ: составъ комиссіи имѣетъ всегда почти рѣшающее значеніе для дѣла, такъ какъ ей приходится предварительно разсматривать доклады и смѣты управы и, переработавъ ихъ по мѣрѣ надобности, съ собственной мотивировкой вносить уже на окончательное обсужденіе, а чаще всего на подтвержденіе собранія.

Въ публикѣ остались довольны исходомъ баллотировки: по крайней мѣрѣ, три четверти членовъ комиссіи принадлежали къ прогрессивнымъ, оппозиціоннымъ теперь, элементамъ. Нельзя, разумѣется, было то же сказать объ управѣ: начало, пока что, сложилось для нея неблагопріятно и заставляло предвкушать много-много горькихъ пилюль.

Конецъ перваго дня неожиданно ознаменовался эпизодомъ, надолго затормозившимъ занятія сессіи [1]). Виновникомъ его явился молодой князь Н. С. Путятинъ, а содержаніемъ—длинныя пререканія о редакціи телеграммы, посылку которой предложилъ этотъ гласный. Эту телеграмму онъ читаетъ при общемъ волненіи. Уже въ началѣ чтенія лектора прерываютъ восклицанія: «Такъ невозможно!.. Безграмотно!.. Въ комиссію, въ комиссію!» Волненіе растетъ; ропотъ проходитъ по залѣ. Князь садится, но, когда послѣ предсѣдательскаго звонка возстановился порядокъ, произноситъ опять текстъ адреса. Въ заключеніе онъ возражаетъ противъ необходимости передать этотъ текстъ на разсмотрѣніе куда бы то ни было, самъ однако, соглашаясь, что изъ-подъ его пера онъ вышелъ негладкимъ... Требованія гласныхъ, тѣмъ не менѣе, становятся настойчивѣй, и слова «справа» гл. Л. А. Ушакова: «телеграмму надо составить болѣе

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе дальнѣйшихъ преній см. въ печатныхъ протоколахъ (Тверь, 1896).

грамматически»—вызываютъ единодушное одобреніе. Никѣмъ не поддержанный, князь не возражаетъ. Предсѣдатель объявляетъ рѣшеніе собранія передать телеграмму въ редакціонную комиссію и потомъ, при сильномъ возбужденіи, засѣданіе закрыто до завтра.

День второй начался чтеніемъ выработаннаго коммиссіей адреса, и послѣ его утвержденія, гласные перешли къ анализу протестовъ губернатора на постановленія земскаго собранія предшествующей сессіи,—при чемъ въ дебатахъ прорывались язвительные укоры управѣ, которая не потрудилась или не догадалась приготовить своихъ заключеній къ протестамъ, хотя послѣдніе поступили къ ней, противъ обычая, за цѣлый мѣсяцъ до сессіи. Управа хранила упорное молчаніе, не зная, что сказать...

Между тѣмъ, секретари подготовили протоколъ прошлаго засѣданія, и предсѣдатель предложилъ его выслушать. Протоколъ, оказалось, допустилъ нѣкоторые промахи, не упомянувъ, напримѣръ, что процессъ чтенія кн. Путятина прерывался со стороны, это обстоятельство не укрылось отъ вниманія князя и его сосѣда, г. Способина; они оба спѣшатъ сдѣлать замѣчанія о внесеніи нужныхъ, съ ихъ точки зрѣнія, поправокъ, и производятъ тѣмъ суматоху. Лишь фонографъ могъ бы запечатлѣть ея звуки, изощрявшіеся, главнымъ образомъ, на почвѣ личностей... Пренія кое-какъ прекратились, чтобы на слѣдующій день возобновиться и оскандализировать гласныхъ. Не смотря на то, что протоколъ 8-го декабря уже скрѣпили всѣ члены собранія, онъ и теперь продолжаетъ служить препятствіемъ для перехода къ очереднымъ дѣламъ и предлогомъ «правыхъ» къ абструкціонизму. Кн. Путятинъ опять и опять упираетъ на неточности: онъ огорченъ тѣмъ, что не названы лица, мѣшавшія ему,—именно—гг. Ушаковъ, Бакунинъ, Головачевъ и Петрункевичъ; кромѣ того упущено, что выраженіе г. де-Роберти о «танцклассѣ» встрѣчено смѣхомъ и чуть не аплодисментами... Гл. Ушаковъ замѣтилъ, что его слова о безграмотности произнесены *послѣ* прочтенія княземъ его телеграммы. Князь, припомнивъ, немедленно соглашается съ этимъ; «но зато другіе...», настаиваетъ онъ...

Старикъ А. А. Головачевъ, раздраженно жестикулируя, подтверждаетъ, что дѣйствительно возражалъ противъ шероховатости текста... Инцидентъ, казалось, исчерпанъ до конца. Пора бы приступить къ серьезнымъ вопросамъ. Такъ полагали многіе, но жестоко ошиблись. Кампанію, скрытый смыслъ которой былъ штопанъ бѣлыми нитками, продолжаетъ г. Способинъ, притомъ же вовсе не оригинально: и онъ желаетъ исправить протоколъ въ томъ смыслѣ, чтобы занести туда имена Головачева, Петрункевича, Бакунина. Онъ видитъ въ томъ, что произошло 8-го декабря, «событіе огромной важности», оскорбляющее его, какъ гласнаго. Ему желательно «увѣковѣчить» случившееся, и онъ проситъ о позволеніи приложить къ протоколу собственноручное донесеніе. Просьба эта сейчасъ же уважена, но рѣчь вызываетъ попытки отклика со стороны многихъ оппонентовъ за разъ. Поднимается шумъ, и порядокъ преній былъ съ трудомъ возстановленъ посредствомъ звонка, а затѣмъ слово предоставлено гл. Е. В. де-Роберти.

— Другія сутки,—началъ тотъ,—собраніе вынуждено заниматься исправле-

ніемъ протокола... Но чего, однако, добиваются Способинъ и князь? Вѣдь констатированіе факта безграмотности не составляетъ «событія», равно какъ и существованіе безграмотнаго человѣка... Развѣ собраніе могло поступить иначе, какъ послать телеграмму, логически и литературно составленную? Для него, гласнаго, все-таки остается загадкой: къ чему раздувать простой инцидентъ въ какое-то «событіе»?

А. Д. Способинъ намѣренъ отвѣтить, но недовольство вспыхиваетъ въ залѣ съ новою силой, и только усердная работа звонка предсѣдателя водворяетъ относительную тишину. Слово дается старому гласному, А. А. Бакунину. Онъ тоже не въ силахъ себѣ объяснить: зачѣмъ иные господа стараются такъ долго оттягивать время? Что касается доносовъ на него, то онъ не помнитъ, прерывалъ онъ князя или нѣтъ? Если находятся лица, не умѣющія связать двухъ словъ и тѣмъ не менѣе, навязывающія свою редакцію, никѣмъ до того не просмотрѣнную, онъ замѣчаетъ тутъ неуваженіе къ собранію. Теперь телеграмма отослана, и онъ обращается съ совѣтомъ къ сотоварищамъ, перейти къ предстоящимъ задачамъ, столь многотруднымъ и важнымъ.

Возгласы: «къ дѣлу!», «къ дѣлу!»—покрываютъ послѣднія слова; но гл. Способинъ все-таки настаиваетъ на своемъ желаніи. И вотъ, отчаявшись чего-нибудь достигнуть, предсѣдатель сердито заявляетъ о перерывѣ.

Возбужденіе распространилось и на публику: ее сильно шокируютъ происходящія дрязги; разбившись на группы, она горячо о нихъ дебатируетъ. Изъ рекреаціонной залы доносятся, межъ тѣмъ, громкіе разговоры членовъ собранія. Когда возобновилось засѣданіе, предсѣдатель заявилъ, что онъ не въ силахъ лишить г. Способина права возразить на запросъ, къ нему обращенный, но что послѣ того онъ остановитъ попытки продолженія преній. Гл. С. П. Максимовичъ находитъ, что прежде, нежели позволить Способину говорить, не мѣшаетъ узнать, хочетъ-ли собраніе выслушивать его. Гл. М. И. Петрункевичъ не увѣренъ, чтобы съ отвѣтомъ Способина окончились пренія, такъ какъ неизвѣстно, въ какомъ именно духѣ выскажется тотъ. Быть можетъ, рѣчь его потребуетъ возраженій, — и тогда нѣкоторые неправильно утратятъ случай отозваться. Онъ обращаетъ вниманіе на общее стремленіе бросить ненужные споры. А. Д. Способинъ, поднявшись, что-то выкрикиваетъ, но за хаосомъ ничего разобрать невозможно. Предсѣдателю, геройски испытавшему единственное свое орудіе, ничего не оставалось сдѣлать, какъ отложить засѣданіе на сутки,—при чемъ такая радикальная мѣра какъ бы смутила всѣхъ, но развѣ на минуту. Шумъ разговоровъ наполнилъ залу. На лѣвой сторонѣ образовался тѣсный кружокъ, а другая часть гласныхъ, повидимому, удовлетворенная выполненіемъ миссіи, направляется къ выходу. Въ связи съ этимъ и представители управы могли вздохнуть облегченнѣй: буря въ стаканѣ воды проносилась пока мимо нихъ.

Что касается публики, она казалась взволнованной и возмущенной. Кстати: черезъ день или два она потеряла одинъ изъ самыхъ усердныхъ и внимательныхъ своихъ элементовъ—народныхъ учителей и учительницъ. На засѣданіи тверского училищнаго совѣта одинъ уѣздный предводитель обратилъ вниманіе на фактъ участія ихъ въ сессіи,—фактъ, котораго ненормальность онъ подтверждалъ дово-

дами изъ области этики. Гласъ предводителя не остался вопіющимъ въ пустынѣ. По немедленному распоряженію дирекціи народныхъ училищъ, «просвѣтителей» оповѣстили о строгомъ запретѣ для нихъ посѣщать засѣданія не только общихъ сохраній, но и редакціонной комиссіи, грозя въ противномъ случаѣ немедленнымъ увольненіемъ.

11-го числа губернское собраніе началось и продолжалось при крайне подавленномъ и удрученномъ настроеніи. Еще наканунѣ въ редакціонной комиссіи заходила рѣчь о необходимости протеста противъ крутого шага предсѣдателя, прервавшаго собраніе, — а нынѣ же всѣ надѣялись на новый скандалъ. Среди сторонникъ посѣтителей явилась масса расфранченныхъ и раздушенныхъ особъ, промѣнявшихъ «танцкласс» на собраніе... но напрасно! Гласные, что называется, тише воды, ниже травы: смиренно заслушиваютъ мнѣнія комиссіи, вяло обсуждаютъ ходатайства уѣздныхъ земствъ; нѣтъ даже жалкихъ словъ по адресу управы, до сихъ поръ рѣдко нарушавшей молчаніе—словно, по какому зароку.

Зато невозможенъ г. предсѣдатель: онъ рветъ и мечетъ. И странно: ему не прекословятъ! Впрочемъ, было одно исключеніе. На очереди стоялъ вопросъ, поставленный уѣзднымъ новоторжскимъ земствомъ, относительно отмѣны тѣлеснаго наказанія для лицъ «непривилегированныхъ». «Я снимаю вопросъ!» нервно говоритъ предсѣдатель.—«Позвольте!» пытается возразить какой-то наивнѣйшій гласный.—«Не допускаю!» рѣшительно повторяетъ тотъ: «можете жаловаться!» И только всего. Уже многія особы въ горькомъ разочарованіи покинули залу, думая застать еще послѣдній актъ малороссійской оперетки (по случаю поста русской не было), да и дѣло подходило къ концу. Предсѣдатель объявилъ, что завтра начнетъ засѣданіе въ часъ дня. «Нельзя ли пораньше?» спрашиваетъ кто-то.—«Нѣтъ! у меня обязанности!» И никто не полюбопытствовалъ: какія именно?

Прошло нѣсколько дней. Собраніе прилежно занималось теперь, между прочимъ, вопросомъ о дорогахъ и о дорожныхъ суммахъ. Много и долго разсуждали тутъ о постройкѣ разныхъ шоссе и путей, но такъ и осталось открытымъ: что же возить по нимъ? какіе продукты требуютъ вывоза, какіе—подвоза? да не въ проблемѣ ли существуютъ «продукты» для разоренныхъ крестьянъ? Какъ бы то ни было, собраніе пока ничего не рѣшило по данному предмету, организовавъ лишь двѣ спеціальныхъ комиссіи, которымъ поручено разобрать рядъ объяснительныхъ записокъ и проектовъ.

По поводу нихъ невольно вспомнился щедринскій гласный:

«Вотъ объяснительная записка, — говорилъ онъ,—а вотъ тебѣ карта дороги... Вотъ здѣсь Надежда Михайловна красный кружокъ поставила,—а я его послѣ подчистилъ,— это наша Куриловка. Здѣсь предполагается устроить станцію съ буфетомъ и остановку на 20 минутъ. Поѣзды будутъ такъ расписаны, что каждый будетъ у насъ или завтракать, или обѣдать, или ужинать. А кому угодно чай или кофе пить—милости просимъ!.. Буфетъ будетъ содержать нашъ поваръ Акимъ, такъ что мы даже стола дома имѣть не будемъ, а все со станціи. Масло, молоко мы будемъ ставить на станцію свое; телятъ, индюшекъ, гусей,

поросятъ—все тащи на станцію! У насъ въ прудѣ крупные караси водятся, и ихъ, стариковъ, туда же! А ягоды? овощи? фрукты?—всему найдется близкій и выгоднѣйшій рынокъ. Кромѣ того: дрова, шпалы все изъ собственныхъ лѣсовъ. А со станціи мы будемъ получать отмѣннѣйшее удобреніе... Въ заключеніе—жетоны на даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ цѣлаго міра—всему семейству. Я и тебѣ пришлю!»

Ну, что жъ? Заманчивая перспектива...

Въ теченіе недѣли своихъ плодотворныхъ занятій, гласные до такой степени почувствовали себя утомленными, что день 15-го декабря почти цѣликомъ посвятили бесѣдѣ объ отсрочкѣ сессіи до января. Иные обставляли необходимость подобнаго рѣшенія мотивами поистинѣ игриваго характера. Завтра,—напоминали они,— состоятся дворянскіе выборы, а послѣ нихъ никто на земское собраніе не заявится, тѣмъ болѣе, что скоро и праздники.

Неизвѣстно, сколько бы еще рѣчей произносилось на эту тему, если бы не одинъ эпизодъ, принудившій сильно смутиться обширную аудиторію. Среди благодушныхъ мечтаній объ отдыхѣ, вдругъ поразилъ всѣхъ голосъ какого-то длиннобородаго, сѣдого гласнаго,—громкій, горячій и грубый, каждымъ звукомъ пронизывавшій душу.

— Вы спорите тутъ о пустякахъ,—(*слушайте! слушайте!*),—но мнѣ извѣстны люди, которымъ не до этого. Я только надняхъ объѣздилъ деревни, — и меня одолѣли просьбами о ссудахъ на насущный хлѣбъ. Уже теперь крестьяне испытываютъ голодъ, насилу пробиваясь пока продажей дырявой одежи, послѣдней лошади... что будетъ дальше? Необходима помощь, время дорого,— а вы на цѣлый мѣсяцъ бросаете вопросъ по продовольствію!

Укоръ былъ слишкомъ жестокъ и вѣренъ. Всѣмъ стало какъ-то неловко, тяжело...

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ одинъ изъ лѣвыхъ гласныхъ:—что послѣ этихъ словъ, должны замолкнуть остальные разговоры. И я увѣренъ: среди насъ не найдется никто, кто былъ бы противъ немедленной, хотя бы неполной ассигновки.

Не угадалъ. Толстокожихъ оказалось двое: г. Азанчевскій, предсѣдатель корчевской управы, и... А. Д. Способинъ протестуютъ противъ неотложности. Но, къ ихъ соображеніямъ, на счастье голодающихъ, собраніе осталось глухо и опредѣлило нужную сумму.

То было, собственно, послѣднее засѣданіе губернской сессіи, такъ какъ 17-го, послѣ дворянскихъ выборовъ, запраздновала значительная часть дворянъ. Веселое пророчество исполнилось буквально, и сессія отсрочена до болѣе удобнаго времени...

Послѣ перерыва земская сессія возобновилась 2-го января. Это, вторая, ея половина представляетъ изъ себя сплошной судъ надъ управой. И чего только гг. Паскину, Карякину и Отту не пришлось тогда выслушать и, надо сказать, вполнѣ заслуженно. Состоя раньше, быть можетъ, умѣстными земскими начальниками, они выказали полную неспособность руководить сложнымъ механизмомъ земскаго дѣла и особенно—при попыткахъ его реформированія подъ давле-

ніемъ извнѣ. Если къ этому присоединить поведеніе членовъ управы на засѣданіяхъ, неискренность ихъ отношеній къ гласнымъ, то станетъ понятно, почему послѣдніе, въ свою очередь, не очень-то церемонились съ ними. Недовольство управой проявилось особенно при разсмотрѣніи такъ называемаго бурашевскаго вопроса, достаточно характернаго для того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе.

Докладъ по земской психіатрической колоніи, вмѣстѣ со всѣми другими, передавался предварительно редакціонной комиссіи, которая теперь представила собранію спеціальную записку, выдающуюся по своему знанію и анализу дѣла.

Прочитанная въ многолюдномъ засѣданіи, она начиналась съ упоминанія о фактѣ, что колонія уже издавна озабочивала земство упорнымъ ростомъ количества своихъ паціентовъ и соотвѣтствующимъ увеличеніемъ расходнаго бюджета. Одно лишь было постоянно въ Бурашевѣ, это—система, составившая для него какъ лестную репутацію во врачебномъ мірѣ, такъ и полное довѣріе мѣстныхъ жителей. Однако, въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ въ земствѣ стали раздаваться голоса не только о преобразованіи учрежденія, но даже о передачѣ его въ руки правительства. И вотъ, вопросъ о колоніи сталъ постепенно утрачивать свой прямой и естественный смыслъ, служившій ранѣе всецѣло культурнымъ задачамъ,—а недавнія событія, создавшія исключительное положеніе тверского земства, не замедлили оказать свое дѣйствіе и на Бурашево. Желая изслѣдовать относящіяся сюда детали, записка обратилась сначала къ первой страницѣ управскаго доклада по колоніи, гдѣ сообщалось о перемѣнѣ состава врачей-психіатровъ. Сообщая фактъ коллективнаго ухода изъ колоніи ея директора, М. П. Литвинова, и четырехъ ординаторовъ, управа не сочла все-таки нужнымъ дать земскому собранію какихъ-либо разъясненій по данному предмету. Это тѣмъ болѣе странно, что для постороннихъ лицъ она in согроге выступала нѣсколько раньше въ печати по тому же самому поводу. Правда, увольненіе и назначеніе служащихъ въ земствѣ возложено закономъ на управу; но собраніе въ правѣ подвергать оцѣнкѣ отдѣльныя ея дѣйствія, изъ которыхъ слагается общая дѣятельность, а затѣмъ—демонстративный выходъ въ отставку всѣхъ врачей и между ними главнаго организатора колоніи г. Литвинова—обстоятельство, по мнѣнію записки, столь исключительное, что собраніе обязано его обсудить со вниманіемъ. Его значеніе преимущественно заключается въ томъ, что перемѣна лицъ ознаменовала собой измѣненіе системы, предпринятое къ тому же безъ всякаго уполномочія на то со стороны собранія, т.-е. даже съ нарушеніемъ закона (97 ст. полож.). Каковы же мотивы, побудившіе руководителей Бурашева покинуть его, едва новая управа приступила къ исполненію порученныхъ функцій? Въ своемъ письмѣ въ *Московскія Вѣдомости* (№ 175, 1895 г.) представители управы иниціативу отставки директора приписываютъ ему самому, вопреки очевидности не рѣшаясь на себя взять отвѣтственность. Изъ сообщенія проф. Корсакова въ *Новомъ Времени* (№ 6937) видно, что въ апрѣлѣ прошлаго года, т.-е. еще *до* подачи врачами прошенія объ отставкѣ, предсѣдатель управы приглашалъ д-ра Боткина занять мѣсто Литвинова. Ясно, что во-

просъ объ удаленіи послѣдняго былъ *предрѣшенъ*. Этого мало; въ томъ же письмѣ въ *Московскія Вѣдомости* управа сама заявляла, что она *безъ вѣдома директора колоніи* назначила туда управляющаго, *уволеннаго когда-то по распоряженію послѣдняго*,—снабдивъ его при этомъ самостоятельными хозяйственными полномочіями. Естественно, это былъ рѣзкій вызовъ директору, нарушавшій не только элементарныя правила совмѣстной службы, но и основныя начала управленія колоніей... Такимъ образомъ, вина въ перемѣнѣ медицинскаго персонала безусловно лежитъ на управѣ; на управу же должна пасть и отвѣтственность за всѣ послѣдствія поспѣшной и безтактной мѣры, продуктомъ которой явился подборъ случайныхъ врачей. Если Литвиновъ и его сотоварищи предъявляли чрезмѣрныя требованія въ пользу больныхъ, отличались крайней гуманностью къ нимъ, старались всячески скрасить ихъ долю,—то нынѣ новый директоръ г. Совѣтовъ и другіе проявляютъ совсѣмъ другое отношеніе къ своимъ паціентамъ. Если раньше стремились къ индивидуализаціи лѣченія, то нынѣ хотятъ все подогнать подъ извѣстный шаблонъ, для котораго нужно, конечно, и меньше знанія, и меньше труда. При настоящемъ порядкѣ вещей практикуется даже наказаніе, примѣненіе котораго къ умалишеннымъ не оправдывается, конечно, ни здравымъ смысломъ, ни даже уголовнымъ закономъ и ведетъ лишь къ печальнымъ результатамъ... Покончивъ съ соображеніями общаго характера, записка комиссіи коснулась смѣты по колоніи, составленной управою съ директоромъ на 1896 годъ. Оказывается, эта смѣта имѣла единственную цѣль—дать кажущееся лишь на бумагѣ сокращеніе расходовъ, игнорируя совсѣмъ необходимыя потребности, не сходясь даже со взглядами самихъ авторовъ ея. Она подводитъ, напр., итоги на 650 чел.; между тѣмъ докладъ заявляетъ, что къ концу года количество больныхъ достигнетъ 700. Не смотря на такое ожиданіе, категорически признавая, кромѣ того, недостатокъ въ прислугѣ и указывая на это, какъ на причину несчастныхъ случаевъ,—управа оставляетъ въ смѣтѣ старую цифру служителей. уничтожая впрочемъ, должность одной надзирательницы... Еще «экономнѣе» расчеты управы относительно одежды больныхъ. Утверждая, что запасъ бѣлья въ Бурашевѣ такъ малъ, что «нерѣдко приходится, принявши бѣлье съ отдѣльнія, сейчасъ же отдавать его въ стирку, чтобы на другой день выдать его опять на отдѣленіе», докладъ проектируетъ одѣть новыхъ больныхъ посредствомъ ассигновки въ 1,87 руб. на человѣка!.. Стремленіе къ экономіи, или къ уменьшенію смѣты, повело также къ проекту уничтоженія мастерскихъ (корзиночной, переплетной), которыя прежде считались полезными въ лѣчебныхъ цѣляхъ. Исключена также сумма на жалованье садовнику; маленькая оранжерея превращена въ свинарникъ,—и проч., и проч... При столь похвальномъ урѣзываніи смѣты, необъяснимо исключительное расширеніе ея статьи на содержаніе ординаторовъ; одному изъ нихъ управа назначаетъ двѣ тысячи рублей вмѣсто обычныхъ 1.500, предлагая зато именовать его «помощникомъ старшаго врача» Колонія существовала свыше 10 лѣтъ и обходилась безъ всякихъ признаковъ бюрократизма; мотивъ же управы, состоящій въ томъ, что *одинъ изъ врачей при поступленіи въ колонію потребовалъ жалованья не меньше двухъ тысячъ* и управа уступила, ибо никто тогда не шелъ къ ней на службу,—

не заслуживаетъ нимало уваженія. Очевидно, управа нисколько не заботилась о будущемъ, пуская въ ходъ, при составленіи смѣты, пріемъ, лишающій смѣту всякаго серьезнаго значенія, ставившій и комиссію въ ложное положеніе, которой приходилось переработывать, а не обсуждать представленный проектъ.... Въ заключеніе записка установила такія положенія: 1) Всѣ попытки сузить абсолютную цифру расходовъ по Бурашеву рѣшительно ничѣмъ не могутъ быть оправданы; 2) хозяйственное завѣдываніе колоніей возложено теперь на старшаго врача, хотя тамъ и сохраняется должность управляющаго; управа не только не жалуется на подобный порядокъ вещей, но и убѣдилась сама въ его неизбѣжности, при крайней трудности разграничить лѣчебную часть отъ хозяйственной,—и это не смотря на то, что главное ея обвиненіе противъ д-ра Литвинова заключалось именно въ сознаніи имъ того же самаго; поэтому перемѣна главнаго врача, повлекшая отставку и его сотоварищей, ничѣмъ не обоснована и въ высшей степени прискорбна; 3) реформы въ заведеніи, вводимыя нынѣ, сдѣланы съ необъяснимой поспѣшностью, безъ надлежащей обдуманности, при чемъ результатомъ пренебреженія прежнихъ традицій надо считать прискорбные случаи, бросившіе тѣнь какъ на колонію, такъ и на земство.... Въ концѣ концовъ, собраніе призывалось «исполнить актъ справедливости, выразивъ бывшему директору колоніи М. П. Литвинову свое глубокое сожалѣніе по случаю выхода его въ отставку и свою благодарность за его тринадцалѣтнюю, въ высокой степени полезную и плодотворную дѣятельность на пользу земства и всего населенія Тверской губерніи».

На записку редакціонной комиссіи, встрѣченную шумнымъ одобреніемъ собранія, даетъ отвѣтъ сначала предсѣдатель управы А. С. Паскинъ. Извинившись напередъ въ своей ораторской несостоятельности, онъ касается вопроса объ удаленіи директора. Нѣтъ, управа не «предрѣшала» отставки послѣдняго и не приглашала до его ухода никого; если она наводила кое-гдѣ справки, то это обусловливалось *слухами* о предположенномъ отказѣ директора, тѣмъ болѣе вѣроятными, что при вступленіи управы въ должность многіе представители отдѣловъ покинули ихъ. Столкновеніе управы со старшимъ врачемъ произошло изъ-за управляющихъ. Литвиновъ увидѣлъ для себя кровную обиду, что управа разсчитала прежняго и пригласила новаго, и подалъ въ отставку, а за нимъ и остальные врачи. Въ своемъ тяжеломъ положеніи управа обратилась къ пріисканію кого-нибудь на ихъ мѣсто, и тутъ пришлось ей встрѣтиться съ такимъ явленіемъ, какъ стачка врачей. Тогда-то директоръ медицинскаго департамента, г. Рагозинъ, рекомендовалъ управѣ, на ея просьбу, директора нынѣшняго, какъ «наилучшаго и выдающагося психіатра», который имѣется въ виду на «болѣе видный постъ»... Что касается упрековъ относительно измѣненія системы, они не выдерживаютъ никакой критики, если не вѣрить тенденціознымъ газетнымъ сообщеніямъ.

Послѣ г. Паскина всталъ гласный Л. Я. Ушаковъ. Онъ всегда былъ сторонникомъ разумнаго сокращенія издержекъ по Бурашеву, но никогда не согласился бы, чтобы оно спустилось съ той высоты, которая составляла предметъ справедливой гордости земства... А практикующаяся нынѣ «экономія» дости-

гается, какъ видно, ниспроверженіемъ прежняго режима: что признавалось нѣкогда полезнымъ для больныхъ, въ данное время отрицается, какъ излишняя роскошь, и наоборотъ: употребляются пріемы, давно осужденные наукой и практикой.

Гл. А. А. Демьяновъ, предоставляя другимъ говорить о принципіальной сторонѣ дѣла, указалъ предсѣдателю управы лишь на неправильное освѣщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ; онъ привелъ также одинъ маленькій фактъ, характеризующій теперешнихъ администраторовъ колоніи: въ своей ненависти къ старому, они, напримѣръ, разрушили курятникъ, — и при этомъ дорогихъ, породистыхъ птицъ сбыли себѣ же по дешевой цѣнѣ, образовавъ вмѣсто одного нѣсколько курятниковъ, но уже собственныхъ.

На причинахъ удаленія д-ра Литвинова останавливается далѣе гл. С. В. де-Робертн. Понимая «тяжесть» положенія, въ которое была поставлена управа, онъ не согласенъ съ объясненіями ея представителя. Ссылка на «слухи» показываетъ только, что г. Паскинъ недостаточно проникся смысломъ извѣстной поговорки: «не всякому слуху вѣрь». Онъ удивляется легкомыслію, съ какимъ управа отпустила бывшаго директора. По крайней мѣрѣ, когда нѣсколько лѣтъ назадъ онъ, гласный, принадлежалъ къ составу управы, послѣдняя рѣшила сложить съ себя всѣ полномочія, если бы оправдалось намѣреніе администраціи уволить Литвинова по неблагонадежности. Впрочемъ, нѣтъ особенно страннаго, что *при исключительныхъ условіяхъ* вопросъ о директорѣ рѣшился иначе: назначенная управа не выдержала и не могла выдержать давленія извнѣ!

Гл. А. А. Бакунинъ обращается къ анализу общихъ вопросовъ. Передавая исторію отношенія земства къ психически-больнымъ, онъ напомнилъ, что человѣческому обращенію съ ними оно обязано безусловно Литвинову, всегда работавшему въ духѣ и традиціяхъ земскихъ собраній. Въ рѣчи предсѣдателя онъ уловилъ звуки, поражающіе неблагодарностью къ человѣку, который всѣ свои лучшія силы посвятилъ великому дѣлу—призрѣнія умалишенныхъ. Конечно, найдутся и находятся люди, которые вообще такое дѣло и—въ частности—созданіе Бурашева считаютъ ненужнымъ; есть даже господа, убѣжденные, что содержать душевно-больныхъ можно какъ звѣрей... но не земству быть проводникомъ подобныхъ мнѣній!.. Да, много раздавалось пререканій въ собраніяхъ по поводу колоніи: тѣмъ не менѣе, они не выходили изъ предѣловъ экономической части, не касаясь вовсе вопросовъ лѣчебныхъ, гигіеническихъ. Нынѣшняя управа тоже придерживается экономіи,—однако, что это за экономія!? Не идетъ ли она въ разрѣзъ со всѣми нравственными требованіями? Не приноситъ ли себѣ въ жертву научныя соображенія? Не она ли достигла того, что сейчасъ опасно посѣщать бараки колоніи?... Заявивъ, что винить въ томъ слѣдуетъ не столько доктора Совѣтова, сколько управу, поставившую его къ себѣ въ ложное положеніе, ораторъ обратился къ собранію съ призывомъ выразить М. П. Литвинову признательность за всѣ его труды.

По странной случайности, послѣ идеалиста-гласнаго, слово было предоставлено А. Д. Способину. Адвокатъ по профессіи, онъ явился защитникомъ существующаго status quo. Онъ прямо приступаетъ къ критикѣ обвиненій

противъ нынѣшнихъ руководителей колоніи въ томъ, будто они ввели наказанія въ систему лѣченія. На его вопросъ директору: признаетъ ли тотъ наказаніе? — онъ услышалъ: «да, если больной сознательно (sic!) оскорбляетъ врачей и прислугу, мы лишаемъ его угощенія, прогулки и проч.». По мнѣнію г. Способина, «это—не наказаніе, а нѣчто въ родѣ педагогическихъ мѣропріятій, дисциплины»; при словѣ «наказаніе» въ его воображеніи встаетъ представленіе о розгахъ и тому подобныхъ вещахъ. Нѣтъ совершенно данныхъ для того, чтобы шельмовать приглашенныхъ врачей. Точно также отсутствуетъ матерьялъ для утвержденія объ «измѣніи системы». Что касается «благодарности и сожалѣнія»,—оппонентъ не въ силахъ подать за это свой голосъ; вѣдь вышло такъ, что мамка, разсердясь на родителей, бросила ребенка умирать съ голода. По его мнѣнію, нынѣшніе врачи имѣли гораздо болѣе гражданскаго мужества, спасая колонію, чѣмъ прежніе—покидая ее на произволъ судьбы.

Г. Способину возражаетъ гл. С. Д. Квашнинъ-Самаринъ. Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что управа послѣ перваго же визита въ Бурашево разсчитала управляющаго и, не спросивши директора, опредѣлила новаго, уволеннаго раньше по его распоряженію. Очевидно, управа не дорожила директоромъ. Далѣе, онъ положительно отрицаетъ, будто завѣдующій «бросилъ» колонію; неправда! онъ выждалъ прибытія своего замѣстителя.

Гл. И. И. Петрункевичъ въ началѣ своей обстоятельной рѣчи дѣлаетъ экскурсію въ область прошедшаго. Извѣстно,—говоритъ онъ,—что земство получило отъ приказа общественнаго призрѣнія: оно наслѣдовало «домъ крѣпкихъ»; ему пришлось самому создавать дѣло съ азовъ; съ достоинствомъ миновавъ затрудненія, оно сдѣлало все, что возможно... Все шло мирно, но въ послѣдніе годы стали, однако, замѣчаться гоненія на то, что явилось плодомъ многолѣтнихъ и дружныхъ усилій: выступили на сцену нападки, пошли ревизіи, обвиненія въ неумѣстныхъ затратахъ... А Бурашево во мнѣніи знающихъ людей продолжало оставаться образцомъ въ своемъ родѣ. И вотъ, тамъ умираетъ больной, съ поломанными ребрами, при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, что къ данному факту привлекается всеобщее вниманіе. Начались объясненія и выдвинулась остроумнѣйшая доктрина «самоизлома костей». Несчастія случались и прежде, но ихъ не скрывали: тогда господствовала иная система. Порицая Литвинова, что онъ оставилъ колонію, г. предсѣдатель не выражаетъ ли этимъ своеобразныхъ взглядовъ на службу, безъ стѣсненія оглашенныхъ имъ въ письмѣ въ *Моск. Вѣд.*, гдѣ онъ заявлялъ, что терпитъ лишь такого сослуживца, который—«нрава спокойнаго, услужливъ, почтителенъ». Не отзывается ли такая безподобная характеристика эпохой Фамусова и Молчалина? Вѣдь Литвиновъ въ правѣ былъ сказать: «служить бы радъ,—прислуживаться тошно». Онъ не могъ трудиться тамъ, гдѣ, вмѣсто людей долга, требовались люди спокойнаго нрава. Съ нимъ солидарны 20 тысячъ врачей на пространствѣ Россіи,—и только оригинальныя воззрѣнія г. предсѣдателя могутъ видѣть въ этомъ явленіи «стачку». Они же, эти воззрѣнія были виною крупнаго поступка управы съ бывшимъ управляющимъ Р. Редакціонную комиссію упре-

кали сейчасъ, что она ошельмовала врачей; а развѣ управа въ своемъ знаменитомъ «письмѣ» пощадила Р., обвинивъ его въ растратѣ, въ томъ, что онъ сбылъ себѣ принадлежащее колоніи имущество (теленка)? Если такъ было, то управляющій сдѣлалъ безтактность, отъ которой не свободны и нѣкоторые врачи, купившіе куръ, не свободенъ и представитель управы, который продалъ себѣ фаянсъ, предназначенный для земскаго аукціона.

Въ это время встаетъ одинъ изъ членовъ управы и объясняетъ, что фаянсъ имъ пріобрѣтенъ съ молотка...

Замѣтивъ, что это «неточность», ораторъ продолжалъ при общемъ движеніи... Дѣло не въ оправданіи призванныхъ нынѣ психіатровъ, а въ установленіи той точки зрѣнія: способны ли они проникнуться началами, которыя легли въ основаніе Бурашева?.. Что до самой управы, она не стоитъ ни защиты, ни снисхожденія; она сама себѣ вырыла яму и напрасно плачется, что очутилась въ «тяжеломъ положеніи»... Но вотъ, къ ея утѣшенію, врачи стали прибывать; явился и врачъ изъ Владиміра, двѣнадцать лѣтъ руководившій тамъ земской лѣчебницей, которую недавно одинъ изъ мѣстныхъ земцевъ громогласно окрестилъ «помойною ямой». Нужно было много смѣлости, чтобы идти оттуда заправлять учрежденіемъ, пользовавшимся почетной славой,—закрывъ къ тому же глаза на нѣкоторыя неблагопріятныя предзнаменованія перехода; нужно было много знанія и такта, чтобы овладѣть дѣломъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ и стать на высотѣ призванія. Но докторъ Совѣтовъ не понялъ психологическаго момента и, по внушенію управы, сталъ на стражѣ «экономіи», внѣ всякихъ соображеній съ интересами дѣла, съ научными задачами. Помимо «экономіи», новый директоръ усердно преслѣдовалъ въ Бурашевѣ и цѣли наказанія. Когда на засѣданіи комиссіи спросили его: прибѣгаютъ ли въ колоніи къ такому способу воздѣйствія,—послѣдовалъ неподражаемый отвѣтъ: «да, если больной съ умысломъ оскорбитъ врача, его лишаемъ свободы». На вопросъ: а признаетъ ли онъ возможность у больного умысла? тоже получился отвѣтъ утвердительный. Мало того: докторъ Совѣтовъ, какъ администраторъ, задаетъ плохой тонъ учрежденію: даже г. Способинъ сознается, что онъ не такъ бы поступилъ въ куриномъ вопросѣ... Вотъ аргументы въ пользу побѣды новыхъ порядковъ надъ лучшими традиціями прошлаго; вотъ мнѣнія, которыя не раздѣляются, видимо, большинствомъ собранія, но которыя отстаиваются имъ, ораторомъ, въ надеждѣ на поддержку общественнаго мнѣнія.

Когда смолкли аплодисменты, вызванные этою рѣчью, всталъ гл. М. И. Петрункевичъ. Онъ также находитъ нужнымъ ввести кое-какія поправки въ изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ отставку директора. Когда послѣдній объявилъ предсѣдателю управы о своемъ окончательномъ рѣшеніи, тотъ попросилъ его немедленно занесть свое рѣшеніе на бумагу. Это г. Паскинъ «дорожилъ» службой Литвинова! Гласный сомнѣвается, далѣе, въ существованіи того лестнаго отзыва, который будто бы далъ д-ръ Рагозинъ относительно владимірскаго психіатра, являющагося сторонникомъ допотопныхъ методовъ лѣченія, доказавшаго на практикѣ свое искусство въ этомъ направленіи. Иллюстраціей служитъ инцидентъ съ больнымъ колоніи, В., который, потребовавъ молока и

не получивъ его, разбилъ стекла и былъ заключенъ въ изоляторъ съ асфальтовымъ поломъ безъ матраса и платья. На относящійся сюда запросъ въ комиссіи, директоръ доложилъ, будто его паціентъ «самъ не захотѣлъ матраса», на что услышалъ возраженіе: «а хотѣлъ ли тотъ, чтобы его посадили?» Не опасныя ли это шутки? Вѣдь случай съ умопомѣшаннымъ, поразившимъ ординатора лѣчебницы, врача Р—а, краснорѣчиво доказалъ, къ чему приводитъ послѣдовательное стремленіе къ «экономіи». Это же усердіе, должно быть, не позволило врачамъ обратить вниманіе на больного Т., умершаго отъ страшныхъ поврежденій на тѣлѣ; подобная же причина, вѣроятно, принудила пропустить въ протоколѣ вскрытія трупа Т. констатированіе признаковъ насилія; не она ли, эта пресловутая экономія, разогнала изъ колоніи послѣ Литвинова 23 человѣка служащихъ, прекрасно дисциплинированныхъ и опытныхъ въ своей спеціальности?

Затѣмъ говорилъ гласный Б. Б. Костылевъ. По его мнѣнію, слова предсѣдателя управы неопредѣленно и мало разъясняютъ ея дѣйствія. Бросивъ рѣзкости по адресу Литвинова, оказавшагося не на высотѣ услужливости, г. Паскинъ допустилъ недостойное отношеніе ко всѣмъ психіатрамъ, назвавши «стачкой» ихъ нежеланіе нарушить то, что несовмѣстимо было съ ихъ совѣстью и факультетской присягой... Управа все-таки подыскала лицъ, вполнѣ подходящихъ къ ея требованіямъ, —свято чтущихъ почтительность, изъ-за ея нарушенія подвергающихъ умалишенныхъ разнообразнымъ карамъ... Да! Доктора сражаются теперь съ душевно-больными, какъ Донъ-Кихотъ съ бездушными мельницами... Но гдѣ тутъ сумасшедшіе и гдѣ здоровые?!. Обвиняя Литвинова, гг. Способинъ и Паскинъ рекламируютъ теперешнихъ врачей, именуютъ ихъ чуть не спасителями.

Гл. А. Д. Способинъ повторяетъ, что онъ не можетъ согласиться съ надгробнымъ словомъ Бурашеву. Онъ твердо убѣжденъ, что Бурашево живо и будетъ жить, не падая, не ухудшаясь. Надгробное слово выходитъ надъ живымъ. Глубоко вѣритъ онъ и въ опытность владимірскаго психіатра, въ его дипломъ и рекомендаціи.

Нѣкоторое впечатлѣніе произвела на присутствующихъ рѣчь другого героя декабрьской половины сессіи, князя Н. С. Путятина. Коснувшись предложенія о благодарности д-ру Литвинову, котораго онъ считаетъ «достойнымъ всякаго уваженія», гласный проситъ снять данный вопросъ съ очереди изъ единственнаго опасенія, что неединодушная—а это несомнѣнно—благодарность будетъ благодарностью «сѣрой». Собраніе не согласилось однако съ этимъ мнѣніемъ и рѣшило немедленно поставить на баллотировку вопросъ о «благодарности» въ соединеніи съ «сожалѣніемъ». Въ результатѣ получился 31 голосъ *pro* и 21 *contra*; при этомъ большинство протестантовъ, вмѣстѣ съ членамъ губернской управы г. Карякинымъ, тутъ же заявило, что не отказалось бы вотировать одну «благодарность», безъ косвеннаго выговора управѣ. Это подтвердилось единогласнымъ принятіемъ предложенія поставить въ колоніи портретъ ея основателя [1]).

---

[1]) Постановленіе это было протестовано г. губернаторомъ, какъ незаконное,— и собраніе впослѣдствіи рѣшило обжаловать протестъ въ сенатъ.

Потомъ почти безъ возраженій былъ принятъ весь проектъ редакціонной комиссіи по Бурашеву, отвергнувшій докладъ и смѣту управы.

Хотя тѣмъ самымъ выражалось, такъ сказать, реальное недовѣріе къ управѣ, но ея представители остались и на этотъ разъ столь же равнодушны, какъ и прежде. Вообще нельзя было не удивляться стоическому хладнокровію представителей губернской управы при непосредственныхъ укорахъ по ихъ адресу въ «бездѣятельности», «неискренности», въ «отсутствіи такта», въ «невѣжливости», въ «несерьезныхъ пріемахъ», въ нарушеніи элементарныхъ правилъ совмѣстной службы», въ «несоблюденіи закона», въ симпатіяхъ къ эпохѣ Фамусова и Молчалина, въ «забвеніи интересовъ земства», въ «пренебреженіи къ лучшимъ традиціямъ прошлаго, на которыя отнынѣ наброшена тѣнь», и т. д., и т. д. Впрочемъ однажды, подъ градомъ подобныхъ выраженій, г. предсѣдатель объявилъ, что онъ оставитъ залу (только залу!) если такъ будетъ продолжаться и впредь. Но надо и тутъ воздать ему должное: своей угрозы онъ не привелъ въ исполненіе, хотя неудовольствіе собранія и послѣ проявлялось не въ слишкомъ-таки сдержанныхъ формахъ и перенеслось на слѣдующую сессію...

Сессія 1897 года стояла въ органической связи съ предыдущей и носила тотъ же характеръ. Да иначе впрочемъ не могло и быть. Земское дѣло, — какъ любили выражаться гласные, — шло неуклонно на убыль, тѣмъ болѣе, что ихъ исполнительный органъ свою развязность, соединенную съ халатностью, довелъ до пес plus ultra и даже, кажется, бравировалъ ею. Жалобы на губернскую управу посыпались теперь уже съ перваго дня засѣданій. Представители уѣздныхъ земствъ громко изъявляли «сожалѣніе», что управа не распорядилась доставить протоколы послѣдней губернской сессіи до открытія уѣздныхъ собраній, такъ что эти собранія поставлены были въ безвыходное положеніе при вотированіи вопросовъ, связанныхъ съ постановленіями центральнаго земства. Было замѣчено также, что нынѣ, какъ и въ прошломъ году, управой не внесены въ собраніе доклады, оставшіеся отъ прежняго времени... А что касается ея докладовъ, то они—частью находились въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, частью не были готовы до сихъ поръ, не смотря на позднее открытіе сессіи. Это обстоятельство, по утвержденію гласныхъ, не мало задерживало ходъ ихъ занятій, не давая имъ возможности въ достаточной мѣрѣ ориентироваться въ области предметовъ мѣстнаго хозяйства. Работы собранія, помимо того, затруднялись и тѣмъ, что представители управы не всегда считали нужнымъ присутствовать на засѣданіяхъ, а если и присутствовали, то не всегда умѣли отвѣчать даже по поводу ими уже составленныхъ матеріаловъ. Конечно, непродуктивность сессіи обусловливалась еще и другимъ мотивами, но, повидимому, эти мотивы замѣтны были лишь со стороны, а не въ пылу полемики.

На собраніи всплывали мало-по-малу странные факты, рисующіе отношеніе управы къ «земскому дѣлу». Вотъ, напримѣръ, что сообщилъ г. де-Роберти. Какъ-то обращался онъ къ предсѣдателю съ просьбой дать ему выписку изъ протоколовъ, касающуюся его, какъ гласнаго. Тотъ на первыхъ порахъ отка-

залъ наотрѣзъ, ссылаясь на то, что удовлетвореніе подобныхъ запросовъ для управы немыслимо, при массѣ текущихъ работъ; но когда гласный предложилъ сдѣлать выписку своими средствами, предсѣдатель рекомендовалъ ему сперва подать прошеніе съ гербовыми марками. Г. де-Роберти добавилъ къ этому, что тѣ же самые протоколы—какъ ему доподлинно извѣстно—были вручены на три дня нѣкоему г. Л., мѣстному чиновнику и сотруднику *Московскихъ Вѣдомостей* и *Гражданина*... Собраніе согласилось съ мнѣніемъ гласнаго, предложившаго выразить неодобреніе всякимъ попыткамъ завести въ земствѣ «мертвящій канцеляризмъ».

А вотъ другой аналогичный случай. На засѣданіи была заслушана бумага г. губернатора, содержаніе которой состояло въ томъ, что одинъ изъ гласныхъ, принявъ на себя извѣстную работу отъ земства и получивъ напередъ вознагражденіе, будто бы не исполнилъ своихъ обязательствъ.

— Я имѣю данныя предполагать,—замѣтилъ тутъ заинтересованный гласный,—что губернаторъ введенъ въ заблужденіе нашею управой. Управа, зная, что моя работа закончена, не представила однако никакихъ возраженій въ отвѣтъ. Вмѣсто разъясненій, она печатаетъ «предложеніе» цѣликомъ,—и я лишь случайно узнаю объ этомъ. Я прошу не прилагать документа къ протоколамъ, не потому, что возводимое на меня обвиненіе (*предсѣдатель собранія звонитъ*) хоть сколько-нибудь основательно, а потому, что не хотѣлъ бы, чтобы въ нашихъ матеріалахъ фигурировала неумѣстная и недостойная печати страница.

Оказывается, управа обходила интересы не только отдѣльныхъ гласныхъ, но и цѣлаго земства. Было обращено вниманіе на то обстоятельство, что постановленія тверского по земскимъ дѣламъ присутствія, идущія въ разрѣзъ съ задачами земства, никогда не встрѣчали протеста со стороны единственнаго земскаго представителя тамъ, г. предсѣдателя управы... Своихъ же личныхъ интересовъ управа старалась не упускать изъ виду. Такъ, она назначила себѣ вознагражденіе не со дня вступленія въ должность, а съ момента «назначенія», *ссылаясь на прецедентъ, когда-то наблюдавшійся въ земствѣ и прошедшій безнаказанно.* Вообще, не въ мѣру соблюдая «экономію» въ главномъ, управа нерѣдко находила возможнымъ отступать отъ этого принципа. Служащему, приглашенному ею въ земство на крупный окладъ содержанія, она ассигнуетъ единовременно деньги для поправленія его домашнихъ обстоятельствъ; завѣдывающему одного бюро—также своему ставленнику — она выплачивала жалованіе даже тогда, когда тотъ уже перешелъ на службу въ другое учрежденіе. Всѣ подобные непорядки встрѣчали себѣ горячій отпоръ въ средѣ гласныхъ.

— Неправильностью, проскользнувшей раньше, — говорилъ кто-то изъ нихъ,—управѣ не слѣдовало бы покрывать своихъ дѣйствій: вѣдь ошибка не должна возводиться въ правило... Управа позволяетъ себѣ присвоивать тѣ права, на осуществленіе которыхъ уполномочено только собраніе. При этомъ мы лишь *случайно* узнаемъ о производствѣ излишнихъ тратъ, а между тѣмъ на насъ лежитъ отвѣтственность предъ населеніемъ въ цѣлесообразномъ назна-

ченіи сборовъ... Тутъ дѣло не въ той или иной статьѣ расхода, а въ опасности поколебать общія начала, установить неземское отношеніе къ общественнымъ задачамъ.

Организаціонные планы губернской управы не удались ей и въ этомъ году. Дѣятельность «обновленнаго» медико-санитарнаго бюро не выдержала самой слабой критики со стороны недавняго съѣзда тверскихъ врачей и теперь со стороны собранія. Собранію былъ представленъ, между прочимъ, докладъ по бюро,—не докладъ собственно, а какой-то «обрывокъ, безъ конца и начала», не санкціированный и самою управой. Единственный самостоятельный выводъ автора доклада былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ бюро испытало въ 1895 году большія потрясенія, то наличность повторныхъ посѣщеній въ амбулаторіяхъ уѣздныхъ земствъ значительно уменьшилась».

Учрежденный управою оцѣночный отдѣлъ потерпѣлъ на собраніи полное фіаско. Еще въ прошломъ году, въ виду непригодности работъ этого отдѣла, гласные избрали (по 105 ст.) изъ своей среды В. Н. Линда въ помощь управѣ для руководства дѣломъ оцѣнки. Однако, тверской губернаторъ и губернское присутствіе, заявивъ, что управа не просила назначить ей кого-либо «въ помощь», что для завѣдыванія отдѣломъ приглашено особое лицо съ извѣстнымъ жалованіемъ, что приведенное постановленіе предоставляется вообще «неяснымъ», не имѣющимъ за собой «основаній»,—наложили на него свое veto. Тѣмъ не менѣе, анализъ протеста привелъ комиссію и собраніе къ убѣжденію, что упрекъ въ недостаткѣ «основаній» скорѣе всего можетъ быть обращенъ и по другому адресу. Вѣдь мотивировка протеста сводится къ тому, что «неясно», зачѣмъ земству понадобилась данная мѣра; но понятіе о «ясности» и «неясности» довольно растяжимо: здѣсь все зависитъ отъ степени знакомства съ обсуждаемымъ предметомъ или явленіемъ. Допустить для губернскаго присутствія право отмѣны земскихъ резолюцій всякій разъ, какъ онѣ покажутся ему «неясными», значило бы свести дѣятельность земства къ нулю. Нѣтъ, законъ не ставитъ земство подъ такую мертвую опеку... Впрочемъ, присутствіе недостаточно вникло въ суть постановленія. Оно въ недоумѣніи: почему, при существованіи завѣдующаго отдѣломъ, требуется еще лицо для руководства тѣмъ же отдѣломъ? Въ дѣйствительности, ничего подобнаго нѣтъ: гласный Линдъ избранъ въ помощь—не завѣдующему, а управѣ, для направленія дѣятельности отдѣла. Доказательствомъ, что проектированная мѣра имѣла свою raison d'être, служитъ то, что работы отдѣла въ теченіе двухъ лѣтъ ровно ни къ чему не привели, такъ что деньги земскія на его содержаніе потрачены совершенно напрасно... На запросы гласныхъ насчетъ оцѣночнаго отдѣла, предсѣдатель управы возразилъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ: именно, пригласилъ, въ качествѣ завѣдующаго, лицо съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, «въ исполненіе постановленія» прошлой сессіи... Отчаявшись чего-нибудь добиться отъ отдѣла и управы, не желая «бросать на вѣтеръ десятки тысячъ рублей, какъ были выброшены 17 тысячъ»,—собраніе постановило закрыть оцѣночный отдѣлъ, раздѣливъ его обязанности между уѣздами. Очевидно, требовались слишкомъ неблагопріятныя условія, чтобы за-

ставить гласныхъ рѣшиться на такой шагъ, напередъ обрекавшій на неуспѣхъ дѣло оцѣнки имуществъ.

Особенно сильный протестъ противъ управы и на этотъ разъ былъ пріуроченъ къ дебатамъ по Бурашеву. Редакціонная комиссія констатировала, что прошлогднія страхи гласныхъ по поводу психіатрической колоніи нынѣ оправдались вполнѣ. Не смотря на то, что изъ управскаго доклада трудно получить ясное представленіе о внутреннихъ распорядкахъ учрежденія,—нѣкоторые эпизоды ихъ, какимъ-то чудомъ доходя до всеобщаго свѣдѣнія, проливаютъ свѣтъ въ этомъ отношеніи. «Несчастные случаи» все повторяются, поражая своей обстановкой. Оправданіе ихъ, одинаково приводимое управой,—скученность больныхъ,—едва ли можно признать удовлетворительнымъ, ибо колонія не только не служитъ исключеніемъ на ряду съ подобными учрежденіями другихъ земствъ, а, наоборотъ, находится въ болѣе счастливомъ положеніи. Въ своемъ отчетѣ старшій врачъ настойчиво указываетъ на результаты своей дѣятельности, выразившіеся въ удешевленіи содержанія умалишенныхъ: сокращены издержки на развлеченія ихъ, на пищевое довольствіе, на угощенія и проч.; если не получилось сбереженій на бѣльѣ, платьѣ и обуви, то, вѣроятно, лишь потому, что прошлогоднее собраніе, вопреки мнѣнію директора, увеличило эти статьи на 900 рублей. Въ какой степени отразились сбереженія на больныхъ—неизвѣстно. Существуетъ лишь утвержденіе, что въ истекшемъ году смертность въ колоніи уменьшилась, сравнительно съ предыдущимъ годомъ; но можно ли дѣлать серьезные выводы изъ сопоставленія двухъ рядомъ стоящихъ годовъ?.. Нельзя не отмѣтить, что старшій врачъ, совсѣмъ игнорируетъ заключенія состоявшагося лѣтомъ тверского съѣзда врачей, не одобрившаго практику экономіи въ психіатрической лѣчебницѣ... При разсмотрѣніи бурашевской смѣты по статьямъ, комиссія остановилась на вопросѣ о вознагражденіи нынѣшняго директора. Установляя должность директора, съ значительнымъ окладомъ содержанія, предоставляя ему иныя преимущества, земство имѣло въ виду широкія и важныя функціи, которыя оно на него возлагало: директоръ долженъ быть и опытнымъ спеціалистомъ-психіатромъ, и умѣлымъ администраторомъ учрежденія; онъ призванъ также руководить младшими своими сотоварищами—и въ практическомъ, и въ научномъ смыслѣ. Если вновь поступающіе молодые врачи волей-неволей доучиваются на больныхъ, ввѣряемыхъ ихъ попеченію, то обязанность директора—облегчить, насколько можно, ихъ трудъ, не нанося ущерба заведенію. Эта сложная задача выполнялась прежде съ большимъ искусствомъ,—и бывшіе ординаторы Бурашева немало способствовали прочности его репутаціи... Теперь же—далеко не то: ординаторы устранены отъ участія въ дѣлахъ по управленію колоніей; въ отдѣленіяхъ, имъ порученныхъ, они не видятъ ни поддержки, ни руководительства директора, который посвящаетъ свои силы хозяйству. Даже спросъ ихъ на спеціальныя научныя пособія признается излишнимъ. Старшій врачъ самъ лично заявилъ комиссіи, что, по его убѣжденію, практическая дѣятельность въ колоніи не имѣетъ ничего общаго съ теоріей, что научныя занятія даже мѣшаютъ практикѣ, что хозяйственныя заботы не позволяютъ ему быть au courant психіатріи... Если бы управа считала себя обязан-

ной сообразоваться съ мнѣніемъ большинства собранія, она бы постаралась поправить положеніе вещей, замѣнивъ нынѣшняго директора лицомъ, болѣе соотвѣтствующимъ назначенію; однако она настаиваетъ на своемъ формальномъ правѣ—назначать и увольнять земскихъ служащихъ исключительно по своему усмотрѣнію,—и, такимъ образомъ, на приглашеніе новаго старшаго врача пока разсчитывать нечего... Комиссія предлагаетъ собранію назначить директору Бурашева жалованіе въ той мѣрѣ, какъ и ординаторамъ, съ извѣстной прибавкой за внѣшнюю отвѣтственность, за выполненіе чисто офиціальныхъ обязанностей. Что касается трудовъ, которые докторъ Совѣтовъ несетъ по хозяйству колоніи, то, являясь выраженіемъ его личныхъ наклонностей и не вызываясь необходимостью, они не должны служить мотивомъ для повышенія оклада.

Въ началѣ преній, вызванныхъ докладомъ комиссіи, предсѣдатель собранія, «руководствуясь предложеніемъ г. губернатора», проситъ допустить къ активному участію на засѣданіи мѣстнаго врачебнаго инспектора г. Агаѳонова. Собраніе согласилось, но нѣкоторые гласные заявили при этомъ, что согласіе въ данномъ случаѣ является отнюдь не вынужденнымъ, а добровольнымъ актомъ... Врачебный инспекторъ, помѣстившійся уже возлѣ членовъ управы, пытался было возразить на оговорку; однако ему немедленно же разъяснили, что если онъ будетъ выслушанъ, то лишь по чисто-медицинскимъ, а никакъ не по юридическимъ вопросамъ... Дебаты открылъ гласный В. Н. Линдъ, который повторилъ поводы, побудившіе его и его товарищей подать голосъ за сокращеніе жалованія директору колоніи. Никто не желалъ обвинять доктора Совѣтова; но его признали недостаточно компетентнымъ руководителемъ такого учрежденія, какъ Бурашево. Онъ — типичный представитель системы (которой придерживается и управа),—системы отжившей, преслѣдующей внѣшнюю, показную экономію,—системы, подчиняющей научныя соображенія правиламъ рутинной дисциплины. Итакъ, разъ директоръ не авторитетъ въ научномъ смыслѣ, то само по себѣ отпадаетъ основаніе—ceteris paribus—оставить то вознагражденіе, которое предполагаетъ извѣстныя условія.

Предсѣдатель А. С. Паскинъ удивляется, почему это доктора Совѣтова осуждаютъ нынѣ за стремленіе къ экономіи, когда рѣчь о сокращеніи бюджета по Бурашеву заходила въ земствѣ и прежде. Въ протоколахъ 1893 г. упоминается, напримѣръ, что «пищевое довольствіе душевно-больныхъ доведено до minimum'а»... Вообще для него непонятны отношенія гласныхъ къ директору. «Въ немъ нашли мы кладъ въ самое тяжелое время, когда никто не шелъ къ намъ на должность директора. Мы благодарить должны его, а не порицать его дѣятельность».

Приглашенный на собраніе ординаторъ колоніи утверждаетъ, что директоръ не заслужилъ направленныхъ къ нему упрековъ: онъ, быть можетъ, и «не симпатиченъ, какъ человѣкъ», но дѣло ведетъ, какъ слѣдуетъ, хотя и сурово. Что до «научнаго авторитета», то гласнымъ не мѣшало бы познакомиться съ завѣдующими другихъ психіатрическихъ лѣчебницъ: мало бы они нашли тогда «авторитетовъ». Невѣрно, кстати, будто директоръ стѣсняетъ ординаторовъ въ

научномъ отношеніи: научныя занятія въ колоніи и сами по себѣ невозможны, такъ какъ не хватаетъ времени отъ непосредственныхъ работъ.

Врачебный инспекторъ Агаѳоновъ высказываетъ недоумѣніе по поводу того мѣста въ докладѣ комиссіи, гдѣ подчеркивается господство какой-то «новой системы, ведущей къ печальнымъ послѣдствіямъ». Если и есть въ Бурашевѣ «случайности», то онѣ наблюдались и будутъ наблюдаться во всякомъ подобномъ заведеніи. Въ недавнемъ убійствѣ въ колоніи одного больного другимъ—вины врачей нѣтъ: «служитель проморгалъ». Или вотъ умалишенный зарѣзался въ портняжной мастерской: кто могъ предусмотрѣть? гдѣ тутъ преступленіе? причемъ здѣсь врачъ и зачѣмъ ему урѣзывать ассигновку? Главное зло—не въ личности директора, а въ недостаткахъ внѣшней организаціи Бурашева. Оппонентъ (припомнивъ, вѣроятно, что долгъ красенъ платежемъ) упрекнулъ также гласныхъ въ ихъ некомпетентности разбираться въ медицинской области.

Гл.Е. В. де-Роберти, отвѣчая ординатору и г. Агаѳонову, полагаетъ, что на засѣданіи сошлись люди, которые другъ друга понять, очевидно, не могутъ. Никто не говоритъ, что директоръ стѣсняетъ врачей, но — что онъ является директоромъ не по призванію. Утверждаютъ далѣе, что въ колоніи недостаетъ досуга для научныхъ изысканій; но гдѣ же и учиться, какъ не въ подобныхъ Бурашеву заведеніяхъ? Вѣдь это цѣлая клиника, широкая, богатая, располагающая къ наблюденіямъ, обобщеніямъ и выводамъ. Врачебный инспекторъ возражалъ, что въ колоніи не существуетъ преступленій. Никто не споритъ противъ этого; тѣмъ не менѣе слѣдовало бы посмотрѣть не на поверхность дѣла, а въ его внутреннее содержаніе.

Гл. г. Толстой отрицаетъ право собранія сократить жалованіе директору: напротивъ, онъ достоинъ признательности за свое отношеніе къ земской казнѣ. Къ этому мнѣнію присоединяется и гл. Брянчаниновъ: понизивъ вознагражденіе д-ру Совѣтову, мы,—говоритъ онъ,—уподобимся скупщикамъ хлѣба, сбавляющимъ обѣщанную цѣну, когда продуктъ уже ввезенъ на дворъ.

Гл. И. И. Петрункевичъ обращается къ словамъ предсѣдателя. Побѣдоносно цитируя старые протоколы, г. Паскинъ нашелъ тамъ фразу о «минимумѣ пищевого довольствія». Но что это значитъ? Конечно, не то, что больныхъ морили голодомъ, а—что безъ вреда для больныхъ дальше въ сокращеніи расходовъ идти некуда. Земство всегда принуждено было экономить, но одновременно оно не забывало и прочихъ областей своей дѣятельности. Защитники директора утверждаютъ, что слухи о несчастныхъ случаяхъ преувеличены, а самый серьезный изъ этихъ случаевъ объясняютъ тѣмъ, что «проморгалъ» служитель. Но однако, стоитъ лишь возстановить детали инцидента: въ изоляторъ лѣчебницы тайкомъ пробрался умалишенный, убилъ сидѣвшаго тамъ больного, вырвалъ у трупа глаза, успѣлъ даже сдѣлать потомъ перевязку, а служитель все «моргалъ». Виноватъ «служитель»? Не такъ ли точно въ желѣзнодорожномъ мірѣ при катастрофахъ сваливаютъ отвѣтственность на стрѣлочниковъ, сторожей и прочихъ низшихъ агентовъ? Подобнымъ способомъ всему можно найти оправданіе. Однако, гдѣ *общія мѣры*, парализующія возможность извѣстныхъ «случаевъ?»

Гл. А. А. Бакунинъ раздѣляетъ также мнѣніе комиссіи относительно жалованія доктору Совѣтову: въ немъ не нашли достойнаго руководителя дѣла.

Гл. С. В. де-Роберти идетъ дальше. Онъ видитъ полное основаніе для того, чтобы поставить вопросъ объ *устраненіи* доктора С. изъ колоніи, опираясь хотя бы на тотъ вотумъ недовѣрія, который былъ выраженъ этому психіатру такой авторитетной коллегіей, какъ съѣздъ врачей.

Указавъ на то, что врачебный инспекторъ въ своей рѣчи не удержался на «нейтральной почвѣ», какъ подобало бы «эксперту», гл. П. П. Петрункевичъ остановился на оцѣнкѣ его упрека по адресу гласныхъ—въ «некомпетентности». Да, если г. Агаѳоновъ разумѣетъ здѣсь не авторитетность въ области здраваго смысла и пониманія, а ту формальную компетентность, которая представлена въ лицѣ его, то, несомнѣнно, онъ правъ... Третій уже годъ, — продолжалъ гласный, мы боремся противъ «реформъ» бурашевскаго дѣла—въ увѣренности, что онѣ не соотвѣтствуютъ общимъ цѣлямъ земства, — боремся потому, что не усматриваемъ въ новыхъ порядкахъ человѣчности, христіанскаго милосердія, ума и знанія. Нынѣшняя управа не раздѣляетъ нашихъ взглядовъ, стоитъ внѣ нашихъ вліяній, не сообразуется съ нашимъ желаніемъ. Но мы не въ силахъ примириться съ ея мертвящей системой!.. Что бы ни толковали наши противники, какъ бы ни разрѣшился вопросъ,—правда на нашей сторонѣ!..

Гл. П. А. Корсаковъ тоже высказывается въ пользу удаленія старшаго врача. Законъ допускаетъ вотировать подобный вопросъ, и управа обязана будетъ подчиниться постановленію большинства.

Предсѣдатель собранія предлагаетъ приступить къ баллотировкѣ, но при этомъ 23 гласныхъ покидаютъ залу засѣданія. Остальные члены собранія, въ числѣ 30-ти, *всѣ* подаютъ голоса за увольненіе директора Совѣтова изъ Бурашева...

Въ слѣдующемъ засѣданіи случайно выплыло наружу обстоятельство, которое наглядно показало, какого рода спеціалистамъ ввѣрена управой судьба 700 душевно-больныхъ.

Одинъ гласный обратился къ предсѣдателю управы за разъясненіемъ: что такое произошло въ Бурашевѣ и зачѣмъ туда вызваны сегодня члены прокуратуры? Предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, а что тутъ присутствуетъ ординаторъ, врачъ Д., который и могъ бы удовлетворить гласнаго. Нервно жестикулируя, врачъ Д. сильно повышеннымъ голосомъ произнесъ такую реплику: «Я здѣсь съ утра, и что тамъ случилось въ Бурашевѣ—не знаю, могло случиться и сегодня... теперь уже двѣнадцать часовъ!..

— Вотъ, господа, свидѣтельство прекраснаго состава врачей колоніи! Вотъ врачъ-психіатръ, производящій буйство въ собраніи!—произнесъ среди всеобщаго замѣшательства кто-то изъ гласныхъ.

Потребовался перерывъ засѣданія на нѣсколько минутъ, и затѣмъ гл. г. Максимовичъ проситъ слова.

— Инцидентъ, только что происшедшій, очень характеренъ,—говоритъ онъ:— одинъ бурашевскій ординаторъ своей ничѣмъ не вызванной несдержанностью обнаружилъ полное неуваженіе къ собранію. Какъ же онъ держитъ себя съ своими паціентами? —

Г. де-Роберти повторяетъ, что психіатры управы безусловно принадлежатъ къ особой породѣ людей; они разсуждаютъ на другомъ языкѣ, ихъ понятія не похожи на обычныя. Поэтому выходка г-на Д. *не*оскорбительна,—тѣмъ болѣе, что уже получила себѣ надлежащую оцѣнку...

Почти тутъ же вышелъ еще эпизодъ, болѣе крупный и болѣе поразительный. 18-ть членовъ «правой»,—преимущественно изъ лицъ «служащихъ»,—недовольные постановленіемъ 30-ти объ увольненіи доктора Совѣтова, внесли на собраніе «особое мнѣніе», выраженное въ слѣдующей формѣ:

«Мы, нижеподписавшіеся, отказавшись принять участіе въ баллотировкѣ вопроса о предложеніи управѣ уволить отъ службы директора Бурашевской колоніи г. Совѣтова, настоящимъ нашимъ заявленіемъ признаемъ необходимымъ объяснить тѣ основанія, которыя насъ къ тому побудили... Въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ одна изъ двухъ группъ собранія настойчиво стремится, не стѣсняясь никакими средствами, доказать полную несостоятельность настоящей управы и тѣхъ лицъ, которыя были призваны послѣднею на службу земства. Такое стремленіе не оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ земскаго губернскаго хозяйства. Не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что предсѣдателемъ управы является г. Паскинъ, седьмое трехлѣтіе состоящій губернскимъ гласнымъ и положившій много трудовъ на пользу земскаго дѣла. Для насъ несомнѣнно, что онъ ведетъ обширное земское хозяйство въ интересахъ населенія, и мы считаемъ себя нравственно обязанными оказать ему свою поддержку—выраженіемъ признательности за его дѣятельность, стѣсняемую несправедливыми нападками. Мы признаемъ всю трудность принятой имъ на себя задачи. Рядъ затрудненій, встрѣченныхъ имъ при вступленіи на должность, не помѣшалъ ему, однако, приложить всю энергію къ правильной постановкѣ земскаго хозяйства съ благоразумной экономіею. При этихъ условіяхъ и при полной недоказанности высказанныхъ редакціонною комиссіей положеній, намъ совершенно достаточно заявленія г. Паскина о дѣятельности директора колоніи, доктора Совѣтова,—тѣмъ болѣе, что большинство изъ насъ имѣли возможность въ этомъ убѣдиться изъ представленныхъ отчетовъ и неоднократныхъ посѣщеній Бурашевской колоніи. Мы просимъ г. предсѣдателя не лишать колонію старшаго врача Совѣтова, дабы не оставить такое крупное земское учрежденіе, ежегодно поглощающее треть смѣты, безъ руководителя и не создавать вновь такъ недавно пережитыхъ уже затрудненій въ колоніи. Мы горячо протестуемъ противъ давленія извѣстной партіи собранія. Преступно изъ-за партійныхъ началъ бросать на произволъ судьбы сотни несчастныхъ больныхъ!! Одинаково, мы не можемъ не одобрить то сокращеніе расходовъ, которое такъ настойчиво ставится въ упрекъ управѣ и директору колоніи и составлятъ въ теченіе многихъ лѣтъ заботу большинства земскихъ людей губерніи. Для насъ несомнѣнно, что преніями собранія вполнѣ выяснилось, что такое сокращеніе расходовъ не вызвало ни уменьшенія довольствія больныхъ, ни ихъ содержанія, ни самой системы лѣченія».

Это заявленіе показалось слишкомъ безцеремоннымъ и вызвало самый рѣзкій отпоръ.

— Я болѣе 20-ти лѣтъ состою губернскимъ гласнымъ, сказалъ П. А. Корсаковъ (слѣва):—сидѣлъ здѣсь вмѣстѣ съ отцами многихъ членовъ собранія, участвовалъ въ многочисленныхъ работахъ и сужденіяхъ земства, слышалъ и разные споры,—но никогда я не думалъ, что въ этомъ залѣ гласные не гарантированы отъ подозрѣній и оскорбленій. Ошибки констатировать приходилось, но никто не бралъ подъ сомнѣніе добросовѣстность гласныхъ. И вотъ мы узнали записку 18-ти, утверждающую, что большинство собранія «не пренебрегаетъ никакими средствами» для достиженія своихъ цѣлей. Нѣтъ! Средства гласныхъ, среди которыхъ я сижу, были и будутъ одни: умъ и языкъ! Другихъ—у насъ нѣтъ. Изъ уваженія къ достоинству собранія я удержусь отъ того, чтобы назвать прочитанный документъ именемъ, котораго онъ стоитъ.

Шумныя аплодисменты наградили слова оратора.

28 гласныхъ поспѣшили заявить о своей солидарности съ рѣчью г. Корсакова и о своемъ негодованіи по поводу записки. Два офиціальныхъ представителя—вѣдомства удѣловъ и государственныхъ имуществъ—письменно заявили собранію, что они подали голоса за удаленіе д-ра Совѣтова по искреннему убѣжденію и доброй совѣсти, не принадлежа ни къ какой партіи земства. Когда дѣло приняло такой оборотъ, нѣкоторые изъ 18-ти, раскаявшись, изъявили желаніе измѣнить редакцію своего произведенія, но не успѣли въ этомъ . . . . . .

Читатель въ правѣ спросить: что же о дѣлѣ? А вотъ! «Дѣло» было пріурочено къ самому концу сессіи, когда многіе дворяне уже разъѣхались, когда и остальныхъ тоже влекла неотразимая потребность пошабашить. Но зато, въ общемъ, съ дѣломъ порѣшили быстро.

На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ назвать возбужденный корчевскимъ уѣзднымъ земствомъ передъ собраніемъ вопросъ о расширеніи представительства изъ среды крестьянъ. Одни находили вопросъ вполнѣ заслуживающимъ поддержки, въ виду крайней неуравнительности представительства въ земствѣ отъ разныхъ группъ населенія; другіе аргументировали противъ. Крестьяне, — разсуждали они,—въ сущности, являются «представителями» не по выбору отъ населенія, а по назначенію отъ администраціи, такъ что увеличеніе числа такого рода гласныхъ едва ли будетъ выгодно для земства. Собраніе постановило *избрать комиссію* для разработки вопроса и *передать его* на обсужденіе въ уѣзды.

Гл. В. А. Пуликовскимъ былъ поставленъ вопросъ о своевременности обращенія натуральной повинности сотскихъ и десятскихъ,—лежащей пока на однихъ крестьянахъ,—въ повинность денежную, съ отнесеніемъ ея на счетъ губернскаго земства. Рѣшено *просить уѣздныя земства* представить свои заключенія по данному предмету.

На очереди находилось ходатайство новоторжскаго земства, состоящее въ томъ, чтобы крестьянскій банкъ, при покупкѣ крестьянами съ его содѣйствіемъ земли, взималъ съ нихъ тѣ же проценты, какъ банкъ дворянскій съ дворянъ, при залогѣ имѣній. Одинъ дворянинъ-гласный при этомъ предостерегалъ, что ходатайство врядъ ли имѣетъ шансы на уваженіе. «Условія погашенія и размѣръ процентовъ по долгосрочнымъ банковскимъ кредитамъ вообще зависятъ отъ условій, въ какихъ стояла реализація банковскихъ бумагъ. Проценты въ дво-

рянскомъ банкѣ ниже, чѣмъ въ крестьянскомъ, потому что правительству удалось реализировать спеціальный для того банка выигрышный заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ». Защитники проекта настаивали, что онъ вызванъ фактомъ обременительности займовъ для крестьянъ, кліентовъ банка; онъ свидѣтельствуетъ лишній разъ о различіи въ дѣятельности двухъ аналогичныхъ учрежденій, тѣсно связанныхъ между собою по цѣлямъ. Что касается путей, какими правительство могло бы осуществить данную мѣру, то собраніе некомпетентно выяснять ихъ. Собраніе дало движеніе проекту.

Гласные заслушали нѣсколько разрозненныхъ, гомеопатическихъ проектовъ по содѣйствію народному труду, но заниматься этимъ было не-время. Вотъ какъ, напримѣръ, дебатировалось предложеніе объ открытіи сапожнаго склада для краснохолмскихъ ремесленниковъ. Одинъ изъ видныхъ гласныхъ, «оставаясь при полномъ сочувствіи мѣрамъ къ поддержанію кустарныхъ промысловъ», рекомендуетъ «погодить»... въ виду сложности предмета, а пока-что *избрать комиссію*, которая бы занялась разсмотрѣніемъ вопроса о складѣ «и всѣхъ подобныхъ экономическаго характера вопросовъ...» Здѣсь характерно не столько новое взываніе къ «комиссіи», являющееся всякій разъ, когда хотятъ отвязаться отъ дѣла, сколько это неподражаемое: «и всѣхъ подобныхъ вопросовъ». Повременить, разумѣется, согласились и комиссію выбрали.

Заходила на собраніи рѣчь не только о желудкѣ, но, такъ сказать, и о душѣ крестьянина... Осташковское земство хлопотало о дозволеніи перенести базары съ праздничныхъ дней на обычные, ибо соединеніе базара съ праздникомъ вредно отзывается на нравственности народа... Редакціонная комиссія отрицательно отнеслась къ цѣлесообразности этой мѣры, но зато ее отстаивалъ представитель духовнаго вѣдомства. Комиссія, — возражалъ онъ, — думаетъ, что перенесеніе базаровъ на будни *помѣшаетъ крестьянамъ работать*; но теперь они работаютъ въ значительной степени на питейныя заведенія. Надо прекратить базарный разгулъ: «*безъ этой мѣры* (осташковскаго земства) *трудно достижимы всѣ прочія...*» Сочувствуя всему тому, что сокращаетъ пьянство, другой гласный признаетъ подобные проекты недостигающими цѣли. Коренной факторъ золъ крестьянскаго быта—это некультурность; при настоящихъ условіяхъ пьянство—единственно доступное развлеченіе народа. Въ качествѣ ближайшей иллюстраціи невѣжества, гласный разсказалъ, какъ крестьяне продали имущество своего односельца за то, что онъ работалъ въ пятницу, въ то время, когда сходомъ рѣшено было праздновать всѣ пятницы ради избавленія отъ пожаровъ... Третій ораторъ тоже увѣренъ, что никакія механическія, полицейскія мѣропріятія не отвлекутъ народъ отъ пьянства. Для того необходимы здоровыя, разумныя развлеченія и занятія. Чтенія съ туманными картинами, бесѣды, воскресныя школы—вотъ болѣе или менѣе существенныя мѣропріятія. Собраніе отклонило ходатайство осташковскаго земства; но вопросъ о путяхъ внѣшкольнаго распространенія культурности въ массахъ такъ и остался открытымъ (если не считать «ходатайства» объ облегченіи устройства народныхъ чтеній въ предѣлахъ Тверской губерніи).

Однако, и о школьномъ обученіи заботы простирались немного дальше. Вообще въ послѣдніе годы эта отрасль дѣятельности отступила въ губернскомъ земствѣ несомнѣнно назадъ. Какой-то гласный справедливо упрекнулъ земство, что оно «принимаетъ въ этомъ дѣлѣ крайне незначительное участіе сравнительно съ насущною потребностью».

Изъ единичныхъ, несистематическихъ резолюцій собранія по начальному образованію обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая: образовать губернскій школьно-строительный капиталъ, для чего отчислить около 25 тыс. руб., уже прежде выданныхъ въ ссуды на постройку школьныхъ зданій изъ общаго ссуднаго капитала, и произвести заемъ въ 200 тысячъ рублей изъ страховыхъ суммъ. Будетъ ли утверждено это постановленіе губернскою властью?

Затѣмъ рѣшено было внести въ смѣту три тысячи съ небольшимъ рублей на расходы для пополненія школьныхъ библіотечекъ (по 5 руб. на каждую)... Постановлено также хлопотать, чтобы предстоящее измѣненіе устава о воинской повинности не повліяло на сокращеніе льготъ для народныхъ учителей: земство и безъ того испытываетъ массу затрудненій при приглашеніи достойныхъ представителей дѣла. Что земскіе учителя нуждаются не въ одной только льготѣ по воинской повинности, подтверждаетъ косвенно случай, дошедшій до свѣдѣнія собранія: съ педагогическихъ курсовъ, устроенныхъ земствомъ въ Твери въ 1896 г., *безъ объясненія причинъ* было удалено нѣсколько учителей по распоряженію попечителя московскаго учебнаго округа. Вступившись за достоинство служащихъ, гласные поручили управѣ обжаловать распоряженіе министру народнаго просвѣщенія.

Кстати: когда разсуждали о курсахъ, на собраніи, между прочимъ, обнаружились странныя претензіи инспектора народныхъ училищъ, г-на См., который былъ «командированъ для надзора» за ходомъ занятій на курсахъ и теперь потребовалъ отъ земства «за труды» 300 рублей.

Не смотря на протесты со стороны отдѣльныхъ гласныхъ, указывавшихъ, что г. инспекторъ, состоя на государственной службѣ и будучи назначенъ на курсы извнѣ, исполнялъ тамъ только свой долгъ и долженъ ждать награды не отъ земства,—награда тѣмъ не менѣе была выдана.

Вѣроятно, сознавая всю вину предъ дѣломъ народнаго образованія, губернское собраніе *организовало комиссію* изъ нѣсколькихъ гласныхъ для разработки вопросовъ изъ этой области. Итакъ, еще одной комиссіей на свѣтѣ стало больше! . . . . . .

А тверская управа дѣйствуетъ и понынѣ. Что ей вотумы недовѣрія? До конца трехлѣтія остается немного...

С. Ан. Ч—ый.

Изъ Юго-Западнаго края. (Введеніе въ губерніяхъ края земскихъ учрежденій; изъ дѣятельности Кіевскаго общества грамотности.)

Юго-Западный край, повидимому, наканунѣ реформъ въ области административнаго строя. Извѣстно, что въ прошломъ году министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ поднятъ вопросъ о распространеніи земскихъ учрежденій на тѣ части Россіи, которыя были до сихъ поръ лишены ихъ, и въ томъ числѣ на нашъ край. Комиссіи, составленныя изъ мѣстныхъ «свѣдущихъ людей», признали необходимымъ и желательнымъ введеніе земствъ въ Юго-Западн. краѣ; надняхъ сообщалось въ газетахъ, что такое же мнѣніе высказалъ и кіевскій губернаторъ. Съ этой стороны, стало быть, идутъ вѣсти успокоительнаго свойства, позволяющія думать, что реформа, наконецъ, воспослѣдуетъ.

Несомнѣнно, что для Юго-Западнаго края чрезвычайно важно, въ какомъ смыслѣ разрѣшится этотъ наболѣвшій вопросъ его общественной жизни. Можно различно относиться къ дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій. Восторженнымъ хвалителямъ земствъ они представляются учрежденіями, чуждыми служенію интересамъ опредѣленныхъ классовъ, повсюду преслѣдующими общенародный интересъ. Если на какомъ-нибудь земскомъ собраніи и будетъ заявлено требованіе, носящее явно классовую окраску, то это признается фактомъ единичнымъ, отнюдь не относящимся ко всему земскому строю. Усиленная дѣятельность земствъ по народному образованію принимается не за движеніе, вызванно назрѣвшими требованіями экономическаго развитія, а за чисто просвѣтительное движеніе, питаемое идеями отвлеченной гуманности.

Это, конечно, и невѣрно, и наивно. Но будучи крайне несовершеннымъ и неполнымъ выразителемъ интересовъ мѣстнаго населенія, т.-е. благодаря своей организаціи, являясь почти исключительно представительствомъ класса крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, современное земство тѣмъ не менѣе исполняетъ чрезвычайно важныя функціи въ нашей общественной жизни. Его дѣятельность захватываетъ очень много сторонъ ея, въ правильной постановкѣ которыхъ живѣйшимъ образомъ заинтересована вся масса населенія. Народное образованіе, фабричная медицина и вообще медицинская помощь и санитарный надзоръ, и многое другое могутъ быть должнымъ образомъ организованы только при наличности самоуправленія. Тридцатилѣтній опытъ русскаго земства, въ особенности при сравненіи его съ опытомъ неземскихъ губерній, убѣждаетъ, что многое въ нашей жизни не можетъ получить надлежащаго движенія безъ участія въ управленіи мѣстныхъ общественныхъ силъ. И если съ этой точки зрѣнія является желательнымъ введеніе земскихъ учрежденій во всѣхъ областяхъ и губерніяхъ Россіи, то по отношенію къ Юго-Западному краю оно прямо необходимо. Доказательствомъ тому служатъ нижеприводимые факты. На грустныя размышленія приводятъ они! Просматривая ихъ, какъ-то забываешь, что рѣчь идетъ о населенномъ, торговомъ краѣ, имѣющемъ высшее учебное заведеніе, близко прилегающемъ къ западно-европейской границѣ и Черному морю, богатомъ воспоминаніями о своемъ историческомъ прошломъ! Мысль переносится въ

*

какую-нибудь сѣверную глушь, пустынныя, неприглядныя тайги или въ благословенное Пошехонье, живущее какой-то особенной жизнью...

Возьмите хотя бы народное образованіе. Оно у насъ вообще не процвѣтаетъ; достаточно сказать, что въ то время, какъ Соед. Штаты тратятъ на школьное дѣло, въ среднемъ 4 р. 65 к. на душу населенія, Англія—3 р., Франція—2 р., Россія всего только 19 к.! Въ Германіи взрослыхъ, умѣющихъ писать, насчитывается 97%, въ Швейцаріи 95%, Великобританіи 90, Франціи 85, Соед. Штатахъ 92, Россіи—16%.

Но, если Россія представляетъ собою въ дѣлѣ народнаго образованія нѣчто исключительное среди европейскихъ странъ, то Юго-Западный край—нѣчто исключительное даже среди остальныхъ россійскихъ краевъ. Вотъ цифры [1]).

Сельскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Юго-Западн. краѣ 638, при чемъ одна школа приходится на 11.203 жителей. Между губерніями, входящими въ составъ края, школы распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Кіевской губ.—135, въ Подольской—248, въ Волынской—255. Если привести данныя по сосѣднимъ земскимъ губерніямъ, то картина получится довольно внушительная. Сельскихъ школъ въ Черниговской губ. — 554 (вдвое больше, чѣмъ въ Волынской и Подольской и въ 4 раза больше, чѣмъ въ Кіевской), въ Полтавской—662, въ Екатеринославской—399. Послѣдняя губ. въ ряду земскихъ сосѣднихъ съ Юго-Западн. краемъ самая бѣдная школами, но и въ ней ихъ больше, чѣмъ въ Волынской, самой богатой школами изъ губерній края. При этомъ въ Кіевской губ. одна сельская школа мин. нар. пр. приходится на 20.167 жителей, въ Волынской на 8.095, въ Подольской — на 9.774, между тѣмъ для сосѣднихъ земскихъ губерній соотвѣтственныя цифры будутъ: для Черниговской—4.188, Полтавской—4.489 и Екатеринославской—4.245. Разница между земскими губ. и Юго-Западнымъ краемъ какъ будто исчезаетъ, если мы посмотримъ на средній показатель въ нихъ образованія; онъ будетъ для Кіевской губ.—3,1%, для Волынской—2,7, Подольской—2,8, Черниговской—2,7, Полтавской—2,7 и Екатеринославской — 3,2. Но такое почти полное равенство, одинаково невыгодное для всѣхъ губерній, объясняется очень просто: недостатокъ въ сельскихъ школахъ какъ будто восполняется въ Юго-Западномъ краѣ церковно-приходскими школами. Въ то время, какъ школъ послѣдняго рода въ Екатеринославской—28%, Черниговской—40, Полтавской—48, въ Волынской ихъ 57%, Подольской—74, Кіевской—76. Таковы-то преимущества Юго-Западн. края! Если вспомнить качество церковно-приходскихъ школъ и часто эфемерность ихъ существованія, то, право, трудно отдѣлаться отъ мысли объ этой одной школѣ, приходящейся на 20.167 жителей. Но если мы и примемъ во вниманіе церковно-приходскія школы, то все-таки отъ этого Юго-Зап. край многаго не выигрываетъ: въ земскихъ губерніяхъ одно сельское училище приходится на 2.953 ж., въ Юго-Зап. краѣ—на 4.563, т.-е. народное образованіе обставлено въ Юго-Зап. краѣ вдвое хуже, чѣмъ въ остальной земской Россіи. Въ заключе-

---

[1]) Беремъ изъ офиціальнаго изданія: Александръ Острогорскій, «Низшія учебн. заведенія».

ніе еще одна цифра: оказывается, что въ Юго-Зап. краѣ на образованіе одного жителя (и городского и сельскаго) затрачивается—сколько бы вы думали, читатель?—0,08 р.! Если же принять во вниманіе, что изъ общей суммы расходовъ на народное образованіе деревнѣ достается около половины, а населеніе ея во много разъ превышаетъ городское, то мы отказываемся вычислять, какая часть приходится на одного сельскаго жителя. Вѣроятно, трудно вообразимая цифра. Послѣ приведенныхъ фактовъ не удивляешься, когда читаешь, напр., такое сообщеніе: «Намъ сообщаютъ, что цырвинское сельское общество, Радомысльскаго уѣзда Кіевской губ., обратилось съ ходатайствомъ о разрѣшеніи взять изъ суммъ продовольственнаго капитала, принадлежащаго обществу, 100 р. на постройку начальной школы». Насколько эта школа нужна, можно видѣть изъ мотива этого ходатайства. Общество пишетъ: «въ нашей деревнѣ Цырвѣ нѣтъ сельской школы, и дѣти наши растутъ совершенно безъ всякаго образованія, и общество не имѣетъ никакихъ доходныхъ статей, чтобы можно было построить домъ для школы, и односельцы наши въ крайне бѣдномъ положеніи, и нѣтъ средствъ устроить таковую, и только имѣется одинъ нашъ однообщественникъ малограмотный, и въ случаѣ его смерти, то даже нѣтъ кому расписаться на приговорѣ...» («Кіевлянинъ», 1897 г. № 71). Подумайте только: на все село одинъ, да и тотъ малограмотный! Всѣ приговоры подписываются однимъ, а сойдетъ онъ въ могилу—и «за безграмотныхъ» придется расписываться какому-нибудь спеціально для этого нанятому писцу!.. Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Распространеніе грамоты и просвѣщенія желательно со всякихъ точекъ зрѣнія. Можно быть увѣреннымъ, что земства далеко подвинутъ впередъ дѣло народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ. Производительность труда, развитіе промышленности встрѣчаютъ сильный тормозъ въ безграмотности населенія. И земства, въ своихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ облегчающія ростъ товарнаго производства, не пожалѣютъ средствъ для насажденія школъ. Многія изъ земствъ заговорили уже о всеобщемъ обученіи; заговорятъ о немъ и земства Юго-Западнаго края.

Мы привели данныя о народномъ образованіи, но возьмите дѣло народнаго здравія, и здѣсь вы встрѣтитесь съ тѣми же статистическими курьезами. По недавно опубликованнымъ центр. статистическ. комит. даннымъ, въ Европ. Россіи одинъ врачъ приходится на 8.920 жит.; между тѣмъ въ Юго-Западн. краѣ на одного врача приходится отъ 40 до 220 тысячъ! Послѣдняя цифра взята нами изъ доклада д-ра Левицкаго VI-му Пироговскому съѣзду врачей; въ немъ приведены еще кое-какія любопытныя свѣдѣнія. Обыкновенно на уѣздъ приходится 2 врача; слѣдствіемъ этого является сильное развитіе фельдшеризма: во врачебномъ участкѣ «отъ 0 до 11 фельдшеровъ», при чемъ большинство—ротные, полуграмотные. Врачи завалены канцелярщиной, перепиской; по увѣренію другого докладчика, г. Омельяновскаго, сельскому врачу приходится быть одновременно: «смотрителемъ больницы, коммиссаромъ, архитекторомъ, кассиромъ и, въ концѣ-концовъ, врачомъ и по всѣмъ этимъ спеціальностямъ за всѣмъ смотрѣть, наблюдать, все провѣрять и отвѣчать за всѣ неисправности или упущенія». Ко всему этому и средства отпускаются далеко не значительныя: въ Подольской губ. на

одного больного отпускается лѣкарствъ въ годъ на 2 коп., въ Волынской — на 3 к.

Смѣшно и говорить о той пользѣ, какую можетъ принести врачъ, имѣющій въ своемъ вѣденіи ½ уѣзда и въ распоряженіи 2—3 коп. на лѣкарство для больного. На послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ врачей много толковали на тему о желательной организаціи сельской медицины въ неземскихъ губ. Чего желаютъ врачи и что они признаютъ необходимымъ для правильной постановки дѣла народнаго здравія, можно видѣть изъ слѣдующей резолюціи, принятой съѣздомъ единогласно: «правильное поступательное движеніе сельской медицины возможно только при непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ мѣстнаго населенія и врачей. Въ отсутствіи самостоятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ заключается главная причина слабаго развитія и недостатокъ сельской медицины въ неземскихъ губ.». Нечего пояснять, что все это возможно только при превращеніи неземскихъ губерній въ земскія. Мы не будемъ здѣсь говорить о желательныхъ или нежелательныхъ мѣропріятіяхъ земствъ въ сферѣ экономической жизни Юго-Зап. края. Несомнѣнно, земства найдутъ точку опоры и будутъ дѣлать свое дѣло.

Въ исторіи нашего народнаго хозяйства земства во все время ихъ существованія употребляли усилія на облегченіе развитія товарно-капиталистическаго строя: ему они содѣйствовали обложеніемъ, заставляя «сельскихъ обывателей» для уплаты налоговъ продавать продукты труда или самый трудъ; ему же они облегчали работу, заботясь о дорожныхъ сооруженіяхъ, устраивая склады и музеи, банки и артели. Нѣтъ основаній предполагать, что въ Юго-Западн. краѣ дѣло будетъ обстоять иначе. Напротивъ, промышленная жизнь пойдетъ еще скорѣй, и тѣмъ устранятся тѣ неудобства, какія проистекаютъ отъ недоразвитія капитализма... Впрочемъ, для упрямыхъ читателей, которые все еще вѣрятъ въ миссію земствъ создать народное благополучіе, мы приводимъ цифры, указывающія на существующее пока неблагополучіе. Въ Кіевской, напр., губерніи на наличную душу приходится отъ 1 до 2 дес. удобной земли, что даетъ по 0,5—1 дес. на душу подъ ежегоднымъ посѣвомъ; *свыше 20% хозяйствъ, не имѣющихъ полевого надѣла, и изъ нихъ 8% не имѣющихъ въ томъ числѣ даже и усадьбъ.* Вообще же «въ средѣ наличнаго населенія (принимая во вниманіе и безземельныхъ) около 40% такихъ семей, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, должны считаться безусловно необезпеченными [1]). Не лучше обстоитъ дѣло и въ остальныхъ мѣстахъ края, такъ г. Личковъ говоритъ «*о неотложной необходимости* озаботиться, въ цѣляхъ государственно-экономическихъ и политическихъ, установленіемъ мѣръ къ поддержанію благосостоянія мѣстнаго сельскаго населенія». Эти факты служатъ показателемъ далеко подвинувшейся дифференціаціи сельскаго населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о силѣ того класса, который получитъ доступъ въ земскія учрежденія. И, конечно, онъ сумѣетъ постоять за себя на земскихъ собраніяхъ. Словомъ, отъ земскихъ учрежденій въ Юго-Западномъ краѣ

[1]) Личковъ. «Записка о положеніи и организаціи пересел. дѣла въ Юго-Зап. краѣ». К. 1894, стр. 2.

можно ожидать многаго, и въ этомъ смыслѣ необходимо признать введеніе ихъ неотложной необходимостью.

Земскія учрежденія, быть можетъ, внесутъ оживленіе и въ сѣрую жизнь столицы Юго-Зап. края. Кіевъ—«матерь русскихъ городовъ» только по своему историческому прошлому; настоящее же его говоритъ о томъ, что эта «матерь» мало чѣмъ отличается отъ своего многочисленнаго потомства. Есть у насъ университетъ, отъ этого городъ хотя и выигрываетъ въ матерьяльномъ отношеніи, но въ культурномъ, право, немного. Только съ настоящаго года профессоры рѣшились показать широкой публикѣ то, что хранится въ ихъ «храмѣ» и организовали цѣлый рядъ публичныхъ лекцій, отъ математики до наукъ общественныхъ. Но предметы лекцій, большею частью, не подходящіе для публики, ей ненужные; посѣщаются изъ нихъ преимущественно тѣ, которыхъ лектора обладаютъ ораторскимъ талантомъ и... пріятной наружностью. Есть у насъ, далѣе, литературно-артистическое общество. О немъ одно только положительно можно сказать: залъ его широко открывается для всякаго рода литературно-музыкальныхъ вечеровъ, да само оно часто устраиваетъ вечера и литературные, и музыкальные. Пока больше ничего; проистекаетъ ли это оттого, что «литераторовъ» въ Кіевѣ мало, или оттого, что общество существуетъ недолго—судить не беремся. Имѣется у насъ сельскохо-зяйственное общество. Оно зорко блюдетъ помѣщичьи интересы, организовало «земледѣльческій синдикатъ», а теперь дѣятельно приготовляется къ устраиваемой имъ выставкѣ, на которой намѣрено показать ростъ сельскаго хозяйства и промышленности въ Юго-Зап. краѣ.

Какъ видите, Кіеву похвалиться нечѣмъ; подобно прочимъ провинціальнымъ городамъ, онъ влачитъ довольно-таки скучное существованіе. Естественно, что взоръ наблюдателя готовъ успокоиться на «обществѣ грамотности», которое одно только преслѣдуетъ просвѣтительныя цѣли. Но и здѣсь нѣтъ желаннаго покоя. Кто бы могъ повѣрить, что «Кіевское общество грамотности» было два раза открыто? А между тѣмъ съ нимъ это случилось: въ 1882 г. оно было открыто съ разрѣшенія мин. внутр. дѣтъ, а въ 1894 вновь открыто... частнымъ лицомъ. Что общество дѣлало въ первые годы своего существованія, покрыто мракомъ неизвѣстности; одно дѣяніе его, впрочемъ, несомнѣнно: оно само себя похоронило. Было общество, а затѣмъ его не стало, и кіевляне успокоились не только надъ тѣмъ, что нѣтъ общества, но и надъ тѣмъ, что его никогда и не было. Это спокойствіе, быть можетъ, продолжалось бы до нашихъ дней, если бъ одинъ изъ ревнителей просвѣщенія не открылъ его. Какимъ образомъ это удалось ему, мы не знаемъ, но только кіевляне были поистинѣ удивлены, когда узнали, что въ Кіевѣ существуетъ общество грамотности. Разбудили предсѣдателя и секретаря, сколотили общее собраніе и общество воскресло. Впрочемъ, жизнь его началась только съ 1895 г., черезъ *13 лѣтъ послѣ утвержденія его устава*, когда предсѣдателемъ былъ избранъ генералъ А. И. Косичъ. Изъ первыхъ и наиболѣе крупныхъ начинаній воскреснувшаго общества слѣдуетъ отмѣтить проектъ изданія «народной» газеты. Программа и общій характеръ газеты были утверждены уже общимъ собраніемъ, но Совѣтъ призналъ по *обстоятельствамъ времени* преждевременнымъ возбуждать

ходатайство о разрѣшеніи народной газеты. Когда слухъ о намѣреніи общества издавать эту газету проникъ въ печать, къ обществу стали поступать просьбы о высылкѣ газеты. иные присылали даже подписную плату. Запросы приходили изъ Кавказа, Тверской, Пермской губ., а также изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Юго-Западн. края. Это показываетъ, насколько велика потребность народа въ книгѣ, просвѣщеніи, насколько быстро совершается наша общественная эволюція.

Взамѣнъ газеты, обществу представляется теперь возможность изданія книгъ для народнаго чтенія. Членъ общества С. В. Кульженко предложилъ обществу издавать народныя книги на свои средства съ тѣмъ, чтобы редакціонная часть дѣла находилась въ рукахъ общества. Послѣднее съ благодарностью приняло предложеніе г-на Кульженко, и въ настоящее время въ совѣтѣ общества обсуждаются подробности предполагаемаго изданія.

«Обстоятельства времени», остановившія изданіе газеты, вообще довольно сильно сказываются на дѣятельности общества. Задумало оно устроить книжные склады въ нѣкоторыхъ пунктахъ края, но административная процедура тянется уже съ 1-го мая 1896 года и неизвѣстно, чѣмъ разрѣшится; пока кіевскій губернаторъ разрѣшилъ склады для продажи учебныхъ пособій и книгъ для народнаго чтенія, одобренныхъ ученымъ комитетомъ м. п. пр.; общество не удовольствовалось таковымъ разрѣшеніемъ и ходатайствуетъ о правѣ открыть склады на общихъ основаніяхъ съ продажей всѣхъ книгъ, дозволенныхъ цензурой.

Почти то же происходитъ и съ воскресными школами: общество намѣрено ихъ открыть нѣсколько въ различныхъ центрахъ Кіева, населенныхъ преимущественно бѣднымъ людомъ. Одна школа уже открыта, но открыты ли будутъ другія—подвержено сомнѣнію. Насколько съ внѣшней стороны плохо обставлена жизнь общества, довольно ясно указываетъ отказъ А. И. Косича отъ званія предсѣдателя, прочитанный на общемъ собраніи 2 марта сего года. А. И. Косичъ пишетъ, что онъ «вслѣдствіе постоянно встрѣчаемыхъ обществомъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и затрудненій, независящихъ отъ легальныхъ, открытыхъ и безукоризненныхъ дѣйствій общества», признаетъ дѣятельность свою, какъ предсѣдателя, по занимаемому имъ положенію вообще неудобной и не достигающей цѣли, и потому отказывается отъ званія предсѣдателя.

Итакъ, обществу, должно быть, придется остаться при благихъ намѣреніяхъ. А, право, жаль! При низкомъ уровнѣ народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ общество грамотности могло бы сдѣлать не мало хорошаго и полезнаго.

С. Б.

Кіевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ПРОВИНЦІИ.

Журналъ «Хозяинъ» о русскомъ обществѣ. — Вопли и проекты г. Ярмонкина.— Призывы русскихъ аграріевъ къ объединенію.—Исчезновеніе патріархальнаго строя.— Становой-законодатель. —Оригинальный ревизоръ риго-орловской жел. дор. и желѣзно-дорожные порядки.—Просвѣтительныя учрежденія и «неблагопріятныя условія» мѣстной жизни.—Штатсъ-народникъ г. Гофштеттеръ.

По нѣкоторымъ соображеніямъ, я позволю себѣ начать свои провинціальныя обозрѣнія кое-какими цитатами изъ столичныхъ изданій. «Скоро ли Россія дождется разрѣшенія общественно-просвѣтительныхъ вопросовъ,—говорилъ недавно г. Земскій въ одномъ изъ нумеровъ журнала *Хозяинъ*,—сказать не рѣшаемся, но во всякомъ случаѣ оно произойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе русское *общество* перестанетъ убаюкивать себя ложными мечтами о томъ, что кто-либо, помимо его самого, можетъ пособить его горю». Г. Земскій затронулъ вопросъ, разрѣшеніе котораго въ ту или иную сторону волнуетъ одинаково и столичнаго, и провинціальнаго жителя Россіи. Но не правда ли, что указать рѣшеніе этого интереснаго вопроса въ той формѣ, въ какой это сдѣлалъ г. Земскій, значитъ не дать не только никакого его рѣшенія, но даже не сдѣлать къ тому никакой попытки? Всѣ упованія г. Земскаго возложены на «общество», къ которому онъ неоднократно обращался и обращается въ своихъ статьяхъ съ призывомъ къ самодѣятельности; но что понимать подъ «обществомъ»—остается совершенно темно. Члены или не члены «общества» всѣ нижеслѣдующія лица, яркую характеристику которыхъ даетъ тотъ же *Хозяинъ* въ одной изъ своихъ передовыхъ статей:

«Конечно, если представлять себѣ Россію въ видѣ тѣхъ лицъ, «кому живется весело, вольготно на Руси»,—говоритъ почтенный журналъ, если интересы всероссійскаго купечества, которое «все можетъ», отождествлять съ интересами самой Россіи, то, конечно, можно дойти до такого пессимизма, чтобы видѣть погибель страны оттого, что «людямъ особаго кредита» не все возможно.

«Но для насъ эти группы людей—не Россія.

«Мы не можемъ сочетать съ именемъ Россіи тѣ торговыя и промышленныя группы лицъ, которыми кишатъ притоны нижегородской ярмарки, петербургскіе кафе-шантаны и любое мѣсто въ обширномъ отечествѣ, гдѣ создается какое-либо горное или инженерное предпріятіе. Въ этихъ злачныхъ мѣстахъ деньги льются рѣкой; сотни тысячъ тратятся въ теченіе одной ночи, наполняя карманы кокотокъ, ресторатороръ и офиціантовъ, зараженныхъ тѣмъ же ядомъ безумныхъ тратъ даромъ доставшихся денегъ.

«За промышленникомъ и коммерсантомъ тянется чиновникъ, въ которомъ эти первые нуждаются и который, не желая отстать отъ своихъ богатыхъ сотоварищей, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы имѣть возможность, говоря прекрасныя слова, сводить концы своего бюджета съ концами.

«А рядомъ съ этими группами ютятся дѣльцы, «финансирующіе дѣла», т.-е. за уступку 30—50% чистой прибыли съ будущаго дѣла, проводящіе въ разныхъ сферахъ намѣченное дѣло до его биржевой котировки, послѣ которой у дѣльца и у лицъ, ему помогавшихъ, остается въ видѣ «авуара» половина всего дохода, а у мелкаго европейскаго капиталиста, пойманнаго на приманку временной аренды солиднаго финансоваго имени (конечно, за соотвѣтственную часть «авуара») остается не половина дохода, а половинный доходъ, который приходится въ видахъ «преуспѣванія россійской промышленности» повышать посредствомъ покровительственныхъ пошлинъ.

«За группою дѣльцовъ удивляютъ своимъ благосостояніемъ биржевики, коммерсанты-психологи, не имѣющіе не рѣдко другого товара, какъ ничего не стоющую бумагу, обращающуюся въ ихъ волшебныхъ рукахъ въ «цѣнности», уносящія въ нѣсколько дней милліоны изъ кармановъ бѣднѣющихъ тружениковъ, одурманенныхъ окружающей ихъ атмосферой легкой наживы.

«Перечисленныя группы составляютъ новую Россію, которая окрѣпла за послѣднія двадцать лѣтъ. Глядя на нихъ, хотя и приходится бояться за будущее, но никакъ не потому, что интересы массы земледѣльческаго населенія ведутъ ихъ къ неминуемой экономической катастрофѣ.

«Боязнь за будущее является только при мысли, что еще долго придется дышать этой зараженной атмосферой наплывающаго къ намъ буржуазнаго капитализма».

Картинку жизни, какъ видите, журналъ нарисовалъ весьма яркую, но на вопросъ, члены или не члены русскаго «общества» всѣ эти представители «новой Россіи», *Хозяинъ* опять-таки не даетъ никакого отвѣта и предоставляетъ читателю догадываться о томъ самому. По мнѣнію журнала, еще долго будемъ мы свидѣтелями наплывающаго къ намъ «буржуазнаго капитализма». Долго, но до какихъ же поръ? Одно изъ двухъ: или пока не найдутся силы, способныя остановить его движеніе, но тогда въ чемъ же онѣ состоятъ? (въ какихъ именно группахъ «общества» онѣ заключены), или до тѣхъ поръ, пока капитализмъ не совершитъ своей «исторической миссіи», т.-е. пока не проявится онъ у насъ не однѣми только мрачными, но и *свѣтлыми* своими сторонами.

Всю бѣду Россіи *Хозяинъ* видитъ въ промышленникахъ, коммерсантахъ, чиновникахъ, дѣльцахъ и прочихъ элементахъ «новой Россіи» и полагаетъ, очевидно, что въ нѣдрахъ Россіи старой находится налицо не мало силъ, способныхъ «повернуть колеса исторіи». Кромѣ перечисленныхъ *Хозяиномъ* соціальныхъ группъ, на нашей родинѣ имѣетъ еще извѣстное значеніе группа аграріевъ,—уже не въ ней ли то спасеніе, пришествія котораго чаетъ почтенный журналъ? Да, «нужды сельскаго хозяйства» очень и очень занимаютъ въ настоящее время вниманіе «общества», но какіе рецепты прописываютъ больному россійскому организму врачи-аграріи, объ этомъ можно найти не мало краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ въ столичной и провинціальной прессѣ. Только легче ли будетъ послѣ пріема прописываемыхъ аграріями лѣ-

карствъ «бѣднѣющимъ труженикамъ, одурманеннымъ окружающею ихъ атмосферою легкой наживы»? Аграріи, вѣдь это классъ особый, заявившей недавно въ Петербургѣ устами одного изъ своихъ крупнѣйшихъ представителей, что они де «не представители интересовъ извѣстной группы, а представители интересовъ всей Россіи», это классъ сидящій на землѣ и стремящійся осѣсть на ней,—разумѣется, «въ интересахъ всей Россіи»,—еще прочнѣе, классъ, съ языка котораго не сходятъ фразы «о меньшемъ братѣ», о «нуждахъ деревни», и потому долженствующій въ нашей странѣ, «если не исключительно, то по преимуществу земледѣльческой», стать на мѣсто «людей особаго кредита». Члены этого класса ужъ навѣрно члены «общества» и тутъ, вѣроятно, и заключены силы, способныя остановить движеніе «буржуазнаго капитализма» и повести Россію ко всеобщему благу не иначе, какъ своимъ «особымъ путемъ».

Предо мной изданная въ прошломъ году брошюра одного изъ такихъ аграріевъ, нѣкоего г. Ярмонкина, называющаяся «Письма изъ деревни». Голосъ, значитъ, изъ самыхъ что ни на есть «нѣдръ Россіи», голосъ ея «черноземныхъ» силъ, голосъ, къ которому мы, разумѣется, должны прислушиваться.

Пробѣгаю брошюру и на первыхъ же страницахъ наталкиваюсь на слѣдующее, полное лиризма, мѣсто:

«И теперь, когда я пишу это письмо, когда въ природѣ все такъ прекрасно и гармонично, мнѣ жаль, до глубины сердца жаль мужика. Мнѣ больно и за его бѣдность, и за его косность. Мнѣ больно, что человѣческій образъ низведенъ на степень животнаго... Я невольно пришелъ къ сознанію того, что счастье моей жизни, какъ и всякое индивидуальное счастье, заключается въ счастьѣ всѣхъ, и если я хочу получить личное счастье, то долженъ думать и заботиться о счастьѣ другихъ. Мнѣ представилась общая міровая душа, душа человѣчества, и мнѣ стало ясно, что и въ загробной жизни мы не обрѣтемъ спокойствія и счастья, пока будетъ существовать эта бѣдность и эта умственная и нравственная косность нашей меньшей братіи».

«Какой прекрасный человѣкъ этотъ г. Ярмонкинъ, — подумаетъ, конечно, всякій по прочтеніи этихъ строкъ,—какое у него отзывчивое сердце, какой философскій умъ, даже «міровую душу», «душу человѣчества» вспомнилъ онъ, глядя на бѣдность и косность нашего мужика».

Но далѣе этотъ философъ начинаетъ рисовать жизнь «нѣдръ Россіи», деревни, изъ которой онъ пишетъ свои письма, такими штрихами:

«Старики еще похожи на людей, но подрастающее поколѣніе приводитъ прямо въ ужасъ. Въ церкви изъ нихъ *никого* и *никогда* не увидите. Къ священнику не имѣютъ *абсолютно никакого* уваженія. Къ власти относятся *просто съ злобою*; къ праву собственности помѣщика—*хищнически и разбойнически*. Весь вопросъ *въ кнутѣ*, висящемъ надъ ихъ головою, и чѣмъ грознѣе этотъ кнутъ, тѣмъ они сдержаннѣе. Чуть только этотъ кнутъ ослабѣвается, сейчасъ же начинается распутство и всякія безобразія».

Въ изображеніи деревни нашъ философъ-аграрій совершенно схо-

дится съ описаніями многочисленныхъ корреспондентовъ *Гражданина*... Но что же тутъ удивительнаго?—извѣстно, что les beaux esprits se rencontrent. Въ чемъ же, однако, лежитъ причина такого ужаснаго положенія деревни? Да развѣ вы можете сомнѣваться въ этомъ, читатель?

Ясно въ чемъ, а если вы забыли, то г. Ярмонкинъ вамъ напомнитъ: *съ легкостью мысли, народу, совершенно не подготовленному къ свободѣ, мы дали таковую*...

Мысль эту подсказала г. Ярмонкину, разумѣется, «душа міра», «душа человѣчества»...

Идемъ, однако, дальше:

Г. Ярмонкинъ не только философъ и поэтъ-лирикъ (вѣдь, начало его брошюры настоящее «стихотвореніе въ прозѣ»), но и публицистъ, не только публицистъ, но и гражданинъ, и потому, какъ современный Мининъ, онъ восклицаетъ: «не все еще погибло, спасемъ отечество!»

И это еще не все: г. Ярмонкинъ не только гражданинъ, но и государственный мужъ, который тутъ же, въ коротенькой брошюркѣ, развиваетъ цѣлый законопроектъ спасенія отечества по слѣдующему рецепту:

1) Твердая власть земскихъ начальниковъ въ деревнѣ, для чего необходимо, чтобы сельскіе старосты не избирались міромъ, а назначались сими администраторами-судьями, естественными отцами и попечителями крестьянъ; «при каждомъ земскомъ начальникѣ должна быть канцелярія, состоящая изъ столькихъ волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ, сколько ихъ находится теперь».

2) Школы должны быть непремѣнно церковно-приходскія. Хозяйственная сторона школьнаго дѣла можетъ оставаться въ завѣдываніи земства (г. Ярмонкинъ, сверхъ всѣхъ своихъ достоинствъ, и человѣкъ весьма великодушный), но образовательная и воспитательная часть школы должна непремѣнно находиться исключительно въ рукахъ духовенства.

3) Крестьянская община подлежитъ уничтоженію.

Вотъ и все. Мало словъ, но «мысли» рѣченька, мысли рѣченька бездонная...

Откуда, однако, видно, что г. Ярмонкинъ имѣетъ честь принадлежать къ лагерю русскихъ аграріевъ?

Видно, читатель. Впрочемъ судите сами:

На стр. 9 своей брошюры г. Ярмонкинъ говоритъ: «если вы имѣете большое имѣніе *и въ особенности лѣсъ*, то ваше положеніе поистинѣ ужасно. Порубки и потравы. Законъ нашъ въ этомъ отомъ отношеніи слишкомъ слабъ и недостаточенъ логиченъ».

На стр. 18. «Теперь помѣщикъ, а въ особенности тотъ, кто владѣетъ *большимъ участкомъ лѣса*, находится, какъ на военномъ положеніи».

На стр. 22 (рѣчь идетъ о благодѣніяхъ отъ совмѣщенія въ лицѣ земскаго начальника функцій администратора и судьи): «Производится, напр., *порубка лѣса* цѣлой партіей воровъ... Только сильная власть можетъ обуздать безпримѣрно наглое нарушеніе правъ собственности и остановить потоки разврата».

Заинтересовавшись такимъ частымъ упоминаніемъ про лѣсъ, вы снова перелистываете брошюру и тутъ узнаете, что г. Ярмонкинъ пишетъ свои письма, «сидя въ своемъ имѣніи, Самарской губ., Бугульминскаго уѣзда, и около него недвижно стоитъ вѣковой лѣсъ, простирающійся на тысячу десятинъ». Тутъ вы понимаете, наконецъ, гдѣ лежитъ корень всей гражданской скорби г. Ярмонкина, всѣхъ его «прожектовъ», его выстраданнаго убѣжденія, что «личное счастье состоитъ въ томъ, чтобы дать счастье другимъ»... Не правда ли, мило?

И развѣ г. Ярмонкинъ исключеніе? Развѣ не жаловался на всякія утѣсненія дворянъ-землевладѣльцевъ... Вольно-экономическимъ обществомъ... г. Кошкаровъ? Развѣ не прославился такими же «ярмонкинскими» проектами спасенія отечества г. Лиліенфельдъ? Весьма характерно въ этомъ отношеніи также письмо «Одного изъ многихъ» (именно!), помѣщенное недавно въ *Новомъ Времени*. Говоря объ извѣстныхъ дебатахъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ по поводу цѣны на хлѣбъ, «Одинъ изъ многихъ» удивляется, что тамъ почти отсутствовали «голоса изъ сельско-хозяйственной среды». Были же тамъ вотъ кто:

«Юные «марксисты», статистики, которые «зеленое поле» видятъ развѣ только въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ,—ученые, отрѣшенные не только отъ сельско-хозяйственнаго міра, но и отъ всего, чѣмъ живетъ и чѣмъ волнуется наша сѣрая дѣйствительность, — чиновники, чувствующіе себя просвѣщенными и желающіе выдвинуться своими знаніями и талантами,—все это налицо въ Вольно-экономическомъ обществѣ; всѣ такіе элементы сознаютъ себя тамъ въ положеніи «хозяевъ» и всходятъ на каѳедру съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ убѣжденіемъ о великой важности своего участія въ обсужденіи вопросовъ, для нихъ лично совершенно индифферентныхъ. Но гдѣ же сельскіе хозяева? Ихъ голоса съ каѳедры Вольно-экономическаго общества почти не слышно».

«Впрочемъ,—говоритъ онъ далѣе,—тамъ и сямъ среди людей петербургскаго чиновничьяго облика мелькаютъ удрученныя фигуры, несомнѣнно принадлежащія къ сельско-хозяйственной средѣ. Они—помѣщики, они имѣютъ или даже сами ведутъ хозяйства и, конечно, отлично знаютъ, что означаютъ для нихъ дешевыя цѣны хлѣба или дорогая цѣна денегъ. Но они, по общему правилу, молчатъ, а если кто заговоритъ, то вы чувствуете, какъ онъ робѣетъ, какъ онъ старательно обходитъ суть вопроса, какъ онъ усиливается затушевать то, что составляетъ его дѣйствительный интересъ, но чего онъ прямо ни за что не назвалъ бы съ Вольно-экономической каѳедры своимъ собственнымъ интересомъ».

Для устраненія такого печальнаго положенія вещей, г. «Одинъ изъ многихъ» рекомендуетъ вѣрное средство:

«Если бы люди сельско-хозяйственной среды, вмѣсто того чтобы изображать «стыдливую мимозу» на вольно-экономическихъ дебатахъ, открыто и смѣло приняли брошенный имъ кабинетными людьми вызовъ и выяснили дѣйствитель-

ныя нужды и задачи нашего современнаго сельско-хозяйственнаго положенія. Рѣшать вопросы по требованію «общаго блага»—это задача правительства, и эта задача сводится прежде всего къ тому, чтобы между отдѣльными частными интересами существовала *необходимая гармонія и необходимое равновѣсіе*. Но для правильнаго установленія этой гармоніи и этого равновѣсія надо прежде всего въ точности знать суть и объемъ каждаго частнаго интереса. Вотъ почему важно, чтобы каждый частный интересъ могъ быть выясненъ, насколько это возможно».

Для этого же, въ свою очередь, необходимо создать въ Петербургѣ такое центральное учрежденіе, въ которомъ «среда была бы болѣе однородна», чѣмъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ, и гдѣ «люди могли бы чувствовать себя не во враждебномъ станѣ, подхватывающемъ каждое неудачное выраженіе или несущественную ошибку, а среди *своихъ*—товарищей въ счастьѣ и несчастьѣ».

Призывы къ организаціи, объединенію и сплоченію аграріевъ для спасенія отечества раздаются такимъ образомъ весьма настойчиво и, безъ сомнѣнія, скоро принесутъ свои плоды.

Само собою разумѣется, что вожделѣнія по части «упорядоченія» деревни и спасенія ея отъ всякаго рода распутства очень занимаютъ и многихъ аграріевъ, проживающихъ въ провинціи. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ внесенный на съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ Проскуровѣ докладъ нѣкоего г. Щеглятьева о современномъ положеніи деревни.

«По словамъ г. Щеглятьева,—говоритъ газета *Волынь*,—крестьяне потеряли совѣсть, лгутъ, цѣлуя крестъ и евангеліе, не питаютъ никакого уваженія къ чужой собственности, лѣнивы, праздны, «какъ голодные волки на дорогу идутъ на добычу къ землевладѣльцу, нанимаясь на работу», и проч. Однимъ словомъ, народъ сплошь состоитъ изъ мошенниковъ, грабителей, воровъ и клятвопреступниковъ и проч. Г. Щеглятьевъ взвелъ на народъ обвиненіе во всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, какіе только совершаются на свѣтѣ. И среди членовъ съѣзда нашлись *только двое*, протестовавшихъ противъ этой, по выраженію г. Ревы, «сплошной злобной клеветы на народъ». Остальные съ восторгомъ приняли докладъ и громкими рукоплесканіями наградили докладчика».

Правда, на другой день, по словамъ той же газеты, нѣкоторые члены съѣзда заявили, что они «дѣйствовали подъ вліяніемъ необдуманности, увлеченные недурнымъ литературнымъ изложеніемъ доклада», но фактъ остается фактомъ. Что же касается до самого г. Щеглятьева, то, находясь «въ болѣе однородной», чѣмъ Вольно-экономическое общество, средѣ, онъ показалъ, какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы не навлечь на себя отъ «своихъ» же упрековъ въ изображеніи собою «стыдливой мимозы».

И рать аграріевъ растетъ: г. «Одинъ изъ многихъ» въ Петербургѣ, г. Ярмонкинъ въ Самарской губ., г. Щеглятьевъ въ Проскуровѣ, всѣ эти родные по духу люди найдутъ другъ друга, объединятся, и тогда-то начнутъ раздаваться голоса изъ настоящаго, а не зараженнаго атмосферою «буржуазнаго капитализма» русскаго «общества». Время

это не за горами, ибо уже coming events cast their shadows before [1])...

Но что же такое эта русская деревня, при изображеніи которой не щадятъ самыхъ разнообразныхъ красокъ гг. Мещерскіе, Ярмонкины, Щеглятьевы и многіе другіе. Неужели въ словахъ всѣхъ этихъ господъ нѣтъ ни капли правды? Нѣтъ, зачѣмъ же: кое-что они подмѣтили и вѣрное, но только, во-первыхъ, не дали себѣ никакого отчета въ причинахъ того, что происходитъ въ деревнѣ, и, во-вторыхъ, со страха чрезмѣрно сгустили, разумѣется, краски. Утвержденіе аграріевъ, что деревня совершенно измѣнила свою физіономію за послѣдніе годы, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Милый сердцу аграріевъ патріархальный строй исчезаетъ, это тоже фактъ, но только происходитъ это не отъ отсутствія въ деревнѣ «твердой власти» и не вслѣдствіе наущеній «либераловъ», а по причинамъ чисто экономическаго характера. Конечно, русская деревня въ огромномъ большинствѣ случаевъ еще и теперь совершенно некультурна, крайне бѣдна и въ высшей степени темна, но она не стоитъ на мѣстѣ. На фонѣ этой темноты и невѣжества нерѣдко вырисовываются въ ней самые мрачные узоры и разыгрываются чисто средневѣковыя сцены, но рядомъ съ тѣмъ идетъ и глухая, незамѣтная, но упорная работа капитализма въ сторону патріархальнаго строя, разложенія и выведенія русскихъ людей изъ ихъ темныхъ норъ на свѣтъ Божій.

Наши охранители не могутъ, напр., взять въ толкъ, откуда это явилось у крестьянъ обнаруживающееся то тамъ, то здѣсь проявленіе чувства собственнаго достоинства, желаніе «смѣть свое сужденіе имѣть», потребность учиться и т. д., и они начинаютъ вопить противъ «развращенія народа либералами». Что можетъ быть, напр., болѣе патріархально, чѣмъ право «старичковъ» постегать своего однодеревенца въ волостномъ правленіи за ту или иную провинность, а между тѣмъ этотъ варварскій пережитокъ крѣпостничества приводитъ нерѣдко къ послѣдствіямъ, удивительнымъ одинаково и для деревенскихъ «старичковъ», и для городскихъ «охранителей».

Мелитопольскій корреспондентъ газеты *Крымъ* разсказывалъ, напр., не такъ давно про слѣдующій фактъ:

«Сущность дѣла при рѣшеніи котораго онъ присутствовалъ, самая обыкновенная: семейная неурядица, разладъ невѣстки съ своею свекровью, вмѣшательство въ ссору мужа первой и т. п. Подсудимый призналъ себя виновнымъ въ обидѣ на словахъ матери въ состояніи раздраженія, раскаивался въ своемъ проступкѣ, кланялся ей въ ноги и просилъ прощенія. Обиженная мать не захотѣла простить сына. Судъ удалился въ совѣщательную комнату и постановилъ обвинительный приговоръ, которымъ подсудимый былъ приговоренъ къ двадцати ударамъ розогъ. Я пристально всматривался въ его лицо при чтеніи резолюціи и помню, какъ онъ поблѣднѣлъ при словѣ «розга»... Нѣсколько секундъ онъ стоялъ съ открытымъ отъ удивленія ртомъ и какъ будто не вѣрилъ тому, что слышалъ собственными ушами. Еще нѣсколько секундъ онъ, повидимому, что-

[1]) «Грядущія событія бросаютъ уже свою тѣнь на настоящее».

то соображалъ и, наконецъ, обратившись къ судьямъ, сказалъ: *лучше бы вы, господа старики, порѣшили мою голову, чѣмъ переносить мнѣ такой стыдъ*».

«Стыдъ» розги, что равносильно, разумѣется, пробудившемуся чувству собственнаго достоинства, вотъ то новое, что замѣчается нынѣ въ жизни деревни въ психическомъ складѣ ея обитателей. Неизвѣстно, что сталось впослѣдствіи съ наказаннымъ въ Мелитополѣ парнемъ, но другую еще болѣе потрясающую сцену разсказываетъ объ этомъ же предметѣ газета *Волынь*:

«Въ селѣ Столповѣ, Житомирскаго уѣзда, проживали крестьянинъ Никифоръ Соплякъ, человѣкъ молодой, 25 лѣтъ, и его жена Маріанна. Жили они такъ, какъ живутъ почти всѣ мужицкія семьи,—безъ особаго разлада, но и не какъ голубки. Но вотъ послѣдній годъ Маріанна стала жаловаться сосѣдямъ на охлажденіе къ ней мужа. Сосѣди посовѣтовали обратиться въ волость. Маріанна послѣдовала совѣту и пожаловалась старостѣ. Староста Лука Марчукъ, руководясь ему одному извѣстными соображеніями, о которыхъ ему придется давать объясненіе на судѣ, порѣшилъ, что онъ самолично сдѣлаетъ строптивому мужу надлежащее «внушеніе». Съ этой цѣлью староста, взявъ съ собой одного сотскаго и 7 мѣстныхъ крестьянъ, отправился съ ними въ домъ Сопляка и объявилъ ему, что онъ, староста, находитъ нужнымъ подвергнуть его наказанію розгами, числомъ 15. Тотъ вначалѣ принялъ это за простое желаніе припугнуть его, такъ какъ розгами обыкновенно наказываютъ въ волости, по приговору «стариковъ». Но Марчукъ тутъ же на мѣстѣ доказалъ ему, что съ нимъ не шутятъ. Отчаянное сопротивленіе Сопляка ограничило, однако, экзекуцію всего двумя ударами. Но съ этого дня Соплякъ затосковалъ, сталъ пропадать изъ дому и вообще проявлять признаки крайне угнетеннаго состоянія. Надняхъ Соплякъ забрался во дворъ своего брата Адама и сдѣлалъ попытку повѣситься, но братъ во-время замѣтилъ это и предотвратилъ самоубійство. Черезъ нѣсколько дней, однако, Соплякъ *улучилъ удобную минуту и повѣсился въ собственной хатѣ*.

Кто слѣдитъ за газетами, тотъ знаетъ какое количество такихъ мрачныхъ трагедій разыгрывается въ нашихъ деревняхъ, въ особенности за послѣдніе годы. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе «преданьемъ старины глубокой» крѣпостныя времена, когда розга являлась необходимымъ атрибутомъ тогдашняго уклада жизни, требовавшаго для «обузданія» крестьянина тѣхъ самыхъ средствъ, которыми «обуздывается» рабочій скотъ. Но съ 1861 года выросло цѣлое поколѣніе крестьянъ, знающее про ужасы крѣпостнаго права только по наслышкѣ (замѣтьте, что осужденный въ Мелитополѣ былъ парнемъ совсѣмъ молодымъ, а покончившему съ собой Сопляку было всего *двадцать пять лѣтъ*). У поколѣнія этого, въ зависимости отъ происшедшихъ въ деревнѣ перемѣнъ, не могли, разумѣется не измѣниться и самыя воззрѣнія на жизнь. Этими фактами пробужденія самосознанія въ деревнѣ я и ограничусь, хотя могъ бы привести еще не мало иллюстрацій на ту же тему.

Въ послѣднее время, въ виду пересмотра положенія о крестья-

нахъ, печать много говорила о всесословной волости. Безспорно, что такая форма самоуправляющейся сельской единицы явилась бы при настоящихъ условіяхъ наиболѣе желательною, ибо при существованіи ея не было бы того простора для черезчуръ ужъ безцеремонныхъ отношеній со стороны власть имущихъ къ «меньшому брату», которыми полны лѣтописи нашей жизни. Что сказать, напр., о слѣдующемъ, приведенномъ дословно въ газетѣ *Пріазовскій Край*, циркулярѣ?

«Областное правленіе, разсмотрѣвъ заявленіе таганрогскаго окружнаго начальника о томъ, что въ юртѣ ст. Ново-Николаевской *образовалось нѣсколько хуторовъ*, выстроенныхъ на казачьихъ земляхъ безъ надлежащаго разрѣшенія правительства, и что большинство поселившихся въ хуторахъ—лица невойскового сословія, при чемъ при нѣкоторыхъ хуторахъ *имѣются даже сады, рощи*, одинъ же изъ нихъ пріобрѣтенъ въ собственность еще до образованія станицы, и что вслѣдствіе этого въ хуторахъ, разбросанныхъ безъ всякой системы, очень трудно учредить какой-нибудь полицейскій надзоръ за порядкомъ и безопасностью жителей, благодаря чему тамъ не мало скрывается бродягъ, воровъ и всякихъ подозрительныхъ лицъ,—постановило: *снести всѣ указанные хутора*».

Такимъ образомъ, способъ, посредствомъ котораго Александръ Македонскій распуталъ Гордіевъ узелъ, у насъ еще въ полномъ ходу... «Циркуляръ» написанъ и безъ сомнѣнія приведенъ въ исполненіе, а что будетъ съ живыми существами, жившими во «всѣхъ означенныхъ хуторахъ» не мало времени, кому же какое до этого дѣло... Писать «циркуляры», превосходящіе своимъ содержаніемъ и формою всѣ щедринскія пародіи, у насъ много мастеровъ. И кто только ихъ не пишетъ! *Сѣверный Кавказъ* приводитъ, напр., слѣдующій, казалось бы, невѣроятный циркуляръ одного изъ ставропольскихъ становыхъ приставовъ къ подчиненнымъ ему лицамъ:

«Проѣзжая неоднократно по ввѣренному мнѣ стану,—гласитъ циркуляръ,—я замѣтилъ абсолютное отсутствіе всѣхъ правилъ приличій и вѣжливости въ отношеніи начальника не только у большинства сотскихъ и десятскихъ, но, къ сожалѣнію, и у нѣкоторыхъ полицейскихъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Отсюда, очевидно, явствуетъ, какія правила приличія, вѣжливости и обращенія могутъ служить у названныхъ лицъ въ отношеніи къ жителямъ своей части, разъ они не умѣютъ держать себя передъ своимъ начальникомъ».

Перечисливши затѣмъ нѣсколько случаевъ «неумѣлаго держанія себя передъ начальствомъ», циркуляръ предписываетъ неуклонно выполнять слѣдующее:

«1) передъ начальствомъ должно стоять безъ палки, прилично, не закладывая руки въ карманы, а также не держать ихъ назади, но имѣть ихъ прилично опущенными внизъ, при разговорѣ съ начальствомъ не употреблять никакихъ жестовъ и размахиваній; 2) ноги должны быть вмѣстѣ, но не разводить ихъ на полтора аршина въ стороны; стоять же слѣдуетъ не бокомъ или спиною къ начальнику, а прямо лицомъ къ лицу; 3) если понадобится высморкаться, то исполнять сіе въ сторону, но не въ лицо начальнику и приличнымъ установленнымъ способомъ, т.-е. платкомъ; на всѣ вопросы начальника отвѣчать не грубо, но вѣжливо: «чего изволите?» или «что угодно?», а не «чаго-га, го» и т. п., послѣ же каждаго отвѣта добавлять титулъ начальника; 4) неумѣстныхъ словъ и

выраженій не допускать; 5) волостнымъ старшинамъ являться къ начальству всегда съ присвоеннымъ знакомъ и чисто одѣтымъ; 6) дабы не вызвать служебнаго подрыва, всякое неуваженіе, неприличное и невѣжливое обращеніе къ начальству или къ старшимъ со стороны подчиненныхъ не должно быть допускаемо; 7) съ жителями обращаться прилично, вѣжливо, гуманно, а самое главное терпѣливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выходя изъ рамки законнаго требованія; 8) не лишне также внушить жителямъ ввѣреннаго мнѣ стана, чтобы они при всякаго рода встрѣчахъ и гдѣ бы то ни было оказывали другъ другу почтеніе и уваженіе, т.-е. раскланивались бы, при чемъ младшій предупреждаетъ старшаго».

Пришло ли бы въ голову становому приставу читать подобныя нотаціи въ своихъ циркулярахъ жителямъ «ввѣреннаго ему стана», если бы волость у насъ была всесословная, если бы на ряду съ «мужичьемъ сиволапымъ» въ составъ ея входили и «благородные люди?» Съ мужикомъ же что перемониться!

Въ прошломъ году г. екатеринославскій губернаторъ предупредилъ земскихъ начальниковъ «ввѣренной ему губерніи», чтобы они не особо ретиво преслѣдовали мужиковъ, въ случаѣ если послѣдніе не снимутъ передъ ними при встрѣчѣ шапокъ, такъ какъ это еще не Богъ вѣсть какое преступленіе. Такое внушеніе екатеринославскаго губернатора земскимъ начальникамъ князь Мещерскій назвалъ въ своемъ «*Гражданинѣ*» «бомбою, взорвавшеюся въ Екатеринославской губерніи», и провидѣлъ отъ него чуть ли не революцію.

«По всему строю нашей жизни,—писалъ онъ,—крестьянинъ *обязанъ* снимать шапку передъ земскимъ начальникомъ; земскій начальникъ не только въ правѣ, но *обязанъ* этого требовать; слѣдовательно доказывать, что земскій начальникъ не имѣетъ права взыскивать съ крестьянина за явное проявленіе къ его личности служебной публичнаго неуваженія могутъ только тѣ, которые желаютъ именно унизить и дискретировать это учрежденіе въ глазахъ крестьянъ».

Вопросъ этотъ для жителей «провинціи», т.-е. для милліоновъ ея населенія, вопросъ не маловажный. Гдѣ, въ какомъ законѣ нашелъ издатель «*Гражданина*» такую «обязанность» для крестьянъ? И что значитъ выраженіе «по всему строю нашей жизни»? Въ законѣ прямо сказано, напр., что нижніе чины, при встрѣчѣ съ офицерами, *обязаны* отдавать имъ честь прикладываніемъ руки къ головному убору; спрашивается, какимъ *закономъ* предписывается что-либо подобное для крестьянъ по отношенію къ земскимъ начальникамъ, становымъ приставамъ и т. п. лицамъ? Положимъ, князь Мещерскій не признаетъ «законности» совмѣстимою съ самыми основами нашего строя, и спорить тутъ съ нимъ нельзя, но вопросъ все-таки остается вопросомъ. Ставропольскій становой приставъ, проникшись, очевидно, идеями сіятельнаго публициста, захотѣлъ быть plus royaliste que le roi même и приказалъ «внушить» жителямъ ввѣреннаго ему стана, для поддержанія порядка и дисциплины, разумѣется, чтобы и всѣ частныя лица при встрѣчахъ раскланивались другъ съ другомъ, при чемъ «младшіе предупреждали старшихъ». Становой приставъ забылъ только приказать, чтобы во избѣжаніе недоразумѣній у каждаго жителя было

обозначено какимъ-либо способомъ на шапкѣ, сколько именно ему лѣтъ. «По всему строю нашей жизни» какъ-то выходитъ такъ, что самая мелкая сошка, почувствовавши себя «начальствомъ», разразится прежде всего «циркуляромъ» по части «чинопочитанія». Ревизоръ одного изъ участковъ службы движенія на риго-орловской желѣзной дорогѣ счелъ своею обязанностью, какъ сообщаетъ «*Смоленскій Вѣстникъ*», обратиться также къ своимъ подчиненнымъ на тему чинопочитанія:

«Предлагаю всѣмъ главнымъ и младшимъ кондукторамъ такого-то участка,—пишетъ грозное начальство,—всегда быть опрятно одѣтыми во всѣхъ отношеніяхъ (le style c'est l'homme! — гласитъ французская пословица) и содержать форменное платье въ совершенной чистотѣ и исправности, а пояса одѣвать сверхъ пальто, если таковое одѣто. При встрѣчѣ со старшими или начальствомъ слѣдуетъ отдавать честь по-военному, прикладывая руку къ головному убору, не наклоняя головы, и держать въ это время локоть на высотѣ плеча, откинувъ руку назадъ, чтобы она была въ одной плоскости съ грудью. При докладѣ начальству или разговорѣ отвѣчать бойко, смѣло и коротко, смотрѣть начальству прямо въ глаза, не размахивать руками и не держать ихъ по карманамъ и т. д.».

Изъ этого ревизора могъ бы выйти очень недурной строевой фельдфебель, — такого таланта у него отнять нельзя,— но зачѣмъ же не служитъ онъ тамъ, «куда влечетъ его свободный умъ»?.. Или, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, низшій желѣзнодорожный персоналъ на риго-орловской и сопредѣльныхъ съ нею желѣзныхъ дорогахъ до того возмутительно распущенъ, что безъ примѣненія къ нему мѣръ благодѣтельной строгости ничего съ нимъ не подѣлаешь? Должно быть, такъ, ибо, иначе, чѣмъ же другимъ объясните вы нижеслѣдующую замѣтку въ «мѣстной хроникѣ» «*Орловскаго Вѣстника*»?

«Вотъ вамъ недурная характеристика порядковъ на юго-восточныхъ дорогахъ: въ депо ст. Орелъ каждую субботу вывѣшивается объявленіе о штрафахъ и вотъ въ послѣднюю субботу на стѣнѣ красовался списокъ оштрафованныхъ лицъ, который мы и приводимъ здѣсь поименно: Ю—ко и. д. машиниста—1 руб., П—ль маш.—5 р., П—ль маш.—25 к., В—дъ маш.—2 руб., В—дъ 2 р., А—въ маш.—2 руб., П—ль 2 р., П—ль маш.—2 руб., С—не—2 р., С—не—50 к., О—въ маш.—2 р., Б—въ—50 к., П—въ маш. 50 коп., М—въ и. д. маш.—50 к., Н—въ и. д. маш.—1 р., С—нъ и. д. маш.—50 к., П—ль маш.—1 руб., Р—ій пом. маш.—50 к., Н—нъ и. д. маш.—2 р., Р—въ пом. маш.—2 р., Юр—ко и. д. маш.—2 руб., П—ль 5 руб., Г—въ маш.—2 руб., П—ль маш. 50 коп., Г—въ маш.—3 р., Г—въ—5 р., С—не маш.—3 р., Н—нъ, и. д. маш.—1 р., С—не—1 р. 50 к., Р—чъ маш.—3 руб., Р—ій и. д. маш.—1 р., К—въ и. д. маш.—2 р., П—въ маш.—3 р., Гр—въ маш.—3 руб., О—въ и. д. маш.—2 руб., Б—въ маш.—2 руб. К—въ и. д. маш.—50 к., Ю—ко—3 руб. Кромѣ того оштрафовано 11 человѣкъ по донесенію начальника депо Верховья. Вы, конечно, читатель, недоумѣваете и зададите вопросъ: за какой промежутокъ времени выставлены эти внушительныя цифры? Представьте себѣ, что это только за одну недѣлю. Правду сказать, не имѣй мы офиціальнаго документа въ рукахъ, подтверждающаго все сказанное выше, мы никогда не повѣрили бы этому—вѣдь при такихъ порядкахъ начальнику депо не остается больше ни на что времени, кромѣ вписыванія и записыванія штрафовъ машинистамъ и ихъ помощникамъ, служащимъ на ю.-в. дорогахъ».

*

Итакъ, не считая одиннадцати случаевъ наложенія штрафовъ, по донесенію начальника депо Верховья, на одной только станціи «Орелъ» за одну только недѣлю и одни только машинисты и ихъ помощники оштрафованы *тридцать восемь* разъ на сумму *семьдесятъ одинъ рубль семьдесятъ пять копѣекъ*. Недурная прибавка къ «прибавочной стоимости!» Дальнѣйшій анализъ приведенной орловской газетой картинки показываетъ слѣдующее: наложены штрафы тридцать восемь разъ, но это не значитъ еще, чтобы и оштрафовано было тридцать восемь лицъ. Вовсе нѣтъ: въ спискѣ фигурируетъ, напр., машинистъ П—ль, который оштрафованъ въ теченіе недѣли *семь* разъ (ровно по разу въ сутки!); штрафовали его въ предѣлахъ отъ 25 копѣекъ до 5 рублей, что въ суммѣ составило 15 р. 75 коп. или въ среднемъ онъ платилъ штрафовъ по 2 р. 25 коп. въ день... Злодѣй, вѣроятно, этотъ машинистъ!

— Ничего не подѣлаешь!—скажетъ орловское начальство всякихъ родовъ:—народъ-то у насъ настоящій аспидъ, испьянствовался весь, знать ничего не хочетъ!

Возраженіе резонное!

Посмотримъ теперь, что дѣлаютъ мѣстныя просвѣтительныя учрежденія. Обратимся для этого къ лежащему передо мной послѣднему отчету существующаго въ Орлѣ комитета народныхъ чтеній. Отчетъ этотъ начинается такими, знакомыми всѣмъ нашимъ общественнымъ учрежденіямъ, словами:

«Восьмой годъ существованія комитета народныхъ чтеній не принесъ новаго расширенія рамокъ дѣятельности комитета; весь годъ ушелъ на борьбу съ неблагопріятными условіями мѣстной жизни, не позволившими привести въ исполненіе задуманныхъ плановъ и наполовину».

Дѣятельность комитета весьма разнообразна и обнимаетъ собою существующія въ Орлѣ народныя чтенія, тургеневскую читальню, книжный складъ, тюремныя и больничныя библіотеки; сверхъ того, комитетъ устраивалъ общедоступные вечера и утра, праздники для бѣдныхъ дѣтей, учредилъ различнаго рода комиссіи—для изысканія средствъ на постройку собственнаго зданія, для безплатной разсылки книгъ, для устройства филіальныхъ отдѣленій комитета и т. д. Почти во всѣхъ этихъ начинаніяхъ комитетъ сталкивался съ тѣми «неблагопріятными условіями мѣстной жизни», о которыхъ упомянулъ онъ въ началѣ своего отчета. Говоря о тургеневской читальнѣ, комитетъ выражаетъ надежду, что «неблагопріятные и ложные слухи, которые въ прошломъ году распускались досужими обывателями на ея счетъ, умолкнутъ сами собой и что тургеневская читальня своею лойяльною дѣятельностью въ концѣ концовъ закроетъ рты охотникамъ до всякихъ инсинуацій». Въ отчетѣ о народныхъ чтеніяхъ находится такое мѣсто:

«Большой недостатокъ лекторовъ побудилъ комитетъ просить г. губернатора разрѣшить новый списокъ лекторовъ. Списокъ былъ представленъ *22 октября 1894 года*, но разрѣшенія еще не получено». (Цитируемый отчетъ вышелъ въ концѣ 1896 года).

Отчетъ о книжномъ складѣ, между прочимъ, гласитъ:

«Неблагопріятныя условія, въ которыхъ находился комитетъ, всего сильнѣе проявились на дѣятельности книжнаго склада. Стремясь въ послѣдней къ проведенію въ жизнь тѣхъ началъ, которыя были преподаны комитетомъ, складъ встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій, въ значительной степени затормозившихъ его дальнѣйшее развитіе. Увеличеніе числа отдѣленій въ уѣздахъ, учрежденіе небольшихъ лавочекъ на базарахъ въ городахъ, — все это не могло осуществиться по независящимъ обстоятельствамъ. Существующія отдѣленія не могли правильно функціонировать въ теченіе пяти мѣсяцевъ, и два изъ нихъ пришлось закрыть».

Развиваться дѣятельности комитета мѣшали не одни только чисто «мѣстныя условія»:

«По примѣру прежнихъ лѣтъ,—читаемъ мы въ отчетѣ,—комитетъ помогалъ, насколько это являлось возможнымъ, тѣмъ, которые желали открыть народныя чтенія. Но и здѣсь комитетъ постигла неудача. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ увѣдомило комитетъ, что оно не находитъ возможнымъ дозволить учителю Ватковскому (объ энергичной дѣятельности этого учителя на пользу просвѣщенія комитетъ подробно разсказывалъ въ предыдущемъ отчетѣ) чтеніе крестьянамъ лекцій по сельскому хозяйству, читая таковыя по книгамъ, одобреннымъ министерствомъ земледѣлія».

Таковы условія, въ которыя поставлена «общественно-просвѣтительная работа нашихъ частныхъ учрежденій, направленныхъ на удовлетвореніе насущнѣйшихъ нуждъ народнаго просвѣщенія, и что же удивительнаго, если одни изъ дѣятелей этого рода безпомощно опускаютъ руки («все равно ничего не подѣлаешь»!), другіе, приспособляясь всевозможными способами къ обстановкѣ, въ которой приходится работать, успокоиваютъ себя извѣстными соображеніями о значеніи «малыхъ дѣлъ» и о томъ, что «наше время—не время широкихъ задачъ».

Для иллюстраціи обстановки, при которой приходится дѣлать даже эти «малыя дѣла», приведемъ слѣдующую «обыкновенную исторію», которую разсказываетъ *Саратовскій Дневникъ* въ одномъ изъ своихъ недавнихъ нумеровъ:

«Въ с. Чигонакѣ, Балашовскаго уѣзда, нашлись добрые люди, которые общими силами купили волшебный фонарь, обзавелись картинами, а инспекторъ народныхъ училищъ выслалъ книгъ для чтенія. По праздникамъ стали устраивать чтенія главнымъ образомъ для учениковъ, но не отгоняли и взрослыхъ...

Взрослые сперва заглядывали туда изъ простого любопытства, а затѣмъ и стали толпиться у школы еще задолго до начала чтеній. Словомъ—дѣло наладилось но... нашелся «злой геній», которому не по душѣ пришлись благія начинанія, и началъ онъ «по нивѣ молодой кропить мертвящею водою, нашептывать проклятія слова»...

Скоро взбаломутилось наше мирное болото и заходили по селу тревожные толки: «книги-то намъ читаютъ бѣсовскія; вишь, народился такой набольшій, самый что-ни-на-есть *толстый* (Толстой, графъ), который, слышь, нарочно проклятыя книжки въ народъ пущаетъ; а пущаетъ онъ ихъ не просто, а изъ-подъ полы и брать тѣ книжки можно только подъ полой (подпольныя изданія) и въ книжкахъ тѣхъ зараза: какъ кое возьмешь, сейчасъ «тебя холера, а то чума и сцапаетъ» (вѣроятно, намекъ на вредъ отъ ученія Толстого). Такъ калякаютъ наши мужички и... Понятно, чтенія прекратились, а кабакъ восторжествовалъ: туда ходить можно, тамъ нѣтъ заразы, нѣтъ вреда, холера не сцапаетъ»...

«Злой геній» такимъ образомъ восторжествовалъ, а какъ себя чувствовали при этомъ «добрые люди», взявшіеся за рѣшеніе «общественно-просвѣтительныхъ задачъ» въ Балашовскомъ уѣздѣ, объ этомъ саратовская газета никакихъ свѣдѣній не даетъ.

Совершенно такое же сообщеніе было доставлено намъ изъ Гжатскаго уѣзда Смоленской губерніи. Въ сообщеніи этомъ говорилось «о непонятномъ и упорномъ преслѣдованіи сельской библіотеки, открытой въ одномъ изъ селъ Гжатскаго уѣзда при волостномъ правленіи и встрѣченной населеніемъ весьма сочувственно (крестьяне постановили вносить въ пользу библіотеки отъ 5 до 10 коп. съ души),—и лицомъ, которое по своему положенію въ приходѣ должно бы особенно привѣтствовать новое учрежденіе». «Лицо это, — говорилось далѣе въ сообщеніи,—при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, даже въ церкви съ амвона, убѣждаетъ крестьянъ бросить читать и не брать книгъ изъ сказанной библіотеки. Эти проповѣди противъ библіотеки и вообще свѣтской печати начинаютъ уже, къ сожалѣнію, приносить печальные плоды: крестьяне мало-по-малу проникаются мыслью о грѣховности чтенія книгъ, колеблются,—нужно ли платить пятачки и гривенники и т. д.». «Будетъ очень грустно,—говоритъ авторъ въ заключеніе,—если неокрѣпшая еще и при томъ единственная въ нашемъ околоткѣ библіотека отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть».

Но, это еще далеко не апогей, до котораго достигаютъ препятствія, встрѣчающіеся на пути «работниковъ на нивѣ народной»: балашовскіе и гжатскіе работники имѣютъ предъ своими глазами въ качествѣ враговъ лицъ, принадлежащихъ къ иной, нежели они сами средѣ, а вѣдь бываетъ и такъ, что враги эти кость отъ кости и плоть отъ плоти того самого архи-культурнаго «общества», на которое близорукіе люди возлагаютъ столько фантастическихъ надеждъ. Всѣмъ еще, вѣроятно, памятно, какъ въ Тамбовѣ сами дѣятели мѣстнаго общества народныхъ чтеній въ лицѣ господъ Муравьева, Батманова, Протасова, Красныхъ, Ильченко и прочихъ тамбовскихъ «культурныхъ людей» требовали изъятія изъ обращенія пропущенныхъ всѣми цензурами брошюръ о Сократѣ и басенъ Крылова по ихъ «неблагонамѣренности» и сочиненій В. Г. Короленко, вслѣдствіе того, что послѣдній, какъ заявилъ г. Ильченко, «находится не въ чести у министерства». Инцидентъ этотъ былъ подробно разсказанъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* въ то время, когда газета эта не была еще на столько «независима» отъ вѣрнаго отраженія жизни, какъ въ періодъ нашествія въ нее, по мановенію руки г. Независимаго, всякихъ quasi-«свѣтлыхъ явленій».

Въ газетѣ *Приазовскій Край* нѣкто Ф. Р—овъ въ статейкѣ, озаглавленный «о книгахъ для народа» разсказываетъ также весьма недурный фактъ изъ жизни Таганрога:

«До 1889 года книжная торговля въ Таганрогскомъ округѣ находилась почти исключительно въ рукахъ лубочниковъ. Въ 1889 году начальникъ округа ген. Хрещатицкій задумалъ дать крестьянамъ настоящую хорошую книжку и съ этою цѣлью устроилъ при окружномъ распорядительномъ по земскимъ дѣламъ комитетѣ книжный складъ, а при сельскихъ школахъ округа—небольшія книжныя лавочки. Книжной торговлей черезъ посредство сельскихъ школъ ген. Хрещатицкій разсчитывалъ ограничиться только на первое время, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія дѣла, устроить при школахъ библіотеки и читальни. Но вышло вотъ что:

Первыя партіи книгъ (біографическаго, географическаго, историческаго, богословскаго и этнографическаго содержанія), разосланныя по школамъ, остались почти непроданными, такъ какъ не имѣли двухъ главныхъ условій успѣха книги въ деревнѣ—легкой общедоступной формы и дешевизны. Затѣмъ, по просьбѣ учителей, ген. Хрещатицкій прислалъ въ школы изданія «Посредника», мелкія произведенія Толстого и др., и торговля книгами пошла лучше: нѣкоторые учители, кромѣ того, стали выдавать книги крестьянамъ на время, а крестьяне зачастую читали книжки въ самой школѣ.

Такъ шло дѣло нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ пошли слухи, что окружной училищный совѣтъ предполагаетъ устроить библіотеки: центральную въ Таганрогѣ и филіальныя отдѣленія ея—во всѣхъ болѣе крупныхъ селахъ округа. Въ то же время учители округа получили отъ учебнаго начальства увѣдомленіе о томъ, что школы не лавочки, и что во всякомъ случаѣ «произведенія Толстого и всѣ изданія «Посредника» должны быть изъяты изъ обращенія въ школахъ, *такъ какъ заключаютъ въ себѣ популяризацію буддизма и пантеистической системы Гегеля*».

Такимъ образомъ, мало-по-малу, дѣло, начало которому было положено тенераломъ Хрещатицкимъ, умерло, но ничего другого взамѣнъ его не проявилось».

Вотъ судьба начинанія, во главѣ котораго стояло, что далеко не часто случается, лицо съ значительнымъ «вѣсомъ въ обществѣ», оказалось совершенно одинаковой и притомъ по совершенно тѣмъ же мотивамъ («самый что ни на есть *толстый* народился») съ судьбою начинанія балашовскихъ просвѣтителей.

Какое же нравоученіе изъ всего этого? Лица, стоящія на точкѣ зрѣнія г. Земскаго и возлагающія всѣ свои упованія на «общество», пусть попробуютъ расчленить это понятіе на его составныя части. При помощи какихъ же умственныхъ силъ они полагаютъ возможнымъ остановить «наплывъ къ нимъ буржуазнаго капитализма» и тѣмъ открыть передъ нашимъ отечествомъ самыя радужныя во всѣхъ смыслахъ перспективы? Но что же это за силы, способныя на подобныя чудеса? «Промышленниковъ, коммерсантовъ, чиновниковъ и всякаго рода дѣльцовъ» забраковалъ самъ г. Земскій, ибо для него «это не Россія». Аграріи устами гг. Ярмонкиныхъ, Щеглятьевыхъ, Кошкаровыхъ, Лиліенфельдовъ, «Одного изъ многихъ» и проч. ясно начертали свою программу, но если въ нее и входитъ своеобразная «борьба съ капитализмомъ», то вѣдь,—допустимъ невозможное,—даже отъ побѣды ихъ надъ врагомъ едва ли массамъ станетъ жить вольготнѣе. Кто же далѣе? Интеллигенція? Но ей,—passez moi le mot,—«не до жиру, а быть бы живу», какъ про то свидѣтельствуютъ факты изъ жизни и столицъ (вспомните комитеты грамотности), и большихъ городовъ въ

родѣ Орла, Таганрога и т. д., и такихъ захолустьевъ, какъ Гжатскій уѣздъ Смоленской или Балашовскій Саратовской губерній. Я не подбиралъ фактовъ; я привелъ только тѣ, которые нашлись подъ руками, иначе скорбную лѣтопись русской жизни можно было бы увеличить въ многое, многое число разъ.

— Ну, а по вашему-то какъ же,—спроситъ, пожалуй, иной недогадливый читатель,—такъ, значитъ, и сложить руки и быть нѣмымъ свидѣтелемъ всего совершающагося, потому «все равно ничего не подѣлаешь»?—Само собою разумѣется, что выводъ такой изъ моихъ словъ былъ бы болѣе чѣмъ невѣренъ, но, не имѣя пока возможности вдаваться въ дальнѣйшія разсужденія, я отвѣтилъ бы такому читателю лишь изреченіемъ Спинозы: «не плакать, не смѣяться, а понимать»...

Этими словами я хотѣлъ закончить мое первое обозрѣніе провинціальной жизни, но мнѣ попалось въ «*Волжскомъ Вѣстникѣ*» нѣчто такое, что откладывать до слѣдующей книжки было бы не желательно. Извѣстные дебаты въ Вольно-экономическомъ обществѣ нашли себѣ, разумѣется, отголосокъ и въ провинціальной печати, но ничего особенно достойнаго вниманія, кажется, въ ней нигдѣ сказано не было. Только «*Волжскій Вѣстникъ*», въ видахъ выясненія вопроса, далъ мѣсто на своихъ страницахъ и мнѣніямъ объ этомъ дѣлѣ крестьянъ села Макулова, Свіяжскаго уѣзда, Казанской губерніи. Собираніемъ этихъ мнѣній занялся учредитель читальни въ Макуловѣ князь П. Ухтомскій, который и препроводилъ при своемъ письмѣ въ редакцію «*Волжскаго Вѣстника*» пять отзывовъ крестьянъ, посѣтителей читальни, по вопросу о хлѣбныхъ цѣнахъ. Я приведу ихъ здѣсь въ главнѣйшихъ чертахъ: Лаврентій Махнинъ (крестьянинъ-пахарь, 22 лѣтъ) пишетъ: «какія цѣны на хлѣбъ крестьянамъ выгоднѣе, дешевыя или дорогія? Крестьянамъ выгоднѣе цѣны подороже—тѣмъ именно онѣ выгодны, которыя занимаются хлѣбопашествомъ. Потому крестьянамъ выгодны высокія цѣны, что имъ приходится много продавать на нужды, напримѣръ, на подати и на домашніе расходы». Назаръ Королевъ (крестьянинъ-маляръ, 23 лѣтъ) относится, что совершенно понятно, иначе: «для меня нравится дешевая цѣна на хлѣбъ,—пишетъ онъ,—такъ какъ, не имѣя собственнаго посѣва, мнѣ приходится покупать каждый пудъ и даже фунтъ». Василій Силантьевъ (крестьянинъ-пахарь, 24 лѣтъ) разсуждаетъ наиболѣе резонно: «конечно, которымъ выгодно, а которымъ и нѣтъ», заявляетъ онъ прямо и далѣе поясняетъ свою мысль. А Кондаковъ (крестьянинъ-пахарь, 22 л.) находитъ «дешевыя цѣны для крестьянъ очень невыгодными». Наконецъ, Андрей Додоновъ (крестьянинъ, 30 лѣтъ, «сельскій писарь и пахарь») замѣчаетъ также, что, «если бы были повыше цѣны хлѣбамъ, тогда какъ крестьянамъ, такъ и землевладѣльцамъ было бы повыгоднѣе». Не для того, разумѣется, вношу я все это въ свои лѣтописи, чтобы умиляться передъ «здраво-

мысліемъ самого народа», а хочу лишь отмѣтить этотъ во всякомъ случаѣ своеобразный опытъ полученія свѣдѣній по данному вопросу,—какъ бы тамъ ни было,—и «отъ другой стороны». Но вотъ, тотъ же «*Волжскій Вѣстникъ*», соблазненный, вѣроятно, удовольствіемъ, начертать на своихъ страницахъ мысли столичнаго «экономиста» (вѣдь, это для провинціальнаго органа печати такъ лестно!), печатаетъ статью г. И. Гофштеттера, которая такъ-таки и называется «Своимъ путемъ»! Я приведу здѣсь лишь вторую ея часть:

«Земледѣлецъ-коммерсантъ исчезаетъ, уступая пахатное поле мелкому хлѣбопашцу-крестьянину, засѣвающему его на собственную потребу,—говоритъ г. Гофштеттеръ:—Земля, какъ статья дохода, перестаетъ существовать, остается только «земля-кормилица». Капиталистическое перепроизводство сельскаго хозяйства за границей, убивая капиталистическое хозяйство въ Россіи, тѣмъ самымъ насильственно направляетъ наше экономическое развитіе совсѣмъ въ противоположную сторону. Путемъ такихъ сложныхъ отраженныхъ вліяній земледѣльческій капитализмъ за предѣлами Россіи дѣлаетъ неизбѣжнымъ возвратъ къ натуральному хозяйству въ Россіи. Это процессъ стихійный и непреоборимый. Мы можемъ еще съ грѣхомъ пополамъ кое-какъ согласно съ господствующими экономическими доктринами развивать у себя подъ охраною запретительныхъ пошлинъ свой промышленный капитализмъ, но къ земледѣльческому капитализму непримѣнимы даже и эти испытанныя мѣры, такъ какъ наши цѣны зависятъ не отъ ввоза, а отъ вывоза хлѣба. Если мелкое земледѣліе оказывается болѣе устойчивымъ и экономически выгоднымъ, то оно, слѣдовательно, будетъ и болѣе прогрессивнымъ. При нынѣшнихъ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ и при сокращеніи денежныхъ коммерческихъ арендъ наблюдается, по свидѣтельству г. Каблукова, появленіе новыхъ арендаторовъ изъ числа совершенно безхозяйственныхъ мужиковъ, которые раньше изъ-за конкуренціи, когда арендовали коммерческій доходъ, и подступиться къ землѣ не смѣли по бѣднотѣ своей. Ростъ арендъ, даже долевыхъ и отработныхъ, безспорно свидѣтельствуетъ о побѣдѣ мелкаго земледѣлія надъ крупнымъ землевладѣніемъ. Такимъ образомъ голая теорія наибольшей продуктивности земледѣлія, во имя которой доктринеры-марксисты выражаютъ сочувствіе обезземеленію крестьянства, оказывается при наличныхъ условіяхъ неприложимой къ Россіи, и при учетѣ всѣхъ индивидуальныхъ экономическихъ особенностей ея предписываетъ не разореніе, а, наоборотъ, поддержку мелкаго, такъ сказать, измельченнаго до натуральности, хозяйства.

Каково вліяніе низкихъ цѣнъ на подсословное хозяйство, таково же оно по существу отношеній и въ нѣдрахъ самого крестьянскаго класса. Подрывая болѣе крупныя крестьянскія хозяйства, какъ зависящія отъ рынка и продажной цѣны, кризисъ цѣнъ создаетъ болѣе благопріятныя условія для мелкихъ; онъ нивелируетъ отслои крестьянской среды и задерживаетъ процессъ диференціаціи деревни на батраковъ и богатѣевъ.

Такимъ образомъ индивидуальный типъ нашей эволюціи, слагающійся подъ отраженнымъ воздѣйствіемъ европейскаго капитализма, приводитъ насъ стихійною силою вещей *къ экономическому равенству, хотя бы и на почвѣ бѣднаго малокультурнаго натуральнаго хозяйства.* Сокращеніе смертности и повышеніе рождаемости въ годы низкихъ цѣнъ ясно говоритъ, что русскому народу въ общей его массѣ лучше и сытнѣе живется при бѣдности натуральнаго хозяйства, чѣмъ при богатствѣ капиталистическаго. Важно не какое-то отвлеченное богатство, а то фактическое богатство, которымъ въ дѣйствительности владѣетъ народъ. Краюха хлѣба, которая лежитъ у мужика на столѣ, гораздо цѣннѣе для насъ вагона зерна, вывезеннаго за границу. Мы полагаемъ, что *какъ наше экономиче-*

ское, такъ и гражданское развитіе пойдутъ своимъ путемъ. Лишь бы народъ былъ сытъ, а все остальное, всѣ другія блага культурной духовной и гражданской жизни, смѣемъ думать, приложатся сами собой.

Оставляя въ сторонѣ такіе превосходныя перлы краснорѣчія г. Гофштеттера, какъ «крестьянскій *классъ*» и т. п., стоитъ только вдуматься въ этотъ «особый путь», по которому предназначено идти Россіи, путь «экономическаго *равенства* на почвѣ бѣднаго, малокультурнаго натуральнаго хозяйства», чтобы видѣть, какъ далеко еще стоитъ «общество» (г. Гофштеттеръ и редакція *Волжскаго Вѣстника*, надѣюсь, члены «общества») отъ пониманія условій, при которыхъ становится не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ разрѣшеніе «общественно-просвѣтительныхъ задачъ» г. Земскаго. Но г. Гофштеттеръ предрекаетъ намъ «особый («самобытный» то жъ) путь не только экономическаго, но и «гражданскаго развитія». Я напомню читателю, при какихъ условіяхъ пойдетъ успѣшно и это послѣднее, пользуясь брошюркою того же г. Гофштеттера «Доктринеры капитализма».

«Выясняющуюся съ каждымъ днемъ непримиримость внутреннихъ противорѣчій капиталистическаго строя, безвыходность положенія страны, вступающей въ прогрессъ капитализаціи въ тяжелую эпоху всеобщаго мірового перепроизводства и заживо заражающейся этимъ трупнымъ ядомъ отживающаго свой вѣкъ, одряхлѣвшаго капитализма—все это силою роковой неизбѣжности приведетъ государство, которое хочетъ жить, къ защитѣ народныхъ формъ хозяйства и къ единственно возможной системѣ не стихійно-капиталистическаго, но гуманно-культурнаго обобществленія труда въ томъ направленіи, которое указано практическими попытками Штанге и новооскольскихъ земцевъ. По экономическимъ комбинаціямъ оно (государство) не можетъ быть инымъ, кромѣ народническаго. Въ такихъ великихъ актахъ, какъ освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею и т. д., оно отчасти является народнымъ и даже народническомъ по духу, по историческимъ традиціямъ, по естественнымъ интересамъ власти, солидарнымъ съ интересами массы народной. Но для того, чтобы оно окончательно стало на эту дорогу и сдѣлалось народническимъ по принципу, нужно, чтобы и наше народничество поняло бы необходимость этого союза правительства въ его существенныхъ задачахъ народнаго благоустройства и благосостоянія и лучшихъ элементовъ народолюбивой интеллигенціи и сознательно и принципіально стало государственнымъ. Этотъ союзъ рѣшитъ всѣ тревожные вопросы будущаго. (Стр. 26—27).

Такимъ образомъ, если «лучшіе элементы нашей народолюбивой интеллигенціи» пойдутъ «сознательно и принципіально» въ земскіе начальники,—ибо гдѣ же большая область желательнаго г. Гофштеттеру единенія ихъ съ народомъ, какъ не въ этой должности,—то eo ipso рѣшатся «всѣ тревожные вопросы будущаго». Это дѣйствительно, «особый путь», но нельзя поздравить редакцію *Волжскаго Вѣстника* съ такимъ сотрудникомъ, какъ авторъ напечатанной въ этой газетѣ статьи «Своимъ путемъ».

В. Богучарскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Греко-турецкая война.—Австро-русское сближеніе.—Историческая справка объ отношеніяхъ Греціи и Австріи къ Россіи.—Разложеніе Австро-Венгріи.—Національный вопросъ.—Императоръ и соціалдемократы.—Нѣмецкіе культуртрегеры въ Африкѣ.—Пожаръ на улицѣ Гужона.—Покушеніе на жизнь короля Гумберта.—Колоніальныя войны Испаніи.—Первое примѣненіе маузеровскихъ ружей въ Испаніи.

Ни дипломатическія ноты, ни блокады, ни бомбардировки—ничто не помогло. Война вспыхнула. Ее объявила Турція, но вызвана она Греціей, которая рѣшилась лучше броситься въ опасный бой, чѣмъ подчиняться желаніямъ «европейскаго концерта». Бой былъ неравный. На сторонѣ Турціи—громадное численное превосходство, военная опытность, «нѣмецкая» организація арміи и сочувствіе трехъ великихъ державъ. Надо только вспомнить, какъ трудно было могущественной Россіи, поддерживаемой всѣми балканскими государствами, справиться въ 1877—78 годахъ съ Турціей, стоитъ только вспомнить наши плевненскія пораженія, послѣ которыхъ у русскихъ военачальниковъ являлась даже мысль объ отступленіи обратно за Дунай, чтобъ понять тотъ рискъ, которому подвергала себя Греція, ринувшись на Турцію. Но—кто не рискуетъ, ничего не выигрываетъ. Господа политики называютъ рѣшимость Греціи «безуміемъ, самоувѣренностью и самомнѣніемъ», достойными самой строгой кары, но они забываютъ при этомъ, или, вѣрнѣе, не хотятъ помнить, что именно безумной рѣшительности греки обязаны возстановленіемъ своей независимости и всѣмъ своимъ успѣхомъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія.

Цѣль, которую всегда преслѣдовали и преслѣдуютъ греки, а именно, національное объединеніе, — заслуживаетъ полнаго сочувствія, точно также, какъ та настойчивость, непреклонность, съ которою они добиваются ея, встрѣчая сопротивленіе не одной только Турціи. Не будемъ вспоминать ни геройской войны за освобожденіе, ни ряда «безумныхъ» возстаній на островахъ Архипелага, остановимся лишь на нѣкоторыхъ событіяхъ греческой исторіи во второй половинѣ текущаго столѣтія, чтобъ нѣсколько выяснить причины послѣдней рискованной войны. Въ 1853-мъ году Россія готовится нанести Турціи рѣшительный, и какъ многіе думали, послѣдній ударъ. Изъ балканскихъ народовъ первыми встрепенулись греки, готовые ринуться на турокъ по первому русскому

сигналу; но другія великія державы употребили всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы удержать Грецію отъ нападенія, не остановившись даже передъ оккупаціей страны европейскими войсками. Въ то время настойчивость грековъ была намъ понятнѣе, чѣмъ теперь.

Точно также и въ 1877-мъ году Греція готова была помочь намъ разгромить Турцію, но и на этотъ разъ была остановлена энергичнымъ воздѣйствіемъ державъ, въ особенности Англіи и Австріи. Однако, подъ конецъ войны, Греція все же двинула свои войска въ Θессалію, но, вслѣдствіе заключенія перемирія между Россіей и Турціей и настоянія великихъ державъ, принуждена была отозвать ихъ обратно. Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ Россія, позаботившись о всѣхъ другихъ балканскихъ христіанахъ, почему-то совершенно забыла Грецію, которая желала присоединенія Θессаліи и Эпира, населенныхъ почти исключительно греками. На берлинскомъ конгрессѣ Греція нашла себѣ энергичнаго ходатая въ лицѣ представителя Франціи Ваддингтона, предлагавшаго отдать грекамъ Θессалію и Эпиръ. Это предложеніе встрѣчено было очень несочувственно представителями Англіи и Россіи; въ концѣ концовъ конгрессъ принялъ рѣшеніе «*рекомендовать*» Турціи уступить Греціи большую часть Θессаліи (до рѣки Саламбріи) и южную часть Эпира съ городомъ Яниной.

Объ исполненіи этого «совѣта» Греція должна была вступить въ непосредственные переговоры съ Турціей. Такое рѣшеніе конгресса было, быть можетъ, очень дипломатично, но чрезвычайно неудобно для Греціи. Она считала, разумѣется, что «совѣтъ» державъ равносиленъ для Турціи приказанію и разсматривала Θессалію и южный Эпиръ, какъ свою территоріальную собственность (богатые греки даже собрали большой фондъ для основанія Янинскаго университета); Турція же, конечно, медлила уступать ихъ. Греко-турецкая пограничная комиссія не пришла ни къ какому рѣшенію. Возбужденіе росло, и Греція двинула свои войска къ границѣ, чтобъ силой взять области, косвенно «уступленныя» ей великими державами. Тутъ снова вступилась Франція, и въ 1881-мъ году Греція получила, наконецъ, большую часть Θессаліи, но Янина все же осталась въ рукахъ турокъ.

Окончательное присоединеніе къ Греціи Эпира, точно также, какъ и Крита, гдѣ не прекращались возстанія, считалось не только греками, но большинствомъ европейскихъ державъ дѣломъ лишь времени. Но нужно было не упустить удобнаго момента, и Греція должна была постоянно зорко слѣдить за событіями, держа наготовѣ всѣ свои военныя силы, что для небольшого, только что освободившагося государства было чрезвычайно трудно. Наконецъ, въ 1885 году, казалось, наступилъ этотъ удобный моментъ: Болгарія нарушила берлинскій конгрессъ, присоединивъ къ себѣ Восточную Румелію; Греція предъявила свои права на «исправленіе» границъ, придвинувъ къ нимъ свои войска. Но державы, за исключеніемъ Франціи, потребовали отъ Греціи отвода

войскъ и прекращенія вооруженій. Та упорствовала, и державы, чтобы настоять на своей волѣ, блокировали греческіе берега. Пришлось снова уступить и снова жить «въ ожиданіи», тратя силы на подготовленія въ войнѣ. Отказаться отъ своихъ требованій значило отказаться отъ національнаго объединенія, отказаться отъ національнаго чувства, а это было немыслимо.

Въ прошломъ году избіенія армянъ, вызвавшія общее негодованіе и возстаніе кандіотовъ, встрѣченное сочувствіемъ европейскихъ *народовъ*, снова побудили Грецію возвысить свой голосъ... Опять увѣщанія и угрозы державъ, но чаша терпѣнія переполнилась, и Греція на этотъ разъ не отступила, а пошла напроломъ. Она надѣялась, что войну не удастся локализировать, что вспыхнетъ возстаніе въ Македоніи, что въ войну вмѣшаются другія балканскія государства и что «восточный» (а вмѣстѣ съ тѣмъ греческій) вопросъ будетъ, наконецъ, разрѣшенъ къ общему благополучію. Но она въ этомъ видимо ошиблась. Австріи, для которой балканскій пожаръ могъ бы быть очень опасенъ, удалось локализировать войну, благодаря, главнымъ образомъ, энергичной поддержкѣ Россіи, которая, по обыкновенію, на первый планъ благородно выставила не свои интересы, а «укрѣпленіе принциповъ порядка и права». Петербургское свиданіе русскаго и австрійскаго Императоровъ, состоявшееся въ Петербургѣ въ разгаръ греко-турецкой войны; тосты обоихъ монарховъ съ выраженіемъ взаимныхъ симпатій, «полной солидарности и «общности взглядовъ и принциповъ», и, наконецъ, тождественныя ноты, розосланныя русскимъ и австрійскимъ правительствами балканскимъ государствамъ съ выраженіемъ признательности за корректное поведеніе въ греко-турецкомъ столкновеніи, все это показываетъ, что между двумя великими державами, наиболѣе заинтересованными въ положеніи вещей на Балканскомъ полуостровѣ, окончательно возстановились тѣ же крѣпкія симпатіи, которыя побудили въ 1848 году императора Николая I послать свои войска для усмиренія венгерскаго возстанія.

Установленіе дружескихъ отношеній между Россіи и Австріей тѣмъ важнѣе, что въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ вѣрно или невѣрно, но главнымъ нашимъ врагомъ многіе считали австрійское правительство. Такъ, напр., наше пораженіе въ крымской кампаніи приписывается не столько открытымъ врагамъ (Франціи и Англіи), сколько интригамъ коварнаго и фальшиваго союзника—австрійскаго правительства. Читая, напр., интересную монографію барона Жомини («Россія и Европа») [1]), занимавшаго, какъ извѣстно, высокій постъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, невольно согласишься съ авторомъ, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ «между нами и Австріей установилась солидарность принциповъ, *находившаяся въ полномъ несогласіи съ на-*

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., съ февраля по октябрь.

шими интересами». Въ отвѣтъ на безграничное довѣріе, которое оказывалъ Австріи «сильный честностью своихъ намѣреній» императоръ Николай I, вѣнское правительство организовало противъ него европейскую коалицію и способствовало крымскому пораженію.

Сообщая о сосредоточеніи австрійскихъ войскъ на русской границѣ во время крымской кампаніи, баронъ Жомини замѣчаетъ: «Здѣсь мы видимъ новое доказательство предумышленности дѣйствій вѣнскаго кабинета, придающее ему весьма печальную роль во всѣхъ переговорахъ того времени. Его недоброжелательство къ намъ сдерживалось только большею или меньшею возможностью вредить намъ, не слишкомъ рискуя».

Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе на все русское общество производила тогда «неблагодарность» вѣнскаго двора. Дольше всѣхъ не хотѣлъ вѣрить «австрійской измѣнѣ» государь Николай I. «Наше общественное мнѣніе, — говоритъ баронъ Жомини, — было оскорблено и раздражено. Оно, безъ сомнѣнія, предпочло бы, чтобы нисколько не щадили такихъ невѣрныхъ союзниковъ и чтобы независимѣе пользовались оружіемъ, каковое Провидѣніе давало намъ въ руки. Но такое общественное чувство не имѣло достаточно силы, чтобы оказать вліяніе на правительство. Въ теченіе 25-ти лѣтъ своего царствованія императоръ пріучилъ Россію къ повиновенію и дисциплинѣ. Этимъ онъ обезпечилъ за нею внутреннюю безопасность и спокойствіе, но въ то же время отучилъ ее отъ всякой энергической иниціативы».

Въ концѣ концовъ, и государь убѣдился въ враждебномъ настроеніи вѣнскаго правительства, и это было, какъ думаютъ, однимъ изъ главныхъ ударовъ, подкосившихъ его сильный организмъ. Онъ рѣшился даже обратиться съ прокламаціей ко всѣмъ славянамъ Австріи, приглашая ихъ возстать противъ Габсбурговъ, но неожиданная смерть воспрепятствовала выполненію этого намѣренія. И при заключеніи мира главнымъ нашимъ врагомъ, по даннымъ, приводимымъ барономъ Жомини, явилась «посредница» Австрія, настаивавшая подъ угрозою войны на нѣкоторыхъ позорныхъ для насъ условіяхъ. Съ тяжелымъ чувствомъ, совѣтъ, созванный императорамъ Александромъ II, согласился на нихъ. Графъ Блудовъ, одинъ изъ членовъ этого совѣта, со слезами на глазахъ замѣтилъ: «Я скажу, какъ графъ Шуазель: такъ какъ мы не умѣемъ вести войны, то заключимъ миръ». Въ обществѣ въ то время было гораздо больше раздраженія противъ австрійцевъ, чѣмъ противъ французовъ. Пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога на похороны императора Николая I встрѣченъ былъ общимъ негодованіемъ, которое выразилось въ извѣстномъ стихотвореніи консервативнаго поэта Тютчева.

«Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безумству также мѣра есть...
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть!
И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:

Прочь, прочь австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!
Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
И весь «апостольскій» ихъ родъ
Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
«Искаріотъ, Искаріотъ!»

Отъ этого былого раздраженія противъ Австріи въ настоящее время не осталось и слѣда. Пріѣздъ императора Франца-Іосифа былъ встрѣченъ всѣми русскими газетами съ величайшимъ сочувствіемъ, какъ признакъ укрѣпленія европейскаго мира. Греціи русско-австрійское сближеніе не можетъ быть, конечно, пріятно, такъ какъ оно, какъ мы уже замѣтили выше, препятствуетъ распространенію войны на весь Балканскій полуостровъ. Но съ другой стороны это сближеніе не помѣшало Россіи предложить себя посредницей между Турціей и Греціей, когда военное счастье, повидимому, окончательно измѣнило послѣдней. Вначалѣ греки держались очень стойко противъ турокъ и одержали даже нѣсколько побѣдъ, но, въ концѣ концовъ, военная сила и опытность турокъ взяли свое; послѣднія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій крайне неблагопріятны для грековъ: вся Ѳессалія съ городами Ларисой, Воло и Фарсаломъ уже въ рукахъ турокъ. Вмѣстѣ съ первыми пораженіями въ Аѳинахъ началось антидинастическое народное движеніе, вызванное отчасти распространеннымъ мнѣніемъ, что виновникомъ пораженій грековъ является главнокомандующій наслѣдный принцъ Константинъ. Король отставилъ министерство Деліаниса и поручилъ составленіе новаго кабинета главѣ оппозиціи, адвакату Ралли, въ которомъ аѳинскіе патріоты хотѣли видѣть греческаго Гамбетту, способнаго организовать отчаянное народное сопротивленіе. Но и Ралли не удалось ни повернуть военное счастье въ пользу Греціи, ни успокоить возбужденіе аѳинскаго населенія. Грозила, видимо, даже опасность возникновенія въ Аѳинахъ революціоннаго движенія, и суда нѣкоторыхъ державъ приблизились уже къ Пирею, чтобы, въ случаѣ надобности, спасти короля и его семью. Очень возможно, что это народное волненіе побудило Россію, поддерживаемую другими державами, поспѣшить съ предложеніемъ посредничества и положить предѣлъ войнѣ, которая сдѣлалась опасной не только народу, но и пользующемуся общими симпатіями королю Георгу и его семьѣ. На этотъ разъ греческое правительство оказалось сговорчивымъ. Вассосъ съ своимъ отрядомъ отозванъ съ Крита, европейская блокада котораго, кстати сказать, не прекращалась и на время греко-турецкой войны. Но зато теперь разыгрались аппетиты у Турціи, предъявившей условія мира, своею притязательностью испугавшія даже наши туркофильскія газеты. Кромѣ уплаты громадной контрибуціи въ 250 мильоновъ франковъ, порта требуетъ еще возстановленія границъ 1832 года, т.-е. возвращенія

себѣ всей Ѳессаліи. И въ этомъ ее, видимо, поддерживаетъ германское правительство, приписывающее пораженіе грековъ отчасти и нѣмецкому оружію. Дѣйствительно, прусскіе офицеры не только организовали турецкую армію, но и участвовали въ войнѣ, проявляя свое тактическое искусство. Нѣтъ, нашимъ туркофиламъ положительно далеко до нѣмцевъ, послѣдовательности не хватаетъ. Восторгались, восторгались геройствомъ турокъ, телеграфировали «изъ Лондона» объ овиціяхъ, устраиваемыхъ христіанскимъ населеніемъ Ѳессаліи турецкимъ войскамъ, о ѳессалійскихъ дамахъ, кричавшихъ: «да здравствуетъ султанъ!» и осыпавшихъ турецкихъ офицеровъ цвѣтами, и т. д., а стоило лишь ободренному султану потребовать Ѳессаліи,—тотчасъ перемѣна фронта. «Безразсудное требованіе! Отказываемся вѣрить!» и т. п. Чего же возмущаться и отчего же не отдать Ѳессалію Турціи, разъ тамошнія дамы такъ хотятъ попасть вновь подъ власть турецкаго султана? Притязательность турокъ, вѣроятно, снова подниметъ нѣсколько фонды русско-французскихъ симпатій, которыя, по словамъ «Гражданина», въ послѣднее время пошли сильно на пониженіе. Эти симпатіи вообще очень неустойчивы, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ солидарность только по вопросамъ внѣшней, а не внутренней политики.

Между тѣмъ на международныя отношенія чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе вліяніе оказываютъ вопросы внутренніе, принципы «соціальные». Само стремленіе поддержать европейскій миръ «во чтобы то ни стало» покоится, главнымъ образомъ, на необходимости зорко слѣдить за внутренними броженіями, за внутренними опасностями, грозящими нѣкоторымъ *западно*-европейскимъ правительствамъ.

Въ то же время національныя грани начинаютъ вообще постепенно разрушаться, и представители одного и того же класса, но подданные различныхъ государствъ заключаютъ между собою братскій союзъ. Это не значитъ, чтобы *національный* вопросъ уже исчезъ; напротивъ требованіе уваженія къ родному языку и другимъ національнымъ особенностямъ энергично раздается нынѣ со стороны даже самыхъ слабыхъ, когда-то порабощенныхъ народностей. Національный вопросъ *не можетъ* исчезнуть до тѣхъ поръ, пока не достигнута будетъ національная равноправность, пока лица разныхъ народностей будутъ въ чертѣ одного и того же государства мѣряться разною мѣрою. Но этотъ «національный вопросъ» создаетъ нынѣ чаще внутреннія, чѣмъ внѣшніе кризисы. Именно такой внутренній кризисъ на національной почвѣ переживаетъ въ настоящее время разноплеменная Австро-Венгрія. Равноправность, дарованная графомъ Бадени чешскому языку сначала въ Богеміи, затѣмъ въ Моравіи, вызвала среди нѣмецкаго населенія (когда оно уразумѣло все значеніе «распоряженія»), такое почти революціонное волненіе, что представители нѣмецкихъ національныхъ либеральныхъ партій принуждены были начать противъ правительства въ парламентѣ энергичную борьбу, чтобъ не потерять окон-

чательно довѣрія своихъ избирателей. Негодованіе нѣмцевъ вполнѣ понятно, такъ какъ равноправность языковъ нѣмецкаго и чешскаго въ томъ видѣ, какъ она установлена министерскимъ «распоряженіемъ» *фактически* даетъ въ Богеміи и Моравіи значительный перевѣсъ чехамъ и нарушаетъ матерьяльные интересы нѣмцевъ. Дѣло въ томъ, что всѣ почти чехи знаютъ не только чешскій, но и нѣмецкій языкъ, большинство же нѣмцевъ съ чешскимъ языкомъ не знакомо, такъ что не можетъ пока занимать въ Моравіи и Богеміи никакихъ должностей, такъ какъ по «распоряженію о языкахъ» всѣ чиновники въ томъ числѣ судьи, полицейскіе и т. д. должны владѣть *обоими* языками (нѣмецкимъ и чешскимъ).

Австрійскія газеты переполнены извѣстіями о рѣзкихъ манифестаціяхъ, происходящихъ во всѣхъ концахъ Австріи противъ правительства, слышатся угрозы чисто революціоннаго характера. Въ самомъ рейхсратѣ, собравшемся послѣ пасхальныхъ каникулъ, происходятъ бурныя сцены, и нѣмецкое меньшинство рѣшило не останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы заставить правительство отмѣнить «распоряженія о языкахъ». Пущены въ ходъ самыя крайнія средства: «обструкціонизмъ и привлеченіе всего министерства къ отвѣтственности за нарушеніе конституціи.

«Обструкціонизмомъ» называется особая тактика парламентскаго меньшинства, введенная, если не ошибаемся, впервые Парнеллемъ въ англійской палатѣ общинъ. Она заключается въ томъ, что меньшинство, не имѣя возможности провести въ парламентѣ свои желанія, старается, пользуясь конституціонными формальностями, затормозить вообще законодательную дѣятельность народныхъ представителей и такимъ образомъ до извѣстной степени пріостановить государственную жизнь. Конечно, для успѣха обструкціонной тактики оппозиціонное меньшинство должно быть довольно внушительнымъ. Такое именно меньшинство и составляютъ нѣмецкія національныя партіи, поддерживаемыя соціалдемократами и другими «радикальными элементами», имѣющими свои счеты съ графомъ Бадени.

«Тормозъ» дѣйствуетъ пока превосходно. Одно за другимъ ставятся изъ среды меньшинства различныя предложенія, не имѣющія серьезнаго значенія, но каждое изъ нихъ оппозиція объявляетъ «неотложнымъ» и требуетъ, чтобъ вопросъ о неотложности рѣшался поименнымъ голосованіемъ, что отнимаетъ массу времени. Надо замѣтить, что президентъ парламента не имѣетъ права отказать въ поименномъ голосованіи, разъ оно требуется извѣстнымъ, сравнительно небольшимъ числомъ депутатовъ [1]).

Засѣданіе за засѣданіемъ проходятъ безплодно, и кто знаетъ, если

[1]) При этомъ въ австрійскомъ парламентѣ передъ поименованнымъ голосованіемъ президентъ обязанъ по требованію сдѣлать перерывъ въ 10 минутъ.

оппозиція не устанетъ, не придется ли Бадени выйти въ отставку или разорвать союзъ съ младочехами, попытавшись создать министерское большинство при помощи нѣмецкихъ либераловъ.

Не довольствуясь «тормозомъ», нѣмецкіе либералы напали на министерство Бадени и совершенно открыто; они предложили парламенту предать министровъ суду за нарушеніе конституціи. Надо замѣтить, что равноправность языковъ чешскаго съ нѣмецкимъ введена была не закономъ, вотированнымъ рейхсратомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, а простымъ «*министерскимъ распоряженіемъ*». Вопросъ о томъ, въ какихъ границахъ министры конституціонныхъ государствъ могутъ пользоваться своимъ правомъ издавать административныя распоряженія, другими словами, въ какихъ случаяхъ для тѣхъ или другихъ нововведеній не требуется изданія новаго закона и слѣдовательно согласія парламента, представляется въ государственномъ правѣ довольно спорнымъ и сложнымъ. Во всякомъ случаѣ эти распоряженія должны не только не противорѣчить законамъ, но и основываться на нихъ.

«Государственномъ властямъ,—говоритъ ст. 11 австрійской конституціи,—въ границахъ ихъ должностнаго круга дѣятельности предоставляется, *на основаніи законовъ издавать распоряженія* и отдавать приказы»...

Въ данномъ случаѣ въ вопросѣ «о языкахъ» министерство графа Бадени считало себя въ правѣ дѣйствовать путемъ распоряженій такъ какъ требованіе, чтобы всѣ чиновники въ Моравіи и Богеміи при исполненіи своихъ должностныхъ обязанностей пользовались чешскимъ языкомъ наравнѣ съ нѣмецкимъ, основывается, по его мнѣнію, на ст. 19 австрійской конституціи, по которой объявляются равноправными всѣ австрійскія народности (Volksstämme) и «всѣ употребительные въ странѣ языки»...

Нѣмецкіе же либералы, основываясь на той же 19-й статьѣ, находятъ въ «распоряженіи министерства» грубое нарушеніе правъ нѣмецкой народности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конституціи. Многія мѣстности Моравіи и Богеміи населены почти исключительно нѣмцами, и требовать, чтобы тамъ въ судахъ, сношеніяхъ между должностными лицами и т. п. нѣмецкій текстъ всегда сопровождалъ чешскій, и чтобы лица, не владѣющія чешскимъ языкомъ, не занимали въ этихъ провинціяхъ никакихъ мѣстъ, это значитъ, по мнѣнію оппозиціи, ставить одну народность (чешскую) выше другой и лишать нѣмецкихъ гражданъ ихъ права служить въ своемъ отечествѣ.

Требованіе о преданіи суду за нарушеніе конституціи всѣхъ министровъ, подписавшихъ «распоряженія объ языкахъ», внесено было въ рейхсратъ сразу тремя группами (нѣмецкой прогрессивной партіей, нѣмецкой народной партіей и партіей Шёнерера); всѣ ожидали, конечно, очень бурныхъ преній, но дѣйствительность далеко превзошла всѣ ожиданія.

Такого потока взаимныхъ оскорбленій, такого шума и гвалта, такого общаго смятенія, чуть не перешедшаго въ рукопашную схватку, по общему мнѣнію, еще никогда не бывало въ австрійскомъ парламентѣ, далеко не пользующемся репутаціей «спокойнаго».

Шестое, седьмое и восьмое мая останутся надолго памятны графу Бадени и особенно министру юстиціи графу Глейхсбаху. Въ первый день буря вызвана была словами шенеріанца Вольфа, обосновывшаго предложеніе о преданіи министровъ суду.

«Мы, нѣмцы,—сказалъ онъ, между прочимъ,—видѣли, что намъ нечего бояться *низкопробныхъ національностей* въ родѣ чеховъ, словаковъ и поляковъ.»

Слова эти вызываютъ невообразимый шумъ; съ скамеекъ правой, гдѣ сидятъ чехи и поляки, Вольфа осыпаютъ оскорбительными возгласами («Безстыдникъ!», «Выгнать его вонъ!» и т. п.) и не даютъ ему продолжать рѣчь. Шумъ все усиливается. Чехи и нѣмцы срываются съ своихъ мѣстъ и бросаются другъ на друга; президентъ, видя свое полное безсиліе, закрываетъ засѣданіе.

На второй день бурю вызвалъ министръ юстиціи *Глейхсбахъ* (нѣмецъ по происхожденію), но скандалъ устроили уже не чехи, а нѣмецкіе либералы.

Глейхсбахъ имѣлъ неосторожность усомниться въ серьезности намѣренія либераловъ предать суду министровъ. Не успѣлъ онъ еще докончить этой оскорбительной фразы, какъ на всѣхъ скамьяхъ лѣвой поднялся страшный шумъ и раздались крики: «Взять слова назадъ! Мы не позволимъ этого! Это—безстыдство!» и т. д. Чтобъ увеличить шумъ и не дать говорить министру, нѣмцы бьютъ кулаками по столамъ; чехи и поляки встаютъ съ своихъ мѣствъ и, скрестивъ руки на груди, насмѣшливо смотрятъ на происходящую сцену.

Графъ Глейхсбахъ стоитъ на своемъ мѣстѣ блѣдный, какъ мѣлъ, но твердо смотритъ на оппозиціонныхъ депутатовъ, вскочившихъ съ своихъ мѣстъ и съ угрозами тѣснящихся къ нему... Президентъ опять принужденъ прервать засѣданіе; черезъ нѣсколько часовъ онъ снова его открываетъ, и въ тотъ же моментъ, какъ министръ Глейхсбахъ хочетъ продолжать рѣчь, скандалъ возобновляется съ новою силою. «Измѣнникъ! Пусть убирается вонъ или возьметъ слова назадъ! Мы не дадимъ ему говорить! Вонъ, вонъ Глейхсбаха.»

Дѣло становится слишкомъ жарко, министръ теряетъ свое спокойствіе, руки его нервно дрожатъ... Волненіе нѣсколько улегается только тогда, когда вице-президенту рейхсрата удается прочесть заявленіе, сдѣланное Глейхсбахомъ.

Въ этомъ заявленіи Глейхсбахъ косвенно извиняется, удостовѣряя, что никого не хотѣлъ обидѣть, а просто выразилъ свое мнѣніе, что преданіе министровъ суду является лишь пріемомъ парламентской тактики.

*

Уже по этимъ инцидентамъ можно судить, въ какомъ вообще тонѣ говорились рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ. Депутатъ Пергелтъ (нѣмецкій прогрессистъ), напр., торжественно заявилъ, что гнѣвные крики, которые вырвутся у всего нѣмецкаго народа въ отвѣтъ на министерскія оскорбленія, достигнутъ самаго императорскаго замка и заставятъ дрожать стекла въ его окнахъ. Нѣмецкій народъ въ Австріи не вынесетъ униженія ни отъ кого; онъ не позволитъ это даже и министру его величества».

Но особенно рѣзко говорилъ Вольфъ, назвавшій Бадени разрушителемъ Австріи.

«Высокомудрому правительству,—воскликнулъ онъ между прочимъ,—не повредитъ, если оно обратитъ вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ политическимъ движеніемъ, *которое отнюдь не ограничивается предѣлами имперіи*. (Живыя рукоплесканія на лѣвой. Движеніе на правой). Мы пойдемъ въ *Дрезденъ* и скажемъ тамъ нашимъ единоплеменникамъ, что мы выполнили нашу задачу, насколько могли, что мы были вѣрны до крайняго предѣла, что не существуетъ въ Австріи народа, который бы лучше и радостнѣе отдавалъ кровь своихъ сыновей для сохраненія цѣлости всего государства; но мы скажемъ имъ также: «Дорогіе единоплеменники! Намъ кажется, что здѣсь дѣло идетъ къ концу (крики: «слушайте! слушайте!); намъ кажется, что *Бадени предвѣстникъ переворота*, въ которомъ мы, австрійскіе нѣмцы, не хотимъ исчезнуть безслѣдно. Будьте же готовы, нѣмецкіе единоплеменники!» Въ концѣ-концовъ предложеніе о преданіи суду министровъ было отвергнуто 203 голосами противъ 163. Такая побѣда равносильна въ сущности серьезному пораженію. Соціалдемократы вотировали противъ министерства. Вообще ихъ появленіе въ рейхсратѣ не можетъ быть пріятно правительству. Они его не щадятъ и недавно высказали ему немало горькихъ истинъ по поводу распущенія семи организацій желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Соціалдемократы предлагали назначеніе парламентской комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о законности этой правительственной мѣры и требовали для своего предложенія «неотложности». Первымъ въ защиту «неотложности» выступилъ соціалдемократъ д-ръ *Феркауфъ*, пріобрѣтшій себѣ извѣстность экономичеокими изслѣдованіями.

По его мнѣнію, распущеніе административнымъ распоряженіемъ семи крупныхъ организацій, насчитывавшихъ болѣе 25.000 членовъ,—произволъ, который долженъ обратить на себя всеобщее вниманіе.

«Предложеніе неотложно не только съ точки зрѣнія желѣзно-дорожныхъ служащихъ и всѣхъ вообще рабочихъ Австріи, но и съ точки зрѣнія путешествующей публики; неотложнѣе же всего, съ точки зрѣнія самого правительства. Въ настоящее время промышленному и крестьянскому сословію желаютъ помочь созданіемъ организацій, но вѣдь рабочее сословіе, въ особенности желѣзно-дорожные служащіе, нуж-

даются въ такихъ организаціяхъ еще настоятельнѣе. У рабочихъ, въ особенности желѣзно-дорожныхъ, о свободномъ договорѣ не можетъ быть и рѣчи. Если рабочимъ хотятъ удѣлить долю воздѣйствія на условія рабочаго договора, то должны имъ дать и возможность создавать организаціи. Къ желѣзно-дорожнымъ служащимъ не примѣняется ни одно изъ «защитительныхъ опредѣленій» (Schutzbestimmung) промышленныхъ законовъ. Между тѣмъ эти рабочіе имѣютъ дѣло съ крупнѣйшими денежными магнатами и не могутъ заключать свободнаго договора съ господами Ротшильдами, Тауссигами и фонъ-Гуттенбергами!..» Во время этой рѣчи въ залѣ царитъ шумъ, и поляки покидаютъ свои мѣста.

«Господъ поляковъ,—замѣчаетъ Феркауфъ,—не интересуютъ, конечно, рабочіе. Это позоръ для рейхсрата, что насъ такъ встрѣчаютъ въ тотъ моментъ, когда мы въ первый разъ хотѣли выступить въ пользу рабочихъ и потребовать для нихъ немножко защиты отъ этого парламента».

Ораторъ набросалъ затѣмъ картину тѣхъ печальныхъ условій, въ которыя поставлены низшіе желѣзнодорожные служащіе.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь и въ защиту правительственнаго мѣропріятія противъ организацій выступилъ съ длинной рѣчью самъ министръ-президентъ графъ Бадени, по обыкновенію, старавшійся испугать мирныхъ гражданъ опасностью соціалистическаго переворота, для подготовленія къ которому, по его мнѣнію, и создаются организаціи желѣзно-дорожныхъ служащихъ. Въ преніяхъ приняли участіе и антисемиты, которые между прочимъ упрекали соціалдемократовъ въ высасываніи изъ рабочихъ потомъ и кровью добытыхъ грошей. По мнѣнію антисемитовъ, соціалдемократическіе вожаки — піявки, эксплоататоры и т. п.

Подобныя обвиненія особенно горячо поддерживалъ докторъ Гессманъ, ежегодный доходъ котораго превышаетъ 10.000 гульденовъ. Но соціалдемократамъ, конечно, ничего не стоило опровергнуть эти нелѣпыя обвиненія.

«Неотложность» была въ концѣ-концовъ отвергнута 179 голосами противъ 134. Окончательно продавшіеся младо-чехи голосовали, разумѣется, противъ неотложности.

Къ затрудненіямъ внутри самой Австріи присоединяются для правительства затрудненія и по «соглашенію» съ Венгріей, которое, какъ извѣстно, возобновляется каждыя 10 лѣтъ (съ 1867 г.). Австрійская «делегація» не можетъ сталкиваться съ венгерской по такъ называемой «квотѣ» (долѣ), т. е. по вопросу о томъ, сколько каждая страна должна вносить на *общеимперскіе* расходы (войска, флотъ и т. д.); до сихъ поръ на Австрію падало $^2/_3$, на Венгрію лишь $^1/_3$. Теперь же австрійская делегація (выбираемая изъ среды рейхсрата), указывая на быстрый ростъ народнаго богатства въ Венгріи», требуетъ, чтобы

это отношеніе было измѣнено и Венгрія уплачивала бы 44% всѣхъ имперскихъ расходовъ; но венгерская «делегація» (отъ венгерскаго рейхстага) настаиваетъ на сохраненіи старыхъ условій, надѣясь, вѣроятно, что Австрія, больная внутренними раздорами, принуждена будетъ уступить. Пока переговоры не привели ни къ какому результату.

Насколько велики внутреннія противорѣчія современной Австро-Венгріи, лучше всего показываетъ то, что вопросъ о разложеніи «единой» имперіи въ федеративный союзъ самостоятельныхъ государствъ совершенно серьезно ставится и въ парламентахъ и въ печати.

«Изъ фундамента единаго государства,— говоритъ очень вліятельная вѣнская газета «Neue Freie Presse, — «вынули уже столько камней, чтобъ купить скоропреходящее большинство для скоропреходящихъ правительствъ, что никто не долженъ удивляться, если само «единое государство» начинаетъ колебаться. Но опытъ управленія Австріей противъ воли нѣмцевъ далеко еще не сдѣланъ. Правительства, которыя довели нѣмцевъ до того, что они въ борьбѣ за существованіе не принимаютъ болѣе во вниманіе своего собственнаго лучшаго творенія, центральнаго парламента, отвѣтственны за то, что на горизонтѣ начинаетъ подниматься грозная альтернатива: абсолютизмъ или федерализмъ. Вслѣдствіе тысячи само собою понятныхъ причинъ, прежде всего изъ-за Венгріи, которая чувствовала бы свою конституцію въ постоянной опасности, абсолютизмъ не разрѣшеніе вопроса. Федерализмъ же равносиленъ разложенію».

Но если бы правительство попробовало управлять страною только по волѣ нѣмцевъ, тогда бы тѣмъ же языкомъ, какимъ говорятъ эти послѣдніе, заговорили бы поляки и чехи. Это, если хотите, тоже «грозная альтернатива».

Трудно думать, чтобы всѣ эти несогласія удалось разрѣшить и престарѣлому австрійскому императору Францу-Іосифу, сумѣвшему не разъ, въ былое время, предотвратить внутреннюю бурю разумными уступками требованіямъ времени. «Чутко относился онъ,—говоритъ нашъ «Правительственный Вѣстникъ»—«къ нарождавшимся новымъ потребностямъ въ политической, общественной и экономической жизни...» Ему, по мнѣнію нашего офиціальнаго органа, Австро-Венгрія обязана «рядомъ преобразованій, глубоко измѣнившихъ прежній политическій строй, покоившійся до него на стародавнихъ началахъ».

Во всякомъ случаѣ старый Францъ-Іосифъ всегда держался и держится съ извѣстнымъ тактомъ, чего совершенно нельзя сказать про молодого Вильгельма II. Даже самыхъ искреннихъ нѣмецкихъ патріотовъ навѣрно сильно покоробила «безтактная» депеша, посланная принцу Генриху, отправлявшемуся на кораблѣ «Король Вильгельмъ» въ Англію на брилліантовый юбилей королевы Викторіи. Императоръ выражалъ въ ней сожалѣніе, что не можетъ дать принцу лучшаго ко-

рабля. «Это—печальное послѣдствіе—прибавляетъ онъ—поведенія тѣхъ *не имѣющихъ отечества субъектовъ* (vaterlandlosen Gesellen), которые препятствуютъ пріобрѣтенію самыхъ необходимыхъ судовъ!»

Телеграмма эта принцемъ Генрихомъ была прочитана командѣ «Короля Вильгельма». Ясно, что подъ «не имѣющими отечества субъектами» императоръ подразумѣвалъ оппозицію рейхстага и главнымъ образомъ соціалдемократовъ. Впрочемъ, раздраженіе императора противъ «субъектовъ» вполнѣ извинительно; они относятся къ своему отечеству совершенно своеобразно; вмѣсто того, чтобы прославлять его мощь и восторгаться подвигами его славныхъ героевъ, поддерживающихъ нѣмецкій авторитетъ даже въ самыхъ дикихъ мѣстностяхъ Африки, они, эти презрѣнные «Gesellen», безпрерывно дѣлаютъ скандальныя разоблаченія, низводятъ героевъ съ пьедестала и роняютъ авторитетъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ въ глазахъ иностранцевъ. Кто бы узналъ безъ нихъ объ издѣвательствахъ надъ рекрутами въ нѣмецкихъ казармахъ или о «вольностяхъ» знаменитаго культуртрегера, доктора Петерса? Еще въ прошломъ году зловредный Бебель, «по недоразумѣнію» посланный въ рейхстагъ двумя большими нѣмецкими городами (Гамбургомъ и Страсбургомъ), сдѣлалъ запросъ правительству о подвигахъ германскаго имперскаго коммиссара въ Африкѣ доктора Петерса и тутъ же перечислилъ цѣлый рядъ этихъ подвиговъ.

Петерсъ повѣсилъ, напр., по словамъ Бебеля, одну изъ своихъ наложницъ, повѣсилъ и своего соперника въ любви туземца Мабрука, звѣрски истязалъ негритянокъ; ради потѣхи сбивалъ картечью съ деревьевъ прятавшихся тамъ негровъ, которые «сыпались на землю, какъ воробьи».

Вліятельные друзья доктора Петерса, которыхъ не мало засѣдаетъ на правой сторонѣ рейхстага, съ негодованіемъ отвергали эти «вымыслы», но правительство, видимо, лучше освѣдомленное, отвѣчало очень нерѣшительно. Во всякомъ случаѣ послѣ рѣчи Бебеля формальное разслѣдованіе сдѣлалось необходимымъ, и оно, увы, вполнѣ подтвердило обвиненія соціалдемократовъ. Докторъ Петерсъ, оказалось, дѣйствовалъ такъ же рѣшительно, какъ и другіе колоніальные имперскіе чиновники, въ родѣ Лейста, Велана и Шредера, подвиги которыхъ были уже раньше разоблачены тоже не безъ содѣйствія соціалдемократовъ. Правительство вынуждено было предать Петерса «за преступленія по должности» дисциплинарному суду, засѣданія котораго происходили въ Берлинѣ публично.

Обвиняемый Петерсъ на вопросы предсѣдателя сообщилъ, что онъ родился въ 1856 г., лютеранскаго вѣроисповѣданія, сынъ пастора. Кончилъ гимназію и изучалъ юридическія науки и исторію въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ, получивъ титулъ Dr. juris въ Берлинѣ. Онъ имѣетъ золотую медаль «за искусство и науку» и кавалеръ нѣ-

сколькихъ орденовъ, былъ директоромъ нѣмецко-восточно-африканскаго общества и т. д.

Онъ сознается, что, по его распоряженію, были повѣшены одна изъ туземокъ, служившая у него, и туземецъ Мабрукъ, но отрицаетъ, чтобы это сдѣлано было изъ ревности. Служанку онъ велѣлъ повѣсить за то, что она способствовала бѣгству трехъ заключенныхъ негритянокъ, Мабрука же—за кражу со взломомъ.

Женщинъ, между которыми была и одна изъ его любовницъ, онъ, дѣйствительно, подвергалъ тѣлесному наказанію; но эти женщины были ему «подарены», и онъ считалъ ихъ своею собственностью, которою могъ распоряжаться по усмотрѣнію.

Что касается до повѣшеній, то Петерсъ оправдывался тѣмъ, что онъ не «формальный юристъ» и дѣйствовалъ среди африканскихъ условій, гдѣ мягкость неумѣстна.

Онъ нашелъ себѣ горячаго защитника въ свидѣтелѣ его расправъ, резервномъ лейтенантѣ баронѣ фонъ-Пехманъ.

Обстоятельствъ, при которыхъ совершена была, по приказу Петерса, смертная казнь, фонъ-Пехманъ хорошенько не помнитъ. «Я,—замѣчаетъ онъ,—не дѣлалъ по этому поводу никакихъ замѣтокъ въ своемъ дневникѣ, такъ какъ не придавалъ этому происшествію большого значенія».

— Но вѣдь здѣсь дѣло шло о человѣческой жизни?—вставляетъ нѣсколько укоризненно предсѣдатель.

— Надо побывать сперва въ тамошнихъ обстоятельствахъ,—парируетъ баронъ Пехманъ,—чтобы понять, какъ тамъ думаешь прежде всего о своей собственной шкурѣ.

Свидѣтель соглашается, что женщины, въ томъ числѣ и любовница Петерса, кричали, когда ихъ сѣкли въ присутствіи доктора и кавалера орденовъ, но вѣдь «всегда кричатъ, когда сѣкутъ».

Въ заключеніе своего показанія баронъ началъ было въ громкихъ словахъ выражать свое негодованіе, что человѣкъ, которому Германія столькимъ обязана, привлекается суду по поводу такихъ пустяковъ, но былъ во-время остановленъ предсѣдателемъ. Не смотря на 2 защитительныя рѣчи, дисциплинарный судъ все же приговорилъ Петерса къ удаленію отъ должности.

Неугомонный Бебель не удовольствовался однако этимъ и при обсужденіи доходовъ и расходовъ областей, находящихся подъ германской охраной (Schutzgebiete), коснулся снова случая съ Петерсомъ и, констатировавъ, что разоблаченія соціалдемократовъ оказались вѣрными, спросилъ правительство, намѣрено ли оно предать Петерса обыкновенному суду по обвиненію въ убійствѣ, такъ какъ повѣшеніе туземки и Мабрука не можетъ разсматриваться, какъ смертная казнь, на примѣненіе которой у Петерса не было никакихъ полномочій.

Правительство, въ лицѣ завѣдывающаго колоніями, тайнаго легаціон-

наго совѣтника Гельвига, принуждено было признать, что Петерсъ совершилъ просто убійство, но... убійство ненаказуемое, такъ какъ оно совершено въ африканской области Килима-Ндшаро, еще тогда не вполнѣ присоединенной къ Германіи, среди дикаго народа, не имѣющаго писаныхъ законовъ. Тамошній главарь племени поступилъ бы въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ докторъ Петерсъ, т.-е. велѣлъ бы повѣсить туземца, уличиненнаго въ любовной связи съ своей наложницей.

«Нѣтъ доказательствъ,—закончилъ почтенный тайный совѣтникъ,—чтобы на мѣстѣ это дѣяніе было наказуемо.»

«Подобный правовый принципъ,—возразилъ Бебель, — конечно, вызоветъ всеобщее удивленіе. Убійство не должно быть наказуемо потому, что дикіе не считаютъ его преступленіемъ. Послѣ такой прекрасной мотивировки, мы должны ожидать, что и въ будущемъ натуры, подобныя Петерсу, будутъ дѣйствовать въ восточно-африканскихъ мѣстностяхъ, подвергаясь за свои преступленія лишь моральному осужденію. Если вообще что-нибудь можетъ вызывать краску стыда, такъ это подобное воззрѣніе на правовыя отношенія.»

Справедливость требуетъ замѣтить, что «краска стыда», послѣ этого засѣданія рейхстага появилась, видимо, на лицахъ многихъ нѣмцевъ. Нѣсколько сконфуженъ даже органъ «свободныхъ консерваторовъ», «Die Post». Газету, впрочемъ, особенно безпокоитъ, что процессъ Петерса выставляетъ соціалдемократію «охранительницей чести имперской службы».

Одной изъ благороднѣйшихъ задачъ политики, направленной къ дѣйствительной борьбѣ противъ соціально-революціонныхъ стремленій,—замѣчаетъ «Die Post»,—должно быть проведеніе такого государственнаго и соціальнаго порядка, при которомъ у соціалдемократовъ отнята бы была возможность открывать дѣйствительныя злоупотребленія.

Величайшая строгость и самое энергичное самовоспитаніе во всѣхъ областяхъ государственной и соціальной дѣятельности являются необходимыми, предварительными условіями для успѣшной борьбы съ соціалдемократіею. Государство и общество только тогда въ силахъ будутъ ее побѣдоносно отразить, *когда ихъ щитъ будетъ совершенно незапятнанъ* (völlig Fleckenlos)».

О, Господи! становится прямо-таки страшно: на «щитѣ» въ настоящее время, по общему признанію, такая масса пятенъ, и эти пятна счищаются такъ медленно (чтобы не сказать болѣе), что трудно и представить моментъ наступленія «побѣдоноснаго отраженія соціалдемократіи», которая, между тѣмъ, наступаетъ очень энергично, хотя и безъ излишней нервности.

Оскорбленіе, брошенное соціалдемократамъ съ «высокаго, безответственнаго мѣста», встрѣчено было ими, по выраженію Бебеля, со-

вершенно холодно. Они только поспѣшили внести въ рейхстагъ предложеніе объ отмѣнѣ законовъ, карающихъ за оскорбленіе величества, предложеніе, приготовленное ими уже $1^1/_2$ года тому назадъ.

Оно обсуждалось 12-го мая нов. стиля при довольно странной обстановкѣ. Къ началу засѣданія не явился ни одинъ изъ представителей правительства, и «столъ союзнаго совѣта» былъ совершенно пустъ, зато трибуны для публики переполнены. Депутатъ Зингеръ заявляетъ, что ему сообщили о присутствіи на трибунахъ *шпіоновъ*, и поэтому проситъ публику воздерживаться отъ замѣчаній, которыя могутъ повлечь за собою доносъ. Президентъ Буоль предупреждаетъ публику, что при малѣйшемъ безпорядкѣ на трибунахъ она немедленно будетъ удалена.

Для обоснованія предложенія выступаетъ Бебель. Онъ указываетъ, что число дѣлъ по «оскорбленію величество» за послѣдніе годы значительно возросло. Въ 1890 г. такихъ дѣлъ было 508, въ 1894-мъ уже 622. Возрастаніе числа «оскорбленій величества» не можетъ считаться отраднымъ явленіемъ. Ораторъ ссылается при этомъ на классическія свидѣтельства Тацита.

«Во время Лютера—говоритъ Бебель—не было параграфа объ оскорбленіи величества, иначе онъ всю жизнь не выходилъ бы изъ тюрьмы. И Фридрихъ Великій не хотѣлъ ничего знать объ оскорбленіяхъ величества.

«Число процессовъ по поводу этихъ оскорбленій и въ настоящее время не достигало бы такой крупной цифры, если бы процессы не начинались вслѣдствіе доносовъ, вытекающихъ изъ самыхъ низкихъ мотивовъ мести.

«Нерѣдки и случаи, когда доносы исходятъ отъ близкихъ родственниковъ обвиненнаго. Жена доноситъ на мужа, чтобъ досадить ему, и наоборотъ. Нѣкоторые обнищавшіе субъекты нарочно оскорбляютъ величество, чтобъ найти пріютъ въ тюрьмѣ.

«Строгость приговоровъ противъ оскорбленія величества объясняется желаніемъ прокуроровъ получить въ награду повышеніе.

«Эти господа доходятъ до удивительныхъ толкованій закона, и общественное мнѣніе начинаетъ безпокоиться. Особенно велика опасность для прессы, потому что никто въ сущности не знаетъ, что такое «оскорбленіе величества»? Выдумали даже косвенное оскорбленіе величества.

«Одинъ редакторъ былъ осужденъ за то, что онъ протестовалъ противъ наименованія Вильгельма I «великимъ». Придворныя охоты, при которыхъ убивается масса дичи, одна газета назвала «бойней», и въ этомъ увидѣли оскорбленіе величества (безпокойство на скамьяхъ національлибераловъ и центра).

«Оберъ-прокуроръ Дрешеръ нашелъ оскорбленіе величества въ заявленіи о существованіи побочнаго правительства. Мы, наконецъ, дой-

демъ до того, что ни одинъ нѣмецъ не въ состояніи будетъ показаться за границей безъ того, чтобы не быть высмѣяннымъ. Одинъ городской голова отказался было принять орденъ, и въ этомъ тотчасъ увидѣли оскорбленіе чувства благоговѣнія и слѣдовательно величества (общій смѣхъ): господинъ поспѣшилъ согласиться взять орденъ. Причина многочисленныхъ оскорбленій величества лежитъ въ провокаціяхъ къ нимъ, выражающихся въ нападкахъ на партіи и личности. Оскорбительные нападки направляются особенно противъ моей партіи, но также и противъ другихъ партій и слоевъ населенія, даже противъ самого рейхстага.

«Правящій монархъ находится въ безотвѣтственномъ положеніи, свободенъ отъ всякихъ граней уголовнаго права. За дѣйствія монарха отвѣтственны министры; изъ этого слѣдуетъ, что монархъ долженъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ партійную политику. Если онъ считаетъ необходимымъ выступить противъ какой-нибудь партіи, онъ долженъ выбрать министровъ, которые бы были за это отвѣтственны. Эту крошечку долга монархъ могъ бы, конечно, выполнить въ виду своихъ большихъ привилегій; это тѣмъ необходимѣе, что оскорбленный монархомъ не можетъ отвѣчать, такъ какъ ему это запрещаетъ законъ. Уже самое гражданское приличіе запрещаетъ нападать на того, кто не можетъ защищаться. Noblesse oblige и на тронѣ. Если бы кто-нибудь захотѣлъ показать свою гражданскую гордость передъ королевскимъ тономъ, то онъ тотчасъ бы встрѣтилъ уголовнаго судью. Какъ мало удержу у одной изъ сторонъ, показываютъ выраженія, вырвавшіяся при разныхъ обстоятельствахъ изъ княжескихъ устъ. Въ 1889 году говорилось, что каждый соціалдемократъ тождественъ съ императорскимъ и отечественнымъ врагомъ. Заявленіе, что солдаты должны стрѣлять въ своихъ братьевъ и родителей, если имъ это прикажутъ, оскорбительно затронуло чувства далеко не однихъ соціалдемократовъ. Были нападки и на «ворчуновъ», подъ которыми подразумѣвались господа, сидящіе здѣсь направо. (Смѣхъ). Имъ предложено было отряхнуть пыль съ своихъ туфель и покинуть отечество. (Смѣхъ). Къ сожалѣнію, они этого не сдѣлали.

«Въ концѣ концовъ наступитъ еще день, когда «правая» будетъ разсматриваться, какъ «партія переворота»; она по отношенію къ разрушенію современныхъ политическихъ и соціальныхъ условій сдѣлала въ послѣдніе годы больше, чѣмъ соціалдемократія. (Смѣхъ). Самымъ рѣзкимъ образомъ было осуждено и рѣшеніе рейхстага по поводу поздравленія князя Бисмарка. Ни одному парламенту въ мірѣ не было сказано ничего подобнаго. Насъ (т.-е. партіи оратора) назвали «шайкою людей, недостойныхъ называться нѣмцами». Пасторамъ было предложено не вмѣшиваться въ политику, которая имъ совсѣмъ не подходитъ. (Смѣхъ). Это все заходитъ ужъ слишкомъ далеко, противъ этого долженъ бы воз-

стать весь рейхстагъ, какъ одинъ человѣкъ. И если теперь по поводу отказа въ морскомъ кредитѣ говорятъ о «субъектахъ», не имѣющихъ отечества», то куда же это, наконецъ, ведетъ? Разъ подобныя обвиненія бросаются въ лицо тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, дѣйствуютъ на благо своего отечества, то мы должны противъ нихъ обороняться.»

При этихъ словахъ предсѣдатель звонитъ и проситъ оратора держаться добраго парламентскаго обычая—не затрогивать личность главы государства. На это Бебель замѣчаетъ, что онъ до сихъ поръ никого не назвалъ по имени, и въ заключеніе объявляетъ процессы объ оскорбленіи величества позорнымъ памятникомъ нашихъ дней.

Предложеніе соціалдемократовъ встрѣтило очень мало отклика у другихъ партій. Центръ и антисемиты высказали лишь платоническое сочувствіе нѣкоторымъ положеніямъ Бебеля, при чемъ антисемитъ Ферстеръ привелъ двѣ недурныхъ прусскихъ поговорки: «Кто знаетъ правду и выскажетъ ее свободно, то попадетъ въ Берлинѣ въ участокъ» и «Всякій пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свое мнѣніе, но онъ хорошо сдѣлаетъ, если будетъ пользоваться этимъ правомъ какъ можно меньше».

Свободомыслящіе и народная партія стояли за передачу «предложенія» въ комиссію, но рейхстагъ большинствомъ голосовъ вовсе его отклонилъ. Какъ видите, это большинство необидчиво.

Въ Германіи, вѣроятно, никто бы не оскорблялъ величества, если бы императоръ Вильгельмъ II относился бы къ своимъ подданнымъ съ тою же послѣдовательною предупредительностью, какую онъ показываетъ въ послѣднее время по отношенію къ французамъ. Пожаръ благотворительнаго базара на улицѣ Жана Гужона, стоившей жизни болѣе чѣмъ 100 представителямъ высшаго парижскаго общества, послужилъ императору предлогомъ лишній разъ показать свою галантность. Телеграмма, посланная имъ президенту Фору по поводу этого несчастья, составлена въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ и, видимо, нашла себѣ откликъ въ сердцахъ многихъ французовъ.

Подробностями о страшной парижской катастрофѣ полны теперь газеты всего міра. Хотя на улицѣ Жана Гужона и погибло въ 10 разъ меньше, чѣмъ на нашей Ходынкѣ, но впечатлѣніе послѣдняя катастрофа произвела, судя по газетнымъ извѣстіямъ, несравненно большее. По сообщеніямъ корреспондентовъ, «жизнь Парижа пріостановилась», театры и большіе магазины закрыты, всѣ общественныя собранія отмѣнены, политика отступила на задній планъ, забыты на время и Греція, и панама. Несомнѣнно разница въ силѣ впечатлѣнія отъ парижской и московской катастрофы зависитъ отчасти оттого, что на Ходынкѣ погибли никому неизвѣстные «босяки», на улицѣ же Гужона сгорѣли представители высшаго общества: герцогини, графини и баронессы. Сгорѣла, между прочимъ, и сестра австрійской императрицы герцогиня Алансонская. Среди жертвъ почти нѣтъ мужчинъ, это объяс-

няется не только тѣмъ, что на благотворительномъ базарѣ въ моментъ пожара находилось больше женщинъ, но и тѣмъ, что мужчины, какъ болѣе сильные, «сумѣли» вырваться первыми изъ охваченнаго пламенемъ зданія. Изъ показаній спасшихся дамъ видно, что великосвѣтскіе кавалеры, бароны и графы, поступали, какъ дикіе звѣри, чтобы спасти свою жизнь. «Пробивая себѣ дорогу къ выходу, они наносили удары женщинамъ палками изо всей силы, отстраняли ихъ кулаками, сшибали съ ногъ и по ихъ тѣламъ бѣжали къ выходу. Одна дама разсказывала корреспонденту «Новаго Времени», что «когда она добралась до окна и взлѣзла на стулъ, чтобы прыгнуть изъ окна, ее стащилъ сзади со стула какой-то фешенебельный господинъ, такъ что она упала навзничь, и то же самое съ ней продѣлали нѣсколько человѣкъ, пока, наконецъ, ей не удалось взобраться на окно. Женихъ одной великосвѣтской барышни, какъ только вспыхнулъ огонь, ринулся впередъ въ толпу, бросивъ невѣсту и не оказавъ ей ни малѣйшей помощи». Другая пожилая дама сообщаетъ, что ее бросилъ племянникъ, и спаслась она только благодаря лакею.

Одна дама, сбитая съ ногъ въ толпѣ, протянула руки къ находившемуся возлѣ нея представителю большого свѣта и просила его помочь ей подняться, но тотъ не только не помогъ ей, но еще въ тотъ моментъ, когда она ухватилась за него, нанесъ ей ногой страшный ударъ, отъ которою она не оправилась до сихъ поръ... «Случаи столь гнуснаго поведенія,—телеграфируетъ тотъ же корреспондентъ,—были не единичные; напротивъ, *почти всѣ мужчины большого свѣта*, бывшіе на базарѣ, *поступали такимъ образомъ!* Полною противоположностью этимъ великосвѣтскимъ франтамъ явились простые рабочіе, съ опасностью жизни бросавшіеся въ пылающій костеръ и спасавшіе изъ него погибавшихъ женщинъ и дѣтей. Многіе изъ нихъ спасли по 20 и болѣе человѣкъ и затѣмъ скрылись, не указавъ своего имени, чтобъ избѣжать благодарностей и наградъ. Вообще и при этой катастрофѣ нашлось не мало героевъ, но всѣ они были не изъ аристократической и буржуазной среды.

Не даромъ графиня Кастелянъ собирается пріобрѣсти мѣсто, гдѣ стоялъ сгорѣвшій балаганъ, и построить на свой счетъ благотворительное учрежденіе *для низшихъ словъ общества*, оказавшихся на этотъ разъ неизмѣримо выше тѣхъ, кто называетъ себя «высшими». Безкорыстная, самоотверженная помощь, оказанная простыми рабочими аристократкамъ, брошеннымъ своими великосвѣтскими кавалерами, могла бы послужить благодарной темой для христіанской проповѣди, но патеръ Оливье, произнесшій рѣчь на торжественной панихидѣ въ «соборѣ Богоматери», предпочелъ выискивать причину, побудившую Провидѣніе погубить столько женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. И онъ нашелъ эту причину въ республиканскихъ учрежденіяхъ и соціализмѣ, за которые Богъ, наконецъ, рѣшилъ наказать Францію.

Проповѣдь это вызвала «сожалѣніе» даже въ кругахъ самыхъ ярыхъ клерикаловъ. Президентъ Форъ, присутствовавшій на панихидѣ, замѣтилъ, что онъ глубоко оскорбленъ словами Оливье и какъ человѣкъ, и какъ гражданинъ. Она, дѣйствительно, показываетъ, какія «страшныя» представленія о Богѣ копошатся еще понынѣ во мракѣ головъ нѣкоторыхъ католическихъ священниковъ, и объясняетъ до извѣстной степени безграничную ненависть къ «черной бандѣ» въ нѣкоторыхъ кругахъ французскаго народа. У насъ, насколько мы помнимъ, духовенство не считало ходынское несчастье справедливымъ наказаніемъ милосерднаго Бога.

Пожаръ на улицѣ Гужона вызвалъ косвенно смерть принца Омальскаго, наиболѣе выдающагося представителя орлеанскаго королевскаго дома. Принцъ такъ былъ пораженъ извѣстіемъ о катастрофѣ, при которой погибла между прочимъ и его племянница герцогиня Алансонская, что внезапно скончался. Онъ оставилъ послѣ себя громадное состояніе, и часть его, именно замокъ Шантильи, завѣщалъ французской академіи, членомъ которой состоялъ съ 1871 года. Всю жизнь онъ былъ сторонникомъ *конституціонной* монархіи, но онъ по установленіи республики не принималъ дѣятельнаго участія въ агитаціи въ пользу возвращенія французскаго трона «орлеанамъ», сознавая, что время монархіи прошло для Франціи безповоротно.

Вообще съ каждымъ годомъ вопросъ о возстановленіи монархіи во Франціи все болѣе и болѣе переходитъ въ область безпочвенныхъ мечтаній. Это далеко не значитъ, чтобы французскій народъ вполнѣ доволенъ современной буржуазной республикой, но онъ созналъ, что отъ призванія Бурбоновъ, Орлеановъ или Бонапартовъ нисколько не измѣнятся причины его недовольства.

Да и принцы «претендуютъ» на французскій престолъ больше изъ «чувства чести» и врядъ ли вполнѣ искренно. Королевская профессія въ западной Европѣ имѣетъ свои очень непріятныя стороны, какъ шутливо замѣтилъ итальянскій король Гумбертъ послѣ недавняго покушенія на его жизнь. Неудавшееся покушеніе совершено было однимъ молодымъ рабочимъ въ то время, какъ король ѣхалъ въ открытой коляскѣ на «скачки», гдѣ долженъ былъ разыгрываться призъ въ 25.000 франковъ. Немедленно арестованный преступникъ объяснилъ, что онъ лишь хотѣлъ обратить вниманіе на свое бѣдственное положеніе. Мысль о преступленіи возникла у него въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ, что лошадь на скачкахъ получаетъ 25.000 фр.; онъ же, человѣкъ, не можетъ найти работы на 1 франкъ, чтобы не умереть съ голода. Покушеніе послужило предлогомъ для шумныхъ овацій королю, которыя не обошлись безъ сильныхъ протестовъ. Соціалистическая газета «Avanti» высказалась самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ подобныхъ преступленій, замѣтивъ, что они болѣе, чѣмъ реакціонныя мѣры, поддерживаютъ монархическій принципъ въ Италіи, вызывая сочувственныя манифестаціи въ честь короля.

Въ первые дни послѣ покушенія въ печать проникали слухи, что положеніе ди-Рудини пошатнулось, и король мечтаетъ снова о возвращеніи Криспи, такъ умѣло справлявшагося съ внутренними врагами.

Но, увы, мечты эти не осуществимы, такъ какъ по отношенію къ внѣшнимъ врагамъ—абиссинцамъ—Криспи оказался очень неумѣлымъ. Рудини же надо отдать справедливость въ той искренности и смѣлости, съ которыми онъ выпутываетъ Италію изъ «африканскаго приключенія». Надняхъ онъ открыто заявилъ въ палатѣ, что Италія не только не намѣрена расширять своихъ владѣній на счетъ Абиссиніи, но и отказывается отъ большей части принадлежащей ей «колоніи Эритреи», сохраняя за собою лишь приморскій городъ Массову. Остальныя земли она распредѣляетъ между туземными вождями по своему выбору; Кассалу же очиститъ, какъ только получитъ на то согласіе Англіи.

Хорошо, если бы и Испанія послѣдовала благоразумному примѣру Италіи и дала бы, наконецъ, автономію Кубѣ и Филиппинскимъ острововъ, гдѣ, не смотря на десятки телеграммъ объ окончательномъ умиротвореніи, возстаніе, видимо, все еще продолжается.

«Въ Испаніи,—сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Барцелоны,—духъ Донъ-Кихота продолжаетъ жить и въ настоящее время, но не столько въ смыслѣ благородныхъ порывовъ «рыцаря печальнаго образа», сколько въ смыслѣ его сумасбродствъ и отсутствія правильнаго пониманія условій окружающей дѣйствительности. «Донъ-кихотизмъ» испанской колоніальной политики привелъ къ возстанію послѣднихъ изъ оставшихся за Испаніей крупныхъ колоній, и всѣ усилія метрополіи подавить возстаніе колоній не приводятъ къ желательнымъ результатамъ. Кубанскій вопросъ становится для Испаніи вопросомъ жизни и смерти, а Куба и Филиппинскіе острова—могилой испанской молодежи, бездонной пропастью, поглощающей всѣ рессурсы страны. Ежедневно Испанія тратитъ на веденіе войны въ колоніяхъ 2,500,000 песетъ и, кромѣ того, ежегодно уплачиваетъ 500,000,000 процентовъ по государственному долгу, значительная часть котораго обращена была на военные расходы. Никакихъ матеріальныхъ выгодъ Испанія давно уже не извлекаетъ изъ Кубы. Два года ведется трудная и дорого стоящая борьба съ кубинскими возстанниками, и, не смотря на смерть Масео, не смотря на опубликованіе административныхъ реформъ, которыя должны расширить самоуправленіе острова, не смотря на миролюбивое отношеніе къ Испаніи новаго президента Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Кинли, пылъ кубинскихъ инсургентовъ не охладѣваетъ, они продолжаютъ упорно стремиться къ независимости, разсчитывая, что въ концѣ концовъ у Испаніи истощатся средства для веденія борьбы. А этотъ моментъ уже близокъ, и въ этомъ смыслѣ уже дѣлаются намеки въ офиціозномъ органѣ *La Epoca*. Земледѣліе, промышленность и торговля приходятъ въ упадокъ. Каталонія, самая богатая часть Испаніи, переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ: многія фабрики закрываются въ виду отсутствія сбыта фабрикатовъ, и много рабочихъ рукъ остается безъ дѣла. Такъ, въ одномъ г. Манреса закрытіе нѣсколькихъ фабрикъ лишило заработка 3,000 чѣловѣкъ. Но, не смотря на эти грозные симптомы народнаго бѣдствія, война продолжается. Конечно, тяжело и больно утратить обладаніе островомъ, поддержаніе владычества на

которомъ стоило столькихъ жертвъ, но это владычество сопровождается однѣми лишь потерями, и борьба представляется неравной, упорствовать въ ней—значитъ не понимать своихъ интересовъ. Не лучше-ли лишиться колоніи, чтобы избавить метрополію отъ дальнѣйшихъ бѣдствій, не лучше ли ампутировать одинъ больной членъ, чѣмъ ожидать распространенія болѣзни по всему организму? Такія мнѣнія все чаще и чаще приходится выслушивать въ настоящее время и въ частныхъ бесѣдахъ, и со стороны независимой части испанской прессы.

Извѣстія о возстаніи на Филиппинскихъ островахъ въ послѣднее время также отличается пессимистическихъ характеромъ. Силы инсургентовъ не уменьшаются, а возрастаютъ, и, не смотря на рядъ успѣшныхъ военныхъ операцій, предпринятыхъ генераломъ Полавьехой, взятіе Кавите, гдѣ сосредоточены главныя силы тагаловъ, представляетъ непреодолимыя затрудненія. Генералъ Полавьеха пользуется большой популярностью, но, кажется, не встрѣчаетъ достаточной поддержки со стороны правительства, и этимъ объясняютъ истинныя причины недавно поданнаго имъ прошенія объ отставкѣ, мотивируемаго болѣзнью. Но, вѣроятно, болѣзнь не настолько серьезна, чтобы генералъ не былъ въ состояніи продолжать кампанію, потому что послѣ выраженной правительствомъ просьбы оставаться на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока позволятъ силы, просьбы, сопровождавшейся отправленіемъ 6,000 солдатъ въ подкрѣпленіе, Полавьеха не возбуждалъ больше вопроса объ отставкѣ».

Къ колоніальной войнѣ грозитъ присоединиться война гражданская. Агитація «карлистовъ» возобновилась и ведется теперь съ величайшей энергіей. Не исчезаютъ и «анархисты», не смотря на то, что правительство принимаетъ самыя суровыя мѣры не только противъ несомнѣнно виновныхъ въ «пропагандѣ дѣломъ», но и противъ лишь заподозрѣнныхъ въ ней. Недавно, напр., на морскомъ берегу около Барцелоны разстрѣляли 5 «анархистовъ», изъ которыхъ одинъ до послѣдней минуты клялся, что онъ совершенно невиновенъ. Вотъ какъ описываетъ эту казнь корреспондентъ «Frankfurter Zeitung», основываясь на отчетахъ барцелонскихъ газетъ. «3 мая, въ 4 часа утра, военный судъ явился въ цитадель крѣпости Монтжуихъ, около Барцелоны. Осужденные были разбужены и одинъ задругимъ подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ проведены въ подземелье, гдѣ находится «зала суда». *Ашери*, былъ приведенъ первымъ и вошелъ вполнѣ спокойно, сказавъ: «Доброе утро, милостивые государи!» Ни капли не измѣнившись въ лицѣ, выслушалъ онъ приговоръ и подписалъ его твердою рукой. *Молась* точно также привѣтствовалъ судъ, равнодушно выслушалъ приговоръ, но подписаться отказался. Луи *Масъ* былъ много нервнѣе.—«Я плохой анархистъ—сказалъ онъ,—потому что я выдалъ своихъ товарищей». Затѣмъ, сильно дрожа, онъ подписалъ свой смертный приговоръ. *Альсина* выглядѣлъ въ высшей степени мрачнымъ и совершенно разбитымъ. Во время чтенія приговора онъ рыдалъ и постоянно повторялъ: «Я невиновенъ! Сжальтесь!» Уже третьяго дня Альсина зналъ о своей участи. Его семья послала ему письмо, въ которомъ

стояли слѣдующія слова: «Твоя дочурка все еще нездорова». Это, по предварительному соглашенію, означало: «для тебя нѣтъ спасенія». Послѣднимъ былъ введенъ *Ногесъ*. Онъ выступалъ смѣло и воскликнулъ: «Чортъ возьми! пора бы окончить всю эту комедію». Онъ спокойно подписалъ смертный приговоръ и твердыми шагами вышелъ вонъ. Пять осужденныхъ были снова отведены въ свои кельи, которыя къ этому времени были убраны чернымъ сукномъ и зажженными восковыми свѣчами. Въ этой обстановкѣ осужденные должны были провести послѣдніе 24 часа своей жизни. Для послѣдняго духовнаго утѣшенія къ нимъ явился полковой священникъ и 6 іезуитскихъ патеровъ. Кромѣ того свои услуги предложили члены особаго общества «Hermandad de la Pazy Caridad», къ которому принадлежатъ многіе испанскіе аристократы и которое заботится о душѣ и тѣлѣ казненныхъ. Въ 3 часа пополудни осужденнымъ дозволено было принять своихъ родныхъ. Альсина, увидѣвъ свою жену и 4-хъ маленькихъ дѣтей, кинулся къ нимъ на встрѣчу, горячо ихъ обнималъ и рыдая воскликнулъ: «Вы знаете, конечно, что я невиновенъ».—«О, да, мы знаемъ это», сказала жена, и всѣ плакали такъ, что у присутствовавшихъ сердце разрывалось... «Говорите объ этомъ всѣмъ и всюду», попросилъ Альсина и нѣжно отстранилъ жену и дѣтей отъ себя, не будучи въ силахъ ихъ болѣе видѣть. Къ Моласу пришли сестра и кузина. Послѣдней онъ замѣтилъ, улыбаясь: «Знаешь ли, дитя, что я теперь предпринимаю длинное путешествіе?» — «Да, — отвѣтила дѣвушка,—только не забудь извѣстить насъ тотчасъ по прибытіи». И Моласъ утверждалъ, что онъ невиновенъ. Его сестра, выходя изъ кельи, была до того возбуждена, что бросилась на одного изъ членовъ «Hermandad» и дала ему пощечину. Возвращаясь изъ крѣпости въ Барцелону, она встрѣтила двухъ полицейскихъ и такъ закидала ихъ камнями, что тѣ обратились въ бѣгство. Ногеса посѣтила его любовница съ двумя дѣтьми. Онъ ободрялъ ихъ и сказалъ, что жизнь въ сущности скверная исторія, и смерть нисколько его не безпокоитъ. Альсина, Ногесъ и Моласъ отказались принять священниковъ; они до послѣдняго момента пѣли анархическія пѣсни.

Ашери и Масъ, напротивъ, весь день молились. Вечеромъ передъ казнью они повѣнчались въ своей траурной кельѣ: первый со вдовой разстрѣляннаго раньше анархиста Барраса, второй—съ его дочерью. На этой странной двойной свадьбѣ присутствовали офицеры, судья и и іезуитскіе патеры. Рано утромъ на другой день въ виду бушующаго моря на песочной береговой дюнѣ пали пять осужденныхъ подъ выстрѣлами маузеровскихъ ружей, только что полученныхъ изъ Германіи. Это было первое примѣненіе маузеровскихъ ружей въ Испаніи.

В. Ш.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

I. Перемѣна администраціи.

Самымъ выдающимся политическимъ событіемъ прошлаго мѣсяца въ союзѣ было вступленіе въ должность новаго президента. По общему отзыву газетъ, торжество это отличалось невиданною еще въ Америкѣ пышностью. Со всѣхъ концовъ страны собрались чествовать своего президента милліонеры и крупные дѣльцы, съѣхавшіеся въ нарочно заказанныхъ по этому случаю шикарныхъ экстренныхъ поѣздахъ. Золото въ убранствѣ, въ декораціяхъ, даже въ музыкѣ—оркестръ игралъ маршъ «Золотой жукъ»—золото блестѣло повсюду, какъ эмблема тѣхъ интересовъ, на стражѣ которыхъ призванъ стоять Макъ-Кинли.

Въ этотъ день американская плутократія праздновала побѣду и одолѣніе надъ «внутреннимъ врагомъ»: надъ американской демократіей.

Историческое значеніе избирательной кампаніи, увѣнчавшейся вступленіемъ Макъ-Кинли въ должность президента, заключается въ томъ, что въ первый разъ со времени междуусобной войны группировка политическихъ партій пріобрѣла рѣзко выраженный классовый характеръ. Подъ флагомъ «честнаго доллара» сплотились всѣ сознательные ратоборцы крупнаго капитала; подъ знаменемъ «доллара нашихъ предковъ» боролась доживающая свой вѣкъ мелкая буржуазія, которая въ цвѣтущую пору своей юности создала американскую демократію. Нули, приставшіе къ той и другой сторонѣ, по своему положенію и интересамъ принадлежали къ другимъ общественнымъ группамъ, еще не выработавшимъ особаго классоваго самосознанія.

Чтобы понять современное положеніе вещей въ Америкѣ, намъ нужно вернуться за нѣсколько лѣтъ назадъ, ко второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Съ одной стороны, рядъ колоссальныхъ стачекъ, для усмиренія которыхъ потребовалось вмѣшательство войскъ, динамитный взрывъ въ Чикаго и казнь привлеченныхъ къ дѣлу анархистовъ; съ другой стороны, агитація Генри Джорджа, чуть было не увѣнчавшаяся избраніемъ его на должность нью-іоркскаго мера, затѣмъ пропаганда такъ называемыхъ «націоналистовъ» (послѣдователей Беллами); на ряду съ этимъ, образованіе цѣлой сѣти фермерскихъ сою-

зовъ, поставившихъ себѣ задачей поднятіе мелкаго земледѣлія, — все это подготовило почву для образованія новой партіи, присвоившей себѣ названіе «популистовъ». Программа, или «платформа», выработанная на первой національной конвенціи партіи, наканунѣ президентскихъ выборовъ 1892 года, открывается рѣзкимъ обличеніемъ двухъ господствующихъ партій: республиканской и демократической, приведшихъ страну къ разоренію и деморализаціи; въ основу программы положено, какъ назвали бы у насъ, «трудовое начало»; во вступленіи находится робкій намекъ на коллективизмъ, изъ котораго вытекаютъ, какъ практическія требованія, переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства, прекращеніе «хищенія» государственныхъ земель и реформа финансовой системы. Эта программа въ томъ же году доставила популистскому кандидату въ президенты около милліона голосовъ. Сверхъ того партія послала нѣсколько депутатовъ и сенаторовъ въ конгрессъ, избрала трехъ губернаторовъ и одержала рядъ блестящихъ побѣдъ на выборахъ въ мѣстныя законодательныя собранія.

Самая неопредѣленность программы была разсчитана на то, чтобы привлечь въ ряды партіи представителей всѣхъ оттѣнковъ американскихъ недовольныхъ. «Синглъ-таксеры» (ученики Генри Джорджа), «національсты» и всякіе другіе «исты», остатки нѣкогда могущественнаго Ордена рыцарей труда и т. д.—всѣ объединились подъ знаменами новой партіи; всякій проповѣдывалъ свое, всякій комментировалъ программу на свой ладъ. А въ странѣ тѣмъ временемъ все волновалось. Едва улеглось возбужденіе послѣ большихъ стачекъ на заводѣ филантропа Карнеги, какъ разразился промышленный кризисъ, лишившій сотни тысячъ людей куска хлѣба. Весною слѣдующаго 1894 года армія незанятыхъ рабочихъ двинулась въ Вашингтонъ; не обошлось безъ столкновенія съ властями; многіе были арестованы, но демонстрація въ общемъ носила благодушный характеръ и кончилась фарсомъ. Фарсъ смѣнился драмой въ видѣ огромной желѣзно-дорожной стачки, втянувшей свыше 150.000 рабочихъ и окончившейся посылкой федеральныхъ войскъ въ Чикаго.

Партія популистовъ не преминула воспользоваться этими событіями на выборахъ въ конгрессъ, состоявшихся осенью того же года; число поданныхъ за нее голосовъ возросло на 60% противъ 1892 г. Масса избирателей, оставшаяся внѣ вліянія популистской партіи, въ видѣ протеста противъ демократической администраціи повсюду вотировала за республиканцевъ. Пораженіе демократической партіи на выборахъ 1894 г. предвѣщало крушеніе на президентскихъ выборахъ 1896 г. Въ сущности принципіальныя грани между демократами и республиканцами давно уже совершенно сгладились; все различіе между ними сводилось къ тому, что одни успѣли примоститься къ общественному пирогу, а другіе еще только добирались до него. Какъ та, такъ и другая партія находилась на содержаніи у синдикатовъ и служила

ихъ интересамъ. Но республиканская партія успѣла стать центромъ притяженія для представителей крупнаго капитала, и отдѣльное существованіе второй капиталистической партіи утратило всякій разумный смыслъ. Въ этотъ грозный часъ демократическая партія обратила свои взоры на популистовъ. Починъ въ дѣлѣ сближенія съ популистами принадлежитъ бывшему иллинойскому губернатору Альтгельду, на оригинальной личности котораго стоитъ остановиться.

Сынъ нѣмецкихъ родителей, привезенный ребенкомъ въ Америку, онъ успѣлъ, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, выдвинуться на адвокатскомъ поприщѣ, а адвокатура въ Америкѣ, какъ извѣстно, ступень къ политической карьерѣ. Альтгельдъ сумѣлъ зарекомендовать себя симпатіями къ рабочимъ и былъ избранъ въ судьи. Въ кампанію 1892 г. демократы выставили его своимъ кандидатомъ въ губернаторы; рабочіе обѣщали ему свою поддержку подъ условіемъ дарованія амнистіи тремъ лицамъ, осужденнымъ на пожизненное заключеніе по обвиненію въ динамитномъ заговорѣ 1886 г. Петиція о помилованіи ихъ была подписана прокуроромъ, поддерживавшимъ обвиненіе противъ нихъ, присяжными, вынесшими имъ обвинительный вердиктъ, и многими капиталистами и именитыми гражданами Чикаго.

Альтгельдъ былъ избранъ губернаторомъ и сдержалъ свое слово. День освобожденія заключенныхъ былъ днемъ всеобщаго ликованія въ Чикаго. Приказъ о помилованіи привезенъ былъ въ тюрьму однимъ изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ банкировъ. Въ честь освобожденныхъ данъ былъ прощальный обѣдъ въ домѣ тюремнаго смотрителя. Вся пресса въ теченіе двухъ дней полна была подробностями этого событія. И вдругъ среди этого самодовольнаго хора ликующихъ, словно пѣснь вайделота въ «Конрадѣ Валленродѣ», раздалось обличительное слово губернатора Альтгельда. Не довольствуясь канцелярскимъ приказомъ о помилованіи, губернаторъ въ своемъ посланіи, на основаніи цѣлаго ряда официально удостовѣренныхъ фактовъ, обнаружилъ, что весь процессъ былъ полицейской махинаціей; присяжные были подтасованы; дѣло изобиловало вопіющими нарушеніями обрядовъ и формъ судопроизводства; предсѣдательское резюме представляло одно сплошное извращеніе данныхъ судебнаго слѣдствія; противъ обвиняемыхъ не приведено было ни малѣйшихъ уликъ, и осужденіе и казнь пяти человѣкъ были не юридической ошибкой даже, а предумышленнымъ юридическимъ убійствомъ. Освобожденіе уцѣлѣвшихъ жертвъ процесса выставлялось въ губернаторскомъ посланіи не актомъ милосердія, а дѣломъ простой справедливости.

Скандалъ, произведенный этимъ посланіемъ, не поддается описанію. Губернатора Альтгельда предавали проклятію во всѣхъ двадцати тысячахъ американскихъ газетъ. Никто и не попытался опровергнуть приведенныхъ имъ фактовъ, но измѣнника прямо окрестили «анархистомъ» и врагомъ отечества. Прошелъ годъ. Разразилась огромная

желѣзнодорожная стачка. Чикаго, въ которомъ сходится двадцать восемь линій желѣзныхъ дорогъ, естественно явилось центромъ волненій. Толпы рабочихъ опрокидывали вагоны и загромождали рельсы, чтобы остановить движеніе. Альтгельдъ исправно посылалъ милицію по первому востребованію мѣстныхъ властей; милиція неукоснительно стрѣляла въ бунтовщиковъ для возстановленія законнаго порядка. Но союзъ главноуправляющихъ желѣзными дорогами (General Managers' Association), опасаясь распространенія волненій, обратился непосредственно къ президенту Кливелэнду съ просьбой о командировкѣ федеральныхъ войскъ. Кливелэндъ не замедлилъ отрядить цѣлый полкъ въ Чикаго. Солдаты пришли, расположились бивуаками на берегу озера Мичигана и вдоль желѣзныхъ линій, простояли нѣсколько дней и ушли прочь, не выпустивши ни одного заряда. Порядокъ уже ранѣе былъ возстановленъ милиціей Альтгельда.

По этому поводу между президентомъ и губернаторомъ Иллинойса разыгрался конфликтъ изъ-за того, какими пулями стрѣлять въ толпу—мѣстными или федеральными. На взглядъ посторонняго наблюдателя, все это пререканіе сильно напоминаетъ пресловутый споръ щедринскихъ пѣнкоснимателей о томъ, что лучше: «отмѣнить или упразднить?» Но Альтгельду оно доставило дешевые лавры среди американскихъ прогрессистовъ и даже среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

Чтобы уяснить читателю истинную подкладку этого инцидента, нужно сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ injunctions, или судебныхъ запрещеніяхъ, представляющихъ характерную особенность англо-американскаго права и игравшихъ большую роль въ рабочихъ волненіяхъ послѣдняго времени. Судъ въ Англіи и въ Америкѣ имѣетъ право издать приказъ, воспрещающій отдѣльному лицу или группѣ лицъ совершеніе извѣстныхъ, общими законами незапрещенныхъ дѣйствій подъ страхомъ наказанія за «неуваженіе къ суду». На этомъ основаніи федеральные суды въ послѣдніе годы неизмѣнно издавали приказы, воспрещавшіе рабочимъ бросать работу на желѣзной дорогѣ во время стачекъ. Ослушниковъ сажали въ тюрьму безъ суда, безъ присяжныхъ, безъ права аппеляціи, прямо административнымъ порядкомъ, въ силу присущей суду дисциплинарной власти налагать наказанія за «неуваженіе къ суду». Такъ случилось и на этотъ разъ. Директоры Союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ продолжали руководить стачкой, не взирая на судебное запрещеніе; рабочіе не принимались за работу. И вотъ, для приведенія въ исполненіе приказа федеральнаго суда отряжены были федеральныя войска. Протестъ Альтгельда вновь возбудилъ давно забытый споръ о «суверенитетѣ штатовъ», послужившій формальной причиной возстанія юга въ 1861 г. Альтгельдъ поставилъ на видъ президенту, что посылкою союзныхъ войскъ въ «свободный и независимый штатъ Иллинойсъ», безъ всякаго требованія со стороны мѣстнаго губернатора, президентъ узурпировалъ непринадле-

жащую ему власть. Кливелэндъ возразилъ на это, что войска посланы были для содѣйствія федеральнымъ судамъ въ охраненіи почты, перевозимой желѣзными дорогами; почта же есть федеральное учрежденіе, стоящее внѣ юрисдикціи мѣстныхъ властей.

Эти адвокатскіе крючки чрезвычайно ярко характеризуютъ американское буквоѣдство. Въ сущности, какъ во время междоусобной войны, отвлеченный споръ о суверенитетѣ штатовъ и нераздѣльности республики лишь маскировалъ борьбу классовъ съ противоположными интересами. Формально разрывъ между югомъ и сѣверомъ былъ протестомъ во имя мѣстной автономіи противъ вмѣшательства центральной власти въ мѣстныя дѣла, тогда какъ въ дѣйствительности югъ боролся за рабство, а сѣверъ за «свободный трудъ». Подобную же роль сыгралъ и на этотъ разъ давно забытый споръ о федерализмѣ и централизмѣ.

Всѣ вліятельные политиканы демократической партіи стали въ этомъ инцидентѣ на сторону Кливелэнда. Для демократической партіи это равнялось отреченію отъ историческаго принципа, съ которымъ связаны были судьбы ея въ теченіе цѣлаго столѣтія. Полное единодушіе между республиканцами и демократами по такому вопросу, изъ-за котораго тридцать лѣтъ тому назадъ тѣ же партіи, во многихъ случаяхъ тѣ же самые люди, стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, окончательно показало, что клички «республиканцы» и «демократы» давно уже утратили всякій реальный смыслъ. Только крутой поворотъ налѣво могъ еще, пожалуй, спасти демократическую партію. Съ этою цѣлью Альтгельдъ въ 1895 г. созвалъ мѣстную конвенцію своей партіи; конвенція рѣшительно высказалась въ пользу свободной чеканки серебра, одного изъ главныхъ требованій популистовъ; по почину Иллинойса въ томъ же смыслѣ высказались демократическія конвенціи въ другихъ штатахъ.

Въ лагерѣ популистовъ это вызвало сильное броженіе. Пока дѣло ограничивалось проповѣдями, каждому предоставлялось думать и говорить что угодно. Коллективисты могли находить въ программѣ партіи выраженіе основоположеній коллективизма и съ этой точки зрѣнія разсматривать переходъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, какъ частное приложеніе общаго принципа. Идя дальше въ этомъ направленіи, они въ мѣстныхъ программахъ требовали «государственной собственности на всѣ монополіи». Большинство партіи, однако, и главные вожаки ея смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Не имѣя въ принципѣ ничего противъ системы свободной конкуренціи, они разсуждали въ то же время, что желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны и т. п.—«естественныя монополіи», а потому подлежатъ передачѣ въ руки государства. Все остальное составляетъ область частной предпріимчивости. Для поощренія же послѣдней самое насущное дѣло—обиліе денегъ, а стало быть и дешевизна кредита. Самое раціональное—надѣлать денегъ при помощи благо-

дѣтельнаго печатнаго станка, нѣкогда воспѣтаго у насъ проф. Исаевымъ. Но въ видѣ компромисса партія довольствовалась для начала свободной и неограниченной чеканкой серебряныхъ денегъ.

Политическая логика неминуемо вела къ союзу между популистами и демократами. Послѣ четырехъ лѣтъ пропаганды въ пользу свободной чеканки серебра, когда, наконецъ, популистамъ удалось обратить въ свою вѣру большую партію, отказаться отъ союза съ нею значило бы идти противъ своей же собственной программы. Такъ разсуждали политиканы популистской партіи и ея умѣренное большинство. Но популистская партія, какъ мы видѣли, представляла конгломератъ разнородныхъ элементовъ, преслѣдовавшихъ различныя цѣли. Коллективисты, болѣе или менѣе индифферентные къ серебряному вопросу, заявляли себя непримиримыми противниками компромисса съ демократами, ради котораго популистской партіи приходилось на время спрятать свои коллективистскія тенденціи. Политиканы партіи въ свою очередь лишь ждали національной конвенціи, чтобы отдѣлаться отъ ставшихъ неудобными союзниковъ.

Избраніе Брайана кандидатомъ демократической партіи было сюрпризомъ для всей Америки. Своей пламенной филиппикой противъ господства «богатыхъ» Брайанъ увлекъ сборище профессіональныхъ политиковъ и въ одинъ день завоевалъ положеніе вождя. Программа партіи, выработанная подъ диктовку Альтгельда, заключала въ себѣ требованіе свободной чеканки серебра, подоходнаго налога, протестъ противъ вмѣшательства федеральной власти въ мѣстныя дѣла и противъ «управленія административнымъ порядкомъ» (Government by injunction).

На послѣдовавшей затѣмъ конвенціи популистовъ умѣренный элементъ партіи оказался въ большинствѣ, и Брайанъ былъ провозглашенъ кандидатомъ популистской партіи.

Глядя на дѣло съ доктринерской точки зрѣнія, ничего особеннаго не произошло: небольшое измѣненіе программы по вопросамъ болѣе или менѣе отвлеченнымъ и только. На дѣлѣ, однако, это былъ цѣлый переворотъ. Свободная чеканка серебра непосредственно затрогивала лишь интересы банкировъ, которые вынуждены были бы расплачиваться съ иностранными своими корреспондентами золотой валютой, тогда какъ курсъ внутреннихъ цѣнностей и долговыхъ обязательствъ съ переводомъ на серебряную валюту упалъ бы приблизительно на 50%.

Но протестъ противъ административной расправы съ рабочими имѣлъ другое значеніе. Отъ демократической партіи отшатнулись всѣ представители господствующихъ классовъ; въ ея рядахъ остались лишь мелкая буржуазія и рабочіе; представители крупнаго капитала всѣ стеклись въ станъ республиканцевъ. Впервые со времени междоусобной войны республиканская и домократическая партіи выстроились другъ противъ друга, какъ представители враждебныхъ соціальныхъ классовъ. Настроеніе господствующихъ классовъ чрезвычайно характерно выра-

зилъ въ разговорѣ съ редакторомъ газеты New York Journal президентъ нью-іоркскаго полицейскаго совѣта милльонеръ Рузевелтъ:

«Свободная чеканка серебра,—сказалъ онъ,—въ концѣ концовъ не самое важное въ чикагской программѣ. Но что будитъ тревогу въ сердцахъ патріотовъ отечества, это нападеніе на прочность и цѣлость государства. Что бы они тамъ ни говорили, въ глубинѣ души вожаки «понократической» [1]) партіи желаютъ революціи».

Перейдя затѣмъ къ характеристикѣ вожаковъ «новой демократіи», Рузевелтъ заявилъ, что онъ не подалъ бы руки Альтгельду, «потому что ему, быть можетъ, придется скрестить съ нимъ мечи на полѣ брани».

«Я серьезно думаю,—продолжалъ онъ,—что настроеніе, охватившее въ настоящее время значительную часть нашего народа, можетъ быть подавлено лишь такъ, какъ подавлена была парижская коммуна: выстроить этакъ десятокъ или дюжину коноводовъ вдоль стѣны и перестрѣлять! Я убѣжденъ, что дойдетъ до этого. Эти вожаки замышляютъ соціальную революцію и ниспроверженіе американской республики».

Мы видѣли, что если смотрѣть только на программу демократической партіи, то тревога была преувеличена. Но уже одного робкаго протеста противъ господства привилегій достаточно было, чтобы поднять на ноги весь капиталистическій міръ. Политиканы были оттѣснены на задній планъ. Капиталисты взяли дѣло въ свои собственныя руки. Застращиваніе избирателей происходило совершенно открыто. На многихъ фабрикахъ работы были сокращены наполовину «впредь до выборовъ»; въ иныхъ мѣстахъ половина рабочихъ получила расчетъ съ поясненіемъ, что въ случаѣ избранія Макъ-Кинли они вновь будутъ приняты на работу. За нѣсколько дней до выборовъ въ Нью-Іоркѣ была устроена республиканская процессія; и вотъ хозяева заставляли своихъ служащихъ и рабочихъ маршировать въ честь Макъ-Кинли подъ страхомъ расчета. На многихъ фабрикахъ рабочимъ заявлено было наканунѣ выборовъ, что въ случаѣ избранія Брайана имъ нечего приходить на работу, если же будетъ избранъ Макъ-Кинли, они должны явиться на свои мѣста въ урочный часъ. Не обошлось и безъ курьезовъ. Давленіе на выборы запрещено закономъ. Въ виду этого управляющій одной фабрикой вывѣсилъ слѣдующее наивное объявленіе: «служащимъ предписывается вотировать, какъ имъ угодно, подъ опасеніемъ увольненія» (Employees must vote as they please, or get discharged). Такихъ фактовъ можно насчитать тысячи. Трудно сказать, передъ чѣмъ остановились бы заправилы республиканской партіи, если бы, не смотря на всѣ принятыя мѣры, Брайанъ оказался избраннымъ. Маркъ Ханна, завѣдывавшій кампаніей Макъ-Кинли, многозначительно

---

[1]) Понократія—господство труда, кличка, придуманная газетами для обозначенія союза популистовъ съ демократами.

заявилъ передъ выборами: «если мы не побьемъ его (Брайана) такъ, то мы справимся съ нимъ иначе». Гораздо яснѣе высказался въ публичной рѣчи знаменитый нью-іоркскій адвокатъ и республиканскій вожакъ Эдвардъ Лаутербахъ:

«Если бъ имъ какими-нибудь судьбами удалось навязать вамъ эти ужасныя анархическія, соціалистическія и коммунистическія ученія, заключающіяся въ пресловутой программѣ, принятой этимъ популистскимъ отродьемъ, то мы такому рѣшенію не подчинимся».

Въ этихъ словахъ уже слышится открытая угроза контръ-революціей. На этотъ разъ дѣло, однако, не зашло такъ далеко. Кандидатъ простого народа былъ побитъ большинствомъ въ полмилліона голосовъ. Но эта кампанія останется памятной въ политической исторіи Америки. То, что годами медленно подготовлялось въ общественномъ мнѣніи правящихъ классовъ, но не высказывалось вслухъ, теперь прорвалось наружу. Открыто стали раздаваться голоса въ пользу ограниченія всеобщаго избирательнаго права. Особенно энергичное участіе въ борьбѣ проявило здѣшнее духовенство, которое вообще, вопреки пресловутому отдѣленію церкви отъ государства, играетъ въ американской общественной и политической жизни болѣе вліятельную роль, чѣмъ въ любомъ европейскомъ государствѣ. Чьи интересы оно отстаиваетъ, показываетъ заявленіе епископа Вортингтона изъ Небраски корреспонденту, явившемуся его интервьюировать:

«Бѣда съ нашимъ фермеромъ—сказалъ онъ,—въ томъ, что мы черезчуръ далеко зашли съ нашей системой всеобщаго дарового обученія. Я знаю, конечно, что этотъ взглядъ сочтутъ за ересь, но я, тѣмъ не менѣе, убѣжденъ въ этомъ. Крестьянскіе сыновья — очень многіе изъ нихъ, по крайней мѣрѣ,—не обладающіе никакими задатками, чтобы выдвинуться, получаютъ вкусъ къ образованію и продолжаютъ учиться. Изъ нихъ, изъ многихъ, я думаю, никогда ничего не выйдетъ, а между тѣмъ они уже не довольствуются тѣмъ жизненнымъ путемъ, который предназначенъ имъ Богомъ, и тянутся въ города. Вотъ это-то переобученіе людей, совершенно неспособныхъ, переполняетъ наши города, а фермы отъ этого лежатъ впустѣ».

Устами епископа говорятъ тѣ общественные элементы, представителемъ которыхъ является Макъ-Кинли. Ихъ партія—республиканская партія. Демократическая партія дезорганизована. Старые, закаленные въ бояхъ вожаки ея открыто измѣнили ей на прошлыхъ выборахъ, прямо или косвенно агитируя за Макъ-Кинли. Демократическая организація отреклась на послѣднихъ выборахъ отъ крупно-капиталистическихъ традицій и стала партіей разоряющейся мелкой буржуазіи (сюда же мы относимъ и крестьянство). Удержитъ ли она за собою протестантовъ, обыкновенно наполняющихъ кадры т. наз. «третьей» партіи, а на послѣднихъ выборахъ примкнувшихъ къ «новой демократіи», теперь предсказать трудно. Можно ожидать въ ближайшемъ

будущемъ реорганизаціи популистской партіи или образованія новой партіи съ болѣе ясно выраженной коллективистской программой. Многіе не безъ основанія полагаютъ, что подъ давленіемъ этой партіи демократическая партія вынуждена будетъ взять на себя починъ въ дѣлѣ проведенія въ жизнь требованій т. наз. муниципальнаго и государственнаго соціализма.

Н. Г.

Нью-Іоркъ, 20 марта (1 апрѣля) 1897 г.

Письма изъ Австріи.

I. Еще о выборахъ въ Галиціи.

Въ «Новомъ Словѣ» была уже статья о галиційскихъ выборахъ [1]). Къ сожалѣнію, автору ея не удалось проникнуть западнѣе Перемышля, а это обстоятельство лишило его возможности наблюдать самые любопытные моменты избирательной борьбы. Поскольку западная Галиція отличается въ этнографическомъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи отъ восточной, постольку же выборы въ западной не были похожи на выборы въ восточной Галиціи. Поэтому я думаю, что моя замѣтка можетъ служить дополненіемъ къ путевымъ наброскамъ г. Водовозова и облегчитъ читателямъ «Новаго Слова» пониманіе довольно запутанныхъ галиційскихъ отношеній.

Я ѣхалъ изъ Вѣны въ Краковъ подъ впечатлѣніемъ событій 9-го марта, которыя поразили своей неожиданностью всѣхъ тѣхъ, кто строилъ различныя предположенія относительно результатовъ вѣнскихъ выборовъ въ парламентъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что антисемитамъ удастся получить 2 — 3 депутатскихъ полномочья, но чтобы сторонники Люегера повсюду побѣдили прекрасно организованную и дисциплинированную армію вѣнскихъ рабочихъ, этого никому и въ голову не приходило. Чтобы всѣ пять вѣнскихъ и четыре нижне-австрійскихъ полномочья попали въ руки антисемитовъ, чтобы не прошли въ парламентъ такіе люди, какъ Адлеръ и даже популярнѣйшій парламентскій дѣятель Австріи—Пернерсторферъ, такого исхода не ожидалъ рѣшительно никто.

«Если въ Вѣнѣ, въ этомъ культурномъ центрѣ государства, побѣдила реакція, то чего же можно ожидать отъ Кракова, слывшаго до сихъ поръ главнымъ гнѣздомъ клерикализма и всякой реакціи, города, лишеннаго промышленности и фабричнаго пролетаріата, столицы одной изъ самыхъ отсталыхъ провинцій Австріи», думалъ я, приближаясь къ Галиціи. Слѣдя довольно давно за развитіемъ политической

---

[1]) См. В. Водовозова «Политическіе выборы въ Галиціи». «Нов. Сл.», апрѣльская книжка.

жизни этой части Польши, я склоненъ былъ строить довольно оптимистическія предположенія относительно исхода выборовъ въ Краковѣ и во всей западной Галиціи, однако, послѣ пораженія въ Вѣнѣ соединенной арміи всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, нужно было бросить всякія предположенія...

Приближаясь къ Кракову, я проѣзжалъ черезъ восточную Силезію, гдѣ какъ разъ въ тотъ же день, когда въ Вѣнѣ антисемиты праздновали свою побѣду, *польскіе* рабочіе и крестьяне выбрали въ депутаты *чешскаго* соціалдемократа Цингра, проваливъ *польскаго* клерикала Цѣнцялу. Къ сожалѣнію, день былъ рабочій, и поэтому мнѣ не пришлось столкнуться въ вагонѣ ни съ кѣмъ изъ принимавшихъ непосредственное вліяніе въ выборахъ...

Переѣхавъ галиційскую границу, я сразу же попалъ въ атмосферу, свидѣтельствующую о томъ, что все мѣстное населеніе интересуется долженствовавшими произойти на слѣдующій день выборами. Былъ вечеръ, и въ вагонъ 3-го класса на каждой станціи вваливалась самая разнообразная публика. Тутъ были и рабочіе, и интеллигенты, и крестьяне, и евреи, и бабы-торговки. Всѣ они однако говорили объ одномъ— о завтрашнихъ выборахъ. Я вступалъ въ разговоръ со многими и прежде всего начиналъ разспрашивать, кто, по ихъ мнѣнію, будетъ выбранъ въ Краковѣ.

Краковъ являлся однимъ изъ двухъ галиційскихъ округовъ, въ которыхъ выборы прямые, что давало возможность имѣть нѣкоторую надежду на успѣхъ и самымъ крайнимъ партіямъ. Впрочемъ, краковскій округъ былъ устроенъ такъ хитро, что городское населеніе играло второстепенную роль. Къ городу были прирѣзаны четыре сосѣднихъ чисто сельскихъ округа. Такимъ образомъ въ этомъ округѣ могъ побѣдить только такой кандидатъ, въ пользу котораго голосовали бы крестьянскія массы. Вотъ среди этихъ-то массъ и велась самая энергическая агитація со стороны всѣхъ соперничающихъ въ этомъ округѣ политическихъ партій. Тутъ работали и консерваторы, именуемые въ Галиціи «станчиками», подкупая крестьянъ и стараясь подѣйствовать на нихъ лицемѣрными обѣщаніями и угрозами. Тутъ агитировали и юркіе іезуиты, безуспѣшно пытающіеся вызвать въ Галиціи христіанско-соціальное движеніе. Тутъ дѣйствовали и польскіе «людовцы», въ послѣднее время все быстрѣе и быстрѣе передвигающіеся направо. Тутъ, наконецъ, работали соціалдемократы, впервые взявшіеся за агитацію en gros среди крестьянства.

Депутатское полномочіе краковскаго округа пятой куріи считалось очень лакомымъ кусочкомъ, и поэтому на него зарилось около десятка лицъ. Однако, въ концѣ концовъ, большинство изъ нихъ сообразило, что имъ не подъ силу получить достаточное количество голосовъ, и число кандидатовъ уменьшилось до трехъ — станчика, людовца-антисемита и соціалдемократа: князя Понинскаго, доктора Миколай-

скаго и главнаго руководителя галиційскаго рабочаго движенья — Дашинскаго.

Три этихъ имени постоянно повторялись во всѣхъ углахъ вагона, въ которомъ я сидѣлъ; но видно было, что среди моихъ спутниковъ преобладали сторонники Дашинскаго. Рядомъ со мной сидѣлъ молодой еврей въ засаленномъ лапсердакѣ, съ длинными, искусно закрученными въ видѣ пробочниковъ пейсами. Онъ, какъ-то захлебываясь и быстро тараторя, убѣждалъ сидящаго противъ него интеллигента, повидимому мелкаго чиновника, отдать голосъ въ пользу Дашинскаго.

— Ахъ, если бъ вы знали, что это за человѣкъ! Вѣдь это золотой человѣкъ, право, не вру, золотой человѣкъ! А какъ онъ говоритъ! Ахъ, какъ онъ говоритъ!

Чиновникъ произносилъ какія-то безсвязныя слова, очевидно, не желая высказываться ни за, ни противъ.

— Вчера было собраніе въ циркѣ,—продолжалъ неутомимый еврей,—и Дашинскій говорилъ. Ахъ, если бъ вы знали, что это было! Народа было тьма тьмущая, тысячъ десять, а когда онъ говорилъ—всѣ затаили дыханіе. И говорилъ же онъ! Ахъ, какъ говорилъ! Все, кажется, какъ бы изъ сердца у тебя вынулъ. Бабы, такъ тѣ плакали! Нѣтъ, господинъ, если вы ужъ хотите, чтобъ вашъ голосъ не пропалъ задаромъ, такъ отдайте его въ пользу Дашинскаго. Что вамъ это стоитъ? Голосованье тайное—никто объ этомъ и не узнаетъ.

— Посмотримъ еще!—замѣтилъ чиновникъ.

Еврей не переставалъ убѣждать его, а я тѣмъ временемъ перешелъ въ другой конецъ вагона, гдѣ вокругъ ораторствующаго о чемъ-то рабочаго собралась кучка крестьянъ. Крестьяне, повидимому, соглашались съ нимъ и отъ времени до времени поддакивали.

— Теперь, ежели взять къ примѣру мужика деревенскаго,—говорилъ рабочій,—кто ему ближе: князь ли Понинскій, который всегда будетъ за пановъ стоять, или Дашинскій, человѣкъ бѣдный, который вотъ уже сколько лѣтъ работаетъ для всѣхъ бѣдныхъ людей, мужиковъ, рабочихъ. Эхъ, братцы, знаю я Дашинскаго хорошо, видалъ я его и на собраньяхъ, и въ «Силѣ» [1]). Стоитъ только прійти къ нему бѣдному человѣку, все одно, нашъ ли онъ или еврей, Дашинскій всякому поможетъ, скажетъ, что дѣлать, куда обратиться, защититъ. Правда, денегъ не дастъ да, вѣдь и у него самого ихъ нѣтъ. Онъ такой же бѣдный человѣкъ, какъ и мы. Отдавайте, братцы, голосъ въ пользу него,—не пожалѣете!

Крестьяне одобрительно качали головами, а одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Да мы и такъ будемъ голосовать въ пользу Дашинскаго. Мы его знаемъ! У насъ въ деревнѣ не одно собранье уже было. Сначала люди боялись соціалдемократовъ, думали, что они землю хотятъ у

[1]) Названье рабочихъ обществъ, имѣющихся во всѣхъ городахъ Галиціи.

насъ отнять, церкви разрушить... Теперь мы знаемъ, въ чемъ дѣло, насъ не надуешь. Славно они пишутъ!

Тутъ крестьянинъ вынулъ изъ-за пазухи сильно потрепанный номеръ «Правда Народа», повидимому побывавшій уже не въ одномъ десяткѣ рукъ, и сталъ читать избирательную программу соціалдемократовъ.

— Правильно это все!—заявилъ, прерывая его, парень лѣтъ 23-хъ.— И у насъ въ деревнѣ они были. И какъ они дѣйствуютъ. Вотъ пріѣдутъ агитаторы князя Понинскаго и сейчасъ, значитъ, угощаютъ мужиковъ, даютъ имъ деньги... Явится Миколайскій со своими сторонниками, соберетъ мужиковъ побагаче, запрется у войта въ избѣ и ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ соціалдемократовъ. Такого, кто уже знаетъ, чего хотятъ рабочіе, туда не пускаютъ: боятся, какъ бы врать имъ не помѣшали, видно. Совсѣмъ не то Дашинскій и его люди. Пріѣдутъ это въ деревню, сейчасъ, значитъ, собраніе созовутъ. Иди кто хочетъ! Сейчасъ это тебѣ дадутъ «Право Народа», всякіе листки, растолкуютъ, почему тебѣ скверно живется, кто твой другъ и кто врагъ, кто тебя обижаетъ и кто помочь тебѣ хочетъ. И всякому можно на такое собранье прійти, всякій можетъ говорить. А насчетъ денегъ, такъ ужъ тутъ ни гроша съ нихъ не получишь! Видно ихъ дѣло правое, если имъ не нужно подкупать людей. И такъ всѣ почти за ними идутъ. У насъ вся деревня Дашинскаго выбираетъ.

Я попросилъ парня передать мнѣ № «Право Народа» и сталъ его просматривать. № состоялъ изъ 18 стр. Тутъ была и руководящая статья о значеніи выборовъ, и хроника крестьянско-соціалистическаго движенія, и руководство для избирателей, и письма крестьянъ, и стишки, и популярно-научныя статейки. Газета была редактирована очень живо и писана прекраснымъ популярнымъ языкомъ. Видя, что я заинтересовался газеткой, рабочій внимательно посмотрѣлъ на меня и досталъ изъ-за пазухи цѣлый ворохъ агитаціонной литературы. Тутъ были и №№ «Впередъ»—краковскаго рабочаго органа, и «Избирательная Газета», и масса воззваній. Я сталъ просматривать все это, отъ времени до времени прислушиваясь къ разговорамъ спутниковъ.

Мы подъѣзжали къ Кракову. Рабочіе, крестьяне и евреи поднялись со своихъ мѣстъ и стали готовиться къ выходу.

— Такъ, значитъ, отдадите голосъ Дашинскому!—услыхалъ я снова и, обернувшись, увидѣлъ, что мой прежній сосѣдъ-еврей не перестаетъ убѣждать чиновника.

— Ну, хорошо, хорошо, отдамъ!—отвѣчалъ тотъ.

— У васъ карточки при себѣ?

— При мнѣ.

— Такъ дайте, у меня есть чернила, сейчасъ же и напишемъ: «Игнатій Дашинскій, редакторъ изъ Кракова».

— Эхъ, надоѣлъ ты мнѣ! На, пиши!

— Еврей, захлебываясь отъ восторга, написалъ большими буквами фамилію соціалдемократическаго кандидата и возвратилъ карточку чиновнику, предварительно покрывъ крестами поля ея, чтобы фамилію Дашинскаго нельзя было замѣнить впослѣдствіи какой-нибудь другой.

— Четырнадцатую карточку уже пишу!—заявилъ мнѣ еврей, радостно улыбаясь и лукаво подмигивая глазомъ.

Поѣздъ остановился. Всѣ направились къ выходу. Выйдя изъ вокзала, я направился въ ближайшую гостиницу. Какой-то мальчуганъ лѣтъ десяти ухватился за мой скромный корреспондентскій чемоданчикъ и вызвался снести его въ гостиницу.

Было десять часовъ.

— Не знаешь ли, малый, нѣтъ ли сегодня какого-нибудь собранья вечеромъ?—спросилъ я мальчугана.

— Нѣтъ, папе, сегодня нѣту собраній. Мой папа на всѣ собранія ходитъ, а сегодня дома остался. Значитъ, нѣту!

— А кто твой папа?

— Мой-то? Дворникъ.

— А кого выбираетъ твой папа?

—, Извѣстно, господина Дашинскаго... Весь Краковъ голосуетъ въ пользу Дашинскаго.

Наскоро переодѣвшись, я отправился въ городъ. Спокойный въ обыкновенное время «градъ Ягеллоновъ» былъ какъ-то ненормально оживленъ. Повсюду я натыкался на кучки людей, которые говорили о выборахъ, или, вѣрнѣе, о Дашинскомъ. Около громадныхъ красныхъ плакатовъ стояли рабочіе и громко читали инструкціи для избирателей. У одного изъ рабочихъ я узналъ, гдѣ находится центральный агитаціонный пунктъ, и отправился туда. Благодаря своей корреспондентской карточкѣ, я былъ принятъ очень любезно и впущенъ туда, гдѣ шли послѣднія приготовленія къ выборамъ.

Въ большомъ залѣ рабочаго общества «Сила» собралось нѣсколько десятковъ рабочихъ и студентовъ, на которыхъ лежала обязанность руководить выборами и слѣдить за порядкомъ. Дашинскій отдавалъ послѣднее распоряженіе своему штабу, который долженъ былъ разсыпаться по деревнямъ всего краковскаго округа, чтобы наблюдать за порядкомъ и предупреждать злоупотребленія.

Дашинскаго я уже видывалъ и прежде, бывая въ Галиціи. Это человѣкъ высокаго роста, съ худымъ, энергическимъ и въ высшей степени интеллигентнымъ лицомъ, съ элегантными манерами, всегда изящно одѣтый. Дашинскій является главнымъ руководителемъ и душой рабочаго движенья въ Галиціи. Блестящій ораторъ, одинако дѣйствующій и на интеллигентсную публику, и на рабочихъ и на крестьянъ, умный и весьма хлесткій публицистъ, прекрасный организаторъ, Дашинскій пользуется въ Галиціи необыкновенной популярностью. Обожаемый рабочими и крестьянами, Дашинскій пользуется уваженіемъ и

со стороны своихъ политическихъ противниковъ, иронически называющихъ его «польскимъ Лассалемъ».

Галиційское движеніе обязано ему весьма многимъ. Онъ сумѣлъ изъ очень плохого матеріала [1]) создать блестящую организацію, насчитывающую десятки тысячъ членовъ. Онъ поставилъ на ноги рабочую прессу, состоящую теперь изъ 7-ми органовъ (агитаціонныхъ, жаблетовъ, крестьянскаго, еврейскаго, научно-литературнаго) и заставилъ всѣ политическіе факторы страны считаться съ рабочимъ движеніемъ, какъ съ серьезной силой. Онъ первый началъ агитацію среди крестьянъ, создавъ спеціальный органъ для нихъ и выработавъ программу политической дѣятельности соціалдемократовъ въ деревняхъ.

Какъ мнѣ пришлось узнать, агитація въ краковскомъ округѣ, какъ впрочемъ и во всей остальной Галиціи, велась въ высшей степени энергично. Соціалдемократы распространили 250.000 программныхъ воззваній, 40.000 мѣстныхъ прокламацій, около 50.000 экземпляровъ газетъ и до 20.000 информаціонныхъ и агитаціонныхъ брошюръ. Нѣсколько сотъ собраній было созвано за послѣднія 2—3 мѣсяца.

Противъ соціалдемократовъ выступили сомкнутые ряды консервативно-клерикальной партіи (правительственной), іезуитовъ, людовцевъ, которые въ послѣднее время вступили на путь оппортунизма и приняли въ программу антисемитизмъ. Въ союзѣ съ соціалдемократами дѣйствовала крестьянская партія ксендза Стояловскаго, выставившаго программу, очень немногимъ отличающуюся отъ программы рабочей партіи и постоянно заявлявшаго, что какъ IV-я курія должна принадлежать крестьянамъ, такъ V-я всецѣло принадлежитъ рабочимъ, которые добились избирательной реформы. Самъ ксендзъ Стояловскій, преданный анаѳемѣ галиційскими церковными властями и скрывшійся отъ преслѣдованій въ Венгрію, руководилъ выборами изъ пограничнаго венгерскаго городка Чаца (Csacza). Онъ выставилъ собственныхъ кандидатовъ въ нѣсколькихъ западно-галиційскихъ округахъ IV-й куріи и въ одномъ V-й. Въ остальныхъ округахъ V-й куріи онъ рекомендовалъ кандидатовъ соціалдемократической партіи.

Соціалдемократы сосредоточили всѣ свои силы въ двухъ округахъ—краковскомъ и львовскомъ: въ нѣсколькихъ другихъ они тоже выставили своихъ кандидатовъ, хотя и не имѣли надежды на успѣхъ, потому что всѣ эти округа чисто крестьянскіе [2]), а кромѣ того выборы тамъ не прямые.

Въ день выборовъ я всталъ рано утромъ и отправился къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ должно было происходить голосованіе. Уже за часъ до голосованія рабочіе орднеры (распорядители) были на своихъ мѣстахъ, а избиратели толпились передъ закрытыми дверьми. Повсюду стояли солдаты со

---

[1]) Галиція—страна, почти лишенная фабричной промышленности.

[2]) Соц. агитація между крестьянами ведется всего какихъ-нибудь 6—7 мѣсяцевъ.

штыками на ружьяхъ, такъ какъ власти полагали, что первый опытъ поголовной подачи голосовъ не обойдется безъ волненій. Однако, ничто не указывало на то, чтобы избиратели желали произвести какіе-нибудь безпорядки. Напротивъ, господствовалъ образцовый порядокъ. Когда началось голосованіе, и избиратели стали порываться какъ можно скорѣе войти въ помѣщенье, въ которомъ происходили выборы, ордпера-рабочіе мгновенно возстановляли порядокъ. Сразу же видно было, что, благодаря прекрасной организаціи рабочихъ, спокойствіе нигдѣ не будетъ нарушено. Къ этому убѣжденію пришли, повидимому, и власти, такъ какъ къ 10 ч. утра войска были убраны.

Городъ имѣлъ праздничный видъ. Господствовало необыкновенное оживленіе. Толпа избирателей и прямо зѣвакъ сновали по улицамъ. Никто не работалъ. На домахъ, заборахъ и т. д. виднѣлись громадные красные плакаты, приглашающіе избирателей подавать голосъ въ пользу Дашинскаго. Меня удивило не мало то обстоятельство, что нигдѣ не было плакатовъ ни князя Понинскаго, ни dr. Миколайскаго. Оказалось, что уличные мальчишки организовали банды, которыя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ уничтожили, т.-е. сорвали всѣ плакаты Понинскаго и Миколайскаго. А такъ какъ нѣкоторые изъ плакатовъ перваго были наклеены довольно высоко, то уличные мальчишки такъ забросали ихъ грязью, что нельзя было разобрать ни единого слова.

Блуждая по городу, я встрѣтился съ редакторомъ одной изъ мѣстныхъ газетъ. Мы рѣшили взять фіакръ и отправиться въ окрестныя села. Мы остановились на предмѣстьи Казимержъ, населенномъ исключительно евреями, и нашимъ глазамъ представилось довольно оригинальное зрѣлище. Тысячи евреевъ въ длиннополыхъ, грязныхъ лапсердакахъ, въ помятыхъ цилиндрахъ, съ длиннѣйшими пейсами, толпились около помѣщеній, гдѣ должны были происходить выборы. Тутъ были и молодые люди, и совершенно сѣдые старики. Мы подошли и стали разспрашивать ихъ, въ пользу кого они голосуютъ.

— Понятно, въ пользу Дашинскаго!—былъ повсюду одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Потолкавшись среди избирателей-евреевъ, мы направились въ одну изъ подгородныхъ деревень. И тамъ царствовало большое оживленіе. Деревня раздѣлилась на три весьма неравныхъ лагеря. Громаднѣйшее большинство представляли сторонники Дашинскаго, кучки крестьянъ побогаче стояли за Миколайскаго, а всѣ подонки крестьянскаго общества, которыхъ можно было подкупить, голосовали въ пользу князя Понинскаго.

Не желая обращать на себя вниманія жандармовъ, зорко слѣдившихъ за всѣмъ, что происходило, мы поѣхали дальше и, побывавъ въ двухъ-трехъ деревняхъ, направились обратно въ Краковъ.

По пути намъ пришлось быть свидѣтелемъ довольно оригинальной

сцены. Соціалдемократы отправили въ каждую деревню, гдѣ должны были происходить выборы, своихъ орднеровъ: рабочихъ и студентовъ. На одномъ изъ мостовъ мы остановились и стали разспрашивать такого орднера о ходѣ выборовъ въ селѣ.

Оказалось, что все село за исключеніемъ мѣстныхъ богатѣевъ, состоитъ изъ сторонниковъ Дашинскаго. Мы уже хотѣли ѣхать дальше, какъ вдругъ увидѣли босоногаго мальчугашку, который бѣжалъ по направленію къ селу.

— Куда бѣжишь?—окликнулъ его орднеръ.

— На село, съ карточками...

— Съ какими карточками? Покажи-ка!

— Съ карточками князя Понинскаго...

— А ну-ка покажи ихъ!

Мальчишка подозрительно оглянулся вокругъ и уже намѣренъ былъ навострить лыжи, когда орднеръ выхватилъ у него изъ рукъ карточки.

Оказалось, что мальчишка несъ болѣе 150 карточекъ, съ написанной уже фамиліей кн. Понинскаго, по всей вѣроятности, купленныхъ оптомъ этимъ кандидатомъ.

Орднеръ преспокойно взялъ избирательные карточки, завернулъ ихъ въ бумагу, привязалъ камень и бросилъ все это въ воду, говоря мальчишкѣ:

— Скажи-ка тѣмъ, кто тебя послалъ, пусть они благодарятъ Бога за то, что мы ихъ въ полицію не тащимъ!

Мы вернулись въ Краковъ подъ вечеръ. Въ городѣ голосованіе уже окончилось. Шелъ подсчетъ голосовъ, и рабочіе, собравшись въ агитаціонныхъ локалахъ, ожидали результата выборовъ. Никто не сомнѣвался, что въ самомъ Краковѣ Дашинскій получитъ большинство, но всѣхъ интересовалъ вопросъ, въ пользу котораго изъ кандидатовъ выскажется деревня. Поэтому всѣ съ нетерпѣньемъ ожидали извѣстій изъ деревень. Вскорѣ начали появляться рабочіе орднеры, привозившіе эти извѣстія. Каждое изъ нихъ было встрѣчаемо кликами восторга, такъ какъ во всѣхъ безъ исключенья селахъ Дашинскій получилъ колоссальное большинство.

Въ самомъ Краковѣ Дашинскій получилъ 9.132 голоса [1]), Понинскій—1.762, Миколайскій—1.377. Въ общемъ Дашинскій получилъ 22.214 голосовъ, а его противники вмѣстѣ 6.625. Ни одинъ изъ австрійскихъ соціалдемократическихъ кандидатовъ не получилъ такого громаднаго (и обсолютно, и относительно) количества голосовъ, при чемъ однихъ крестьянскихъ голосовъ онъ получилъ болѣе 11.000.

Когда распространилась вѣсть объ избраніи Дашинскаго, Краковомъ овладѣлъ неописанный энтузіазмъ. 20.000 толпа сосредоточилась передъ

[1]) Т.-е. 74% отданныхъ голосовъ.

зданіемъ «староства», гдѣ было объявлено о выборѣ Дашинскаго. Когда этотъ послѣдній появился на улицѣ, энтузіазмъ толпы достигъ своего апогея. Вновь испеченнаго депутата подхватили на руки и торжественно несли черезъ городъ при звукахъ рабочаго гимна. Наконецъ, его приподняли и поставили на кучу кирпичей какъ разъ подъ окнами редакціи іезуитскаго органа для рабочихъ. Дашинскій произнесъ короткую рѣчь, благодаря своихъ избирателей, и попросилъ народъ спокойно разойтись по домамъ. Не прошло и получаса, какъ улицы Кракова опустѣли, публика отправилась домой, и только очень незначительная часть ея разсѣялась по ресторанамъ и кафе, чтобы отпраздновать тамъ побѣду.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выбора Дашинскаго, среди массъ начали уже зарождаться всякіе слухи легендарнаго характера. Разсказывали, между прочимъ, что Дашинскій будетъ присягать на вѣрность народу въ день годовщины присяги Костюшки, чѣмъ не мало была обезпокоена краковская полиція. Краковскіе торговки сообщали подъ секретомъ, что Дашинскій ѣдетъ на 6 лѣтъ къ императору въ Вѣну, «въ ученье», и, вернувшись изъ Вѣны, провозгласитъ себя польскимъ королемъ. Кто-то пустилъ слухъ, что Дашинскій вовсе не обыкновенный человѣкъ, а скрывающійся кронпринцъ Рудольфъ.

Покинувъ Краковъ, я направился во Львовъ, гдѣ былъ выбранъ другой членъ польской соціалдемократической партіи — Янъ Козакевичъ. И во Львовѣ господствовалъ большой энтузіазмъ, омраченный только трагическими происшествіями въ селѣ Давидовѣ, гдѣ избирательный комиссаръ застрѣлилъ крестьянина и самъ былъ убитъ крестьянами, приведенными въ бѣшенство страшными злоупотребленіями.

Убійство комиссара въ Давидовѣ лучше всего доказываетъ, что избирательная борьба въ восточной Галиціи не имѣла національнаго характера, какъ это хотѣли представить русинскіе и польскіе шовинисты. Дѣло въ томъ, что Давидово чисто польское село, а убитый комиссаръ Попель тоже полякъ. Во время избирательныхъ злоупотребленій въ восточной Галиціи терпѣливые, флегматичные русины покорно выносили разныя безобразія, чего не могли стерпѣть сангвиничные поляки. Русины позволяли стрѣлять въ себя, не думая о серьезномъ противодѣйствіи; польскіе крестьяне рѣшили постоять за себя и отомстить за обиды...

Выборъ Дашинскаго и Козакевича былъ полнымъ сюрпризомъ. Если кто и ожидалъ, что они будутъ выбраны, то во всякомъ случаѣ никто не предвидѣлъ, что они получатъ такое громадное количество голосовъ [1]). Еще большимъ сюрпризомъ были выборы изъ четвертой, кре-

[1]) Козакевичъ получилъ болѣе 15.000.

стьянской куріи западной Галиціи. Перешедшіе на почву оппортунизма «людовцы» потерпѣли полное пораженіе. Имъ удалось провести едва двухъ крестьянъ-депутатовъ. Единственный ихъ депутатъ изъ пятой куріи—Винковскій попалъ въ парламентъ благодаря тому, что соціалдемократы голосовали при перебаллотировкѣ въ пользу него. Зато партія Стояловскаго, лишенная руководителя и хорошихъ агитаторовъ, побѣдила единственно благодаря своему радикальному характеру.

Однако удивительнѣе всего успѣхи соціалдемократовъ въ чистосельскихъ округахъ пятой куріи. Нѣкоторые изъ нихъ получили вопреки всѣмъ ожиданіямъ громадное количество голосовъ, а одинъ изъ нихъ—Желяшкевичъ не попалъ въ парламентъ единственно потому, что «людовцы» при перебаллотировкѣ голосовали въ пользу правительственнаго кандидата.

Послѣдніе выборы въ Галиціи являются новой эрой въ политической жизни этой страны. Благодаря имъ въ австрійскомъ парламентѣ, гдѣ до сихъ поръ польское «Коло» являлось представителемъ ультрареакціонныхъ стремленій, появляется группа независимыхъ польскихъ оппозиціонныхъ депутатовъ, изъ которыхъ одинъ—Дашинскій становится во главѣ самаго крайняго парламентскаго клуба.

Л. Василевскій.

II. Избирательная борьба въ Вѣнѣ.

9-е марта 1897 года навсегда останется глубоко-знаменательнымъ днемъ въ исторіи общественно-политической жизни всей Австріи и въ особенности австрійскаго рабочаго класса. Этотъ день является началомъ новой эры, когда право законодательства и управленія страною дѣлается правомъ всего австрійскаго народа, хотя и въ далеко неодинаковой степени для различныхъ классовъ общества.

Въ этотъ день трудящееся населеніе нижней Австріи, Моравіи, Силезіи, Зальцбурга и Каринтіи, представлявшее до сихъ поръ политически-безправную массу впервые участвовало въ избраніи парламентскихъ депутатовъ.

Несомнѣнно основной интересъ дня сосредоточивался на ходѣ и исходѣ избирательной борьбы въ Вѣнѣ. Здѣсь должно было произойти рѣшительное сраженіе между двумя враждующими арміями — антисемитской и рабочей партіями. Въ первый разъ съ ея основанія столица Австріи переживаетъ такую грандіозную и полную глубокаго смысла избирательную борьбу. Здѣсь сталкивались носители двухъ діаметрально-противоположныхъ міровоззрѣній, представители двухъ общественныхъ классовъ съ непримиримо-различными интересами. Что же представ-

*

ляютъ собою обѣ враждующія стороны и каковы ихъ пріемы и лозунги борьбы. Первое, что заслуживаетъ особеннаго вниманія при отвѣтѣ на поставленные вопросы, это фактъ, что на этотъ разъ рѣшительнымъ противникомъ рабочей партіи выступаетъ та самая антисемитская партія, именующая себя также «христіанско-соціальной», которая за послѣдніе два года вышла побѣдительницей въ борьбѣ съ нѣмецко-либеральной партіею крупныхъ капиталистовъ. Невольно поражаетъ кажущаяся несообразность, что одна и та же партія, вчера еще боровшаяся съ капиталистами «въ интересахъ всѣхъ живущихъ честнымъ трудомъ», сегодня еще съ большимъ ожесточеніемъ борется съ организованными рабочими.

Кто же этотъ двуликій Янусъ, повидимому съ одинаковой свирѣпостью взирающій какъ на партію крупныхъ капиталистовъ, такъ и на ея антипода? До недавнихъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ либералами антисемитская партія носила рѣзко выраженный характеръ и подобающую оппозиціонную внѣшность. Главная масса антисемитскихъ избирателей и до сихъ поръ рекрутируется изъ рядовъ многочисленнаго въ Вѣнѣ мѣщанства, мелкихъ лавочниковъ и ремесленныхъ мастеровъ, промышленниковъ и торговцевъ средней руки, чиновниковъ, ресторатороръ, домовладѣльцевъ и т. п. Всѣ эти элементы по тѣмъ или другимъ причинамъ были недовольны «теперешними временами», всѣхъ ихъ сплотила ненависть къ господствовавшему буржуазно-либеральному режиму. Занимая промежуточное положеніе между крупной буржуазіей и пролетаріатомъ, съ одной стороны находясь подъ давленіемъ конкуренціи крупнаго капитала, а съ другой сама являясь въ роли эксплоататора по отношенію къ рабочему и наталкиваясь на его противодѣйствіе, мелкая буржуазія подъ флагомъ антисемитизма вначалѣ дѣйствительно вела борьбу на два фронта и даже нападала болѣе ожесточенно именно на партію крупныхъ капиталистовъ—«еврейско-либеральную» партію. Но сдѣлавшись господствующею партіею въ городскомъ самоуправленіи Вѣны и въ нижнеавстрійскомъ сеймѣ, антисемитская партія претерпѣваетъ существенную метаморфозу.

Антисемитская партія, разбившая на-голову либераловъ, сама становится постепенно ничѣмъ инымъ, какъ новой фирмой для обанкротившихся буржуазныхъ партій, перерождается изъ мелкобуржуазной въ общебуржуазную партію. Вотъ почему мы вставили оговорку «повидимому», когда шла рѣчь о двуликомъ Янусѣ—антисемитизмѣ, «повидимому съ одинаковой свирѣпостью взирающемъ» на крупныхъ капиталистовъ и рабочихъ. Теперь лицо этого Януса, обращенное въ одну сторону—къ капиталу, пріобрѣтаетъ все болѣе умильное выраженіе, но зато тѣмъ болѣе злобнымъ дѣлается выраженіе лица, обращенное въ сторону рабочихъ. На ряду съ этимъ день ото дня отчетливѣе обнаруживается другая основная тенденція партіи—реакціонный, фео-

дально-клерикальный характеръ антисемитскаго движенія. Теперь съ него какъ рукою сняло оппозиціонный глянцъ, исчезли послѣдніе слѣды мелкобуржуазнаго демократизма, отличавшаго партію въ періодъ ея туманной юности. Объединенныя подъ знаменемъ антисемитизма массы мелкаго городского мѣщанства и различныя категоріи капиталистовъ все болѣе подпадаютъ подъ вліяніе вождей, преслѣдующихъ феодально-клерикальныя тенденціи, стремящихся создать изъ антисемитской партіи реакціонный оплотъ противъ напора новой прогрессивной силы и въ то же время слѣпое орудіе для достиженія узкопартійныхъ цѣлей феодально-клерикальной аристократіи.

Обѣ эти тенденціи—капиталистическая и феодально-клерикальная были присущи антисемитическому движенію съ момента его возникновенія, но онѣ доразвились и проявились во всей полнотѣ за самое послѣднее время, когда антисемитамъ пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу. Другая изъ борющихся сторонъ—рабочая партія—представляетъ классовую организацію наиболѣе развитой политически части вѣнскаго пролетаріата.

Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отцы теперешняго вѣнскаго пролетаріата первые выставили требованіе политическихъ правъ для всего народа и въ частности всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Шагъ за шагомъ, цѣною громадныхъ усилій и жертвъ рабочіе отвоевали себѣ за послѣднія три десятилѣтія право свободы слова, собраній, коалиціи, союзовъ.

Вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ былъ снова выдвинутъ на очередь трудящимся населеніемъ въ 1890 году, характеръ же главной злобы дня онъ пріобрѣлъ за послѣдніе 4 года, когда организованный пролетаріатъ всей Австріи и главнымъ образомъ Вѣны, какъ передовой отрядъ всей арміи, пришелъ къ сознанію необходимости сконцентрировать всѣ свои силы на рѣшеніи этого жизненнаго вопроса и во что бы то ни стало добиться права представительства въ парламентѣ. Согласно этому рѣшенію они выработали планъ дѣйствій и систематически повели широкую и въ высшей степени интенсивную агитацію за достиженіе избирательнаго права. Ихъ энергичныя усилія увѣнчались успѣхомъ, и весною прошлаго года правительство и господствующія партіи въ парламентѣ были вынуждены провести избирательную реформу. Въ этой борьбѣ за избирательное право для всего народа рабочая партія была совершенно одинока, она понесла много жертвъ, проявила удивительную энергію и способность къ самопожертвованію. Антисемиты не только не способствовали, а всѣми силами противодѣйствовали реформѣ, хотя и скрывали это за громкими фразами. Вѣнскій пролетаріатъ цѣлыхъ 30 лѣтъ сознательно стремился къ достиженію избирательнаго права, и вотъ послѣ столь долгихъ ожиданій и упорной борьбы за его пріобрѣтеніе ему предстояло 9 марта впервые воспользоваться этимъ правомъ. Но

предварительно необходимо было совершить колоссальную организаціонную и агитаціонную работу. Невидимая постороннему наблюдателю такъ называемая «мелкая работа» была начата задолго до офиціальнаго выборнаго періода, еще съ осени. Рука объ руку съ созданіемъ организаціи шла интенсивная агитація «отъ улицы къ улицѣ, изъ дома въ домъ, отъ человѣка къ человѣку», направленная къ приведенію въ извѣстность уже имѣющихся на лицо силъ, а главное къ вовлеченію въ движеніе новыхъ элементовъ, бывшихъ до сихъ поръ индифферентными.

Надо замѣтить, что вѣнскій пролетаріатъ до сихъ поръ не имѣлъ законченной политической организаціи. Отчасти этому мѣшала отсталость австрійскаго законодательства, запрещающаго отдѣльнымъ политическимъ обществамъ вступать между собою въ какія-либо отношенія, а главнымъ образомъ въ этомъ отражается тотъ фактъ, что австрійское движеніе вообще еще очень молодо, вполнѣ развитыя формы массоваго движенія оно приняло въ сущности не болѣе 10 лѣтъ. Теперь, подъ вліяніемъ необходимости широкаго, систематическаго воздѣйствія на всю многомилліонную массу трудящагося населенія, партія впервые провела вполнѣ законченный планъ политической организаціи по «системѣ довѣренныхъ лицъ» (Vertrauensmännersystem), единственно возможной при дѣйствующемъ правѣ объ организаціи политическихъ союзовъ и обществъ. Эта система—территоріальная. Довѣренныя лица для каждаго избирательнаго округа и далѣе для каждаго городского участка, для отдѣльныхъ кварталовъ, улицъ и переулковъ были по мѣсту ихъ жительства негласно избраны уже существовавшими профессіональными рабочими союзами и политическими обществами изъ вполнѣ надежныхъ и энергичныхъ людей.

На собраніяхъ довѣренныхъ лицъ каждаго участка были избраны участковые избирательные комитеты, а члены участковыхъ избирательныхъ комитетовъ цѣлаго избирательнаго округа изъ своей среды избирали окружный комитетъ, руководящій всей агитаціонной и организаціонной работой въ данномъ округѣ. Кромѣ того, существовалъ центральный избирательный комитетъ для всей Вѣны, находившійся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ главнымъ общеавстрійскимъ комитетомъ партіи, руководившимъ избирательной борьбой во всей Австріи чрезъ посредство партійныхъ комитетовъ отдѣльныхъ провинцій. Съ другой стороны, довѣренныя лица отдѣльныхъ кварталовъ и улицъ вербовали по своему усмотрѣнію помощниковъ, изъ которыхъ каждый получалъ въ завѣдываніе нѣсколько домовъ, а иногда всего одинъ-два дома. Вся мелкая агитаціонная работа и велась этими довѣренными лицами и ихъ помощниками. Первой задачей новой организаціи было привести въ извѣстность контингентъ новыхъ избирателей вообще и сторонниковъ партіи въ частности. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ вѣнскій магистратъ произвелъ перепись всѣхъ избирателей

пятой куріи, партія сдѣлала это частнымъ образомъ, обходомъ и опросомъ по квартирамъ. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ созывались небольшія собранія избирателей отдѣльныхъ районовъ, кварталовъ, улицъ по именнымъ приглашеніямъ, разносимымъ по домамъ. Точно также созывались избиратели даннаго района по отраслямъ труда и во всѣхъ этихъ безчисленныхъ собраніяхъ, собесѣдованіяхъ съ избирателями по поводу читаемыхъ рефератовъ на злобы дня руководители движенія будили мысль до сихъ поръ индифферентныхъ, склоняли ихъ симпатіи въ свою сторону критикой антисемитизма вообще и въ особенности хозяйничанья антисемитовъ въ городскомъ самоуправленіи. Созывавшіяся позднѣе массовыя избирательныя собранія были въ сущности лишь смотрами и дальнѣйшей выправкой политическихъ новобранцевъ, завербованныхъ на этихъ кружковыхъ собесѣдованіяхъ, а также путемъ усиленной агитаціи на фабрикахъ, въ мастерскихъ, въ частныхъ разговорахъ за кружкой пива, и т. п.

Другимъ главнымъ средствомъ избирательной агитаціи является массовое распространеніе избирательныхъ воззваній, агитаціонныхъ листковъ, приспособленныхъ къ пониманію широкой массы. Вся эта громадная и въ высшей степени сложная работа велась тою же организаціею довѣренныхъ лицъ каждаго даннаго района. Въ виду существующаго въ Австріи запрещенія розничной продажи произведеній печати она ведется всѣми партіями тайно. Насколько совершенно работалъ весь этотъ грандіозный механизмъ общеавстрійской избирательной организаціи, можно судить по тому, что партія въ одинъ заранѣе назначенный день и часъ—обыкновенно вечеромъ—могла распространять по всей Австріи милліоны экземпляровъ своей избирательной программы и воззваній. Такимъ же путемъ въ нужные моменты партія мобилизируетъ и всѣ свои силы по всей странѣ.

Общая сумма этой невидимой для посторонняго глаза «мелкой работы» колоссальна; въ ней принимали участіе десятки тысячъ людей въ продолженіе цѣлаго полугода. Это объясняется самою цѣлью избирательной агитаціи въ глазахъ рабочихъ—для нихъ ея смыслъ заключается не въ ловлѣ избирателей и не въ простой вербовкѣ «голосовъ», а въ выработкѣ сознательныхъ членовъ партіи, убѣжденныхъ борцовъ за интересы класса. Антисемитская партія съ самаго начала находилась въ болѣе выгодныхъ условіяхъ въ томъ отношеніи, что имѣла уже готовую избирательную организацію, приспособленную къ цѣлямъ и особому характеру ея избирательной агитаціи [1]). Она имѣла навыкъ и практическій опытъ, была посвящена во всѣ тайны уловленія избирателей, на практикѣ изучила всѣ избирательные маневры, всѣ формы

[1]) Между прочимъ въ основѣ ея избирательнаго механизма лежатъ существующія цеховыя организаціи мелкихъ промышленниковъ, составляющихъ ядро антисемитской партіи.

подкупа избирателей. Антисемиты уже при началѣ выборной агитаціи знали наперечетъ большую половину своихъ избирателей, полгода тому назадъ голосовавшихъ за нихъ на выборахъ въ сеймѣ. Это значительно облегчало имъ дальнѣйшую работу.

Въ избирательной борьбѣ громадную роль играютъ деньги. При этомъ мы имѣемъ въ виду не только партіи, не гнушающіяся прямымъ подкупомъ избирателей, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежитъ антисемитская партія, что доказано цѣлымъ рядомъ вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ. Но и для рабочей партіи, не прибѣгающей къ такимъ средствамъ нужно было много денегъ главнымъ образомъ на печатаніе громаднаго числа агитаціонныхъ брошюръ и избирательныхъ воззваній, распространяемыхъ безплатно въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. И здѣсь антисемиты имѣли громадное преимущество, пользуясь денежной помощью отъ своихъ феодально-клерикальныхъ друзей и массы зажиточныхъ членовъ партіи, въ то время какъ рабочимъ приходилось покрывать всѣ расходы грошовыми вносами и сборами изъ своихъ ничтожныхъ заработковъ.

Періодъ созыва избирательныхъ собраній и вообще болѣе усиленной выборной агитаціи начинается съ момента офиціальнаго опубликованія указа о новыхъ выборахъ. Въ Вѣнѣ онъ продолжался для выборовъ пятой куріи 6 недѣль.

Общій характеръ собраній, созываемыхъ обѣими партіями, носитъ у каждой изъ нихъ рѣзко выраженныя специфическія особенности.

Избирательныя собранія рабочей партіи были народными собраніями въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Прежде всего они были вполнѣ публичны и доступны не только для избирателей безъ различія ихъ партійныхъ взглядовъ, но и всѣхъ лицъ, интересующихся подлежащимъ къ обсужденію вопросомъ, безъ различія національности, пола, званія и состоянія.

Партія особенно гордится тѣмъ, что она какъ всегда, такъ и за время избирательной борьбы находилась въ непосредственномъ общеніи съ народомъ, двери ея собраній гостепріимно открыты для всѣхъ желающихъ. Второю отличительною особенностью ея собраній является полная свобода слова и терпимость не только по отношенію къ своимъ членамъ, а и къ представителямъ враждебныхъ партій. При началѣ собранія предсѣдатель обыкновенно проситъ всѣхъ присутствующихъ не прерывать оратора, а высказывать свое несогласіе съ нимъ по окончаніи реферата, при чемъ каждому гарантируется полная свобода слова. Послѣ того, какъ референтъ кончилъ, предсѣдатель первымъ дѣломъ обращается къ публикѣ съ вопросомъ, не желаетъ ли кто изъ членовъ противной партіи слова, чтобы обосновать свою точку зрѣнія.

Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ у антисемитовъ. За все время избирательной борьбы они не созвали *ни одного* публичнаго собранія, или вѣрнѣе, они осмѣливались раза два объявить въ своихъ газетахъ, что

въ такой-то день и тамъ-то состоится общедоступное народное собраніе, но когда, пользуясь этимъ рѣдкимъ случаемъ услышать антисемитскихъ ораторовъ, туда приходили массами рабочіе, такъ ихъ не впускали и требовали при входѣ билетовъ, а извѣщенная своевременно полиція разгоняла толпу. Всѣ антисемитскія собранія происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, входъ имѣютъ только получившіе приглашеніе, а разсылаются эти приглашенія лишь завѣдомо сочувствующимъ антисемитизму избирателямъ. За послѣднее время дошло до того, что на приглашеніяхъ печаталось: «евреи и соціалдемократы не имѣютъ права входа даже и съ приглашеніями». Для контроля и преграждения доступа незваным гостямъ въ дверяхъ антисемитскихъ собраній выставляются въ два ряда десятки «блюстителей порядка»—особая порода нанятыхъ индивидуумовъ типа нашихъ московскихъ охотнорядцевъ или трактирныхъ «вышибалъ». Ихъ функція и состоитъ въ томъ, чтобы не впускать членовъ противной партіи, а проскользнувшихъ по недосмотру немедленно «выставлять». Вообще не антисемиту попасть на ихъ собранія не легкая и довольно рискованная штука. Представители печати другихъ направленій тоже не допускаются. Внѣшнимъ различіямъ въ обстановкѣ собраній обѣихъ партій соотвѣтствуетъ еще болѣе глубокая разница въ формѣ и содержаніи того, что говорится на собраніяхъ.

Рѣчи ораторовъ рабочей партіи носятъ характеръ довольно содержательнымъ бесѣдъ о различныхъ практическихъ вопросахъ общественной жизни, составляющихъ въ данный моментъ злобу дня. На избирательныхъ собраніяхъ кандидаты, выставляемые партіею чаще всего развиваютъ и обосновываютъ программу и тѣ ближайшія требованія, добиваться осуществленія которыхъ партія считаетъ ближайшей задачей своихъ представителей въ парламентѣ. Критика взглядовъ и дѣйствій противной партіи, носитъ рѣзкій, но обыкновенно принципіальный, серьезный характеръ. Это критика по существу, а не придирки къ словамъ и не личные нападки. Но это не исключаетъ, конечно, безпощадной критики вождей противной партіи, какъ общественныхъ дѣятелей, поскольку они являются олицетворенными выразителями взглядовъ и стремленій руководимой ими партіи.

Другой характеръ носятъ антисемитскія собранія.

Въ рѣчахъ ихъ ораторовъ поражаетъ поверхностность, неясность мысли, сумбурность взглядовъ по самымъ основнымъ вопросамъ общественной жизни, очень часто полное невѣжество въ этихъ вопросахъ. Пишущему эти строки самому приходилось быть свидѣтелемъ того неподдѣльнаго изумленія, которое выражали лица, въ первый разъ попадавшія на антисемитскія собранія и болѣе или менѣе смыслящія въ общественныхъ вопросахъ. Слушая антисемитскаго оратора, они долго не могли понять, говоритъ ли онъ серьезно или шутитъ, и склонны были къ послѣднему предположенію. Но серьезность слушателей и шум-

ные аплодисменты оратору убѣждали наконецъ скептика, что тутъ царитъ не театральное, а дѣйствительное невѣжество. Вообще на свѣжаго человѣка вся обстановка антисемитскихъ собраній, характеръ рѣчей и сама толпа производятъ удручающее впечатлѣніе. Характерно, что антисемитская партія до сихъ поръ не имѣетъ опредѣленной, обязательной для всѣхъ членовъ партійной программы. Да она и не можетъ имѣть ея, такъ какъ интересы отдѣльныхъ группъ, входящихъ въ составъ этой партіи, настолько различны и часто діаметрально противоположны, что соглашеніе могло бы произойти лишь на рядѣ общихъ мѣстъ въ родѣ: необходимость борьбы съ преобладающимъ вліяніемъ еврейскаго капитала во всѣхъ сферахъ общественной жизни, поддержаніе ремесленнаго сословія, созданіе народной школы на клерикальныхъ основахъ и т. п. Поэтому-то господинъ Люегеръ и проявляетъ такую нелюбовь къ программамъ, говоря, что онѣ задерживаютъ развитіе партіи, мѣшаютъ ея вождямъ дѣйствовать, приспособляясь къ обстоятельствамъ. И антисемитскіе вожди дѣйствительно далеко ушли по части приспособленія къ обстоятельствамъ: ремесленнымъ подмастерьямъ и фабричнымъ рабочимъ они обѣщаютъ улучшеніе условій труда, «справедливую» заработную плату за «честный» трудъ, «соотвѣтствующее» сокращеніе рабочаго дня, улучшеніе страхованія на случай болѣзни или увѣчій и т. д., а говоря въ собраніи мастеровъ и фабрикантовъ, они громятъ организованныхъ рабочихъ, стремящихся къ дѣйствительному улучшенію положенія рабочаго класса, оплакиваютъ несчастныхъ предпринимателей, стонущихъ подъ тяжестью налоговъ въ пользу кассъ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, кричатъ, что сокращеніе рабочаго дня въ мелкой промышленности, и распространеніе на нее надзора фабричной инспекціи равносильно гибели мелкаго производства, что противъ этого необходимо бороться, и т. д.

За все время избирательной агитаціи всѣ рѣчи вождей «народной» партіи, какъ любятъ именовать себя антисемиты, представляли сплошную ругань, грубое извращеніе фактовъ и прямую ложь по адресу противной партіи и ея вождей. Не даромъ Адлеръ наканунѣ выборовъ съ неподдѣльной горечью въ голосѣ воскликнулъ въ громадномъ избирательномъ собраніи: «вѣдь, кажется, вѣнскіе рабочіе своимъ прошлымъ заслужили болѣе приличныхъ и достойныхъ противниковъ!» И многотысячная толпа съ ожесточеніемъ аплодировала ему при этомъ. Другой вождь вѣнскихъ рабочихъ и кандидатъ въ парламентъ Шумейеръ на самомъ первомъ избирательномъ собраніи пророческимъ тономъ возвѣстилъ присутствующимъ: «настанутъ дни, когда вы прочтете въ антисемитскихъ газетахъ или услышите отъ ихъ ораторовъ, что вашъ кандидатъ Шумейеръ укралъ въ сосѣднемъ ресторанѣ дюжину серебряныхъ ложекъ. Не вѣрьте этому». Толпа отвѣчаетъ дружнымъ хохотомъ и бурными аплодисментами. И дѣйстви-

тельно, антисемиты превзошли себя по части самой изысканной лжи и самаго грубаго извращенія истины. Уже дня черезъ три пророчество Шумейера исполнилось и въ главномъ органѣ антисемитской партіи «Deutsches Volksblatt» появилось сенсаціонное извѣстіе, что наканунѣ состоялось гдѣ-то рабочее собраніе, по окончаніи котораго оказалось, что у хозяина ресторана украдены всѣ куры до единой. Вождь антисемитской партіи Шнейдеръ завѣдомо-злостно оклеветалъ на одномъ изъ собраній кандидата противной партіи Нѣмца, выставленнаго противъ Люегера, обвинивъ его въ продажности убѣжденій, что онъ раньше былъ наемнымъ антисемистическимъ агитаторомъ, и т. д. Но этому субъекту недешево обошелся его избирательной маневръ: какъ разъ наканунѣ выборовъ онъ былъ присужденъ къ одному мѣсяцу ареста за клевету. А какимъ безцеремоннымъ сознательнымъ искаженіямъ подвергались взгляды и стремленія рабочей партіи—просто невѣроятно. Такъ, на всѣхъ антисемитскихъ собраніяхъ, въ ихъ прессѣ и во всѣхъ избирательныхъ воззваніяхъ пресерьезно говорилось, что прежняя еврейско-либеральная партія и теперешняя рабочая—это въ сущности одно и то же, что всѣ еврейскіе капиталисты переселились теперь въ рабочую партію, поддерживаютъ ее деньгами и т. д. Рабочая партія выставлялась, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ Ротшильдовъ, Гутмановъ и другихъ еврейскихъ милліонеровъ. Чуть не на каждомъ антисемитскомъ собраніи «черный принцъ» Лихтенштейнъ повторяетъ вопросъ: «Читали ли вы когда-нибудь въ «Рабочей Газетѣ» рѣзкое слово объ угольныхъ, нефтяныхъ, сахарныхъ, хлѣбныхъ и мясныхъ синдикатахъ?» Антисемитская толпа, никогда и въ глаза не видавшая «Рабочей Газеты», съ чистымъ сердцемъ кричитъ въ одинъ голосъ: «никогда!» «Ну, вотъ,—самодовольно заявляетъ ораторъ,—отсюда вы сами можете заключить, что соціалдемократы—креатура еврейскихъ богачей». Но спрашивается, кто же составляетъ эти синдикаты? Мясной и хлѣбный синдикаты въ Вѣнѣ образованы здѣшними мясниками, хлѣбниками и булочниками, самыми вѣрными послѣдователями Люегера и Лихтенштейна, составляющими одну изъ самыхъ крѣпкихъ основъ антисемитизма. И какъ разъ рабочая пресса въ интересахъ всего рабочаго населенія столицы ведетъ самую ожесточенную борьбу съ этими синдикатами, дѣлающими хорошій хлѣбъ и мясо недоступной роскошью для рабочихъ. Сахарные бароны Шварценберги, Лобковичи и Штуммеры, все это друзья и пріятели принца Лихтенштейна. Изъ любезности къ нимъ онъ и другіе антисемитскіе депутаты голосовали за повышеніе ввозныхъ пошлинъ на сахаръ, что равносильно перекладыванію въ карманъ синдиката сахарозаводчиковъ нѣсколькихъ милліоновъ гульденовъ ежегодно. На судѣ было доказано, что органъ антисемитскаго клуба «Deutsche Zeitung» получилъ отъ синдиката 2.000 гульденовъ, чтобы отстаивать его интересы въ печати. А рабочія газеты все время ведутъ борьбу съ сахарными баронами. Такъ

же обстоитъ дѣло съ угольными и желѣзнодорожными баронами. Принцъ Лихтенштейнъ, Люегеръ и К° представляютъ своимъ довѣрчивымъ слушателямъ дѣло такъ, что противная партія и ея пресса не можетъ выступать противъ еврейскихъ богачей, основавшихъ и поддерживающихъ ее. А въ дѣйствительности все обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Антисемитская фракція въ парламентѣ голосуетъ за продленіе желѣзнодорожной концессіи сѣверной дороги, служащей точкой опоры для неограниченнаго господства угольныхъ барановъ и находящейся въ рукахъ Ротшильда и другихъ еврейскихъ капиталистовъ. Антисемитская пресса систематически замалчиваетъ ужасные порядки и условія труда, господствующіе въ каменноугольныхъ копяхъ Острау-Карвина и другихъ районовъ. И если когда до слуха публики долетаютъ стоны и крики о помощи изъ этого темнаго подземнаго царства, такъ это только благодаря той прессѣ, на которую антисемиты клевещутъ.

Охарактеризовавъ обоихъ противниковъ и ихъ пріемы избирательной борьбы, скажемъ о лозунгахъ этой борьбы и ея внутреннемъ смыслѣ. Мы уже говорили объ отсутствіи у антисемитовъ партійной программы, но и ихъ избирательная программа настолько обща и неопредѣленна, что совершенно ни къ чему не обязываетъ и даетъ полную возможность влагать въ нее «сообразно съ обстоятельствами» какой угодно смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ какихъ общихъ принциповъ и во имя чьихъ интересовъ въ ней требуется вести борьбу одновременно и противъ «жидовской» либеральной партіи крупныхъ капиталистовъ, и противъ ея злѣйшаго врага—рабочей партіи? Объ этомъ программа благоразумно умалчиваетъ, отдѣлываясь фразой, что отъ исхода предстоящей исторической борьбы зависитъ судьба коренныхъ, христіанскихъ народностей Австріи. Далѣе изъ избирательной программы не видно, почему антисемиты считаютъ болѣе вредоноснымъ вліяніе власти капиталовъ Ротшильда и Гутмана, чѣмъ напр. Шварценберга и Лихтенштейна. «Требованія промышленнаго сословія и крестьянъ должны быть, наконецъ, исполнены».

Но опять являются вопросы: какія требованія, на чей счетъ они должны быть исполнены, о какомъ промышленномъ сословіи идетъ рѣчь? Вѣдь и Ротшильдъ имѣетъ полное основаніе причислять себя къ промышленному сословію. Далѣе антисемиты говорятъ, что «возникающія на почвѣ экономической борьбы противорѣчія между предпринимателями и рабочими должны найти справедливое примиреніе посредствомъ раціональныхъ мѣръ и правительственнаго вмѣшательства».

Но какимъ путемъ должно быть достигнуто это идиллическое состояніе—опять неясно. Разъ противорѣчіе интересовъ налицо, то оно можетъ быть разрѣшено лишь на счетъ одной изъ сторонъ.

На чей же счетъ намѣрены антисемиты водворять идиллію? По вопросу о народномъ образованіи антисемиты немного запуганы; одинъ изъ ихъ вождей—Вергани, издатель «Deutsches Volksblatt»,—внесъ

недавно въ нижнеавстрійскій сеймъ проектъ школьной реформы, насквозь проникнутый реакціонно-клерикальнымъ духомъ. Въ немъ требовалось усиленіе вліянія патеровъ въ народной школѣ, сокращеніе срока обязательнаго обученія съ 8 на 7 лѣтъ, раздѣленіе дѣтей по вѣроисповѣданіямъ, устраненіе изъ числа предметовъ естествознанія, введеніе тѣлесныхъ наказаній для дѣтей и т. п.

Но эта открытая реакціонно-клерикальная вылазка антисемитовъ въ области народнаго просвѣщенія вызвала такую бурю негодованія, встрѣтила такой единодушный отпоръ со стороны рабочихъ и учителей, что Вергани и его друзья на время отретировались, и потому въ избирательной программѣ мы находимъ лишь неясный лепетъ объ идеалѣ «свободной» клерикальной школы, «въ которой гармонически сотрудничаютъ родители, патеры и учители», гдѣ юношество должно получать національное религіозно-нравственное воспитаніе, изъ программы которой «долженъ быть выкинутъ ненужный баластъ», т.-е. естествознаніе. Существеннымъ средствомъ къ осуществленію своихъ цѣлей антисемитская партія считаетъ совмѣстное дѣйствіе всѣхъ родственныхъ ей партій, при чемъ очевидно имѣется въ виду будущій открытый союзъ съ клерикалами въ парламентѣ, фактически существующій и теперь, что несомнѣнно доказано прошлыми выборами въ сеймъ и теперешними. Вообще антисемиты очень сердятся, когда ихъ называютъ замаскированными клерикалами, а между тѣмъ по всему видно, что совершенно права клерикально-консервативная газета «Vaterland», полагающая, что антисемитизмъ есть тотъ же клерикализмъ, только переложенный на вѣнскій ладъ, приспособленный къ легкомысленнымъ столичнымъ нравамъ и къ психологіи вѣнскаго мѣщанства. Того же мнѣнія объ антисемитизмѣ и рабочая партія, которая въ своей избирательной программѣ съ одной стороны считаетъ антисемитскую партію достойной наслѣдницей либераловъ, указывая на ея чисто-буржуазный характеръ, а съ другой подчеркиваетъ, что она все болѣе открыто и сознательно работаетъ въ руку клерикализма, теперь снова поднимающаго голову по всей Австріи. Какъ конечную цѣль своихъ стремленій, рабочая партія выставляетъ обобществленіе производства, а путемъ для достиженія этой цѣли — пробужденіе народа отъ умственной спячки и сознаніе имъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, освобожденіе отъ узъ политическаго безправія, экономическаго рабства и предохраненіе отъ физическаго вырожденія. Главными конкретными требованіями для практическаго осуществленія намѣченной цѣли партія выставляетъ всеобщее, прямое и равное избирательное право при выборахъ въ парламентъ, сеймы и общины, уничтоженіе палаты господъ. Полная свобода слова и печати, отмѣна всѣхъ ограниченій права собраній и организаціи союзовъ. Устраненіе всѣхъ исключительныхъ законовъ, уничтоженіе закона о бродяжничествѣ, безплатное, обязательное и неконфессіональное обученіе въ народныхъ школахъ, назначеніе жалованья народнымъ учителямъ изъ

общегосударственныхъ средствъ, безплатность образованія въ среднихъ и высшихъ школахъ, распространеніе фабричнаго законодательства на рабочихъ всѣхъ категорій (крупной промышленности, горнозаводскихъ, транспортныхъ, ремесленныхъ, кустарныхъ, занятыхъ въ торговлѣ). Введеніе восьмичасового рабочаго дня, независимый институтъ фабричныхъ инспекторовъ съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ и введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, безплатность судопроизводства; введеніе милиціи на мѣсто постояннаго войска, а пока—сокращеніе срока службы, и т. д.

Можно быть противникомъ или сторонникомъ такого рода требованій, но нельзя отказать этой избирательной программѣ въ одномъ—въ послѣдовательности и опредѣленности. Итакъ, избирательная борьба въ Вѣнѣ велась между двумя партіями, радикально различными между собою по составу, стремленіямъ и тактикѣ. Съ одной стороны, буржуазная партія антисемитовъ, опирающаяся на широкую, пеструю, политически-неразвитую массу мѣщанства и пивныхъ филистеровъ, разыгрывающая изъ себя представительницу общенародныхъ интересовъ, прикрывающая свои реакціонныя, феодально-клерикальныя тенденціи громкими фразами о «благѣ всѣхъ сословій» — фактически антисемиты являются теперь оплотомъ и носителями злѣйшей реакціи во всѣхъ областяхъ общественной жизни. А съ другой стороны, мы видимъ организованную, умственно развитую, политически воспитанную массу фабричнаго пролетаріата, сплоченнаго въ самостоятельную партію сознающаго свое положеніе и преслѣдующаго общіе интересы всего класса. По своимъ основнымъ стремленіямъ эта партія составляетъ прямую противоположность антисемитизму.

Въ экономической области, также какъ въ области политики, партія отстаиваетъ наиболѣе прогрессивныя мѣры, отвѣчающія поступательному развитію общественныхъ отношеній всей страны. Читатель спроситъ, можетъ быть: а что же дѣлала либеральная партія во время избирательной борьбы? Не знаю, будетъ ли она вообще что-нибудь дѣлать въ Вѣнѣ, но въ избирательной борьбѣ пятой куріи она не принимала никакого участія. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ, существуетъ ли еще здѣсь эта партія, какъ нѣчто цѣлое. Послѣ осеннихъ выборовъ въ сеймъ отъ когда-то всесильной либеральной партіи уцѣлѣли лишь жалкіе обломки. Громадная часть прежнихъ либеральныхъ избирателей перешла въ антисемитскій лагерь, болѣе порядочные и интеллигентные либералы съ демократическимъ оттѣнкомъ выступаютъ теперь подъ модной фирмой соціалполитиковъ, многіе разочарованы понесеннымъ разгромомъ и сидятъ дома, а сколько уцѣлѣло настоящихъ либераловъ, это мы увидимъ при выборахъ въ третью курію. Во всякомъ случаѣ ихъ наберется очень немного.

Когда, наканунѣ самыхъ выборовъ, нежданно-негаданно по всему

городу были расклеены избирательные плакаты съ именами либеральныхъ кандидатовъ пятой куріи, такъ, кромѣ смѣха, это не имѣло никакого другого эффекта. За все время съ распущенія парламента до 9 марта либералы единственный разъ всплыли на поверхность, созвавъ общедоступное избирательное собраніе въ народномъ залѣ городской думы, но и тутъ имъ пришлось играть ничтожную роль. Собраніе носило чисто рабочій характеръ.

Вернемся къ антисемитамъ. Будучи въ оппозиціи, они громили либеральное большинство за враждебность народному образованію, а сами, перейдя къ власти, первымъ дѣломъ уменьшили въ 5 разъ и безъ того ничтожную субсидію отъ города вѣнскому обществу народнаго образованія. Либеральное большинство было постояннымъ объектомъ самыхъ жестокихъ нападокъ со стороны антисемитовъ за то, что оно отдавало городскіе подряды преимущественно крупнымъ капиталистамъ, потому что они могли выполнять всѣ заказы дешевле мелкихъ мастеровъ, за которыхъ ратовали антисемиты. И вдругъ недавно, при отдачѣ многомилліоннаго подряда на изготовленіе газопроводныхъ трубъ, антисемитская дума передала весь заказъ акціонерному обществу чугунно-литейныхъ заводовъ, во главѣ котораго стоитъ Ротшильдъ и другіе крупные еврейскіе капиталисты.

Точно такъ же жестоко нападали антисемиты на либераловъ за подкупность и лживость ихъ прессы. И дѣйствительно такія газеты, какъ «Wiener Tagblatt», «Neue Freie Presse», «Neues Wiener Tagblatt» и др., не отличаются голубиной чистотой. Но и въ этомъ отношеніи теперешняя антисемитская пресса если не перещеголяла, то во всякомъ случаѣ не отстаетъ отъ либеральной. Продажность антисемитской «Deutsche Zeitung» доказана на судѣ, за полную готовность ко всякой выгодной сдѣлкѣ главнаго органа антисемитской партіи «Deutsches Volksblatt» ручается личность ея издателя, господина Вергани, субъекта, по части порядочности не выдерживающаго самой снисходительной критики. Ну, а въ отношеніи систематическаго извращенія истины, сознательной лжи по адресу противника, антисемитская пресса несомнѣнно заслуживаетъ пальму первенства. Особенно широко развернула она свои таланты по этой части во время теперешней избирательной борьбы.

Какую бурю поднимали антисемитскія газеты, когда либералы на прошлыхъ выборахъ въ думу и въ сеймъ дѣлали то же самое, что теперь продѣлываютъ антисемиты по отношенію къ рабочимъ, т. е. не пускали антисемитовъ на свои избирательныя собранія. Либераловъ клеймили за это трусами, предателями народа и т. д., когда въ сущности они имѣли нѣкоторое основаніе такъ дѣлать, потому что антисемиты приходили не для того, чтобы дискутировать, а съ завѣдомою и исключительною цѣлью разстроить собраніе. На этотъ разъ антисемиты прекрасно знали, что члены рабочей партіи идутъ на анти-

семитскія собранія именно, чтобы имѣть возможность слышать доводы противной стороны и возражать противъ нихъ. Но въ томъ-то и суть, что антисемитскіе вожди чувствуютъ свое безсиліе передъ доводами своихъ противниковъ; они прекрасно знаютъ всю обаятельность и неотразимость аргументовъ вождей рабочей партіи, они боятся, что тѣ разсѣютъ кошмаръ антисемитизма, тяготѣющій надъ неразвитой массой и потому не пускаютъ на свои собранія сознательныхъ рабочихъ, съ ожесточеніемъ науськиваютъ толпу на каждаго, осмѣлившагося пикнуть хоть слово противъ, и немедленно съ пинками и зуботычинами выставляютъ нарушителя кошмара на вольный воздухъ. Эта тактика краснорѣчивѣе всего показываетъ, что вожди антисемитской партіи чистокровные демагоги, сознательно удерживающіе антисемитское стадо во тьмѣ политическаго невѣжества.

Тѣ самые антисемиты, которые нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ громили правительство за употребленіе солдатъ при выборахъ въ Венгріи и за то, что въ день неутвержденія Люегера бюргермейстеромъ, солдаты въ казармахъ стояли наготовѣ, теперь требовали отъ правительства, чтобы по всему городу въ день выборовъ разъѣзжали военные патрули, предъ каждымъ изъ 245 избирательныхъ помѣщеній стояли, кромѣ отрядовъ конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ, еще и военные караулы. Вожди «истинно-народной партіи» Люегеръ и К°, требующіе организаціи выборовъ на венгерскій манеръ, науськивающіе на рабочихъ полицію и солдатъ—этотъ фактъ способенъ даже слѣпому открыть глаза на истинный характеръ антисемитской партіи и ея руководителей.

По мѣрѣ приближенія дня выборовъ избирательная лихорадка захватывала все большее число лицъ и принимала все болѣе рѣзкія формы. Въ первый разъ въ шумный водоворотъ политической борьбы были вовлечены такія громадныя массы народа. За послѣднія двѣ недѣли предъ выборами буквально вся Вѣна отъ мала до велика только и знала, что по цѣлымъ днямъ говорила, писала, читала и слушала о выборахъ. Куда бы вы ни пошли—въ кафе, театръ, ресторанъ, на прогулку—вездѣ только и рѣчи, что о происшествіяхъ на вчерашнихъ избирательныхъ собраніяхъ, о шансахъ кандидатовъ борющихся партій въ разныхъ округахъ, о послѣдней пикантной остротѣ или грубой инсинуаціи Люегера и его соратниковъ по адресу кого-либо изъ вождей рабочей партіи, о разоблаченіяхъ антисемитскихъ продѣлокъ въ рабочей прессѣ, о столкновеніи воюющихъ сторонъ на какомъ-либо изъ собраній и т. д. Въ каждой семьѣ, гдѣ есть послѣдователи обѣихъ партій между ними, по цѣлымъ часамъ ведутся жаркіе споры. Рѣчи ораторовъ становятся всѣ болѣе страстными, критика противниковъ все болѣе безпощадной, толпа реагируетъ живѣе, становится возбужденнѣе, порывистѣе. Газетная полемика пріобрѣтаетъ хлесткій, ожесточенный характеръ. А тутъ еще не проходитъ и дня безъ того, чтобы то

та, то другая партія не выпустила новаго избирательнаго воззванія, заключающаго наиболѣе удачные аргументы, наиболѣе язвительныя остроты и особенно компрометирующіе противную партію факты и разоблаченія. Такія воззванія распространяются въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ среди избирателей: разносятся по домамъ, раздаются на улицахъ, разсылаются по почтѣ, разбрасываются по дорогѣ. И все это дѣлается при существованіи § 23 австрійскихъ законовъ о печати, запрещающаго свободный кольпортажъ: въ это горячее время § 23-й нарушался ежедневно, ежечасно, даже ежеминутно, онъ обходился тысячами, десятками тысячъ лицъ всѣхъ возрастовъ и половъ... Воззванія расклеивались массами. Самыми грандіозными по размѣрамъ были кирпичнаго цвѣта антисемитскіе плакаты. Они призывали христіанскихъ избирателей-предпринимателей, рабочихъ и чиновниковъ голосовать за кандидата (имя рекъ), готоваго содѣйствовать водворенію «справедливаго» общественнаго порядка и проведенію «честныхъ» соціальныхъ реформъ. Внизу крупнымъ шрифтомъ напоминалось, что въ пятой куріи имѣютъ право голосовать и прежніе привилегированные избиратели, что указываетъ, на кого антисемиты болѣе всего разсчитывали. Далѣе слѣдуетъ подпись магическихъ именъ главныхъ жрецовъ партіи: докторъ Люегеръ, принцъ Лихтенштейнъ и др. Плакаты рабочей партіи обращались къ рабочимъ и другимъ избирателямъ съ гораздо болѣе простыми, но достаточно выразительными словами. Очень характерны для обѣихъ борющихся партій и выставленные ими кандидаты. Вся Вѣна была раздѣлена на 5 избирательныхъ округовъ, и отъ каждаго предстояло избрать по одному депутату. Въ первомъ округѣ со стороны рабочихъ былъ выставленъ издатель «Рабочей Газеты» Рейманъ, много лѣтъ занимающій въ рядахъ партіи руководящую роль и пользующійся большимъ уваженіемъ рабочей массы. Онъ имѣетъ довольно мѣщанскую внѣшность, не отличается ораторскимъ талантомъ, но его рѣчи всегда очень содержательны и обнаруживаютъ въ немъ хорошаго знатока быта и нуждъ рабочихъ. Выступаетъ онъ не особенно часто, такъ какъ занятъ главнымъ образомъ организаціонной работой, невидимой для глазъ посторонняго наблюдателя. Со стороны антисемитской ему противопоставили нѣкоего Бѣлоглавека, о существованіи котораго на свѣтѣ до сихъ поръ зналъ только тѣсный другъ его родныхъ и знакомыхъ. Относительно ораторскихъ способностей этого кандидата мнѣнія очень рѣзко расходятся, но всѣ согласны насчетъ его голосистости. Вотъ только пользоваться своимъ голосомъ онъ не умѣетъ и свою кандидатскую рѣчь онъ выкрикиваетъ совершенно на солдатскій манеръ. Содержаніе его рѣчей очень трудно уловимо по ихъ безсвязности, онѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ грубыхъ выходокъ по адресу «жидовъ» и рабочей партіи.

Во второмъ избирательномъ округѣ со стороны рабочей партіи кандидировалъ докторъ Адлеръ, редакторъ «Arbeiter-Zeitung» (Рабочей

Газеты)—главнаго органа австрійской рабочей партіи. Адлеръ является центральною фигурою австрійскаго рабочаго движенія, его наиболѣе выдающимся вождемъ. На первый взглядъ его невзрачная фигура, некрасивое, нервно-измученное лицо производятъ невыгодное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что понаслышкѣ его почему-то всѣ представляютъ себѣ совсѣмъ другимъ. Ни по фигурѣ, ни по голосовымъ средствамъ Адлеръ не былъ предназначенъ быть ораторомъ. Въ довершеніе всего онъ сильно заикается. Но тѣмъ не менѣе онъ—первокласный ораторъ. По широтѣ взгляда и основательности, его рѣчи могутъ служить образцомъ политическаго краснорѣчія. Онъ всегда выступаетъ первымъ, разъ въ общественной жизни страны, въ группировкѣ политическихъ партій выдвигаются новые вопросы и комбинаціи. И никто такъ всесторонне не умѣетъ освѣтить вопроса, указать основныя причины, оттѣнить наиболѣе существенное, распутать предъ слушателями самыя сложныя комбинаціи политическихъ партій и ихъ интересовъ, какъ онъ. И вотъ такому, во всякомъ случаѣ не заурядному человѣку, 12 лѣтъ стоящему во главѣ движенія, антисемиты противопоставили кандидатуру приказчика, по фамиліи Прохаска. Про этого новаго протеже Люегера публика знала еще меньше, чѣмъ про Бѣлоглавека. Читая въ первый разъ его фамилію въ газетахъ, вѣнцы въ недоумѣніи пожимали плечами и тщетно старались что-либо припомнить или узнать, чѣмъ замѣчателенъ этотъ новый кандидатъ въ народные представители.

Самъ «черный адвокатъ» Люегеръ выступилъ кандидатомъ въ третьемъ избирательномъ округѣ противъ рабочаго кандидата, бывшаго наборщика, а теперешняго редактора главнаго органа чешскихъ рабочихъ «Delničí listy»—по фамиліи Нѣмецъ. Въ рядахъ антисемитской партіи Люегеръ пользуется громаднымъ вліяніемъ, тамъ его слово — законъ. Онъ неограниченный повелитель стотысячной антисемитской арміи, мѣщанская толпа боготворитъ его и доводитъ культъ личности Люегера до такихъ размѣровъ, которые свидѣтельствуютъ о поражающе низкомъ уровнѣ культурнаго и политическаго развитія антисемитскихъ массъ. И при всемъ томъ на политической карьерѣ доктора Люегера съ особенной отчетливостью видно, что ключъ къ уразумѣнію его громаднаго успѣха и вліянія надо искать не въ личныхъ качествахъ этого «трибуна вѣнскаго народа», а въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, которыя породили само антисемитское движеніе со всѣми его характерными особенностями. Онъ кажется выше своего роста потому, что приподнятъ кверху волной недовольства широкой массы вѣнскаго мѣщанства. Какъ личность, Люегеръ не представляетъ ничего особенно выдающагося. Несомнѣнно, Люегеръ очень неглупый и энергичный человѣкъ, ловкій дѣлецъ, умѣющій пользоваться обстоятельствами, неутомимый агитаторъ, въ совершенствѣ постигшій психологію мѣщанской толпы и умѣющій производить на нее сильное впечатлѣніе. Но посто-

роннему наблюдателю сразу видно, что дѣло не въ силѣ ума Люегера, а въ слабости развитія его у антисемитской массы, что суть не въ выдающихся способностяхъ Люегера, какъ политическаго дѣятеля, а въ политической неразвитости толпы.

Въ четвертомъ избирательномъ округѣ противъ кандидата рабочей партіи Скарета, простого рабочаго-столяра, играющаго видную роль въ вѣнскомъ рабочемъ движеніи со стороны антисемитовъ, былъ выставленъ приказчикъ Аксманъ. Изъ всѣхъ антисемитскихъ вождей и кандидатовъ Аксманъ производитъ наиболѣе выгодное впечатлѣніе. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ онъ велъ дѣятельную антисемитскую агитацію среди вѣнскихъ приказчиковъ, и ему удалось съорганизовать значительную часть ихъ въ общество для защиты профессіональныхъ интересовъ. Онъ состоитъ теперь предсѣдателемъ этого общества. Дѣятельный организаторъ и агитаторъ—онъ одинъ изъ всѣхъ вѣнскихъ вождей антисемитской партіи обладаетъ задатками народнаго оратора, говоритъ сильно, хотя съ излишнимъ пафосомъ и нецѣлесообразной жестикуляціей. Фигурой и манерой говорить онъ напоминаетъ проповѣдника. Его полемика съ противниками не носитъ такого безобразнаго характера, какъ у другихъ вождей антисемитизма. Онъ умѣетъ вліять на индифферентную массу разговорами о ея ближайшихъ, повседневныхъ интересахъ и злобахъ дня.

Въ пятомъ избирательномъ округѣ со стороны рабочихъ былъ выставленъ Шумейеръ, недавно еще бывшій фабричнымъ рабочимъ, а теперь редактирующій «Volkstribüne». На ряду съ Адлеромъ онъ является самой выдающейся фигурой вѣнскаго движенія, хотя и совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ тотъ. Вообще эти два главные вождя партіи представляютъ прямую противоположность другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ. Первый былъ раньше врачомъ, имѣлъ большія средства, широко-образованный человѣкъ. Второй сынъ бѣдныхъ родителей, отъ природы сильная и талантливая натура, лучшую пору своей жизни провелъ на фабрикѣ въ качествѣ простого рабочаго, не имѣлъ ни времени, ни средствъ получить научное образованіе, но путемъ самообразованія, урывая время отъ сна и отдыха послѣ цѣлаго дня фабричной работы, успѣлъ настолько развиться, что выдвинулся сначала, какъ хорошій ораторъ на рабочихъ собраніяхъ, а потомъ сдѣлался и редакторомъ рабочей газетки, состоитъ теперь членомъ центральнаго комитета партіи и вообще играетъ крупную руководящую роль въ движеніи. Онъ имѣетъ то громадное преимущество предъ Адлеромъ, что самъ вышелъ изъ рабочей среды, она—его родная стихія, онъ думаетъ и чувствуетъ въ тактъ съ широкой массой рабочихъ, ему знакомы изгибы пролетарской души, своеобразный кругъ идей и формы мышленія рабочей массы. Въ этомъ секретъ его громаднаго успѣха и вліянія на рабочихъ. Обладая выдающимися ораторскими способностями, онъ говоритъ языкомъ толпы, на чистѣйшемъ вѣнскомъ діа-

лектѣ, его рѣчи понятны каждому начинающему. Этому-то наиболѣе популярному и любимому вождю рабочей партіи антисемиты противопоставили оберкельнера Миттермейера,—полное ничтожество не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Этотъ господинъ уже нѣсколько разъ судился и былъ осуждаемъ за оскорбленіе чести и клевету. Наконецъ, предъ самыми выборами въ газетахъ были опубликованы неоспоримыя данныя, изъ которыхъ явствуетъ, что рекомендуемый антисемитами будущій представитель вѣнскаго народа въ парламентѣ—просто-на-просто нечистый на руку господинъ. Между прочимъ, было опубликовано безграмотнѣйшее собственноручное письмо Миттермейера къ его сослуживцукельнеру, въ которомъ онъ сознается въ кражѣ у него денегъ и проситъ не предавать дѣла гласности. Столь жестокаго издѣвательства надъ тупоголовой массой антисемитскихъ избирателей трудно было ждать даже отъ господина Люегера. Положимъ, онъ съ нескрываемой гордостью заявилъ однажды, что если бы онъ выставилъ кандидатомъ огородное чучело, такъ и оно было бы выбрано, но все-таки такіе эксперименты небезопасны. Вѣдь, освящая кандидатуру такого субъекта, какъ Миттермейеръ, о которомъ теперь даже всѣ мальчишки на улицѣ кричатъ, что онъ «Taschendieb» (карманный воръ), Люегеръ компрометируетъ себя не только въ глазахъ другихъ партій, но и среди своихъ болѣе здравомыслящихъ послѣдователей.

Наканунѣ выборовъ, вечеромъ 8-го марта обѣ воюющія стороны произвели генеральный смотръ своимъ войскамъ. Одной рабочей партіей было созвано болѣе 60 собраній во всѣхъ частяхъ города, у антисемитовъ было меньше, но все же 20—30 собраній. Въ этотъ вечеръ буквально вся Вѣна была на ногахъ по поводу предстоящихъ выборовъ, взрослое населеніе переполняло избирательныя собранія; оставшіеся дома судили и рядили о завтрашнихъ событіяхъ, о томъ, чья возьметъ, и т. д. Никогда еще Вѣна не видала такого оживленія по поводу выборовъ, такого широкаго, всеобщаго интереса къ политической злобѣ дня. Среди рабочихъ господствовала непоколебимая увѣренность, что они побѣдятъ въ первомъ, второмъ и пятомъ избирательныхъ округахъ и проведутъ въ парламентъ своихъ главныхъ вождей—Адлера, Шумейера и Реймана. Даже антисемиты, повидимому, мирились съ этой мыслью, но утѣшали себя тѣмъ, что имъ удастся провести Люегера и Аксмана.

Въ рабочихъ предмѣстьяхъ не многіе спали въ эту ночь. Новые избиратели съ трепетомъ ожидали наступленія момента, когда послѣ столь долгой и упорной борьбы за избирательное право они впервые воспользуются плодами побѣды, явятся къ избирательной урнѣ и, подавъ голосъ за своихъ кандидатовъ, тѣмъ самымъ опредѣлятъ свое отношеніе къ основнымъ вопросамъ государственной и общественной жиз-

ни. Тѣ изъ нихъ, которые вынуждены были идти на работу, торопились выполнить свой гражданскій долгъ предъ отходомъ на фабрику.

По близости избирательныхъ помѣщеній располагались секціи агитаціонныхъ комитетовъ обѣихъ партій, обыкновенно въ угловыхъ ресторанахъ.

Надъ помѣщеніями секцій рабочей партіи развѣвались флаги обычнаго цвѣта, всѣ окна и стѣны снаружи были облѣплены избирательными плакатами, входъ было открытъ для всѣхъ. А въ окнахъ антисемитскихъ помѣщеній были выставлены желтыя афишки, на которыхъ значилось, что входъ дозволяется только единомышленникамъ христіанскаго вѣроисповѣданія.

Эти агитаціонныя квартиры, которыхъ приходится по 1—2 на каждый избирательный районъ, играютъ роль укрѣпленій, изъ которыхъ ведется атака на непріятеля; онѣ служатъ центрами, куда стекаются всѣ извѣстія о ходѣ выборовъ, о томъ, кто голосовалъ и кто еще нѣтъ, о шансахъ борьбы въ отдѣльныхъ кварталахъ, необходимости послать подкрѣпленіе въ видѣ извѣстнаго числа агитаторовъ и т. д.

Начиная часовъ съ 12-ти, избирателямъ, на которыхъ данная партія разсчитываетъ, но которые еще не голосовали, разсылается отъ секцій агитаціонныхъ комитетовъ, такъ-сказать, первое предостереженіе, написанное въ энергическихъ выраженіяхъ напоминанія о гражданскомъ долгѣ, о грозящей со стороны враговъ опасности и о необходимости немедленно идти и подавать голосъ за такого-то. По отношенію къ тѣмъ, кто не внялъ этому предостереженію, начиная часовъ съ 2-хъ принимаются болѣе рѣшительныя мѣры. Къ нимъ на квартиры приходятъ агитаторы партіи и уговариваютъ пойти немедленно голосовать. Ненадежныхъ провожаютъ вплоть до избирательнаго посѣщенія. Антисемиты разсылаютъ кареты за своими тяжелыми на подъемъ избирателями, которыхъ по дорогѣ они нерѣдко завозятъ въ рестораны «выпить и закусить» на счетъ партіи. Для рабочей партіи эти пріемы агитаціи въ день выборовъ не имѣютъ большого значенія, потому что тѣ изъ ея сторонниковъ, которые пожертвовали дневнымъ заработкамъ со спеціальной цѣлью помогать при выборахъ, не нуждаются въ напоминаніяхъ, а остальная рабочая масса частью голосовала утромъ, а тѣ, которые разсчитывали сдѣлать это во время обѣденнаго перерыва, всѣ были на фабрикахъ.

Входъ въ антисемитскія агитаціонныя помѣщенія-рестораны въ день выборовъ воспрещался несогласно-мыслящимъ именно потому, что тамъ въ это время шла дѣятельная купля-продажа голосовъ, попойка и угощеніе такого «Stimmvieh» («голосующаго скота») на счетъ антисемитской партіи. Рѣкою лилось «миттермейеровское пиво», истреблялись вороха «миттермейеровскихъ колбасъ».

Рабочіе строго слѣдили за махинаціями антисемитскихъ агитато-

ровъ и ихъ агентовъ и при всякомъ противозаконномъ дѣйствіи со стороны тѣхъ и другихъ или добивались ихъ немедленнаго ареста, или же старательно заносили такой фактъ въ хронику избирательныхъ злоупотребленій. Такимъ путемъ во всѣхъ избирательныхъ округахъ были арестованы десятки агитаторовъ антисемитской партіи за подкупъ, голосованіе съ чужими документами, скупаніе избирательныхъ легитимацій, многократное голосованіе и т. п.

Рестораны, въ которыхъ помѣщались центральные агитаціонные комитеты партіи и ихъ секціи, были биткомъ набиты рабочими, съ нетерпѣніемъ ожидавшими вѣстей объ исходѣ избирательной борьбы. Въ толпѣ видно было громадное оживленіе и напряженное ожиданіе. Единственной темой несмолкавшаго говора собравшихся были выборы, пережитое, видѣнное и слышанное за это время. Всякій дѣлился своими впечатлѣніями о ходѣ только что законченной рѣшительной битвы, о подкупѣ и цѣломъ рядѣ другихъ злоупотребленій со стороны противной партіи; соображались шансы кандидатовъ обѣихъ партій въ отдѣльныхъ округахъ, участкахъ и улицахъ, взвѣшивались всѣ pro и contra общаго исхода выборовъ. Непоколебимая увѣренность въ побѣдѣ царила среди рабочихъ даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ успѣхъ былъ наиболѣе сомнителенъ. Постороннему наблюдателю, немножко знакомому съ положеніемъ дѣлъ, съ самаго начала однако казалось мало вѣроятнымъ, чтобы Люегеръ рѣшился выставить свою кандидатуру наугадъ, не будучи увѣреннымъ въ побѣдѣ. Онъ зналъ, конечно, напередъ, какое громадное впечатлѣніе произвело бы его пораженіе на всю неразвитую антисемитскую массу, для которой весь антисемитизмъ сводится къ личному культу Люегера, а вся программа партіи къ тремъ словамъ: «докторъ Карлъ Люегеръ» — по формулировкѣ одного изъ теперешнихъ антисемитскихъ депутатовъ въ парламентѣ. Но и въ этомъ округѣ громадное большинство рабочихъ было увѣрено въ побѣдѣ, хотя руководители движенія и смотрѣли болѣе пессимистически. Гонцы съ извѣстіями о результатахъ выборовъ начали приходить часовъ съ 9 вечера. При полученіи результатовъ изъ какой-либо секціи предсѣдатель перечислялъ вслухъ и показывалъ на планѣ всѣ улицы и границы соотвѣтствующаго района. Это имѣло особый интересъ для довѣренныхъ лицъ избирательной организаціи и живущихъ въ данномъ районѣ рабочихъ, которые хорошо знали мѣстныя условія и могли сравнивать предполагавшіеся результаты съ дѣйствительными.

Конная полиція съ трудомъ расчищала путь для проѣзда конокъ. Надъ толпой стоялъ гулъ отъ шумнаго говора. Но, прислушавшись къ разговору двухъ-трехъ группъ, можно было видѣть, что здѣсь еще ничего не знаютъ. Ходятъ только смутные слухи и предположенія. Одинъ антисемитскій агитаторъ передаетъ своимъ единомышленникамъ извѣстіе, что Люегеръ «кажется» получилъ 400 голосовъ большинства. Улицы пятаго округа, гдѣ кандидировали Шумейеръ и

Миттермейеръ, были пустынны. Только предъ избирательнымъ помѣщеніемъ толпа ждала еще возвѣщенія результатовъ. Изъ оконъ конки видно было, какъ одинокіе прохожіе останавливались у фонарей и читали экстренныя изданія газетъ съ результатами выборовъ. Рабочіе пятаго округа были вполнѣ увѣрены, что Шумейеръ пройдетъ большинствомъ въ 5.000 голосовъ. Эта увѣренность не покидала ихъ до самой послѣдней минуты. Въ громадномъ залѣ пивной Гернальса тысячи рабочихъ и работницъ уже нѣсколько часовъ ждали извѣстій объ исходѣ выборовъ. Время отъ времени пѣлъ хоръ пѣвческаго общества рабочихъ. Первая вѣсть пришла изъ Оттакринга, чисто-рабочаго предмѣстья. Тамъ Шумейеръ получилъ болѣе 3.000 голосовъ большинства. Восторгамъ толпы не было конца. Слѣдующее извѣстіе гласило, что въ Гернальсѣ Миттермейеръ получилъ на 2.000 голосовъ больше своего противника. Уже около 12 часовъ ночи пришли извѣстія изъ двухъ остальныхъ участковъ округа.

Миттермейеръ былъ избранъ, Шумейеръ остался въ меньшинствѣ. Охватившее толпу раздраженіе и негодованіе не поддается описанію. Особенно бурно выражали свое возмущеніе этимъ результатомъ женщины. Многія изъ нихъ плакали. По загрубѣлымъ, суровымъ лицамъ стариковъ текли слезы. По отрывочнымъ восклицаніямъ и выраженіямъ лицъ расходившейся по домамъ многотысячной толпы можно было судить, какая глубокая борьба чувствъ жгучей обиды и негодованія происходила въ душѣ каждаго.

По всему городу царило полнѣйшее спокойствіе. Люегеръ и другіе вожди антисемитской партіи были посрамлены образцовымъ спокойнымъ поведеніемъ вѣнскаго народа.

Въ антисемитскихъ ресторанахъ побѣдители пировали далеко за полночь. Но почему-то на этотъ разъ ихъ торжество не носило такого шумнаго характера, какъ полтора года тому назадъ, когда антисемитская партія одержала полную побѣду надъ либералами. Тогда нѣсколько дней подъ рядъ по улицамъ Вѣны не умолкали крики «да здравствуетъ Люегеръ», «долой евреевъ» и т. п. А теперь антисемиты нѣсколько растерялись послѣ побѣды, какъ будто они ея не ожидали. Утреннія газеты слѣдующаго дня принесли точныя цифровыя результаты выборовъ, при чемъ оказалось, что во всѣхъ пяти вѣнскихъ округахъ кандидаты антисемитской партіи прошли громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Изъ 277.918 человѣкъ всѣхъ избирателей пятой куріи въ Вѣнѣ голосовали 216.795 человѣкъ, или 77% общаго числа, тогда какъ, напр., при послѣднихъ выборахъ въ нижнеавстрійскій сеймъ осенью 1896 года изъ 89.818 привилегированныхъ избирателей третьей куріи (горожанъ, платящихъ не менѣе 5 гульденовъ прямыхъ государственныхъ налоговъ) воспользовалось своимъ правомъ голоса всего 58.967 избирателей или 65%. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что на этотъ разъ агитація велась съ обѣихъ сторонъ значительно интенсивнѣе.

Въ первомъ избирательномъ округѣ антисемитскій фельдфебель въ запасѣ Бѣлоглавекъ получилъ 16.056, а кандидатъ противной партіи Рейманъ—13.810 голосовъ. Во второмъ округѣ антисемитскій приказчикъ Прохаска побѣдилъ Адлера большинствомъ 25.111 противъ 19.154 голосовъ. Въ третьемъ округѣ Люегеръ побѣдилъ, получивъ 23.938 голосовъ, въ то время какъ Нѣмецъ имѣлъ 18.076 голосовъ. Съ особенно подавляющимъ большинствомъ прошелъ Аксманъ, получившій 27.177 голосовъ, въ то время какъ за кандидата рабочей партіи Скарета было подано всего 16.390 голосовъ. И наконецъ въ пятомъ избирательномъ округѣ прославленный Миттермейеръ одержалъ побѣду надъ Шумейеромъ, получивъ 24.820 голосовъ противъ 20.920, полученныхъ его противникомъ. Во всей Вѣнѣ за антисемитовъ было подано 117.820, а за кандидатовъ рабочей партіи—88.350 голосовъ.

Несомнѣнно, что основной причиной, обусловившей данный исходъ выборовъ, была та самая, которая объясняетъ успѣхи вѣнскаго антисемитическаго движенія въ цѣломъ. Тотъ фактъ, что Вѣна является единственнымъ во всемъ мірѣ столичнымъ городомъ, гдѣ антисемитическое движеніе достигло столь широкаго развитія и полнаго господства въ сферѣ городского и областного управленія, находитъ свое объясненіе въ особенностяхъ соціальнаго состава вѣнскаго населенія. Хотя Вѣна является и крупнымъ промышленнымъ центромъ, но ея преимущественное значеніе заключается въ торговлѣ. Этимъ обусловливается многочисленность слоя лицъ, занятыхъ при продажѣ и транспортировкѣ товаровъ, служащихъ въ магазинахъ, транспортныхъ конторахъ и т. д. Денежная аристократія въ Вѣнѣ: биржевые дѣльцы, крупные торговцы, банкиры - евреи — либералы, а служащіе въ банкирскихъ, транспортныхъ и др. конторахъ, складахъ, магазинахъ въ громадномъ большинствѣ—антисемиты. Къ рабочей партіи примыкаетъ лишь незначительная часть низшаго служебнаго персонала, хуже оплачиваемая часть приказчиковъ. Какъ и во всякомъ большомъ городѣ, въ Вѣнѣ очень многочисленъ слой мелкихъ торговцевъ: мясниковъ, булочниковъ, мелочныхъ лавочниковъ, сюда же можно отнести хозяевъ громаднаго числа ресторановъ и кофеенъ—всѣ эти элементы почти поголовно голосуютъ за антисемитовъ. За нихъ же голосовали домовладѣльцы и большинство чиновничества. Въ сферѣ вѣнской промышленности преобладаетъ средняя и мелкая форма производства. Этимъ объясняется громадность общей цифры самостоятельныхъ хозяевъ въ Вѣнѣ, превышающая 100.000 взрослыхъ мужчинъ. Изъ нихъ самую многочисленную группу составляютъ мелкіе ремесленные мастера. Находясь въ прямой зависимости отъ крупныхъ еврейскихъ фирмъ готоваго платья, обуви, мебели и т. п. или косвенно страдая отъ конкурренціи большихъ магазиновъ и фабрикъ, эти мастера, какъ одинъ человѣкъ, голосуютъ за антисемитовъ и вообще составляютъ главное ядро антисемитской партіи. Значительное большинство среднихъ и крупныхъ

промышленниковъ тоже на сторонѣ антисемитовъ. Фабричная форма особенно развита лишь въ машиностроительномъ производствѣ. Въ цѣломъ рядѣ самыхъ главныхъ отраслей промышленности, при производствѣ платья, обуви и т. д., широко развита такъ называемая домашняя форма крупнаго производства, при которой рабочіе разбросаны по 3—5 человѣкъ на частныхъ квартирахъ мелкихъ мастеровъ-антисемитовъ, исполняющихъ заказы крупныхъ торговопромышленныхъ фирмъ.

Въ этихъ отрасляхъ труда заняты десятки тысячъ рабочихъ. Такая разбросанность рабочей массы съ одной стороны ставитъ ее въ болѣе непосредственную зависимость отъ хозяевъ-мастеровъ, а съ другой—затрудняетъ самостоятельную организацію этихъ изолированныхъ элементовъ. Благодаря этому, въ рядахъ такихъ рабочихъ имѣется значительный процентъ совершенно индифферентныхъ, не понимающихъ своихъ интересовъ рабочихъ. Антисемитическая партія за все время избирательной агитаціи работала въ томъ направленіи, чтобы заставить мелкихъ мастеровъ оказать давленіе на занятыхъ у нихъ рабочихъ и подъ угрозой лишенія заработка и другими средствами склонить ихъ голосовать за антисемитскихъ кандидатовъ. И несомнѣнно, что эти усилія во многихъ случаяхъ увѣнчались успѣхомъ.

Другою отличительной чертой большинства отраслей вѣнской крупной промышленности является ея сезонный характеръ, что порождаетъ постоянные приливы и отливы рабочаго населенія на вѣнскомъ рынкѣ труда. Предусмотрительные составители новаго избирательнаго закона включили въ него параграфъ, по которому право голоса получаютъ только тѣ жители данной общины, которые ко дню опубликованія указа о выборахъ пробыли въ ней не менѣе полугода безпрерывно. Этотъ параграфъ лишаетъ значительную часть сезонныхъ рабочихъ избирательнаго права. Остальные классы населенія—антисемитскіе избиратели по роду своихъ занятій имѣютъ болѣе постоянное мѣстожительство. Громадное число сезонныхъ рабочихъ, занятыхъ въ Вѣнѣ при постройкѣ домовъ, земляныхъ работахъ и т. п., по большей части народъ пришлый изъ Богеміи и другихъ провинцій; проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, они возвращаются домой или идутъ дальше. Лишь ничтожный процентъ изъ нихъ могъ оказаться прожившимъ полгода на одномъ мѣстѣ ко времени выборовъ, и такимъ образомъ громадное большинство лишалось избирательнаго права и въ Вѣнѣ, и на родинѣ. Всѣ перечисленныя моменты, вытекающія изъ особенностей промышленной жизни Вѣны, прямо или косвенно благопріятствовали антисемитамъ. Дальнѣйшимъ важнымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ успѣху антисемитовъ, является фактъ, что это были первые выборы на основѣ всеобщаго избирательнаго права. До сихъ поръ въ политической жизни страны, какъ полноправные граждане, участвовали лишь плательщики прямыхъ государственныхъ налоговъ въ размѣрѣ не менѣе пяти гульденовъ въ годъ. Таковыхъ въ Вѣнѣ насчитывалось при-

близительно 90.000. Теперь же число избирателей сразу возросло болѣе чѣмъ втрое, достигая 277.000 человѣкъ. Такимъ образомъ на политическую арену въ Вѣнѣ впервые выступило 187.000 гражданъ, бывшихъ до сихъ поръ безправными. Среди этой громадной массы новыхъ избирателей рабочихъ, организованныхъ въ профессіональныя союзы и политическія общества, было не болѣе 15—20 тысячъ. Остальная безформенная масса избирателей въ 160—170 тысячъ человѣкъ слагалась изъ различныхъ категорій неорганизованныхъ рабочихъ и мелкаго мѣщанства. Для правильнаго сужденія объ исходѣ выборовъ было бы очень интересно знать отношеніе тѣхъ и другихъ въ этой общей суммѣ. Но, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, не имѣется данныхъ по этому вопросу. Несомнѣнно только одно, что въ этой суммѣ мѣщанство составляетъ значительный процентъ. На основаніи имѣющихся статистическихъ данныхъ средній годовой заработокъ вѣнскихъ рабочихъ не превышаетъ 400 гульденовъ. Прямые налоги начинаютъ взиматься лишь съ годового дохода, превышающаго 600 гульденовъ, значитъ рабочая масса по своему экономическому положенію находится далеко ниже того уровня благосостоянія, при которомъ взимается первый крейцеръ прямыхъ налоговъ. А между тѣмъ новая избирательная реформа впервые предоставила избирательное право и всѣмъ тѣмъ, кто хотя и платитъ прямые налоги, но менѣе чѣмъ 5 гульденовъ въ годъ. Слѣдовательно въ число новыхъ избирателей вошли, кромѣ рабочихъ, во-первыхъ, многочисленный слой мелкихъ плательщиковъ налоговъ, начиная отъ 1 крейцера до 5 гульденовъ, и пограничный съ рабочимъ классомъ, но прямо не принадлежащій къ нему слой лицъ, получающихъ отъ 400 до 600 гул. въ годъ. Обѣ эти категоріи составляются изъ мелкихъ лавочниковъ, мастеровъ, низшаго служебнаго персонала и т. п. Въ этихъ пограничныхъ съ пролетаріатомъ слояхъ населенія борьба за существованіе особенно сильна. Эти вѣрные кандидаты въ пролетаріи съ особымъ ожесточеніемъ отстаиваютъ тѣнь своей хозяйственной самостоятельности, а тѣ изъ нихъ, которые фактически уже перешли въ ряды пролетаріата, еще силятся по старой памяти поддерживать видимость мѣщанскаго существованія. Поэтому этотъ многочисленный слой новыхъ избирателей представляетъ группу, въ общемъ настроенную антисемитически.

И когда предъ выборами приходилось читать и слышать разговоры о шансахъ обѣихъ партій въ избирательной борьбѣ, то намъ все время казалось, что представители рабочей партіи не придаютъ при своихъ расчетахъ надлежащаго значенія тому вліянію, которое можетъ имѣть на исходъ выборовъ именно эта политически неразвитая масса. Рабочіе разсчитывали навѣрняка побѣдить въ трехъ округахъ и притомъ значительнымъ большинствомъ. Они жестоко ошиблись въ расчетѣ, и намъ думается, что значительная доля этой ошибки произошла отъ невѣрной оцѣнки оттѣняемаго нами обстоятельства. Даже та часть

этой массы, которая не была заранѣе настроена антисемитически, представляла для антисемитскихъ агитаторовъ благодарное поле дѣятельности въ виду легкости, съ которой ее можно было обработать на антисемитскій ладъ путемъ клеветъ, подкупа, угрозы лишить мѣста или заказовъ. При этомъ антисемитская партія могла сконцентрировать всѣ свои силы на уловленіи новыхъ избирателей, такъ какъ старыхъ она знала наперечетъ и еще на прежнихъ выборахъ выловила изъ нихъ всѣхъ, кого только можно было.

Въ совершенно другомъ положеніи находилась рабочая партія, которой все приходилось дѣлать наново, впервые, а главное, у которой цѣли-то избирательной агитаціи были совершенно другія, чѣмъ у антисемитовъ. Главная задача ея—не ловля голосовъ избирателей всѣми дозволенными и недозволенными средствами, а политическое воспитаніе избирателей, выработка изъ нихъ сознательныхъ членовъ партіи. А эта работа могла быть наиболѣе успѣшной въ чисто-рабочей средѣ, на которую и было обращено главное вниманіе; промежуточные же слои, о которыхъ мы говорили предъ этимъ, оказались такимъ образомъ въ полной власти антисемитовъ. Громадное большинство извозчиковъ, кельнеровъ, служащихъ на трамваяхъ и омнибусахъ, носильщиковъ, почтальоновъ, цирюльниковъ, служащихъ въ пожарныхъ казармахъ и всѣ городовые голосовали за кандидатовъ антисемитской партіи. Характерной особенностью всѣхъ перечисленныхъ профессій, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ, служитъ то, что во всѣхъ нихъ процвѣтаетъ система «Trinkgeld»—россійское «на чай». Получая ничтожное жалованье, всѣ названные служащіе зависятъ отъ благоволенія и пропорціональныхъ ему подачекъ буржуазной публики. У пожарныхъ и у городовыхъ не послѣднюю роль играетъ чисто-военная дисциплина, которой они подчинены: у первыхъ сверхъ того, ихъ зависимость отъ городскаго управленія, находящагося въ рукахъ антисемитовъ, а у вторыхъ — искусный подборъ. Народные учителя голосовали противъ антисемитовъ, изъ вполнѣ понятнаго и основательнаго страха за судьбы народной школы въ случаѣ торжества этой партіи.

Громадное вліяніе на исходъ выборовъ имѣло то обстоятельство, что весь административный избирательный механизмъ находится въ рукахъ антисемитской партіи. Всѣ дѣла по регистраціи населенія избирательнаго возраста, составленію списковъ лицъ, имѣющихъ право голоса, разсылка избирательныхъ документовъ и т. д.—все это находилось въ завѣдываніи магистрата, который въ свою очередь служитъ лишь исполнительнымъ органомъ городской думы, въ которой хозяйничаютъ антисемиты. И Люегеръ съ компаніей даже ужъ слишкомъ безцеремонно воспользовался своей властью въ городскомъ управленіи для осуществленія узко партійныхъ цѣлей. На цѣломъ рядѣ несомнѣнныхъ фактовъ доказана партійность и вопіющая противозаконность дѣйствій вѣнскаго магистрата по отношенію къ избирателямъ неугодной

ему партіи. Подъ всевозможными предлогами и совершенно незаконными придирками, ихъ не заносили въ избирательные списки или вычеркивали изъ нихъ, лишая такимъ образомъ права голоса.

Констатированы многочисленные факты, изъ которыхъ видно, что своимъ единомышленникамъ антисемиты разсылали по двѣ легитимаціи и больше, по которымъ они могли голосовать нѣсколько разъ; избирательные же бланки лежали въ антисемитскихъ агитаціонныхъ помѣщеніяхъ цѣлыми кипами. «Рука руку моетъ». Но и этимъ дѣло не ограничилось. Въ день выборовъ общее руководство голосованіемъ, рѣшеніе о допущеніи къ голосованію избирателей, не получившихъ легитимаціи, а главное при подсчетѣ голосовъ рѣшеніе о дѣйствительности или недѣйствительности каждаго голоса въ зависимости отъ соблюденія или нарушенія предписанныхъ закономъ формальностей при вписываніи имени, званія и мѣста жительства кандидата—зависитъ отъ избирательныхъ комиссій, избираемыхъ общинными совѣтами отдѣльныхъ городскихъ округовъ. Эти совѣты тоже находятся въ рукахъ антисемистовъ, которые и позаботились не только о томъ, чтобы обезпечить за своими единомышленниками подавляющее большинство во всѣхъ комиссіяхъ, но и не допустило въ громадное большинство комиссій ни одного члена рабочей партіи, что было прямымъ нарушеніемъ закона.

Такимъ образомъ антисемиты были при выборахъ полными господами положенія и имѣли полную возможность использовать его въ своихъ партійныхъ видахъ. Что они воспользовались этимъ въ громадныхъ размѣрахъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ занесенные въ избирательные протоколы многочисленные факты самыхъ грубыхъ злоупотребленій съ ихъ стороны. Комиссары большею частью смотрѣли сквозь пальцы на продѣлки антисемитскаго большинства въ комиссіяхъ, которое доходило даже до тайнаго похищенія изъ избирательной урны голосовъ, поданныхъ за противника, вкладыванія на ихъ мѣсто голосовъ за своего кандитата и т. п., пріемовъ фальсификаціи результатовъ выборовъ. Если ко всѣмъ этимъ многообразнымъ злоупотребленіямъ со стороны антисемитской партіи прибавить частную дѣятельность антисемитскихъ агитаторовъ, которая носила столь же противозаконный характеръ, то можно прійти къ выводу, что «польскіе выборы» перестали быть галиційской спеціальностью, а съ переселеніемъ графа Бадени въ Вѣну стали возможны и здѣсь. Рабочая пресса полагаетъ, что, благодаря всѣмъ этимъ избирательнымъ злоупотребленіямъ, антисемиты получили лишнихъ 30—40 тысячъ голосовъ.

Но провѣрить это пока очень трудно, все выяснится въ парламентѣ, гдѣ на эту тему предстоятъ жаркіе дебаты.

Немаловажное значеніе для полнаго торжества антисемитовъ оказала и «избирательная геометрія»—искусство выкраиванія избирательныхъ округовъ такимъ образомъ, чтобы на 1—2 рабочихъ предмѣстья

приходилось въ томъ же округѣ столько же или больше чисто-буржуазныхъ или мѣщанскихъ городскихъ участка, избиратели которыхъ задавили бы голоса рабочихъ.

Такъ, рабочія предмѣстья Оттакрингъ и Гернальсъ были соединены съ мелкобуржуазнымъ XVIII округомъ и крестьянскими по преимуществу пригородами Дорнбахъ и Дёблингъ, голосовавшими за антисемитовъ.

Къ населеннымъ фабричными и желѣзнодорожными рабочими предмѣстьямъ Мейдлингъ и Маргаретенъ былъ пристегнутъ буржуазный участокъ Маріагильфъ и пригородная крестьянская община Гитингъ и т. п.

Мы уже говорили, что за кандидатовъ рабочей партіи было подано 88,000 голосовъ. Но изъ нихъ тысячъ 10—12 можно смѣло считать поданными не рабочими, а демократической и соціалполитической интеллигенціей (врачами, профессорами, адвокатами и т. п.), которая не выставляла собственныхъ кандидатовъ, а, подавая свои голоса за рабочихъ, хотѣла противодѣйствовать въ этой формѣ надвигающейся клерикальной реакціи въ лицѣ антисемитизма. Либеральная «Neue Freie Presse» тоже ратовала предъ выборами за то, чтобы всѣ свободомыслящіе элементы подавали свои голоса въ пользу кандидатовъ рабочей партіи, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ только она въ силахъ бороться съ пагубнымъ вліяніемъ антисемитизма. Но краснорѣчіе публицистовъ «N. Fr. P.» не произвело надлежащаго дѣйствія. Либералы послѣдовали указаніямъ своего главнаго органа «Neues Wiener Tageblatt» и выставили собственныхъ кандидатовъ. Положимъ, что они получили ничтожное количество голосовъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что остальные голосовали за рабочихъ. Мы не говоримъ конечно, о единичныхъ исключеніяхъ, когда тотъ или другой либералъ-еврей, въ отместку антисемитамъ голосовалъ, за рабочаго кандидата; но чаще были противоположные факты, когда, изъ ненависти къ рабочимъ, либералы голосовали за антисемитовъ. Итакъ по нашимъ приблизительнымъ расчетамъ изъ 96,000 рабочихъ, воспользовавшихся своимъ избирательнымъ правомъ, за кандидатовъ рабочей партіи подали свои голоса 75—80.000 человѣкъ, т.-е. около 80%, а остальные 20%, вѣроятнѣе всего, рабочіе въ мелкихъ мастерскихъ, не понимая своего положенія и интересовъ, могли разыграть роль «Stimmvieh» и, сдавшись на угрозы мастера или продѣлки антисемитскихъ агитаторовъ, голосовать за своихъ враговъ. Всѣ желѣзнодорожные рабочіе голосовали за кандидатовъ рабочей партіи. Ихъ организація считается одной изъ лучшихъ и самыхъ многочисленныхъ во всей Австріи. Такимъ образомъ мы видимъ, что среди промышленнаго и желѣзнодорожнаго пролетаріата рабочая партія уже при первыхъ выборахъ имѣла громадный успѣхъ. Ея побѣда въ этой средѣ пріобрѣтаетъ еще большее значеніе въ виду разноплеменности вѣнскаго рабочаго населенія, затрудняющей воздѣйствіе на него; въ Вѣнѣ очень много рабочихъ чешской, польской и другихъ славянскихъ народностей; все это по большей части

народъ пришлый, не природные вѣнцы. Какъ велико число рабочихъ, которые не принадлежатъ къ коренному столичному населенію, показала послѣдняя перепись, по которой лишь 30% рабочихъ родились въ Вѣнѣ, а остальные 70% переселились сюда изъ другихъ провинцій, а не являются потомками коренного вѣнскаго пролетаріата.

Чтобы придать надлежащую оцѣнку вѣнскимъ избирательнымъ результатамъ, укажемъ на примѣръ Германіи, гдѣ за время съ 1867 по 1877 г. рабочая партія участвовала 4 раза въ избирательной борьбѣ на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, и только не четвертый разъ ей удалось провесть въ Берлинѣ двоихъ своихъ кандидатовъ изъ 6. Можно возразить, что вѣдь это было 20 лѣтъ тому назадъ, но, съ другой стороны, не надо забывать, что Германія въ своемъ общекультурномъ и промышленномъ развитіи не менѣе, если не болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ идетъ впереди Австріи. Число жителей въ Берлинѣ больше, чѣмъ въ Вѣнѣ; онъ носитъ болѣе промышленный характеръ, и все-таки въ 1887 году, когда тамошняя рабочая партія уже шестой разъ вела избирательную борьбу, ея кандидаты въ Берлинѣ получили всего 93,000 голосовъ, что приблизительно соотвѣтствуетъ 88,000 голосовъ, полученнымъ вѣнской рабочей партіей и притомъ съ перваго удара. Спустя 6 лѣтъ, въ 1893 г., кандидаты берлинской рабочей партіи получили уже 151,000 голосовъ, т.-е. на 62% болѣе. Если допустить, что хоть приблизительно такова же будетъ прогрессія возрастанія голосовъ у рабочей партіи въ Вѣнѣ за шестилѣтіе до слѣдующихъ выборовъ, то она можетъ на нихъ навѣрняка разсчитывать на полную побѣду. Но и теперешніе избирательные результаты надо считать не пораженіемъ, а блестящимъ успѣхомъ. Между прочимъ, въ виду громадныхъ избирательныхъ злоупотребленій со стороны членовъ антисемитской партіи и цѣлаго ряда противозаконныхъ дѣйствій со стороны антисемитскаго магистрата и избирательныхъ комиссій, всѣ вѣнскіе выборы были опротестованы. Неизвѣстно еще, какъ отнесется къ этому протесту большинство новаго парламента, въ которомъ сильно преобладаютъ консервативно-клерикальные элементы, но во всякомъ случаѣ 14 депутатовъ рабочей партіи, только что выбранныхъ въ парламентъ, позаботятся о томъ, чтобы разъ навсегда отучить графа Бадени и доктора Люегера отъ системы «польскихъ выборовъ» какъ въ Галиціи, такъ и въ Вѣнѣ. Большое огорченіе и теперь уже причиняетъ г-ну Люегеру его протеже—кельнеръ Миттермейеръ, избранный антисемитами депутатомъ отъ пятаго вѣнскаго округа. Теперь неопровержимо доказано, что онъ воръ. Люегеръ и другіе вожди антисемитизма сами были вынуждены признать это; они исключили его изъ своего клуба и требуютъ, чтобы онъ или оправдался, или сложилъ депутатскія полномочія. А онъ ничего, пока и въ усъ не дуетъ, похаживаетъ себѣ въ парламентъ и получаетъ по 10 гульденовъ за засѣданіе. Дорого обойдется антисемитамъ этотъ спеціалистъ по карманной части.

П. Т.

ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Высочайшій рескриптъ на имя статсъ-секретаря Дурново. Дворянскій вопросъ и его экономическая почва. Перспективы «рѣшительныхъ и всеобъемлющихъ реформъ». Дореформенное «дворянское управленіе». Культъ «принципа понужденія».— Биметаллистическая агитація. Докладъ г. Бутми и пренія по нему. — Симптомы перемѣны настроенія въ первенствующемъ сословіи.—Изъ литературы вопроса о хлѣбныхъ цѣнахъ.—Новый законъ о печати. — Отмѣна паспортнаго сбора. Въ какой мѣрѣ уничтожаетъ она фискальное значеніе паспортной системы?

13-го апрѣля въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликованъ былъ нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ статсъ-секретаря И. Н. Дурново:

«Переживаемыя помѣстнымъ дворянствомъ затрудненія составляютъ предметъ Моихъ особыхъ заботъ. Въ непреложной увѣренности, что дворянскому сословію для блага Россіи необходимо сохранить занимаемое имъ доселѣ въ ея судьбахъ мѣсто, Я желаю, чтобы были изысканы средства облегчить современное положеніе дворянства, всегда самоотверженно служившаго родинѣ.

Повелѣвъ въ сихъ видахъ образовать особое совѣщаніе изъ лицъ, довѣріемъ Моимъ къ этому дѣлу призванныхъ, я возлагаю предсѣдательствованіе въ семъ совѣщаніи на васъ, по ближайшей извѣстности вамъ потребностей дворянскаго сословія, въ средѣ коего вы нѣкогда съ достоинствомъ исполняли почетную должность предводителя дворянства.

Увѣренъ, что въ трудахъ совѣщанія будутъ всесторонне выяснены нужды помѣстнаго дворянства и соображены мѣры, коими могли бы быть ему обезпечены способы и впредь нести исконно вѣрную службу Престолу и Отечеству».

Членами особаго совѣщанія назначены: министръ Императорскаго двора и удѣловъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, членъ государственнаго совѣта гофмейстеръ Абаза, министры: внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи и финансовъ, статсъ-секретари: Куломзинъ и Плеве и егермейстеры: графъ Шереметевъ и Сипягинъ [1]). Предсѣдателю особаго совѣщанія пре-

[1]) Впослѣдствіи въ члены особаго совѣщанія назначенъ еще секретарь вдовствующей Императрицы графъ Голенищевъ-Кутузовъ.

доставлено «приглашать къ участію въ занятіяхъ онаго и другихъ лицъ, отъ коихъ, по свойству дѣла, можно ожидать полезныхъ объясненій». Управленіе дѣлами особаго совѣщанія возложено на товарища государственнаго секретаря, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стишинскаго.

Такимъ образомъ, дворянскій вопросъ изъ стадіи газетной перешелъ въ стадію офиціальную. Но текстъ рескрипта совершенно не предопредѣляетъ содержанія тѣхъ мѣропріятій, которыя будутъ осуществлены во исполненіе основной задачи, намѣченной въ рескриптѣ. По этой, а также и по другимъ вполнѣ понятнымъ причинамъ, главнѣйшимъ матеріаломъ при обсужденіи дворянскаго вопроса являются мнѣнія, заявленныя въ періодической печати. Одна изъ сторонъ, участвующихъ въ этомъ обмѣнѣ мнѣній, можетъ высказываться съ полной ясностью, и это свойство, безъ всякаго сомнѣнія, значительно повышаетъ интересъ и цѣнность ея заявленій, даже въ глазахъ тѣхъ, кто принципіально съ ними не согласенъ.

Современный дворянскій вопросъ есть порожденіе, съ одной стороны, освобожденія крестьянъ, съ другой — новѣйшаго сельскохозяйственнаго кризиса. Эмансипація, отнявъ даровой и принудительный трудъ у помѣстнаго дворянства, поставила его въ совершенно новыя сельскохозяйственныя условія; сельскохозяйственный кризисъ обострилъ разрушительное дѣйствіе этихъ условій.

Основной экономическій фактъ пореформенной эпохи въ сферѣ землевладѣнія—это обезземеленіе дворянства. Въ 1861 г. по 44 губерніямъ Европейской Россіи (не считая Архангельской, Бессарабской, Области Войска Донского и Прибалтійскихъ) дворянамъ принадлежало за надѣломъ крестьянъ 71.247.000 дес. Между тѣмъ въ 1892 г. по свѣдѣніямъ, доставленнымъ предводителями дворянства и сосредоточеннымъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, въ тѣхъ же губерніяхъ дворяне владѣли землей въ количествѣ лишь 57.728.381 дес. Такимъ образомъ, *за 30 лѣтъ убавилось у дворянства 13.519.000 дес., что составляетъ 23% всей суммы земли, находившейся во владѣніи дворянъ въ 1861 г.* [1]). *Обезземеленіе* дворянства вовсе не стоитъ въ

---

[1]) А. И. Чупровъ. «Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе земельной собственности» въ сборникѣ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», т. I, стр. 457—458.

Вотъ болѣе детальныя данныя по 43 губерніямъ объ измѣненіяхъ въ дворянскомъ землевладѣніи съ 1878 г. по 1892 г. (Изъ отчета дворянскаго банка за 1892 г.).

ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.

Губерніи.	Тысячъ десятинъ.	
А. Черноземная полоса.		
I. Центральныя земледѣльческія.	Въ 1878 году.	Къ 1892 году.
Курская	1.165,5	1.053,4
Орловская	1.231,1	1.078,2
Тульская	1.026,9	981,2
Рязанская	1.053,4	842,7
Тамбовская	1.593,4	1.395,9
Воронежская	1.378,9	1.255,9
Итого	7.449,2	6.607,3

связи съ новѣйшимъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ: послѣдній наоборотъ — какъ доказалъ г. Чупровъ и какъ ясно и a priori—задерживаетъ мобилизацію дворянскаго землевладѣнія, которая всего энергичнѣе шла въ эпохи подъема хлѣбныхъ цѣнъ. Еще менѣе можно, конечно, искать причинъ этого процесса въ тѣхъ или другихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ. Онъ является вполнѣ естественнымъ результатомъ ликвидаціи крѣпостного строя. Прежній душевладѣльческій классъ оказался очень плохо подготовленнымъ къ новымъ экономическимъ условіямъ, и въ то же время оживленіе, вызванное крупными преобразованіями народной жизни и учрежденій, открывъ дворянству доступъ къ новымъ сферамъ дѣятельности, дало ему возможность сняться съ насиженныхъ гнѣздъ. Удаленіе изъ деревни часто неизбѣжно влекло за собой ликвидацію земельной собственности и хозяйства. Не слѣдуетъ забывать, что, по общему правилу, эта ликвидація, была выгодна вслѣдствіе подъема цѣнъ на хлѣбъ и землю, тогда какъ веденіе хозяйства являлось чрезвычайно затруднительнымъ по неподготовленности дворянъ къ новой формѣ экономическихъ отношеній и по рѣзкому ан-

Губерніи.	Тысяч. десятинъ.	
	В. Нечерноземная полоса.	
I. Промышленныя.	Въ 1878 году.	Къ 1892 году.
Владимірская	809,7	541,7
Московская	737,3	490,2
Тверская	1.255,7	880.7
Калужская	756,9	525,5
Костромская	2.003,1	1.432,7
Ярославская	786,8	528,2
Итого	6.350,1	4.399,0
II. Бѣлорусскія.		
Минская	3.983,7	4.326,3
Могилевская	1.976,4	1.544,6
Витебская	1.606,4	1.767,6
Смоленская	1.915,5	1.326,4
Итого	9.482,0	8.964,9
III. Литовскія.		
Виленская	1.440,9	1.398,0
Ковенская	1.490,8	1.451,1
Гродненская	1.043,8	981,2
Итого	3.974,7	3.830,3
IV. Приозерныя.		
С.-Петербургская	1.418,4	992,3
Новгородская	2.455,3	1.768,0
Псковская	1.217,6	873,6
Итого	5.091,3	3.633,9
V. Приуральскія.		
Пермская	6.692,4	6.849,3
Вятская	491,2	115,2
Итого.	7.183,6	6.964,5
VI. Сѣверныя.		
Вологодская	774,3	409,0
Всего по *нечерноземной* полосѣ	32.856,0	28.201,6
Всего по 43 губерніямъ Россіи	68.641,3	57.485,8

II. Средневолжскія.		
Казанская	590,5	450,0
Симбирская	1.173,0	1.004,3
Пензенская	1.077,1	931,9
Саратовская	2.259,7	1.844,1
Нижегородская	1.168,8	854,9
Уфимская	1.851,7	1.716,7
Итого	8.120,8	6.801,9
III. Нижневолжскія.		
Самарская	2.033,1	1.498,8
Оренбургская	1.000,4	716,5
Астраханская	334,8	74,0
Итого	3.368,3	2.289,3
IV. Новороссійскія.		
Херсонская	2.549,2	1,901,8
Таврическая	1.585,7	1.124,3
Екатеринославская.	2.464,8	1.629,8
Итого	6.599,7	4,655,9
V. Юго-Западныя.		
Кіевская	1.833,9	1.705,9
Подольская	1.565,5	1.469,2
Волынская	2.424,2	2.421,7
Итого	5.823,6	5.596,8
VI. Малороссійскія.		
Полтавская	1.726,8	1.261,8
Харьковская	1.345,0	927,8
Черниговская	1.351,9	1.143,4
Итого	4.423,1	3.333,0
Всего по черноземной полосѣ	35.785,3	29,284,2

тагонизму интересовъ барина и мужика, антагонизму, облекавшемуся въ формы, мало благопріятствующія болѣе совершенной эксплуатаціи земли.

Кромѣ того, роковымъ для судебъ дворянскаго землевладѣнія оказался тотъ безспорный фактъ, что реформа 1861 г. застала дворянство въ роли единственнаго образованнаго класса страны. Интеллигенція и помѣстное дворянство совпадали тогда. А для интеллигенціи въ то время на государственной службѣ, въ свободныхъ профессіяхъ, въ разныхъ промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ акціонернаго типа открылась, какъ мы уже сказали, широкая сфера приложенія силъ. Спросъ на интеллигенцію былъ великъ, а предложеніе ея—сравнительно недостаточно. Не сельско-хозяйственный кризисъ, не крестьянская реформа сама по себѣ, а весь культурный прогрессъ страны поглотилъ болѣе $^1/_5$ дворянскаго землевладѣнія, превративъ часть земельнаго потомственнаго дворянства въ безземельную привилегированную интеллигенцію.

Огромную роль въ этомъ процессѣ сыграла полная неподготовленность земельнаго дворянства къ сельско-хозяйственному предпринимательству. Историческое прошлое сословія не выработало въ немъ надлежащихъ навыковъ для веденія не крѣпостного, а коммерческаго, основаннаго на строгомъ расчетѣ, хозяйства. Дворянство получило очень много отъ повышенія земельной ренты въ 70-хъ и 80-хъ гг., но это приращеніе доходовъ, явившееся необходимымъ результатомъ экономическаго развитія страны, пропало для *производства*: оно пошло на *личное потребленіе*. Золотые годы высокихъ цѣнъ оставили лишь пріятныя воспоминанія, но *не оставили* никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ хозяйствѣ, если не считать такимъ слѣдомъ огромную задолженность дворянскаго землевладѣнія. Статистическія данныя показываютъ, что мобилизація дворянской собственности и ея задолженность въ значительной степени замѣняютъ одна другую: тамъ, гдѣ дворянской земли сравнительно меньше отчуждается (какъ въ черноземныхъ губерніяхъ), тамъ ея больше закладывается. Ростъ задолженности въ годы высокихъ цѣнъ относительно выше, чѣмъ въ годы низкихъ цѣнъ. Съ 1870 г. по 1880 г. она возрасла въ 6 разъ, а съ 1880 г. по 1892 г. лишь въ 3 раза.

Ни огромныя суммы, полученныя подъ залогъ имѣній, ни огромныя суммы выкупныхъ платежей не были вложены дворянствомъ въ землю. А между тѣмъ за годами высокихъ цѣнъ наступили годы низкихъ; доходность земли, 40% которой оказывается заложенной, упала. Теперь земельное дворянство не столько обезземеливается, сколько нищаетъ. Рядомъ съ обнищаніемъ приходится констатировать—оскудѣніе умственными и вообще духовными силами.

Дѣло въ томъ, что культурное значеніе и интеллигентность *дореформеннаго* земельнаго дворянства сказались еще въ другихъ фатальныхъ для *пореформеннаго* дворянства результатахъ. А именно обеззе-

мелились наилучшіе, наиболѣе образованные и культурные элементы средняго и мелкаго дворянства; на землѣ же остались элементы—наименѣе культурные и... дворянскіе магнаты. Этотъ фактъ, между прочимъ, объясняетъ и характеръ современныхъ дворянскихъ собраній и вообще окраску и направленіе дворянскаго движенія 80-хъ гг. и нашихъ дней. Сельско-хозяйственный кризисъ, быть можетъ, еще болѣе обострилъ этотъ процессъ подбора наименѣе культурныхъ элементовъ. Нечего и настаивать на томъ, что онъ наложилъ свою печать и на практику земскихъ начальниковъ; его же государственная власть сама вынуждена была констатировать и подчеркнуть, отмѣнивъ фактически обязательность какого-либо образовательнаго ценза для этихъ назначаемыхъ изъ дворянъ чиновниковъ. Связь обезземеленія съ культурной ролью дворянства явствуетъ уже изъ того, что во множествѣ конкретныхъ случаевъ можно установить зависимость между обезземеленіемъ дворянства и его образовательными нуждами (расходы на образованіе дѣтей, абсентеизмъ ради него и т. д.). Но важнѣйшую роль въ этомъ процессѣ сыграло, конечно, то обстоятельство, что, по совершенно естественнымъ причинамъ, наиболѣе культурные элементы *тянулись въ городъ*, и благодаря пребыванію въ городѣ, теряли землю.

Вотъ почему неправы и съ совершенно объективной точки зрѣнія неправы тѣ, кто въ настоящее время такъ много и усердно говорятъ о культурной миссіи дворянства. Они упускаютъ изъ виду одну сторону дѣла, имѣющую огромное значеніе для рѣшенія вопроса объ этой миссіи. Необходимо условиться относительно того, что понимать подъ тѣмъ дворянствомъ, «вопросъ» о которомъ занимаетъ теперь правительство и общество. Очевидно, здѣсь разумѣется дворянство *земельное*. Культурное значеніе земельнаго дворянства, какъ наиболѣе образованнаго слоя населенія потому было такъ велико въ дореформенную эпоху, что, во-первыхъ, оно поставляло большую часть интеллигенціи, въ то время почти сливавшейся съ чиновничествомъ, а, во-вторыхъ, претворяло въ себѣ почти всю служилую интеллигенцію, вербовавшуюся изъ другихъ сословій. Это было возможно благодаря тому, что и государство и страна предъявляли, сравнительно съ нашимъ временемъ, очень незначительный (количественно и качественно) спросъ на интеллигенцію; далѣе, благодаря тому, что въ дореформенное время лицамъ, пріобрѣтшимъ на службѣ дворянство было гораздо легче, чѣмъ теперь, становиться землевладѣльцами и притомъ—обладающими драгоцѣннѣйшей привилегіей душевладѣнія, т. е. пользованія крѣпостнымъ трудомъ, и наконецъ, благодаря болѣе льготнымъ, чѣмъ теперь, условіямъ пріобрѣтенія потомственнаго дворянства на государственной службѣ. Уже въ 1864 г. Лохвицкій писалъ: «указы 1845 и 1856 гг., отодвинувши полученіе дворянства сначала до маіора и статскаго совѣтника, а потомъ до полковника и дѣйствительнаго стат-

скаго совѣтника, въ сущности не усилили, а поколебали дворянство. Прежде оно поглощало въ себѣ, какъ мы видѣли, все выходившее изъ ряда. Каждый чиновникъ 8 класса покупалъ, обыкновенно, крѣпостное имѣньице и становился въ ряды дворянства. Теперь же въ губерніи могутъ быть всѣ чины, даже включительно съ губернаторомъ — недворяне. Далѣе образовывается мало-по-малу значительный чиновничій классъ—ученыхъ, медиковъ, техниковъ, который стоитъ теперь внѣ потомственнаго дворянства, тогда какъ прежде оно поглощало въ себѣ всѣ эти силы: адъюнктъ, докторъ были ео ipso потомственными дворянами, также и учителя гимназій послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы» (Проф. А. Лохвицкій. «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія, ч. I, Спб. 1864, стр. 126). Не смотря на указанное съуженіе притока новыхъ лицъ въ сословіе потомственнаго дворянства, онъ продолжался и послѣ 1861 г., но безъ всякой ошибки можно сказать, что эти новые дворяне гораздо рѣже, чѣмъ въ дореформенную эпоху, становились помѣщиками-землевладѣльцами. А въ то же время множество дворянъ-землевладѣльцевъ—подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій—обезземеливалось, и навѣрное безвозвратно. Такимъ образомъ, до реформы 1861 г. интеллигенція страны и даже ея привилегированное сословіе совпадали фактически съ *помѣстнымъ* дворянствомъ. Теперь ни интеллигенція, ни потомственное дворянство съ нимъ нетождественны. Поэтому такая оцѣнка культурнаго значенія *помѣстнаго* дворянства, какую недавно дало «Новое Время», совершенно не соотвѣтствуетъ современной русской дѣйствительности:

«Кто бы какъ ни смотрѣлъ на дворянство и дворянскій вопросъ,—писала эта газета,—никто, безъ сомнѣнія, не можетъ оспорить того факта, что *въ дворянствѣ мы имѣемъ почти единственный и, во всякомъ случаѣ, самый крупный культурный капиталъ, накопленный нашею общественною жизнью въ прошломъ*. Съ легкимъ сердцемъ относиться къ потерѣ или растратѣ этого капитала, при нашей культурной бѣдности, это было бы верхомъ расточительности, а потому опасность потери или растраты этого, во всякомъ случаѣ, не мало значительнаго культурнаго капитала, разъ только такая опасность имѣется, безусловно обязываетъ принять соотвѣтствующія мѣры къ ея устраненію.»

Экономическое положеніе современнаго земельнаго дворянства въ связи съ духовно-общественнымъ уровнемъ этого класса—вотъ реальная почва, на которой возникъ «дворянскій вопросъ».

Если мы съ экономической силой дворянства сравнимъ его юридическое положеніе, то мы увидимъ крайне рѣзкое несоотвѣтствіе. Въ земствѣ дворянство безусловно господствуетъ: преобладающее положеніе его въ мѣстномъ самоуправленіи по положенію 1864 г. было еще въ огромной степени усилено земской реформой 1890 г., усилено какъ разъ въ то время, когда вполнѣ явственно обозначился упадокъ экономической силы дворянства. Такимъ образомъ, не можетъ подлежать

сомнѣнію, что современное государственно-правовое положеніе дворянства не соотвѣтствуетъ вовсе распредѣленію въ странѣ реальныхъ общественныхъ силъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на статистику поземельной собственности и сопоставить ее съ отношеніемъ въ земскихъ собраніяхъ числа гласныхъ-дворянъ къ числу гласныхъ отъ другихъ соціальныхъ группъ. Возьмемъ для примѣра Московскую губ. Въ ней по всѣмъ 14 уѣздамъ выбирается 378 уѣздныхъ гласныхъ, изъ нихъ 212—дворянами, 60—всѣми прочими частными владѣльцами и 106 являются назначенными гласными отъ сельскихъ обществъ. Сельскія общества, владѣющія по даннымъ 1887 г. 54,8% всей земли уѣзда, посылаютъ въ земское собраніе лишь 28% общаго числа гласныхъ (не говоря уже о томъ, что эти гласные назначены и потому фактически совершенно зависятъ отъ земскихъ начальниковъ, т.-е. отъ мѣстныхъ дворянъ). Если мы возьмемъ одно представительство частнаго землевладѣнія въ количествѣ 272 гласныхъ, то увидимъ, что дворяне, владѣющіе лишь 52,6% всей частновладѣльческой земли, посылаютъ въ земское собраніе болѣе 77% всѣхъ представителей частнаго землевладѣнія. Остальные 22% гласныхъ представляютъ 47,4% всего частнаго землевладѣнія. Несоотвѣтствіе будетъ еще рѣзче, если мы обратимся къ отдѣльнымъ уѣздамъ: такъ, въ *Богородскомъ уѣздѣ половина гласныхъ состоитъ изъ дворянъ, которымъ, однако, принадлежитъ всего лишь* 1/5 *всей частновладѣльческой земли, тогда какъ представители сельскихъ обществъ, владѣющихъ болѣе* 1/2 *всей земли уѣзда, посылаютъ въ собраніе лишь* 1/4 *общаго состава гласныхъ, а частные землевладѣльцы-недворяне, въ рукахъ которыхъ почти 80% всей частновладѣльческой земли, представлены числомъ гласныхъ, вдвое меньшимъ, чѣмъ дворяне, т.-е. посылаютъ въ собраніе тоже* 1/4 *общаго состава гласныхъ.*

Какъ, въ виду такого подавляющаго преобладанія дворянства въ мѣстномъ самоуправленіи, въ виду существованія чисто дворянскаго по составу института земскихъ начальниковъ, облеченныхъ широкой властью, какъ въ виду всего этого,—органы, считающіе себя призванными охранять дворянскіе интересы, считаютъ возможнымъ говорить чуть что не о приниженіи дворянства,—это мы совершенно отказываемся понимать.

Впрочемъ, въ нашихъ такъ называемыхъ охранительныхъ органахъ печатается много такого, къ чему примѣнимъ лишь извѣстный афоризмъ: бумага все стерпитъ. Такъ, «Гражданинъ» въ одной статьѣ сказалъ, что «въ дѣлѣ переселенія главную роль играютъ агитаторы» и что «вся бѣда въ деревнѣ состоитъ... въ томъ, что крестьянинъ никогда не думаетъ, можетъ ли онъ, т.-е. имѣетъ ли право сдѣлать то, что онъ вознамѣрился, а дѣлаетъ то, что онъ хочетъ, по своему произволу; отъ этого произвола все и рушится въ деревнѣ». Авторъ статьи (письма въ редакцію) г. Василій Козеневъ настоящій щедринскій дикій помѣщикъ, пустившійся въ публицистику. Дикимъ помѣщикомъ

отдаетъ и отъ болѣе культурныхъ по внѣшности господъ, напр., отъ знаменитаго въ своемъ родѣ г. Ѳ. Ромера, который недавно изобразилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 118 за текущій годъ) слѣдующую характеристику современнаго русскаго крестьянства: «до освобожденія—по словамъ г. Ромера—у насъ былъ крестьянинъ неграмотный, но истинно-просвѣщенный глубоко-воспринятымъ благоговѣніемъ къ завѣтамъ церкви, твердымъ сознаніемъ своего долга и положенія. Нынѣ онъ переродился въ забулдыгу, мало чѣмъ лучше животныхъ, но зато вычитавшаго въ своей книжкѣ, что громъ есть «ликтричество».

Эта возмутительная характеристика, помимо своего неприличія, представляетъ явную нелѣпость въ виду того общеизвѣстнаго, статистически установленнаго, факта, что около 90% нашего деревенскаго населенія до сихъ поръ *безграмотно*.

Дворянскій *вопросъ* подъ перомъ реакціонныхъ публицистовъ превращается въ дворянскую *реформу*, а послѣдняя начинаетъ разгоряченному воображенію рисоваться въ столь широкихъ очертаніяхъ, что, если вѣрить предсказаніямъ охранительныхъ газетъ, то мы—наканунѣ цѣлой эпохи грандіозныхъ реформъ. Тѣ же самыя «Московскія Вѣдомости», которыя столь тщательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы предѣлы пересмотра крестьянскаго законодательства не расширялись, относительно дворянской реформы высказываются, что «только государственныя мѣры, *столь же рѣшительныя и столь же многосторонне объемлющія разныя стороны быта и государственной жизни*, какъ реформы шестидесятыхъ годовъ, только такія мѣры возвращенія нашего государственнаго устройства къ исконнымъ его началамъ способны были бы поставить существованіе помѣстнаго дворянства въ нормальныя условія». (№ 107 отъ 20 апрѣля с. г., курсивъ газеты).

Мы, признаемся, нѣсколько недоумѣваемъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать, что нашему государственному устройству необходимо *возвращеніе* къ «исконнымъ его началамъ».

По словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», оказывается, что въ 80-хъ годахъ «голосъ М. Н. Каткова остался неуслышаннымъ (voila comme on écrit l'histoire!), и теперь снова приходится возвращаться къ его идеямъ, хотя уже при условіяхъ болѣе трудныхъ, нежели тогда». «Правильная постановка и разрѣшеніе дворянскаго вопроса на почвѣ мѣстнаго управленія,—продолжаетъ газета,—внесла бы окончательный порядокъ въ жизнь нашей деревни, которая нѣсколько свободнѣе вздохнула лишь при появленіи въ ней земскихъ начальниковъ, этихъ провозвѣстниковъ предстоящей дворянской реформы» («М. Вѣд.» № 104 отъ 17 апр. с. г.).

Итакъ, рисуется какая-то широкая перспектива «рѣшительныхъ и всеобъемлющихъ» государственныхъ реформъ, которыя вновь поставятъ дворянство на прежнюю высоту... Эта перспектива очень ту-

манна, но основное содержаніе ея, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ въ томъ или другомъ видѣ вотчинная полиція, т.-е. изрядный кусочекъ крѣпостного права.

«Государство,—пишетъ московская газета,—имѣетъ всѣ необходимые элементы для фактической организаціи этого (т. е. сельскаго) управленія: дворянскія усадьбы разбросаны среди крестьянскаго населенія, какъ нарочно созданные административные пункты, такъ что дворянство и по мѣсту своего жительства, и по образу своей жизни можетъ и должно находиться именно въ тѣхъ условіяхъ, которыя требуются для цѣлей управленія».

Но этимъ не исчерпываются, конечно, пожеланія «Московскихъ Вѣдомостей». Они, очевидно, объемлютъ полное переустройство нашихъ административныхъ и даже судебныхъ учрежденій въ интересахъ помѣстнаго дворянства. Взоры «Московскихъ Вѣдомостей» обращаются къ прошлому, къ тому золотому вѣку, который предшествовалъ «демократической нивеллировкѣ» 60-хъ гг. Обратимся и мы къ прошлому, взявъ въ наши эксперты по части прошлаго не Щедрина, автора «Губернскихъ очерковъ», напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Каткова, хотя и этотъ источникъ заслуживаетъ полнаго довѣрія и вниманія, а чрезвычайно благонамѣреннаго и консервативнаго кіевскаго профессора Романовича-Славатинскаго, автора капитальнаго изслѣдованія «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права» (Спб. 1870 г). Какъ извѣстно, именно въ XIX в. до эпохи реформъ помѣстное дворянство, какъ таковое, было надѣлено широкими «государственными полномочіями». Исправники и засѣдатели земскаго суда, предсѣдатели и засѣдатели палаты гражданскаго и уголовнаго суда, уѣздные судьи и засѣдатели уѣзднаго суда выбирались дворянами изъ дворянъ (въ палатѣ, въ уѣздныхъ и земскихъ судахъ были, впрочемъ, засѣдатели и отъ другихъ сословій) [1]. Данныя для того, «чтобы судить о качествѣ лицъ, избиравшихся дворянствомъ въ теченіе текущаго столѣтія,—говоритъ г. Романовичъ (назв. соч., стр. 498),—заключаются не въ личныхъ воспоминаніяхъ о предводителяхъ, позволявшихъ разорять имѣнія сиротъ, остававшихся и безъ куска хлѣба, и безъ всякаго образованія, обижать и разорять крестьянъ; о судьяхъ, засуживавшихъ правыхъ и за посулы оправдывавшихъ виновныхъ; объ озорникахъ-исправникахъ, лакействовавшихъ предъ богатыми дворянами и спуску недававшихъ мелкопомѣстью,—эти данныя официальнаго характера: они заключаются въ докладахъ министровъ внутреннихъ дѣлъ государю, они неизгладимыми буквами напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ».

Въ 1831 г. министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Закревскій доносилъ

---

[1]) Мы перечисляемъ лишь главнѣйшія должности судебнаго и полицейскаго управленія, замѣщавшіяся по выбору отъ дворянъ.

императору Николаю I, что «усердіе и честность членовъ земскихъ судовъ нерѣдко измѣняютъ видъ свой подъ бременемъ бѣдности», что «званіе земскихъ засѣдателей, по обязанностямъ своимъ весьма важное, къ несчастію, въ общемъ мнѣніи пришло въ униженіе», что «дворянскіе выборы далеко уклонились отъ прямой цѣли своего установленія». Въ 1832 г. въ указѣ на имя управляющаго м-вомъ внутреннихъ дѣлъ императоръ самъ констатируетъ, что избираемые дворянами «чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ запутанность и упущеніе, поставляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона». Императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся, что послѣ манифеста 6 декабря 1831 г. дворянство обратитъ большее вниманіе на избраніе чиновниковъ, *истинно достойныхъ имени блюстителей порядка и правосудія.* Но ожиданія императора не сбылись: министръ внутр. дѣлъ гр. Перовскій во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842 г. писалъ: «дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. Чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко *менѣе способны и надежны*, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства... Званіе земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижено въ общественномъ мнѣніи». Когда начальники губерній излагали свои мнѣнія о преобразованіи уѣздныхъ учрежденій, то кіевскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, вмѣстѣ съ губернаторами другихъ губерній, полагалъ, что «вслѣдствіе предубѣжденія, существующаго въ народѣ и обществѣ противъ земскихъ исправниковъ, слѣдовало бы это наименованіе замѣнить другимъ—начальника уѣздной полиціи или уѣзднаго начальника» [1]).

Таковы были, по свидѣтельству офиціальныхъ лицъ дореформенной Россіи, плоды дворянскаго управленія. Но это управленіе имѣло одно достоинство, которое, впрочемъ, въ ту историческую эпоху, быть можетъ, увеличивало его недостатки: оно было выборнымъ.

У современныхъ же прожекторовъ «дворянскаго управленія» и выборное начало не въ милости. Въ программѣ, которую защищаютъ они, классовые интересы земельнаго дворянства комбинируются и примиряются съ чисто бюрократическими методами управленія. Иногда даже трудно вѣрить, что эти господа въ серьезъ защищаютъ интересы дворянскаго сословія,—настолько сильно подчеркиваютъ они при всякомъ поводѣ чисто служебное значеніе дворянства и его специфическую охранительную миссію. Слѣдуетъ помнить,—говоритъ князь Мещерскій (№ 29),—что «въ двухъ случаяхъ ничего не выйдетъ изъ предпринимаемаго дѣла (поддержанія дворянства): 1) если будутъ компромиссы и полумѣры въ угоду либераламъ изъ опасенія проявить слишкомъ много кон-

[1]) Романовичъ, назв. сочин., стр. 498—500.

сервативностей; 2) если положатся на добрую волю дворянства: въ дѣло долженъ быть непремѣнно введенъ относительно дворянства *принципъ понужденія* (нашъ курсивъ) и обязанностей тамъ, гдѣ признается нужнымъ ему давать извѣстное право, въ свидѣтельствованіе его жизненной силы».

«Принципъ понужденія» вотъ тотъ Богъ, которому покланяются наши «охранители». Тѣ дворяне, которые не раздѣляютъ этого поклоненія, подлежатъ, съ точки зрѣнія гг. Мещерскихъ, отсѣченію, какъ вредные члены, т.-е. не болѣе, не менѣе какъ лишенію своихъ дворянскихъ правъ. «Если они (либералы) есть въ средѣ дворянскаго собранія, то оно должно избирать предводителей, которые этимъ либераламъ не давали бы права голоса въ стѣнахъ дворянскихъ собраній... какъ не даютъ его въ церкви говорящимъ противъ Бога, какъ не даютъ его въ полку говорящимъ противъ знамени»—читаемъ мы въ редакціонной передовой статьѣ «Гражданина» (№ 24). Если все дворянство или большинство его станетъ «либеральнымъ» (и чего только г. Мещерскій не считаетъ «либеральнымъ»!), то «Гражданинъ» навѣрное подыметъ вопросъ объ упраздненіи дворянства, вся raison d'être котораго въ томъ, чтобы служить «принципу понужденія».

Рядомъ съ этимъ культомъ «принципа понужденія» положительно «отрадное явленіе» (да простятъ намъ «Недѣля» и г. Яковъ Абрамовъ небольшое литературное позаимствованіе) составляетъ биметаллистическая агитація. Тутъ во всякомъ случаѣ проповѣдуютъ извѣстнаго рода теорію, а не просто—искорененіе несогласно мыслящихъ; апеллируютъ къ *разсужденію*, а не къ понужденію, обращаются къ пониманію и защитѣ классовыхъ интересовъ, а не къ готовности служить человѣческимъ матеріаломъ для разнаго рода миссій въ одно и то же время охранительнаго и искоренительнаго свойства. Родилась русская биметаллистическая агитація на югѣ въ лицѣ бессарабскаго землевладѣльца г. Бутми-де-Кацмана и недавно огласила стѣны Вольно-экономическаго общества. Еще во время прошлогоднихъ дебатовъ о золотой валютѣ въ той же залѣ одинъ ораторъ выразилъ удивленіе по поводу того, что «въ нашемъ землевладѣльческомъ классѣ нѣтъ биметаллистическаго или серебрянаго движенія»; онъ объяснялъ себѣ это явленіе тѣмъ, «что для требованій въ области валютной политики необходимъ большій политическій смыслъ и большее пониманіе хозяйственныхъ явленій, чѣмъ для ходатайствъ о пониженіи процента по банковымъ платежамъ за заложенныя имѣнія. Послѣднее много проще и не требуетъ никакой утруждающей работы мысли» [1]).

Г. Бутми расшевелилъ небольшую кучку русскихъ биметаллистовъ

---

[1]) Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ III отдѣленіи Императорскаго Вольно-экономическаго общества. Стенографическій отчетъ. Спб. 1896 г., стр. 212.

и, вѣроятно, его докладъ явится исходнымъ пунктомъ для настоящей классовой агитаціи идей биметаллизма. Основное требованіе этого «изма» сводится къ свободной чеканкѣ серебра и возведенію его въ рангъ всеобщаго платежнаго средства. Отъ этого *несомнѣнно* должны выиграть землевладѣльцы: во-1-хъ, какъ ипотечные должники, которые малоцѣннымъ металломъ расплатятся за долги, заключенные на золото или *упроченную* бумажную валюту, во-2-хъ, какъ производители экспортнаго товара—хлѣба. Какъ производители и продавцы хлѣба, они выиграютъ вслѣдствіе того, что паденіе цѣнности денегъ на международномъ и внутреннемъ рынкахъ происходитъ неравномѣрно—на первомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на второмъ. Предположимъ, что, вслѣдствіе установленія свободной чеканки серебра въ Россіи, рубль обезцѣнится на международномъ рынкѣ на 50%; обезцѣненіе это во всякомъ случаѣ произойдетъ *очень быстро*. Между тѣмъ, внутри страны рубль, навѣрное, будетъ очень медленно измѣняться въ своей цѣнности. Тогда цѣна хлѣба, продаваемаго за границу, повысится на 50%, и землевладѣлецъ будетъ получать, вмѣсто прежнихъ 100 р.—150 р. Если затѣмъ внутри страны цѣнность рубля понизится на 10 или 20%, то продавецъ хлѣба все-таки на каждыхъ 100 рубляхъ будетъ выигрывать 40 или 30 рублей. Нашъ расчетъ совершенно предположительный, но онъ взятъ нами лишь для иллюстраціи того положенія, что обезцѣненіе или паденіе валюты, т.-е. денегъ, можетъ быть выгодно для производителей экспортныхъ товаровъ.

На самомъ дѣлѣ реальныя выгоды всегда ниже, чѣмъ теоретическія, вслѣдствіе того, что значительная доля «разницы» попадаетъ въ карманъ не землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, а торговцевъ-экспортеровъ; вслѣдствіе того, что обезцѣненіе денегъ въ экспортирующей странѣ — *въ дѣйствительности* всегда учитывается на міровомъ рынкѣ, и, соотвѣтственно этому, цѣна экспортируемыхъ изъ данной страны продуктовъ на міровыя деньги (т. е. золото) понижается; вслѣдствіе того, что и обезцѣненіе денегъ, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свои предѣлы и не можетъ продолжаться до безконечности, и, наконецъ, вслѣдствіе того, что по истеченіи извѣстнаго времени, цѣны денегъ и товаровъ на міровомъ и внутреннемъ рынкахъ уравниваются.

Биметаллизмъ всюду на Западѣ является доктриной землевладѣльческой по преимуществу. Его проникновеніе въ Россію и рецепція русскимъ землевладѣльческимъ классомъ представляетъ вполнѣ естественное явленіе. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что докладъ г. Бутми въ Вольно-экономическомъ обществѣ привлекъ многочисленную сочувствующую публику, преимущественно изъ высшихъ слоевъ петербургскаго общества. Рѣзко нападая на золотую валюту и на направленную къ ея установленію денежную реформу министерства финансовъ, г. Бутми заключилъ свой докладъ слѣдующими патетическими словами:

«Если мы убѣждены въ томъ, что эта денежная реформа пагуба для Россіи; что она разоряетъ наше земледѣліе и нашу промышленность; что она, принося съ собою обѣдненіе среднихъ классовъ, вызоветъ пагубную агитацію среди нашего общества,—то интересы Россіи и порядка должны быть для насъ настолько важны, что мы должны вступить въ борьбу за неосуществленіе этой реформы. И если даже эта наша борьба будетъ безнадежна, если мы будемъ побѣждены, то не должны быть настигнутыми нашими побѣдителями во время бѣгства, не должны быть захваченными врасплохъ, а обязаны до конца стоять на бреши на своемъ посту, на стражѣ интересовъ Россіи и порядка!» (Браво! Апплодисменты) [1]).

Здѣсь все выворочено наизнанку. Денежная реформа не только не разоряетъ «средніе классы» въ Россіи, а, наоборотъ, она диктуется интересами имущихъ классовъ въ нашей странѣ. Бумажно-денежное обращеніе, ограниченное въ своихъ размѣрахъ, имѣетъ тенденцію, подъ вліяніемъ развитія оборота и потребности въ денежныхъ знакахъ, подымать цѣну денегъ, что отнюдь не можетъ быть выгодно ни для одного изъ имущихъ классовъ въ Россіи. Г. Шостакъ вычислилъ, что повышеніе цѣны нашихъ денегъ, соотвѣтствующее доведенію курса рубля до al pari, означало бы для сельскихъ хозяевъ потерю въ 147 м. рублей [2]). Далѣе повышеніе курса равносильно соотвѣтствующему пониженію пошлинъ на ввозимые иностранные продукты, и потому оно отнюдь не можетъ быть въ интересахъ нашей промышленной буржуазіи. И землевладѣльческій классъ, и промышленные предприниматели заинтересованы прежде всего въ *неповышеніи* курса. А денежная реформа на основѣ фиксаціи курса и перехода къ золотому обращенію есть единственное средство безъ потрясенія государственнаго хозяйства избѣгнуть повышенія курса. Вотъ почему съ полнымъ правомъ можно было сказать, что предпринятая министерствомъ финансовъ валютная реформа «диктуется интересами могущественныхъ общественныхъ классовъ, комбинирующимися съ специфическими интересами государственнаго денежнаго хозяйства» [3]). Что же касается до биметаллистическаго эксперимента, то онъ разстроитъ государственные финансы; преградитъ или затруднитъ притокъ иностранныхъ капиталовъ въ страну; чувствительнѣйшимъ образомъ урѣжетъ доходы всѣхъ лицъ, живущихъ продажей своей рабочей силы.

Но биметаллисты возразятъ, конечно, что, переходя къ золотому обращенію, Россія искусственно повышаетъ цѣнность своихъ денегъ

---

[1]) Изъ стенографическаго отчета, печатаннаго по распоряженію Имп. Вольно-экон. общества.

[2]) П. А. Шостакъ. Къ вопросу о вліяніи кредитнаго рубля на хлѣбныя цѣны. Спб. 1896.

[3]) Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и т. д., стр. 212.

во вредъ производству вообще и сельскому хозяйству въ частности. Idée fixe биметаллистовъ — мнимое вздорожаніе (аппреціація) золота, объясняющее яко бы паденіе цѣнъ за послѣднее 25-лѣтіе. Вздорожаніе золота никѣмъ, однако, не доказано, а міровое паденіе цѣнъ объясняется болѣе чѣмъ удовлетворительно коренными измѣненіями въ техникѣ производства и передвиженія товаровъ.

Пренія по докладу г. Бутми представляли извѣстную пикантность, благодаря одной специфической особенности. Въ нихъ участвовалъ видный представитель министерства земледѣлія, управляющій отдѣломъ сельской экономіи и статистики этого министерства, г. Тимирязевъ. По словамъ «Русскаго Труда» г. Шарапова (№№ 15—16), онъ доставилъ «истинное торжество г. Бутми и его дѣлу». «Его выходъ на каѳедру,— продолжаетъ газета г. Шарапова, — былъ привѣтствованъ громомъ рукоплесканій. Заговорило министерство земледѣлія въ духѣ полнаго отрицанія системы, дѣйствующей въ финансовомъ вѣдомствѣ. Это огромное торжество для дѣла. Д. А. Тимирязевъ былъ поистинѣ великолѣпенъ. Онъ говорилъ кратко и сжато, но каждое его слово било, какъ ударъ хлыста. Онъ торжественно заявилъ, что земледѣльческая статистика Россіи вполнѣ подтверждаетъ всѣ безъ исключенія положенія биметаллизма. Что ни о какомъ перепроизводствѣ хлѣба не можетъ быть и рѣчи, что фрахты ничуть не повліяли на хлѣбныя цѣны, такъ какъ, если фрахты понизились, то соотвѣтственно увеличились разстоянія, что «отчаянные опыты» съ валютою разорили наше земледѣліе, которому были всѣ шансы воспользоваться искусственною демонетизаціею серебра. Вмѣсто этого мы устроили себѣ аршинъ въ 32 вершка и начали офиціально проповѣдывать, будто низкія цѣны на хлѣбъ выгодны для Россіи. Теперь въ результатѣ реформы можно ждать новаго паденія цѣнъ на хлѣбъ и окончательной гибели земледѣлія. Громъ рукоплесканій проводилъ высокопоставленнаго оратора».

Удивительно и вполнѣ ново открытіе, что «пониженіе фрахтовъ не повліяло на хлѣбныя цѣны, такъ какъ если фрахты понизились, то соотвѣтственно увеличились разстоянія». Мы до сихъ поръ думали, что благодаря пониженію фрахтовъ, т. е. удешевленію транспорта, только и стало возможно возить на далекія разстоянія хлѣбъ оттуда, гдѣ его производство очень дешево, а г. Тимирязевъ говоритъ, что удешевленіе транспорта не оказываетъ никакого вліянія на цѣны, такъ какъ оно компенсируется увеличеніемъ разстоянія. Но тѣ, кто указываетъ на роль пониженія фрахтовъ, никогда не оспаривали, а, наоборотъ, всегда подчеркивали, что удешевленіе перевозки имѣло значеніе именно для странъ, производящихъ *дешевый хлѣбъ*. И неужели г. Тимирязевъ серьезно думаетъ, что при перевозкѣ гужомъ и на парусныхъ судахъ аргентинская пшеница могла бы такъ сильно конкурировать съ европейской, какъ теперь? Или, быть можетъ, онъ полагаетъ, что если раз-

дѣлить аршинъ на 32 части вмѣсто теперешнихъ 16, то относительная длина предметовъ въ природѣ измѣнится? Биметаллисту такъ, конечно, и полагается думать, потому что вся биметаллистическая доктрина сводится въ своей основѣ къ вѣрѣ, аналогичной убѣжденію, что длина вещей зависитъ отъ того, чѣмъ ихъ мѣрить: вершками, сентиметрами или миллиметрами. Для тѣхъ, кто не раздѣляетъ этого убѣжденія, хлыстъ г. Тимирязева покажется не слишкомъ ужъ больно бьющимъ. Тѣмъ не менѣе участіе «высокопоставленнаго оратора» въ биметаллистической аттакѣ на денежную реформу министерства финансовъ представляетъ любопытный фактъ, который нельзя не отмѣтить. За «полнымъ отрицаніемъ системы» такъ же, какъ и за денежной реформой, стоятъ могущественные интересы. Они въ лицѣ г. Тимирязева не останавливаются тамъ, гдѣ финансовое вѣдомство, считающееся съ интересами государственнаго хозяйства, фиска, принуждено остановиться [1]).

Насколько биметаллистическая агитація среди нашихъ аграріевъ выше культа «принципа понужденія», показываетъ предложеніе орловскаго губернскаго предводителя дворянства г. Стаховича, вызванное докладами г. Бутми.

«Пришла, пишетъ г. Стаховичъ («Русскій Трудъ» № 15—16), наконецъ пора обратиться истинно просвѣщеннымъ земледѣльцамъ къ самодѣятельности и выработать нѣкоторую культурную организацію для представителей однородныхъ экономическихъ интересовъ. Нужно подумать о союзѣ, въ которомъ приняли бы участіе не только представители нашего промысла, но и тѣ представители науки, которые не относятся къ земледѣлію предубѣжденно и пристрастно или, что того хуже, безразлично. Нужно, чтобы такой союзъ имѣлъ постоянный исполнительный органъ, или бюро, и свой печатный органъ; чтобы этотъ органъ не только помогалъ систематизаціи тѣхъ разрозненныхъ во времени и условіяхъ заявленіяхъ о потребностяхъ сельскаго хозяйства, но и для ознакомленія заинтересованныхъ лицъ, разрабатывалъ съ надлежащею компетентностью, давалъ подобающее освѣщеніе возникающимъ экономическимъ вопросамъ, подобнымъ, напримѣръ, тому, который такъ талантливо и убѣдительно поднялъ Г. В. Бутми и который едва не прошелъ мимо насъ, совершенно почти не задѣвъ нашего вниманія. Нужна, словомъ, организація и система въ нашемъ дѣлѣ и нужна, по моему, больше и раньше всего. Почти всѣ представители нашихъ разнообразныхъ экономическихъ отраслей и интересовъ имѣютъ свои организаціи и заставляютъ прислушиваться къ своему голосу. Промышленность и торговля имѣютъ свои учрежденіи въ видѣ

---

[1]) Желающихъ ознакомиться съ вопросомъ о биметаллизмѣ и пр. мы отсылаемъ къ только что вышедшей брошюрѣ М. Шиппеля: «Денежное обращеніе и его общественное значеніе». Перев. съ нѣмецк. подъ ред. и съ предисловіемъ П. Струве. Спб. 1897 г.

мануфактурныхъ совѣтовъ и биржевыхъ комитетовъ съ центральнымъ всероссійскимъ комитетомъ на Нижегородской ярмаркѣ; сахарозаводчики, мукомолы, керосино- и желѣзозаводчики имѣютъ свои органы. Одно русское землевладѣніе не имѣетъ ничего (sic!), кромѣ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ и часто совершенно своему призванію не отвѣчающихъ».

Г. Стаховичъ ошибается, говоря, что «почти всѣ представители нашихъ разнообразнымъ экономическихъ отраслей и интересовъ имѣютъ свои организаціи и заставляютъ прислушиваться къ своему голосу»; г. орловскому предводителю, повидимому, не въ достаточной мѣрѣ извѣстны наше законодательство и наша административная практика. Но совершенно правъ г. Стаховичъ, напоминая, что «пора, наконецъ, обратиться истинно просвѣщеннымъ землевладѣльцамъ къ самодѣятельности». Однако имъ меньше, чѣмъ кому бы то ни было, нужно для этого создавать новыя организаціи: въ ихъ рукахъ все земство, они составляютъ дворянскія собранія, единственныя собранія, дѣйствительно обладающія въ Россіи довольно широкимъ и драгоцѣннымъ правомъ петицій—«заставлять прислушиваться къ своему голосу» у нихъ много средствъ. Бѣда въ томъ, что у «просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ» до сихъ поръ въ авантажѣ обрѣтался «принципъ понужденія», а не «самодѣятельность»,—и пока такъ будетъ продолжаться, не только новыя организаціи, но и старыя будутъ въ сущности излишней роскошью. Пора, давно пора первенствующему сословію просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ раскланяться съ «принципомъ понужденія».

Многое, впрочемъ, указываетъ, что настроеніе этого общественнаго слоя какъ будто начинаетъ мѣняться. Кромѣ только что отмѣченнаго предложенія г. Стаховича, однимъ изъ такихъ симптомовъ былъ адресъ тамбовскаго дворянства, навлекшій на послѣднее гнѣвъ князя Мещерскаго; любопытнымъ показателемъ того же самаго является позиція, занятая «Новымъ Временемъ» въ дворянскомъ вопросѣ. Газета эта въ передовой статьѣ: «Чѣмъ поднять значеніе помѣстнаго дворянства?» — предлагаетъ для укрѣпленія дворянства упрочить положеніе земства, въ которомъ дворянство является руководящей силой. Она намѣчаетъ планъ обращенія земства въ «правительствующее» учрежденіе, при чемъ земская управа должна замѣнить губернское правленіе, а губернское земское собраніе — превратиться въ губернскій земскій совѣтъ при губернаторѣ. Мы считаемъ выполненіе этого плана, сводящагося къ сліянію земства съ администраціей губерніи, безусловно нежелательнымъ: одно превращеніе губернатора въ предсѣдатели губернскаго земскаго собранія можетъ на практикѣ---при неизмѣнности прочихъ условій нашей общественной и государственной жизни—лишить земство даже той незначительной самостоятельности, которой оно все-таки до сихъ поръ пользуется.

Но и въ указанной редакціонной статьѣ «Новаго Времени» и еще болѣе въ другой статьѣ, подписанной «дворянином», ясно сказывается пониманіе того, что и дворянство нуждается не въ стѣсненіи общественной самодѣятельности, а въ ея расширеніи.

Вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ продолжаетъ занимать нашу періодическую печать. Въ журнальной литературѣ на эту тему нельзя не отмѣтить статьи г. Мануилова «Хлѣбныя цѣны и народное хозяйство» въ «Русскомъ Богатствѣ» (№№ 3 и 4). Этотъ журналъ вообще является вмѣстѣ съ «Русскими Вѣдомостями» рѣшительнымъ защитникомъ взглядовъ, высказанныхъ въ 2-хъ-томномъ изслѣдованіи, изданномъ министерствомъ финансовъ. Г. Мануиловъ тоже раздѣляетъ эти взгляды, но онъ въ то же время приводитъ цѣлый рядъ показаній изъ текущей земской статистики, свидѣтельствующихъ о томъ, что низкія цѣны на хлѣбъ дѣйствуютъ *угнетающимъ* образомъ на крестьянское хозяйство, и потому приходитъ къ выводу, что теоретическое положеніе, гласящее: большинству русскаго крестьянства или безразлично, каковы цѣны на хлѣбъ, или выгоднѣе, чтобы цѣны были низки—«на практикѣ должно быть ограничено». Дѣло въ томъ, что часть крестьянства поневолѣ продаетъ извѣстную долю своего урожая, хотя и нуждается въ ней для собственнаго потребленія. «Постоянный интересъ крестьянина, продающаго часть своей пищи, заключается въ томъ, чтобы не продавать ея, т.-е. чтобы онъ не былъ вынуждаемъ обременительностью податей, непомѣрной высотой арендной платы, вообще скудостью своего бюджета нести на рынокъ продуктъ, который нуженъ ему самому для поддержанія жизни и здоровья. Крестьянинъ же, продающій излишекъ хлѣба, имѣетъ постоянный интересъ въ томъ, чтобы хлѣбныя цѣны стояли на возможно высокомъ уровнѣ. Экономическая политика, направленная къ сохраненію крестьянскаго землевладѣнія (?), не можетъ не имѣть въ виду этого различія и должна направить свои стремленія къ тому, чтобы крестьянамъ не приходилось продавать хлѣбъ, который нуженъ имъ самимъ. Если бы эта цѣль была достигнута, т.-е. устранены были причины, угнетающія въ настоящее время крестьянское хозяйство, то высказанное выше теоретическое положеніе о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на хозяйственную дѣятельность крестьянъ осуществлялось бы на практикѣ въ полной мѣрѣ. При существующемъ положеніи крестьянскаго хозяйства поднятіе хлѣбныхъ цѣнъ можетъ только *улучшить условія его ликвидаціи* (курсивъ нашъ) и направлять экономическую политику въ эту сторону, значитъ заботиться не о томъ, чтобы предотвратить банкротство крестьянскаго хозяйства, а лишь о томъ, чтобы это банкротство совершилось *возможно выгоднѣе* (курсивъ нашъ) для разоряющихся хозяевъ».

Во всемъ этомъ разсужденіи характерна прежде всего основная мысль, заключающая въ себѣ какъ бы признаніе нормальности того

положенія, при которомъ крестьянинъ долженъ непремѣнно прикупать хлѣбъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣть избытковъ его для продажи. Ибо предположите, что «экономической политикѣ» удалось бы превратить русскихъ крестьянъ въ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, живущихъ цѣликомъ на доходъ, получаемый ими съ обрабатываемой *за свой счетъ* земли, и тогда теоретическое положеніе гг. Чупрова и Мануилова окажется совершенно не отвѣчающимъ дѣйствительнымъ интересамъ этого *настоящаго*, а не титулярнаго крестьянина. Очевидно, стало быть, вѣрность теоретическаго положенія г. Чупрова и его сотрудниковъ предполагаетъ хроническую «скудость» въ бюджетѣ русскаго крестьянства, заставляющую большинство этого крестьянства съ титуломъ самостоятельнаго хозяина соединять гораздо болѣе реальное свойство продавца рабочей силы. Низкія цѣны предохраняютъ отъ банкротства не «крестьянское хозяйство», а лишь наиболѣе отсталыя и вредныя въ культурномъ и общественномъ отношеніи формы эксплуатаціи труда. И какъ можетъ говорить о «крестьянскомъ хозяйствѣ» вообще г. Мануиловъ, который самъ указываетъ, что «наше крестьянство дѣлится на три неравныя группы: первая, составляющая меньшинство, получаетъ излишки хлѣба, которые и выноситъ на рынокъ, вторая производитъ на своей землѣ лишь столько хлѣба, сколько нужно, чтобы удовлетворить минимальность физіологической потребности въ растительной пищѣ; наконецъ, третья имѣетъ даже меньше этого минимума» (№ 4, стр. 19)? Отношеніе между этими группами представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Группа съ недостатками—33.553 тыс. душъ—52,3%.

II. Группа, только что обезпеченная, 20.428—31,8%.

III. Группа, съ избыткомъ 10.176—15,9%.

Чѣмъ больше будетъ уменьшаться въ числѣ первая группа и возрастать третья (а это ли не идеалъ «экономической политики» въ духѣ народниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Богатства»?), тѣмъ большее значеніе для благополучія крестьянъ будутъ пріобрѣтать высокія цѣны. Итакъ, почему же народники за низкія цѣны и противъ высокихъ? Г. Мануиловъ чуть-чуть не раскрылъ секрета. Мы сдѣлаемъ это за него. Народники потому стоятъ за низкія цѣны, что такія цѣны массѣ крестьянъ не даютъ—какъ говорятъ нѣмцы—«ни жить, ни умереть» (weder leben noch sterben), т.-е. прикрѣпляютъ ихъ къ землѣ и къ «самостоятельному хозяйству», хотя бы цѣной крайне невыгодной продажи рабочей силы; высокія же цѣны могутъ «улучшить условія ликвидаціи» разоряющихся хозяйствъ и такимъ образомъ ускорить эту ликвидацію. Пусть самостоятельные хозяйства разоряются безъ конца, лишь бы они не «ликвидировались»; пусть рабочая сила эксплуатируется во всю, лишь бы за ней сохранился тутулъ «самостоятельнаго хозяина»! Мы думаемъ, что для г. Мануилова и для защищаемыхъ имъ взглядовъ было бы гораздо лучше, если бы онъ совсѣмъ умолчалъ

объ «улучшеніи условій ликвидаціи». Это очень опасное признаніе въ устахъ писателя, защищающагося тезисъ о благотворности низкихъ цѣнъ. Оно ставитъ вопросъ какъ разъ на ту почву, на которую его поставили гг. Туганъ-Барановскій и Струве въ засѣданіяхъ Вольно-экономическаго общества—на почву эволюціоннаго разсмотрѣнія. Для тѣхъ, кто убѣжденъ, что не «крестьянское хозяйство» вообще, а извѣстная доля крестьянскихъ хозяйствъ обречена на ликвидацію,—указаніе на облегченіе и ускореніе ея высокими цѣнами есть огромный аргументъ въ пользу прогрессивнаго значенія высокихъ цѣнъ. Мы благодарны г. Мануилову и за «практическое ограниченіе» «теоретическаго положенія» и за мѣткое замѣчаніе относительно условій «ликвидаціи». Но будутъ ли благодарны его союзники?

Въ маѣ мѣсяцѣ опубликовано Высочайше утвержденное 28 марта положеніе комитета министровъ, согласно коему, въ качествѣ *временной* мѣры, впредь до общаго пересмотра законовъ о печати, для передачи права на періодическое изданіе, требуется разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Эта мѣра представляетъ собой существенное ограниченіе права собственности на періодическія изданія и обостреніе концессіонной системы въ примѣненіи къ періодической печати. До сихъ поръ только для новыхъ изданій требовалось разрѣшеніе подлежащей власти, т.-е. министра внутреннихъ дѣлъ, а передача права на изданіе представляла простую гражданскую сдѣлку, о которой лишь доводилось до свѣдѣнія главнаго управленія по дѣламъ печати. «Московскія Вѣдомости» напрасно видятъ въ этомъ нынѣ отмѣненномъ порядкѣ простую непослѣдовательность законодателя. Мы думаемъ, что различіе въ порядкѣ разрѣшенія новыхъ и передачи уже существующихъ изданій диктовалось, съ одной стороны, желаніемъ *смягчить* тяжесть концессіонной системы, за которой принявшіе ее авторы «Проекта устава о книгопечатаніи» съ заслуживающей полнаго признанія прямотой признали «характеръ произвола» [1]), съ другой—сознаніемъ необходимости считаться съ крупными имущественными интересами, которые существеннымъ образомъ нарушаются при требованіи разрѣшенія для передачи права на періодическое изданіе. Такое требованіе съужаетъ кругъ возможныхъ пріобрѣтателей права, которое не можетъ не обезцѣниваться благодаря этому. Не надо забывать, что концессіонная система сама же искусственнымъ образомъ увеличиваетъ имущественную цѣнность издательскаго права, и притомъ—двоякимъ путемъ. То обстоятельство, что на практикѣ очень часто полученіе концессіи на новое изданіе чрезвычайно затрудняется или дѣлается прямо невоз-

---

[1]) «Проектъ устава о книгопечатаніи» 1862 г. (напечатанъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія), стр. 151.

можнымъ, во-1-хъ, повышаетъ цѣнность уже существующихъ концессій, придаетъ ей, какъ говорятъ, экономисты, монопольный характеръ, и, во-2-хъ, заставляетъ обладателя концессіи до послѣдней возможности фактически пользоваться своимъ правомъ (такъ какъ непользованіе въ теченіе года правомъ выпуска изданія погашаетъ самое право), что на практикѣ выражается въ огромныхъ денежныхъ затратахъ, которыя никогда не производились бы, если бы во всякое время можно было бы вновь начать пріостановленное—по недостатку средствъ или инымъ причинамъ — изданіе. Но концессіонная, или разрѣшительная система возникновенія и передачи періодическихъ изданій не только чрезвычайно тягостно отражается на имущественныхъ интересахъ всѣхъ прикосновенныхъ къ издательскому дѣлу и литературѣ лицъ, она, искусственно съужая русло періодической печати, наноситъ неисчислимый вредъ духовнымъ интересамъ и духовному развитію страны. Широко раскрывая двери усмотрѣнію, она очень легко можетъ въ практикѣ органовъ, облеченныхъ правомъ разрѣшать изданія и утверждать редакторовъ, сказываться въ смѣшеніи области національной литературы и офиціальной благонамѣренности. Между тѣмъ, ни въ одной сколько-нибудь развитой странѣ эти двѣ области никогда не совпадаютъ; не совпадали онѣ никогда и въ Россіи XIX вѣка, что должно быть извѣстно каждому, хоть бѣгло знакомому съ исторіей нашей литературы: въ свое время, въ изданіи журнала было отказано *Грановскому* и, конечно, навѣрное, было бы отказано *Бѣлинскому*.

Возвращаясь къ новому закону о печати, наименованіе котораго «временной мѣрой»—по многочисленнымъ уже бывшимъ примѣрамъ—отнюдь не можетъ считаться гарантіей кратковременности его дѣйствія, нельзя не согласиться съ «Московскими Вѣдомостями», что положеніе комитета министровъ отъ 28 марта «не разрѣшаетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ перехода изданій отъ одного лица къ другому. Такъ, напримѣръ, онъ не касается случаевъ перехода изданій по наслѣдству, случаевъ принудительной продажи и т. д.». Случай перехода по наслѣдству интересенъ тѣмъ, что онъ рѣзко оттѣняетъ возможныя, крайне невыгодныя для частныхъ лицъ, имущественныя послѣдствія новаго закона. Если послѣдній — путемъ толкованія — распространить на случай наслѣдованія издательскаго права, то это можетъ очень чувствительно сказаться на интересахъ наслѣдниковъ. Легко могутъ быть случаи, когда издательское право составляетъ наибольшую имущественную цѣнность во всей наслѣдственной массѣ.

Далѣе есть всѣ основанія думать, что при новомъ порядкѣ увеличится число фиктивныхъ, подставныхъ издателей, явленіе крайне нежелательное съ точки зрѣнія общественной нравственности и тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, вполнѣ неизбѣжное, какъ отраженное дѣйствіе новаго ограниченія, наложеннаго на печать. Какъ бы то ни было, новое законоположеніе, безспорно усиливая въ извѣстномъ смыслѣ по-

слѣдовательность нашего законодательства о печати, еще больше и для заинтересованныхъ лицъ, и для общественнаго сознанія выяснитъ значеніе концессіонной или разрѣшительной системы возникновенія періодическихъ изданій.

Высочайше утвержденнымъ 7-го апрѣля 1897 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отмѣнены всѣ сборы, взимаемые въ пользу казны съ видовъ на жительство, и въ связи съ этимъ упразднены всѣ краткосрочные паспорты, исключая годового. Абсолютная величина поступленій по паспортнымъ сборамъ была очень невелика[1]), и, конечно, отмѣна этихъ сборовъ далась весьма легко нашему финансовому управленію, оперирующему съ милліарднымъ бюджетомъ, тѣмъ болѣе, что—какъ замѣчаетъ органъ министерства финансовъ—послѣдствія осуществленной мѣры не могутъ не проявиться въ увеличеніи поступленій по другимъ статьямъ и прежде всего—въ повышеніи доходности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и сбора съ пассажирскаго движенія[2]). Само финансовое управленіе даетъ довольно суровую оцѣнку отмѣненнаго налога, который, несмотря на свою абсолютную ничтожность въ доходномъ бюджетѣ государства, былъ безспорно весьма отяготителенъ для массы трудящагося населенія. «Паспортныя пошлины,—читаемъ мы въ цитированной статьѣ «Вѣстника Финансовъ»—представляются несправедливыми и крайне стѣснительными для большей части обывателей Имперіи, ибо онѣ ложатся тяжелымъ бременемъ преимущественно на наименѣе обезпеченные классы населенія. Отправляясь на заработки, простолюдинъ вынужденъ дѣлать различныя затраты: ему необходимо запастись деньгами на дорогу и на прожитіе до пріисканія работы, оставить своей семьѣ средства на пропитаніе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обезпечить уплату слѣдующихъ съ него сборовъ. При такихъ условіяхъ взысканіе даже невысокой относительно пошлины, въ размѣрѣ отъ 15 коп. до 1 руб., какъ это установлено положеніемъ 3 іюня 1894 г., не можетъ не почитаться для него весьма чувствительнымъ. Между тѣмъ заработанныя на сторонѣ деньги иногда служатъ, при тѣснотѣ земельныхъ надѣловъ сельскаго населенія и при незначительной доходности послѣднихъ, главнѣйшимъ средствомъ къ существованію и къ уплатѣ причитающихся съ этого населенія разнаго рода сборовъ. Уплата паспортныхъ пошлинъ является тѣмъ болѣе ощутительною для нашихъ рабочихъ, что, отправляясь на заработки, они отнюдь не могутъ быть увѣрены въ возможности отыскать подходящую работу. Отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній о потребностяхъ въ рабочей силѣ въ различныхъ

---

[1]) Смѣтныя назначенія по этой статьѣ за послѣдніе пятилѣтія колебались отъ 2.600.000 до 4.200.000, составляя отъ 0,22% до 0,41% всѣхъ ожидавшихся доходовъ; дѣйствительныя же поступленія достигали до 4.544.000, колеблясь въ предѣлахъ отъ 0,35% до 0,45% общей совокупности поступленій за указанные годы.

[2]) «Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли», № 16, статья «Отмѣна сборовъ, взимаемыхъ въ пользу казны съ видовъ на жительство».

мѣстностяхъ и затруднительность распространенія такихъ свѣдѣній, хотя бы послѣднія спорадически и появлялись въ органахъ печати, среди сельскаго населенія—имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то печальное явленіе, что рабочіе зачастую двигаются наугадъ и нерѣдко возвращаются домой ни съ чѣмъ, затративъ на дорогу послѣднія свои сбереженія. Взысканіе паспортныхъ пошлинъ является такимъ образомъ существеннымъ тормозомъ къ передвиженію... Необходимо, сверхъ того, имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи выборка видовъ на жительство, ихъ прописка и, слѣдовательно, уплата паспортныхъ пошлинъ обязательна не только для пришлаго, но даже и для мѣстнаго населенія. Въ силу ст. 3 положенія 3 іюня 1894 г. постановленіе о томъ, что никто не обязанъ имѣть вида на жительство въ мѣстѣ постояннаго своего жительства, не распространяется на мѣстности, находящіяся подъ усиленною охраною. Взиманіе паспортныхъ пошлинъ съ этой части населенія едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь оправдано. Уплата паспортныхъ пошлинъ для лицъ привилегированныхъ сословій,—хотя и не можетъ считаться имѣющею то же самое значеніе, какое она имѣетъ для рабочаго населенія, особенно въ настоящее время, когда въ силу Высочайше утвержденнаго 18 ноября 1896 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта лицамъ названныхъ сословій разрѣшено пользоваться тѣми безсрочными и въ то же время безплатными видами, которые они получили до 1895 г.,—тѣмъ не менѣе очевидно, что, если признается необходимою отмѣна паспортныхъ пошлинъ, таковая отмѣна должна касаться всѣхъ классовъ населенія, ибо *право безпошлиннаго передвиженія есть право общее, которое должно принадлежать всѣмъ сословіямъ, безъ всякихъ изъятій*» (курсивъ нашъ).

Итакъ въ *одномъ* отношеніи паспортъ потерялъ *фискальное* значеніе: онъ пересталъ быть источникомъ дохода для казны [1]). Но было бы ошибкой полагать, что законъ 7-го апрѣля 1897 г. покончилъ вообще съ фискальной ролью паспортной системы. «Сдѣлать паспортный документъ безсрочнымъ—говоритъ въ той же статьѣ органъ министерства финансовъ—или, по крайней мѣрѣ долгосрочнымъ (болѣе года), хотя и представлялось бы желательнымъ съ точки зрѣнія удобства, но *оказалось невозможнымъ въ силу присвоеннаго нашему паспорту податнаго значенія. Выдача безсрочныхъ или даже долгосрочныхъ видовъ на жительство лицамъ, приписаннымъ къ городскимъ или сельскимъ обществамъ, предоставляла бы этимъ лицамъ возможность фактически выходить изъ состава общества безъ согласія послѣднихъ, что при настоящей организаціи общества, а главное при существованіи кругового ручательства всѣхъ членовъ общества въ отбываніи лежащихъ на нихъ повинностей не можетъ быть допущено*» (курсивъ нашъ).

[1]) Оставляемые и теперь 15 коп. за паспортную книжку представляютъ возмѣщеніе стоимости ея изготовленія. Паспортные бланки будутъ выдаваться безплатно.

Податное значеніе паспорта зиждется на дѣйствующей организаціи взиманія налоговъ съ крестьянскаго населенія и въ частности на *круговой порукѣ*, и существуетъ только для крестьянъ (въ юридическомъ смыслѣ). Дѣйствительная податная и паспортная реформа должна покончить съ этимъ устарѣлымъ и жестокимъ институтомъ, наслѣдіемъ крѣпостного строя. Сознаніе этого все болѣе и болѣе проникаетъ даже въ тѣ сферы, которыя вѣдаютъ податное дѣло, и это лучшій показатель того, что институтъ «кругового ручательства» окончательно отжилъ свой вѣкъ. Передъ нами книга вице-директора департамента окладныхъ сборовъ г. Бржескаго «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» (Спб. 1897). «Казнѣ круговая порука—читаемъ мы въ этомъ изслѣдованіи—не обезпечиваетъ исправнаго поступленія податей. Напротивъ того. Круговая отвѣтственность за недоимки, какъ показалъ многолѣтній опытъ, способствуетъ несвоевременному и неисправному пополненію текущихъ платежей не только среднедостаточными, но и богатыми домохозяевами» (назв. соч. стр. 408). «Столь же невыгодны послѣдствія круговой поруки для народнаго благосостоянія» (стр. 409). Мы бы тотъ же фактъ выразили иначе: круговая порука задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ страны и ростъ ея національнаго богатства. Далѣе она, какъ убѣдительно доказываютъ приводимыя г. Бржескимъ данныя, является лишнимъ орудіемъ эксплуатаціи экономически слабыхъ сильными. «Круговая порука... не соотвѣтствуетъ также требованіямъ правильной податной политики. Субъектомъ подати, по закону является сельское общество, но дѣйствительнымъ плательщикомъ оказывается лицо, не только не располагающее излишками дохода отъ земли, за которую уплачивается подать, но нерѣдко нуждающееся въ самыхъ необходимыхъ средствахъ существованія. Объектомъ подати признается земля; но такъ какъ во многихъ случаяхъ чистаго дохода съ земли не получается, то налогъ перелагается на доходъ отъ заработковъ, т.-е. на физическій трудъ человѣка». (стр. 410). Наконецъ, покоющаяся на круговой порукѣ податная система не отвѣчаетъ основному требованію раціональной податной политики, заключающемуся въ точномъ опредѣленіи закономъ суммы налога, основаній раскладки и способовъ ея обжалованія, времени взиманія и отвѣтственности за несвоевременный платежъ (тамъ же стр. 410—411). Въ области податныхъ законовъ отмѣна круговой поруки—говоритъ г. Бржескій (стр. 413—414)—положитъ начало уравненію крестьянства въ правахъ съ другими сословіями и устранитъ его «изолированность». И только тогда, когда будетъ произведена такая реформа, когда паспортъ будетъ уволенъ въ чистую отставку отъ фискальной службы, въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно осуществится принципъ: «*право безпошлиннаго передвиженія есть право общее, которое должно принадлежать всѣмъ сословіямъ, безъ всякихъ изъятій*». **П. Б.**

Въ статьѣ И. Гурвича «Развивается ли капитализмъ въ русскомъ землевладѣніи» на стр. 15, 17 строка снизу, по ошибкѣ напечатано: *Рецензентъ* «Міра Божьяго»; слѣдуетъ читать: *Редакція* «Міра Божьяго».

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Бржескій, Н. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Историко-критическій обзоръ дѣйствующаго законодательства, въ связи съ практикою крестьянскаго податного дѣла. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Вахтеровъ, В. Школьныя нормы. Изд. ред. ж. «Русск. Шк.». Спб. 1897 г.

Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. Съ портрет. автора. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Вучетичъ, Н. Г. Разсказъ изъ жизни приволжскихъ охотниковъ. («Дѣтск. Б-ка»). Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Гебель, В. Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Съ прилож. табл. метрич. мѣръ. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Гексли, Т. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. 6-ть чтеній, читан. рабочимъ. Перев. съ англ. Н. Березина. Изд. ред. ж. «Образов.». Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Гете. Фаустъ. Трагедія. Перев. А. И. Мамонтова. Ч. I. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гётчинсонъ, Г. Н. Автобіографія земли. Общедоступный очеркъ историч. геологіи. Перев. съ англійск. съ измѣнен. и дополн. М. А. Энгельгардта. Съ 63 рис. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Головинъ, К. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Гретъ, В. Изъ хроники одного города. Повѣсть. Белебей. 1897 г.

Гуревичъ, Л. Я. Плоскогорье. Романъ въ 5-ти ч. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гусевъ, А. Н. Уставъ строительный (Св. законовъ, т. XII, ч. I, изд. 1857 г.), измѣнен. и дополн. по продолженіямъ 1886 г. (сводному) и 1887 г. (очередному) со включеніемъ разъясненій. Изд. 2-е, неофиц. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Давидсонъ, М. Начало поселенія и эмансипаціи евреевъ въ Англіи. («Наша Старина» № 23). Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Давидсонъ, Моисей. Саадіа Гаонъ. Его жизнь и общественно-научная дѣятельность. («Наша Стар.» № 24). Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Данилло, С. Н., д-ръ. О роли врачей въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Заболотный, В. Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма, или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастье? Варшава. 1897 г. Ц. 50 к.

Заринъ. А. Силуэты. Ром. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Кадеръ, С. Винная регалія и монопольная система. Историко-экономич. очеркъ. Витебскъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Казанскій, П., проф. Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. Одесса. 1897 г.

Его же. Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897 г.

Его же. Всемірный телеграфный союзъ. Одесса. 1897 г.

Карышевъ, Николай. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ («Образоват. Б-ка» № 4 и 5). Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры съ очерк. формъ государствен. правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев.

съ 3-го переработан. и значит. дополн. нѣмецк. изданія подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. III. Кіевъ. 1897 г. Подписная цѣна за 8 вып. 2 р. 50 к.

Коркуновъ, Н. М., проф. Русское государственное право Т. II. Особенная часть. Изд. 2-е, переработан. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Красновъ, А. Н., проф. Формы поверхности суши и дѣятели, ихъ создающіе. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 30 к.

Лансонъ, Гюставъ. Исторія французской литературы. Перев. со 2-го франц. изд., пересмотрѣн. и исправл. авторомъ. Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Лансонъ, Г. Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. О. Морозова. Изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Лункевичъ, В. В. Популярная біологія. Съ 208 рис. въ текстѣ и одной хромолитографіей. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Мало, Гекторъ. Безъ семьи. Перев. съ франц. А. Круковскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Милль, Дж. Ст. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣч. къ обществен. философіи. Перев. съ послѣдн. англ. изд. Е. И. Остроградской, подъ ред. О. И. Остроградскаго. Вып. II. Кіевъ. 1897 г. Подп. цѣна за 5 вып. 2 р.

Милль, Д. С. Система логики силлогической и индуктивной. Изложеніе принциповъ очевидности въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Перев. съ англійск. подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Ч. I. М. 1897 г. Подп. цѣна за 6-ть вып. 3 р. безъ пер. и 4 р. 50 к. съ перес.

Нансенъ, Фритьофъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Перев. со шведск. М. Вечеслова, подъ ред. Н. Березина. Изд. О. Н. Поповой. Вып. III. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Новикова-Зарина. Кавказскіе разсказы. (Быль). Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Осадчій, Т. И. Крестьянское товарищеское землевладѣніе въ Херсонск. губ. Изъ «Записокъ Имп. О-ва Сельск. Хов. Южной Россіи» за 1897 г. Одесса. 1897 г.

Поллокъ, Ф., проф. Оксфор. унив. Исторія политическихъ ученій. Перев. съ англійск. А. М. Гердъ. Изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Поповъ, Б. Н. Стихотворенія. Т. II. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пружанскій, Н. Новый Моисей. Ром. въ 2-хъ ч. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ramaswami Raju. Индѣйскія басни. Перев. съ англійск. Н. В. Масловича. Харьковъ. 1897 г. Ц. 40 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Съ Поволжья. Родныя картинки. Съ рис. Изд. ред. ж. «Дѣтск. Чт.». М. 1897 г. Ц. 60 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Классификація наукъ. Перев. Н. Н. Спиридонова. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Твэнъ. Принцъ и нищій. Съ 155 рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. O. Nick. Кіевъ. 1897 г. Ц. 35 к.

Тезяковъ, Н. И., санит. врачъ. Сифилисъ въ Херсон. губ. (По карточной регистраціи съ 1890 по 1894 г.). Изд. Херс. губ. земск. управы. Херсонъ. 1897 г.

Толочиновъ, Н. Ф., проф. Учебникъ акушерства. Ч. II. Патологія беременности и родовъ. Харьковъ. 1897 г.

Трайль, Г. Д. Общественная жизнь Англіи. Т. II. Перев. съ англійск. П. Николаева. М. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Уордъ, Гемфри. Давидъ Гривъ. Перев. съ англійск. А. Каррикъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Фаулеръ, Т. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Перев. съ англійск. («Всеобщ. Б-ка» № 3). Кіевъ. 1897 г. Ц. 15 к.

Flechsig, P., проф. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Перев. съ нѣмецк. С. Штейнгауза. Одесса. 1897 г. Ц. 40 к.

Фрейсинэ, Ш. Очерки по философіи математики. Перев. съ франц. В Обреимова. Изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединен. Штатовъ. Перев. съ англ. Е. И. Бошнякъ. Съ прил. 3-хъ картъ, отпечат. красками. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Чаннингъ, Эдуардъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765—1865 г.). Перев. съ англ. А. Каменскаго. Съ прил. 3-хъ картъ и русской библіогр., составл. А. Каменскимъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чемберсъ, Джоржъ. Повѣсть о звѣздахъ. Перев. съ англійск. А. Николаева. («Образов. Б-ка» № 3). Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы. Вып. XVIII и XIX. Перев. подъ ред. П. И. Вейнберга. М. 1897 г. Ц. за 20 вып. безъ перес. 7 р., съ перес. 9 р.

Шиппель, М. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. Петра Струве. Изд. ред. ж. «Образов.». Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Штальбергъ, В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Перев. съ нѣмецк. Н. Леонтьевой. Изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Эберштейнъ. Честь и ложныя понятія о чести. Перев. съ нѣмецк. («Всеобщ. Б-ка» № 8). Кіевъ. 1897 г. Ц. 15 к.

Ѳоминъ. П. Очерки исторіи гвоздарной промышленности въ Россіи. Харьковъ. 1897 г.

Изданія историч. о-ва при Императорск. Московск. университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г. (Годъ I). М. 1896 г.

Кефиръ и его лѣчебное значеніе. Способы домашняго приготовленія кефира съ изложеніемъ строенія и свойствъ кефирнаго грибка. Изъ ж. «Наша Пища». Кіевъ. 1897 г. Ц. 30 к.

Лѣтнія колонія московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1896 года. М. 1897 г.

Отчетъ астраханскаго литературно-драматическаго о-ва за 1895—1896 годъ. Оттискъ изъ «Астрах. Листка» за № 285 и 291 за 1896 г.

Отчетъ Нижегородской Городск. обществ. б-ки за 1896 г. (36-й отчетн. годъ). Нижній-Новгородъ. 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности Новочеркасской комиссіи народныхъ чтеній. Безплатн. библ.-читальни, состоящ. при о-вѣ распространенія полезныхъ книгъ въ обл. войска Донского. Съ 30-го апр. 1895 г. по 1-е янв. 1897 г. Новочеркасскъ. 1897 г.

Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій (по свѣдѣніямъ за 1896 г.). Годъ 2-й. Изд. м-ва землед. и госуд. имуществъ. Спб. 1897 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе Товарищества И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина.

Приступая къ изданію научныхъ и научно-популярныхъ книгъ, Т-во И. Д. Сытинъ поручило общее завѣдываніе новымъ отдѣломъ Н. А. РУБАКИНУ.

НОВЫЙ ОТДѢЛЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ СЕРІИ:

I. Библіотека классическихъ авторовъ.

Собранія сочиненій выдающихся мыслителей и ученыхъ разныхъ вѣковъ и народовъ. Принимается подписка на первые четыре выпуска «Библіотеки», заключающіе въ себѣ первую половину

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Первые четыре тома заключаютъ въ себѣ слѣдующія сочиненія Спенсера:

Т. I—II. **Основанія психологіи.** Т. III—IV. **Основанія соціологіи.** (Первое изданіе этихъ переводовъ на русскій языкъ было сдѣлано П. И. Билибинымъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ 4 т. 4 р. 50 к. БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 1 р. 50 к., при полученіи I, II и III томовъ по 1 р. Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина (Москва, С.-Петербургъ и Варшава), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (С.-Петербургъ, уг. Б. Садовой и Б. Подъяческой, 24—63) и въ книжномъ магазинѣ «Издатель», Спб., Невскій пр., у Аничкина моста. Гг. учащіе и учащіеся, обращающіеся непосредственно къ издателю или редактору, пользуются 10% скидки съ подписной цѣны. Первый томъ выйдетъ въ началѣ мая 1897 г. Все изданіе будетъ окончено къ 1 января 1898 г. По выходѣ IV т. цѣна будетъ **значительно повышена.**

Подготовляется 2-я серія «Собраній сочиненій Г. Спенсера», въ которую войдутъ: «Основныя начала». «Основанія біологіи» (съ дополн. и примѣч. русск. ученыхъ). «Данныя науки о нравственности». «Справедливость». «Объ изученіи соціологіи». «Воспитаніе». «Прогрессъ». «Научно-философскіе опыты». О подпискѣ на эту серію будетъ объявлено особо.

II. Историко-культурная библіотека.

1. **Гейссеръ, Л.** Исторія французской революціи. Перев. подъ редакціей проф. Трачевскаго. Изд. 2-е. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, допущен. въ библіотеки среднеучебныхъ заведеній и народныя читальни. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

2. **Штальбергъ.** Очерки изъ исторіи гуманности. (Приготовляется къ печати).

III. Политико-экономическая библіотека.

1. **Дементьевъ, Е.** Фабрика, что она даетъ населенію, что она у него беретъ. Изд. 2-е, пересмотр. и допол. Съ прилож. библіографич. указателя по русской фабрично-заводской промышленности въ связи съ сельско-хозяйственной. Спб. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

2. **Конрадъ,** проф. Краткій очеркъ политической экономіи. Пер. подъ ред. М. Туганъ-Барановскаго (готовится къ печати).

3. **Гельдъ.** Развитіе крупной промышленности въ Англіи (готовится къ печати).

IV. Библіотека естественныхъ наукъ.

1. **Ауэрсвальдъ и Россмеслеръ.** Ботаническія бесѣды. Перев. академика А. Н. Бекетова. Новое изданіе, дополненное и передѣланное. Со множествомъ хромолитографій и рис. (Готовится къ печати).

2. **Тиндаль, Д.** Звукъ. Новый переводъ съ англ. Н. С. Дрентельна. (Готовится къ печати).

V. Библіотека для дѣтей и юношества.

1. **Засодимскій, П.** Задушевные разсказы. Изданіе 3-е. Допущено въ библіотеки народныхъ училищъ и народныя читальни. М. 1897 г. Цѣна 1 руб.

2. **Среди цвѣтовъ.** Ботаническій атласъ для дѣтей. Раскраш. табл. Текстъ Н. А. Рубакина. (Готовится къ печати).

VI. Изданія для народа.

1. **Беренъ, М. В.** Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Со многими рисунками. М. 1897 г. Ц. 30 к.

2. **Бекетовъ, Е.** Два міра. Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ. Съ рисунками. Изд. 2-е. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изд., допущ. въ библіотеки начальныхъ училищъ и народныя читальни. М. 1897 г. Ц. 35 к.

3. **Рубакинъ, Н.** Чудо на морѣ, или приключенія на волнахъ и подъ волнами. Съ рисунк. М. 1897 г. Ц. 8 к.

4. **Рубакинъ, Н.** Подъ гнетомъ времени. Хроника объ альбигойскихъ еретикахъ. Съ рис. (печатается).

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: 5. «Какъ загораются и гаснутъ звѣзды». 6. «Что у насъ надъ головой». 7. «Что у насъ подъ ногами». 8. «Какъ растутъ камни». 9. «Разсказы о жаркой странѣ». 10. «Разсказы о рыцаряхъ». 11. «Разсказы о машинахъ». 12. «Разсказы объ англійскихъ фабрикахъ и заводахъ». 13. «Разсказы о городѣ Римѣ» и другія книжки научнаго содержанія, доступныя читателю, получившему образованіе ниже средняго.

НОВАЯ КНИГА

Гергардъ фонъ-ШУЛЬЦЕ-ГЕВЕРНИТЦЪ,

проф. политич. экономіи въ Фрейбургѣ (Баденъ).

КРУПНОЕ ПРОИЗВОДСТВО,

Его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса.

Переводъ съ нѣмецкаго **Л. Б. Красина**, подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. Б. Струве.** Въ приложеніи лекція проф. **Е. фонъ-Филипповича:**

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ И УСПѢХИ КУЛЬТУРЫ.

Спб. 1897 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

изданіе А. К. Томашевскаго.

Спб. 1896 г. Цѣна 2 р. 50 к.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Ярошкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома 5 р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

Е. ДЮРИНГЪ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ, члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго М. Калмыковъ.

Изданіе **Г. А. Куковѣрова.** Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Переводы и изданія Д. Л. МУРАТОВА:

8-ми-ЧАСОВОЙ

РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Соч. ***С. Вебба*** и ***Х. Кокса.***

Цѣна 1 руб. 60 коп.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ И ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Соч. Т. Хиггинсона. XVI+304 стр. Цѣна 1 рубль.

Лица, выписывающія эти книги изъ конторы «Новаго Слова» или изъ конторы изданій **О. Н. Поповой** (Спб. Невскій, 54—Библіотека Черкесова), за пересылку не платятъ.

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА“

Цѣна каждой книги 50 коп.

Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). *Ф. Волгина.* 128 стр. (съ 15 рис.).

Древніе и новѣйшіе колоссы. (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуй, начиная съ древнѣйшихъ временъ). Е. Лебазейль. Перев. съ франц. *Г.* 224 стр. (съ 33 рис.).

Первые обитатели Москвы. Разсказъ изъ временъ сѣдой старины. *В. Битнера.* 184 стр. (съ 18 рис.).

Чудеса полярнаго міра. (Исторія путешествій.—Природа.—Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазейль. Перев. *Е. Костко.* 168 стр. (съ 35 рис.).

Южный полюсъ. (Исторія и описаніе антарктическихъ путешествій). *В. Фонвізлля.* 150 стр. (съ рисунк.).

Вокругъ свѣта на велосипедѣ. *Т. Стивенса.* Часть I.—Отъ Санъ-Франциско до Тегерана 184 стр.

Вокругъ свѣта на велосипедѣ. *Т. Стивенса.* Часть II.—Отъ Тегерана до Іокагамы 172 стр.

Амуръ. (Природа и люди Амурскаго края). Состав. *Ф. Волгинъ.* 144 стр. (съ 17 рис., 2 портр. и картой).

На верблюдахъ. Воспоминаніе изъ жизни въ Средней Азіи. Соч. П. Уралова 188 стр.

Письма изъ Африки. Генриха Сенкевича. Перевелъ *М. Круковскій.* 271 стр. (съ 26 рис.).

Джонъ-Буллъ и его колоніи. (Очерки изъ путешествія по колоніямъ Англіи). Макса О'Релля, переводъ съ англійск. *Л. Богдановича.* 148 стр.

Астрономъ-любитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. Сост. дѣйств. чл. Русск. Астрон. Общ. *Е. Предтеченскій.* 200 стр. (25 рис. и черт.).

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Г. Парвиля. Перев. подъ ред. проф. *С. Глазенапа.* 104 стр. (съ 20 рис.)

Микроскопъ и телескопъ. Зюршэръ и Марголле. Перев. и дополн. *И. Святскій.* 140 стр. (съ 42 рис.)

Начало и конецъ міра. Ш. Ришара. Перев. и дополн. *И. Святскій.* 184 стр.

Міры дѣйствительные и воображаемые. Соч. Камилла Фламмаріона. Перевелъ *Ив. Святскій.* 192 стр.

Жизнь земли.—Очерки популярной геологіи. Профессора Ф. Пуше. Перев. доп. *Н. Лямина.* 164 стр. (съ 30 рис.).

Натуралистъ на Ла-Платѣ. Сочинен. *У. Хедсона.* Перев. Съ 3-го англійскаго изданія. Часть I. 180 стран. (съ 15 рис.).

Чудеса растительнаго міра. Составилъ *Ѳ. Медвѣдевъ.* 148 стр. (съ 30 рис.).

Жизнь въ морѣ. К. Келлера. Переводъ Вл. Шацкаго, подъ ред. проф. *А. М. Никольскаго.* Часть I.—208 стр. (съ 27 рис.).

Жизнь въ морѣ. *К. Келлера.* Ч. II (окончаніе)—184 стр. (съ 12 рис.).

Драгоцѣнные камни. Составилъ *Ив. Святскій.* 184 стр. (съ 38 рис.).

Научныя развлеченія. (Сбор. простыхъ физич. опытовъ)—д-ра *В. Буринскаго.* 128 стр. съ 104 рисунк.).

Какъ узнать характеръ человѣка. Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномонія), по рукамъ (хирософія), по почерку (графологія) и по внѣшнему виду головы (френологія). Состав. *Гр. Ф—тъ.* (Съ 50 рис. и 45 образцами почерковъ).

Исторія чудеснаго въ настоящее время. Л. Фигье. Перев. съ 3-го французскаго изданія, *М. Гогунцова.* Часть I. Кудесничества Каліостро.—Магнетизеры-мистики.—Электробіологія.—Стучащіе духи. 224 стр.

Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Часть II. Электрическіе люди.—Отзывчивыя улитки.—Вертящіеся столы и медіумы. 130 стр.

Подъ водою. — Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями. *Гр. Ф—та.* 120 стран. (съ 22 рис.).

Пять внѣшнихъ чувствъ. Л. Фигье. Обработалъ и дополнилъ *Д-ръ Ю. Малисъ.* 152 стр. (съ 20-ю рис.).

Чудеса гипнотизма. Исторія и современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ. — Очерки *В. Битнера.* 266 стр. (съ 6 рис.).

Первая помощь при несчастіи съ людьми.—Общедоступное руков. для подачи помощи до прибытія врача. Сост. по проф. Эсмарху, Мозетигъ-Мооргофу и др.—д-ръ мед. *С. Г.* 188 стр. (съ 45 рис.).

Популярная гигіена. (Общедоступное руководство здравоохраненія). Сост. по проф. Доброславину, Эрисману и др. *Ф. Г.* 140 стр.

Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Ф. Федо. Перевелъ и дополнилъ *Н. Лямина.* 160 стр. (съ 37-ю рисунк.).

Самоучитель фотографіи.—Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Диллэй Перев. подъ ред. *В. Буринскаго.* 244 стр. (съ 35 рис.).

Гальванопластика. Общедоступное практ. руководство для любителей. *С. Глаголева.* 64 стр. (съ 7 рис.). 2-е изд.

Электричество въ домашнемъ быту. Руков. для любит. электротехн. Сост. *Н. Н. Довяковскій.* 194 стран. (съ 117 рис.).

Комнатное цвѣтоводство. Сост. *Ѳ. Медвѣдева.* 164 стр. (съ 56 рис.).

Горшковое комнатное плодоводство. Сост. *Ѳ. Медвѣдевъ.* 40 стр. (съ 6 рис.).

Пѣвчія птицы. (Ловля, содер. въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ). Сост. *Ив. Святскій.* 238 стр. (съ 22 рис.).

Рыболовъ-любитель. (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство. *В. Цескова.* 180 стр. (69 рис.).

Прѣсноводный акваріумъ. Составилъ *Т. Богдановъ.* 65 стр. (14 рис.).

Спортъ во всѣ времена года. Составилъ *Гр. Ф—тъ.* 200 стр. (съ 60 рис.).

Домашній обиходъ. (Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства).—Составилъ *Ф. Г.* 184+XIX стр.

Гг. иногородніе, выписывающіе изъ книжнаго склада П. П. Сойкина (Спб., Стремянная, 12), за пересылку не платятъ.

1—1

Поступили въ продажу новыя изданія П. П. СОЙКИНА:

СОЧИНЕНІЯ Д-РА А. В. ЕЛИСѢЕВА

„ПО БѢЛУ-СВѢТУ“

Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Роскошное изданіе въ 4-ю долю листа. Каждый томъ содержитъ до 380 стр. текста и около 400 оригинальныхъ рисунковъ художниковъ: академика В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, проф. А. Д. Кившенко, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго, С. К. Піотровича, Ѳ. П. Ризниченко, Е. П. Самокишъ-Судковской, академ. Н. С. Самокишъ, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина.

Томъ I, II и III поступили въ продажу (томъ IV печатается).

Цѣна каждаго тома 3 р., въ переплетѣ 4 р.

Томъ I и II одобрены Ученымъ Комитетомъ М-ва Нар. Просв. для ученическихъ (старш. возраста) библіотекъ и для раздачи воспитанникамъ старш. классовъ средне-учебн. заведеній въ видѣ награды: рекомендованы Главнымъ Штабомъ для пріобрѣтенія въ офицерскія библіотеки.

Каждый томъ СОЧИН. Д-РА ЕЛИСѢЕВА представляетъ самостоятельное цѣлое.

БАСНИ ЛАФОНТЕНА

въ переводахъ: Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Коринфскаго, Лихачева и др. Роскошное изданіе, въ 4-ю долю листа, 80 стр. текста, съ рисунками Г. Дорэ, съ біографіей и портретомъ Ж. де-Лафонтена. Цѣна 1 руб.

ОТЗЫВЫ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ:

«Образованіе».—Предпринятое г. Сойкинымъ новое изданіе басенъ Лафонтена съ интересомъ будетъ встрѣчено цѣнителями классическаго баснописца. Изданіе сдѣлано изящно, выборъ переводовъ удачный, а иллюстраціи Дорэ представляютъ художественное дополненіе къ тексту.

«Екатер. Недѣля».—Эта изящно изданная книжка, хорошій подарокъ для дѣтей: 55 басенъ Лафонтена, переведенныхъ на русскій языкъ Крыловымъ, Дмитріевымъ, Хемницеромъ, Измайловымъ и др., снабжены красивой виньеткой, а нѣкоторыя отдѣльными рисунками Густава Дорэ. Къ книгѣ приложены: портретъ знаменитаго французскаго баснописца и его біографія. Цѣна 1 руб. очень не высока, и это, конечно, послужитъ широкому распространенію книги.

«Развѣдчикъ».—Въ изданіи имѣется нѣсколько басенъ мало извѣстныхъ; вслѣдствіе этого, а также благодаря порядочнымъ рисункамъ, книга перелистывается съ интересомъ.

„ВЪ НЕВѢДОМЫХЪ МІРАХЪ“

Астрономическій романъ русскаго ученаго.

Соч. Ле-Форъ и Графиньи, съ предисловіемъ Камилла Фламмаріона, обработалъ В. Семеновъ. Въ художественно-исполненной Н. Н. Каразинымъ обложкѣ, до 300 иллюстрацій, въ 2-хъ томахъ. Изданіе 2-е. Цѣна за оба тома въ обложкѣ 4 руб., въ папкѣ 5 руб.

Т. I. ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ	Т. II. ВОКРУГЪ СОЛНЦА.
432 стр. съ 145 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к.	338 стр. съ 150 рис. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 50 к.

Каждый томъ представляетъ самостоятельный, вполнѣ законченный романъ.

Съ требованіями обращаться въ Книжный Складъ П. П. Сойкина, С.-Петербургъ. Стремянная, соботв. домъ, № 12.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1897 ГОДЪ
на издающуюся въ г. Казани БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ общественную, литературную, политическую и торгово-промышленную газету

КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ.

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія.

Для достиженія намѣченной цѣли «**КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ**» будетъ неуклонно стремиться къ изученію жизни Поволжья и Востока Россіи въ историческомъ, культурномъ, экономическомъ, бытовомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, озаботившись привлеченіемъ для этого сотрудниковъ изъ среды лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ областной прессы.

Имѣются собственные корреспонденты во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ края.

Въ поясненіе нѣкоторыхъ статей и событій общественной жизни будутъ помѣщаться время отъ времени иллюстраціи въ текстѣ газеты.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	Для городскихъ подписчиковъ. Безъ доставки.	Съ доставкою	Для иногородн. подписчиковъ.
На годъ. . . .	6 р. — —	7 р. — —	На годъ. . . . 9 р. — —
» полгода. . .	3 р. — —	4 р. — —	» полгода. . . 5 р. — —
» 3 мѣсяца. .	1 р. 75 к.	2 р. 25 к.	» 3 мѣсяца. . 2 р. 75 к.
» 1 мѣсяцъ.	— р. 60 к.	— р. 75 к.	» 1 мѣсяцъ. . 1 р. — —

Для годовыхъ подписчиковъ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА платежа подписныхъ денегъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ Редакціи (Казань, Воскресенская, Пассажъ № 22. Телефонъ редакціи № 366).

Иногородніе адресуютъ: *Казань, редакція «КАМСКО-ВОЛЖСКАГО КРАЯ»*.

За редактора профессоръ **И. И. Загоскинъ.**

3—1

МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Подписка на девять мѣсяцевъ, съ 1 апрѣля по 31 декабря 1897 года.

Подписная цѣна за 9 мѣсяцевъ съ доставкой на домъ 12 руб., съ пересылкою иногороднимъ 13 р. 50 к.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной Конторѣ газеты „Міровые Отголоски“, Фонтанка, домъ 80 и въ Отдѣленіи конторы, Невскій проспектъ, домъ 40, при книжномъ магазинѣ Фену и К°.

1—1

ОТКРЫТА ТРЕХМѢСЯЧНАЯ ПОДПИСКА

съ 1-го апрѣля по 30-ое іюня

НА ИЗДАЮЩІЕСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОСХОДЪ

И ГАЗЕТУ „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

Цѣна съ доставкой и перес. на **три** мѣсяца—**три** руб.

Подписывающіеся на годъ съ 1-го января платятъ 10 р. и получаютъ журналъ и газету съ 1-го №.

Въ вышедшихъ четырехъ книгахъ за январь, февраль, мартъ и апрѣль, между прочимъ, помѣщено:

I. Гоголія. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ж. Расина. Пер. въ стихахъ О. Н. Чюминой.—II. О нѣкоторыхъ нуждахъ евр. населенія въ Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—III. Историческіе очерки караимства. Изъ этюдовъ о еврейскихъ сектахъ. А. Я. Гаркави. — IV. Уріель Акоста. Историческая характеристика. И. Зангвилля. (Съ англійскаго). С. Л. Федоровичъ. — V. Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ. Къ исторіи развитія устнаго ученія. Д-ра Л. С. Каценельсона. — VI. Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Ами.—VII. Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. VIII. Хейбарскій ядъ. Изъ хроники IX вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—X. Изъ путевыхъ впечатлѣній въ «чертѣ осѣдлости». Встрѣчи, картинки, разговоры. Л. Е. Оболенскаго.—XI. Изъ «Переписки объ упадкѣ еврейства». Письма Макса Нордау и Р. И. Сементковскаго.—XII. Лишь бы не въ дѣвкахъ. Повѣсть М. Ривесмана.—XIII. Хадъ-Гадія. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля. (Съ англійскаго). С. Л. Федоровичъ.—XIV. Изъ моихъ воспоминаній. М. Г. Моргулиса. — XV. Берлинское еврейское общество въ XVI столѣтіи. Проф. Л. Гейгера. — XVI. Генеральша. Разсказъ доктора. Н. Пружанскаго.—XVII. Іеклъ. Повѣсть изъ жизни нью-іоркскаго гетто. А. Кагана. (Съ англійскаго). М. Е. Рубинова.—XVIII. Обѣтованная земля. Е. Я. Хисина.—XIX. Іудейскія древности. Соч. Флавія Іосифа. Пер. съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи).—XX. Стихотворенія: С. Г. Фруга, О. Н. Чюминой, В. Лебедева, Х. Зингера и Л. Яффе. XXI. Современная лѣтопись.—XXII. Дѣятельность «Центральнаго союза» германскихъ гражданъ іудейскаго исповѣданія. Альфонса Леви.—XXIII. Лѣтнія школьныя колоніи. И. С—ръ.—XXIV. Колонизаціонное движеніе русскихъ евреевъ въ Палестину и Аргентину. А. М. Беркенгейма.—XXV. Сенатская практика по вопросамъ объ отвѣтственности раввиновъ, леновъ еврейскихъ духовныхъ правленій и божничьихъ дозоровъ за преступленія по должности. М. М.—XXVI. По поводу шестидесятилѣтія со дня кончины А. С. Пушкина. С. М. Станиславскаго. — XXVII. Литературная лѣтопись: новый журналъ на древне-еврейскомъ языкѣ. («Гашилоахъ»). С. Г. Гинзбурга.—XXVIII. Литературныя письма Д. Фришмана. С. Г—ъ.—XXIX. П. Смоленскій. С. М. Гинзбурга. — XXX. Берне и Лассаль. С. V.—XXXI. Критическіе наброски. Крайнее легкомысліе «Вопросительнаго Знака».—Какъ г. Скальковскій доказываетъ, что франко-русская дружба и наши конверсіонные займы—всецѣло дѣло рукъ еврейскаго «кагала», и въ то же время предлагаетъ ассигновать изъ государственныхъ суммъ 500 милльоновъ рублей, чтобы выселить половину еврейскаго пролетаріата.—Графъ Лелива о заокеанскихъ русскихъ евреяхъ.—Разсказъ кн. Шаховского въ «Русскомъ Обозрѣніи» о томъ, какъ покойный Гиляровъ-Платоновъ на еврейскія деньги ѣздилъ за границу и что онъ оттуда привезъ.—Отзывъ цензора о сочиненіи Гилярова-Платонова о евреяхъ. — Удивительные выводы г. Гвоздева. — Собраніе сочиненій Лѣскова. А. Горина. — XXXII. Библіографія. (Разборъ около 20 книгъ). С. Г. и Як. Кацнельсона.—XXXIII. За прошлый годъ. Общая характеристика положенія.—Законъ и низшая администрація.—Кіевскіе ремесленники и ревнивое охраненіе матери русскихъ городовъ отъ окрестныхъ евреевъ.—«Облавы» на евреевъ.—Евреи въ Кубанской и Терской областяхъ.—Нижніе отставные чины и право ихъ на «жительство».—Юриспруденція статьи 12-й устава о паспортахъ.—Временныя правила 3-го мая 1882 г. и предстоящій пересмотръ ихъ.—Циркуляръ витебскаго губернатора.—Земство о евреяхъ.—Роль закона 3-го мая 1882 г. въ хозяйственной жизни «черты» и т. д. Л. З.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р. Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАНОЕ ИЗДАНІЕ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Произведенія знаменитыхъ писателей съ иллюстраціями.—Новые романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и драматическія произведенія.—Статьи историческія, популярно-научныя, по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—Изъ прошлаго литературы, искусства и науки съ иллюстраціями.—Характеристики писателей, художниковъ, мыслителей и артистовъ съ портретами, автографами, съ изображеніемъ знаменитыхъ моментовъ изъ ихъ жизни и дѣятельности.—Критика выдающихся явленій современной литературы и новѣйшаго искусства.—Иллюстрированная заграничная хроника.—Путешествія, этнографическіе очерки, новѣйшія изобрѣтенія и открытія съ соотвѣтственными иллюстраціями.—Резюме важнѣйшихъ статей иностранныхъ журналовъ.—Ежемѣсячный обзоръ заграничныхъ періодическихъ изданій, новыхъ книгъ и русской переводной литературы.—Мелочи заграничной жизни и литературы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» поставилъ себѣ задачей въ тщательно исполненныхъ переводахъ, въ извлеченіяхъ и литературно-изложенныхъ статьяхъ воспроизводить все, что на иностранныхъ языкахъ печатается новаго, наилучшаго, особенно выдающагося, оригинальнаго, художественнаго, занимательнаго и типичнаго въ области литературы, искусствъ и наукъ, обильно иллюстрируя статьи и переводы рисунками и автотипическими изображеніями всего, что заслуживаетъ наглядная и художественнаго поясненія.

Всѣ болѣе или менѣе крупныя произведенія будутъ печататься съ особой пагинаціей и могутъ быть сохраняемы отдѣльными томами.

Первая книга «НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» выйдетъ въ свѣтъ 1-го іюля 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ 1-го іюля 1897 г. по 1-е января 1898 г. безъ доставки 2 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 3 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ «НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»—С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. 3—и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Невскій, 38) и Вольфа (Гостиный дворъ, № 18). Иногородніе благоволятъ адресоваться въ главную контору «НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», С.-Петербургъ (Вознесенскій, 3).

3—1 Редакторъ-издатель Ѳ. И. Булгаковъ.

1897 г. Годъ VIII.

Вышла въ свѣтъ II-я (мартъ—апрѣль) книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

ИЗДАВАЕМАГО МОСКОВСКИМЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ: Александръ Ив. Введенскій. Объ атеизмѣ въ философіи Спинозы.—Б. Н. Чичеринъ. Существо и методы идеализма.—Н. Я. Гротъ. Понятія души и психической энергіи въ психологіи.—А. Н. Гиляровъ. Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи.—М. С. Корелинъ. Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія. I. Міросозерцаніе Франческо Петрарки.—В. Э. Вальденбергъ. Основаніе макіавеллизма.—М. В. Безобразова. Что такое введеніе въ философію.—П. П. Соколовъ. Факты и теорія «цвѣтного слуха».—Г. И. Челпановъ. Къ вопросу о воспріятіи пространства.—Кн. С. Н. Трубецкой. Въ защиту идеализма.—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учители и сельскіе священники пользуются скидкой 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается ТОЛЬКО въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества *Н. Я. Гротъ*.

Редакторы: *Л. М. Лопатинъ*. *В. И. Преображенскій*.

1—1

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИЖКА ПРИЛОЖЕНІЙ

КЪ ЛИТЕРАТУРН. НАУЧН. И ПОЛИТИЧ. ЕЖЕНЕДѢЛЬНОМУ ЖУРНАЛУ

ЖИЗНЬ ЮГА

СОДЕРЖАНІЕ:

Изломанные люди (изъ записной книжки скитальца). П. Ѳ. Николаева.—I. **Поэзія.** II. **Серебряная ночь.** III. **Вьюга.** (Стихотв.). Allegro.—**Сельскохозяйственный рабочій въ Россіи.** С. Сергѣева.—**Сиротство.** (Стихотвореніе). А. Бобенко.—**Стихотвореніе.** М. Г.—**Льготы.** Изъ сибирск. разск. П. Хотымскаго.—**Почему мы мало и плохо читаемъ?** А. Панова.—**Два разсказа И. Франко.** I. **Исторія моей соломорѣзки.** II. **Домашній промыселъ.** Съ русинскаго. Я. Бѣлобородаго.—**Крестьянскіе бюджеты въ южной и юго-западной Россіи и ихъ зависимость отъ урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ.** Т. И. Осадчаго.—**Въ пути.** Стихотвореніе. И. Бродовскаго.—**Въ ночь на Гошано-Рабо.**—Разсказъ. (Окончаніе). Бенъ-Ами.—**Происхожденіе и первоначальная исторія резешей и резешскихъ общинъ.** Д. Д. Суручана.—**Страничка изъ философіи науки.** И. Брусиловскаго.—**Изъ Австріи.** Т—ва.—**Научное обозрѣніе.** I. **Вліяніе низкихъ температуръ на живые организмы.** И. Луценко. II. **Искусственные алмазы.** III. **Ацетиленовое освѣщеніе.** Б.

«Жизнь Юга» выходитъ **въ ОДЕССѢ** по воскресеньямъ. Въ теченіе года будетъ дано 6 книжекъ приложеній, объемомъ отъ 10 до 12 печ. листовъ каждая.

Въ «Жизни Юга» участвуютъ: С. М. Абрамовичъ, И. К. Брусиловскій, М. Горькій (А. М. Пѣшковъ), В. А. Гольцевъ, А. И. Гуковскій, В. И. Дмитріева, С. М. Дубновъ, А. М. Евреинова, проф. И. И. Иванюковъ, Г. Б. Іоллосъ, В. Г. Короленко, М. И. Кулишеръ, В. В. Лесевичъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, А. А. Мануиловъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милюковъ, М. Г. Моргулисъ, Ф. Д. Нефедовъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. Н. Г. Оршанскій, М. А. Плотниковъ, А. А. Русовъ, Я. Л. Сакеръ, В. И. Семевскій, К. М. Станюковичъ, Д. Д. Суручанъ, А. И. Ульяновъ, Р. М. Хинъ, И. А. Хмѣльницкій, А. П. Чеховъ, Е. Н. Чириковъ, Г. И. Шрейдеръ, А. И. Эртель, С. Н. Южаковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки въ Одессѣ: на 1 годъ 6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на три мѣсяца—1 р. 50 коп., на 1 мѣс.—50 к. Съ пересылкой и доставкой: на 1 годъ—7 руб., на 6 мѣс.—3 руб. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к.

Цѣна отдѣльному нумеру 10 коп.

Книжки приложеній получаютъ лица, подписавшіяся не менѣе чѣмъ на 2 мѣс.

Объявленія принимаются по слѣдующей таксѣ: за строку петита на 1-й страницѣ 30 к., на послѣдней 10 коп.

Редакція помѣщается на Елисаветинской ул., д. № 1. Контора — на Гаванной ул., при типографіи Исаковича.

Издатель *Я. В. Бѣловодскій.* За редактора *Я. В. Бѣловодскій.*

1—1

ВЫШЛИ третья (мартовская) и четвертая (апрѣльская) **КНИЖКИ**

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Содержаніе №. 3: 1. Освобожденный Прометей. Лирическая драма въ четырехъ актахъ. Перси Биши Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Продолженіе.—2. Уголокъ Колхиды. Продолженіе. В. Я. Свѣтлова.—3. Александръ Николаевичъ Островскій. По моимъ воспоминаніямъ. Продолженіе. С. В.Максимова.—4. Крестоносцы. Историческій романъ. Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Продолженіе.—5. Старшій рабочій. (Очеркъ). Дмитрія Абельдяева.—6. На ясномъ берегу. Повѣсть Генриха Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Продолженіе.—7. Звѣрь въ человѣкѣ (Дюре Рейнъ). Изъ семейной хроники. Романъ Іонаса Лп. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. — 8. Стихотвореніе. Мих. Гербановскаго.—9. Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ научными и общественными теченіями въ современной Германіи. Окончаніе. М. И. Бруна.—10. Среди новоселовъ. Отъ Барнаула до Костина Лога. Н. Х.—11. Кредитныя учрежденія на Кавказѣ въ 1894 г. А. Н. Сазонова.—12. Анамская община. М. И. Венюкова.—13. Соціологія и право. И. Г.—14. Изъ исторіи грузинской литературы. Кн. Р. Д. Эристова. А. С. Хаханова.—15. Организація труда, какъ видъ благотворительности въ Парижѣ. Маргариты Сабашниковой.—16. Наша нефтяная промышл. К. И. Тумскаго.—17. Король Ричардъ III (Бенефисъ Южина). Ив. Иванова.—18. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—19. Письмо въ редакцію. В. П. Вахтерова.—20. Внутреннее обозрѣніе.—21. Иностранное обозрѣніе. В. Л. Г.—22. Современное искусство. Музыкальная хроника. Александра Барсова.—23. Картинки современныхъ нравовъ. К. М. Станюковича.—24. Библіографическій отдѣлъ.—25. Объявленія.

Содержаніе №. 4: 1. Уголокъ Колхиды. Окончаніе. В. Я. Свѣтлова.—2. Звѣрь въ человѣкѣ. (Дюре Рейнъ). Изъ семейной хроники. Романъ Іонаса Лп. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. Окончаніе.—3. Приватъ-доцентъ. (Очеркъ). Н. И. Тимковскаго.—4. Мірское дитя. Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Перев. съ нѣмецкаго Н. К. Продолженіе.—5. Мужики. А. П. Чехова.—6. О нашемъ судѣ присяжныхъ и о попыткахъ къ ограниченію его подсудности. В. П. Даневскаго.—7. Изъ салонной жизни эпохи Возрожденія. Владиміра Фриче.—8. Личныя и имущественныя отношенія между супругами. Окончаніе. А. И. Загоровскаго.—9. Новая книга о восточномъ вопросѣ. (Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ. 2 тома. М., 1896 г.). Гр. Л. А. Камаровскаго.—10. Людвигъ Барнай, какъ комментаторъ Шекспира. Т. И. Полнера.—11. Чѣмъ сказался политическій переворотъ въ Соединенныхъ Штатахъ. В. Макъ-Гаханъ.—12. Мадьяръ о положеніи Венгріи. С. В. Л—вой.—13. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—14. Внутреннее обозрѣніе.—15. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.—16. Письмо въ редакцію. Игн. Закревскаго.—17. Университетъ и студенчество. К. С. Н. Трубецкаго.—18. Библіографическій отдѣлъ.—19. Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 годъ.

(Восемнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ дост. и перес.:	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во всѣ города Россіи.....	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., 1-му іюля и 1-му октяб. по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. № 2—21). Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Фену и К°, Невскій. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. Л. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

1—1 Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ВЫШЛА ЧЕТВЕРТАЯ, АПРѢЛЬСКАЯ, КНИЖКА ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Содержаніе ея: 1) Апрѣль. Картинка. Рисунокъ Н. Н. Ольшанскаго. Стих И. А. Бѣлоусова. (На отдѣльномъ листѣ). 2) Легенды о Царицѣ Небесной. Маріанна Гавалевича. Ленъ. Стих. Съ польскаго В. Н. Ладыженскаго. 3) Сказки чернаго таракана. IV. Дѣдушкино кресло. К. С. Баранцевича. Съ четырьмя рисунками художника В. Тишина. 4) Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Гл. XII—XIII. (Продолженіе). Вас. Ив. Немировича-Данченко. Съ двумя рисунками художника К. Н. Чичагова. 5) Жаворонки поютъ. Миніатюра. Виктора Липягина. 6) «Тишина. Надъ міромъ соннымъ...» Стих. Ю. В. Доппельмайеръ. 7) Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка. Разсказъ. Ѳ. Ѳ. Тищенко. 8) Изъ дневника. Стих. Л. М. Медвѣдева. 9) Убита три раза. Передѣлано съ французскаго Е. Н. Красногорской. 10) Передъ Свѣтлымъ праздникомъ. Разсказъ. Е. И. Струковской. 11) Надюшины цыплята. Разсказъ охотника. В. А. Гиляровскаго. Съ рисункомъ художника С. В. Праотцева. 12) «Растаялъ снѣгъ среди полей...» Стих. С. Д. Дрожжина. 13) Въ степи. (Канунъ и первые дни Пасхи на хуторѣ). Картинки. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Съ рисункомъ художника В. Тишина. 14) «Ну, вставай скорѣй, касатикъ...» Стих. Е. Нечаева. 15) Четыре времени года. II. Весна. Д. А. Коропчевскаго. Съ шестью рисунками съ картинъ мастерской А. Ф. Анцыферовой. 16) День царя Алексѣя Михайловича. А. А. Кизеветтера. Съ шестью рисунками съ картинъ мастерской А. Ф. Анцыферовой. 17) Сынъ оружейника. Вильяма О. Стаддарта. Гл. V—VIII. (Продолженіе). Съ англійскаго А. Н. Рождественской. Съ двумя рисунками. 18) Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. (Окончаніе). Ив. Ив. Иванова. Съ рис. 19) Въ пещерахъ. А. С. Долина. Съ тремя рисунками. 20) А. Н. Майковъ. Съ портретомъ и факсимиле покойнаго поэта. Л. М. 21) По бѣлу свѣту. Шахты. Н. Д. Телешева. Съ четырьмя рисунками. 22) Изъ книгъ и журналовъ. Подвиги милосердія. Е. Т. 23) Ребусы, шарады и загадки. 24) Рѣшенія. 25) Объявленія.

Содержаніе второй книжки «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА».

1) Итоги прошлаго и задачи настоящаго въ дѣлѣ школьнаго воспитанія и обученія. Дм. Ив. Тихомирова. 2) Къ вопросу о методѣ естествознанія (окончаніе). В. А. Вагнера. 3) Чему можетъ научить Робинзонъ Крузе? Д. А. Коропчевскаго. 4) Краткая записка о дѣятельности Педагогическихъ курсовъ при Московскомъ Обществѣ воспитательницъ и учительницъ съ 1872 по 1897 г. Е. Н. Тихомировой. 5) Замѣтки: а) Три юбилея. Д. Т. б) Гдѣ взять учителей для народныхъ школъ? Д. И. Т. в) По поводу просвѣтительныхъ начинаній. г) Народные университеты. д) Физическое воспитаніе въ Германіи. е) Новыя англійскія колоніи-пріюты. ж) И. Ѳ. Рашевскій. 6) Библіографія. 7) Списокъ поступившихъ книгъ для отзыва въ редакцію «Дѣтскаго Чтенія» и «Педагогическаго Листка».

Подписка принимается: Москва, Тверская ул., д. Гиршмана, кв. 40.

Цѣна на годъ съ пересылкою 6 р., 5 р. безъ доставки, 3 р. на полгода, 1 р. 50 к. на четверть года.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ. Издательница Е. Н. Тихомирова.

Новыя книги изданія «Библіотека Дѣтскаго Чтенія».

Альбовъ М. Н. «Исторія одного скитальца» (Снѣжокъ и Картошка) ц. 1 руб. Маминъ-Сибирякъ. Д. Н. «Аленушкины сказки», ц. 75 к. Его же «Заграницы»; ц. 75 к. Его же. Разсказы и сказки. Первый сборникъ для младшаго возраста. Второе дополненное изданіе. 1897 г. ц. 75 коп. Станюковичъ К. М. «Среди моряковъ», ц. 60 к. Мордовцевъ Д. Л. «Погибель Іерусалима»; ц. 10 к. Поспѣловъ М. «Дѣдушка посолъ»; ц. 6 коп. Тихомировъ Дм. Ив. «Записки о педагогическихъ курсахъ въ Твери»; ц. 1 руб. Его же. «Вешніе Всходы», книга для класснаго чтенія, бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и дома, годъ первый, третье изд.; ц. 30 к.; годъ второй, третье изд., 40 к. Обѣ книги допущены Уч. Ком. М. Н. Пр. для употребленія въ низшихъ школахъ. Третья книга «Вешніе Всходы»; ц. 60 к. Руководство для учителя, ц. 30 к. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учительскія библіотеки. Какъ надо жить. Леббока. Съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго. Ц. 80 к. Съ Поволжья. Родныя картинки. Разсказы Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Ц. 60 коп.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1897 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ

№ 3-й.

Айзлеръ, Р., д-ръ. Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Перев. съ нѣмецк. Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Александрова, П. Руководство къ изученію основъ кулинарнаго искусства и курсъ мясовѣдѣнія магистра ветеринарн. наукъ М. Игнатьева. Одесса. 1897 г. Ц. 3 р.

***Алексѣевъ, В.** Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. I. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Армашевскій, П., и Антоновичъ, Вл. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева. Съ рисунк. Кіевъ. 1897 г. Ц. 75 к.

Арнольдовъ, Н. Гидравлическій или водяной таранъ и реомоторы. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Ахшарумовъ, Н. Смерть Слѣпцова. Кавказская быль. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

— Ночное. Разсказъ часового мастера. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

— Чужое имя. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бакуринскій, К. О ремонтѣ шоссе. Изд. 2-е дополн. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. и 1 р. 25 к.

Безе, В. Теорія сопротивленія матеріаловъ безъ высшаго математическаго анализа. Съ рис. и таблиц. въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1р.

Бекъ, С. (д-ръ), **и Браннъ, М.** (д-ръ). Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ С. М. Дубновъ. Т. II. Западный періодъ (отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней). Одесса. 1897 г. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

Бекетова, Е. Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Редакція Н. А. Рубакина. Изд. 2-е. Съ картинами. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Бѣлявскій, Н. Народное образованіе въ Швейцаріи. Юрьевъ. 1897. Ц. 25 к.

Бердниковъ, И. А. Алмазовъ. Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Т. I—III. Одесса. 1894 г. (Критико-библіографическая замѣтка). Казань. 1897 г. Ц. 30 к.

— Поправка къ результатамъ полемики по вопросу о раскольническомъ бракѣ, формулированнымъ г. Заозерскимъ. Казань. 1897 г. Ц. 20 к.

Бетцъ, Ф. Практическій кондитеръ и булочникъ, или опытное руководство этихъ ремеслъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Библіофилъ. Русско-польскія отношенія. Нѣкоторыя замѣчательныя по этому предмету мысли, слова, рѣчи, узаконенія, размышленія и разсужденія. Изд. 2-е, значительно дополненное. Вильна. 1897 г. Ц. 50 к.

Бобровъ, Евг. (проф.). Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ. 1897 г. Ц. 80 к.

***Бомарше, П.** Безумный день или женитьба Фигаро. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ А. Н. Чудинова. Изд. второе. (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 871). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 35 к.

Борнсъ, Р. Стихотворенія. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Боткинъ, С. и Скорпченко, Г. Бубонная чума по ихъ лекціямъ. Составлено подъ ред. студ. И. Лубо и Е. Четыркинымъ. Съ фототипической таблицей. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Броуновъ, П. Метеорологія, какъ наука о вихревыхъ движеніяхъ атмосферы. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

— Къ теоріи грозовыхъ вихрей. Съ приложеніемъ трехъ картъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Булгаковъ, Ѳ. А. Менцель и его произведенія. (Знаменитые художники XIX вѣка). Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 30 к.

***Буренинъ, В.** Былое. Стихотворенія. Переводы изъ Барбье, Мюссе, Гюго, Аріосто, Мередита, Виньи, Гуда, Байрона, Чаттертона, Мейснера.—Военно-поэтическіе отголоски.—Пѣсни дня.—Думы.—Былины.—Поэмы. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Бутковъ, А. Уголовные разсказы и повѣсти. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, И. Псковская губернія. Историко-географическіе очерки, какъ пособіе народнымъ учителямъ по предмету родиновѣдѣнія. Съ картой губерніи. Псковъ. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Веберъ, К. Сыроваренie. Руководство къ производству швейцарскаго сыра, приготовленію бакштейна и маслодѣлію. Съ 87 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жнеи, молотилки, вѣялки, сѣнокосилки, сѣноворошилки, грабли, пресса, подъемныя и перевозочныя средства, двигатели, сортировки, зернодробилки, соломорѣзки и корнерѣзки. Пособіе для хозяевъ при выборѣ земледѣльческихъ машинъ и орудій и при работѣ съ ними. Съ атласомъ въ 37 таблицъ съ 282 фигурами. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Введенскій, А. (проф.). Общій смыслъ философіи Н. Н. Страхова. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Везенковъ. Какъ различать воинскіе чины и званія по ихъ наружнымъ отличіямъ. Наглядное руководство молодымъ солдатамъ. М. 1897 г. Ц. 15 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Изданіе Г. В. Юдина. Вып. XII. Бальзакъ-Барсуковъ. Спб. 1897 г. Ц. 35 к.

Винклеръ, П. (фонъ). Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Монетное дѣло въ царствованіе Петра Великаго. Передѣлъ мѣдныхъ пушекъ нъ монету. Платиновая монета. Бородовые знаки. Фамильный рубль. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Виноградовъ, Іоаннъ. Тщетное самооправданіе старообрядцевъ-поповцевъ. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Витевскій, В. П. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. V. Казань. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Внутреннія и дѣтскія болѣзни. Перев. съ нѣмецк. д-ра М.Ліонъ, Фридбергъ, Геселевичъ, подъ ред. д-ра Б. Окса. Т. I, вторая половина. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Воеводинъ, А. Альбомъ узоровъ русскихъ полотенцевъ и прошивокъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Волконская, М. (княгиня). Пѣсни спѣты! Повѣсть. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Галанинъ, М., д-ръ. Бубонная чума, ея историко-географическое распространеніе, этіологія, симптоматологія и профилактика. Съ приложеніемъ бактеріологіи и терапіи чумы. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 25 к.

Галаховъ, Іаковъ (свящ.). Посланіе св. апостола Павла къ галатамъ. Казань. 1897 г. Ц. 2 р.

Гебель, В. Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Ея происхожденіе, преимущества и польза введенія въ Россіи. Съ приложеніемъ таблицы метрич. мѣръ. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Гексли, Томасъ. О причинахъ явленій въ въ органическомъ мірѣ. Перев. съ англ., съ прил. біографич. очерка Н. Березина. Съ портрет. и 13 рис. Ц. 60 к.

Геникъ, Д. (Хали). Радость. Восточная повѣсть. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Герценштейнъ, В. Закавказскій альманахъ-Сборникъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности населенія Закавказскаго края. Тифлисъ. 1896. Ц. 1 р.

Гершельманъ, С. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Глаголевъ, С. Больной цѣлитель (о Шлаттерѣ). Сергіевъ посадъ. 1896 г. Ц. 25 к.

— Запретныя идеи. Сергіевъ посадъ. 1897 г. Ц. 40 к.

Глинскій, Б. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Гоголь, С. Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Газеверъ, В. (врачъ). Чума. Исторія, сущность и борьба съ ней. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Головинъ, К. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Голубевъ, В. Топографическая анатомія, ея методъ, задачи и историческое развитіе. Вступительная лекція. Казань. 1897 г. Ц. 30 к

Гомилевскій, В. Укрѣпленіе и облѣсеніе летучихъ песковъ. Руководство для земствъ и землевладѣльцевъ. Одесса. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Правильное полеводство на русскихъ песчаныхъ и супесчаныхъ почвахъ. Одесса. 1892 г. Ц. 2 р.

Гончаровъ, А. Къ съѣзду артистовъ въ Москвѣ. Проектъ организаціи театральнаго дѣла въ Россія. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Гофманъ, Э. Атласъ бабочекъ Европы и отчасти русско-азіатскихъ владѣній. Обработ. и дополн. примѣнительно къ русской фаунѣ Н. А. Холодковскій. Вып. 3-й Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ на все соч. 14 р.

Григоровичъ, А. Временныя правила о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири. Руководство для отправляющихся на службу въ Сибирь по судебному вѣдомству. Съ картой Сибирской желѣзной дороги. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Губаревъ, А. (проф.). Наружное акушерское изслѣдованіе. Практическій курсъ для студентовъ и врачей. Съ 39 политипажами. Юрьевъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гусевъ, А. Уставъ строительный. Изд. 2-е. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Данилло, С., д-ръ. О роли врачей въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Дашкевичъ, Н. Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гете. Критико-біографическій очеркъ. Кіевъ. 1897 г. Ц. 60 к.

Двадцатипятилѣтіе товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Альбомъ. Изданіе К. А. Фишеръ. Вып. I. М. 1897 г. Ц. по подпискѣ 9 р.

Дебольскій, Г. (протоіерей). О пользѣ чтенія библіи, спрѣчь книгъ Священнаго Писанія. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Дневникъ протоіерея Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадскаго). Спб. 1897. Ц. 25 к.

Достоевскій, для дѣтей школьнаго возраста подъ ред. А. В. Круглова. Съ біографическимъ очеркомъ, съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и снимками съ его дома и школы его имени. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Дубровинъ, Н, Георгій XII, послѣдній царь Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дурасовъ, М. Русское изобрѣтеніе печенія хлѣба изъ зерна безъ перемола. (По способу И. Н. Зыкова). Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Дюрюи, В. Краткая исторія среднихъ вѣковъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ пчеловодства. 1896—97 г. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. Очерки Сибири. Изд. 2-е. Спб. 1897. г. Ц. 1 р.

Енгельмейеръ, П. Изобрѣтенія и привилегіи. Руководство для изобрѣтателей со вступительнымъ письмомъ графа Л. Н. Толстого. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Енько, П. Чему и какъ учить нашихъ дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Жерве, В. Памятка о Петербургѣ и его примѣчательностяхъ. Съ рис. Для войскъ и народа. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Жуковскій, В. Волѣзни новорожденныхъ дѣтей. Изд. 2-е. испр. и дополн. Съ 1 хромолитографическ. таблицей, 2 таблицами кривыхъ и 3 рисунками. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Журналъ Юридическ. общества. Апрѣль. Ц. 2 р.

Заболотный, В. Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса «Что такое счастье»? Варшава. 1897 г. Ц. 50 к.

Задушевное Слово. Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Зальцманъ, И. (врачъ). Курортъ Усть-Нарова (Гунгербургъ) въ историческомъ, топографическомъ и санитарномъ отношеніи. Съ рисунками и картой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Засодимскій, П. Два разсказа: 1) Ночь на Новый годъ. 1) Слѣпой изъ Данилова. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Золя, Э. Римъ. Переводъ Тимоѳеевой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановскій, В. Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. V. Мѣстныя установленія окраинъ. Финляндія. Царство Польское. Кавказъ. Туркестанъ. Сибирь. Казань. 1897 г. Ц. 50 к.

Изборникъ Развѣдчика 1896 г. 5 вып. Ц. каждаго 1 р.

Извѣстія русскаго астрономическаго общества. Вып. V. (1—9). Спб. 1896. Ц. 6 р.

Тоже. Вып. IV. 1895 г. Ц. 1 р.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. XIV, вып. I. Казань. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1897 г. Тома II-го, книжка 1-я Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Казанскій, П. Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897 г. Ц. 75 к.

Каллиста. Повѣсть изъ жизни каѳагенскихъ христіанъ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Карѣевъ, Н. Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Кацъ, Р. (д-ръ). Очки, ихъ польза и вредъ. Съ 7 рис. въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Кейснеръ, Гуго. Право на свое изображеніе. Переводъ съ нѣмецкаго. Вильна. 1897 г. Ц. 50 к.

КЕСК, WILH. Основы расчета строительныхъ сооруженій по методамъ теоріи упругости. Перев. съ нѣм. П. Страховъ. Съ 300 чертежами. М. 1896 г. Ц. 3 р.

— Графическая статистика. Съ приложеніями къ расчету строительныхъ сооруженій. Перев. съ нѣм. П. Страховъ. Съ 83 черт. и 4 таблиц. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Керенскій, Вл. Старокатолическій вопросъ въ новѣйшее время. (По поводу переговоровъ между русской и старокатолической комиссіями). Казань. 1897 г. Ц. 40 к.

Кернъ, Э. Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ 37 рис. и 6 табл. Изд. 3-е. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Линге, А. Приготовленіе плодовыхъ и ягодныхъ винъ и прописи для приготовленія фруктовыхъ и ягодныхъ медовъ и водъ, хлѣбныхъ и фруктовыхъ квасовъ, пива, кислыхъ щей и другихъ шипучихъ напитковъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Книжный Вѣстникъ. Январь, 1897 г. Цѣна 30 к.

Ковалевскій, П. (проф.). Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Коломбъ. За правое дѣло. (Разсказъ изъ среднев. жизни). Спб. 1897 г.

Кондаковъ, Н. Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Т. I. Съ 20 таблицами и 22 политипажами. Спб. 1896 г. Ц. 10 р.

Конради, Е. Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Съ 55 рис. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Константиновичъ, К. Сборникъ охотничьихъ разсказовъ. Кіевъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Корде, А. Теоретическая грамматика французскаго языка. Ч. I. Этимологія. Ц. 35 к. Ч. II. Синтаксисъ. М. 1897 г. Ц. 45 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Avril. Ц. 1 р. 50 к.

Космополисъ. Ежемѣсячный международный журналъ. Русскій отдѣлъ. Апрѣль. Ц. 60 к.

Котельниковъ, В. Объ удобреніи почвъ. Изд. 6-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Котовичъ, И. Х-лучи Рентгена и значеніе ихъ для медицины вообще и военной хирургіи въ особенности. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Котовщиковъ, Н. (проф.). Значеніе рентгеновскихъ лучей для діагностики внутреннихъ болѣзней. Казань. 1897 г. Ц. 25 к.

Красновъ, А. (Проф.). Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. (Культурно-географическіе очерки дальняго востока). Съ 101 рис. и 2 картами. Вып. I. Японія. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Красногорскій, П. Синтаксисъ русскаго языка съ необходимымъ матеріаломъ для упражненій въ синтаксическомъ преподаваніи. Изд. 4-е (сокращенное). Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Кривошлыкъ, М. Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей. (Съ портретами и краткими біографіями). Изд. 2-е, дополн. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Крокеттъ, С. Клечъ-Келли. Романъ въ передѣлкѣ для дѣтей А. Н. Анненской. Спб. 1896 г. Ц. въ переплетѣ 75 к.

Кубасовъ, П., д-ръ. Что такое микробы вообще и болѣзнетворные въ частности. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Ламанъ, В. (д-ръ мед.). Письма объ основоначалахъ клиническаго электролиза и катализа. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лансонъ, Г. (проф.). Исторія французской литературы. Т. I. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. О. Морозова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Лапшинъ, В. О старомъ и новомъ стилѣ. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Латышевъ, В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I. Греческіе писатели. Вып. 2-й. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лисовскій, А. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Полтава. 1896 г. Ц. 25 к.

Лихачевъ, Н. Русскія монеты 1741—1796 годовъ. (Критическая замѣтка). Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Лихачевъ, Н. Прозвища великаго князя Ивана III. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

— Царскій «Изографъ» Іосифъ и его иконы. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Лопухинъ, А. Изъ поѣздки въ Червонную Русь и по ея окрестностямъ. Путев. впечатлѣн. во время проѣзда черезъ Галицію лѣтомъ 1895 г. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Лукрейнъ, М. Конспектъ торговаго права по программѣ испытательной комиссіи юридической. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Лункевичъ, В. Популярная біологія. Съ 208 рис. и одной хромолитографіей. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Лучицкій, И. Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. Вып. I. Кіевъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Ляховецкій, Л. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ, съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

М, М. Стихотворенія. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Маель, П. Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. Перев. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Майнъ-Ридъ. Оцеола. Вождь Семиноловъ. Романъ изъ флоридской жизни. М. 1897 г. Ц. 35 к.

— Охота за медвѣдями. Романъ. М. 1897 г. Ц. 30 к.

— Изгнанники въ лѣсу. Романъ. 1897 г. Ц. 25 к.

— Смертельный выстрѣлъ. Романъ. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Маминъ-Сибирякъ, А. Не то... Повѣсть. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Масляниковъ, К. За десять лѣтъ (1886—1895). Ч. II. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Матвѣевъ, А. Уральскіе металлы 1896 г. Нижній-Новгородъ. Ц. 3 р. 50 к.

Меліоранскій, П. Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мечъ, С. Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 5-е. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Милюковъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Мироновъ, М. Противъ вырожденія. Шутка въ одномъ дѣйствіи. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Модестовъ, В. Поэзія въ римской исторіи. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

* **Мольеръ.** Тартюфъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Переводъ удостоенъ почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. Изд. 2-е (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 233). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

Молодыхъ, И., и Кулаковъ, П. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губерніи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Мочульскій, В. Просвѣщеніе на югѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.

Мсеріанцъ, Левонъ. Этюды по армянской діалектологіи. Часть I. Сравнительная фонетика Мушскаго діалекта въ связи съ фонетикою Грабара. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нансенъ, Ф. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. III. Ц. 30 к.

— Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Подъ ред. Д. Анучина, перев. А. Крубера. Вып. IV. М. 1897 г. Ц. 80 к.

Неболсинъ, А. Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Докладъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Неврологическій Вѣстникъ. Подъ ред. проф. В. М. Бехтерева и проф. Н. Попова. Т. V, вып. I, Казань, 1897 г. Ц. 2 р.

Неймайръ, М. (проф.). Исторія земли. Перев. подъ ред. проф. Иностранцева. Вып. 3—4. Ц. по подпискѣ на все сочин. (30 вып.) 11 рублей.

* **Немировичъ-Данченко, Вас.** Вѣчные миражи. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Нибуръ, Б. Разсказы о греческихъ герояхъ. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Никитинъ, В. Болѣзни придаточныхъ носовыхъ полостей. Лекціи. Съ 11 рис. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Новицкій, А. Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство. М. 1897 г. Ц. 1 р.

«Новое Слово». Журналъ научно-литературный и политическій. Апрѣль. 1897 г. Ц. 1 р.

Noorden, Carl (von), Prof. Сахарная болѣзнь и ея лѣченіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Образованіе. Педагогическій и научно-популярный журналъ. Апрѣль. 1897 г. Ц. 60 к.

Общедоступная техническая Энциклопедія. Подъ ред. Н. Песоцкаго. Т. II. Вып. II. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Одарченко, К. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оксеновъ, Нин. Къ вопросу о сибирской земельной общинѣ. Томскъ. 1897 г. Ц. 25 к.

Очерки Привислянья. В. Р. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Памятники древне-русской церковно-учительской литературы. Вып. 3-й. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Патріотическое стихотвореніе къ братьямъ славянамъ, прочитанное Н. В. Щербаковымъ въ торжественномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго общества 14-го февраля 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Penzoldt, E. (d-r), и **Stintzing** (d-r). Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. VI. Лѣченіе венерическихъ болѣзней, болѣзней мочеполовыхъ органовъ и болѣзней кожи. Съ 53 рис. Спб. 1894 г. Ц. 6 р.

Первое дополненіе къ третьему изданію «Указаній къ устройству читаленъ, составленныхъ бывшимъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества». Узаконенія, касающіяся безплатныхъ народныхъ библіотекъ, и дополнительный примѣрный списокъ книгъ, вновь допущенныхъ въ народныя читальни. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Петровская, Е. Что мнѣ дѣлать мама? Въ помощь матерямъ при выборѣ игръ, работъ и занятій съ малолѣтними дѣтьми. Съ 14-ю таблицами рисунковъ, нотами и отдѣльн. таблицей работъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Пименова, Э. Голодовка у сѣвернаго полюса. Сост. по Фонвіеллю. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

— Міръ животныхъ. Въ очеркахъ и картинахъ. Сост. по Брему, Фогту и др. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, Н. Правила русскаго правописанія. По руководству Я. К. Грота. Для начальныхъ, городскихъ школъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Потѣхинъ, Л. Учебникъ пчеловодства. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Съ 91 рис. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

«Призывъ». Литературный сборникъ. Въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Проекты зданій Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. Спб. 1897 г. Ц. 15 р.

Пружановскій, К. Новый Моисей. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Радецкій, И. За дѣтей. Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросу призрѣнія, воспитанія и защиты молодого поколѣнія, съ приложеніемъ отзывовъ прессы о дѣятельности автора. Чистый доходъ отъ продажи «Сборника» предназначается на устройство сельско-хозяйственной и ремесленной колоніи для уличныхъ и безпріютныхъ дѣтей. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р. 30 к.

Рафаловичъ, Н. Орудійная ѣзда. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Рахмановъ, В. Общедоступный лѣчебникъ. Описаніе устройства человѣческаго тѣла.— Наружныя болѣзни. — Внутреннія болѣзни.—Дѣтскія болѣзни.—Уходъ за больными.—Приготовленіе лѣкарствъ. Со многими рисунками. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Регельсбергеръ, Ф. Общее ученіе о правѣ. Пер. И Варанова подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. М. 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Рейнботъ, Е. Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего «это» дѣлается. Пособіе для изученія техническихъ производствъ. Изданіе восьмое, переработанное. Съ алфавитнымъ указателемъ и 123 рисунками. Книга предназначается: 1) для удовлетворенія любознательныхъ дѣтей въ школѣ и семьѣ, 2) какъ пособіе при преподаваніи основаній товаровѣдѣнія и технологіи въ теническихъ и профессіональныхъ училищахъ и 3) какъ учебникъ технологіи для низшихъ промышленныхъ и техническихъ училищъ. Съ предислов. и дополн. М. Гольдштейна. 7-е изданіе *одобрено* Ученымъ Комитетомъ М-ства Народнаго Просвѣщенія, *рекомендовано* Ученымъ Комитетомъ при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и *одобрено* Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская Музыкальная Газета. Мартъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Русскій Вѣстникъ. Февраль. Ц. 1 р. 50 к.

Савваитовъ, П. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Савеловъ, Л. Избранная библіотека русскаго генеалога (Библіографическій опытъ). Вып. I. Изданія особенно рѣдкія и цѣнныя. М. 1897 г. Ц. 75 р.

— Родъ дворянъ Савеловыхъ (Савелковы). М. 1895 г. Ц. 1 р.

Салтыковъ (Щедринъ). Портретъ. Ц. 3 р.

Самоучитель кройки и шитья. Новѣйшее руководство для самостоятельнаго изученія кройки и шитья дамскихъ платьевъ, верхнихъ и дѣтскихъ вещей и бѣлья, составленное по франц. методѣ Н. П. Гротте. М. 1897 г. Ц. 2 р.

«Сѣверный Вѣстникъ». Апрѣль. 1897 г. Ц. 1 р.

«Сельскій Хозяинъ». № 25. Ц. 20 к.

Симоновъ, Л. Переплетное мастерство и искусство украшенія переплета, художественные стили, чистка, исправленіе и храненіе книгъ. Составлено при содѣйствіи переплетной мастерской Э. Ро. Съ 183 рисунк. въ текстѣ и 12 окрашенн. таблицъ (Библіотека практическихъ свѣдѣній д-ра Л. Н. Симонова). Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Скрипка Паганини. Перев. съ нѣмец. Рига. 1897 г. Ц. 25 к.

Смирнова, А. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть II. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Соколовъ, С. Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ съ инструкціей о порядкѣ опредѣленія и взиманія налога и правительств. разъясненіями. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, В. (врачъ). Чума, возникновеніе и сущность ея и указанія къ ея избѣжанію. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Соловьевъ, М. По Святой Землѣ (1891 г.). Съ 34 рис. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. Съ поволжья. Родныя картинки. Съ рис. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ. издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга I. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Таганцевъ, Н. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 10-е, дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Тарновскій, Н. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, Историческ., общественн. и литературн. его значеніе и языкъ басенъ. Воронежъ. 1896. Ц. 85 к.

Тарнопольскій, А. Охотничье дробовое ружье ценральнаго огня. Съ 20 рис. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Тепловъ, В. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. Біографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета и вида родового дома въ Москвѣ. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Тимирязевъ, К. Растеніе и солнечная энергія. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Тихоновъ, В. «Мимо жизни». Повѣсть.— Антонъ Павл. Чеховъ. Опытъ литературной характеристики. Статья В. А. Гольцева. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Тороповъ, С. Москва. Ея прошлое и настоящее. Къ 750-лѣтію основанія. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. II. Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII. М. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Трусманъ, Ю. Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда. Ревель. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Чудскія письмена. Изслѣдованіе. Ревель. 1896 г. Ц. 60 к.

Уваровъ, А. (графъ). Сафлоръ. Новое масличное растеніе. Вольскъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Угримовъ, Б. Многофазный токъ въ промышленности. Руководство при проектированіи и эксплоатаціи установокъ многофазнаго тока. Описаніе и критическая оцѣнка наиболѣе употребительныхъ приборовъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Указатель къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго, профессора Спб. университета и академика императорской академіи наукъ. 1859—1895 г. Изд. 2-е, съ портретомъ профессора и фототипіей адреса учениковъ А. Н. Веселовскаго. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Урсыновичъ, Е. (пересказалъ). Робинзонъ Крузо, его жизнь и удивительныя приключенія. Съ 58 хромо-литографированными картинками. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ушакъ, Ив. Поѣздка Глазова за границу. Разсказъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Халатьянцъ, Г. Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. Часть I. Изслѣдованіе. Часть II. Матеріалы. М. 1896 г. Ц. 3 р.

Хвольсонъ, О. Курсъ физики. Т. I. Съ 377 рис. Спб. 1897 г. Ц. 5 р.

Хэдсонъ, У. Натуралистъ на Ла-Платѣ. Перев. съ англ. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. за двѣ части 1 р.

Фирсовъ, В. Двѣ сестры. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Флемингъ, А., д-ръ. Чума. Краткій историческій очеркъ развитія и распространенія чумы, ея симптоматологія, профилактика и лѣченіе. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Флеровъ, В. Способы отученія слиянію звуковъ при обученіи грамотѣ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Фоминъ, С. Пчелка—золотая работница. Опытъ 34-хъ-лѣтней практики по пчеловодству. Казань. 1897 г. Ц. 25 к.

Царевскій, А., проф. Счастье человѣческое и его источники. Казань 1897 г. Ц. 35 к.

— На память о 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ о. протоіерея Александра Поликарповича Владимірскаго. Казань. 1897 г. Ц. 40 к.

Цвѣтникъ. Съ 56 раскр. рис. Изд. 4-е. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Чего хочетъ Грецiя. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

***Чеховъ, Антонъ.** Пьесы. Медвѣдь. Предложеніе. Ивановъ. Лебединая пѣсня. Трагикъ въ неволѣ. Чайка. Дядя Ваня. Всѣ означенныя здѣсь пьесы безусловно дозволены къ представленію. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Чичинадзе, Д. Сборникъ узаконеній, распоряженій и разъясненій для руководства податныхъ инспекторовъ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Чуевскій, И. Физіологія человѣка (Конспектъ). Изд. второе, исправл. и дополненное, съ 32 рис. Харьковъ. 1897 г. Ц. 2 р.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 40-й. Наказный атаманъ.—Неясыти. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Шабанова, А. (д-ръ). Къ борьбѣ съ хроническими недугами дѣтей. Въ пользу учреждаемой съ Высочайшаго соизволенія Государынь Императрицъ приморской санаторіи для хронически-больныхъ дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Шаховская, Л. (кн.). Два похода за Балканы. Съ театра войны 1877—1878. Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Шепелевичъ, А. Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Историч. записки. Харьковъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы, подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XIX. Ц. по подпискѣ 7 р.

Шиппель, М. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Перев. съ нѣм., подъ ред. и съ предисл. Петра Струве. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

***Шпажинскій, И.** Драматическія сочиненія. Т. I. Маіорша (драма). Легкія средства (сцены). Кручина (драма). Фофанъ (комедія). Прахомъ пошло (драма). Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

---

* Изданія А. С. Суворина.

Шульце-Гевернитцъ (фонъ), Гергардтъ. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Этюдъ изъ области хлопчатобумажной промышленности. Перев. съ нѣм. Л. В. Красина подъ ред. и съ предисл. П. Б. Струве. Въ приложеніи лекція проф. Е. фонъ-Филипповича. Экономическій прогресъ и успѣхи культуры. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Щербатова, О. (княгиня). Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на Явѣ. 1893 г. Съ географич., историческ. и политическимъ обзоромъ Малайскаго архипелага и Явы. Съ 10 фототипіями, 100 рис. въ текстѣ и картой. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Эйгеръ, Я. (д-ръ). Исторія и современное состояніе вопроса о бубонной чумѣ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Юнгеровъ, П. Вѣроученіе псалтири, его особенности и значеніе въ общей системѣ библейскаго вѣроученія. Казань. 1897 г. Ц. 1 р.

Якшъ (фонъ), **Р.** (д-ръ). Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней. Микроскопическіе, химическіе и бактеріологическіе способы изслѣдованія. II-я половина. Съ 56 рисунками. Спб. 1897 г. Ц. за полное сочин. 4 р. 50 к.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА
А. С. Суворина.

При выпискѣ книгъ «Дешевой Библіотеки», вмѣсто названія книги, можно выставлять нумеръ, подъ которымъ книга эта значится въ каталогѣ. Звѣздочкою (*) обозначены книги, помѣщенныя въ Опытѣ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и въ каталогѣ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

253. **Плавтъ, М. Т.** Трехгрошовый день. Древне-латинская комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ въ прозѣ, со статьей о Плавтѣ. С. Эйгесъ. Спб. 1893 г. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

*158. **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Вып. 1-й. Тезей и Ромулъ. Ц. 15 к.

*159.— То же. Т. I. Вып. 2-й. Ликургъ и Нума Помпилій. Ц. 15 к.

*160. — То же. Т. I. Вып. 3-й. Солонъ и Валерій Попликола. Ц. 15 к. (Весь I томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*161. — То же. Т. II. Вып. 1-й. Ѳемистоклъ и Камиллъ. Ц. 15 к.

*162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Периклъ и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.

*163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алкибіадъ и Коріоланъ. Ц. 15 к. (Весь II томъ въ одной папкѣ 53 к.).

*164. — То же. Т. III. Вып. 1-й. Тимолеонтъ и Павелъ Эмилій. Ц. 15 к.

*165. — То же. Т. III. Вып. 2-й. Пелопидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.

*166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к. (Весь III томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*167.—То же. Томъ IV. Вып. 1-й. Филопаменъ и Титъ Фламининъ. Ц. 15 к.

*168.—То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. Ц. 15 к.

*169.—То же. Томъ IV. Вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к. (Весь IV томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*170.— То же. Томъ V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.

*171.—То же. Томъ V. Вып. 2-й. Никій и Крассъ. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

*172.—То же. Томъ V. Вып. 3-й. Серторій и Евменъ. Ц. 15 к. (Весь V томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.). На велен. бум. по 30 к. выпускъ.

*173.—То же. Томъ VI. Вып. 1-й. Агезилай и Помпей. Ц. 20 к.

*174.—То же. Т. VI. Вып. 2-й. Александръ Великій и Гай Цезарь. Ц. 20 к. (Весь VI томъ въ одной папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.). На велен. бумагѣ по 35 к. за выпускъ.

*175.—То же. Томъ VII. Вып. 1-й. Фокіонъ и Катонъ Младшій. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

*176. — То же. Томъ VII. Вып. 2-й. Агидъ и Клеоменъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*177.—То же. Томъ VII. Вып. 3-й. Тиберій и Гай Гракхи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*178.—То же. Томъ VIII. Вып. I. Демосѳенъ и Цицеронъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*179.—То же. Томъ VIII. Вып. II. Деметрій Поліоркетъ и Антоній. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*180.—То же. Томъ VIII. Вып. III. Діонъ и Брутъ. Ц. 15 к.

*181.—То же. Т. IX. Вып. I. Артаксеркъ. Аратъ. Ц. 15 к.

*182.—То же. Томъ IX. Вып. II. Гальба. Отонъ. Ц. 10 к.

*40. Погорельскій, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

*64. Погорельскій, А. Черная курица или подземные жители. Волшебная повѣсть для дѣтей. Ц. 5 к., въ пап. 13 к., въ перепл. 20 к.

*27. Полевой, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

*67. — Дѣдушка русскаго флота.—Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

*148. — Государевъ кречатникъ. Разск. изъ быта сокольниковъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

185. Потапенко, И.. Азорка. Повѣсть. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к , въ пер. т30 к.

186. — Простая случайность. Братья. Разсказы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

86. Походъ Аргонавтовъ. Древ.-греч. сказан. Съ рисунк. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30.

*123. Пушкинъ, А. С. Поэмы и сказки. Съ приложеніемъ біограф. А. С. Пушкина, портр. его и рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*124. — Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портр. и рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*125. — Стихотворенія. Съ примѣчан. къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*126. — То же. Съ примѣч. къ нимъ и двумя рис. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35.

*127.—Евгеній Онѣгинъ. Съ дополненіями и варіантами. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*128. —Повѣсти (Повѣсти Бѣлкина.—Дубровскій. — Капитанская дочка. — Пиковая дама.— Кирджали. — Арапъ Петра Великаго. — Исторія Села Горохина. — Рославлевъ.—Египетскія ночи). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*129.—Исторія Пугачевскаго бунта.—Путешествіе въ Эрзерумъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*130. — Письма къ разнымъ лицамъ. — Письма къ женѣ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*131. — Дневникъ. — Записки.—Историч. статьи и разныя замѣтки. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

*132.— Лицейскія стихотворенія и отрывки. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*— Собраніе сочин. въ 10-ти том. болѣе 4,100 стр. Съ біогр. А. С. Пушкина, съ порт., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изд. 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

*152. Разинъ, А. Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ русской исторіи 1638 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*243. — Разоренный годъ. Повѣсть изъ русской исторіи. Ц. 15 к.. въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*147. Рылѣевъ, К. Думы и поэмы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ огранич. колич. экз.). Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

250. Сенека, Л. А. Избранныя письма къ Люцилію. Перев. съ латинск. Краснова. Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ пер. 50 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ огран. кол. экз.). Ц. 60 к.

*41. Соллогубъ, В. А., графъ. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекарша. — Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ калошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

43. — То же. Кн. III. Большой свѣтъ.— Медвѣдь. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ переплетѣ 1 р.

187. Софоклъ. Эдипъ-царь. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣчан. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

192. — Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 30 к.

193. — Антигона. Трагедія. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 27 к.

216. — Электра. Трагедія. Переводъ съ греч. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

238. Стэрнъ. Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. Перев. съ англ. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 75 к., въ пер. 1 р. 15 к.

261. Сто великихъ людей. Книга I. Зороастръ, Будда, Конфуцій, Магометъ. Цѣна 20 коп.

262. — Книга II. Солонъ, Периклъ, Александръ Великій. Ц. 20 к.

263. То же. Книга III. Аннибалъ, Юлій Цезарь, Маркъ Аврелій. Ц. 20 к.

264. То же. Книга IV. Вильгельмъ Оранскій. Ц. 20 к.

— То же на веленевой бум. Ц. каждой книгѣ 75 к.

265. То же. Книга V. Ришелье, Фридрихъ Великій, Вашингтонъ. Ц. 20 к.

Дозволено цензурою 26 апрѣля, 1897 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

ская экономія. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Изслѣдованіе магистра государственнаго права Н. Бржескаго. — А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. VI. **Естествознаніе и медицина.** Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатріи. Перев. А. Черемшанскій.—П. Флексигъ. Мозгъ и душа. Перев. Н. Березина.—P. Flechsig. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Перев. С. Штейнгауза. — Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Составъ. проф. А. М. Маршаль. Пер. проф. Н. Зографъ. . . . . 52— 75

17. КЪ ВОПРОСУ О ДВИЖЕНІИ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Л. Р. . . . . 76— 82

18. ГРАМОТНОСТЬ ВЪ СВЯЗИ СЪ ДИФФЕРЕНЦІАЦІЕЙ ДЕРЕВНИ. С—каго . . . . . 83— 90

19. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

1. ТВЕРЬ. (Земскія дѣла). С. Ан. Ч—аго. . . . . 91—114
2. ИЗЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. (Введеніе въ губерніяхъ края земскихъ учрежденій; изъ дѣятельности Кіевскаго общества грамотности). С. Б. . . . . 115—120

20. ИЗЪ ЖИЗНИ ПРОВИНЦІИ.

Журналъ «Хозяинъ» о русскомъ обществѣ.—Вопли и проекты г. Ярмонкина.—Призывы русскихъ аграріевъ къ объединенію.—Исчезновеніе патріархальнаго строя.—Становой-законодатель.—Оригинальный ревизоръ риго-орловской жел. дор. и желѣзно-дорожные порядки.—Просвѣтительныя учрежденія и «неблагопріятныя условія» мѣстной жизни.—Штатъ-народникъ г. Гофштеттеръ. В. Богучарскаго. . . . . 121—138

21. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Греко-турецкая война. — Австро-русское сближеніе. — Историческая справка объ отношеніяхъ Греціи и Австріи къ Россіи. — Разложеніе Австро-Венгріи.—Національный вопросъ.—Императоръ и соціалдемократы.—Нѣмецкіе культуртрегеры въ Африкѣ.—Пожаръ на улицѣ Гужона.—Покушеніе на жизнь короля Гумберта. — Колоніальныя войны Испаніи.—Первое примѣненіе маузеровскихъ ружей въ Испаніи. В. П. 139—161

22. ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

1. ИЗЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.
I. Перемѣна администраціи. И. Г. . . . . 162—170
2. ИЗЪ АВСТРІИ. I. Еще о выборахъ въ Галиціи. Л. Василевскаго. . . . . 170—179
II. Избирательная борьба въ Вѣнѣ. П. Т. . . . . 179—206

23. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Высочайшій рескриптъ на имя статсъ-секретаря Дурново. Дворянскій вопросъ и его экономическая почва. Перспективы «рѣшительныхъ и всеобъемлющихъ реформъ». Дореформенное дворянское управленіе. Культъ «принципа понужденія». — Биметаллистическая агитація. Докладъ г. Бутми и пренія по нему.—Предложеніе г. Стаховича, какъ одинъ изъ симптомовъ перемѣны настроенія въ первенствующемъ сословіи.—Изъ литературы вопроса о хлѣбныхъ цѣнахъ.—Новый законъ о печати. — Отмѣна паспортнаго сбора. Въ какой мѣрѣ уничтожаетъ она фискальное значеніе паспортной системы? П. Б. . . . . 207—229

24. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ апрѣлѣ.

25. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этой книжкѣ разсылается отдѣльное объявленіе отъ склада С. З. Орлова, въ г. Бузулукѣ.

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ГОДОВАЯ И ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которою желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще **«письма изъ провинціи»**.

При *новомъ* составѣ редакціи въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: *К. С. Баранцевичъ*, проф. *П. Н. Боргманъ*, *С. Н. Булгаковъ*, *В. П. Быстренинъ*, *Ю. Н. Вагнеръ*, *В. Вересаевъ*, проф. *П. Г. Виноградовъ*, *В. В. Водовозовъ*, *Н. Гаринъ* (*Н. Г. Михайловскій*), *М. О. Гершензонъ*, *М. Горькій* (*А. М. Пѣшковъ*), *И. А. Гуревичъ*, *К. Ельцова*, *А. М. Калмыкова*, *Л. Ф. Кржевицкій*, проф. *П. Ф. Лесгафтъ*, *Г. А. Мачтетъ*, проф. *П. Н. Милюковъ*, *В. Г. Михайловскій*, *Вл. И. Немировичъ-Данченко*, проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*, *А. В. Погожевъ*, *В. А. Поссе*, *П. И. Потапенко*, *Д. Д. Протопоповъ*, *В. Я. Свѣтловъ*, *М. Н. Семеновъ*, *П. Б. Струве*, *В. Л. Сыромятниковъ*, *М. И. Туганъ-Барановскій*, *В. А. Фаусекъ*, *Максъ Ферворнъ* (проф. Іенскаго унив.), проф. *Н. А. Холодковскій*, *Е. Н. Чириковъ*, *Т. Цигенъ* (Th. Ziehen, проф. Іенскаго унив.), *А. С. Шабельская*, *О. Л. Шапиръ*, *А. И. Эртель*, *В. Я. Яковлевъ и др.*

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода	5 » — »
» » » » на три мѣсяца. . . .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи**: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленія конторы: *Въ С.-Петербургѣ*—1) Невскій пр., д. 54, «Библіотека. Черкесова», 2) Книжный складъ А. М. Калмыковой, Литейный пр. № 60. *Въ Москвѣ*: книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногородніе просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородніе въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ**. Издатель **М. Н. Семеновъ**.